Цена 3 фр. Prix 3 frs

НАШЕ СЛОВО

Орган Республиканско-Демократического Объединения

Содержание:

ПАРИЖ

Орган Республиканско-Демократического Объединения.

НАШЕ СЛОВО

« NOTRE PAROLE »

Revue trimestrielle. Organe de l'Union Républicaine-Democratique Russe.

Редакция: 78, rue de Lourmel, Paris (15)

№ 1-2 Май 1934 г.

А. АЛЕКСАНДРОВ

Наши задачи

Республиканско-Демократическое Объединение настоящим номером начинает издание своего публичного органа. Это издание преемственно является продолжением ранее выходивших ежегодников «Бюллетеней» и внутреннего органа «Хроники РДО».

Новый этап в жизни организации, вызвавший появление журнала, связан с недавно принятой социальной программой. Выработке этой программы предшествовала большая внутренняя работа, углубленное изучение выдвинутых современностью социально-экономических проблем. Эта ответственная коллективная работа стала возможна, благодаря тому, что члены РДО обнаружили высокий уровень подготовки, внутреннюю сплоченность и прочность исходных республиканско - демократических взглядов, которые служили верным компасом в поисках надежных путей.

И сейчас, как никогда раньше, стоит перед нами во всей актуальности задача пропаганды наших идей во-вне, по ту сторону рубежа и среди эмиграции.

Программа официального органа РДО естественно вытекает из программных и тактических положений нашей организации.

Главное внимание нашего журнала прежде всего обращено в сторону России. Лозунг «лицом к России» был выдвинут РДО с самого его возникновения. Разрыв с «белой» идеологией и тактикой был исходной точкой организации РДО, большинство членов которого принимали личное участие в антибольшевистской вооруженной борьбе.

Наши надежды связаны с внутренними русскими процессами, они основаны на вере в творческие силы русского народа. Не внешнее вмешательство заинтересованных иностранцев может положить конец власти коммунистов. Наш яркий анти-интервенционизм, вызвавший к нам резкую ненависть правых элементов эмиграции, получил еще большее подкрепление и подтверждение в событиях последнего времени. Наша принципиальная позиция и практически оказалась единственно жизненной и дальновидной. Сам народ, накопивший достаточно силы и энергии, сбросит с себя цепи страшного коммунистического рабства. Но такое наше понимание исторического хода событий не освобождает нас от священного патриотического долга влиться в эту борьбу народа с властью, принять в ней посильное участие.

Борьба с врагами народа, целесообразно построенная, в доступных нам формах, всегда стояла и продолжает стоять в центре нашей политической работы. Еще тактические тезисы 1926 г., выработанные в процессе борьбы с «возвращенческими» настроениями в эмиграции, отчетливо формулировали дву-единую синтетическую мысль РДО, сочетавшую пафос неприятия советской власти и революционное к ней отношение «с согласованием тактики эмиграции

с тактикой населения, борющегося с советской властью теми методами, как революционными, так и мирными, которые оказываются наиболее целесообразными при внутри-русской обстановке борьбы». (см. полный текст тезисов и комментарии к ним в «Бюллетене РДО» за 1926 г.).

Одна из главнейших задач нашего журнала и заключается во внимательном, пристальном изучении русской жизни, всех изменений, там происшедших: социальных, бытовых, психологических, и, одновременно, в выработке **нашего** положительного ответа на требования русской действительности, зашедшей в коммунистический тупик, — ответа, открывающего перед народом широкую дорогу нормального развития и человеческого существования. В основном наш ответ дан заранее — РДО убеждено, что только занятая им республиканско-демократическая позиция может дать русскому национальному освободительному движению тот лозунг и тот центральный стержень, без которых оно осуждено вечно колебаться между крайностями коммунистической и реакционной диктатур, неспособных призвать народные массы к самодеятельности. Советскому абсолютизму надлежит противопоставить идею, принципиально отрицающую его мертвящий гнет; такой идеей только и может быть идея свободы и права, т.-е. идея демократии. Мы утверждаем абсолютную ценность свободной человеческой личности. Она является краеугольным камнем демократической идеологии. Оставаясь на почве этой идеи, беря ее в качестве основного критерия, мы можем найти правильные ответы на наиболее больные вопросы нашей эпохи. Мы с заслуженной гордостью можем констатировать, что мы не поддались соблазну пятилетнего наваждения. Гигантские сооружения Днепростроя и Белморстроя своим техническим блеском не скрыли от нас всей чудовищной рабской сущности коммунистического хозяйства. Но в такой же мере нам остался чужд огульный антикапитализм так называемой «пореволюционной» молодежи.

В своей социальной программе (см. ниже ее полный текст), в которой РДО сделало попытку найти равнодействующую между различными тенденциями современности и использовать опыт страшного провала пятилетки и тяжелые уроки мирового экономического кризиса, — мы, прежде всего, утверждаем личное начало, как основу и стимул здоровой народно-хозяйственной деятельности. Его истребление начисто коммунистами предрешает судьбу всего советского эксперимента. Но и тут правильное понимание идеи личности не допускает крайностей индивидуализма, а приводит к укреплению начал социальной справедливости и солидарности.

Мы видим роль демократического государства в обеспечении свободного **сотрудничества** членов общества. Отсюда мы признаем за государством право вмешиваться в социально-экономические отношения в целях достижения подлинного социального мира и благополучия.

Одновременно программа приветствует и поощряет общественную, коллективную самодеятельность в разных формах (свободная кооперация, свободный синдикализм и т. д.) и тем устраняет конфликт между обществом и государством — на почве разграничения сфер деятельности. В этих кратких замечаниях по поводу программы — ей будет посвящен ряд статей — мы хотели только наметить главное направление наших исканий и подчеркнуть их методологию.

Постановка наиболее жгучих проблем нашего времени и поиски **демократических** путей их разрешения будет занимать существенное место в нашем журнале. Если **идея** демократии, на наш взгляд, бессмертна и неизменна, то **формы** демократии должны соответствовать конкретной обстановке и текущим жизненным потребностям. Нужно различать самое существо демократии, которое надлежит всячески утверждать, и те временные конъюнктурные оболочки, которые следует своевременно заменять наиболее подходящими для данного, неповторяемого мига истории.

Нам чужда психология самодовольства и казенного оптимизма, так же, как и слепая

привязанность к определенным трафаретам. Мы не закрываем глаза на последние мировые события, в частности, на германскую катастрофу .Провал передовой культурной страны в состояние примитивного средневековья не может не быть тяжелым испытанием для республиканско - демократической идеологии и даже вызовом мировому разуму и культуре.

Из наших попыток объяснить частичные поражения на демократическом фронте мы постараемся сделать выводы, которые должны предохранить нас от повторения ошибок прошлого.

Приблизить демократические идеи к жизни, чрезвычайно усложнившейся, — искать наиболее жизненные формы претворения в действительность вечных, непобедимых идей, распространять эти мысли не только в узкой среде эмиграции, но и на широких просторах нашей родины — вот те задачи, над которыми стоит потрудиться. К этой дружной, самоотверженной работе мы зовем всех верных друзей демократии.

АЛЕКСАНДР АЛЕКСАНДРОВ.

И. ДЕМИДОВ

НА СТРАЖЕ

(К 75-тилетию П. Н. МИЛЮКОВА)

В марте 1929 года демократической частью русской эмиграции был широко отпразднован 70-тилетний юбилей П. Н. Милюкова. (Точная дата — 28 января).

Тогда, в ответной речи на многочисленные приветствия — оценки, юбиляр, в свою очередь оценивая дату своего юбилея, которую шутливо назвал «неприятным событием», между прочим, сказал:

«.... Текла жизненная работа изо дня в день, сегодня, как вчера; завтра, как сегодня. Жизнь казалась какой-то ровной лентой, которая тянулась куда-то в неведомую даль. И вдруг — холодная арифметика пришла и разрезала ленту на две неровных половины. С одной стороны вся жизнь с обязательством подводить итог, с другой — остаток жизни, когда людям полагается начинать писать мемуары. Как же не «неприятное событие»... В. А. Мякотин закончил свою речь напоминанием об обязательствах в области служения моей науке, которые я не исполнил. Он указал на два незаконченных ученых труда, один — специальный, другой — популярный, которые остались без продолжения. А Вы слышали сейчас, что к этому продолжению я поощрен благодаря любезному дару болгарского народного собрания и тому, что мои друзья прибавили к этому. У меня теперь имеется возможность вернуть русской читающей публике один из моих главных трудов — «Очерки по Истории Русской Культуры», которые давно стали библиографической редкостью. У меня возникла надежда закончить этот мой труд, и к трем томам, которые будут переизданы, прибавить четвертый»...

Наполненная до отказа аудитория ответила на это обещание П. Н. Милюкова взрывом долго несмолкавших аплодисментов.

Не отдых и мемуары, а работа над переизданием и окончанием «одного из главных трудов», — таков был ответный подарок юбиляра всем праздновавшим его.

Минуло пять лет, и опять перед интеллигенцией русской эмиграции встала юбилейная дата П. Н. Милюкова — 75-тилетие. От празднования ее П. Н. категорически

отказался и запретил даже называть ее. Воля эта явилась обязательной для его ближайших друзей. — Мы не праздновали: не было ни торжественного заседания, ни юбилейного банкета, ни поздравительных речей. Мы промолчали. Пусть же сегодня, на первых страницах нового республиканско - демократического органа «НАШЕ СЛОВО», мне будет позволено, если не отпраздновать, то хоть формально и очень суммарно оценить протекшую пятилетнюю часть второй «неравной половины» жизни дорогого учителя и руководителя, часть того «остатка жизни, когда людям уже полагается писать мемуары».

За эти пять лет на французском языке, под редакцией П. Н. Милюкова, Сеньобоса и Эйзенмана, в издании «Presse Universitaire» вышла трехтомная «История России» (1.400 страниц). В этом большом труде перу П. Н. Милюкова принадлежит: в т. I-ом — историографическое введение и история России со времени Романовых, написанная с особенным вниманием к эпохе Петра I (составляет половину I-го тома); в т. III-ем — вся история общественных движений с Александра II-го, освобождение крестьян, вся история Николая II-го и очерк событий времени советской России. Распространяться о значении этого фундаментального труда для правильного и серьезного ознакомления иностранцев с Россией не приходится; оно понятно само по себе и уже признано во французских преподавательских кругах.

Сверх этого на французском же языке на-днях выходит из печати первый том серии « Bibliotèque d'Etudes sur la Russie Contemporaine » новый труд П. Н. Милюкова — « La politique extérieure de l'U. R. S. S. » (около 500 стр., издание Giard).

На английском языке П. Н. Милюковым за это время были написаны для « Encyclopedia Britannica» слово «Россия» — громадная статья энциклопедического содержания и ряд статей в Американской Энциклопедии социальных наук.

И, наконец, на русском языке — данное обещание «вернуть русской читающей публике один из моих главных трудов — «Очерки по Истории Русской Культуры» в отношении двух томов выполнено, в отношении третьего (первый по порядку) тома — находится в порядке выполнения.

Новое издание «Очерков» в память щедрого дара Болгарского Народного Собрания и друзей названо «юбилейным». Собственно говоря, этот труд автора является не «переизданием», а созданием заново. Весь текст совершенно переработан, изложение событий доведено до последнего времени. Сравнительно наименьшей переработке подвергся третий том, содержащий в себе историю общественных движений до Екатерины II-ой. Том второй, содержащий в себе «очерки по истории» религии и школы, литературы и искусства, увеличился более, чем вдвое, и вышел уже в двух частях. Еще более глубокой переработке подвергается теперь том I-ый: территория и население, экономика, сословный строй, учреждения, государство и право. Он почти целиком пишется заново и выйдет, как и второй том, в двух частях. Наконец, находится в работе и обещанный юбиляром том IV-ый, который явится продолжением III-го и даже может быть назван второй его частью: общественные движения после Екатерины II-ой до настоящего времени (консерватизм, либерализм, социализм).

Таковы «мемуары» П. Н. Милюкова, написанные им за истекшее пятилетие, между его 70-ью и 75-ью годами. И здесь перечислены лишь главные труды, перечислить же более мелкие, выразившиеся в журнальных очерках, газетных публицистических фельетонах и публичных докладах сейчас и на этих страницах я не в состоянии. Упомяну лишь лекции П. Н. Милюкова по русской истории новейшего периода, ежегодно читаемые в франко-русском институте политических и социальных наук и доведенные теперь до 1830 года, — основа для нового крупного труда в будущем.

Таков этот «остаток жизни», наполненный таким творчеством, такой работоспособностью, такой волей и энергией, да еще и в трудных эмигрантских условиях, при громадной, всегда спешной, не терпящей отлагательства повседневной работе, —

«остаток», в котором месяцы идут за годы, и который по праву может быть назван не «остатком», а целой второй жизнью историка, политика и публициста! И не являются ли его результаты действительным праздником русской культуры, русской науки и праздником самого автора этих результатов, бессменно и бодро стоящего на страже этой культуры и этой науки! А для нас — младших, учеников дорогого П. Н., и гордостью за русское имя и творимое им русское дело!

Но П. Н. Милюков сторожит не только русские культуру и науку. Он всю жизнь сторожил и сторожит и Россию — всю Pax Rossica, описанную им в его «Очерках» и вылившуюся в великое государство. И, быть может, как раз к 75-тилетнему юбилею эта задача — самая важная и самая ответственная — встала перед ним в наиболее острой и мучительной форме за всю его долгую жизнь.

Россия — наша, нам современная Россия — как много у нея врагов и как мало друзей! Как много тех, кто за ее счет хочет исцелить свои раны и недуги; кто хочет на России создать свое лучшее, новое будущее! Это — по отношению к иностранцам.

А по отношению к своим?

Россия — советская Россия — для многих эмигрантов из-за их ненависти к советской власти переставшая быть Россией и потому ставшая ненужной, опасной, вредной и ненавистной. Они готовы разрубить ее на части; они готовы с любым из недругов ее отрывать от нее «клочки», раздавать оторванное чужим. И этой ценой национального самоубийства они надеются убить большевиков. Безумие ненавидящих!

Ниже, на этих же страницах, читатель найдет текст доклада П. Н. Милюкова — «Международное положение, Россия и эмиграция» и обмен мнений между ним, ген. А. И. Деникиным и Е. В. Саблиным. Здесь поставлен самый страшный, самый глубокий русский вопрос наших дней: кто из нас за Россию и кто против нее? В ком любовь к родине, несмотря ни на что, сохранила в его душе Россию, и в ком ненависть к советской власти Россию в нем убила, превратила в разлагающийся труп, годный только для растерзания его хищниками?

Этот вопрос жизни или смерти поставлен перед русской эмиграцией П. Н. Милюковым, стоящим на страже России. Свой ответ он на него дал — ясный и безбоязненный. Для него Россия жива и требует от каждого из своих сыновей защиты ее души и тела — их целости и сохранности как от попыток иностранного расхищения, так и от бесславных попыток национального самоубийства.

И сколько злобы и ненависти выливается на того, кто умеет любить Россию и служить ей до конца: видеть себя в России, а не Россию в себе, и жертвовать собой для России, а не Россией для себя!

Пусть же «остаток жизни» непоколебимого, верного стража дорогой родины будет продлен еще на долгие, долгие годы. Пусть среди нас раздается его будящее слово в те мгновения, когда вихрь событий слепит многих из нас, и перед нами встает смертельная опасность, что русский исторический путь будет утерян, и в своем временном рассеянии русская эмиграция, забыв о России, разбредется по чужим путям и тропинкам, надеясь на них найти свое национальное спасение.

Мы еще не можем вернуться на родину, но это не значит, что наш возврат может быть куплен нами бесславной ценой нашего участия в отрыве от нее «клочков» ее души и тела.

Страж не дает нам заснуть — вместе с ним мы должны бодрствовать и делать наше историческое русское дело — по мере сил своих охранять наше «святое святых» — Россию.

И. ДЕМИДОВ.

П. МИЛЮКОВ

Международное положение, Россия и эмиграция *)

От докладчика

Мой доклад, прочтенный 21 декабря в Париже, поднял, как и можно было ожидать, не мало полемической пыли. Им воспользовались, прежде всего, мои обычные политические противники, чтобы отдать меня на суд своих единомышленников. В «России и Славянстве» я прочитал, что моя главная задача «не оказаться в противоречии с тем, что думает средний француз»; после весьма вольной передачи моих (предполагаемых) мыслей передовик выдвинул на «роль защитника западноевропейской культуры хитлеровскую Германию» и «современную Японию» и кончил советом эмиграции соблюдать «сосредоточенно-выжидательное молчание». Там же г. Цуриков торжествовал над тем, что Е. В. Саблин «заставил меня проговориться» и «вывел на чистую воду» «тактического соглашательства». «Нас, понятно, не проведешь», восклицает по этому поводу дубовый политик бывшей «молодежи». В органе «Союза Нового Поколения», напротив, меня великодушно прощают за то, что, в 1918 году, «в своем стремлении упасть в ноги немцам» я поднялся до высоты самопожертвования», «отрекся от демократии» и «не боялся раздела России». Новая «молодежь», очевидно, так же произвольно толкует вкривь и вкось недавние факты, ею непонятые, как старая «молодежь» толкует мои мнимые взгляды. Не лучше, впрочем, поступают со мною и мои младшие современники. Г. Ю. Семенов в «Возрождении» тяжеловесно доказывает мой же тезис, что «теперь всякая маленькая сила (как «различные народности внутри России» и русские эмигранты) будет иметь большое значение» и что «революция во время войны есть капитуляция», не говоря лишь, для чего будет использовано «большое значение маленькой силы» и на чем «капитулирует» побежденная «чужеземцами» власть. Он убежден, что «русский народ хлынет неудержимо» навстречу его единомышленникам; останется только организовать из него «русскую армию, кадры чиновников» и т. д. «Самостийники», конечно, легко сговорятся «во имя целости России», участвовать в борьбе, и все «разговоры о расчленении России» «абсурдны» и даже «кощунственны». После этой фафперовской поступи редактора «Возрождения» змеиные извивы старого софиста, Григория Ландау, помещенные в той же газете, дают даже некоторый приятный отдых уму. Хорошо, конечно, если падение власти произойдет «путем решающего удара в центр»; тогда «власть, созданная в центре, явилась бы существенной гарантией для сохранения целости территории». Но «тяжелее», «если освобождение пойдет с периферии», что может, вопреки г Семенову, «угрожать последующим расщеплением». За «расщеплением» пойдет, конечно, по необходимости, новое «собирание». Опасается г. Ландау и поддержки «отщепляющихся частей в чужих государствах», и даже поддержки ими самими «советчины, как гарантии русской слабости». Не верит г. Ландау и в «народ» («крестьянство»), которое так и побежит в объятия г. Семенова. Всему этому «неопределенному и проблематичному» г. Ландау противополагает «простое и бесспорное»: «центральный активизм». В дальнейшем, однако, загадочная роль «центрального активизма» оказывается не столь бесспорной: г. Ландау бросает эту тему и обрушивается на тех, кто смеет возлагать надежды на «центр», пока он еще существует. Конечно, это и есть «большевизан» П. Н. Милюков! Он «не доверял царскому правительству ведения войны, а советскому доверяет»: он, «свергал дореволюционное правительство в ответственнейшую и напряженнейшую минуту», а теперь «готов поддерживать советское правительство». Конечно, и тогда П. Н. Милюков знал значение «центра», как знает его г. Ландау теперь, и, конечно, роль Милюкова в революции представлена здесь навыворот. Но сопоставления эффектны, и впечатление произведено: это не г. Семенов! Не менее эффектно и сопоставление: ведь территорию защищают люди, а каких же людей воспи-

*) Доклад, прочитанный П. Н. Милюковым в Париже, 21-го декабря 1933 года.

тывает советская власть? И вывод готов: «власть, ввергающая страну в подобное состояние, неспособна ее защитить и отстоять». Ясно и бесспорно. А, стало быть, «первой задачей спасения — освободить народ от такой власти». Таким путем, «трагический выбор между неприкосновенностью границ и непрерывностью культуры и сохранностью человеческого субстрата» решен вполне благополучно; все трудности устранены. Нужно было только забыть при этом всю первую половину статьи и превратить практическую задачу в моральный постулат: «большевизм *должен быть* устранен». Конечно, должен: кто-же об этом спорит?

Доклад проф. М. В. Бернацкого в «российском центральном объединении», тоже направленный против меня, представляет непереваренный конгломерат всякого рода идей. Есть тут и традиционная схема «национальной» эмиграции, есть кое-что от Григория Ландау, есть даже и совпадения со мной, например, в признании неизбежности конфликта, заинтересованности иностранного вмешательства в ущерб интересам России; есть и «очевидное» признание, что «эмиграция не участвует в заговорах о разделении России, ни в планах отторжения частей» (а г. Семенов тут же, на заседании, вопит: «ответ ясен: мы с *ними*»). Останавливаться на всей этой путанице обрывков мыслей, имеющих разное происхождение, просто не стоит. Обще г. Бернацкому с другими моими противниками — игнорирование моей подлинной точки зрения.

Этого никак нельзя сказать относительно двух моих оппонентов, статьи которых, вместе с моими ответами, помещены в настоящем сборнике: ген. А. И. Деникина и Е. В. Саблина. В особенности после письма А. И. Деникина к редактору «Возрождения», здесь перепечатываемому, становится ясно не только в чем мы расходимся, но и в чем мы согласны. А. И. Деникин отделяет себя от «пораженчества» г. Ю. Семенова и считает «безумным (в момент вторжения иноземцев) снимать (красные) войска с Амура или Припяти». Он признает, что «пассивное сопротивление и широкое вредительство, *подрывая государственную оборону*, не повлекло бы непременно кризис режима». Он признает также невозможность для эмиграции идти в Россию «с армиями чужестранными», и считает «повелительным долгом отпор врагу со стороны народа русского, *красной армии и эмиграции*». Он «признает державы, помышляющие о разделе России, злейшими врагами ее». О других точках соприкосновения см. ниже, в нашей переписке. Замечания Е. В. Саблина грешат, по моему мнению, чрезмерным оптимизмом, — что, впрочем, сознает, очевидно, и сам автор «инструкций». Его мысль, мне кажется, колеблется между старым и новым взглядом, что и вызывает внутренние противоречия; но по своему общему настроению он стоит, повидимому, ближе ко мне, чем мои другие оппоненты.

Что сказать о г. Казем-Беке, ближайший сотоварищ которого признал согласие со мной на все «100 процентов». Я уже показал в своей критике его речи в «Искре», что эти 100% имеют иногда тенденцию спускаться до нуля. Его прямые связи с Германией (да и сношения с Японией) признаны им самим. Его «прямолинейные» заявления («младороссы не будут орудием в руках сил» и т. д.) превращаются, при этом условии, в простую словесность. Предупрежденный о появлении моей критики (вместе с обещанием напечатать его ответ в «П. Н.»), г. Казем-Бек поспешил, не дожидаясь ее, в тот же день поместить уже не ответ, а личный выпад против меня в «Возрождении». Это, очевидно, кем то приказанный тактический ход. О чем же тут спорить? Г. Казем-Бек усматривает границу между мной и младороссами в том, что на моей стороне нет «веры, нужной для всякой борьбы», и «убедить таких людей нельзя». Напротив, младороссов «можно зажечь, заразить верой», распространяемой самим г. Казем-Беком... Не смею спорить против этого противоположения. Сделаю лишь одну оговорку: с людьми «верующими» спорить, пожалуй, действительно, бесполезно; но можно узнать, по крайней мере, чему они верят. Во что верит г. Казем-Бек, я не знаю, и спорить с ним было бы наивно именно по этой причине. На двусмысленности основано все представляемое им политическое течение, и *этим* всегда определялось мое отношение к нему, а вовсе не тем, будто в начале я «приветствовал» его зарождение, а «по мере роста» стал с ним бороться. Как *идейное* течение, оно просто не существует.

Многочисленные выпады моих противников против моих предполагаемых взглядов побудили моих политических друзей настоять, чтобы я по крайней мере, опубликовал свой «corpus delicti», доклад, прочитанный 21-го декабря в Париже. Для восстановления текста доклада у меня было только одно пособие: подробный конспект, которому, однако, я не везде следовал в своем словесном изложении. Те, кто найдут мой текст более подробным и обоснованным, чем был выслушанный ими доклад, пусть имеют в виду эту разницу. Местами, при теперешней записи, я изменил порядок изложения для большей ясности логической связи между частями. Наконец, здесь несколько подробнее изложена последняя часть, на что при произнесении доклада у меня не хватило времени. Во всяком случае, я всюду старался сохранить за докладом то содержание, которое он в действительности имел, не вводя в текст ответов на возражения, которые были мне сделаны позднее. Если некоторые ответы в этом тексте заранее предусмотрены, это уже вытекает из самого существа изложенных мной мыслей, существа, немало затемненного нападками моих наиболее непримиримых оппонентов. Заявляли-же некоторые из них, в одном частном заседании, что у нас вообще «нет общего языка». Это и оправдалось потом в печати.

Конечно, не этого рода полемика могла повести обсуждение поставленного мной вопроса дальше. Но перепечатанный здесь обмен мнений с ген. А. И. Деникиным и Е. В. Саблиным несомненно содействовал дальнейшему выяснению отдельных положений доклада. Мы остановили наш спор там, где лишь дальнейший ход событий мог дать ему то или другое дальнейшее направление. *Актуальность* спора, конечно, от этого не проиграла, а выиграла. Многозначительность содержания спора и побудила моих друзей сохранить в нашем сборнике его основные этапы, прежде чем все сочетание условий, его вызвавших, отойдет в историю.

Текст доклада

Тройное заглавие этого доклада соответствует трем частям его. Я располагаю их в нисходящем порядке — от более общего к частному. Вопрос об эмиграции и ее роли, вопреки мнению некоторых, есть очень большая частность по отношению к вопросу о России и о ее судьбе. Россия — для *нас,* русских, есть, конечно, первое и главное. Но, все же, и ее положение есть частность по отношению к международной конъюнктуре; оно не может быть ни установлено, ни понято вне связи с более общим — с тем целым, европейским и мировым, в котором Россия составляет лишь часть, более или менее важную, смотря по ее внутренней силе. Наконец, и международное положение есть результат многих слагаемых, более общих, чем оно само; это лучше всего видно из постоянных колебаний и перемен в этом положении, в зависимости от изменений в обусловливающих его слагаемых.

Начиная от этого *самого общего,* мы прежде всего должны поставить вопрос, чем определяется современное международное положение, каковы его основные черты и его внутренний смысл. Часто определяют его, как последствие «послевоенного кризиса». В этом определении есть доля истины; но при нем игнорируется то, что период, протекший после великой войны, уже сам прошел через несколько ступеней. Непосредственные результаты разрушений, произведенных войной, довольно скоро начали сглаживаться; наступил период, который в Европе получил название «стабилизации», а в Новом Свете назывался оптимистическим термином: prosperity. К переживаемому нами моменту оба определения уже не подходят. Мы имеем в настоящем кризисе новое явление, которое уже нельзя отнести целиком на долю последствий войны. Эта новейшая стадия начинается с 1929, — после блестящего периода американского грюндерства (1925 — 1929). Она характеризуется новым крахом кредита, денежной системы, падением цен, безработицей, аграрным кризисом. Лекарства, которые пробуют применять для облегчения кризиса, часто лишь

увеличивают болезнь. Сюда относятся особенно попытки самоизоляции отдельных государств, высокие таможенные пошлины, стремление удержать активный баланс внешней торговли в золоте, — в общем, нежелание покупать при желании продавать, что само по себе разрушает самую основу международного обращения. Можно назвать ряд этих явлений одним термином: *экономический национализм* («автаркия»).

Как всегда, экономика отражается и в политике. За экономическим национализмом следует политический и идейный. Борьба интересов, явление обычное и неизбежное, обобщается в то, что было названо «борьбой режимов». А борьба режимов прикрывает собой то, что можно, с неменьшим правом, назвать *борьбой цивилизаций*. В этой борьбе, на наших глазах, высшие достижения культуры, носящие здоровый интернациональный характер, подвергаются *инволюции*, — переходу от сложного к простому в противоположность развитию из простого в сложное, — что составляет прогресс. Мы имеем дело с *упрощением культуры*, идет ли речь о переходе от Лиги Наций к дореволюционным системам союзов, от демократии и парламентаризма к режимам диктатур, от свободы личности к гипертрофии государственного контроля. Особенно последняя черта, идея «управляемого хозяйства» и ее применение на практике составляет незаметный переход от первого ко второму, от высших достижений культуры к ее упрощению.

Значит-ли это, что мы присутствуем, по Шпенглеру, при «Сумерках Европы», или, по Константину Леонтьеву, переживаем, после эпохи «цветения», период упадка и наступающей смерти? Или, быть может, по Владимиру Соловьему, мы должны ждать скорого пришествия Антихриста и кончины мира, по Апокалипсису?

Наша эмигрантская молодежь, тотчас после крушения старой России и ухода за границу, склонна была считать это положение «катастрофическим», наше время — временем «героев» — и верить в приближение «мирового переворота». С годами эти первые настроения прошли, — хотя иные лозунги и сохранились. Не будем и мы увлекаться мировыми перспективами. То, что происходит, достаточно значительно само по себе, вне связи с доктриной исторических циклов. Явления «упрощения культуры» охватили, во всяком случае, не всю Европу, а те лишь части ее, где высшие точки культуры были достигнуты одним только меньшинством образованного класса. Мы имеем дело не с падением европейской культуры с высшей, уже достигнутой ею ступени, а скорее с конфликтом этой высшей ступени с сравнительно-низшей. Это — борьба двух кругов культуры неравного качества и высоты. Может быть, к этим двум кругам, как хочет Бенеш, можно прибавить и третий, наиболее отсталый, восточно-европейский. Но Восточная Европа в роли самостоятельной силы на международную арену еще в настоящее время не выступила

В чем выразился современный конфликт двух ступеней культуры? Внешнее выражение его чрезвычайно наглядно — и прямо вводит нас в тему о современном международном положении. В зале общих собраний Лиги Наций опустели, по обе стороны председателя, два кресла: ушла из Женевы сперва Япония, а потом и Германия. Черты покинувшей Женеву культуры ясны из сопоставления обоих государств. Обе ушедшие державы — находятся в периоде экспансии и аннексии. В обоих военный дух еще господствует над промышленным, авторитарность — над демократией. В особенности в Японии далеко не сгладились черты средневековья. Национализм у обеих наций преобладает над интернационализмом, не успевшем развиться. Система управления сверху свойственна обеим, и попытки создать народное самоуправление оказались бессильными и недолговечными. Уход обеих держав из Женевы знаменует конец надежд на общее разоружение, на мирное разрешение конфликтов путем коллективных решений международного трибунала. То и другое заменяется новой «скачкой вооружений», распадом единого большого объединения держав и выступлением отдельных враждебных друг другу союзных групп, — наконец, войной, как ultima ratio, как единственный способ насыщения непримиримых аппетитов. Возобновляется даже старая теория о «божественности» войны, как лучшего способа сохранить жизнеспособность народов, их жажду первенства и обогащения.

Каким образом столь радикальная перемена могла совершиться так внезапно? Конечно, по существу она готовилась давно. Не говоря уже об азиатских событиях, к которым европейский критерий вообще неприложим, в самой Европе резкая грань давно уже шла между побежденными и победителями великой войны, — между теми, кто от нее выиграл и кто проиграл. Версальский и другие договоры сделали многое для рационального переустройства карты Европы. Но они не могли сделать всего. Мало того, тут, несомненно, были злоупотребления победой, и были созданы поводы для новых конфликтов. «Ревизионизм», как неизбежное последствие этого, давно уже подкапывался под самые основные черты состоявшихся договоров. И европейская демократия так же давно пошла навстречу ревизионистским требованиям, пытаясь сгладить разницу между победителями и побежденными. Политика Локарно (1925), имена Бриана и Штреземана (1926) достаточно характеризуют этот *первый этап* сближения обеих сторон. Понижение суммы репараций по плану Юнга (1930), мораторий Хувера, досрочная эвакуация рейнской зоны, наконец, принципиальное признание равенства вооружений (11 декабря 1932) — весь этот ряд уступок имел целью постепенное замирение послевоенной Европы в рамках Лиги Наций и расчищение пути к общему разоружению. Но уступки встретились с новыми требованиями: бесконечные переговоры о методах разоружений — с тайным вооружением Германии. Мало по малу выяснилось, что германская психология осталась тою же, какой была в 1914 году, но с прибавкой оскорбленной гордости, созданной унижением поражения, и с присоединением внутренних затруднений, вызванных экономическим кризисом, безработицей, разорением Mittelstand'a, перепроизводством интеллигенции и т. д. На этой почве расцвел крайний национализм, нашедший свое выражение в теории «расизма»,—не научной теории, отвергаемой самими германскими учеными, но выдвинутой на положение государственной доктрины. На этой почве развернулся *второй этап* — победы Гитлера и дифференциации двух европейских культур. Достаточно вспомнить совсем еще недавние даты этого этапа; Гитлер — канцлер (январь 1933 г.), Гитлер — победитель на выборах (5 марта), выход Германии из Лиги Наций (14 октября) и, наконец, плебисцит, санкционировавший дело Гитлера (12 ноября 1933). Так создалось — или, точнее, обнаружилось в Европе инородное тело. Выяснились вместе с тем и непримиримые с европейской системой захватные цели Германии: экспансия на Восток — для создания «колонизационного пространства» (Siedelungsraum, см. дальше); экспансия на юг с целью австрийского «аншлусса» и окружения Чехословакии, а также поддержки венгерских притязаний. Наконец, в более или менее отдаленной перспективе вырисовался и вопрос о реванше в сторону Рейна и Эльзаса.

Таковы обстоятельства, которые, при всей готовности европейских демократий к уступкам, застали Европу врасплох, разрушили сложившееся так или иначе после-версальское равновесие и вызвали ряд немедленных перемен и приспособлений к вновь создавшемуся положению. Начался *третий этап* — перестройка Европы. В качестве первой меры предосторожности против возникшей угрозы следует отметить более тесное сближение государств Малой Антанты и создание ими общего органа, «Постоянного Совета». Франция должна была резче подчеркнуть необходимость связи «разоружения» с «безопасностью». Англия вместе с Италией предложила — правда, мертворожденный — «пакт четырех», за которым стояла неосуществившаяся идея Муссолини о коренной реформе Лиги Наций. Наконец, мы видели движение общего протеста «малых» держав против «больших» и усиленное стремление их сделать свою политику независимой.

Мы присутствуем, наконец, при *четвертом этапе,* начавшемся после 14-го октября. Характерно, что вызван этот исторический перелом, формальный уход Германии из Лиги Наций, примирительным предложением Джона Саймона, пытавшегося сблизить германскую позицию с французской в вопросе о разоружении. Именно это примирительное предложение оказалось для Германии самым опасным: оно грозило ограничить ее свободу действий и обнаружило тайный смысл ее дипломатической игры. Уходя и возвращая себе «свободу рук», Германия, в сущности, не ослабляла себя, а, напротив, усиливала. Приобретен-

ная ею независимость от общих решений Европы и отказ от контроля до крайности обострили чувство небезопасности в Европе и создали ощущение близости войны. Первое впечатление ухода было то, что Германия изолировала сама себя. Но это впечатление продолжалось недолго. Именно насильственная самоизоляция Германии повлекла за собой ряд попыток отдельных держав с ней сблизиться, и эти попытки представляют столько же элементов непрочности европейского положения. Сюда относится, прежде всего, посредничество Италии на предмет реформы Лиги, посредничество Англии, готовой даже санкционировать германские вооружения, только бы вернуть Германию в Женеву: наконец, позиция Польши (см. дальше). Элементами прочности остаются, таким образом, только сама Франция и тесно с ней связанная Малая Антанта, и возникает вопрос, кому, собственно, суждено быть изолированным в последнем счете, Германии или Франции?

При разделении Европы на два непримиримые лагеря война представляется исходом, все более вероятным. И недаром уже возникал вопрос о «превентивной» войне, с целью предупредить момент, когда сама Германия сочтет себя достаточно вооруженной для нападения. Военные авторитеты утверждают, что такое положение наступит через полтора года, т. е. к весне 1935 года. В связи с этим небесполезно коснуться вопроса: как смотрят оба соперника на предстоящее военное столкновение. Передо мною только что изданный английский сборник статей на тему, чем будет грядущая война. Французская и германская точки зрения здесь оказываются настолько различными, насколько вообще позволяют общие аксиомы современной тактики и стратегии. Французский специалист Рекэн выдвигает вперед черты, связывающие новое понимание с прежним. Война будет продолжительной. Вести ее будут многочисленные армии. Позиционная война будет соединена с маневренной: оборона — с наступлением. Переходя к взгляду германского специалиста, сразу замечаем другой тон, напоминающий довоенные произведения ген. фон Бернгарди. Для войны нужна долгая подготовка — во время мира, но самая война должна быть молниеносной. Смешно давать для переговоров, следуя правилам Лиги Наций, целых девять месяцев, которые пойдут на подготовку обоих противников. Нужно напасть без объявления войны. Никаких правовых соображений. Никаких ограничений в средствах истребления противника. Предмет войны — не живая сила фронта, а само население и центры военной продукции. «Фронт — везде». База для военных действий должна быть создана в неприятельской стране. Главная роль в создании этой базы принадлежит небольшой, но высоко-механизированной армии. Защита границ — бесполезное дело: роль постоянных укреплений — временна. Не нужно никаких длинных фронтов. Позиционная война должна уступить маневренной. Аэропланы быстро перелетят границу, посеют панику, создадут условия для морального разложения противника, удалят от границ базу неприятельских аэропланов и парализуют дальность их полета. Большая мобилизованная армия затем займет место ударной и даст ей возможность продвинуться дальше. Еще раз мы видим: германцы остались теми же, какими мы их знали в 1914 году...

Такое положение вещей нельзя не считать угрожающим. Если есть еще возможность сохранить мир, то единственным средством для этого остается прочность антивоенного фронта. А мы уже отметили в этом фронте элементы слабости. Здесь мы и подходим ко второй части нашей темы. Какую роль при создавшемся положении будет играть та часть земного шара, которая, в размере «одной шестой», растянулась на пространстве двадцати-одного миллиона квадратных километров, — которую мы называли Россией, а ее теперешние властители назвали именем, каждая из четырех частей которого звучит фальшиво. Россия или СССР — в области международных отношений это все та же страна, и, при известных условиях, занятая ею позиция в международном конфликте может оказаться решающей.

Эта страна теперь, устами своих дипломатов и своих правителей, всеми голосами кричит о своем «пацифизме». Враждебная вообще «капиталистическому миру», рассчитывающая на его крушение, более или менее скорое, активно работающая для этого крушения, она признает, что *в данный момент* ее путь — один с теми странами, которые не хотят военного конфликта и всячески ста-

раются предупредить его. Мы знаем очень хорошо источники этого «пацифизма». Это, прежде всего, боязнь войны — не только потому, что война помешает процессу «социалистического строительства», но и потому, что ее неверный исход может грозить дальнейшему существованию советской власти. До последнего времени большевики были уверены, что именно капиталистический мир не выдержит параллельного с ними существования и нападет первый на единственное в мире «отечество трудящихся». Однако, было бы странно отрицать, что именно возникшая теперь опасность конфликта *внутри самого* капиталистического мира заставила советскую дипломатию искать себе союзников в одном из разделившихся лагерей против другого: в лагере охранителей мира против его нарушителей.

Пацифизм большевиков имеет свою историю, в которой нелишнее разобраться. Первой главой этой истории является замирение с новыми пограничными государствами путем определения взаимных границ и заключения первых пактов о ненападении (1922). Во второй главе—мотивы советского пацифизма углубляются, главным образом, под влиянием двух обстоятельств. Одно из них — это систематическая неудача всех разрушительных планов Коминтерна и последовавший затем закат Чичерина и Зиновьева (1925). Второй, *положительный* мотив, присоединившийся к этому *отрицательному*, — это зависимость СССР от Европы и Америки вследствие приступа к выполнению пятилетки (кредиты, экспорт, заказы, инженеры, машины и т. д.). С 1927 года Литвинов — новая звезда — становится непременным гостем европейских конференций. В третьей главе роль Литвинова растет по мере развивающегося кризиса женевских учреждений: Лиги Наций и Конференции о разоружении. Литвинову принадлежит идея так наз. «Восточного пакта», дающего определение наступающей стороны и имевшего громкий успех (3-4 июня, 1933). Наконец, четвертая и последняя глава советского пацифизма связана с вновь возникшей, весьма реальной опасностью на Дальнем Востоке и с соответственной необходимостью обеспечить мир на западной границе в виду приближающегося русско-японского конфликта. В этой главе выступает Эррио и заключается франко-советская и польско-советская дружба — против Германии. Параллельно выступает Рузвельт и совершается перестраховка в Америке — против Японии. Фронт против войны в Европе и в Азии обогащается новым членом и растягивается из Европы широким поясом, облегающим все северное полушарие.

Конечно, не для «мира всего мира» примкнули большевики к этому объединению. В других случаях они стараются, напротив, вызвать в мире рознь, а не мир. Очевидно, должны иметься на лицо какие-то особые интересы, близко их касающиеся и могущие быть нарушенными задорными соседями, если большевикам суждено будет остаться с ними один на один. Простая справка с фактами показывает, что в данном случае опасность угрожает не только интересам советской власти, но и интересам всего большого целого — территории России. Посмотрим же, в чем заключается эта опасность и насколько она реальна.

Начнем с Японии и вспомним прежде всего роль, которую она пыталась сыграть в русской Сибири, пользуясь своим участием на стороне наших союзников в великой войне. Американцы, которые с трудом согласились на участие Японии в интервенции против советской власти, в самом начале отметили официально, что эта интервенция может быть обращена против самой России. Скоро они сочли нужным указать Японии — тоже официально, что, вместо условленных семи тысяч, она выставила в Сибири в десять раз большее количество войска. Ее цель стала ясна, когда она попыталась занять Владивосток и приморские города, устья Амура и северный Сахалин. С чрезвычайным трудом и опять таки благодаря Америке — удалось заставить японцев эвакуировать занятые ими русские земли. Но у нас есть длинный ряд доказательств, что тогдашние намерения не забыты и что, особенно после превращения Манчжурии в японского вассала, захватные цели Японии стали проявляться все чаще и определеннее. Чтобы не ходить далеко за доказательствами, напомню лишь заявление Матсуоки женевским корреспондентам в 1932 году. Он, по его словам, «открыто заявил советским политикам, что главная цель манчжурской операции — создать сильную оборонительную линию против СССР. Россия должна прид-

ти Японии на помощь в Манчжурии. Только в случае установления мира в Манчжурии, Япония может сохранить мир с советской Россией». Если же там не послушают этого совета, то, ведь *«история повторяется.* Мы были вынуждены вести с вами кровавую борьбу на полях Манчжурии; мы не уверены, что подобная борьба не повторится в будущем. Кто нам гарантирует, что *вы не принудите* нас воевать с вами. Для этого вовсе *не надо, чтобы вы на нас напали* вооруженной рукой. Экономический бойкот, вызванный коммунистической пропагандой, может стать причиной войны». В июне 1933 японская газета «Кокумин» раскрыла скобки, прямо предложив большевикам «продать Владивосток, Сахалин и всю Приморскую область». Мы узнаем даже и срок открытия дальневосточного конфликта из обнародованного большевиками документа. В заседании японской миссии в Харбине советник японского посольства Тани предупредил об этом по поводу конфликта на К.-В ж. д.: «не надо прибегать к силе, имея в виду, что *до 1935 года* (см. выше то, что сказано о Германии) Япония не может создавать конфликтов на континенте».

Опасность захвата русских территорий в Европе выступает еще явственнее и имеет еще более давнюю традицию, чем мы это видели на Дальнем Востоке. Вот несколько цитат, расположенных хронологически, от 1903 до 1914 года. Число их можно было увеличить, сколько угодно:

1903. **P. de Lagarde** : «Мы должны создать центральную Европу, которая гарантирует мир на континенте с того момента, когда **русские будут выгнаны с Черного моря**, а **славяне — с юга**, и мы завоюем большие пространства на восток от наших границ **для германской колонизации»**.

1906. **Klaus Wagner** : «Силою организуем великое **насильственное выселение низших народов**. Мы должны их принудить: такова задача войны. Надо закрепить их в узких «резервах» (так называются территории, оставленные в сев. Америке для остатков краснокожих **П. М.**). Это единственное решение расового вопроса, достойное человечества».

1912. **Бар. Фитингоф Шель** : «Наши границы слишком тесны. Мы должны проникнуться земельным голодом, должны приобрести новые территории для заселения. Иначе мы будем упадочным народом, придушенной расой».

1914. **K. Kuhn** : «Попытка Наполеона — привить западно - европейскую культуру Московитской империи кончилась неудачей. Теперь история сделала нас, германцев, наследниками наполеоновской идеи . . . Наша культурная миссия имеет целью — **сотни миллионов славян** и проводит свою географическую **границу на Уральском хребте»**.

1934. **A. Hitler** (послед. издание Mein Kamf) : «мы, наци, бросили окончательно довоенную колониальную и экономическую политику и в будущем возвращаемся к **территориальной** политике.Если теперь мы говорим о **новой территории в Европе, то, прежде всего**, мы думаем **о России, о ее порабощенных окраинах»**.

Как известно, эти однородные выражения новейшей стадии Drang nach Osten приняли во время последней войны совершенно конкретную форму, выразившись в систематической оккупации подлежавших захвату территорий в Украине и в Прибалтике, а также и в выработке предварительных условий Брест-Литовского мира. Только поражение Германии помешало ей довести свои планы до полного осуществления. Теперь она, как и Япония, вновь с ними выступает

Как относится советская власть к этим возможностям нового раздела русской территории? Формально, ее отношение выражается словами Сталина, многократно повторенным его подручными в торжественных официальных выступлениях. «Ни одной пяди нашей земли». Это звучит, как декларации наших венценосцев, начиная с Александра I. Но на самом-ли деле эффектная фраза Сталина имеет это принципиальное значение? Ведь завоеватели 25 октября 1917 года начали с заявлений, что коммунистическое отечество — там, где коммуни-

стическая власть, а русская территория для них есть только этап, ступенька лестницы к созданию мирового «отечества». В частности, известны их территориальные потери на западной границе: известна и готовность Сталина отдать японцам территории Дальнего Востока, *когда грозила опасность на западной границе*. Но реальная потеря территорий есть следствие проигранных войн, — отчасти проигранных не ими. Напротив, имеются примеры территориальной неуступчивости (Карелия относительно Финляндии) и принципиального непризнания потерь (Бессарабия относительно Румынии). *Если* возникнет альтернатива потери территории или потери власти, то, как показывает пример Брест-Литовска, большевики, конечно пожертвуют первой, а не последней. Но пока этой альтернативы не представляется, заявление Сталина, каковы бы ни были его мотивы, остается в силе. Единственно этот смысл имеют и соглашения в Европе (с Францией и Польшей), обеспечившие неприкосновенность западной границы и давшие возможность взять твердый тон в разговорах с Японией. Это последнее обстоятельство особенно интересно. На все нарушения договоров о Восточно-Китайской дороге, начиная с японского захвата Манчжурии, большевики отвечали самыми унизительными уступками. 2 мая 1933 г. Литвинов предложил даже японскому послу в Москве, чтобы «покончить со всеми конфликтами, осложняющими наши отношения», продать Японии и самую дорогу. Но как только большевики почувствовали свое положение укрепленным дружбой с Францией, положение изменилось. С этого момента конференция о продаже дороги затягивается; Приморская область спешно укрепляется, переводится на Д. Восток значительное количество войск, а советские аэропланы начинают грозить уже самому Токио и Осаке. Вместе с тем, японцам приходится изменить самый план их наступательной кампании. По сообщению харбинского корреспондента «Посл. Новостей» они сперва рассчитывали взять Владивосток и Приморье голыми руками, а всю силу сосредоточить на движении к Чите, где уже мерещилось им подобное Манджу-Ко «буферное государство». По мере развития советских вооружений этот план должен был уступить другому. Японцы почувствовали, что их подготовления недостаточны: может быть, этими соображениями и вызвана отсрочка «конфликта на континенте» до 1935 года.

Я не знаю, какова обороноспособность советской России, насколько боеспособна и технически вооружена красная армия, каков, следовательно, будет исход вооруженного конфликта. Но для меня ясно, что большевики серьезно считаются с возможностью этого конфликта и, на случай его неизбежности, принимают соответствующие меры. Мне представляется, что, *при данных условиях*, всякий министр иностранных дел вел бы в России ту же политику, какую ведет Литвинов, и всякий военный министр действовал бы так же, как Ворошилов. Но как действует — или как должна была бы действовать при подобном положении и в меру своих сил русская эмиграция?

Именно об этом спросил меня, после моего Лондонского доклада на ту же тему, как и настоящий доклад, Е. В. Саблин, бывший наш дипломатический представитель в Лондоне. Мой ответ был, по необходимости, краток*). Здесь я разовью его несколько подробнее. Это и будет предметом третьей, наиболее щекотливой и спорной части настоящего доклада.

Прежде всего, замечу, что с нашими советами эмиграции мы уже несколько запоздали. Известная часть этой эмиграции успела выбрать свою роль, не дожидаясь этих советов. И речь идет уже не о предстоящем выборе, а об оценке выбора совершившегося. Собственно, эта оценка дана уже тем обстоятельством, что упомянутая часть русской эмиграции организована или организуется теми самыми иностранцами, которые готовят вторжение в Россию, имея в виду, как мы видели выше, ее новый раздел.

Так, на Дальнем Востоке Япония упорно и настойчиво готовит русские кадры, долженствующие изображать из себя русскую ширму для неприятельского нашествия. Для этой цели японцы прежде всего хлопочут, чтобы участие русских эмигрантов в японском походе имело характер объединенного действия

---

*) Более подробный обмен мнений с Е. В. Саблиным читатель найдет ниже, в перепечатанных здесь из «П. Н.» статьях обоих собеседников.

всей эмиграции. В виду недостаточности авторитетных русских имен на месте, они даже выписывают предполагаемых вождей из Европы. Они готовы и рядовым эмигрантам дать средства для переселения на Д. Восток, причем обещают озаботиться там об их устройстве и даже дать им самоуправление. Однако, все эти блага даются под известными условиями. Токийский корреспондент харбинской «Зари» сообщил соображения по этому поводу «видного представителя японских военных кругов». Неназванный корреспондентом генерал (побывавший между прочим и в Германии и общавшийся там с эмигрантами), во-первых, требует, чтобы эмиграция была организована. Иначе, поддерживать ее будет «даже и вредно для Японии». Отсюда — газетный поход, направленный против меня лично, как «разъединителя». Меня объявляют одиноким в эмиграции. Во-вторых, генерал ставит ребром вопрос, чего хотят «белые русские»: «освобождения ли окраин, самостоятельности Украины и самостоятельности Сибири или же освобождения России в целом»? Генерал очень откровенно признает, что эта последняя задача Японию вовсе не интересует. Украина, повидимому, тоже оставляет его равнодушным, хотя японцы и перенесли свои заботы о независимости Украины в самую Европу, ссылаясь на то, что и на территории Забайкалья, подлежащей ихъ аннексии, имеются сплошные поселения переселенцев из Украины. Но вот «в освобождении Сибири от коммунизма Япония весьма заинтересована». Харбинский корреспондент «Посл. Нов.» сообщает подробности того, как идет в этом отношении обработка местных русских «патриотов», организуются их поездки в Японию, делаются попытки оживить «худосочную рать сибирских самостийников», ставятся темы об отделении Сибири от России в местном обществе сибиряков и скрещиваются шпаги самостийников с уцелевшими от соблазна сторонниками целости России. Ждут только момента, когда представители сибирских народностей «проявят свою волю».

В Европе «воля» эта проявляется и организуется с неменьшим усердием. Во главе движения стоят здесь, несомненно, украинцы. Один «дипломат» сообщил сотруднику «Посл. Новостей», что Украина «предлагает себя всем, и во всех столицах сидит какой-нибудь гетман»*). Дело настолько подвинулось, что среди будущих вождей украинского государства уже проявляется своего рода «империализм» и стремление уберечь свою страну от дальнейших разделов, сохранив ее «единой и неделимой». Покровительство, оказываемое разным украинским группам некоторыми правительствами, слишком известно, чтобы нуждаться в дальнейших подтверждениях. Наши бывшие союзники действуют в этом отношении совершенно одинаково с нашими бывшими врагами. Но в ряду последних со времени прихода Гитлера к власти наблюдается особенно энергичная деятельность. Излюбленным «вождем» Украины является для германских наци ген. Скоропадский. Около него идет усиленная возня. Ему подчиняют и пресловутый «Ронд», поставив ген. Скоропадского над «ген.» Аваловым-Бермонтом, старым слугой Германии по приобретению Прибалтики в годы великой войны. Недавно в органе Воинского Союза «Часовой» появился любопытный разговор с «одним из виднейших вождей» наци. После обеда, за чашкой кофе, этот «виднейший» германский деятель разговорился и изложил собеседнику полный план германского захвата. Германия подготовит «русское правительство», которое поместит на-время на территории соседнего с Россией «независимого государства». В помощь ему, в момент, когда в России начнутся замешательства, будет дан «добровольческий отряд», навербованный из русских эмигрантов. Одновременно, произойдут в России восстания окраинных народностей и начнется «хаос», среди которого Германия сделает свое дело. Нельзя предположить, что эти откровения были простой импровизацией после сытного обеда. Планы Германии напасть на Россию при содействии украинцев и русских эмигрантов подтверждаются и подробным докладом Коссиора на объединенном пленуме ЦК и ЦКК, в конце 1933 года. Как оказывается, знаменитый Коновалец, поддержи-

---

*) Эта ироническая фраза вызвала письменный протест одного украинца из Стамбула, и мне пришлось объяснить ему, что, конечно, «предлагает себя» не сама Украина, а те многочисленные «правительства», которые считают себя вправе говорить за-границей от ее имени.

ваемый германцами глава УВО (украинской военной организации), успел завести связи с украинскими самостийниками внутри России, подготовляя вооруженное восстание, как сигнал для интервенции. Было рассказано при этом, какие компенсации будут предложены Польше за согласие на интервенцию и за возвращение занятых ею территорий, которые Германия продолжает считать своими. Разница с сообщениями «Часового» тут только в том, что «виднейший вождь» наци считает отдачу Польше «черноморского коридора» (т. е. правобережной Украины с выходом к Черному морю) пустым слухом. Но эта деталь как раз и подтверждает достоверность общего плана обменов, — плана, известного, впрочем, и из других источников.

Каково отношение самой Польши к этим приготовлениям за ее счет? Ответить определенно на этот вопрос в данный момент довольно трудно. Поставленная между двумя потенциальными врагами, более сильными, чем она сама, Польша вынуждена вести двойную политику. Наше поколение помнит еще «поворот» к России Дмовского, в его книге 1908 года. Во время германской оккупации пришлось повернуть снова в обратную сторону, и польские политики разделились между двумя ориентациями. Когда одна из них, союзническая, победила, тот же Дмовский с большим искусством провел в Версале идею замены России Польшей в качестве стража цивилизации на востоке Европы. Польша вошла в тесный союз с Францией. Но в последнее время уже проявлялись признаки нетерпения и нежелания оставаться «вассалом» Франции. Мы присутствовали, в последнее время, при попытке перестраховки Польши сближением с Германией — при успокоительных уверениях, даваемых старому союзнику и новому другу — советской Москве. Проекты раздела Украины, развивавшиеся в Европе Розенбергом и Гугенбергом, видимо, обеспокоили поляков. Тем менее они склонны разрешить германским войскам, для осуществления этих планов, свободный проход через свою территорию (другой путь для интервенции в Россию — через Литву и Латвию — гораздо менее удобен в военном отношении). Во всяком случае, до сих пор Польша придерживается французской ориентации и угроза германской войны ее в этом укрепляет.

Как видим, России грозит в близком будущем одновременное нападение и раздел и с Запада и с Дальнего Востока. В осуществлении этого плана правая часть русской эмиграции *уже приняла* и там, и здесь активное участие. Ее роль при этом — печальная и унизительная. Увлеченная идеей покончить «каким бы то ни было способом» с властью коммунистических захватчиков и освободить население России от испытываемых им страданий, эта часть эмиграции видит в германской и японской интервенции ближайший способ достигнуть желанной цели. Она не хочет замечать, что играет лишь роль орудия для осуществления собственных целей интервентов и добровольно закрывает глаза на имеющие получиться последствия. Ее расчет на успех основан на предположении, что население России разделяет ее политические и национальные взгляды, что общее недовольство распространяется на красную армию и делает ее небоеспособной, что можно «убедить» интервентов, что сильная и единая Россия для них выгоднее «балканизированного» востока Европы, и что, в конце концов, с неизбежными отпадениями самостийных народностей можно будет справиться впоследствии.

Все эти соображения более или менее гадательны. Все они не считаются с ближайшими возможностями и направлены, поверх текущего момента, к более или менее отдаленным перспективам. А желание, во что бы то ни стало, приблизить эти перспективы, приводит к совершенно фантастическим и нереальным политическим построениям. К числу таких построений приходится отнести и то, которое я нахожу у «просящего моих инструкций» Е. В. Саблина. Он сводит смысл этих инструкций к решению двойной задачи: «способствовать *падению советской власти* без того, чтобы одновременно не *распалась Россия*».

Очень характерно и ново в этой постановке то, что первая, всегдашняя и общая задача русской эмиграции (свержение советской власти) ставится в *зависимость* от второй, специальной задачи (предупреждение распада России). Этим Е. В. Саблин отделяет себя от правой части эмиграции и вносит в обсуждение вопроса новую черту. Но не менее характерно и то, что он продолжает ста-

вить первую задачу впереди, как бы не предвидя, что ее *одновременное* преследование может оказаться несовместимым с достижением второй цели — сохранения целости русского государственного организма. Что же, если придется при этом выбирать одно из двух: сохранение теперешней власти или распад России: на какую сторону склонится выбор Е. В. Саблина?

При моей постановке вопроса трагедия этого «или-или» совершенно устраняется. Борьба с советской властью — наша длительная и постоянная цель. Предупреждение распада России выдвинулось, как настоятельная задача текущего момента, именно в последние два года. Как бы мы ни смотрели на владычество коммунистов над Россией, мы должны признать, что, поскольку эта власть оберегает целость русской территории, она исполняет не свою, а общенациональную задачу. Пытаться заменить в этот момент власть другой значило бы ослабить обороноспособность государственного организма и способствовать созданию того самого «хаоса», на котором строит свои планы «влиятельнейший вождь» наци. Мое дальнейшее соображение касается того, что при преследовании обеих указанных задач возможности эмиграции совершенно различны. Пятнадцатилетний опыт борьбы за свержение советской власти показал, что силы эмиграции для достижения этой цели совершенно недостаточны. Это не значит, конечно, что эмиграция должна отказаться от борьбы и примириться с советской властью: тогда она потеряла бы все остающееся ей значение. Но с самого начала было ясно, что свержение власти силами одной эмиграции неосуществимо, и расчеты разных частей эмиграции пошли по двум неодинаковым направлениям. Одни продолжали упорно возлагать надежды на иностранную интервенцию; другие рассчитывали на внутренние силы России. Мой практический вывод отсюда был и остается тем, что помочь освобождению России эмиграция может в очень малой степени.

Зато факты, сообщенные раньше — и далеко не новые в случаях интервенций, — приводят меня к заключению, что *повредить России* — и именно ее целости — эмиграция *может*. Тут уже дело сводится не к нашей собственной силе, а к эксплуатации нашего имени врагами России. Напомню только, что ведь планы раздела России касаются не только России *советской*. И у японцев, и у германцев эти планы, как мы видели, возникли еще при существовании национальной власти. И теперь люди, считающие себя представителями *национальной России*, готовятся санкционировать не только своим присутствием, но и своим активным участием планы наших врагов — врагов не советской власти только, а России. Их значение в этом отношении имеет, несомненно, некоторую внутреннюю ценность, которая и котируется на иностранных политических биржах. Еще выше котируется в этом отношении ценность стремлений наших окраинных народностей. Вот к какому делу поспешила правая эмиграция приложить свои руки.

Добросовестные русские патриоты не могут отрицать силу и убедительность приведенных мною соображений. Не отрицая их, они лишь пытаются связать их с сохранением своей общей отрицательной позиции относительно советской власти. Повторяю: связать то и другое в плане настоящей минуты значило бы только содействовать политической маскировке. Но когда речь идет не о действии, а о воздержании от действия, — пусть даже временном, — моя постановка не требует никаких отречений и никаких капитуляций. Недобросовестность или страстность моих противников может утверждать противоположное. Но с этой, сознательной или бессознательной трансформацией моей мысли я давно уже свыкся. Она не может помешать мне сказать то, что я ясно вижу, и предостеречь моих соотечественников от того, что — увы, я слишком ясно предвижу.

П. МИЛЮКОВ.

П. ГРОНСКИЙ

ПОСЛЕ XVII-го СЪЕЗДА

На 17-ом съезде Компартии подверглись особо суровой критике как со стороны самого Сталина, так и со стороны его адъютантов «экономические» наркоматы, те наркоматы, которые ведают советской промышленностью и сельским хозяйством. С исключительным «подъемом» критиковал советскую экономическую политику Рудзутак, смещенный с весьма ответственного поста председателя центральной контрольной комиссии, ввиду ее упразднения и создания вместо нее комиссии партийного контроля. Сталин лишь поставил главные вехи той кампании критики советского хозяйства, которая подробнее развита была другими ораторами: Рудзутаком, Ворошиловым, и самими наркомами, послушными воле Сталина и занявшимися своеобразным самосечением по классическому рецепту коммунистической самокритики.

Но когда отшумели речи на съезде и обычные советские будни с их беспросветностью полного тупика хозяйственной жизни страны вошли в свои права, то оказалось, что критика мало помогает исправлению катастрофического положения советского народного хозяйства и что попрежнему промышленность, сельское хозяйство, а, в особенности, транспорт, находятся в хроническом состоянии прорыва. За те полтора месяца, которые истекли со дня закрытия 17-го съезда, чуть ли не в каждом номере советских газет можно найти бесконечные ламентации по поводу плачевного советского хозяйства. Данные о добычи угля за март месяц свидетельствуют, что Донбасс «начал опять сдавать темпы». Особую тревогу вызывает мартовское снижение добычи, так как оно вызвано, главным образом, падением производительности труда и ростом текучести рабочей силы. В январе среднесуточная добыча в Донбассе составляла 145.253 тонны, в феврале — 143.526 тонн, а в первой декаде марта всего лишь 140.343 тонны («За Индустриализацию» 18 марта). Шахтеры с наступлением весны, измученные тяжелыми условиями работы, и полной неприспособленностью поселков при шахтах к мало-мальски сносным условиям существования, «бредут розно» и мечтают только об одном — сбежать с работы. Все старания закрепить их на шахтах ни к чему не приводят. Кривая добычи нефти как в Бакинском районе, так и в Грозненском систематически идет книзу. Трест Грознефть ежедневно недодает стране около 6 тыс. тонн нефти.

Значительно ухудшилась также работа тяжелой промышленности. По словам «Прав.», «кривая проката металла в первой декаде марта резко колебнулась вниз, продолжается отставание медной промышленности. Ухудшила свою работу коксо - химическая железорудная промышленность, *что создает угрозу тылу черной металлургии*». («Правда» 19 марта). На совещании директоров предприятий тяжелой промышленности в Екатеринбурге выступил с большим докладом зам. наркомтяжпрома Пятаков. Говоря о медной промышленности, Пятаков заявил: «*нет слов подходящих, чтобы охарактеризовать степень безобразной работы медной промышленности.* Красноуральская обогатительная фабрика должна извлекать из руды 83% меди, а фактически дает 61%. Перед приездом контрольной бригады, красноуральцы решили немного почистить свою базу и вывезли... 800 тонн грязи и мусора. На руднике «3-й Интернационал» начальником продснаба был некий Климов, который систематически расхищал продовольствие. Когда его арестовали, то выяснилось, что он неоднократно судился за убийства».

Не лучше обстоит дело и на аграрном фронте. Сталинский лозунг о создании зажиточных колхозных хозяйств, который должен был, по наивным предположениям советского диктатора, создать новые стимулы для поднятия производительности труда в деревне, был подхвачен на местах лишь советскими чиновниками и не за совесть, а за страх преданными «великому вождю» многотерпеливыми партийцами. Основная крестьянская масса относится к обещаниям советских вождей весьма осторожно, даже, можно сказать, критически. В деревне, по словам передовика «Правды», среди колхозников идут разговоры о том, что «*колхознику надо осторожно становиться зажиточным, чтобы не окулачиться, не оторваться от бедняцкого революционного класса*» (№ от 26 марта). У крестьян до сих пор еще свежи в памяти сцены раскулачивания эпохи насаждения колхозов в деревне. Понятно, что они не верят обещаниям правительства. Да и как можно мечтать о создании зажиточных хозяйств, когда в деревне нет семян, а те, которые находятся в закромах, негодны для сева. Если в Черниговской области в результате проверки семенных запасов выяснилось, что семена частью разворованы, а частью съедены местным населением, вследствие недостатка хлеба, а конский состав находится в весьма печальном состоянии и уменьшился за три года проведения политики коллективизации ровно на-половину. (как это признал сам Сталин в своей речи на 17-ом съезде), то, само собой разумеется, нельзя даже и поднимать вопрос о зажиточной колхозной жизни.

Крестьянство в ответ на призыв Сталина о

«честной работе» в колхозах на пользу социалистического отечества, отвечает тем, что уничтожает последние остатки и без того весьма немногочисленного скота. Отовсюду идут известия об уничтожении скота, в особенности молодняка. В Белоруссии ЦК КПБ отправил в Дубровинский район «ответственных работников ЦК и белорусского наркомзема для расследования фактов незаконного убоя скота. Из других районов также поступили сведения о массовом убое скота» («Правда», 20 марта). В Казахстане нет сена для корма скота. Директора совхозов «носятся по учреждениям, просят, уговаривают и убеждают: «дайте сена»! В овцесовхозах Павлодарской группы ценнейшие тонкорунные овцы лишены корма. («Изв.», 27 марта). И в московской области, подобно Белоруссии и Северному краю, идет повсеместный убой молодняка. В Кологривском районе Нижегородского края «только по трем сельсоветам из ста родившихся телят зарезаны 73». Председатель Килюковского сельсовета Пикулкин безнадежно машет рукой:

— Что я могу сделать!

Ничего не могут сделать с пассивным сопротивлением крестьянства, не желающим становиться зажиточным из опасения новой волны раскулачивания, и пресловутые политотделы, на которые несколько месяцев тому назад возлагалось так много надежд. В политотделах, повидимому, начинают разочаровываться, это в особенности очевидно по отношению к политотделам на транспорте, на которых теперь, повидимому, поставлен крест. Московский комитет ВКП 20 марта провожал из Москвы 300 человек отборных партийцев, которые отправлены по распоряжению ЦК ВКП на железные дороги для поднятия настроения. С приветственной речью выступил главный адъютант Сталина Каганович. Отправляя новую отборную коммунистическую фалангу для работы на железных дорогах, Каганович жаловался на то, что *«политотделы транспорта не сумели обеспечить к настоящему времени перелома в работе. Они не поняли необходимости поднять организацию транспорта на должную высоту»*. Передовик «Правды» в номере от 29 марта дает директивы тем 300 отборным коммунистам, которые отправлены политбюро на узловые станции и в железнодорожные депо на помощь политотделам, и требует от посылаемых энергичной работы по реорганизации транспорта, подтягиванию местных работников и поддержке политотделов в их борьбе за оздоровление советских железных дорог. Нередко транспортную сеть сравнивают с нервной системой человеческого организма. Если транспорт не в порядке, его система расстроена и функционирует неправильно, то от этого должен страдать весь организм советского хозяйства. Срочные семенные грузы не смогут быть доставлены во время совхозам и колхозам. Советские фабрики и заводы останутся без необходимого для них количества топлива и сырых материалов, а население как деревень, так и городов не будет во время снабжено необходимыми продуктами и товарами широкого потребления. За последние два месяца в советских газетах заведен специальный отдел, в котором ежедневно помещаются сообщения о безобразной работе советского транспорта. В одном только номере «Известий» от 29 марта сообщается о трех серьезных крушениях, происшедших на советской железнодорожной сети.

Такова, по сведениям самой советской печати, картина развала советской хозяйственной жизни. Все призывы, идущие из центра, если и достигают до периферии, то встречают упорное сопротивление со стороны местного населения, советских чиновников, рядовых партийцев и даже тех политотдельщиков, на коих возлагалось еще недавно так много надежд. Широковещательные резолюции 17-го съезда об оздоровлении транспорта, о зажиточной жизни колхозников, о борьбе с «болтунами и вельможами», об установлении дисциплины, порядка и ответственного единоначалия в советских учреждениях и на социалистических фабриках и заводах перепеваются на все лады местным начальством и партийными активистами, но рядовые коммунисты и многочисленные советские чиновники попрежнему остаются глухи к призывам московского центра. А «колхозное крестьянство» никак не хочет поверить в искренность сталинской пропаганды новой зажиточной жизни.

П. ГРОНСКИЙ.

В. ПОПОВ

ПОЛОЖЕНИЕ РАБОЧЕГО КЛАССА В СССР

«В то время, когда в странах, охваченных мировым экономическим кризисом, 30 миллионов безработных, членов их семей и других лиц, от них зависящих, свыше 60 миллионов человек влачит полуголодное существование, в то время, когда промышленная продукция в этих странах в 1932 году, по сравнению с 1928 годом, уменьшилась на 33% и число рабочих, в большинстве стран, катастрофически сократилось,—Союз Советских Социалистических Республик не знает ни кризиса, ни безработицы, ни па-

дения заработной платы; его промышленная продукция за годы пятилетки возросла на 219% и число рабочих и служащих увеличилось с 11,6 до 22,8 мил. человек» — так говорил 14-го июня 1933 года на Лондонской Экономической Конференции делегат СССР — наркоминдел Литвинов.

«СССР — единственная страна, где нет кризиса, где есть расцвет промышленности и сельского хозяйства, техники и культуры. Молодежь советской страны не знает, что такое безработица, голод и нужда».

«СССР — единственная страна, которая ввела самый короткий рабочий день в мире — 7 часов».

«СССР — единственная страна в мире, где непрерывно увеличивается заработная плата и систематически улучшается положение рабочего класса» — читаем мы в оффициальном органе Центрального Совета Профессиональных Союзов — газете «Труд».

Эти и подобные им заявления делаются представителями советской власти при каждом удобном случае и, благодаря частым повторениям, отсутствию должной отповеди советскому бахвальству, а также благодаря подтверждению (я оставляю тут в стороне, по каким именно причинам, так как для меня важен самый факт, а не его обоснование) советских успехов со стороны влиятельных иностранных туристов — все это приводит к тому, что в иностранном общественном мнении создается убеждение как в «несомненных успехах сов. власти», так и «в благоприятных условиях жизни трудящихся в стране Советов».

Большевистская пропаганда, в особенности, заявления о ликвидации безработицы и о сокращении до 7 часов рабочего дня, производят свое впечатление и на некоторую часть русской эмиграции, и сейчас, все чаще, приходится встречать лиц, искренне полагающих, что при советской власти положение трудящихся и, в частности рабочих, стало много лучшим, чем оно было прежде.

Осветить вопрос, каково действительное положение трудящихся в сов. России и таково ли оно, как его изображают представители сов. власти и составит предмет нашей статьи.

Начнем с главного козыря сов. власти — с «ликвидации» безработицы. Как это могло случиться? Страна, быстро идущая по пути машинизации, страна тракторов, комбайнов, новейших, усовершенствованнейших машин — последнего слова индустриальной техники, страна, где, казалось бы, в виду замены ручного труда механическим, ежедневно должны были бы выбрасываться на улицу новые и новые толпы безработных, не только не увеличила их числа, но и полностью ликвидировала безработицу. Ведь самим пятилетним планом предусматривалось, что к концу первой пятилетки число безработных должно было достичь полумиллиона человек и самим коммунистам эта цифра казалась черезчур оптимистической. На 1ое апреля 1929 года число безработных достигало 1.741,1 тыс. чел. (по исчислению профсоюзов 2.293.800 чел., так как они включали сюда и незарегистрированных на бирже труда). Что произошло, что в корне изменило положение и полностью ликвидировало безработицу? — Не что иное, как воля сов. правительства. Последнее решило покончить с безработицей и провело эту реформу одним росчерком пера. Безработица была «ликвидирована» постановлением ЦИК компартии, которое было проведено в жизнь постановлением Наркомтруда 9-го октября 1930 года.

«В виду полной ликвидации безработицы в СССР и огромного недостатка в рабсиле во всех отраслях народного хозяйства — читаем мы в этом постановлении — НКТруда СССР предлагает органам труда **принять меры к немедленной посылке всех числящихся на учете органов труда безработных на работу,** а страхкассам **прекратить выплату пособий по безработице с ноября 1930 года.**

«Органы труда обязаны принять меры к немедленной посылке безработных на работу, в первую очередь лиц, имевших право на пособие по безработице. **Безработные должны направляться не только на работы по их специальности, но также и на другие работы, не требующие особой квалификации».**

«**Никакие мотивы отказа** от предлагаемой работы, за исключением болезни, подтвержденной больничным листком, не должны приниматься во внимание. Отказ от работы должен влечь за собой снятие с учета биржи труда».

В этом постановлении было внутреннее противоречие. Если безработица ликвидирована, то, казалось бы, нечего и посылать на работу и лишать пособия, — если же таковые были, то значит безработица не ликвидирована. Конечно, никакой ликвидации безработицы фактически не было, а просто перестали выдавать безработным пособия и упразднили самый термин «безработица». С ноября 1930 года учета безработных более не ведется и сказать, сколько, где именно и какой квалификации сейчас имеется в СССР безработных невозможно.

Перейдем теперь ко второму козырю большевиков — к 7-ми часовому рабочему дню. Этим козырем большевики пользуются часто и притом не без успеха, так как оспаривать, что рабочий **по основной своей работе** занят более 7 часов, почти не приходится. Имеются, однако, указания, что рабочих часто задерживают на сверхурочные работы, по большей части, для «штурма» какого нибудь прорыва плана, что заводская администрация старается скрывать факт сверхурочных работ и делает все, чтобы оплачивать их в ординарном размере (что фактически является лишь увеличением числа рабочих часов), иногда заставляет работать даже в выходные дни. По сведениям газеты «Труд» в Ивановской области за 1933 год было 5,5 мил. сверхурочных часов. На Уральском машино-строительном заводе в 1933 году — 238.862 час., в январе 1934 г. — 37.000 час., на Магнитогорском заводе за январь — 66.718 час.. На Черепетском чугунолитейном заводе группа рабочих на протяжении трех месяцев изо дня в день работала в среднем по 15 часов в день. На заводе имени

Ильича за январь 391 раб. отработали 4.493 часов сверхурочно, в феврале — в литейном цехе — 57 раб. — 795 час., а в модельном цехе — 29 чел. — 1.177 часов. В марте сего года директор завода Давыдов отменил выходные дни до 1-го апреля. На московском заводе «Геофизика» от ударников требуют работать для выполнения производственной программы, сверх нормального времени, сколько понадобится. («Труд» от 18 марта).

Помимо своей основной работы, каждый трудящийся в СССР обязан отдавать несколько часов в сутки бесплатной общественной работе. Еще в 1918 году Лениным был написан проект декрета, первый пункт которого гласил: «Каждый рабочий, отработав 8 часов в сутки, обязан три часа ежедневно (или по 4,5 часа в сутки с третьим днем отдыха) работать в области военной или административной».

Аналогичное постановление мы находим и в уставе компартии и коминтерна. Там также каждый трудящийся обязан ежедневно уделять два часа, без особого вознаграждения, теории ремесла и производства, практическому изучению техники государственного управления и военного искусства».

В настоящее время директива Ленина и партии проводится энергично в жизнь и бесплатная работа «добровольческого рабочего актива» в коммунальных органах и, особенно, в профсоюзах, увеличивается с каждым днем. Выкинут лозунг, что «ударник-доброволец должен стать центральной фигурой профаппарата» и многие профсоюзные организации уже полностью упраздники у себя платный профаппарат. Десятки тысяч рабочих работают в госучреждениях в качестве соцсовместителей, выполняют обязанности прокуроров, следователей, судей и т. п. На имевшем место в марте сего года 1-ом всесоюзном слете шефбригад и соцсовместителей, руководитель профсоюзов Шверник дал директиву добиться вовлечения новых сотен тысяч рабочих в эту бесплатную для государства работу. Работа эта отнимает по 2-3 часа в день, требует еще особого времени для приобретения специальных знаний.

Помимо этой работы не только сами трудящиеся, но также и члены их семей побуждаются к работам на огородах, пригородных совхозах и колхозах и отказ от этих работ резко осуждается («Труд» от 22 октября). Количество отработанных на огородах трудодней на отдельных предприятиях достигает многих десятков тысяч и эта работа не только удлиняет рабочий день, но часто лишает его и заслуженного недельного отдыха. Последнее время от рабочих требуют также работ по ремонту жилищ и жилищному благоустройству. Постановлением секретариата ВЦСПС был, например, организован месячник с 25 октября по 25 ноября подготовки рабочих жилищ к зиме, причем особо подчеркивалось, что рабочие и инженерно-технические работники могут быть заняты лишь в часы, свободные от работ на производстве. На Горловке этой работе уделяется по 4 часа ежедневно.

Сведения, идущие из России, говорят нам о чрезмерной перегруженности трудящихся всякого рода «нагрузками» и фактически трудящиеся работают для государства не 7, а 10 и даже более часов ежедневно.

Чистейшей демагогией является заявление о неизменном повышении заработной платы. Да, если считать за зарплату количество уплачиваемых за труд сов. рублей, то зарплата, действительно, постоянно растет, но если принять во внимание падение сов. денег и покупной ценности сов. рубля, то зарплата не только не увеличивается, но резко падает. Сов. рубль стоит сейчас не более 6 коп. Чтобы оставаться на прежнем уровне зарплата должна была бы подняться в 16—17 раз, а ничего подобного не произошло. Трудящемуся на заработанные им деньги ничего абсолютно не продадут в Торгсине, так как там берут не обесцененные, а только полноценные деньги и там сов. рубль ничего не стоит. Не много трудящийся, в среднем зарабатывающий 150 руб. в месяц, сможет купить и в так называемых «коммерческих» магазинах. Там, по нашим данным, надо заплатить 42 рубля за кило масла, 20 руб. за кило сыра, 25 — за кило колбасы.

Последнее время в сов. прессе все чаще и чаще сообщаются случаи обсчетов рабочих. Происходит это и бессознательно, вследствие невежества нормировщиков и сознательно, с целью уменьшить расходы по фондам зарплаты. На Харьковском паровозном заводе был счетовод Коновалов, который всюду пропускал нули. Рабочему надо уплатить за 2027 деталей, оплачивалось 227, вместо 7310 — 731, вместо 4570 — 457. Недоплаты доходили иногда до 100 — 150 рублей в месяц («Известия» 23 ноября). Как правило, рабочие до выдачи денег не знают, сколько они заработали, и не могут проверить правильности расчета. В ОРС-ах (отделах рабочего снабжения) стараются либо ничего не заплатить за отработанные на огородах трудодни, либо платят гнилыми, испорченными овощами. Очень часты за последнее время задержки выплаты зарплаты. Например, по заводам машиностроения Украины задолженность дошла до миллиона рублей, еще недавно мы читали, что кое где не выплачена зарплата даже за 1932 год.

Организация труда, по признанию самих сов. деятелей, поставлена «безобразно, отвратительно, головотяпски». Сплошь и рядом рабочий низшей квалификации зарабатывает больше рабочего высшей квалификации и подметальщики получают больше высококвалифицированных рабочих. За одинаковую работу не только в разных предприятиях, но даже в одном и том же платят разно. С целью поднять производительность труда, введена неограниченная сдельщина, но низкое качество сырья, отсутствие инструментов и нужных деталей, неправильность нормировок и безобразно - бюрократическая постановка дела на предприятиях сводят на-нет усердие рабочих и лишают их заслуженного заработка. Вместо спокойной работы введена нездоровая конкуренция — соперничество, носящее громкое название

«социалистического соревнования», создаются особые бригады ударников. Каких только бригад не знает сов. промышленность — ударные, сверхударные, сквозные ударные, бригады рационализации, плановые и планово-оперативные, бригады общественного буксира, образцовой продукции, низкой себестоимости, борьбы за качество, бригады встречного промфинплана, хозрасчетные и, наконец, бригады ДИП, т.-е. догнать и перегнать Америку и др. индустриальные страны. За последнее время, в виду систематического невыполнения взятых на себя заводоуправлениями обязательств и неуплаты обещанных премий, большинство хозрасчетных и др. бригад прекратили свое существование и о них все реже говорится в сов. прессе.

Следует особо отметить слабую постановку на предприятиях охраны труда. Отсутствие ограждений у машин, пренебрежение правилами безопасности и гигиены, систематическое неиспользование отпускаемых на охрану труда кредитов (тут, главным образом, сов. администраторы наводят экономию), все это влечет резкое ухудшение условий безопасности труда и порождает огромный процент травматизма.

Созданная в интересах трудящихся особая трудовая прокуратура и особые сессии народных судов с 1930 года преобразованы в прокуратуру и суды **по охране труда и производства** и фактически стали охранять интересы только последнего. С реорганизацией в 1929 году профсоюзов и вменением им в обязанность борьбы за выполнение промфинплана, профсоюзы перестали быть органом защиты интересов рабочего класса и, нередко, действуют явно во вред ему. По признанию Кагановича на 17 съезде компартии, «члены фабзавкомов не страдают тред юнионистскими болезнями и работают упорно и настойчиво над осуществлением задачи по развитию социалистического соревнования и ударничества, по подъему производства». Все вышесказанные обстоятельства влекут бегство рабочих с предприятий. Тщетно правительство издает декрет за декретом, карающие «летунов и дезертиров производства», запрещает брать их на другую работу, судит и наказывает. Текучесть не только не падает, но растет и не мало предприятий, где в течение года полностью обновляется их рабочий состав.

Недостаток места не позволяет мне подробно остановиться на материально - бытовых условиях жизни трудящихся, и я ограничусь сáмым кратким обзором их. Прежде всего следует отметить кошмарные жилищные условия. Жилищная теснота в настоящее время чрезвычайна. Уже редкостью являются нормы 6 — 7 кв. метров на человека, часто норма опускается до 5 и даже 4 кв. метров. На страницах сов. газет, нередко, можно найти объявления инженеров и др. научных работников, ищущих комнату, полкомнаты и даже угол. В марте 1932 года Совнарком СССР приказал в двухгодичный срок построить для специалистов 102 дома на 11.500 квартир, но два года истекли и выстроены лишь один дом в Калинине (бывш. Тверь) на 50 квартир и один дом на 100 квартир в Москве. Украина израсходовала 16 мил. из 18, а не закончила еще ни одного дома. Жилищное строительство, по признанию самих большевиков, идет безобразно. Дома сдаются, как правило, в эксплоатацию неоконченными. Качество стройки ниже всякой критики и бывают случаи, что рабочие отказываются вселяться в новые дома. Красивые на фотографиях дома оказываются совершенно негодными для жилья; в них текут крыши, обваливается штукатурка, косятся полы, повсюду зияют огромные щели. Неуспев выйти из стройки, они уже нуждаются в ремонте. Обычно дома эти строятся без погребов, чуланов и рабочему негде держать овощи и другие припасы.

Еще хуже обстоит дело с продовольственным вопросом. Созданные в декабре 1932 года, взамен заводских рабочих кооперативов, ОРС (Отделы рабочего снабжения) не только не улучшили дела, но еще более его ухудшили. За год существования ОРС растратили многие миллионы рублей, не говоря о колоссальных убытках. Как правило, в лавках ОРС-ов рабочих обмеривают, обвешивают и обсчитывают, в столовых недодают положенного на порцию количества, кормят несытно и невкусно. Пригородные хозяйства ОРС-ов ведутся также безобразно и овощи там гибнут массами. Очень хорошо характеризует положение фраза, относящаяся к Днепропетровскому ОРС-у: «Путь овоща от грядки к столу рабочего многоэтапен и на каждом этапе вершитель бурачных и картофельных судеб — ОРС — уготовил им тяжелые, смертельные удары». Рабочие в сов. России питаются плохо — систематически недоедают. Как это отмечал Шверник, есть тенденция ставить дело так: «Ешь, что дают, когда дают и как дают».

Еще хуже обстоит дело с одеждой и обувью. Качество последних настолько низкое, что бывают случаи, что вещь разваливается при одном прикосновении. Полученные с рабочих целевые авансы обычно остаются непокрытыми. Нужда в одежде и обуви очень большая.

Резюмируя все сказанное, нужно признать, что советская действительность совсем не такова, как ее изображают сов. правители и что не исключительно благоприятные условия жизни трудящихся создала советская власть, а систему, порождающую условия, самими большевиками определяемые, как «безобразно-издевательское отношение к рабочим», «обжуливание», «обкрадывание» и «обсчитывание» их.

Все это привело к упадку энергии и растущему среди рабочих недовольству, и не случайно советская пресса в последнее время чаще говорит не об ударничестве и соревновании, а о недостатках советского быта.

В. ПОПОВ.

М. БАГДАСАРИАН

Эмиссионные банки и их роль в народном хозяйстве

С развитием капитализма громадное значение в хозяйственной жизни приобрел кредит. Экономическое развитие страны зависит, в значительной степени, от того, насколько правильно организовано финансирование народного хозяйства. Страна не может хозяйственно процветать, если кредитная политика банков не соответствует ее нуждам. Роль банков огромна. Банки финансируют народное хозяйство, главным образом, посредством учета товарных векселей. Их возможности в этой области были бы весьма ограничены, если бы эмиссионные банки не приходили бы им на помощь переучитыванием векселей. Таким образом частные банки находятся в известной зависимости от эмиссионных банков. Расширение или сужение кредитов и денежного обращения зависит, в конечном итоге, от эмиссионных банков. Именно поэтому, политика эмиссионных банков, в частности их дисконтная политика, имеет огромное значение в хозяйственной жизни страны.

Но если уже сегодня роль эмиссионных банков в хозяйственной жизни огромна, то, надо полагать, что в ближайшем будущем эта роль еще увеличится. На наших глазах меняется структура капиталистического строя: период «свободной» хозяйственной деятельности отходит в область истории и капитализм постепенно вступает в новую фазу своего развития, в фазу управляемого хозяйства. При управляемом же хозяйстве на эмиссионные банки будут возложены новые задачи, для осуществления которых им придется вести более активную политику, влиять сильнее на денежно-кредитный рынок.

Что касается, в частности, нашей родины, то, несомненно, что и там, как бы сильно ни изменились существующие сегодня экономические условия, не может быть возврата к старому и государство будет и впредь играть крупную роль в хозяйственной жизни страны. В связи с этим, поле деятельности эмиссионного института будет весьма обширным. Успешное же выполнение возложенных на эмиссионный институт обязанностей зависит не в малой мере от устройства самого эмиссионного института.

Каким же должно быть устройство эмиссионного банка нашей родины, чтобы оно могло бы лучше всего отвечать интересам народного хозяйства?

Конечно, сейчас преждевременно говорить о деталях устройства эмиссионного банка. Для этого нужно знать точно те экономические и политические условия, в которых будет протекать деятельность эмиссионного банка. Но наметить основные черты устройства эмиссионного банка мы можем и сейчас. Говоря об «основных чертах» устройства, мы тем самым подымаем — во-первых — вопрос о том, что предпочтительнее: централизованная или децентрализованная банковская система и, во-вторых, вопрос о том, должен ли эмиссионный банк быть государственным, или частным учреждением и, если частным, то должно ли государство вмешиваться в его управление и в какой мере?

Постараемся ответить сперва на первый вопрос.

Навряд ли сегодня найдется много сторонников децентрализованной системы. Такая система могла существовать и существовала, как известно, в период, когда эмиссионные банки рассматривались, как частно-хозяйственные, а не общественные учреждения. Но, когда к середине 19-го века роль и значение эмиссионных банков были осознаны, Европа пошла по пути централизации эмиссионных банков. Это стремление всех европейских государств к созданию одного центрального эмиссионного банка объясняется тем, что при децентрализованной системе, эмиссионные банки не были в состоянии выполнить те задачи, которые вызывались интересами народного хозяйства. При децентрализованной системе страдает эластичность денежного обращения. Эта эластичность поддерживается путем расширения или сокращения выпуска банкнотов. Выпускаемые же банкноты вводятся в обращение эмиссионными банками, благодаря учетно-ссудным операциям. При наличии же многих эмиссионных банков, которые, прежде всего, преследуют свои собственные интересы и которым выгодно расширять, а не сокращать учетно-ссудные операции, денежное обращение имеет тенденцию постоянно увеличиваться, что не всегда отвечает интересам народного хозяйства.

Далее полную несостоятельность обнаруживает децентрализованная система в защите национальной валюты. Ей не по силам регулирование ввоза и вывоза золота. Главным средством защиты национальной валюты является дисконтная политика эмиссионных банков. При наличии же многих эмиссионных банков не может быть единства в дисконтной политике, так как каждый из эмиссионных банков ведет свою дисконтную политику, считаясь прежде всего с условиями местного рынка. Отсутствие же единой дисконтной политики делает невозможным защиту национальной валюты.

Эти и ряд других недостатков децентрализованной системы заставили европейские государства стать на путь централизации эмиссионных банков. Английский Банк стал единственным эмиссионным банком Англии, благодаря акту Пиля. Во Франции объединение эмиссионных банков произошло в 1848 г. Имперская Германия стала сразу на путь централизации эмиссионных банков, основав Рейхсбанк и создав условия, которые привели к тому, что большинство из существовавших тогда эмиссионных банков были вынуждены отказаться от своих прав выпуска банкнот. В Италии централизация была завер-

шена в 1926 году, когда окончился срок привилегий выпуска банкнот двух банков — «Банко ди Наполи» и «Банко ди Сицилия». С этого времени «Банко д-Италия» является единственным эмиссионным банком Италии. Даже конфедеративная Швейцария пошла по пути централизации, несмотря на то, что из-за противоречия интересов отдельных кантонов, идея эта вызвала там сильное сопротивление. В 1881 году в Швейцарии было 36 эмиссионных банков. В принципе вопрос о создании центрального эмиссионного банка был решен в положительном смысле уже в 1891 году, но центральный эмиссионный банк был основан лишь в 1905 г., так как до тех пор все проекты центрального эмиссионного банка упорно проваливались отдельными кантонами. Исключение составляли Соединенные Штаты Северной Америки, которые остались верны децентрализованной системе. Но опыт с национальными банками оказался неудачным. Недостатки децентрализованной системы давали о себе знать и именно поэтому была создана Федерально-Резервная система: 12 Федерально-Резервных банков, во главе которых стоит Федерально-Резервный комитет — орган, координирующий деятельность Федерально - Резервных банков. С учреждением Федерально - Резервной системы США, несомненно, улучшили свою банковскую систему, но все же не были в состоянии устранить всех недостатков, свойственных децентрализованной системе. Об этом много писали, в последнее время, в связи с банковским кризисом в США, поэтому мы на этом не будем останавливаться.

Эмиссионный банк должен быть банком банков. Он должен держать в своих руках всю денежную и кредитную систему страны и, тем самым, иметь возможность влиять на развитие народного хозяйства. Центральный эмиссионный банк в состоянии выполнить эту задачу. При наличии же многих эмиссионных банков задача эта часто становится невыполнимой. Если выбирать между децентрализованной и централизованной системами, то выбор наш, конечно, должен остановиться на централизованной системе. Вся история развития эмиссионных банков говорит за это.

Утверждая это мы, однако, не забываем, что в федеративном государстве централизованная система не может не умалять, в известной степени, экономическую самостоятельность отдельных федеративных республик. Но мы считаем, что преимущества централизованной системы столь велики, что, в конечном итоге, существование одного центрального эмиссионного института должно принести лишь пользу отдельным республикам, входящим в федерацию. Само собой разумеется, что при этой системе отдельные республики должны быть представлены в центральном эмиссионном банке таким образом, чтобы каждая из них действительно имела бы возможность защищать свои интересы.

Остается выяснить вопрос, должен ли центральный эмиссионный банк быть государственным или частным учреждением и, если частным, то должно ли государство вмешиваться в его управление и в какой мере.

Главным аргументом сторонников частного эмиссионного банка является мысль, что эмиссионный банк должен быть независим от государства, дабы государство, в трудные минуты, не могло бы прибегать к средствам банка. Довод этот правилен лишь отчасти. Если эмиссионный банк — частный банк, то государству, конечно, труднее прибегать к его средствам, чем когда эмиссионный банк—государственный. Однако, когда государство действительно попадает в безвыходное положение, то оно просто на просто не считается с самостоятельностью эмиссионного банка. Возьмем для примера войну. Всякая война финансируется эмиссией. В случае войны эмиссионный банк, будь то государственный или частный, вынужден выдавать государству бесконечные авансы для ведения войны, не считаясь совершенно с тем, как чрезмерная эмиссия отразится на национальной валюте. Ни один эмиссионный банк не сможет отказать в такую минуту в помощи государству.

О других доводах в пользу частного эмиссионного банка мы и не будем говорить, так как они еще менее убедительны. Да и трудно в настоящее время, когда государству приходится все больше и больше вмешиваться в хозяйственную жизнь, с успехом защищать идею частного эмиссионного банка. Нас, р.-д.-ов, тем более эта идея не может прельстить, так как она идет вразрез с нашей экономической программой. Мы оставляем за государством право контроля над промышленностью. Мы считаем необходимым вмешательство государства в хозяйственную жизнь страны, для внесения плановости в ее развитие. Можно ли одновременно с этим быть сторонником существования частного эмиссионного банка, управление которым находится всецело в руках самих акционеров. Конечно, нет. Ни о каком влиянии государства на хозяйственную жизнь страны не может быть речи, если эмиссионный банк, т.-е. орган, регулирующий денежно-кредитное обращение, поставляющий формальную, покупательную силу на рынок, орган, являющийся главным источником финансирования народного хозяйства — останется вне досягаемости государства.

Недостаточно также и то влияние на эмиссионный банк, которое может иметь государство, благодаря своему праву утверждения выбора главы эмиссионного банка, как это имеет место в Германии. Государство не может серьезно влиять на хозяйственную жизнь, если оно не держит в своих руках денежно-кредитный рынок. А для этого надо, чтобы эмиссионный банк был бы в его руках, управлялся им. Одним влиянием на эмиссионный банк ограничиться нельзя.

Выбор, таким образом, остается только между государственным или таким частным эмиссионным банком, управление которого всецело находится в

руках государства (Эмиссионный банк типа Банк де Франс). Несмотря на то, что в обоих случаях управление банком находится всецело в руках государства, мы полагаем, что выбор наш должен остановиться на государственном эмиссионном банке и вот почему. Если мы считаем целесообразным, в интересах народного хозяйства, сохранить за государством все те промышленные предприятия, которые имеют общественное значение, то нельзя допускать, чтобы таким учреждением, как эмиссионный банк, общественное значение которого, несравненно выше любого промышленного предприятия, распоряжался частный капитал.

Эмиссионный банк должен быть застрахован от частных влияний и должен руководствоваться интересами народного хозяйства в целом.

Но вопрос об организации кредитного дела не решается еще устройством государственного эмиссионного банка.

Должна ли, наряду с таким банком, существовать частная банковская система? Эта проблема является более сложной. На ней мы остановимся в следующей статье.

М. БАГДАСАРИАН.

Обзор жизни республиканско-демократической эмиграции

ДОКЛАДЫ И СОБРАНИЯ РДО В ПАРИЖЕ с 1 — I 1933 по 15 — IV 1934

20 января 1933 г. Доклад Н. В. Муретова — «Финансовая политика сов. власти».

27 января — Доклад А. М. Кулишера — «Международная программа демократии».

17 февраля — Доклад А. Ю. Раппопорта — «Отступление или наступление — пути и методы новой генеральной линии».

27 февраля — Обмен мнений по докладу А. Ю. Раппопорта.

11 марта — Годичное Общее Собрание членов РДО.

28 апреля — Доклад Э. Э. Нагеля — «Политические настроения в СССР».

24 июня — Доклад М. С. Багдасариана — «Организация и деятельность эмиссионных банков» (см. печатаемую в этом № статью).

28 июля — Закрытое собеседование членов РДО и р.-д. группы партии Народной Свободы со вступительным словом П. Н. Милюкова: — — «Итальянские впечатления».

13 октября — Доклад П. П. Гронского — «Кто виноват?» (к положению в СССР).

27 октября — Доклад В. В. Попова — «Положение трудящихся в СССР» (см. его статью на эту тему).

7 декабря — Доклад А. А. Александрова — «Тенденции современного синдикализма».

21 декабря — Открытый доклад П. Н. Милюкова — «Международное положение, Россия и эмиграция» (см. полный текст доклада в настоящем номере).

12 января 1934 года Закрытое собеседование членов РДО на тему: «Современное международное положение», со вступительным словом М. С. Маргулиеса.

13 марта — Доклад П. П. Гронского — «Итоги 17-го съезда Компартии».

26 марта — Обмен мнений по докладу П. П. Гронского.

3 апреля — Доклад Г. С. Куртилина — «Современная таможенная политика».

10 апреля — Доклад М. С. Багдасариана — «Эволюция капитализма и опыт Рузвельта».

ОБЩЕЕ СОБРАНИЕ ЧЛЕНОВ РДО 11-го марта 1933 г.

Приводим выдержки из докладов, представленных Общему Собранию членов РДО 11-го марта 1933 г. Председателем РДО и секретарем.

П. Н. Милюков отмечая дальнейшее развитие РДО, как политической организации, констатирует, что вновь принятая социальная программа послужила к сплочению РДО, к выявлению его политической зрелости и обнаружению явной тенденции постепенного превращения РДО в открытую политическую партию. Мнение РДО и его политическая позиция все больше привлекают к себе общественное мнение, и это обстоятельство налагает на членов РДО обязанность быть особо осмотрительными при их выступлениях. Члены РДО не должны, подобно членам других политических партий (особенно это относится к деятелям так называемых «пореволюционных» группировок), допускать каких либо безответственных выступлений. В настоящее время РДО, вступая в новую стадию своего развития, начинает выявлять себя перед широкой публикой и намерено для пропаганды своих идей, в ближайшем будущем начать выпуск собственного журнала.

Секретарь РДО А. А. Александров дополняет доклад П. Н. Милюкова рядом фактических сведений о деятельности РДО за время с 15-го мая 1932 года по 11-ое марта 1933 г. Докладчик говорит, что деятельность РДО за этот промежуток времени была, главным образом, направлена на ознакомление с нашей новой программой родственных РДО политических организаций, и на получение от них их отзывов и замечаний. Как это было уже указано на предыдущем Общем Собрании, опубликование нашей социальной программы явилось событием выдающегося значения для всего республиканско-демократического движения и потому известный сговор, хотя бы и запоздалый, был необходим по соображениям политической целесообразности. РДО были получены отзывы на программу от республиканско-демократических групп кадетской партии в Париже и Праге, а также от Российского Республиканско-Демократического Объединения в Берлине. Замечания первых двух организаций касались, главным образом, вопросов редакционно-технических и большая часть этих замечаний была принята во внимание при принятии РДО 30-го октября окончательного текста программы. Точка зрения Берлинского РДО оказалась несколько правее наших позиций и пред-

ставляла собой, в сущности, повторение старой либеральной концепции. Членам РДО, вероятно, памятна, газетная полемика, возникшая между газетами «Возрождение» и «Последние Новости» по поводу опубликования «Возрождением» лживой информации «о развале РДО». П. Н. Милюков в своей статье ясно охарактеризовал смысл происшедшего, а председатель Берлинского РДО Б. И. Элькин в своем письме в «Последних Новостях» точно определил пределы наших разногласий, подчеркнув при этом, как общность политического понимания происходящего в России исторического процесса, так и наличие продолжающих существовать между нашим и Берлинским РДО дружественных отношений.

Наша новая программа была опубликована в «Последних Новостях» 4-го ноября 1932 г. одновременно с посвященной ей передовой статьей П. Н. Милюкова. В том же номере газеты сообщалось о выходе из РДО, по несогласию с принятой программой, четырех лиц. Впоследствии к ним присоединился еще пятый — Н. В. Борисов, который был несогласен с принятой вновь аграрной программой. Газета «Возрождение», если не считать безграмотного замечания ее редактора в статье «И мы кровь проливали» никак не отозвалась на нашу программу. Вместо серьезной критики,—а в составе редакции «Возрождения» имеются такие осведомленные публицисты, как например проф. Тимашев, газета ограничилась только наглой демагогией. Такое отношение лишний раз подчеркивает неуязвимость нашей программы и полную беспомощность наших политических противников справа.

Несколькими словами отозвались на программу «Крестьянская Россия» и «Младоросская Искра». Обе обвиняли нас в... плагиате положений их программ. Слева наша программа была отмечена только в «Социалистическом Вестнике» в полу-сочувственной, но с оттенком недоверия, статье г. Далина.

Наконец, нужно отметить чрезвычайно дружественный отзыв о нашей программе в нью-иоркском «Новом Русском Слове» А. Б. Петрищева. Последний счел особенно нужным подчеркнуть свое одобрение принятому нами принципу частной собственности на землю, одобрение — в устах народника — крайне симптоматичное.

Деятельность РДО затем выразилась в обсуждении ряда тем, захватывающих наиболее существенные стороны текущей политики.. На очереди — доклады по вопросам банковского дела и городского хозяйства. Обсуждение этих вопросов несколько замедлилось с одной стороны сложностью и малоразработанностью этих вопросов, а с другой стороны — перегруженностью докладчиков.

Издательская деятельность выразилась в выпуске № 20 «Хроники РДО» и в издании книги проф. Маркова «Кризис сельского хозяйства в СССР». Выбор последней темы объясняется тем, что сельское хозяйство является главной причиной политических и хозяйственных затруднений советской власти.

С большим удовлетворением А. А. Александров отмечает рост республиканско-демократических настроений за границей. РДО ведет сейчас переписку с Нью-Іорком, Белградом, Субботицей и Варшавой. В Нью-Іорке Н. Н. Николаев 4-го сего марта должен был сделать доклад о РДО. Организационной связи у РДО с заграничными единомышленниками пока еще нет, но фактически РДО является головным отрядом всей республиканско-демократической части эмиграции. Этому мы обязаны, главным образом, тем, что во главе РДО стоит П. Н. Милюков, авторитет которого для всех русских республиканцев-демократов является непререкаемым. Наша задача — оказаться достойными нашего вождя и выпавшей на нас роли — быть наиболее активной центральной республиканско-демократической организацией.

БЕЛЬФОРСКОЕ ОТДЕЛЕНИЕ РДО

Правление Бельфорского Отделения РДО на последнем общем собрании было избрано в следующем составе: предс. — И. Е. Ачкеев, секретарь — А. А. Дмитриев и казначей (он же библиотекарь) — Н. С. Трусов. Вес и влияние Б. О. на местную общественную жизнь из года в год растет и увеличивается.

Несмотря на тяжелые бытовые условия, — в связи с кризисом все ухудшающиеся, — жизнь отделения в истекшем году протекла очень интенсивно. Были устроены доклады и собеседования на следующие темы:

П. Ф. Комарецкий — «о фашизме»,
Н. С. Трусов — «Карл Маркс (по поводу 50-летия со дня смерти),
А. А. Дмитриев — «об аграрной политике СССР и ее кризисе».
Он же — «о тактике провинциальных отделений РДО»,
Н. С. Трусов — «о национализме (как надо понимать слово «Национальная Россия»)»,
Он же — «почему мы против расчленения России».

Приехавший из Парижа В. В. Попов прочитал публичный доклад о положении рабочего класса в СССР. Этот доклад собрал многочисленную аудиторию и был выслушан с чрезвычайным интересом.

Клубом и местом встречи Бельфорских р.-д.-ков и их друзей служит библиотека. Центральное парижское правление содействовало расширению и пополнению нашей библиотеки, обслуживающей сейчас большинство русской колонии. Кроме своей прямой функции, библиотека выполняет роль связующего звена между организациями и лицами не зараженными ультра-реакционными настроениями.

Обстановка, существовавшая в момент возникновения, сейчас коренным образом изменилась и в настоящее время Б. О. является самой влиятельной в русской колонии организацией.

И. Ачкеев.

«НАЦИОНАЛЬНАЯ» ИДЕОЛОГИЯ

(Письмо из Бельфора).

За последнее время заметно некоторое оживление в нашей сонливой и монотонной провинциальной жизни. Сначала разговаривали о денационализации детей, о необходимости национальной русской школы, о национальной России и о необходимости бороться с большевиками. От слов перешли к делу. Местный Комитет по организации дня русской культуры подавляющим большинством голосов постановил отчислить в пользу русской школы часть предполагаемых от устройства вечера сборов. Но последующие события показали, что приходится желать, чтобы школа как можно меньше пахла теми запахами, которые у нас считаются «национальными».

Местное отделение ОВС начало вывешивать в помещении русской столовой номера газеты «За Россию», выходящей в Болгарии. Эта газета, называющая себя органом Национального Союза Нового поколения и рекомендуемая генералом Стоговым для распространения среди членов ОВС, вызвала довольно большой интерес. В первом из вывешенных для прочтения номеров были похвалы фашизму; предлагалась организация боевых дружин для террористической борьбы с большевиками и указывалось, что «гибель не должна смущать ни идущих, ни посылающих».

Конкретных указаний, во имя какой национальной идеи должны гибнуть идущие, посылающие на смерть в этом номере газеты не дали.

И только, когда был вывешен следующий номер (№ 19) газеты, мне удалось найти косвенные указания на основы идеологии лиц, взявших привилегию мыслить «национально».

В этом номере помещена каррикатура, изображающая въезд Эррио в СССР. Тележку, на которой сидит Эррио, тащит красноармеец или чекист; сзади ее подталкивает еврей

Затем в статье г—на Перфильева «Редкое явление» приводится доклад Өомина на тему: «Настоящий политический момент и единение сил эмиграции». В этой статье доказывается, что очередной задачей Японии является создание буфферного государства между СССР и Манджуко; японские экономические и политические интересы и стратегические соображения требуют, чтобы территория нового буфера простиралась от Владивостока до Иркутска. Автор приходит к следующему выводу: будет ли Япония бороться с коммунизмом как таковым или начнет войну с СССР как государством, «во всех случаях необходимо создание организованной национальной силы, которая не будет забывать, что при всех обстоятельствах злейшим нашим врагом является коммунизм и не надо пропускать случая для нанесения ему смертельного удара».

Антисемитизм и расчленение России остаются попрежнему осью, вокруг которой продолжает вращаться русская зарубежная оффициально «национальная» мысль.

Безполезно спорить с ее представителями. Патриотические выступления А. И. Деникина не встретили у них отклика. Им понятен только национализм Столыпина, смотревшего сквозь пальцы, как глава Одесского Союза Русского Народа. Граф Коновницын предвосхитил арийскую теорию Гитлера и применил ее на практике на улицах Одессы.

Оставаться беспристрастным наблюдателем этой погромно-буфферной пропаганды также невозможно. Мы, — демократы, живущие в провинции, — должны теснее связаться с организациями, взгляды которых наиболее близки нашим взглядам. Только этим путем мы сможем добиться успеха в борьбе с распространением псевдо-национальной идеологии и противостать ее представителям в различных начинаниях общественного характера.

Н. Трусов.

г. Бельфор.

ЛИОНСКОЕ ОТДЕЛЕНИЕ РДО

В 1933 году было сделано четыре открытых доклада: А. П. Марковым — «о пятилетке» и «об общем экономическом положении в СССР» и бывшим комсомольцем М. Москвиным — «о настроениях в сов. России», «о молодежи».

Внутренние доклады и собеседования затрагивали следующие темы: 1) Дальневосточный вопрос, 2) «Пятилетка», 3) Экономическое положение СССР, 4) Внешняя политика советов, 5) Причины гибели политической демократии в Европе.

Р.-Д.-КИ В ЧЕХОСЛОВАКИИ

В Праге активную политическую работу ведет член РДО Д. И. Мейснер. В минувшем году им был прочитан публичный доклад, посвященный анализу так наз. «пореволюционных течений». Доклад вызвал большой интерес, и в его обсуждении приняли участие представители разных политических группировок.

Памяти Б. А. ЕВРЕИНОВА

29-го октября 1933 г. респ.-дем. эмиграция понесла тяжелую утрату в лице безвременно скончавшегося в Праге

БОРИСА АЛЕКСЕЕВИЧА ЕВРЕИНОВА

Покойный, — молодой талантливый историк, — занимал выдающееся место в рядах пражской эмиграции и проявлял исключительную энергию в своей деятельности на разных поприщах. Особенное внимание Б. А. уделял ответственной работе по пропаганде наших идей по ту сторону рубежа, руководя сложным делом распространения специальной литературы, предназначенной для подсоветского читателя.

Р.-Д.-ки В ЮГОСЛАВИИ

Из Белграда нам пишут: Наш кружок с начала октября начал функционировать. Было пять собраний, посвященных вопросам: 1) о последствиях пятилетки в сельском хозяйстве, 2) о пореволюционных идеологических исканиях и 3) о существе современного мирового кризиса. Собрания прошли с исключительным оживлением. Намечены следующие темы для дальнейших бесед: 1) активизм масс в эпоху кризиса, 2) грядущая война, 3) международное положение СССР.

Нас очень интересует выступление по этому вопросу П. Н. Милюкова в Лондоне и в Париже, так как «Последние Новости» сюда, к сожалению, доступа не имеют. Тем не менее позиция П. Н. Милюкова не дает покоя местным «патриотам». Недавно член правления Союза писателей Е. А. Жуков на так называемой «Устной газете» (добавлю — совершенно бульварного характера) в своей «статье» о внутреннем и внешнем положении СССР в связи с 17-ым съездом, демагогически расправившись с точкой зрения П. Н., прямо заявил, что «все патриоты должны быть пораженцами».

Вообще пораженчество делает в здешней эмиграции завоевания. Этой постыдной пропагандой здесь в течение нескольких месяцев занимался епископ Харбинский Нестор. Он читал лекции, посвященные Д. Востоку, в которых развивал такие положения: нет страны лучше, чем Япония с ее «вождем» — нашим православным Саввой Даниловичем Араки. Она свергнет сов. власть, образует «буфер», где все «патриоты» будут строить православную Россию.

Нельзя не присоединиться к выслушанному мной мнению одного профессора правого уклона — «трудно найти более отвратительное явление, чем фигура епископа-пораженца».

В заключение, мне незачем говорить, как мы Вам благодарны за сообщения о деятельности Вашего объединения.

Л. А.

Из Субботицы нам пишут: Литературу получил, очень благодарен, особенно за бюллетени, давшие нам возможность познакомиться с теми интересными докладами и прениями, которые сопровождали выработку программы. Последняя вызвала у нас оживленный обмен мнений.

Здешний эмигрантский спектр окрашен фашизмом, а теперь и гитлеризмом, создавая против нас единый фронт от кирилловцев до крестроссов («Крест. Россия») включительно. И нет той клеветы, на которую не пошли бы наши соплеменники справа, чтобы только зажать нам рот. Из них, говоря по правде, ведут себя прилично только кирилловцы, м. б. потому, что сами-то они не в большом фаворе; зато г.г. Масловы и Ксюнины с К-о переходят все границы в своем прислуживании РОВС-у.

N. N.

ДРУЗЬЯ РДО В НЬЮ-ЙОРКЕ

В Нью-Йорке существует группа наших единомышленников, возглавляемая Н. Н. Николаевым. Последним был прочитан 4-го марта 1933 года доклад о «Респ.-Дем. Объединении». В своем пространном письме, адресованном председателю РДО, Н. Н. Николаев, между прочим, пишет: «не откажите в исполнении нашей просьбы своим авторитетным словом поддержать нашу позицию, которую мы вынуждены здесь защищать от нападений не только былых наших врагов справа и слева, но и новых, ныне народившихся, в лице «поревол. течений», «евразийцев», «младороссов».

Заранее приношу Вам глубокую благодарность и от себя и от группы Ваших политических и личных друзей, видящих в Вас единственного человека, могущего в нужную минуту объединить под своим лидерством значительные прогрессивные силы, как в эмиграции, так и в России».

ПРОГРАММНЫЕ ПОЛОЖЕНИЯ

принятые Общим Собранием 30-го октября 1932 г.

(изменение §§ 4, 5 и 6 краткой платформы РДО)

ПРОМЫШЛЕННЫЙ ВОПРОС

РДО осуждает промышленную политику коммунистической партии, характеризуемую насильственным проведением партийной доктрины и уничтожением всякой частно-хозяйственной деятельности и и этим самым не согласующуюся с объективными возможностями страны и игнорирующую реальные интересы населения, доведенного до нищеты и хозяйственного закабаления.

Этой пром. политике должна быть противопоставлена политика, основанная на гармоническом и целесообразном, соответствующем уровню хозяйственного развития страны, использовании государственного и частного начал в промышленном хозяйстве, ставящая своей целью наибольшее благосостояние населения и согласующая промышленное развитие страны с развитием земледелия и всех других отраслей народного хозяйства.

В основу новой промышленной политики должны быть положены следующие начала:

1. В соответствии с общим принципом отказа от восстановления уничтоженных революцией имущественных прав, права прежних собственников на национализированные промышленные предприятия и на возмещение понесенного ими материального ущерба, не подлежат удовлетворению.

2. В виду того, что оставление всех национализированных предприятий в руках государства противоречит вышеуказанным задачам промышленного развития страны, вопрос об их дальнейшей судьбе должен быть разрешен следующим образом:

а) Предприятия, необходимые для выполнения задач общегосударственного порядка, остаются в государственном управлении и эксплоатации,

б) Все остальные предприятия или остаются в руках государства, если государственная их эксплоатация оправдывается народно-хозяйственными интересами и окажется возможной с финансовой точки зрения, или же в разных формах (концессии, аренды, продажи) передаются частным лицам, органам местного самоуправления и кооперативам. В интересах народного хозяйства государство сохраняет и в предприятиях последнего типа большее или меньшее влияние, путем участия в капиталах предприятий, участия в управлении ими, в их эксплоатации, или в условленной при передаче предприятий форме контроля над их деятельностью.

Примечание. Органам местного самоуправления предприятия передаются по возможности безвозмездно.

3. За государством сохраняются верховные права на недра.

4. Независимо от судьбы предприятий, национализированных советской властью, населению предоставляется свобода по созданию и эксплоатации новых промышленных предприятий с сохранением за государством высшего контроля для наиболее целесообразного использования естественных богатств страны и вообще для наиболее выгодного для населения направления промышленного хозяйства.

5. Монополия внешней торговли отменяется, но за государством остается регулирующая роль в торговых сношениях страны с иностранными государствами.

6. При заключении всякого рода международных промышленных и торговых соглашений государственная власть должна руководиться целями достижения возможно большей хозяйственной самостоятельности России и хозяйственной выгодности для населения.

АГРАРНЫЙ ВОПРОС

Аграрная политика коммунистической партии, сводящаяся к принудительной коллективизации сельского хозяйства и жесточайшей эксплоатации всего земледельческого населения, приводит к дальнейшему разрушению этой важнейшей отрасли народного хозяйства в стране, к обнищанию земледельцев и к голодным бедствиям огромных масс населения.

Относясь резко отрицательно к такой политике коммунистической партии, РДО считает необходимым в основу своей аграрной программы положить следующие начала:

1. До окончательного разрешения земельного вопроса законодательным органом страны верховное право на землю сохраняется за государством. Претензии бывших собственников на возвращение им их владений или на выдачу за них вознаграждения никакому удовлетворению не подлежат.

2. Запутанность земельных отношений, вызванная аграрной политикой коммунистической партии, сделает неизбежным немедленное после падения советской власти перераспределение земли между земледельцами. Задача государственной власти в этот переходный период заключается в том, чтобы придать этому процессу наиболее закономерный характер и создать в самый короткий срок необходимые условия для нормальной сельско-хозяйственной

деятельности, содействовать возвращению к хозяйству оторванных от него земледельцев, а также сохранить общественное имущество совхозов и колхозов в интересах наиболее целесообразного его использования для нужд сельского хозяйства.

3. При окончательном разрешении вопроса о земельном устройстве общегосударственным органом необходимо исходить из положения, создавшегося в переходный период. Основная задача законодательства, заключающаяся в достижении наибольшего благосостояния страны и земледельческого населения, а также в прогрессе сельского хозяйства, должна быть осуществлена путем проведения в жизнь следующих начал:

обеспечение свободы земледельческого труда и распределение государственного земельного фонда между занятыми в сельском хозяйстве земледельцами на праве частной собственности. Частная собственность на землю может быть как личной, так и общественной. За государством при этом должно быть сохранено право регулирования размеров землевладения, борьбы с земельной спекуляцией и хищническими условиями аренды, принятия мер для наиболее рационального использования сельско-хозяйственной площади и принудительного отчуждения земли для общественных надобностей, в частности, для надобностей, вызываемых осуществлением мелиоративных сооружений.

4. Всем земледельцам, состоящим членами колхозов, предоставляется полная свобода выхода из колхозов с правом получения соответствующего количества земли на общих основаниях для всех земледельцев и с выделением их доли из имущества колхозов. Имущество колхозов, в случае невозможности его распределения между членами колхоза, передается органам местного самоуправления на предмет образования складов сельско-хозяйственных орудий и другого хозяйственного использования. Членам колхозов, которые пожелают в дальнейшем вести хозяйство на кооперативных началах, должно быть отведено на общих основаниях с индивидуальными хозяйствами количество земли и выделена соответствующая часть из имущества колхозов.

Примечание. При распределении земли и имущества колхозов должны быть приняты во внимание интересы тех земледельцев, которые не состоят членами колхозов, но у которых для надобностей колхозного хозяйства были отобраны земли и имущество.

5. Совхозы, устроенные в районах, где земледельческое население недостаточно обеспечено землей, ликвидируются и земля, за исключением необходимой для общественных надобностей, распределяется между земледельцами. Имущество совхозов переходит к органам местного самоуправления в том же порядке, как и неделимая часть имущества колхозов. Совхозы, находящиеся в районах, где земледельческое население не испытывает земельной тесноты, только в том случае остаются в эксплоатации государства, если дают доход или нужны для удовлетворения государственных надобностей. В противном случае территория совхозов перечисляется в государственный земельный фонд, а имущество передается органам местного самоуправления.

6. Леса являются общегосударственным достоянием и находятся в ведении государственных органов управления. Однако, для удовлетворения хозяйственных нужд земледельческого населения из общегосударственного лесного фонда выделяются леса местного значения.

7. На государственной власти и органах местного управления лежит задача проведения мероприятий, необходимых для быстрейшего восстановления сельского хозяйства, его развития и прогресса, в частности, перехода сельского хозяйства к более интенсивным формам и, где по хозяйственным условиям окажется возможным, усвоения новейшей техники сельско-хозяйственного производства. Для этой цели должны быть осуществлены необходимые мероприятия в области увеличения количества удобных земель, переселенческого дела, землеустройства, мелиораций, долгосрочного и краткосрочного сельско-хозяйственного кредита, снабжения машинами и удобрением, лучшей организации внутреннего рынка для сбыта сельско-хозяйственных продуктов, защиты интересов сельского хозяйства на внешних рынках, содействия агрономическому образованию. Особого внимания заслуживают мероприятия по содействию сельско-хозяйственной кооперации в разных ее видах, а также как пути, открывающему для мелкого крестьянского хозяйства возможность использовать современную технику сельско-хозяйственного производства.

РАБОЧИЙ ВОПРОС

РДО, строя свою рабочую политику на принципе вмешательства государства в область трудовых отношений, в целях социальной справедливости и солидарности, и руководясь ее реальной осуществимостью, выдвигает следующие положения:

1. Государственная всесторонняя охрана труда (безопасность труда, санитарно-гигиенические условия работы, ограничение и строгая регламентация труда несовершеннолетних и женщин, минимум еженедельного обязательного отдыха, обязательный оплаченный ежегодный отпуск и т. п.) и ограничение продолжительности рабочего дня, которая не может превышать восьми часов.

2. Обеспечение рабочих, — путем социального страхования или иными путями, — от болезни, несчастных случаев, инвалидности, старости, безработицы и т. п.

3. Признание права коалиции и забастовок, преследующих защиту экономических интересов.

4. Свобода профессиональных союзов и обеспечение за ними наиболее благоприятных для их деятельности правовых условий.

5. Законодательное признание коллективных договоров.

6. Арбитраж для улажения конфликтов между рабочими и предпринимателями, касающихся вопроса заработной платы и других.

7. Представительство от рабочих в органах по охране труда и по социальному страхованию.

8. Участие в международных органах по охране труда.

9. Содействие организации и деятельности рабочих кооперативов и жилищно-рабочего строительства.

Против пораженчества

(Приложение к докладу **П. Н. Милюкова**)

« Прошу инструкций »

(Письмо в редакцию «Последних Новостей»)

Милостивый государь,
господин редактор,

В виду того, что в передовой статье «Последних Новостей», от субботы 9-го декабря сего года, посвященной недавнему докладу в Лондоне П. Н. Милюкова, было упомянуто мое имя, разрешите просить Вас любезно уделить место изложению следующих моих соображений в связи с тем вопросом «об указаниях», который я позволил себе поставить почтенному докладчику на собрании в Русском экономическом обществе в Лондоне.

Я выразился тогда так: «Мне не хотелось бы, чтобы мы покинули это помещение, ограничившись лишь выслушанием обстоятельного и интересного сообщения П. Н. Милюкова и некоторых выступлений моих лондонских соотечественников, в связи с докладом лидера РДО. Мне хотелось бы, чтобы бывший министр иностранных дел, ученый историк и видный общественно-политический деятель, стоящий во главе крупной русской газеты, преподал нам некоторые более положительные указания». Я вспомнил при этом о той фразе, которой, в большинстве случаев, оканчивались донесения в центр наших дипломатических агентов, и которая, для краткости, обозначалась группой четырех цифр. Фраза эта была «прошу указаний».

Совершенно правильно подчеркнул автор упомянутой передовой статьи, что, ставя этот вопрос, я был далек от каких бы то ни было шуток. До шуток ли ныне? Тем менее, конечно, хотел я «подвести П. Н. Милюкова под обстрел», как некоторые это думали. Я действовал совершенно искренно и без каких бы то ни было задних мыслей. Если я поставил этот вопрос — как это показалось некоторым — в несколько заостренной форме, то лишь потому, что в докладе П. Н. Милюкова — докладе, богатом фактическим материалом — я не усмотрел, так называемой, конкретно-конструктивной части, заключения и «указаний». Нет сомнения, что П. Н. Милюков сказал нам очень много. Более того — он пробудил у некоторых из нас политическую мысль, — мысль, часто склонную, в силу целого ряда условий и обстоятельств, пребывать в дремоте. Он нарисовал довольно зловещую картину создавшихся и создающихся международных условий, наличие и угроза которых для России требуют с нашей стороны каких-то усилий. Но практического плана действий автор нам не предложил.

Автор передовой пишет: «г. Саблин находил именно, что сообщенные докладчиком данные требуют нового пересмотра всего вопроса о задачах русской дипломатии». Несомненно, это так. Положение нашей отечественной проблемы становится все более и более сложным. Помимо всего того, что творится в России, — и что требует скорейшего прекращения, — отечество наше — Россию — начинают рассматривать как некое выморочное имущество. Предвосхищения Танаки, с одной стороны, и Гитлера, с другой, налицо. Статья лорда Ротермира на прошлой неделе в «Дэйли-Мэйль», газете, распространяющейся ежедневно в количестве 2.750.000 экземпляров, также в этом смысле показательна и не должна быть забытой. Газетный лорд совершенно определенно вентилирует идею «устроить и успокоить Европу за счет территории России».

Я не впадаю в ошибку, ибо от предвосхищений и пропаганды до действий — дистанция огромного размера. Но игнорировать эти интриги нельзя, и ознакомление с ними болезненно для русского самолюбия. Вопрос национальностей России входит в тревожную фазу. В так называемых самостийнических кругах за рубежом наблюдаются явления и настроения, свидетельствующие о весьма прискорбных и неуместных заблуждениях, и об отсутствии у наших сепаратистов так называемых задерживающих центров. Статья г. Свогобичного «Украинская эмиграция» и в особенности комментарий к ней С. С. Маслова в № 7 газеты «Знамя России» заслуживают самого пристального внимания. В канцеляриях различных министерств иностранных дел, в канцеляриях посольств и миссий завелись уже зловещие «дела» или «папки», на которых синим карандашом начертаны слова «расчленение России», «балканизация России» и т. п. В нашей собственной среде появились брошюры, явно зловредные для интересов территориальной целости России. Все это ставит перед нами повелительные и серьезные задачи. Вот почему я и просил П. Н. Милюкова поделиться с нами своими более конкретными мыслями, преподать нам некоторые указания...

Как нам быть? Что рекомендовать? Как действовать? — например, здесь, в Лондоне, где многие из нас вращаются в английских политических кругах, в которых очень часто дорожат нашим мнением, если оно высказывается в спокойных и серьезных обоснованных тонах. Здесь, ведь, проявляется очень внимательное отношение не только к вопросу о положении дел в России под большевиками, но и русской проблеме во всей совокупности ее междуна-

родного значения. Однако, самые расположенные к нам англичане становятся подчас в тупик перед сложностью русского вопроса, перед его многогранностью. Здесь имеются и враги, и искренно заблуждающиеся, и ловцы рыбы в мутной коммерческо-финансовой воде, и друзья. Здесь мы находим и сторонников идеи дальнейшего уменьшения российской территории, и сторонников ее неприкосновенности. Последние, за последнее время, несомненно увеличиваются и в числе, и в значении.

В умах очень и очень многих деятелей затея выкраивания из единого государственного тела страны, — тела, веками складывавшегося, — отдельных областей, яко бы, способных к самостоятельному государственному существованию, начинает признаваться не только праздной, но и вредной. Расчлененная Россия, думают здесь, не только не сможет явиться местом приложения западных капиталов, но весьма осязательно укрепит почву гнетущей ныне весь мир экономической разрухи. Здесь есть, с кем поговорить на эти животрепещущие темы. И поговорить серьезно, с надеждой не только на сочувствие, но и на содействие. Но надо знать, что ответить, что сказать, что подсказать, что внушить. Некоторые конкретные указания П. Н. Милюкова, как, впрочем и указания других компетентных руководителей русского зарубежного общественного мнения, помогли бы многим из нас вести ту дипломатическую работу, которую мы здесь очень часто ведем за свой собственный риск и страх без опоры зарубежного общественного мнения и без «указаний», ибо центрального политического руководящего органа у нас, к нашему большому несчастию, — и к огорчению иностранных кругов, по крайней мере в Англии, — нет, и в трудные минуты сомнений и колебаний некуда отправить, как бывало, шифрованную фразу «прошу указаний».

Составить себе более или менее определенное представление о том, какого рода мнение преобладает в нашей собственной среде относительно главной — и единственной — нашей задачи, — задачи русской дипломатии (под этим термином я разумею ныне всех тех русских людей за рубежом, которые ведут политическую работу среди иностранцев в правильно и благоразумно понимаемых интересах союза народов государства российского, — **(Е. С.)**, — задачи способствования падению советской власти без того, чтобы одновременно с ним не распалась Россия, — не легка. Одни мыслят словами М. Волошина, «пошли на нас огонь, язвы и бичи, германцев с запада, монгол с востока, отдай нас в рабство вновь, и навсегда», хуже, мол, не будет. Другие, с меньшим пафосом, но весьма определенно заявляют о своей готовности действовать против большевиков в союзе — или под руководством — Танаки и Араки, Гитлера и даже Пилсудского, не взирая на то, во что такие эксперименты сотрудничества могут обойтись национально-территориальным интересам отечества. Третьи рекомендуют терпение, — в то время, как русский народ изнемогает и содрогается в мучениях...

Итак, с просьбой об указаниях я готов обратиться к любому из наших политических деятелей, при условии, что на это мое обращение мне ответят серьезно, близко к предмету, и без полемических приемов, которые лишь вносят раздражение, не помогая делу. Весьма возможно, что указания будут различны. Что же? Из столкновения взглядов, из обмена мнений, в конце концов, можно будет вывести те или иные указания и действовать соответственно. Но в самом деле, нужно было бы, что называется, поговорить, обменяться соображениями, проделав все это в сдержанных формах и без обвинения, в случае разногласия, одних в предательстве, других в соглашательстве, третьих в безоговорочном признании советской власти.

За недостатком времени П. Н. Милюков не мог ответить более или менее пространно на мой вопрос. Самому себе он, несомненно, уже дал инструкции. И сводятся оне к заявлению, вызвавшему возражения резкого характера в печати инакомыслящих и приведшего к выставлению положения, что никогда и ни при каких условиях коммунистическая власть не может и не будет отстаивать целость и неприкосновенность границ территории, на которой она владычествует. Заявление П. Н. Милюкова свелось к утверждению, что при создавшейся международной обстановке советское правительство ведет такую же политическую линию, какую вело бы в аналогичных условиях всякое другое русское правительство. Разногласия в отношении такой постановки вопроса объясняются, мне думается, просто столкновением инстинктивно-субъективной точки зрения с объективным изложением голого факта. А с фактами считаться приходится. Каковы бы ни были конечные задания коммунистической власти, — нельзя все же не признать, что до сих пор она, как могла, охраняла целость той территории, которая ей досталась. Выдержит ли московская власть вот эту «политическую линию» и впредь, — это уже вопрос иной. Но до сих пор она ее проводила не без успеха. Если Румыния в свое время заняла Бессарабию, а Польша захватила широкую полосу земель российских, то это в значительной мере, если не преимущественно, объяснялось благожелательным отношением некоторых держав к этим «приобретениям за счет России» и определенной поддержкой Франции.

Споры же о том, — и в особенности внесение в эти споры элементов досадного личного раздражения, — каковы были при этом «принципиальные намерения» коммунистической партии, овладевшей нашим отечеством, как наивыгоднейшей базой для целей третьего интернационала, — споры эти являются довольно таки беспредметными и вредными. Простой факт заключается в том, что большевики охраняли пока, по мере возможности, территорию России в нынешних ее границах по тем же соображениям, по каким каждый захватчик охраняет свою добычу. По существу коммунисты будут, во-пер-

вых, стремиться к устройству мировой революции, а, во-вторых, стараться удержать то, что уже раз попало им в руки. Единственным надежным козырем при отстаивании территориальной целости России в тот момент, когда алчность одних и безумие других заставляют и тех и других рассматривать наше отечество, как нечто плохо лежащее, — единственным козырем в такой момент остается использование соревнования между другими державами, при наличии определенного нежелания третьих держав допустить усиление Японии и Германии за счет российских пространств. Каково бы ни было правительство Сталина во многих отношениях, но эту истину оно, повидимому, хорошо себе усвоило.

Я позволю себе закончить изложение этих соображений вышеуказанной фразой «прошу указаний», по адресу всех тех моих соотечественников, которым попадется в руки настоящий номер «Последних Новостей». Пусть они укажут мне, какого практического образа действий они рекомендовали бы придерживаться русской дипломатии за рубежом для того, чтобы ускорить падение коммунистической власти над Россией, и вместе с тем не подвергнуть государство российское опасности дальнейшей утраты своих окраин, ужасам междоусобных войн среди национальностей его населяющих, и риску подпадения тех или иных лакомых частей обширного нашего общего отечества под гегемонию своекорыстных, заинтересованных иностранных держав.

Примите уверения в отличном моем уважении.

Е. Саблин.

Ответ Е. В. САБЛИНУ

Многоуважаемый Евгений Васильевич,

Подавши повод для Вашего обращения в печати ко «всем тем соотечественникам, которым попадется номер «Последних Новостей» с Вашей статьей, я, естественно, считаю своим долгом дать Вам и лично на Ваше «прошу указаний» более обстоятельный ответ, чем те, которые я мог дать во время моих выступлений в Лондоне и в Париже. Если я несколько запоздал с этим ответом, то это отчасти потому, что хотел выждать, пока Вы получите ответы на Ваш вопрос от других соотечественников. Откликов с тех пор получилось достаточно; но я боюсь, что и после них те «указания», которых Вы желали, представляются не очень ясными.

Одну из причин этого, как мне кажется, надо искать в том обстоятельстве, что самый вопрос в Вашей постановке оказался гораздо сложнее и труднее для ответа, чем тот, который я сам пытался разрешить в своих докладах. В самом деле, Вы считаете «главной и единственной» нашей задачей — «задачу способствования падению советской власти боз того, чтобы одновременно с ним не распалась Россия». Позвольте заметить, что здесь соединены не одна, а две задачи, и из них — при условиях, в которых находимся мы и Россия, — одна оказывается трудно совместимой с другой. Обе, конечно, важны, и обе мы должны преследовать; но ведь вопрос сводился не к этой общей постановке, а к более конкретной, а именно: в виду грозящаго нам в данный момент нового раздела нашей родины, как следует поступать нам, эмиграции, чтобы этого раздела не случилось. На этот вопрос, собственно, я и отвечал, а именно: 1. Эмиграция не располагает средствами предупредить раздел, но в ее власти, к сожалению, ему содействовать, став орудием чужих аппетитов. 2. Если бы мы оказались в ответственной роли русского правительства, мы должны бы были вести ту самую политику, какую ведет при настоящем положении советская дипломатия. Естественным выводом отсюда было, конечно, что мы не должны мешать этой политике, ибо она соответствует не только интересам советской власти, но и интересам России.

Я очень рад констатировать, что в этих пределах поставленного мною вопроса Вы со мною согласны. Ибо Вы говорите: «нельзя не признать, что до сих пор коммунистическая власть, как могла, охраняла целость той территории, которая ей досталась». Конечно, она делала это, «по тем же соображениям, по каким каждый захватчик охраняет свою добычу», и лишь постольку, намекаете Вы, поскольку это не противоречило задачам международного переворота, преследуемым этой властью, и безопасности ее собственного существования. Я мог бы заметить по этому поводу, что власть, хозяйничающая в России в течение пятнадцати лет, поневоле берет на себя и иные функции — национального правительства. Но, разумеется, русской национальной властью я ее не считаю, и скандалисты последнего призыва, разбросавшие пасквильный листок на моем докладе, в этом отношении упражняют свои таланты не надо мной, а над каким-то ими самими созданным соломенным чучелом. Согласны Вы со мною и в том, что «правительство Сталина, повидимому, хорошо себе усвоило «политику» использования соревнования между другими державами, при наличии определенного нежелания третьих держав допустить усиление Японии и Германии за счет российских пространств». Правду сказать, я в этом «нежелании», — по крайней мере, в его прочности, — не вполне уверен; но, во всяком случае, речь здесь идет о сближении СССР с Францией и ее союзниками, и, следовательно, Вы согласны со мною, что это и есть та политика, которую вело бы теперь всякое русское правительство.

Добавочный — и неизбежный, конечно, — вопрос, Вами поставленный, заключается в том, какое отношение это одобрение внешней политики советской власти имеет к нашему всегдашнему и общему желанию ее скорейшего падения. Не превращается ли объединенная Вами «главная задача» в своего рода

дилемму: или то — или другое? Я сам этой дилеммы не ставил; но, раз поставленная, она, естественно, разбудила те страсти, которые кипят в эмиграции при всяком прикосновении к этому больному вопросу. Уже в течение самого парижского доклада я мог почувствовать впечатление этой, не мною поставленной дилеммы. Представитель младороссов, признавший свое согласие со мной «на 100 процентов», не мог все таки не воскликнуть: а все таки мы будем бороться с большевиками. На это я ответил: и я также. Другой мой оппонент придумал легкий выход из затруднительного положения: он соединил обе части в одну: «свергнем большевиков и обороним Россию». Это упрощенное решение называется в логике petitio principii принятие за доказанное того, что предстоит еще доказать. Оно упраздняет, конечно, самый вопрос, и понятно, почему слушатели смеялись, когда я назвал это решение «идеальным». К сожалению, устройство обороны России не ждет того времени, когда мы большевиков «свергнем», а, свергнув большевиков, мы, пожалуй, не поспели бы организовать оборону. Никакого способа скорейшего свержения этот оппонент также не указал, кроме того, что для этой цели и нужно воспользоваться предстоящим военным замешательством, — тем самым, которое может привести к разделу России. Армия враждебна большевикам, — говорил этот оппонент, — и советская Россия не обороноспособна; войны хочет народ, а власть ее боится. Отсюда следовало бы «указание»: надо содействовать открытию военных действий против советской власти. Как потом «оборонить Россию» от вторгшегося врага, оппонент не указал; повидимому, он вольно или невольно присоединился к тем, кто хочет свержения советской власти «какой угодно ценой». Уже во время моего доклада, другой оппонент заметил ему, что и неспособность советов к обороне, и враждебность красной армии подлежит еще доказательству и фактической проверке. А затем, на страницах «Последних Новостей», А. П. Марков обратил внимание этого рода возражателей на то, что ведь низвержение большевиков вовсе не есть необходимое следствие вторжения неприятеля, желающего поживиться русским достоянием. После победы неприятель может сговориться с той же властью ценой нужных ему уступок. Этого же рода соображения имел в виду и мой вопрос собранию, встреченный, как отмечено в отчете, «единодушными, долго не смолкавшими аплодисментами»: «раздела вы добьетесь, но освободите ли Россию?»

Как видите, при Вашей постановке вопрос запутывается — и при некоторых условиях становится неразрешимым. Ибо, если, вообще говоря, следует сохранять враждебное отношение к советскому правительству и в то же время приходится одобрять его внешнюю политику, как нужную для России, то подставлять этому правительству ножку в тот самый момент, когда нашествие неприятеля грозит разделом, значило бы явно противоречить задачам этой самой одобряемой нами политики. Очевидно, дело стоит сложнее, чем думал тот оппонент, который рассчитывал избегнуть одинаково и «пораженческой» и «оборонческой» точки зрения своей упрощенной постановкой: «свергнем большевиков и обороним Россию».

Я с интересом ждал, как выйдет из аналогичного затруднения тот младоросс, который, будучи согласен со мною «на 100 процентов», в то же время одушевленно и убежденно заявлял: «отказаться от борьбы не можем никогда». Интерес этот был тем больше, что я знал о широко оповещенном самими младороссами соглашении с берлинскими эмигрантами, явно идущими на раздел России и даже активно готовящими этот раздел. О роли таких «деятелей», как г. Бермонт, достаточно говорилось на страницах «Последних Новостей», чтобы к этому здесь возвращаться. Не менее ясна и задача эмигрантских украинских групп, в частности, друзей гетмана Скоропадского (отвечу, кстати, моему корреспонденту из Стамбула: разумеется, не «Украина предлагает себя всем», как сказано в отчете о докладе, а те, кто считает себя в праве говорить за-границей от ее имени; и это есть не мое утверждение, а сообщение некоего «дипломата», напечатанное в «Последних Новостях»). Более чем ясна, к сожалению, и роль русских эмигрантов в Японии и Манчжурии. Вы со мной соглашаетесь, уважаемый Е. В., что все эти группы являются активными деятелями в пользу раздела, и на этом я не буду далее останавливаться. Но как же следует поступить по отношению к этим группам противникам раздела, называющим его «позором для России» и и провозглашающим лозунг «руки прочь от России?» Вот вопрос, ответа на который я, как сказано, с некоторым интересом ожидал от политиков этого направления. Я тоже «прошу у них инструкций». Посмотрим, какой ответ они дали.

Увы, речь г. Казем-Бека, которую я внимательно прочел в «Искре» от 1 января, убедила меня лишь в том, что ответа на поставленный Вами вопрос Вы так и не получите. Г. Казем-Бек совершенно правильно указывает, что в Вашей постановке заключается не «дилемма» ,а «двойная задача». В этом отношении он говорит то же, что и я. Но дело осложняется, когда затем, подобно упростителю на моем докладе, и он сближает «оба аспекта» двойной задачи и в тексте, и даже в заголовках своей речи. «Освободиться внутри и защититься извне». Но как же это сделать — в одно и то же время? Речь г. Казем-Бека очень длинна, многословна и переполнена звучными фразами, — согласно его взгляду, развиваемому тут же, о великом значении «рекламы» для политики. Но затушевать внутренних противоречий в постановке и ему не удалось, — тем более, что, помимо логических трудностей, он был еще, очевидно, связан последствиями состоявшегося в Берлине и «рекламно»-провозглашенного соглашения с другими «русскими фашистами».

Все же на тонкостях, при помощи которых г. Казем-Бек думает, — если не разрешить, то обойти

затруднения, стоит остановиться. В духе фашизма он считает необходимым создать «революционную партию», — «сколотить ведущую группу», которая и даст «кадры, нужные для решающего усилия в решительный момент». Этот момент наступает теперь, по его соображениям, на которых останавливаться не стану. Но вот беда: «никто не готов»! «Кадры русской национальной революции» «не готовы». Тем менее готова, конечно, вся остальная эмиграция, кроме этих решительных молодых людей, скромно признающих себя «передовым элементом всей нации». Не буду останавливаться также на том, что эти «кадры» понесут в Россию, и на чем основана их надежда «в решительный момент» слиться с народом. Ближе к нашему вопросу подходит сделанное г. Казем-Беком различение трех возможностей решения «двойной задачи в обоих аспектах («освобождения» и «обороны»). Или 1) «внутренний взрыв сбросит власть», или, 2) «иностранное нашествие начнется до свержения власти», или, наконец, 3) Россия будет завоевана «иностранной оккупацией». Собственно, первый и третий случай нас здесь не касаются; как поступят в обоих случаях младороссы, это их внутреннее дело. Вероятно, и другие части эмиграции будут решать этот вопрос, когда то или другое предположение станет фактом. Но вот второе предположение — иностранное вторжение **при существовании советской власти** — и есть то, из которого исходит реальная постановка вопроса в данный момент. Как же советует г. Казем-Бек действовать в этом, подлежащем обсуждению случае для достижения «обоих аспектов»? Увы, его решение совсем недалеко уходит от простецкой формулы моего оппонента на докладе. Вот его подлинные слова. «Если иностранное нашествие начнется до свержения власти, зарубежные кадры (которые «не готовы»?) должны быть брошены (каким путем?) в Россию для определенных прямых (? «террор» г. Казем-Бек отрицает) действий, имеющих целью захват власти **в период осложнений,** вызванных войной. По достижении этой основной цели все внимание — обороне и ликвидации войны. В этом случае, своевременность прямого действия — условие успеха. Русские кадры должны стать русскими национальными легионами. Их порыв, их воля, их штыки призваны будут обеспечить торжество русской национальной революции».

Это звучит очень гордо. Но, во-первых, если даже, по примеру Мария, г. Казем-Бек топнет ногой и явятся «легионы», — ведь сделано это будет в хаосе иностранного вторжения, среди «осложнений», ничем не отличающихся от «хаоса», ожидаемого от интервенций сепаратистов в интервью «Часового», и при полном господстве иностранцев в России.*) Один из двух «аспектов» при этом, во всяком случае, будет потерян, и иностранцы получат то, что им полагается и что с такой наглядностью изображено в упомянутой статье А. П. Маркова.

В чем же тут «стопроцентное» согласие со мной младороссов? Г. Казем-Бек признает, что младороссы, «с присущей им прямолинейностью, приветствовали германскую национальную революцию». Язык Гитлера — их «общий язык», и, очевидно, поэтому «младороссы пользуются в Германии свободой действий, которой не предоставляют другим русским группам». В то же время г. Казем-Бек прекрасно и давно знает о готовящемся покушении Гитлера на русское достояние. Он цитирует известные места, сюда относящиеся, из «Майн Камф». И он, от имени младороссов, решительно заявляет «открыто и ясно: младороссы не будут орудием в руках сил, покушающихся на бытие России», и «будут оказывать решительное сопротивление германской политике». Это, действительно, «стопроцентно». Но... помимо двусмысленной роли в момент «осложнений», о чем сказано выше, как же быть с привилегированным положением в Германии и с берлинским соглашением, препятствующим «решительному сопротивлению»? И рядом с только что приведенной фразой стоит следующая: «Мы готовы принять помощь в борьбе за раскрепощение нашей нации от **всякого,** кто желал бы помочь нам». Кто же этот «всякий»?

На этот вопрос г. Казем-Бек, прежде всего, дает нам ортодоксальное толкование, — то же, какое даете и Вы: помогут «те народы, которые заинтересованы в существовании России», т.-е. Франция и славяне (Малая Антанта). Дальше, хотя и иносказательно, одобряется и франко-советский союз. «В 1934 г. русская нация (я говорю не о коммунистическом государстве, а именно о русской нации) оказывается перед необходимостью защищать свое существование совместно с теми же нациями, которые были связаны с нею общностью жизненных интересов и в 1914 г.». Сделанная в скобках оговорка, конечно, ничего не спасает, ибо союз заключается все же не с «нацией», а с «государством». Итак, опять «стопроцентное» согласие? Но дальше, в заключительной части (цитирую по подлиннику, любезно мне предоставленному), читаем, что надо **«договориться** с ответственными кругами Японии о взаимоотношениях дальневосточных младороссов с японскими властями в Манчжурии». Во всей речи г. Казем-Бека о Японии не говорилось ни слова, хотя, по общему признанию, с этой стороны грозит одновременное, а, может быть, и более раннее нападение на русскую территорию. При этом, японцы только и хлопочут о том, чтобы добиться хотя бы видимости «единодушия» русской эмиграции в деле японской «помощи». О чем же именно, как не о расширении фрон-

*) Это пресловутое интервью изображает ход событий гораздо реалистичнее. Восстания изнутри будут подавлены красной армией, но тогда, конечно, не «корпус добровольцев», а настоящая германская армия с русскими «фашистами» в своем составе наложит свою тяжелую руку и продиктует свой закон, в виде привезенного с собой «русского» правительства — туда, где сохранятся после раздела остатки былой России. О такой постановке вопроса г. Казем-Бек благоразумно умалчивает.

та этого «единодушия» «будет г. Казем-Бек «договариваться» с японцами? И в каком отношении стоит это намерение к гордому обязательству «не служить орудием»? «Сто процентов» здесь, повидимому, очень легко могут спуститься до нуля.

Я не могу очень обвинять г. Казем-Бека за то, что при всяком приближении к действительности его благие намерения обращаются в нечто противоположное. И не для того я разбирал его аргументацию, чтобы уличить «вождя» младороссов в неясности, двусмысленности и прямых противоречиях. Но полная неудача и этой, наиболее обстоятельной до сих пор попытки связать «два аспекта» поставленной Вами, уважаемый Е. В., проблемы не свидетельствует ли о том, что проблема неправильно поставлена? Внутреннее противоречие этой постановки становится неизбежным, если каждую из задач Вы ставите абсолютно и хотите преследовать одновременно и немедленно. Тогда задачу освобождения России, при нашем собственном бессилии, и приходится решать при «чьей угодно» помощи и «каким угодно» способом. Так ее и ставят прямолинейные фанатики, до сих пор не разочаровавшиеся в возможности хотя бы и такого решения — чужими руками и за национальный счет. С другой стороны, одобрение внешней политики союзов СССР с былыми союзниками великой войны тоже становится в непримиримое противоречие с первой задачей, если хотят понять это одобрение, как признание национального характера коммунистической власти и примирение с нею. Моя давнишняя формула, которая, по моему, снимает это противоречие, состояла в признании, что, в известных случаях и при известных обстоятельствах, советская власть исполняет, по необходимости, функции национального правительства, т.-е. представляет интересы не только свои, но и России Трудность этого решения заключается в необходимости разбирать в каждом отдельном случае, совпадают ли интересы России с интересами этой власти или противоречат им. Однако, в некоторых случаях, как будто, устанавливается общий взгляд на это. Например, существование красной армии или объединение русской территории при советской власти, повидимому, признается соответствующим национальным интересам даже и людьми, разномыслящими в других отношениях. Отсюда естественная реакция против одной мысли о борьбе младоросских «легионов» в японских или германских рядах с красной армией, защищающей единство и неразделимость русской территории. Отсюда же и трудность предположить, что сама красная армия в так поставленной борьбе склонится на сторону «легионов», — да еще несущих ей дореволюционные политические идеалы. В других случаях, применение моей формулы, требующее знаний и такта, может оказаться более спорным. Но я не вижу другого способа избежать превращения Вашего «двойного вопроса» в неразрешимую «дилемму». Нечего и говорить, что ни «неготовая» революционная партия русских фашистов, ни «прямое действие» недозрелых политиков, проявляющих свои чувства скандалами, ни легкомысленные обвинения газетных полемистов в «предательстве», «соглашательстве» и тому подобном никакого отношения к действительному разрешению обеих задач иметь не могут. Имеют несомненное отношение к ней «предательство» и «соглашательство» с расчленителями русской земли, но мы уже знаем, что это отношение — отрицательное.

Я, однако, замечаю, что поставленный Вами вопрос имел ближайшее отношение к области, в которой Вы специально работаете: к «инструкциям» Вам, как дипломату. Я хотел бы верить Вашему утверждению, что для «дипломатической работы» в обитаемой Вами стране представляются в настоящее время расширенные возможности. Что же говорить в этой среде о СССР и о нашем отношении к нему?

В ответ — и для краткости — сошлюсь на печатаемую сегодня статью,*) автор которой желает примирить обе части «дилеммы», по крайней мере, в этой ограниченной области. Скажу только с полным убеждением, что, прежде всего, как в нашей собственной среде, так и в иностранной, мы должны **говорить правду о России,** пользуясь в полной мере свободой слова и печати, несуществующими на нашей родине. Вот случай, когда даже и неблагоприятная правда о России может оказать действие, предусматриваемое автором статьи. Я имею некоторое основание думать, что и к информации нашей, и к нашим мнениям относятся со вниманием не только здесь, но даже и **там.** Как бы то ни было, если положение русского населения будет улучшаться, это несомненно пойдет на пользу увеличения обороноспособности России. Но боюсь, что это — не тот путь «скорейшего» освобождения России, к которому стремится, по старой традиции, новая «революционная партия». Что он не «скорейший», охотно соглашаюсь. Но ведь неизвестен и темп освобождения по способу младороссов и единомыслящих с ними. Во всяком случае, даже если бы нас захотели слушать и здесь, и там, это только частичное решение. Заменить им другие я отнюдь не предлагаю. Но это предложение есть только новая иллюстрация к тому, до какой степени все конкретное, что можно предложить в этой области для каждой данной минуты, условно и ограничено.

Пожалуй, уважаемый Е. В., Вы моими «инструкциями» останетесь недовольны. Но каковы же Ваши собственные инструкции, и обладаете ли Вы сами секретом решения поставленного Вами, поистине, мучительного вопроса?

П. Милюков.

---

*) см. открытое письмо П. Н. Милюкову А. Матвеева в «П. Н.» от 9-го января 1934.

О моих собственных «инструкциях»

(Письмо в редакцию «П. Н.»)

Многоуважаемый Павел Николаевич!

В заключительном абзаце Вашего любезного письма по моему адресу в «Последних Новостях» от 7—9 января сего года Вы, во-первых, высказываете предположение, что я могу «остаться недовольным Вашими «инструкциями», во-вторых, Вы спрашиваете «каковы же мои собственные инструкции», и, в-третьих, Вы интересуетесь знать, «обладаю ли я сам секретом решения поставленного мною, поистине, мучительного вопроса».

Разрешите, в связи с этими вопросами, вновь обременить Ваше внимание некоторыми моими соображениями, среди коих Вы, быть может, и найдете ответы на интересующие Вас вопросы.

Поскольку Вы мне преподали некоторые указания, в то же время предоставив мне «свободу действий и возможность руководствоваться местными условиями, веря моему опыту и такту» (такими словами иногда заканчивали свои инструкции наши бывшие руководители иностранной политики), — я остался ими доволен. Мне хочется также выразить Вам признательность за обстоятельное изложение создавшегося и создающегося положения. В результате моего обращения к Вам, в результате Вашего ответа мне, в результате, наконец, тех многочисленных писем, которые и Вы и я получили ,в связи с затронутым вопросом, обнаружилось уже крупное и весьма отрадное достижение. А именно, — представители русской эмигрантской политической мысли различных оттенков приступили к благожелательному и объективному обмену мыслей в спокойных тонах и стараются таким путем установить между собою контакт и выявить некоторые общие основы практического созидательного характера.

Что касается моих инструкций самому. себе, то разрешите, предпослав им кратчайшее вступление, предложить их Вашему вниманию и вниманию наших соотечественников.

Г. Казем-Бек весьма удачно сжал мою несколько пространную формулу, изложив ее в пяти словах: «освободиться внутри и защититься во вне». Таково задание. Оно нелегкое. Задача сложная. Но ведь и всякая практическая политика является делом сложным и со многими неизвестными. Вот уже шестнадцать лет как мы «говорим» о необходимости свержения большевиков. Как Вы совершенно правильно заметили, — «никакими криками большевиков не свергнешь». Я должен добавить, — по крайней мере, в результате моего лондонского опыта, — что не избавят русский народ от большевиков и бесчисленные наши обращения к иностранцам, и, в особенности, обращения эмоционального характера, как бы уважаемы ни были авторы этих выступлений, и как бы ни были уважительны причины, вызвавшие обращения. Иностранцы, за последнее время, стали как будто бы даже поворачивать к нам «глухое ухо», когда в разговорах с ними мы затрагиваем нашу отечественную проблему.

Расправляясь у себя «внутри» весьма основательно с последователями Маркса и Ленина, они «во вне» предоставляют русский народ его незавидной участи, облекая это свое непротивление в самые разнообразные формы. За рубежом, в нашей собственной среде, нет, повидимому, тех сил, которые могли бы освободить отечество от большевистского засилия. В таком случае, возникает наиболее существенный вопрос, — какие же силы могут свергнуть советскую власть? Где оне, эти силы? Где их искать? Оне **там**, внутри России, и **там** их нужно искать.

Начиная с этого исходного утверждения, благоволите, многоуважаемый Павел Николаевич, ознакомиться с моими «инструкциями». Борьба продолжается, и более, чем когда либо. Но для ее успеха необходимо, как когда-то писал в «Часовом» некий краском, **искать путей в Россию.** Более, чем когда либо, нам необходимо обратить все наше внимание на постоянное и пристальное изучение развития положения дел и настроений отдельных групп населения **там.** Что **там** большинство ныне недовольно, — не подлежит сомнению. Тем более важно приложить все старания к тому, чтобы отыскать имеющиеся **там** недовольные элементы, найти **там** единомышленников и попутчиков, которые, в нужный момент, став активно-недовольными, оказались бы ценными союзниками.

Первые десять лет владычества коммунистов такая задача представлялась трудно осуществимой. Но за последние годы положение внутри России стало меняться. Недовольство стало охватывать все более и более широкие круги населения, включая и такие элементы, которые ранее являлись едва ли не главным оплотом коммунистической власти. Об этом красноречиво свидетельствуют периодические чистки в компартии, в комсомоле, среди советских служащих, и даже среди чинов армии. Трудно предположить, чтобы значительная часть таких вычищенных не переходила бы в некую оппозицию. Наша работа по выяснению и по выявлению, хотя бы даже предположительному, наших единомышленников в России для нас ныне гораздо существеннее, чем все те сведения, которые, для примера, скажем, сообщал нам недавно г. Ланг или некоторое время тому назад г. Малькольм Маггеридж. Да, они ценны, эти наблюдения иностранцев. Но они лишь эмоциональны. Нам-же важно знать численность, состав и настроения тех элементов **там,** с которыми мы могли бы войти в связь. Это не невозможно. И рано — или позднее — элементы, которые мы ищем, должны получить преобладание, ибо каждое правительство в мире, в особенности же столь противоестественное, как коммунистическое, — равно как и его попутчики, — должны подвергнуться закону изнашивания.

Но ясно, что ни проповедью режимных идеологий, ни провозглашением расовых принципов, ни антисемитизмом никого **там** теперь не соблазнишь. Шансы на сочувствие, шансы на содействие, шансы на успех может иметь лишь совершенно новая, простая и общепонятная программа, преимущественно, экономического характера, некий план хозяйственной рациональности и справедливости, исходящий не из того, что было, но учитывающий то, что произошло, программа, обещающая возможно быстрее улучшение всеобщего материального положения.

Большевики отняли теперь у народа все то, чем его прельстили в начале революции. Тем важнее, следовательно, сделать старый лозунг «Земли и хлеба, мира и свободы» более, чем когда либо заманчивым. Слабость нашего эмигрантского действа по отношению к России заключалась именно в том, что **там** совершенно не знали, какие-же наши практические программы и планы, и что вообще можно от нас ожидать. Мне думается, что г. Матвеев прав («Последние Новости от 9-го января 1934 года), когда он с пафосом восклицает: «не нужно нам, русским, рассеянным за-границей, ни белой мечты, ни красного безумия, а нужно, чтобы мало-по-малу все большему и большему количеству наших братьев становилось лучше жить». Несомненно.

Пусть **там** станет лучше житься. Все остальное приложится, впоследствии, и скорее, чем мы думаем. Но никакое улучшение жизни **там** невозможно при наличии советской власти. При нынешней «конъюнктуре», те, которые **«внутри»**, становятся более важными, и, главное, более надежными союзниками, чем **«мир внешний»**. Итак, первое задание — будем искать путей в Россию, в указанном мною выше смысле.

Второе практическое задание, над которым нам необходимо потрудиться, — это установление контакта с представителями национальностей, населяющих Российское государство, на предмет утверждения основной общности целей и возможного сотрудничества. Труднейший и сложнейший вопрос, сознаюсь, ибо, упустив некоторые моменты, мы дали ему возможность не только заостриться и обостриться, но и пропитаться каким-то весьма нежелательным ядом. Никакой самостийности, конечно, на культивировании ненависти к «великороссам» построить нельзя. Но и «великороссам» следует поднажать на свои задерживающие центры.

Проф. Федотов, в своей изумительной по богатству проникновенных мыслей книге «И есть и будет», стр. 161 и след., правильно предсказывает, что, «при насильственном свержении большевистской диктатуры, Россию ждет взрыв национальных восстаний». «Первая же русская национальная власть, — говорит он далее ,— должна будет начать с собирания России». «Вопрос ставится о том, будет ли существовать Россия, как империя, как государственный союз народов, или же она вернется к исходному племенному единству в старо-московских границах Великороссии». И еще далее: «никто не может отрицать угрожающего значения сепаратизмов, раздирающих тело России». Все это продуманные фразы, над которыми и нам следует поразмыслить, и нам, и самостийникам, поразмыслить спокойно, достойно, политически-благоразумно и экономически целесообразно. Ибо нужно во что бы то ни стало избежать того трагического положения, того величайшего несчастья, когда, в результате свержения советской власти, страна Российская из огня коммунизма попала бы в полымя страннейшей междоусобной братоубийственной войны. Правда, является большим и подчас трудно выяснимым вопросом, насколько всякого рода добровольные представители отдельных областей России, развивающие столь энергичную агитацию заграницей, являются истинными выразителями тех народностей, от имени коих они выступают. Однако, несомненно и то, что многие иностранцы к ним прислушиваются, подчас сочувственно, и обсуждают возможности будущего использования сепаратистских течений в своих собственных интересах. Вот по сему мне и думается, что имперски-мыслящая национальная эмиграция и должна была бы обратить серьезнейшее внимание на эту проблему, на эту нашу общеотечественную проблему, не ограничиваясь примитивной перебранкой с самостийниками, а постараться войти в деловой контакт с наиболее серьезными и благоразумными их вождями, и деловым образом убеждать их в том, что Новая Россия, о которой мы мечтаем, отнюдь не представляется нам как новое утверждение санкт-петербургского или московского централизма, а как союз народов государства Российского, союз, в котором каждому из них были бы обеспечены права внутреннего самоуправления с полной свободой местной культуры, религиозных культов и т. д.

История Британской империи, Германии и Австро-Венгрии дает нам много практических указаний того, каким путем подобный строй может быть проведен в жизнь без ущерба для государственного единства и мощи. Мы располагаем аргументами и для того, чтобы убеждать слишком заострившихся самостийников в том, что выход их из состава Российской империи пагубно отразится, прежде всего, на их же собственных интересах, с риском превращения однех областей в «хинтерланд» других держав, другую — в **«хитлерланд»** определенной державы, и вообще всех нас в объект эксплоатации иностранцами. Вы правильно указываете, что помешать вмешательству в целях расчленения было бы не по силам эмиграции. Единственной возможностью, посему, не является ли способствование поднятию в среди эмиграции обще-имперского патриотического сознания, и убеждение самостийников, что единственная возможность лучшего будущего для них — и для нас — заключается в исторической связи в лоне империи и в развитии их самобытности под ее охраной. Небезынтересно отметить, что в Англии давно уже высказывается сожаление по поводу расчленения парижскими трактатами старой австро-венгерской монархии, которая представляла из себя до

великой войны довольно рационально составленное хозяйственное целое. Это не значит, конечно, что в Англии желали бы восстановления династии Габсбугов, но это указывает на то, что англичане — и не только они одни — все болезненнее ощущают отсутствие в Юго-Восточной Европе единого государственного организма, который, с одной стороны, мог бы служить некоторым противовесом Германии, а, с другой, просто представлял бы из себя крупную экономическую единицу, с которой можно было бы вести дела. И разве попытки устроить нечто экономически целое в Придунайских государствах не показательны? В предыдущих моих сообщениях я уже высказывал мысль о желательности «круглого стола», за которым могли бы сесть представители благоразумно понимаемого российского имперского принципа с благоразумными же представителями самостийных течений. Благоприятные результаты будут, вероятно, достигнуты не легко и не скоро, но все же могут оказаться заложенными основы к соглашению, намечены какие-то линии. Возможно, что и ничего из этого не выйдет. Тем хуже, но в таком случае все мы будем знать, «где мы».

Наконец, третье поле деятельности, деятельности «русской дипломатии». Кстати, разрешите напомнить — и особо подчеркнуть, — что под выражением «русской дипломатии» я никогда не подразумевал остатки русской дипломатии времен империи и временного правительства. Под русской дипломатией я ныне совершенно серьезно — и совсем не для красного словца — подразумеваю всех тех деятелей в эмиграции, которые имеют возможность вращаться в иностранных кругах. На всех них Россия возложила обязанность защищать ее интересы, и, в особенности, конечно, ее территориальные интересы. В этого рода нашей работе заграницей в наших руках имеются значительные козыри. В частности, в Англии этим козырем является определенное нежелание англичан, без различия политических партий, допустить, чтобы как Германия, так и Япония усилились бы за счет российских пространств. Да, отделение наших западных областей встретило в свое время плохо скрываемое сочувствие здесь. Однако, и тогда же принимались кое какие меры к тому, чтобы ни одна из этих областей не могла бы подпасть под преобладающее влияние Германии. Продвижение Японии в Манчжурию и Монголию встречало некоторое непротивление, но ныне государственные люди Англии не скрывают мнения, что приобретение Японией прочной военно-морской и продовольственной базы на нашем Дальнем Побережье не отвечало бы интересам Великобритании. Агитация представителей самостоятельной и враждебной «Великороссии» Украины также встречала здесь некоторый интерес. Однако, как только стало выясняться, что планы здешних украинцев базируются на Германию, — отношение к ним изменилось. Даже в полезности для Англии новых прибалтийских государственных образований здесь высказываются сомнения. Относясь с большой предупредительностью, — которой они вполне заслуживают, — англичане начинают, однако, понимать, что все их прежнее значение объяснялось лишь тем, что они были преддверием Российской империи и головными участками ее гигантской железнодорожной сети, связывавшей Европу с Востоком. Я думаю, что не ошибусь, утверждая, что идея необходимости целости российской территории в границах СССР в интересах самой Великобритании начинает приобретать здесь сторонников, и мне кажется, что это течение мы могли бы весьма удачно использовать, если бы избрали для этого целесообразные методы. В этом отношении чрезвычайно важно, чтобы в иностранных кругах — и, в частности, в английских, — не возникало ложных страхов и опасений насчет политики той России, которая придет на смену России нынешнего дня. Своевременной и ведомой в подходящих выражениях пропагандой, в лучшем значении этого несколько затасканного слова, мне думается, можно было бы устранить некоторые опасения и побудить, — в частности именно англичан, — не только отказаться от всякого потворства неблагоразумным центробежным стремлениям внутри России, но и подать нам руку помощи в момент политического возрождения нашего отечества. Опасения кого бы то ни было насчет империализма будущей России следует категорически отвергать. Пресловутый наш империализм?.. Но позвольте вопросить, — в чем он выражается?.. И разве территориальное распространение многомиллионного русского народа в течение императорского периода его истории всецело не оправдывалось его жизненными потребностями, и только таковыми? Ведь в самом же деле стихийная сила, а не империалистические затеи влекли его неудержимо к берегам Белого, Балтийского и Черного морей, и к Тихому океану. Он погиб бы, если бы не достиг этих берегов. Это необходимо неустанно твердить иностранцам... Да, в течение этого огромного исторического процесса были совершены кое какие несправедливости, которые мы должны откровенно признать, но размеры и значение которых нашими критиками и недоброжелателями определяются далеко не всегда с достаточной объективностью... Тем более, будет чужда всяких империалистических авантюр Россия Новая. Но ей принадлежащего, ей необходимого она не отдаст... Она будет стремиться к осознанию себя и к внутреннему обновлению. В такой России каждой национальности будет обеспечена свобода развития своей культурной индивидуальности. Она будет спаяна не принуждением, а внутренним убеждением всех населяющих ее народностей в необходимости и плодотворности взаимного объединения в одном Российском государстве, свободном, веротерпимом, великодушном и благодарном всем тем племенам и народам его, которые вместе с русским добровольно восстановят общий с ними прекрасный дом... Если, в свое время, неустойчивость на небольшом сравнительно Балканском полуострове втягивала европейские державы в крупнейшие недоразумения, то чего же можно ожидать от

«балканизации» российских пространств, когда отдельные их области будут вести между собой войны, обзаведутся «четниками» и будут искать себе поддержки из за-границы, не считаясь с естественными дальнейшими последствиями этого. Все это нужно разъяснить иностранцам с систематической настойчивостью...

Я полагаю, многоуважаемый Павел Николаевич, поставить на этом точку. «Сказал», но, в отличие некоего римлянина, «души своей не облегчил». Ибо сознаю громадность, сложность и многогранность нашей проблемы. Но все же мне думается, что Россия освободится и сохранится, в результате совокупности усилий тех, которые **там**, и тех, которые **здесь**, усилий, основные линии которых я наметил выше.

Уважающий Вас **Е. Саблин.**

P. S. В дипломатической нашей акции большую пользу всем нам могут сослужить те весьма ценные, понятно и кратко отредактированные мысли и соображения, которые находятся в недавно появившейся в Париже на французском языке небольшой книжечке г. Игнотуса, под названием «В поисках мирового равновесия. Мир без России». Для каждого русского политика сконцентрированный труд г. Игнотуса будет весьма полезным и своевременным «ваде-мекум». Рискуя прослыть нескромным, я позволю себе обратить Ваше внимание и на мою статью «Об единстве России», в мартовском 1933 года выпуске английского ежемесячника «Ллойдс Банк Ревью». В свое время она заслужила весьма одобрительные отзывы в английских кругах и в дипломатических сферах Лондона. **Е. С.**

Ответ ген. А. И. ДЕНИКИНУ

Для своего последнего выступления ген. Деникин избрал тему, тождественную с моим докладом: «Международное положение, Россия и эмиграция»*) Значительная часть его речи является прямым ответом мне. Это дает мне основание изложить мой взгляд на содержание речи ген. Деникина в форме такого же ответа оратору. Тех частей речи, которые выходят за пределы нашего публичного спора, я, по возможности, касаться не буду.

Мой доклад развивал четыре основных положения: 1) завоевательная политика Германии и Японии грозит не только советской власти, но России, непосредственным захватом русских территорий на западе и востоке. 2) Единственным способом предотвратить это нападение, могущее превратиться в новую мировую войну, является политика международных соглашений, имеющих целью изолировать обоих захватчиков. В этой политике сближение советской России с противниками Германии и Японии имеет положительное значение как в общих интересах мира, так и в интересах национальной России. 3) Русская эмиграция в предстоящем конфликте не должна ослаблять оборону русской территории, становясь в ряды завоевателей и тем являясь ширмой для раздела России, в сомнительном рассчете — воспользоваться возможным поражением и неизбежным затем разделом России для немедленного низвержения советской власти. 4) Эта конъюнктура данного момента не может и не должна изменять общего отрицательного отношения эмиграции к советской власти, как власти не-народной.

Я должен сказать, что почти все мои оппоненты избегали обсуждения основной задачи, мною поставленной: определения конкретной тактики, вызываемой именно «конъюнктурой данного момента». Они предпочитали расширять тему, вдаваясь в общие рассуждения, к данному моменту не относящиеся. Оттого рисуемая ими картина оказывалась, говоря языком фотографов, «не в фокусе» и получала расплывчатые очертания. Вместо реальной темы получалось, в результате, бесплодное словопрение. К сожалению, не избег этой опасности в своих возражениях мне и ген. Деникин.

С первым моим тезисом (см. его вторую статью) А. И. Деникин, как будто, согласен. Относительно захватной политики гитлеровской Германии он определенно говорит: «Жестоко, но просто и ясно. В данном случае не нужно ни гадать, ни заподозревать; нужно только уметь читать и понимать прочитанное». Совершенно верно. Уклоняться от «чтения и понимания» могут только слепые. Но известно, что нет худших слепых, как те, что не хотят видеть. К их категории я, конечно, не отношу ген. Деникина. Однако, я должен отметить его оговорку: «если Гитлер не изменит восточную программу, то он будет злейшим врагом России и русского народа». Это «если» (употребляемое в данном смысле, и советскими дипломатами), очевидно, противоречит умению «читать и понимать». Противоречит оно и пониманию традиционной германской политики, хорошо известной ген. Деникину. Имеется у А. И. Деникина и другая оговорка: что, если наши бывшие союзники сговорятся с тем же Гитлером насчет «свободных рук на Востоке»? Предположение не невероятное. Но ведь конъюнктура данного момента характеризуется иным, противоположного характера сговором. Зачем же уходить от нее в предполагаемые возможности, — только потому, что сговор происходит с теперешними властителями России? Не знаю, какое значение имеет третья оговорка ген. Деникина. «Гитлеровская Германия... не собирается пока трогать московского коммунизма». А что если она «соберется»? Будет ли это таким «положительным явлением», как и борьба с германским коммунизмом? Где же тогда окажется все настроение оратора, осно-

*) Доклад А. И. Деникина был напечатан в «Посл. Нов.» от 23, 24 и 25 января 1934 и вышел отдельной брошюрой.

ванное на традиционной германской «восточной программе», истинные цели которой ведь могут быть прекрасно замаскированы борьбой с «московским коммунизмом».

По отношению к Японии, ген. Деникин не делает таких оговорок. Здесь его позиция — проще и яснее. Поставив вопрос: «против кого подымается Япония, — против советов только или против России», он, несмотря на «сложную обстановку», грозящую и тут затруднить его прогнозы, отвечает определенно и решительно: «для нас должно быть бесспорно одно положение: прямой захват японцами Дальнего Востока, или та форма захвата, которую они применили в отношении Манчжурии, были бы тяжким ударом **не по советам, а по России».** На этот раз, стало быть, мы вполне согласны. Но определенность второго ответа еще сильнее подчеркивает колебания относительно первого. А ведь тот и другой конфлик в конъюнктуре данного момента непосредственно связаны...

Ответ на мой второй тезис содержится в первой статье А. И .Деникина. Тут, прежде всего, приходится отметить разницу тона, в каком мы обсуждаем вопрос о возможности влияния дипломатии на сохранение мира. А. И. Деникин питает, очевидно, гораздо меньше доверия к этому способу сохранения мирных международных отношений. Для него ткань международных отношений представляет какую-то нелепую неразбериху, сплетение противоречий, в которых опять таки теряется для оратора всякая определенность конъюнктуры текущего момента. «Грани — (между победителями и побежденными) **неожиданно** встают, стираются и перекрещиваются, — в непримиримых противоречиях, перемешивая карты и путая игру». «В этом пестром калейдоскопе притяжений и отталкиваний, надежд и страхов, вожделений и противоречий, — переплелись, спутались дипломатические ходы, **неожиданно** появляются и также **неожиданно** меняются политические ситуации».

Для людей, ближе стоящих к дипломатической профессии, в этих «неожиданностях» есть только одна бесспорная: неожиданность водворения Гитлера в Германии. Все остальное вытекает с полной неизбежностью из этого основного европейского сюрприза. А быстрота приспособлений и разнообразие поисков для сохранения мира при новом положении объясняется внезапностью сюрприза и радикальностью необходимых перемен. В частности, что касается Польши, я сам указал на ее колебания; но как раз для **данной** конъюнктуры эти колебания вовсе не так велики, как кажутся. Окончательный выбор польской ориентации зависит только от степени энергии и настойчивости, с какими Франция ответит на германскую провокацию. Отмечу, что предложение о гарантии балтийских государств сделано, **по инициативе Польши,** — и оно вовсе не снято с очереди. Ни руссофобство Пилсудского, ни сношения с Японией, ни заигрывания с украинцами ничего в этой политике изменить не могут: главной опасностью для Польши является теперь опасность германская. Интересно отметить, что «отталкивание» от Германии обнаружилось у поляков как раз тогда, когда германцы принялись соблазнять их предложениями территориальных обменов и напугали просьбой о свободном проходе германских войск через Польшу... — для реализации «свободных рук»...

В поведении Германии, конечно, тоже нет никаких «противоречий», — если только не считать таковыми участившиеся декларации о мире, которые, разумеется, невозможно принимать всерьез. Роль Италии не менее ясна: «миротворец Европы» и защитник самостоятельности Австрии никак не может быть безусловным союзником Гитлера. Позиция Англии, — как отмечает и А. И. Деникин, — традиционно-посредническая; но это не исключает и более активной ее роли, в случае обострения конфликта. Большинство стран «парламентского обсуждения» отнюдь не будут на стороне лорда Ротермира.

Итак, в лабиринте современных международных отношений, как они ни кажутся запутанными, не так уже трудно найти ариаднину нить. Вовсе нет надобности обращаться ко временам Египта, Аттилы и Чингисхана, чтобы решить вопрос о степени вероятности войны, и едва ли правильно смеяться над «идиллией» президента Масарика, имеющего смелость основываться в своем прогнозе на «истории прогресса»... Дипломатия — и женевские учреждения — суть его орудия...

Вторая половина моего второго тезиса вызывает со стороны А. И. Деникина самый решительный отпор, принимающий тут даже какой-то митинговый оттенок. «Никогда, ни в какой комбинации, ни в каком союзе — участие советов не может почитаться фактором мира». Я не сомневаюсь, что эта тирада должна была быть вознаграждена «оглушительными аплодисментами». Но аплодисменты не решают вопроса — и не заменяют обсуждения. Немного раньше сам А. И. Деникин сослался на две противоречивые позиции советов: в 1927 году коминтерн «взывал к международному пролетариату о спасении», «сегодня советская Россия десятком пактов входит в международное общение». Для оратора это новое доказательство «пестроты калейдоскопа» и «неожиданности» перемен, — а, вдобавок, и фальши советов. Я же думаю, что и на эту перемену надо взглянуть серьезнее и глубже. «Никогда, ни в какой комбинации» и т. д., — утверждает ген. Деникин. А реальные политики всего мира, отнюдь не по неведению, отвечают: как раз **сегодня** «участие советов **может** почитаться фактором мира». «Величайшее недоразумение», — поучает их оратор! Я думаю, они ему ответят: «величайшее доктринерство»!

Должен признаться, что сам я в мае прошлого года написал для журнала «Esprit International» статью, где доказывал, что франко-советский пакт есть даже «не брак по расчету, а какая-то полиандрия». С тех пор я должен был убедиться, что, благодаря Гитлеру, дело приняло гораздо более серьезный оборот. В моей работе о советской дипломатии, которая выйдет на-днях, читатель найдет мою но-

вую аргументацию. Ссылка Поль-Бонкура на старую статью Радека, конечно, неубедительна; ему неизвестна позднейшая статья того же Радека, становящаяся на почву ортодоксальной коммунистической теории. Но не теориями решается дело.

А. И. Деникин оказывает мне честь признать, что «напрасно, в пылу полемики, преуменьшают вес и влияние» П. Н. Милюкова. Но тем больший «соблазн», по его мнению, я вношу своим мнением в среду соотечественников и иностранцев. Могу заверить его, что в глазах иностранцев моя позиция в данном вопросе может лишь укрепить серьезность известной им моей антисоветской позиции вообще. Что касается соотечественников,—объяснять им действительное положение дела и ставить в упор вытекающие из него вопросы их поведения едва ли значит «соблазнять» их. «Соблазн», с моей точки зрения, идет с другой стороны, — при том, соблазн, подкрепляемый аргументами более реальными, чем словесные убеждения.

Я согласен с А. И. Деникиным, что в общем аспекте советская власть не изменила формально своего взгляда на мировую революцию, не прекратила общения с иностранными коммунистическими партиями, что она принципиально не считает себя связанной обязательствами по отношению к капиталистическому миру и т. д. Но А. И. Деникин противупоставляет этой неподвижной доктрине **утверждения** — такую же неподвижную доктрину **отрицания.** Это и мешает ему видеть динамику совершающихся перемен. Несомненно, что **практика** мировой революции теперь не та, что была до 1925—1927 годов, и самая пропаганда приняла иные формы. Об этом подробнее я также говорю в выпускаемой (по-французски) книге о советской дипломатии.

Я опускаю чисто-военные справки А. И. Деникина в первой статье, но не могу не указать на неправильность его соображений о бесплодности франко-советского пакта. Поскольку этот пакт может заставить Германию воздержаться от применения «свободных рук» на востоке, он, как я думаю, **уже** оказал известное действие, совершенно независимо от того или иного поведения СССР в случае вооруженного конфликта. В последнем же случае, даже нейтралитет СССР выгоден для Франции и Польши, какими бы соображениями коммунистов об ослаблении обеих борющихся сторон этот нейтралитет ни мотивировался. Во всяком случае, речь ведь идет о случае нападения Германии, а не о случае нападения на Германию. В случае же нападения Германии, поведение пограничных государств далеко еще не выяснено в пользу нападающего.

Что надежды коммунистов на мировую революцию могут усилиться в случае европейской войны так же, как и их расчеты сыграть роль tertius gaudens,—это несомненно. Но опять-таки речь идет, в данном отрезке времени, о способах **предупредить** войну, а не об использовании ее результатов.

Почва для более глубоких разногласий начинается там, где заходит речь о поведении эмиграции в данный исторический момент (третья статья). И можно только пожалеть, что, чем ближе подходит А. И. Деникин к этому наиболее щекотливому вопросу, тем изложение его становится короче, заканчиваясь буквально en queu de poisson.

Первый вопрос, решаемый здесь оратором в противоположность мне, заключается в том, что советская власть не будет защищать Россию. Однако, А. И. Деникин соглашается, что в своих собственных видах эта власть «не пожелает, конечно, отдавать никому российские области», если только это не понадобится «для собственного спасения или в интересах правящей партии». В подкрепление этого последнего утверждения А. И. Деникин выставляет **предположение,** что большевики, «без малейшего сомнения», поступили бы иначе, чем поступил **бы** император Николай II, который «с негодованием от**верг бы** предложение Вильгельма II «открыть фронт немцам». Не говоря о том, что аналогия тут слишком натянута и исторические имена упомянуты, к сожалению, всуе, — напомню оратору, какое «негодование» вызвало в рядах большевиков и их тогдашних попутчиков фактическое «открытие фронта» и наступление немцев после капитуляции Троцкого — перед тем самым Брест-Литовском, на который А. И. Деникин ссылается. Чтобы признать это, нет вовсе надобности «признавать за советами **национальное** сознание и **российский** патриотизм». Как видно уже из этих прилагательных, одно и то же чувство может одеваться в различные одежды; но нет надобности, противопоставляя одно доктринерство другому, отрицать a priori, хотя бы и в большевиках, самые естественные человеческие чувства. Что же касается насмешки Бухарина над «сменовеховцами» за то, что последние признали за большевиками роль «собирателей России», — то ведь это «собирание» есть факт, памятный всякому, кто помнит раздробленность России на уездные республики в 1918 году — факт, независимый от каких бы то ни было мотивов и склонности «верить» большевикам или «не верить».

Второй вопрос, разрешаемый А. И. Деникиным в этой части, касается роли красной армии. Решение здесь — еще более доктринерское и безапелляционное, чем по первому вопросу. А. И. Деникин разрешает красной армии «защищать» Россию лишь при одном «непременном условии — сбросить коммунистическую власть». «Для нас невозможна защита родины прямым участием в действиях той армии, которая называется ныне красной, **доколе она не сбросит** с себя власть коммунистической партии». Условие, очевидно, нереальное. В другом месте оратор ведь соглашается сам, что «красная армия по своей структуре, идеологии, задачам и намерениям представляет огромный вопросительный знак». Следовательно, шансов на выполнение ею требования А. И. Деникина именно в данном отрезке времени остается очень мало. В итоге А. И. Деникин и принципиально, и практически отвергает участие эмиграции в рядах красной армии. Да это участие едва

ли было бы возможно и по чисто техническим, и по политическим причинам.

Остается, стало быть, вопрос о каких то иных формах участия эмиграции в борьбе в случае вооруженного конфликта восточных и западных завоевателей с Россией. Первый, так сказать, рефлективный отклик А. И. Деникина на этот вопрос категоричен и вполне определенен. Нельзя не оценить по достоинству этой решительности. «В случае вторжения иностранной армии в пределы России с целью захвата русской территории **участие наше на стороне вторгшихся недопустимо».** А. И. Деникин напоминает, что этот ответ дан был им уже полтора года тому назад, когда шли в эмиграции споры об отношении к интервенции. Но... с тех пор что-то, повидимому, изменилось. По крайней мере, в одной из ближайших фраз находим более условное утверждение. «Только такое **иностранное вмешательство и наше ему содействие приемлемо**, когда с занятием первого клочка освобожденной русской земли и до последнего над ними будет поднят русский флаг». Условие, опять-таки, совершенно нереальное в одном смысле и, увы, вполне приемлемое для «вторгшихся» — даже и без изменения «восточной программы» Гитлера — в другом смысле. Материи для русского флага в Германии сколько угодно, а пример Манчжурии показывает, что иностранное завоевание может совершиться при полном торжестве любых национальных цветов. Сомневаюсь поэтому, чтобы такая «незатуманенная идея» могла «привлечь сочувствие за красной чертой и не вызвать в народе подозрений в захватных стремлениях иностранцев». Или, быть может, «народ» менее подозрителен, чем сам А. И. Деникин, в своей первой статье? Или захватные программы менее известны народу, чем тому же оратору во второй статье? Не может же быть тут расчета на доверчивость и на незнание народной массы! А. И. Деникин принужден встать на самозащиту, когда очередная японская утка называет его имя, как члена моего правительства в воображаемом буферном государстве Дальнего Востока, будто бы устраиваемом большевиками при помощи американского капитала.*) Но тут ведь уже с японской стороны — тот же самый расчет на доверчивость и незнание эмигрантского «народа»...

Попутно, А. И. Деникин касается роли национальностей в проектируемом разделе России и нашего отношения к ним. К этому вопросу я вернусь в моем ответе Е. В. Саблину, от которого я получил второе письмо для напечатания в газете. Тут, по мнению А. И. Деникина, «наше непротивление, наше попустительство — недопустимы». Вот, значит, еще одним препятствием оказывается больше для развешивания повсюду национальных флагов. Не говорю уже о других препятствиях, связанных с воспоминаниями в «народе» о белом движении.

Наконец, А. И. Деникин подходит к самому, так сказать, принципиальному вопросу в постановке моей и Е. В. Саблина: как совместить борьбу против советской власти с противодействием расчленению России? Я отвечаю на это формулированным в начале этого ответа третьим тезисом, с дополнением, на случай недоразумений, тезиса четвертого. Тут наше расхождение с оратором всего значительнее. Но... всего туманнее тут и собственная позиция А. И. Деникина. «Эмиграция почти бессильна помочь населению России, но повредить ему (я говорю о расчленении России) может», — цитирует А. И. Деникин отчет о моем докладе. И он «самым категорическим образом возражает против первой половины этой формулы». Что же он противопоставляет ей? Во-первых, численность эмиграции (не 2 миллиона, однако, как он утверждает, а 800.000 с чем то, по последнему подсчету бюро Лиги Наций). Во-вторых, «богатство интеллектуальными силами» эмиграции. Против этого возражать, конечно, не приходится. Однако, проведенная дальше аналогия между ролью этой эмиграции и прежних — польской и старой русской—несомненно, нуждается в оговорках. И тогда— через головы той и другой эмиграции — беспрепятственно заключались союзы и соглашения с царской Россией; но у той эмиграции были идеи, возбуждавшие сочувствие тогдашнего иностранного общественного мнения. К идеям, исповедуемым той частью теперешней русской эмиграции, которая считает себя большинством, иностранцы — не фашистского типа — не только равнодушны, но даже враждебны. Этим, очевидно, ограничивается и та «подрывная роль эмиграции» заграницей, на которую рассчитывает А. И. Деникин, как на «имеющую огромное значение». Да и сам оратор вносит дальше в свою преувеличенную оценку ряд серьезных оговорок. Прежде всего, «эмигрантская **масса** по природе своей, действительно, ограничена в возможностях активной деятельности». А к ней, к этой массе, как раз и обращена пропаганда наших «активистов»; в ней ищут материала для германских «корпусов волонтеров»; ее соблазняют японскими обещаниями дарового переезда и всяческих льгот для устройства на месте. Из ее рядов выходит и большая часть самоотверженных жертв этой пропаганды, граничащей с провокацией. Что касается пропаганды эмигрантских «**верхов**», А. И. Деникин, полагаясь на «веру», искренность и громадную текучесть (?) эмигрантской мысли и слова» указывает на «ограниченные беженские средства», как на первое препятствие для проявления этих качеств. Другое препятствие заключается, по его мнению, в пресловутой «розни на политической почве». Тут А. И. Деникин рекомендует заключить хотя бы «пакт о ненападении». Мы с интересом посмотрели бы, как он начал бы применять проповедь такого «пакта» в более

---

*) «Харбинское Время» сообщило 20-го декабря 1933 года, что П. Н. Милюков назначается «главой советско-американского правительства», в которое должны войти, с одной стороны, «писатель Гребенщиков и экономист Маслов», а, с другой стороны, приглашены для создания «сильной армии в буферном государстве» А. И. Деникин и атаман Богаевский. На эту утку, цель которой понятна, и намекает в своей речи А. И. Деникин.

ему знакомой военной среде. Быть может, опыт научил бы его быть осторожнее в распространении этого шаблонного обвинения на политическую среду в собственном смысле.

Далее, А. И. Деникин рекомендует «связь с внутри-российскими **национальными** элементами». И тут, однако, он делает очень существенную оговорку, совершенно отменяющую это ограничение «национальными» (в эмигрантском смысле) элементами. Оказывается — и вполне справедливо, — что, хотя «можно и нужно нести отсюда в Россию революционные лозунги и программы, **но**, если они не учитывают происходящих сдвигов в сознании настроений подневольного русского народа, то **грош** им **цена**». А если «учитывают», то что от этих «национальных программ» останется? Правда, ряд организаций уверяет, что оне «уже покрыли Россию сетью своих ячеек». Но А. И. Деникин справедливо не доверяет подобным утверждениям, ссылаясь на полное отсутствие результатов их осведомления, и вполне основательно ставит вопрос: «**не опоздаем ли мы** при таких условиях со своими лозунгами и кадрами, со своей помощью и организацией — тогда, когда начнется движение, действительно имеющее шансы на успех?» Я уже ответил на подобный вопрос: да, опоздаем наверное.

Соберем теперь все эти оговорки и признания — и сопоставим их с моим утверждением, что эмиграция «почти бессильна помочь спасению России». Какая же разница между моим мнением и мнением А. И. Деникина, кроме способов выражения? И куда делось, после всех сделанных оговорок, «энергическое возражение» мне красноречивого оратора? Какой характер должна получить «работа там», при существовании всех указанных им самим препятствий?

Остается, таким образом, все тот же, уже отвергнутый ранее, вопрос «о массовом участии в борьбе» (вместе с иностранцами или сепаратистами). А. И. Деникин признает, в итоге, что «сегодня не дает никаких возможностей для этого» (участия). «Но завтра» — тут же прибавляет он — «может их открыть, будь то война, иноземное нашествие на Россию, восстание красной армии, или подсоветского народа». Трудно, конечно, входить «сегодня» в обсуждение всех этих разнообразных возможностей «завтрашнего» дня. И сам А. И. Деникин предупреждает, что тут «серьезнейшая работа» должна скорее всего заключаться в «удержании метущихся и сбитых с толку (германофилами и японофилами. **П. Н.**) людей в русле государственных интересов национальной России».

Другая — тоже «завтрашняя» задача сводится к «технической подготовке» «для использования впоследствии тех путей активной борьбы, которые проложат российские события». Совет совершенно правильный; но, увы, эти пути пока недоступны нашему предвидению. Можно признать для будущего все эти возможности; но тогда, опять-таки, подтверждается не тезис А. И. Деникина об «огромном значении», а скорей мой тезис о «почти бессилии» эмиграции в **данную** минуту. Как бы разочаровавшись сам в тщете своих поисков, А. И. Деникин, наконец, взывает к другим: «ищите других путей, но только не молчание и бездействие!» Молчания и бездействия и я не рекомендую. Но поиски других путей — по крайней мере в речи оратора — как будто, успехом не увенчались.

Заключительные слова выступления А. И. Деникина, адресованные «подсоветским людям, не утратившим национального самосознания», отнюдь не восполняют получившегося пробела. Оратор здесь ограничивает свое обращение теми немногими избранными, «кому суждено быть вынесенными на гребень волны». И вот им он ставит «огромную и небывало трудную (т.-е. в сущности непосильную) задачу»: «не втыкать штыки в землю, а, сбросив штыками власть поработителей внутренних, повернуть орудие их против поработителей внешних». Повидимому, оратор здесь обращается к вождям той же красной армии, уже не ставя им никаких «условий». Только этим отличается подобный совет от все же более конкретной, хотя и более самоуверенной формулы оппонента на моем докладе г. Нефелова, предложение которого, тожественное по форме, я назвал в шутку «идеальным», а аудитория подчеркнула его, как наивное. По существу, попытка выполнить тот и другой совет означала бы создать в России, в решительный момент, тот самый хаос, то отсутствие всякой власти, которое как раз и содействовало бы целям как разделения, так и колонизации России иноземцами. В первой статье А. И. Деникин признал такую перспективу «жуткой», а исход «трагичным». А теперь сам он призывает именно к осуществлению этой перспективы, как обещающей России «свободу и мир» «с наименьшими жертвами и в кратчайший срок». Может быть, такой конец речи и был бы признан соответствующим правилам Квинтилиана. Но реального политика он отнюдь удовлетворить не может. П. **Милюков.**

Второй ответ Е. В. САБЛИНУ

Многоуважаемый
Евгений Васильевич,

Я должен, прежде всего, отдать справедливость тому дипломатическому таланту, который Вы проявили во втором Вашем письме ко мне, формулируя Ваши собственные «инструкции самому себе». Оно проникнуто таким доброжелательством и благоразумием — качествами, не столь часто встречающимися, что почти не хочется с Вами спорить. И по существу сказанного Вами с очень многим следует согласиться. Но «мир возле лежит», как говорили наши раскольники, — и кое какие замечания по поводу того, что я назвал бы Вашим оптимизмом, приходится сделать, когда имеешь дело с конкретным

вопросом, отвечать на который приходится, считаясь с условиями суровой действительности. Вы и сами, конечно, могли бы возразить себе, ибо в заключении Вы признаете, что «души своей не облегчили», в виду «громадности, сложности и многогранности нашей проблемы». Об этих особенностях проблемы мне и придется говорить, хотя я, быть может, и не скажу ничего для Вас нового. Вы сводите свои «инструкции» к трем категориям: 1) поиски союзников внутри России, 2) сговор с благоразумными представителями национальностей» и 3) убеждение иностранцев (в частности англичан) во вреде для общего мира «балканизации» России. Не весь Ваш вопрос этим ограничивается: вне Вашей постановки остаются самые опасные стороны его: современное международное положение и непосредственная опасность со стороны государств-завоевателей. Ваша программа рассчитана не столько на текущий момент, сколько на длительное осуществление. Тем не менее, она (в особенности, ее второй пункт) заслуживает серьезного обсуждения, — конечно, в рамках более широких, чем, по необходимости, может посвятить ей мой настоящий ответ.

По первому пункту я должен сделать одну серьезную оговорку, и дать одну историческую справку: то и другое вызывается употребленным Вами местоимением «мы». Довольно существенно выяснить, от имени каких «мы» мы с Вами беседуем, ибо нам, как эмиграции в целом, оказалось трудно, если не невозможно, найти общий язык для разговора. Например, одни «мы» пытаются подействовать на иностранцев «обращениями эмоционального характера»; другие «мы», и Вы в том числе, в действенность таких обращений не верят: одни склонны к «благоразумному пониманию российского имперского принципа», другие делают из самого слова «имперский» весьма неблагоразумное употребление; одни «ищут путей в Россию» для одних целей, другие — для иных. Мы с Вами, — и с некоторыми другими, — действительно, «приступили к благожелательному и объективному обмену мыслей в спокойных тонах»; но недалеко выйти из этих пределов вправо и влево, чтобы наткнуться на очень неспокойные способы реагирования и на суждения, менее всего носящие объективный характер. Временами мне даже кажется, что мы с Вами напоминаем некоего Архимеда, тщетно отыскивающего точку приложения рычага и потревоженного в своем «noli tangere circulos meos» некиим посторонним посетителем, пришедшим совсем с другими целями. Будем, все таки, беседовать, не предрешая широты отклика на наши беседы.

Это моя оговорка; а вот историческая справка. Лет двенадцать тому назад «искать путей в Россию» означало — принять так называемую «новую тактику». Теперь все, кажется, ищут путей, и Вы правы, что расчет связаться с «недовольными» крепнет по мере роста числа и разнообразия состава этих недовольных. Но и способы поисков их, и методы воздействия на них, и, в особенности, пути соглашения с их «программами» весьма различны: от простого «изучения», Вами предлагаемого, до партизанщины, от партизанщины до «прямого действия», недавно заявленного — или обновленного. Вы видите, что Вы затронули не новую сторону проблемы, — настолько не новую, что трудности ее уже проверены опытом. В частности, Ваше предложение идти в Россию с «экономической программой» уже осуществлено некоторыми политическими течениями. Но Вы тотчас попадаете в circulus vitiosus, как только от составления такой программы переходите к вопросу о ее осуществлении. «Пусть там станет лучше житься. Все остальное приложится впоследствии, — и скорее, чем мы думаем. Но никакое улучшение жизни там невозможно при наличии советской власти». Не согласитесь ли Вы, что в этих двух утверждениях, поставленных рядом, мы имеем классический пример «порочного круга». Нужно «лучше жить», чтобы освободиться; но надо освободиться, чтобы лучше жить. Коварная наша проблема постоянно подставляет нам подобные провалы: лучшее доказательство ее сложности и неизбежности постановки новых и новых проблем, по мере углубления в нее. Но в Вашем ответе мне для такого углубления нет повода.

Остановимся лучше на втором тезисе Вашей инструкции. Вы здесь вводите впервые в обсуждение вопрос первостепенной важности, — и вводите вполне своевременно. Опасность национальных сепаратизмов при настоящем международном положении сознается теперь всеми: и Вами, и г. Федотовым, в цитированной Вами брошюре, и даже самими сепаратистами. Признавая неизбежность национальных восстаний при вторжении иностранцев в Россию, некоторые из них возлагают на эти восстания все свои надежды; другие, повидимому, все же боятся имеющего возникнуть хаоса и бесконечной внутренней гражданской войны, которая будет неизбежным последствием такого разделения (или «отделения»). Обращу Ваше внимание на недавно напечатанный у нас очерк о «собрании сепаратистов» в Париже, где этот undertone отчетливо слышится, — и где вообще можно найти хороший моментальный снимок ожидающих нас трудностей на пути осуществления этой второй части Ваших «инструкций». Сесть за «круглый стол» и сговориться заранее с «самостийниками», «войдя в деловой контакт с наиболее серьезными и благоразумными их вождями», и «убедить» их в том, в чем мы убеждены сами, — чего, кажется, лучше, чтобы избегнуть и «восстаний», и «хаоса», и «раздела» или «отдела» России! Но Вы увидите из упомянутого отчета, что созыв «круглого стола» предполагается представителями народностей.. без нашего **участия**, — в том же роде, как он был осуществлен, например, в Лозанне, во время войны, для целей, противуположных тем, которые мы с Вами хотели бы поставить на их обсуждение. Ограничиться отбором «благоразумных вождей» и вести с ними приватные разговоры? Но уверены ли Вы, что «благоразумные», с нашей точки зрения,

окажутся «вождями», а «вожди» — благоразумными? Я и мои единомышленники имеем в этом отношении некоторый опыт, которым я хотел бы с Вами поделиться. Нашему политическому течению трудно предъявить обвинение в «петербургском или московском централизме», хотя, в порядке забвения недавнего прошлого, такое обвинение и предъявляется иногда в последнее время. Мы говорили об «автономности» народностей, когда никто не говорил об этом, — не исключая и большинства самих национальностей. Мы начали говорить о «федерации» и об отдельных случаях полного отделения народностей с наиболее развитым самосознанием, когда международное положение сделало возможной подобную постановку. Нет, кажется, ни одной народности национальных интересов, которой мы не имели бы случая защищать в Государственной думе. Но мы, правда, останавливались перед «самоопределением **вплоть до отделения**». Тут, очевидно, и лежит причина «подорванной веры в русскую интеллигенцию», о которой заявил азербейджанский националист на парижском митинге. Нам предъявляли два типичных возражения, следы которых сохранились и на упомянутом собрании. Нам говорили, во-первых: прежде всего перестаньте быть представителями «общерусской», «сверхнациональной» культуры и превратитесь в таких же националистов, как мы: в националистов «великорусских». Тогда мы будем говорить с вами не как с «поработителями», а как «равные с равными». Должен признаться, что для **нашего** поколения это предложение было **психологически** неприемлемо. Мы **не могли не** чувствовать себя представителями общерусской культуры, — какими, впрочем, чувствовали себя и наши сверстники из других народностей. В нашем политическом течении участвовали как члены, многие из этих народностей; целыми группами они входили в нашу политическую фракцию во все Думы, и мы одинаково считали всегда наше течение — наднациональным, «российским», а не только русским. Были, конечно, помимо нас, и представители узконациональных течений, они приходили, преимущественно, с окраин и оказывались типичными централистами и руссофикаторами. И, указывая на них, мы отвечали нашим собеседникам — националистам: ведь если когда-нибудь мы сделаемся националистами-великороссами (возможность чего мы отрицали), то мы заговорим с вами другим языком. Интересное продолжение этого аргумента я нашел в докладе г. Мехтиева на упомянутом собрании. В нашем отчете эта мысль докладчика передана так: «для сохранения российской империи, нужен был бы Цезарь или диктатор, ибо империя (не всякая, конечно. **П. М.**) создавалась и может создаваться только насилием. При демократическом режиме не будет морального единства (!?), и империя обречена на распадение». Нечто подобное, очевидно, имел в виду и «украинский империалист» Шульгин, когда на требование автономии меньшинств отвечал, что «право на самоопределение нельзя доводить до абсурда», и что надо его «завоевать борьбой». Наконец, и единственный «благоразумный», в Вашем смысле, участник собрания, г. Газдава, говорил в страстных тонах об опасности «вечной войны» на обширной русской территории, в случае, если забудется «общечеловеческая, а не только национальная» сторона вопроса. Конечно, выйдет так, если мы будем отброшены назад, к эпохе нового «стихийного» собирания России. По счастью, до сих пор наш сговор идет в терминах XX-го, а не XVI-го века.

Избегая указанного г. Газдавой плачевного исхода, демократия, однако же, может предложить народностям лишь один мирный исход: федерацию российских народов. И тут, когда мы этот исход предлагали (на нем мы стоим и сейчас), — конечно, не в смысле федерации советской, — «разумные» из националистов давали нам такой совет: Пусть так, но **предварительно** согласитесь на наше **полное отделение. Тогда** мы будем с вами говорить, как равные с равными, — и, в общих интересах, предложим те или другие формы **союза.** Быть может, это будет род **конфедерации,** как **максимум** возможных уступок. К сожалению, за намеченную нами грань мы перейти не могли. Не можем и сейчас, не лицемеря и не подчиняя своих убеждений тактике момента. Федерация предполагает сохранение единства территории, единства гражданства и единства народного представительства. Конфедерация отрицает и то, и другое, и третье: это есть союз между государствами, а не между народами. «Не верить в федерацию», как говорил г. Алибеков, можно, конечно, если не верить в «интеллигенцию» и не считать «демократию» способной сохранить целость российского государства. В этом случае, возможна и та циническая торговля, которую предлагал украинец, г. Еремеев, на том же митинге: потребуем полтинник, **дадут** четвертак («автономию»); потребуем рубль («отделение»), **дадут** полтинник («федерацию»). «Дадут» — это, конечно, «даст» не равный, а хозяин положения. «Все дело в искусстве торга». Принцип, имеющий, очевидно, больше связи с привычками Востока, чем с тактикой российской демократии.

Нам с Вами, уважаемый Евгений Васильевич, мысль о такого рода торге, разумеется, в голову не приходила. Но должен заметить Вам, что то, что Вы предлагаете «разумным вождям» народностей, больше похоже на четвертак, чем на полтинник, — и едва ли может быть принято самыми разумными из разумных. Если не ошибаюсь, Вы говорите не о федерации, а только о национальной автономии, — т.-е. о такой форме, которую можно было бы в настоящее время предложить только отсталым народностям, — или народностям без территории. Не хочу останавливаться на подробностях, но в Вашей аргументации я заметил оттенки, которые могли бы быть превратно истолкованы, не только на митинге, вроде имевшего место в Париже, но, пожалуй, даже и за «круглым столом». Боюсь, что в этом отношении Ваши «инструкции» несколько запаздывают.

А. И. Деникин, в вопросе о сговоре с националистами, как кажется, вообще не склонен вступать на почву «дипломатии», понимаемой в Вашем смысле. «Где в зарубежьи», — спрашивает он, — «те арбитры, которые морально правомочны выбрать «покупателя», назначить «цену» и определить те пределы, до которых может дойти «соглашательсство»? В этом порядке, конечно, и для самих национальностей никакие переговоры не нужны, ибо нет в эмиграции достаточно ответственных лиц или групп, чтобы заключить формальные «договоры». Но Вы правильно ставите вопрос и о правоспособности заграничных представителей народностей выражать мнение своих народов. Очевидно, речь идет не о настоящих дипломатических переговорах между бывшими национальными правительствами, признанными и непризнанными, с одной стороны, и распыленной эмиграцией, которую всячески убеждают создать, наконец, «национальный совет», с другой. Мы говорим лишь о контакте национальных интеллигенций и общественных мнений. Поскольку мнимые правительства рассчитывают стать настоящими, опираясь на иностранную поддержку, они, как, например, г. Шульгин, имеют все основания сами избегать общения с нами, а мы, со своей стороны, имеем еще более серьезные побуждения не искать соприкосновения с теми, опасность претензий которых мы обличаем.

Мне не хотелось бы входить в спор с Вами относительно третьей части Ваших «инструкций», касающейся Вашего собственного «поля деятельности». Мои личные впечатления от пребывания в Англии в 1919 году не похожи на Ваши. Но, быть может, с тех пор настроение влиятельных английских кругов изменилось, и опасность «балканизации» России для всего мира начинает, действительно, сознаваться. Тем лучше для нас, — и тут Вам и книги в руки. Даже в случае убеждения англичан в том, что мы считаем правильным и справедливым, для меня сомнительна степень активности их воздействия. Но это не должно мешать, конечно, прилагать усилия в желательном для нас направлении. Пожеланием Вам успеха в этом деле и разрешите закончить мой ответ.

П.. Милюков.

Письмо ген. А. И. ДЕНИКИНА

Милостивый государь,
Павел Николаевич!

В статьях своих «Ответ ген. Деникину» Вы коснулись почти всех моих положений, давая им свое толкование и высказывая по поводу их предположения, не вытекающие из моих взглядов.

Прежде всего, — несколько раз сделанное противопоставление «конъюнктуры данного момента», «данного отрезка времени», — моей оценке политического положения... Вам хорошо известно, что ни политика, ни стратегия не могут руководствоваться обстановкой только «сегодняшнего» дня, а должны предвидеть и «завтрашний». Без этого даже для людей, близко стоящих к дипломатической профессии, многое может оказаться неожиданным... Так, Вы пишите, что «для данной конъюнктуры колебания Польши вовсе не так велики», что «окончательный выбор польской ориентации зависит только от степени настойчивости и энергии, с какими Франция ответит на германскую провокацию», что, наконец, уже «обнаружилось отталкивание поляков от Германии»... А в тот же день телеграф принес известие о заключении на 10 лет германо-польского пакта.

Когда я касаюсь больного вопроса о «стабилизации на Западе» и «свободных германских руках на Востоке», когда я говорю о выходке Коти (далеко не единственной), которую нельзя оставить без внимания, о соотечественниках наших, горячо защищающих «прямые соглашения» Парижа с Берлином, чреватые опасностями для России, Вы и здесь ставите запреты: «Зачем же уходить в предполагаемые возможности... от конъюнктуры данного момента». Между тем, речь шла о реальных опасностях, которые Вы сами называете «не невозможными».

Я сказал: гитлеровская Германия, разбивая немецкий коммунизм, не собирается пока трогать московского, а поддерживает с ним дружбу. Вам кажется подозрительным слово «пока», и Вы задаете странный вопрос: «А что, если соберется? Будет ли это положительным явлением?.. Где же тогда окажется настроение автора»? Да, «если соберется», т.-е. выгонит полпредство, торгпредство и пр., и порвет с советами, это будет явлением положительным, как и всякий разрыв с советами и их изоляция. А «настроение» мое окажется все в том же месте, — в орбите государственных интересов России. Вы заподозреваете и слово «если» в моей фразе: «если Гитлер не откажется от восточной программы», когда ясно, что вся суть во второй половине фразы: «...он будет злейшим врагом России и русского народа». От Вас я меньше всего ожидал упрека в «колебаниях» по отношению к традиционной германской политике, — и в прошлом, и в настоящем.

Вы говорите: «Италия никак не может быть безусловным союзником Гитлера...» И далее: «в случае нападения Германии (на Францию), поведение пограничных государств далеко еще не выяснено в пользу нападающего». Неизвестно — с кем спор, так как я никогда ничего подобного и не утверждал. «Численность эмиграции не 2 миллиона, как он утверждает, а 800 тыс.», — пишете Вы, между тем как у меня сказано: «эмиграция, вместе с невольными меньшинствами, превышает два миллиона».

Я совершенно искренно называл трогательной веру почтенного президента Масарика в мир всего ми-

ра, не взирая на все противопоказания истории и текущей жизни. Что же касается Вашего утверждения, что дипломатия и женевские учреждения суть орудия прогресса, я бы сказал, что дипломатия уж во всяком случае, является в такой же степени орудием войны, как и мира.

При обсуждении вопроса о значении пактов с советами, которые, якобы, «сегодня могут почитаться фактором мира», Вы исходите из того положения, что эти пакты действительно обязывают советы и будут ими выполнены по крайней мере, в отношении нейтралитета их. Я же глубоко убежден, что советы выступят или не выступят, — не считаясь ни с какими пактами, сообразно тому, как им будет выгоднее. В Ваших глазах советский пакт — международный акт; в моих — «клочок бумажки». Так же смотрят на него и большевики: последняя речь Сталина и резолюция 13-го пленума исполн. комитета коминтерна о «революционном выходе» из кризиса и о разрушении буржуазного строя лишний раз подтверждают это.

Вы оспариваете мое «предположение» (не предположение, а уверенность!), что советская власть будет защищать не Россию, а свое бытие. И противополагаете свое предположение (что защищать Россию она будет), основанное на признании в большевиках «самых естественных человеческих чувств», на примере... Брест-Литовска и на «собирании России большевиками» в 1918 году...

Позвольте Вам напомнить, что хотя часть большевиков, действительно, с негодованием отнеслась к «похабному миру», но эти общечеловеческие чувства не могли предотвратить заключение его. И совет комиссаров в воззвании к народу с исчерпывающей ясностью определил свои искренние побуждения: «Мы готовы признать тяжкий мир, но мы должны быть готовы к отпору, если германская контр-революция попытается окончательно затянуть петлю на шее советов». Тогда только отпор? При чем же тут Россия? Вы сами раньше говорили о людях, для которых «организационное самосохранение сталинской головки ценнее сохранения тела России». Что касается уподобления Вами «собирания России» Иваном Калитой насаждению в эфемерных «уездных республиках» единой большевистской власти, — такую аналогию я отказываюсь понимать.

Приведя один из моих тезисов, напечатанных еще в 1924 году, повторенных полтора года тому назад, — о недопустимости участия нашего на стороне державы, вторгнувшейся в Россию с захватными целями. Вы прибавляете: «Но... с тех пор что-то, повидимому, изменилось. По крайней мере, в одной из ближайших фраз находим более условное утверждение: — «Только такое иностранное вмешательство и наше ему содействие приемлемо, когда с занятием первого клочка русской земли и до последнего над ними будет поднят русский флаг». И дальше иронизируете, что у немцев и японцев хватит материи на такие флаги...

С моей стороны ничего не изменилось, ибо слова эти целиком входили в мое сообщение о Дальнем Востоке в 1932 году, и напечатаны были тогда же в «Последних Новостях». Я допускал возможность в будущем и такого рода интервенции, соответствующей интересам России. Тогда Вы не были столь ригористичны в таких «гипотетических предположениях» и не искали в них предосудительного смысла.

Я говорил о необходимости более тесной связи нашей с внутрироссийскими национальными элементами. Говорил еще, что можно и нужно нести в Россию революционные лозунги и программы, учитывающие, однако, происшедшие там сдвиги... Вы усматриваете в этом противоречие, и спрашиваете: «если учитывают, то что от этих «национальных программ» останется?» При чем тут национальные программы в кавычках, которым Вы придаете, очевидно, осудительный смысл? Я словом «национальный» не играю, понимаю его в прямом значении и противополагаю здоровое национальное чувство — большевистскому интернационализму.

Касаясь активной работы эмиграции, я мог только назвать те области, в которых она возможна, и те препятствия, которые стоят на ее пути. Полагаю, что распространяться о методах работы на публичном собрании недопустимо.

Я призывал, в случае иноземного нашествия, «не втыкать штыки в землю», но, сбросив штыками власть советскую, обратить их против поработителей внешних. Вы считаете, что это вызвало бы хаос, отсутствие всякой власти и способствовало бы только разделу России. Хаос может наступить при всяком свержении советской власти, — в дни мира, и в дни войны. Хаос в дни войны может способствовать успеху вторгнувшегося врага, но и хаос в дни мира, в дни предвоенные, может поощрить его к вторжению. Не желая рисковать, пришлось бы оставить вовсе мысль о свержении советской власти, возложив единственную надежду на теорию ее эволюции, уже похороненную жизнью.

Я признаю злейшими врагами России державы, помышляющие об ее разделе. Считаю всякое иноземное нашествие с захватными целями — бедствием. И отпор врагу со стороны народа русского, красной армии и эмиграции, — их повелительным долгом.

Но... я не верю в советский патриотизм красной армии и, тем более, вооруженного народа. Победа без участия народа невозможна. А народ не пойдет за властью... Он может оказать — на фронте и в тылу — пассивное сопротивление и широкое «вредительство», что, подрывая государственную оборону, не повлекло бы непременно кризис режима. Он может восстать и свергнуть власть, что сулит надежду на спасение. Падение советской власти несомненно внесло бы расстройство в армию. Но радость освобождения и патриотический подъем в стране дали бы возможность новым людям восстановить ее силу и дать отпор внешнему врагу. Только исходя из этой веры, я допускаю рискованное сред-

ство — переворот даже во время войны, если раньше, в более благоприятной обстановке, свершить ее не удастся.

Риск этот велик. Но он все же меньше, нежели оставление в руках советской власти, ведомой советским «патриотизмом», дела защиты отечества и судеб народа.

Уважающий Вас

А. Деникин.

Многоуважаемый

Антон Иванович!

Боюсь, что продолжение нашей полемики будет чрезмерным налогом на внимание читателя. Ваш ответ, несомненно, разъясняет Ваш взгляд на некоторые вопросы. В других случаях Вы остаетесь при своем мнении, я же не могу изменить своего: предоставим фактам внести поправки в те или другие высказанные нами мнения, или совершенно изменить их. В третьем ряде случаев — разрешите мне сказать это — наш спор принимает чисто словесный характер. Я со своей стороны не настаиваю на форме выражения моей мысли, если самая мысль ясна читателю. Позвольте в заключение нашей полемики поблагодарить Вас за внимание, которое Вы оказали моим возражениям Вашим подробным ответом. Полагаю, что читатель наш ознакомится с ним с тем же интересом, а местами и удовольствием, которое испытал я.

Уважающий Вас

П. Милюков.

Письмо ген. А. И. ДЕНИКИНА ред-ру «Возрождения»

Милостивый Государь,

Юлий Федорович,

Мое сообщение 21-го января дало Вам повод заявить о тождестве наших взглядов на интервенцию. Это — большое недоразумение, усугубляемое тем еще, что, по Вашему мнению, весь русский народ думает так же, как и Вы.

Наше глубокое расхождение заключается в следующем:

1. Я признаю злейшими врагами России, державы, помышляющие об ее разделе. Считаю всякое иноземное нашествие с захватными целями — бедствием. И отпор врагу со стороны народа русского, красной армии и эмиграции — их повелительным долгом.

Вы же допускаете всякую интервенцию и соучастие в ней русской эмиграции.

2. Я не верю в советский патриотизм красной армии и, тем более, вооруженного народа. Победа без участия народа невозможна. А народ не пойдет за властью. Он может оказать — на фронте и в тылу — пассивное сопротивление и широкое «вредительство», что, подрывая государственную оборону, не повлекло бы непременно кризис режима. Он может восстать и свергнуть власть, что сулит надежду на спасение. Падение советской власти несомненно внесло бы расстройство в армию. Но радость освобождения и патриотический подъем в стране дали бы возможность новым людям восстановить ее силу и дать отпор внешнему врагу. Только исходя из этой веры, я допускаю рискованное средство — переворот даже во время войны, если раньше, в более благоприятной обстановке, свершить его не удастся.

Вы же рисуете себе другие картины, поистине пораженческие: армия не будет сражаться, народ, по выражению Кусковой, «станет поголовно осуществлять новый и страшный российский Кинталь», а вражеские войска тем временем будут беспрепятственно продвигаться в глубь России... И, предусматривая такие перспективы, Вы, все же, благословляете иноземное нашествие.

3. Я говорю об обязанности эмиграции, в случае войны и восстания, быть с народом, — чтобы вместе свергать врагов внутренних и бить врагов внешних....

Вы же призываете эмиграцию «вливаться в Россию вместе с армиями чужеземцев», которые «окажут всяческое содействие эмигрантам»...

4. Вы толкуете буквально мою метафору — не втыкать штыки в землю, а, сбросив штыками поработителей внутренних, повернуть острие их против поработителей внешних». И рисуете на фоне русской трагедии такой шарж: с вторжением иноземцев, армии оголяют границы и «сначала» идут куда-то свергать власть, открывая свободный путь врагу. Затем уже начнутся «иные действия». Какие — об этом Вы не скажете будущим Вашим «союзникам». Но они-то понимают и примут меры, чтобы, использовав «попутчиков», обезвредить их или погубить.

Я смотрю на дело иначе. Для свержения советской власти не только невозможно, но и безумно было бы снимать войска с Амура или Припяти. Решит дело удар по центру. В 1917 году десяток запасных батальонов в Петербурге дал толчок к падению империи... Теперь это более трудно, но все же выполнимо. Главнейшей задачей новой власти будет — сохранить насколько возможно войска от развала, восстановить их боеспособность и удержать фронт.

Я отдаю себе ясный отчет в огромной трудности этой задачи и в опасностях, сопряженных с нею. Но оне неизмеримо меньше, чем те, что связаны с приглашением иностранных армий, которые придут для расправы не с коммунизмом, а с Россией.

Уважающий Вас **А. Деникин.**

Le Gérant : V. Kosmentzoff Imp. BASILE, 1, villa Chauvelot, Paris 15

Цена 3 фр. Prix 3 frs

НАШЕ СЛОВО

Орган Республиканско-Демократического Об'единения

СОДЕРЖАНИЕ:

ПАРИЖ

Орган Республиканско-Демократического Об'единения

НАШЕ СЛОВО

« NOTRE PAROLE »

Revue trimestrielle. Organe de l'Union Républicaine-Democratique Russe

Редакция: 78, rue de Lourmel, Paris (15e)

№ 3 Декабрь 1934 г.

П. МИЛЮКОВ

1935-ый год

Наступает « страшный » 1935 - ый год. « Страшный » — потому, что с этим годом связывались самые основательные опасения за судьбу европейского мира. Как в Берлине, так и в Токио, 1935 - ый год намечался довольно откровенно, как год решения германо - японских претензий на бранном поле. Германия связывала с нимъ надежду на осуществление своего равноправия в вопросе о вооружениях; Япония — столь же решительное освобождение себя от уз, наложенных Вашингтонским договором на ее морские вооружения. С двух сторон эта международная кон'юнктура грозила России новым разделом: с Востока грозила потеря Приморья, с Запада — захват Украины, сопровождаемый общим восстанием нерусских народностей. Русская эмиграция перед лицом этих возможностей, резко разделилась на два лагеря. Одни смотрели на их осуществление, как на повод к низвержению советской власти; другие стали на сторону русской власти, какова бы она ни была, в ее защите национальных русских интересов и целости государственной территории. Автор этих строк год тому назад стал на «оборонческую» точку зрения, вызвав этим враждебную кампанию со стороны добровольных «пораженцев».

Прошел с тех пор год. Изменилось ли за это время международное положение? Грозит ли России та-же опасность на двух противоположных границах? И если да, то в какой степени эта опасность стала более близкой, непосредственно грозящей нашей родине?

Конечно, опасность не миновала. Недаром в своей речи 6 ноября такой знаток международной кон'юнктуры, как чехословацкий министр иностранных дел Э. Бенеш, признал положение угрожающим « la situation internationale est grave » Но в той же речи перед парламентом он прибавил, что, хотя этот «тяжелый 1935-ый год» и «решит, вероятно, будущую судьбу Европы», — но для этого окончательного решения понадобится еще «12 - 18 месяцев», в течение которых ход событий будет находиться еще в руках «ответственных руководителей».

Очевидно, имеются на лицо причины, которые отсрочивают грозящую в 1935 году развязку. В чем эти причины заключаются? Разбор их и составляет задачу этой статьи.

Первой и главной причиной, по моему мнению, является то обстоятельство, что грозящая Европе и всему миру война за этот год потеряла характер экспромпта и импровизации. Призванная защищать мир часть Европы поняла опасность и успела быстро приготовиться к ее отражению. *Внезапного* нападения и на наши границы с востока или запада теперь уже быть не может. Не буду напоминать о тех приспособлениях европейских народов к новому положению, которые состоялись уже в прошлом году. Смысл этих приспособлений — спешное создание общего фронта против возможного нарушения мира. Но международная работа в этом направлении продолжалась и втечение всего настоящего года — и достигла больших успехов. Она продолжалась под давлением новых разительных признаков растущего варварства — таких, как убийства 30 июня в Германии, убийство канцлера Дольфуса, наконец, марсельское злодеяние. Враги мира вновь напомнили о себе этими событиями. Всего характернее, что они уже не вызвали того панического настроения, каким сопровождались прежние антикультурные выступления Германии и Японии. Характерно также и то, что на этот раз предохранительные меры по организации европейского мира шли уже не только по линии укрепления положения держав - победительниц в великой войне. Границы между ревизионистами версальских договоров и их защитниками не то что исчезли, а как то сдвинулись в сторону. Вместо деления всей Европы на два военных лагеря, чего можно было бояться, как самого опасного симптома приближения нового вооруженного конфликта, появились, по примеру Малой Антанты, дальнейшие «региональные»

группировки, имеющие, несомненно, чисто предохранительный характер. Так сложилась новая балканская группировка, только что заявившая о своем существовании с'ездом в Анкаре. Сгруппировались, с другой стороны, давно уже стремившиеся к такой группировке прибалтийские государства. Целью этих об'единений было, явно, не подчинение сильным, а достижение равновесия, путем параллельного, равноправного действия с великими державами. Возник, наконец, вопрос и о заключении общего «Восточного пакта», — и судьба этого предположения явственно подчеркнула, где идет граница между организациями, стремящимися сохранить мир, и единицами, грозящими его нарушить. Я нарочно подчеркиваю эту разницу между «организациями» и «единицами», чтобы показать, чем отличается теперешняя группировка держав от прежнего деления на два лагеря.

Но «единицы» тоже могут сгруппироваться. Германские самочинные вооружения, двусмысленная политика Польши, колеблющаяся линия итальянских вожделений, раз'езды венгерского министра между Берлином и Римом, беспомощное положение в Австрии, непосредственно грозящая судьба Саарского плебисцита, все это — те черные точки, над устранением которых вынуждена теперь работать с'организовавшаяся для мира часть Европы. По сравнению с ними сдержанная политика Англии представляет фактор, не поддающийся внешним воздействиям.

Достаточно ли *неблагоприятна* для мира группировка всех упомянутых факторов, чтобы его нарушить? Быть может, *да, если* такая группировка окажется возможной и если черные точки сольются в общий очаг пожара. Наверное, *нет, если* и между ними произойдет сортировка, и при этом окажутся окончательно изолированными те, со стороны которых грозит наибольшая опасность.

Надо думать, к этому направлены очередные усилия дипломатии держав, стремящихся к сохранению мира. Поездка Лаваля в Рим, быть может, выяснит позицию Италии, побудив ее отказаться от своего австрийского и югославского козыря. Другой стороной, постепенно теряющей свои козыри, является Польша. Ее последние колебания по вопросу о присоединении к Восточному пакту, показывают снова — и несколько неожиданно — что ее окончательный выбор еще не сделан. Как стоит дело сейчас, — вопрос сводится к тому, кто из двух будет изолирован, оставшись за пределами Восточного пакта: Польша или Германия. Вероятно, постановка этого вопроса ребром и заставит польскую дипломатию придти к окончательному решению.

Сравнительно с этими существенными факторами дипломатической игры, раз'езды Гембеша и Риббентропа по Европе, очевидно, приобретают второстепенное значение. Их видимый неуспех с особенной отчетливостью иллюстрирует, в какую сторону направляется общее настроение Европы.

Нельзя, однако же, успокаивать себя ростом этого преобладающего настроения. Обращаясь снова к речи чехословацкого министра, мы находим в ней многозначительную фразу: при настоящем положении «всякое, хотя бы незначительное событие легко может произвести впечатление разорвавшейся бомбы». Если непосредственный смысл этой фразы сводится к совету — быть наготове на всякий случай, то не исключен здесь и намек на возможность воздействия невесомых, так сказать иррациональных элементов. Элементы эти играют, как познано опытом, очень большое значение в вопросе о войне и мире. Такие imponderabilia, как опять таки известно, грозят, главным образом, со стороны возможных нарушителей мира. Как обстоит дело теперь, год спустя после наших прошлогодних страхов, в Германии и в Японии?

Нельзя отрицать, конечно, иррационального характера деятельности германского «фюрера». Много говорили о том, что с его стороны война может стать «жестом отчаяния». И человек, который стал упорно говорить о грозящих ему опасностях, видимо, приближается к этому психологическому состоянию. Все же, и со стороны Гитлера, при полном сохранении прежних целей, замечается в последнее время стремление, как говорится, sérier les questions, Приготовляясь к Саарскому плебисциту, он усиленно уверяет всех, что это единственно - спорный пункт и что после него — и после признания де юре сделанных им де факто вооружений, он готов войти вновь в международное общение в Лиге Наций. Устраняются ли этим хотя бы опасения относительно шагов Розенберга - Гитлера на восточной границе? Отношение к Восточному пакту будет и тут своего рода лакмусовой бумажкой. Но знаменательны попытки в последнее время улучшить отношения Германии с советской Россией. Было бы преждевременно предсказывтаь, к чему они поведут; но с польско-германским планами на захват русских территорий они, очевидно, несовместимы. На чью сторону станет, в последнем счете, Польша при этом ослаблении своих надежд, мы, вероятно, скоро увидим. Во всяком случае, при общем осложнении международного положения, Германия едва ли имеет интерес устраивать конфликт на западе из-за Саарского плебисцита. Министр Бенеш даже высказывает пожелание, чтобы Саарский вопрос был разрешен таким образом, «чтобы не оставить в дальнейшем препятствия для полного франко - германского соглашения, которое является, в самом деле, условием

европейского мира». Германская печать, как известно, отнеслась очень благосклонно к этому заявлению; германские правящие и военные круги давно об этом заговаривали. Конечно, было бы весьма желательно, чтобы такое сближение совершилось; но это, очевидно, не дело сегодняшнего дня.

Что касается Японии, то в Токио, повидимому, понято, что момент для внезапного захвата чужой территории прошел — или еще не наступил. Вызвана эта перемена настроения, очевидно, прежде всего сосредоточением достаточного количества аэропланов в доступном для них расстоянии от главных городских центров Японии. Но, надо думать, сыграли здесь роль и внутренние затруднения, и риск больших расходов, и отвлечение в сторону Китая, и, наконец, нерешенный вопрос о соотношении сил на Тихом океане. Как бы то ни было, едва ли есть опасность, что в данную минуту поведение Японии будет продиктовано исключительно и односторонне — могущественной военной партией.

Каков же общий вывод из всех, приведенных выше справок?

Опасность войны, очевидно, не исчезла. Но 1935-ый год, повидимому, перестал быть «страшным» годом — уже в виду чрезвычайно осложнившегося международного положения, при котором нарушителям мира становится трудно учесть шансы победы. Конечно, военные сферы, по прежнему рассчитывают возместить внезапностью нападения недостаточность сил. Но их роль в решении, как кажется, значительно уменьшилась, сравнительно с концом прошлого года. Современная война, даже в случае удачной дипломатической обстановки, требует сложной и долгой подготовки. А дипломатическая обстановка складывается, как видно, неблагоприятно; подготовка не кончена, а рядом с внешними растут и внутренние препятствия. Таким образом, наш прошлогодний пессимизм заменяется — условным, конечно, — оптимизмом. Действие этого настроения распространяется, притом, не только на указанный министром Бенешом срок — год - полтора года — но, так как мы считаем весьма вероятным успех дипломатической работы этого года, вероятно, и на срок, значительно больший.

П. Милюков.

А. КУЛИШЕР.

Кризис демократии?

Утверждения о «провале демократии» исходили сначала от тех, кому очень хотелось, чтобы она провалилась. Затем, к злорадствующим откровенно, или злорадствующим с постно - сочувствующей физиономией стали прибавляться похоронные причитания тех, кто говорит о провале демократии, имея в виду совершенно несомненный факт их собственного провала. Интересы демократии требуют в настоящий момент проявления известной безпощадности. Необходимо, прежде всего, отделить демократию и ее судьбу от судьбы людей и партий, несомненно доказавших, что они являются плохими демократами, или плохими политиками, или — обычно — то и другое вместе. В **этом** пункте и допустимо, и, иногда необходимо, отстаивать право «молодежи», не нести ответственности за чужие грехи и не отказываться от правильных по существу идеалов из-за негодности тех, кто не сумел держать знамя этих идеалов.

Необходимо, однако, отметить, что в обряде похорон демократии, за последнее время все более громко звучит некоторый новый мотив. Провал демократии воспринимается, как « провал Европы ». Разрушение демократии воспринимается, как волна, захлестывающая Европу, от которой остались лишь отдельные «островки». Этот «провал Европы» внушает, очевидно, искренний ужас. Об этом «сползании» Европы в пропасть сейчас говорят нередко те, кто еще недавно склонны были заниматься такой придирчивой критикой демократии, что оставалось неизвестным, есть ли у нее вообще какие либо достоинства, а не только одни недостатки. С превыспренних, мистически - мировоззренческих высот эту будничную, бездушную, лишенную мировоззренческого религиозно - философского огня, демократию, обличали до тех пор, пока не заметили, что гибель ее грозит гибелью просто - на - просто всей культуры.

Утверждение «тоталитарных» диктатур в значительной части Европы есть факт очень печальный, в виду того понижения культурного уровня, которое является неизбежным последствием этой диктатуры, стремящейся «уравнять» самые души граждан по казенному ранжиру. К этому присоединяется весьма серьезное усиление опасности военной катастрофы, вследствие нахождения власти в руках безконтрольных и безсовестных авантюристов. Вред для мировой культуры очень велик, опасность подлинной культурной катастрофы очень серьезна. Но рассматривать этот серьезный кризис европейской культуры, как катастрофу демократии, значит впадать в недоразумение.

Читая и слушая погребальныя речи демократии, нельзя не заметить, что все они исходят из одной предпосылки: демократия — старая, почтенная, многовековая государственная форма. Когда то, в отдаленные времена она, может быть, и соответствовала условиям, — но эти времена прошли. Демокра-

тия выродилась. Народы обращаются к новым формам, которым принадлежит будущее: вариант злорадно торжествующих. Или: народы, разочаровавшись в демократии, падают в пропасть деспотизма: вариант грустно-похоронный. Поэтому, на демократии приходится формально поставить крест, — или «если вы хотите ее спасти», ее нужно так «реформировать», чтобы от нея по существу ничего не осталось.

Один из источников этих «теорий» и связанных с ними «мировоззрений», — обыкновенное, элементарное невежество, — отсутствие элементарных, школьных сведений о том, о чем люди позволяют себе говорить, писать и «проповедывать». Есть еще и другой: это — некоторое негласное, «тайнобрачное» влияние непонятых обрывков грубо-опошленного марксизма. Когда Маркс писал «Коммунистический манифест», он был глубоко уверен, что осуществление демократии только и возможно в связи с социальным переворотом. Та диктатура пролетариата, о которой он там говорит, — это и есть демократическое государство, которое, по его мнению, должно будет немедленно приступить к экспроприации буржуазии. Т. к. впоследствии демократия коегде начала осуществляться, но это к социалистическому перевороту не привело, — наоборот, социалистические восстания были подавлены «формально» демократическими правительствами, — то марксисты стали разоблачать «формальную» демократию, утверждая, чот в ней, фактически, сохраняется владычество буржуазии. В советской Росси, вульгарно-марксистский жаргон, ставший оффициально-обязательным языком, был принят «порезолюционным» поколением за чистую монету: «молодежь», приезжая оттуда, уверена, что демократия и «капитализм» — два слова, означающие то же самое. Но марксистское «разоблачение» «буржуазной» демократии оказало роковое влияние и на всякого рода иных «послереволюционеров», хотя бы и анти - марксистских: демократия представляется государственной формой, соответствующей какой то «буржуазной» эпохе, которая сама представляется длительным периодом. А т. к. «буржуазная эпоха» приходит к концу, то и т. д.

Приходится, поэтому, прежде всего, удивить послереволюционеров следующими фактами.

Старейшей демократией мира являются Соед. Штаты Америки, но не с самого их возникновения, а, — чисто - формально, — приблизительно с 1840 г., когда почти во всех штатах было введено всеобщее избирательное право. Но это уж очень формальная хронология, т. к. в этой демократии до 1865 г. существовало рабство. В Европе с 1848 г. была одна демократия — Швейцария. Во Франции были две **попытки** осуществить демократию: одна в эпоху великой революции, выразившаяся во всеобщих выборах в конвент и в конституции 1793 г., не введенной в действие (все остальные конституции революционной эпохи и все выборы этого периода не были демократическими, т. к. были основаны на системах имущественного ценза) и в конституции второй республики, просуществовавшей два года среди почти непрерывной смуты. В 1875 г. вводится в действие конституция третьей республики, — первой крупной европейской демократии. Англию можно признать, с большими оговорками, демократией с 1885 г. — с избирательной реформы Гладстона, введшей широкое, но все же не всеобщее (до 1918 г.) избирательное право в палату общин, власть которой еще подвергалась серьезному ограничению со стороны палаты лордов (до 1911 г).

Я исхожу из крайняго минимума признаков демократии. Этой последней, очевидно, не может быть, без участия всего народа в политической власти и политического равенства, т.е. не может быть при цензовом избирательном праве, — независимо от прав, которыми пользуется избираемое таким образом представительство. Поэтому, Англия не была демократией во всяком случае до последней четверти XIX века, — и поэтому уже в большинстве европейских государств до XX в. не могло быть речи о демократии. Швеция стала демократией с 1907 г., когда там было введено всеобщее избирательное право. Бельгия вовсе не была демократией до мировой войны, т. к. (до 1919 г.) избирательное право было всеобщим, но не равным: существовал ценз, дававший дополнительные голоса.

С другой стороны, демократии также, очевидно, не может быть, если государственная власть не находится всецело в руках народа, или выборных народом учреждений, — если таких учреждений не существует, или, если власть этих учреждений, народом избранных, является ограниченной властями иного происхождения. Поэтому, — оставляя в стороне весьма сложный вопрос о вторых палатах, — демократией может быть (при всеобщем избирательном праве), только республика, или, так наз. парламентарная монархия. Люди, потрясенные тем фактом, что «такой культурный», да еще «политически воспитанный» народ, как немецкий, разочаровался в демократии, — не имеют, повидимому, представления о том, что в Германии до мировой войны не было ни следа демократии: был рейхстаг, избиравшийся всеобщим избирательным правом, но почти безвластный даже в том небольшом круге дел, который считался общегерманским; во всем распоряжалась прусская королевская власть, в качестве таковой, или общегерманской имперской власти, или в качестве руководящего члена союзного совета. Эта королевская власть опиралась на феодальное юнкерство, командовавшее в прусской администрации, не находя противодействия в прусском ландтаге, избиравшемся по чудовищной избирательной системе трехклассного ценза.

Наконец, бумажные параграфы конституции не представляют вообще никакого интереса, если не делается ни малейшей попытки провести их в жизнь. Никто не станет серьезно называть демократиями ни южно-американские республики, ни до-военную Грецию, или Испанию. Нельзя, также, серьезно говорить о демократии в Италии, — хотя всеобщее из-

бирательное право было там введено **за два года** до мировой войны и хотя борьба безответственных клик осуществлялась там в форме парламентарной монархии.

Таким образом, оказывается, что до мировой войны «опыт демократии» еле начинался в очень немногих государствах и вовсе не начинался в подавляющем большинстве государств мира.

Было иное: постепенное распространение института народного представительства и др. институтов, конституционного и правового государства, первоисточником которых является конституция старой аристократической Англии. Этот процесс связывался с борьбой за демократизацию тех же институтов. С весьма общей и принципиальной точки зрения можно утверждать, что система правительства, опирающегося на общественное мнение, ведет к необходимости привлечь, по возможности, все население к участию в политической жизни, т. е. демократии. Но не следует забывать, что этот вывод далеко не всегда делается. В Англии до 60-х г. г. XIX в. господствующая доктрина считала, наоборот, систему «свободного правления» несовместимой с передачей политической власти «диким и бедным» массам, которые не станут уважать свободу личности, воспользуются правом голоса для «раздела имуществ», разрушат хозяйство и культуру и неизбежно подпадут под власть какого нибудь тирана. Лишь, когда давление масс привело к расширению избирательного права, — тогда просвещенное общество, примирившись с фактом, сознало необходимость «воспитания наших новых повелителей», т. е. раз‘яснения им тех начал «правильной политической игры», без соблюдения которых невозможно никакое реальное самоуправление общества. С этой точки зрения, аристократическия, по своему происхождению, начала гражданской свободы и правительства «путем убеждения» являются необходимыми предпосылками демократии. Нельзя, однако, закрывать глаза на трудности совмещения того и другого.

Очень важно подчеркнуть недоразумение, заключающееся в обычном представлении, что Англия является «старейшей» и «многовековой» демократией. Старых и многовековых демократий вообще не существует и, в частности, Англия является демократией очень молодой. Но только в Англии утверждению демократии предшествовал долгий период весьма недемократического, но **свободного** государственного порядка. Борьба за демократизацию этого строя происходила по заранее выработанным правилам свободной политической борьбы, — господствующие классы отступали «с боями», но постепенно отступали, — и именно в этом заключалось политическое воспитание масс, вследствие которого аристократический парламентаризм мог обратиться в подлинное орудие демократии, путем лишь некоторого приспособления. Это «приспособление» было, однако, очень существенным, заключаясь в переходе высшей решающей власти от парламента к самому народу и в обращении премьер - министра в народного «мандатора». Эта трансформация конституционного механизма была необходима для того, чтобы внушить «человеку с улицы» живое сознание ответственности за государственные дела, — сознание того, что демократический механизм является орудием **его** власти, сознание ценности той свободы, при которой **он сам** только может осуществлять эту решающую власть. С другой стороны, эта **реальная** власть народной массы не может не быть связанной с глубокими социальными сдвигами. Готовность идти на социальное «перераспределение», поскольку оно наступает в результате «правильно сыгранной игры», является, в свою очередь, необходимым условием для того, чтобы это перераспределение не обратилось в дикий «передел», уничтожающий свободу и культуру.

Задача демократического «воспитания», сообщения всей массе населения аристократической идеи свободы, — эта задача еще осложнилась на европейском континенте тем фактом, что тут борьба за свободу **совпала** с политическим и социальным восстанием масс. Хронологическое совпадение этих двух процессов, которые в Англии были хронологически отделены друг от друга, не устранило того факта, что это все же два **разных** процесса, вступавших и вступающих в очень разнообразные переплетения. Роль части французской аристократии в подготовке и начале великой революции, — как, впоследствии, части русского дворянства в развитии освободительного движения, отнюдь не была случайным самоубийственным недоразумением. Первоисточником стремления к политическому освобождению были вовсе не какие то интересы капиталистической буржуазии, а то духовное освобождение личности, которое начиналось на общественных верхах и переходило от аристократии к демократической интеллигенции (почти всегда **минуя** буржуазию).

Повсюду борьба за свободу, начатая на общественных и интеллектуальных верхах, приводила в известный момент к апелляции к народному «Ахерону». И, повсюду, этот «Ахерон» являлся на сцену со **своими** нуждами и требованиями совсем иного рода. Попытки об‘единить идеалы «верхов» со смутными стремлениями масс накреняли освободительное движение влево, от цензового конституционализма к демократии, от демократии к социализму. Но в то же время социальная демагогия выдвигала лозунги немедленного «передела» и народная стихия, раз выпущенная на волю, сплошь и рядом ломала сложную конституционную систему плотин и двигателей, раньше, чем эту систему удавалось как следует установить. И вместо об‘единения аристократической свободы с демократическим равенством, нередко получалось противоположное об‘единение: смычка испуга высших классов перед свободой, «распустившей» «простонародье» с невежеством массы, не понимавшей этой свободы и видевшей в сложном аппарате конституционного государства какой то «обман».

Этого рода об.единения создают «вожди» - авантюристы. «Вождь» спасает «порядок и собственность» и охраняет высшие классы, уничтожая все индивидуальное, свободное и творческое, все самое ценное в их культуре. В то же время, «вождь» «олицетворяет» народ, подчиняет «эгоистические» личные интересы «национальным», — ценою лишения массы всякой реальной возможности борьбы за улучшение ее участи. «Вождь» переносит казарменный «порядок» и казарменное господство «общего» над «частным» на весь государственный строй. При нем цветам аристократической культуры также нет места, как демократическому праву человека.

Фашизм — послевоенное слово, но вовсе не новое явление. В XIX в. это же явленіе называлось бонапартизмом. В 1848 году Франция, уже осуществившая при июльской монархии на основе цензового избирательного права, правовое государство и парламентский строй, — сделала попытку передачи этого аппарата в руки самого народа. Разрыв между демократической идеей и социальными требованиями пролетариата привел к кровавой бане июньских дней, — и социальный испуг буржуазии вместе с чувством мести массы содействовали, с двух сторон, установлению «авторитарной» (тогда и явилось это слово) системы Наполеона III. Всеобщее избирательное право, наконец, установилось: оно оказалось пригодным только для избрания диктатора и для его плебисцитов, опираясь на которые, банда уголовных авантюристов, так «авторитарно» управляла Францией, что страну после этого пришлось полвека отмывать от грязи, оставленной этим режимом. Это мытье все еще не закончено: Ставицкий — еще один эпигон герцога Морни.

Крах попытки демократии во Франции обессилил исходившее из Парижа движение в Европе. Повсюду, кроме Швейцарии, попытки революции закончились, наряду с кое-какими социальными завоеваниями, восстановлением и усилением политического гнета, принявшего гораздо более сознательный и «целестремительный» характер. В то время, в начале 50-х г.г., Европа «провалилась» гораздо более основательно, чем в настоящее время. «Вся Европа», писал Герцен в 1854 г., «пришла теперь к необходимости деспотизма, чтобы как-нибудь удержать современный государственный быт против напора социальных идей... Было время, когда полусвободный Запад гордо смотрел на Россию, раздавленную императорским троном, и образованная Россия, вздыхая, смотрела на счастие старших братий. Это время прошло. Равенство рабства водворилось. Мы присутствуем теперь при удивительном зрелище: страны, где остались еще свободные учреждения, и те напрашиваются на деспотизм. Человечество не видало ничего подобного со времен Константина, когда свободные римляне, чтобы спастись от общественной тяги, просились в рабы».

Только еще и можно было дышать в Англии, куда стекались, в виде эмиграции, побежденные и обездоленные обломки всех демократических попыток Европы: в Англии, где о демократии и о «социальных идеях», казалось, смешно было и думать, но где, «пока еще», сохранялись «средневековые» свободные учреждения.

В действительности, тяжелая реакция этой эпохи оказалась весьма печальным, но временным последствием процесса **демократизации** Европы. Стихия впервые поднявших голову, широких народных масс смела, своим собственным действием и вызванным ею «буржуазным испугом», зачатки политической свободы. Когда освободительный процесс возобновился, это произошло уже в более широком масштабе и в более демократических формах: что то оказалось прочно достигнутым. Но это «что то» еще далеко не означало способность всей Европы немедленно осуществить правовую демократию.

В конце мировой войны демократия, впервые в истории, выступила, как организованная **мировая** сила. В лице Вильсона, она бросила вызов своим врагам в мировом масштабе и учинила над ними неслыханный в истории разгром. **Мировое правительство** об'единенной демократии просуществовало лишь в течение короткого исторического момента, как предзнаменование того, что **может быть** и несомненно когда нибудь будет. В этот момент демократия казалось чем то обязательным. Побежденные страны вводили демократию просто по приказу победителя. Вновь возникавшие государства вводили ее, как условие, без которого нельзя было быть принятым в «приличное общество» держав. Государства, еле достигшие до войны полу-фиктивного конституционализма, спешно перекрашивались в полный демократический цвет.

Эти страны не могли пережить никакого «разочарования в демократии», т. к. никогда ее в глаза не видели. Не было не только демократии, но даже и демократической партии, способной хотя бы пропагандировать идеи свободы и народного самоуправления. В Германии и в странах, находившихся под ея культурным влиянием, этому содействовал марксизм, успевший довершить победу реакции после 1848 г., вытеснив остатки либерально-демократического течения в массах, — марксизм, с точки зрения которого «демократические свободы» представляют интерес, разве лишь, как орудие «классовой» борьбы. Этот «классовый» пролетарский характер партии, взявшей на себя «представительсво» идейно-чуждой ей демократии, имел еще то последствие, что широкие не-«пролетарские» массы не получали вообще никакого политического воспитания и, будучи разбуженными после - военными экономическими невзгодами, оказывались политически - безпризорными. Эти массы только и могли броситься в об'ятия «вождей»-авантюристов, обещавших все, что кому угодно, — под условием предоставления им, «вождям», безконтрольной власти.

Успех этих движений был только и возможен вследствие того, что массам и в голову не приходило, что аппарат демократического государства есть ап-

парат их собственной власти. При отсутствии такого сознания избирателей и при отсутствии партий, пытающихся пробудить это сознание, — народной власти, действительно, не могло быть, — не говоря уже о таких талантливых изобретениях, как пропорциональная избирательная система, парализующая всякую возможность определенного политического решения избирателей. «Канитель» безконечных выборов, не приводивших ни к какому определенному политическому результату, только и могла убедить массы, что эта «канитель» имеет целью «околпачить» народ. А между тем, Гитлер показал, что **может** сделать надлежащая техника демократической агитации: ирония судьбы заключалась в том, что эту технику раньше всего усвоили враги демократии.

Они первые имели к тому и материальные возможности и надлежащий человеческий материал. Снова произошло характерное об,единение «буржуазного испуга» (страх «большевизма») с порывом измученной и раздраженной массы, возносящей «вождя», т. к. она не знает других, более верных способов осуществить свое господство и свои смутные чаяния. Вместо обсуждения и одобрения программы преобразований, — от народа к «вождю», от «вождя» к народу исходят «флюиды», заключающиеся в том, что «вождь» льстит страстям толпы, а она предоставляет ему самовольничать и «устраивать» своих приверженцев на народной шее. Все это старо, как мир, — все это известно было еще древнегреческим публицистам.

Свобода удушается, культура разрушается. Но все это, совсем не «кризис демократии», а примитивная попытка ее осуществления. Отметим, что вопрос государственной техники, заключающийся в примирении непосредственно уполномоченной народной власти с сохранением свободной борьбы партий и ответственности власти уже разрешен в английской системе мандата. В известном смысле можно сказать, что народы стремятся к чему то вроде этой системы, но не знают, как это сделать, — и попадают в капканы, расставленные ловкими авантюристами.

Этот «провал» значительной части Европы, — зрелище столь же печальное, как гораздо более полный «провал» 50-х г. г. Но ошибка тогдашних пессимистов теперь гораздо менее простительна.

Говоря о после-военных опытах демократии, я намеренно исключил Россию. Это нужно всегда делать, т. к. **тут и опыта никакого не было,** хотя в период восьмимесячной анархии были партии, утверждавшие, что они собираются устроить демократию. Русский народ никакой демократии не «отверг» и отвергнуть не мог, т. к. не знал даже и того, что означаетт это слово. Он не «бросил в пасть большевикам» никакой свободы, т. к. никакой свободы и не было, а была анархия, создавшаяся разлагающейся армией. Эта простая истина может быть неприятна некоторым демократам, т. к. ликвидирует их «заслугу», заключающуюся в том, что они уже «ввели» демократию, которую неблагодарный народ не оценил. Но выход тут простой: признать, что у этих демократов действительно никаких заслуг нет и их не за что благодарить, — а борьба за **будущую** демократию возможна и необходима.

«Провал» ряда европейских стран не должен приводить к отчаянию в судьбах свободы и демократии в Европе. Зато этот «провал» должен излечить у русских людей совсем неосновательное чувство самоуничижения и разочарования в собственном народе, который, будто бы, так легко подчинился и подчиняется большевистской диктатуре. Нет, Россия не подчинилась **так легко** Ленину, как Германия подчинилась Гитлеру, — а Ленин был Гитлеру не чета. Зато, вулканические сдвиги, произведенные русской революцией и экспериментами большевизма, поскольку последний являлся безсознательным орудием революции, привели в России к пробуждению гигантских народных пластов, впервые ставших способными к восприятию подлинной демократической пропаганды.

А. Кулишер.

А. АЛЕКСАНДРОВ

СОВРЕМЕННЫЕ СОЦИАЛЬНЫЕ ИСКАНИЯ

За последнее время возникло громадное количество планов экономической реконструкции, пытающихся найти выход из тупика, в который попало капиталистическое хозяйство.

Таковы программы С. Ж. Т., союза бывших комбаттантов, план Эмиля Роша принятый последним конгрессом радикал - социалистической партии и, наконец, план де Мана, одобренный с'ездом бельгийской рабочей партии.

Представляется поучительным сравнить, хотя бы в кратких чертах, главнейшие из перечисленных программ и попытатъся нащупать в них, так сказать, нерв современности, выделить общие им руководящие идеи и затем сопоставить их с социальной программой РДО, определить место, занимаемое нашей социальной программой на фоне лихорадочных поисков лучшего будущего.

Внимательный анализ схем переустройства социально - экономической действительности, исходящих из разных групп, позволяет установить некоторые общие тенденции и идеи, им присущие, Все они построены на общей предпосылке-необхо-

димости, в связи с эволюцией капиталистической системы хозяйства, провести коренные реформы, учитывающие весьма существенные изменения кон'юнктуры, привнесенные новейшей фазой развития капитализма. Главная задача, стоящая перед современным хозяйством, — поднять уровень потребления до достигнутых производственных возможностей, создать равновесие между производством благ и емкостью рынка. Принцип, на котором должно базироваться хозяйство, — это удовлетворение всех потребностей населения (couverture des besoins, по выражению С. Ж. Т.).

Учитывая внешние условия международной торговли и состояние международных рынков, следует признать, что только повышением поглощаемости внутреннего рынка можно должным образом использовать всю громадную производственную потенцию современной промышленности — результат необычайного прогресса техники. Путем приближения потребления к мощности производства будет уничтожен страшный бич нашего времени — безработица, влекущая за собой деградацию громадных масс населения.

Какими методами может быть достигнута эта грандиозная задача?

Мы остановимся подробно на рассмотрении плана де-Мана, на наш взгляд, наиболее полно разработанного и одновременно наиболее характерного и типического для современных демократических исканий социальной правды. В нашем изложении мы не будем касаться технических подробностей, а попытаемся наметить принципиальные основы плана.

Проект де-Мана построен на признании **смешанной экономики**: наряду с частным сектором хозяйства, движущей пружиной которого продолжают оставаться принцип частной собственности и законы либеральной экономики, должен быть создан государственный сектор национализированной промышленности.

Какой критерий принят де-Маном при разграничении промышленности между этими двумя секторами?

План признает ценность частной собственности, которая является превосходным стимулом хозяйствования; без частной инициативы и предприимчивости не может быть удовлетворительно разрешена проблема производства. Конкуренция, построенная на здоровых основаниях, выполняет благодетельную миссию движущего, подталкивающего начала, заставляющего хозяйство прогрессировать и совершенствоваться. В этом утверждении полезных функций принципа частной собственности — оригинальная черта плана, принятого **социалистической** партией, отказавшейся от демагогического упрощения хозяйственной проблемы.

Таким образом, там, где законы капиталистической экономики действуют без перебоев, беспрепятственно, в тех областях нет нужды рвать сложившиеся хозяйственные ткани. В частности, это относится к тем многочисленным случаям, в которых в одном лице, соединены капитал и труд (например, частная земельная собственность, кустарная и мелкая промышленность и т. д.).

Но существуют отрасли хозяйства, в которых частное начало давно утратило те свойства, которые его хозяйственно оправдывали, в которых механизм конкуренции давно перестал действовать. Это область **монопольного** трестированного хозяйства. Здесь парализовано действие естественных, экономических законов, в частности, свободной конкуренции, которая нормально является коррективом отрицательных сторон, связанных с частно-капиталистическим хозяйством.

Тут развитие производительных сил не направляется общехозяйственными интересами, задача удовлетворения потребностей стоит на заднем плане. Эти отрасли хозяйства должны перейти в руки государства. Лишь последнее сумеет организовать эти фактические монополии в интересах целого.

План де-Мана предусматривает национализацию ведущих отраслей хозяйства, которые сейчас находятся в безконтрольном распоряжении частных монополистов. Это — выработка сырья, двигательная энергия, транспорт, страховое дело, наконец, кредит.

План особое внимание уделяет финансовому капиталу, мощно организованному, который держит в своих руках не только главные узлы хозяйства, но зачастую обладает и исключительным политическим влиянием. Технически эта сложная операция должна быть выполнена путем **выкупа** государством контрольного пакета соответствующих предприятий и банковских институтов. Изменение структуры хозяйства должно пройти в рамках строго легальных, без нарушения «буржуазной законности» парламентским правительством, пользующимся доверием большинства нации.

Вторая коренная черта плана — внедрение в хозяйственную жизнь страны **планового начала.** Предполагается создание ряда органов, которые должны направлять народное хозяйство в определенное русло — с тем, чтобы в течение первых 3 лет потребительская способность населения возросла на 50 %, а в конце последнего года «пятилетки» на 100 %. В помощь законодательной власти будет дан Экономический Совет, совещательного характера, обладающий правами инициативы хозяйственных предложений и контроля над исполнительными хозяйственными органами.

Таковы главные линии проекта, с энтузиазмом принятого с'ездом Бельгийской рабочей партии и который сейчас является предметом интенсивной пропаганды среди разных слоев бельгийского населения. Он имеет шансы привлечь на свою сторону не только рабочий класс, но и средние буржуазные элементы.

План, действительно, знаменует откровенную сдачу марксистских позиций. В нем отсутствует « мистика » ортодоксального марксизма, пафос все

разрешающей социальной революции. В своих комментариях де-Ман без обиняков отмечает устарелость марксистской схемы, опровергнутой современным развитием капиталистического хозяйства и теоретически обосновывает «мелко-буржуазный» социализм.

Перейдем теперь к анализу социальной программы РДО. Основная цель, ею преследуемая, — достижение «наибольшего благосостояния населения»». Пути выполнения этой задачи — «гармоническое и целесообразное, соответствующее уровню хозяйственного развития, использование государственного и частного начала в промышленном хозяйстве», равномерное развитие разных отраслей народного хозяйства, равновесие между индустрией и сельским хозяйством.

Таким образом, программа признает принципиальную равноценность как личного, так и коллективного начала в развитии производительных сил. Распределение ролей между ними, размежевание участия в хозяйственной жизни диктуется не отвлеченными доктринерскими соображениями, а лишь мотивами хозяйственной целесообразности и общего блага. В этом коренном вопросе программная установка РДО целиком совпадает с позицией плана де-Мана. В обеих системах нет априорного отталкивания от одного или другого принципа хозяйства, как от «неправедного», «аморального», «противоречащего общественной этике». Следует подчеркнуть также, что обе программы строят земельные отношения на принципе частной собственности.

Далее, программа РДО отводит существенное место плановому началу. В денационализированных предприятиях «государство сохраняет большее или меньшее влияние, путем участия в капиталах предприятий, участия в управлении ими, в их эксплоатации или в условленной при передаче предприятий форме контроля над их деятельностью».

Не только в уже существующих предприятиях, переходящих из государственного сектора в частный, но и во вновь создаваемых частной инициативой на частные средства предприятиях, государство сохраняет за собой право «высшего контроля для наиболее целесообразного использования естественных богатств страны».

Нельзя упускать из вида также и того, что самый факт наличия крупного сектора государственной промышленности — а есть основания предполагать, что и после «разгрузки» государственного сектора государство сохранит за собой значительную часть предприятий, эксплоатация которых окажется рентабельной и хозяйственно оправдываемой — неизбежно приведет к громадному влиянию государства на всю хозяйственную жизнь страны. Та промышленная политика, которая будет проводиться государством для своих предприятий, явится мощным экономическим фактором и, несомненно, будет отражаться и на частно-хозяйственном секторе.

Не прибегая к мелочной регламентации частного хозяйства, государство будет обладать более действенными рычагами регулирования. В самом деле, ставя перед своими собственными предприятиями определенные задачи экономического порядка, управляя своей индустрией в рамках выработанного хозяйственного плана, государство тем самым будет давать молчаливые общие директивы для всего народного хозяйства, тем более действительные, что они будут покоиться не на голом произволе и внешнем политическом принуждении, а будут вытекать естественным путем, в силу имманентных законов экономики. Таким образом, идея планового хозяйства найдет свое применение в формах, далеких от советского бюрократизма и гарантирующих народное хозяйство от подавления сверху всемогущим «тоталитарным» государством.

Конечно при различии реально сложившейся обстановки на Западе и в России рассмотренные, нами программы выдержаны в различных тонах, ударения расположены на разных частях. Если в условиях западно - европейского капитализма, для создания новой смешанной формы экономического строя, центр тяжести падает на введение разгулявшейся частно - хозяйственной стихии в организованное русло, на известное ограничение бесконтрольного распоряжения крупным капиталом хозяйственными судьбами страны, то задача, стоящая перед русскими республиканцами - демократами — в утверждении попираемого коммунистами частного начала, в признании громадной, далеко не исчерпанной силы принципа частной собственности, в освобождении русского народного хозяйства от пут бюрократического планирования.

Вывод, который можно сделать из нашего сопоставления экономических планов, рассчитанных на осуществление в рамках демократической свободной государственности, — это признание, что р-д-ки движутся нога в ногу с общим ритмом современности.

Если социалистическим идеологам, не желающим оторваться от жизни, приходится вступать в компромиссы с собственной идеологией, становиться на путь «вероотступничества» и ценой более или менее удачных софизмов примирять свою теперешнюю эволюционную конструкцию с марксистской концепцией социальной революции, то у нас, р-д-ков, позиция гораздо более устойчива; — не будучи доктринерами, руководствуясь только общими принципами наибольшего благополучия населения и хозяйственной целесообразности, нам несравненно легче реалистически подходить к действительности, более правильно откликаться на ее запросы, не растеривая своего идеологического багажа. Р-д-ки обнаружили большую чуткость в понимании сложившейся хозяйственной кон'юнктуры, более передовые взгляды, чем иные кичащиеся своим «дерзанием» пореволюционеры.

В «пореволюционных» кружках считается признаком «хорошего тона» третировать РДО, как организацию, безнадежно устаревшую, повторяющую зады умершего экономического либерализма 19-го века. В своем страстном отрицании капиталистической системы наши «антикапиталисты» либо впадают в туманность и неопределенность доморощенных нереальных схем, либо становятся эпигонами советской коммунистической системы, доказавшей свою полную никчемность на тяжелом убийственном опыте сталинского чекистского хозяйства, либо, жестоко осуждая нас за отсталость и неприспособленность к новым условиям, «пореволюционеры» говорят нашей же прозой, сами того не подозревая, подобно безсмертному герою Мольера.

Без позы, без крикливых слов, наметив реальные пути восстановления хозяйственной жизни России на здоровых основаниях, РДО проделало большую политическую работу и выявило свое искреннее стремление служить интересам не отдельных классов и социальных категорий, а всего русского населения, засвидетельствовало свою безкорыстную классово - незаинтересованную готовность защищать общее благо русского народа.

Александр Александров.

Д. МЕЙСНЕР

К 10-летию РДО

За истекшие четырнадцать лет нашего пребывания на эмигрантской отмели мы были свидетелями выступления на авансцену политической жизни целого ряда группировок, каждая из которых, прежде всего, подчеркивала, что она НОВАЯ, самая что ни на есть «новейшая» и именно от ее возникновения нужно считать время политической сознательности и активности в эмиграции: все же, что было раньше, достойно лишь сожаления. И вот печальное наблюдение: проходило немного времени (совсем как в старой русской сказке — долго ли, коротко ли) и на глазах всего зарубежного «общественного мнения» сезонный цветок начинал чахнуть, потом вянуть и в таком жалостливом виде влачить существование, лишь изредка напоминая о себе — и я тут. Второе наблюдение: чем «выше» была взята первая нота, чем больше активистских претензий было заявлено в начале, тем глубже было потом падение. Сейчас таким сезонным цветком, воспитанным в «национальной» оранжерее Воинского Союза и белградских «патриотических» собраний является «Национальный Союз Нового Поколения», о котором нужно будет сказать еще особо.

Добавим, что пример фашизма и гитлеризма порядочно вскружил головы. Почти каждая такая «молодая» группировка, прислушиваясь к духу времени», стремится построиться по авторитетному признаку, на началах «железной дисциплины» и беспрекословного подчинения вождю, и сколько таких «вождей» ходит среди нас грешных. При этом у каждого кружка истина в кармане и даже спорить об ее подлинности теперь не хотят: на эмигрантских собраниях лишь декларируют. Каждый кружок, естественно враждебный «гнилой и лживой» демократии, собирает свой «отбор», готовый (конечно готовый) взять управление Россией в свои руки.

У одних (евразийцы) право на партийную диктатуру над Россией оговорено в программе, у других уверенность в этом их «праве» написана на самых лицах «вождей» (младороссы, новопоколенцы).

Маленькие эмигрантские Муссолини и Гитлеры, о которых как то остроумно написал в « Утверждениях » кн. Ширинский - Шахматов, старательно изучают и копируют повелительные «исторические» жесты своих иноземных кумиров. Нужды нет в том, что российская обстановка, где **произошла** социальная революция и в какой то мере и форме **происходит** революция фашистская, коренным образом, отличается от обстановки, в которой находятся западно-европейские страны, охваченные фашизмом.

Среди этих групп и группочек эмиграции, многие из которых, по нашему мнению, являются не вехами на большом пути русской политической мысли и политического действия, а всего лишь знаками, отмечающими бездорожье и безвременье сегодняшнего эмигрантского дня — особое место занимает РДО, никогда не ставившее утопических целей, не соблазнившее адептов демагогическими призывами и потому с честью выдержавшее десятилетний эмигрантский искус.

Перечислим основные положения, давшие РДО спокойную уверенность в обоснованности и оправданности своего существования и приведшее его к бесспорным достижениям. Таких основных положений мы выставим **три.** Первое и главное: на заре эмигрантских исканий, в обстановке ненавистничества, исключительности и эмигрантской гор-

дыни, когда революция изображалась лишь как слепой и случайный бунт, а народ, как подлежащий, в лучшем случае «отеческому внушению», РДО, вслед за «новой тактикой» П. Н. Милюкова, решительно повернулось **лицом** к **России.** Теперь это обязательный, хотя бы на словах, трафарет. Тогда, это был смелый шаг, из которого следовало много выводов и, в частности, один, означавший ограничительное понимание задач политической эмиграции. Не «поход» и не декретирование извне методов борьбы, а внимательное изучение внутри-русских процессов и их идейное оформление здесь, в обстановке свободы, содействие живым народным усилиям в борьбе с большевизмом. Мыслилось содействие **всем** формам борьбы здорового народного организма с коммунистической болезнью - революционным и мирным, эволюционным. Из двучленной формулы и родилось неверное утверждение будто РДО отрицает «революцию» и ставит ставку исключительно на «эволюцию».

Первое положение, являющееся основным, логически связано со вторым: верностью принципам демократии. В силы русского народа, в его государственный смысл РДО верит крепко и начала народоправства, народного самоуправления, никаким «отборам» не уступит. Напрасно, враги респ.- демократов изображают последних, как последышей революционной демократии 1917 года. Психология и политическая практика, определяемая словом «керенщина», умерла в муках большевистской революции; она вовсе не свойственна, в чем мы на каждом шагу убеждаемся на Западе, всякой демократии, а тем элементам (старшим и младшим), которые составляют РДО всегда была достаточно чуждой. Организация **пореволюционная** (не в специфическом смысле этого слова), РДО обращено **в будущее,** потому оно не закрывает глаз на необходимость пересмотра тех форм демократии, которые оказываются в новой обстановке устарелыми. Будучи верными основной **идее** демократии, р-д-ки не являются доктринерами в отношении ее **формы.**

Третье —это патриотическая установка РДО. Что собственно это означает? Не есть ли это пустая фраза, скрывающая нечто, бесспорно подразумевающееся? События последней зимы заставляют сказать, что это не так, что свой **патриотизм,** живой и конкретный, РДО вправе противопоставить **догматизму** некоторых своих противников из лагеря так наз. «националистов».

Первая и первейшая задача р-д-ков — благо, непосредственное благо их родины, России. Верховность «идеи Родины» заставляет подчинять все иные чувства и расчеты одному — национальной пользе. Вот почему в минувшем году, осенью, когда перед Россией встал призрак грозящей распадом или отпадом окраин войны, **все до одного** республиканцы-демократы были вместе с П. Н. Милюковым, поставившим национальный интерес России выше возможных выгод эмиграци, выше ненависти (столь законной) к большевикам, выше каких либо личных надежд.

Своим мужественным поведеньем русского патриота, лидер и вождь демократической эмиграции дал для всей русской эмиграции урок истинной любви к своему народу и своей стране.

Твердо опираясь на изложенные выше положения, РДО избежало многих опасностей, стороживших иные организации. Упомянем из этих опасностей только три. Первая — бесплодный спор «отцов» и «детей», так волновавший политическую эмиграцию, в среде р-д-ков, не существовал. Подбор и отбор шел по совершенно иному признаку. В сочетании старого опыта, традиции и авторитета и молодых поисков и энтузиазма — свидетельство «не случайности», а органичности РДО.

Далее, твердая идейная установка и трезвая оценка фактов дали р-д-кам возможность избежать как лубочной непримиримости, так и ничем неоправданной полу-капитуляции перед не только «советскими достижениями» но и советским строем так называемой «пореволюционной» молодежи, попавшей сейчас в изрядный тупик.

Наконец, «согласование» тактики эмиграции с тактикой населения, борющегося со властью, освободило РДО от увлечения нарочитым «активизмом», в своей сегодняшней бесплодности опустошившим много горячих молодых душ.

«Активизму», остающемуся к тому же, по большей части лишь демагогическим призывом, РДО противопоставляет политическую активность, доказательством чему служит социальная программа РДО. Это, конечно, не значит, что РДО отказывается от борьбы. Оно, наоборот, постоянно изыскивает те методы борьбы, которые были бы и целесообразны и доступны. Сбросит иго коммунистов сам народ, но РДО считает «своим священным патриотическим долгом влиться в эту борьбу народа с властью» (цитирую передовую статью перваго № журнала «Наше Слово»).

Остается лишь пожелать, чтобы РДО, закалившее свои силы в годы эмигрантского безвременья, скорее приобщилось к единственному источнику подлинной живой силы — к своему многострадальному и великому русскому народу.

Д.Мейснер.

В. ПОПОВ

В СССР

В отличие от внешней политики, богатой событиями и резким поворотом курса, внутренняя поне принесла ни сенсаций, ни сколько нибудь существенных перемен. Шло обычное маневрирование, очередные попытки найти способ выхода из хронических «прорывов». Самое большее, о чем можно говорить, — это о кое-каких сдвигах и о некоторых, проявившихся в ряде действий и декретов, тенденциях.

Представляется, например, несомненным постепенное изживание большевиками свойственной им еще недавно «гигантомании». Раньше ко всему был не иначе, как «планетарный» подход. Очередным лозунгом дня было «догнать и перегнать» Америку и др. индустриальные страны, под влиянием этого лозунга на фабриках и заводах создавались даже специальные бригады «Дип». В советских газетах был заведен особый отдел «У нас — у них», где наглядно показывалось, как победоносно движется вперед советская страна и как катастрофически падает продукция в капиталистических странах.

Теперь ни этого отдела, ни разговоров о «догнать и перегнать» больше уж не слышно. Об Америке пишут и сейчас, но совершенно в ином тоне, на нее указывают, как на страну, с которой надо брать пример. В этом отношении очень любопытен помещенный в «Известиях» от 17 окт. под заголовком «Дорого» фельетон проф. Штаермана о порядках на стройках в Америке и СССР. Сделанное им сравнение ясно показывает, что ни о каких «гонках» не может быть и речи. Дела у большевиков идут так плохо, что «уж не до жиру, быть бы живу». И вот, вместо «укрупнения», мы наблюдаем сейчас повсюду процесс «разукрупнения». Разукрупняют наркоматы, области, края, тресты, совхозы, профсоюзы.

Наиболее интересной для нас является принятая в сентябре и ныне проводящаяся в жизнь реформа о разукрупнении профсоюзов, т. к. в ней ярко выявляется еще другая тенденция — усиление центральной власти за счет местной. Нужно сказать, что Сталинское правительство очень ревниво оберегает об'ем своей власти и достаточно ему бывает заметить поднятие авторитета «власти на местах», как оно немедленно, путем тех или иных реформ, это ликвидирует. Перенос из Харькова в Киев столицы Украинской республики — лучший тому пример. Кроме того сов. правители считают, что дело пойдет лучше ,если они будут лично вмешиваться во все, вплоть до самых мелочей. Недавно, например, был издан декрет, где указывается, какими должны быть в новостройках: толщина стен, размер лестничных пролетов, количество комнат в квартире и т. п,

Но вернемся к реформе профсоюзов. Ее мотивами было то, что существующие профсоюзы непомерно велики (в некоторых было более миллиона членов), а отсюда было отсутствие непосредственной, живой связи их руководителей с профсоюзными массами и плохая, бумажно - бюрократическая постановка дела. Целью реформы была об'явлена необходимость приближения, в видах лучшего обслуживания, руководителей к руководимым и как следствие... преобразование ныне существующих 47 союзов в 154, перевод 65 Цик-ов этих союзов из Москвы на места и упразднение в 43 из них промежуточных профсоюзных звеньев. Отсутствие места не позволяет нам подробно остановиться здесь на этой чрезвычайно-любопытной реформе и мы ограничимся лишь тем, что скажем, что, в отличие от прежней, весьма стройной и логичной схемы, новые профсоюзы построены теперь по разным (в некоторых случаях — чисто отраслевому, в других — отраслево-территориальному) принципам и резко разнятся друг от друга, как по их внутренней структуре, так и по размерам территорий, которые они обслуживают. Главный же смысл произведенной реформы — совсем не заботы о массах, а желание нового усиления власти центра - ВЦСПС и его президиума, их руководства и контроля.

Из реформ по замене коллегиального начала единоличным отметим лишь ниболее важную — ликвидацию при Нар. Комиссариате военно - морских дел (летом этого года из агитационных соображений переименованном в Наркомат обороны СССР) Ревоенсовета.

Соображения агитационного порядка играли заметную роль во внутренней политике сов. власти в обозреваемый нами период. Интересы внешней политики, желание изменить в благоприятную для себя сторону западно - европейское общественное мнение, желание предстать перед Западом в лучшем, чем есть, виде, продиктовали сов. правительству ряд реформ и постановлений. Этим летом, напр., в эпоху усиленного сватовства большевиков Лиге Наций, весь мир облетела телеграмма ТААС-а об упразднении ГПУ.

«ЦИК СССР решил создать наркомат внутренних дел, который поглотит ГПУ... Администрация ГПУ упраздняется... Уголовные дела, после расследования будут передаваться соответствующим юридическим органам. Преступления против безопасности будут подсудны Верховному Суду, об измене и предательстве — военным секциям высшего суда».

Правда, в телеграмме было добавлено, что при новом к-те создается специальный совет, с правом ссылки и отправки в концентрационные лагеря, а

также высылки из пределов СССР и что во главе нового ведомства поставлены Ягода, Агранов и Прокофьев... Названные имена для заграницы были пустой звук, административные ссылки и конц. лагери существуют теперь и в др. странах и это добавление совершенно меркло перед фразами об упразднении ГПУ и о прекращении бессудных казней.

Как мы и ожидали, телеграмма эта имела чисто агитационное значение. На самом деле произошло не упразднение ГПУ, а только переименование его. Бессудные кары (высылка, ссылка и заключение в исправ.-трудовые лагери, из коих две последние меры часто представляют собой лишь медленную форму той же смертной казни) будут одним из органов нового комиссариата накладываться и впредь.

В фиктивности перемены курса здесь мы убеждены еще и потому, что не забываем, что ГПУ является сейчас крупнейшим подрядчиком сов .власти (вспомним хотя бы прорытие Балтийско-Беломорского канала) и постоянно нуждается в массовом приливе новых рабочих рук..... Но желательный эффект заграницей произведен и немало доверчивых иностранцев будет искренне думать, что большевики действительно переменились.

Несомненно из-за боязни повредить делу сближения СССР с западно-европейскими странами, пришлось перевести на « модерато » деятельность коминтерна. Назначенная на минувший сентябрь очередная сессия его отсрочена до будущего года.

Надо думать, что также больше по соображениям внешнего, чем внутреннего порядка (со своим населением Сталинское правительство весьма мало считается) на 15 января 1935 года назначен созыв очередного — 7 - го с'езда советов СССР. Предыдущий с'езд был в марте 1931 г. и хотя конституция СССР предусматривает созыв его каждые два года, но сов. власть не спешила это делать и вот почему. С'езду советов предшествуют их перевыборы и связанная с последними отчетная кампания. Во время нее можно, особенно теперь, услышать много неприятных слов. Могут возникнуть опасные мысли и настроения. Этого Сталинское правительство всячески старается избегать.

Иное дело самый с'езд. Он служит прекрасным способом демонстрации перед иностранцами «беспредельного», даже превышающего Гитлеровский, авторитета сов. «фюрера» и полной, безоговорочной, поддержки всех его начинаний многомиллионным русским народом.

Созывом с'езда сов. власть пользуется также и в видах получения материальных выгод. Оно об'являет ко времени с'езда производственный поход, требует за право доклада и рапорта на с'езде дополнительных трудовых усилий и жертв. Сов. граждане «охотно» откликаются на это и сейчас уже начали об'являть о своих будущих «подарках». Сталинградский завод, напр., обещает уложить, сверх плана, 7.000 метров асфальта, шахта № 140 — дать лишних 16 тысяч тонн угля.

Никаких сюрпризов выборы дать не могут. Все будет указано заранее и, сообразно этим указаниям, произведено. Уже появилась руководящая статья Енукидзе. Он говорит, что «в советы необходимо выбирать преданных сов. власти специалистов, ученых, учителей, агрономов, врачей. Должны найти себе место в советах и стоящие близко к колхозам и помогающие советам укреплять совхозы единоличники. Должно быть увеличено представительство комсомола и женщин, а также беспартийных, которых недоставало не только в исполкомах, но и в ЦИК-ах». Как видите, сразу ясно, какие будут перемены, а до выборов еще далеко.

Новая выборная инструкция мало чем отличается от инструкции, действовашей на последних выборах. Заслуживает быть отмеченным лишь добавление, по которому лишены избирательных прав «кулаки, высланные из пределов сел и поселков, в которых они раньше проживали, за противосоветские и противоколхозные выступления». Поднят с 40 до 50% кворум избирательных собраний.

Зато неприятный для советской власти период отчетной компании значительно сокращен и, вместо прежнего месяца, на этот раз он будет длиться от 7 до 10 дней.

В связи с угрозой войны на Дальнем Востоке наблюдается попытка власти спекулировать на патриотических чувствах населения. Вновь получило право гражданства слово «Родина». Издан даже специальный закон — «об измене родине». Но в интернациональных устах сов. вождей слово «родина» звучит довольно фальшиво и чувствуется, что это тоже только «агитационный лозунг», а не истинный, подлинный патриотизм.

Перейдем теперь к положению дел на аграрном фронте. В этом году можно сказать определенно, что ставка на так наз. социалистический сектор, на совхозы и колхозы, оказалась битой и как те, так и другие, не оправдали возлагавшихся на них надежд. Изыскиваются все способы уклониться от хлебосдачи и выполнений предписаний правительства. Не помогают ни уговаривания, ни угрозы, ни репрессии. Провалились надежды и на политотделы. Если в прошлом году они помогали правительству, «дрались за хлеб», то в этом году этого они не делают и это вполне понятно. В прошлом году политотдельцы — в подавляющем своем большинстве избранные из городских рабочих — были новыми людьми в деревне. Они плохо разбирались в обстановке и готовы были слепо защищать «генеральную линию». Теперь положение изменилось. Они присмотрелись, поняли, куда ведет деревню сталинская политика, и рвения выжимать из крестьян все, что требует власть, не обнаруживают.

Отчаявшись получить с совхозов и колхозов нужное ему количество хлеба, сов. правительство снова берется за своего козла отпущения — многострадального единоличника. На него сыпятся тре-

бования одно за другим, одно другого суровее, одно другого тяжелее. Несмотря на обещание освободить единоличников от обязательной поставки зерна государству с посевов, сделанных ими сверх утвержденных для них планов сева, сов. правительство неожиданно в августе с. г. потребовало сдачи зерна и с этих посевов, вопреки обещанию, данному двумя наиболее «знатными» (модное ныне в СССР слово) людьми Союза — Молотовым и самим Сталиным. Новое постановление подписано одним Молотовым, но ясно, что он действовал не иначе, как по приказу Сталина, и это уклонение последнего от подписи, сваливание ответственности на другие плечи, боязнь потери популярности в высшей степени характерны для Сталина. У него всегда все кругом виноваты, кроме него самого.

О положении рабочих мы писали в прошлом номере нашего журнала —оно мало изменилось с тех пор, разве только «обжуливание, обкрадывание и обмеривание» их приняли такие массовые размеры, что пришлось правительству издать суровый закон о мерах борьбы с этими явлениями. Можно отметить еще и то, что, главным образом, на рабочие плечи выпала тяжесть нового, в один месяц полностью покрытого, 3 1/2 миллиардного внутреннего займа.

Бесчисленные жертвы несут русские люди на алтарь индустриализации страны, на создание крупнейших индустриальных гигантов. — Посмотрим, оправдываются ли сколько нибудь эти жертвы и как дело обстоит там.

Обратим прежде всего внимание, как строятся эти гиганты.

«Дорого» — кричит проф. Штаерман, о фельетоне которого мы упоминали в начале нашей статьи. Нет ни планов, ни смет, ни рациональной постановки дела. Тщетно правительство издает один за другим декреты о запрещении беспроектного и бессметного строительства — все остается попрежнему. Вот, что напр., пишут «Известия» (от 21 августа) — «Пущенный в прошлом году Уралмашзавод и вступающий на днях в эксплоатацию Краматорский маш .гигант до сих пор не имеют утвержденных проектов и смет. Нет их и у 98 сверхлимитных строек Наркомтяжпрома. Примерно, такое же положение, если не хуже, и на стройплощадках других наркоматов».

Может быть лучше обстоит дело на построенных уже гигантах? Знакомимся с речью наркомтяжпрома Орджоникидзе на совещании хозяйственников 20 сентября. И что же?

«Уральский машиностроительный завод — в прошлом году был скорее музеем прекрасного оборудования, а в этом — работает в одну смену»

«Златоустовский инструментальный завод не загружен, хотя имеет прекрасный цех машиностроения».

«Красноуральский завод — первоклассное предприятие, но захламлен».

«Другие заводы еще хуже того».

В химической промышленности — «Новый Воскресенский хим. комбинат втихомолку выведен из строя, а в Березниках серо-кислотный завод надо вывести в ремонт потому, что оборудование здорово износили за 2-3 года». «Обращение с аггрегатами и машинами — прямо варварское».

«Рабочей силой, продолжает Орджоникидзе, мы обеспечены, у нас даже излишек ее, аггрегаты, печи, машины также готовы служить сов. стране, давать много металла. Что мешает? — Плохая работа людей. Наше дело — «не мешать» машинам хорошо работать». — Ценнейшее, воистину, признание.

Орджоникидзе рекомендует молодым сов. инженерам, вчера еще бывшим неграмотными, не зазнаваться и не успокаиваться, а учиться, учиться и учиться, много, терпеливо, упорно и настойчиво.

Опыт жизни показывает большевикам, что одной марксистско-ленинской теории, даже в «блестящей» интерпретации «гениального и великого» Сталина, для жизни недостаточно и постановка школьного дела стала сейчас в порядок дня. В начальной школе, постановлением ЦИК-а партии, запрещено вовсе заниматься политграмотой и «проработкой постановлений с'ездов», в средней школе рекомендовало налечь больше на историю и географию, чем на общественные науки. Преобразуется высшая школа. Вводится 4-летнее обучение в институтах сов. права, создаются снова историко-филологические факультеты, коренным образом реформируется постановка медицинского образования. Нам нужны «лечащие врачи», — говорят большевики и предписывают заниматься больше латынью и медицинскими науками, а не диалектическим материализмом.

Еще на одну сторону сов. политики мне хочется обратить внимание читателя, — это на то, что сов. правительство оказывается неспособным делать какое либо дело собственными силами. Без массовой, притом обычно бесплатной, помощи сов. правители не могут провести ни посевной, ни уборочной, ни хлебозаготовительной кампаний, ни произвести ремонт улиц и домов, привести в порядок ж.-д. станции и ж.-д. путь (транспорт, вообще, наиболее больное место советскаго управления) и т. д. В государственном аппарате работают десятки тысяч всевозможных соцсовместителей, созданы повсюду особые группы содействия, общественные инспектора и т. д.... тратится огромнейшая энергия («Все на посевный, уборочный, хлебозаготовительный и пр. фронты») и масса денег... и все же дело не спорится и идет из рук вон плохо. Бюрократизм, «никчемную писанину», как говорит проф. Штаерман, развили такие, что самим становится страшно. Злоупотребления и воровство достигли таких размеров, что оказывается, что чуть ли не вся страна сплошь состоит из воров, жуликов и обманщиков. Впрочем пример этому подает как мы выше видели, сам Сталин, а русская поговорка говорит «каков поп, таков и приход».

Тяжела и безрадостна картина сов. государственного властвования, где все, точно обрызганное мертвой водой, вянет и гниет. Единственная нашим утешением является, что, несмотря на весь кошмарный советский режим, в России, все же бьют кое где источники живой воды, бурно прорывается на волю скованная большевиками народная энергия.

Плохо на колхозных полях, лениво и нерадиво работают на них колхозники. Несмотря на то, что не скошен еще хлеб, а наступающая зима грозит ему гибелью, равнодушно уходят они в 2-3 часа дня с поля домой. Совершенно иная картина у тех же колхозников на их приусадебных, находящихся в их индивидуальном пользовании, участках. Там работают не по часам, там они в работу вкладывают всю душу, там ничего не пропадает, а, наоборот, приносит блестящие плоды. Посмотрите, какой пресс давит единоличников, а у них, напр., в Ченбарском районе 6 % общей посевной площади, а тягла 43%. Если у колхозника в отношении общественного добра настроение «наплевательское», то к своему он относится бережно, расчетливо, по хозяйски. И это неудивительно. Государство цинично говорит ему — «отдай мне все, что я с тебя требую, а до того, останется ли что либо тебе, будешь ли ты сыт или голоден, мне нет дела». Возьмем жилищное дело. Там, где оно находится в руках государства, там мерзость и запустение. Разваливающиеся дома, текущие крыши, землянки вместо приличных квартир. Совершенно иначе, где население само берется за дело. Посмотрите, что стало за несколько лет с Горловкой ,еще недавно утопавшей в море грязи. Или, напр., как меняется положение, когда рабочим дали землю под индивидуальные огороды. Донбас, где в 1932 году было лишь несколько маломощных хозяйств, носивших громкое название агрокомбинатов, и влачивших жалкое существование, стал сразу «цветущим», и теперь у рабочих есть и овощи, и молоко, и сало. и мясо.

Там, где дело ведут русские люди сами, в индивидуальном порядке, все процветает и вся нелепость советской системы становится ярче, выпуклее. Правоверные коммунисты испытывают тревогу от роста индивидуального начала, собственнических настроений, сигнализируют об опасности партии, но последняя уже безсильна как заглушить, так и остановить происходящий процесс. Русский народ медленно, но верно, идет к изжитию и сов. хоз. системы и «мешающих» его успеху большевиков.

В. Попов.

А. А. А.

Единый фронт

Одним из крупных политических событий за последнее время было создание «единого фронта» между французской социалистической и коммунистической партиями. Событие это, по своему значению, выходит за пределы чисто-французских дел и заслуживает, чтобы на нем остановиться.

Вопрос единого фронта имеет длинную историю, на которой задерживаться на этих страницах не место. Длительные и мучительные переговоры, в конечном счете привели к подписанию «пакта» о прекращении взаимной травли и борьбы и об установлении единства действий, направленных против надвигающейся «фашистской опасности». Национальный Совет франц. социалистической партии, собравшийся 15 июля с. г., выработал основы «мирного договора» со вчерашними противниками и поручил административной комиссии провести в жизнь свое решение.

Нас, главным образом, интересует идеологическая, принципиальная сторона наметившегося альянса. Мы не будем занимать внимание читателя конкретными частностями.

Каковы задачи и характер предстоящих действий? Каково политическое значение этого акта с точки зрения интересов демократии? Cui prodest заключенное перемирие? Вот вопросы, на которые нужно дать ответ.

Резолюция Нац. Совета формулирует задачи единого фронта в следующих словах: прекращение взаимных нападок, устранение при совместных выступлениях спорных вопросов и борьба против фашизма, неизбежно включающая защиту демократических свобод, путем организации общих митингов, демонстраций и т. д.

Казалось бы, вынесенное решение должно послужить на пользу демократии. Но увы! Прекраснодушные надежды социалистов найти в ком. партии верного соратника и союзника в борьбе за демократию представляют верх наивности и ослепления. Коммунисты, ведь, не скрывают своей ярой ненависти к демократии — этому буржуазному предрассудку. Их доктрина — диктатура пролетариата в формах, не знающих границ насилия над большинством нации, в корне отрицает основные начала демократии.

Совместная деятельность не ограничивается оборонительными действиями. Ген. секретарь соц. партии Поль Фор в своей речи на заседании Нац. Совета указал на другую задачу, на которую должно быть направлено дружное наступление социалистических и коммунистических сил — это беспощадная и непрерывная борьба против капитализма. «Капитализм — вот враг» — так ставит политико-социальную проблему П. Фор. Правда, «способы

и формы этих совместных действий требуют специального обсуждения с коммун. партией. Нужно во что бы ни стало избежать бунтарства и революционной гимнастики, которые, не принося реальных плодов, только облегчают буржуазии расправу с рабочим классом».

Тщетно на заседании раздавались скептические голоса вдумчивых социалистов:

— «Добросовестность коммунистов? Вспомните случай с Дорио, исключенным из партии как раз за проводимую им тактику единого фронта. Этот эпизод наглядно рисует всю меру коммунистического маккиавелизма. Демократизм большевиков — вздор. Брать в союзники таких сторонников демократии — значит, наверняка, губить дело демократии. В области социальной — лозунг «класс против класса» рискует оттолкнуть средние демократические элементы вправо. Демократический фронт потерпит ущерб. Социалистические организации не должны рвать и отпугивать социальным максимализмом демократические слои страны, которые составляют громадное большинство французского населения. Пример Австрии показывает, что одно только единство рабочего класса не является панацеей против фашистской опасности».

Аргументы противников необдуманного сближения с коммунистами были подробно развиты в проекте резолюции, предложенной Фросаром. К сожалению, они не возымели действия, и политика сближения была одобрена громадным большинством.

Итак, первый шаг сделан — установлено единство действий. Оно должно служить предпосылкой и прелюдией дальнейшего сближения, конечная цель которого — так называемое «органическое единство», т. е. полное слияние социалистической и коммунистической партий в единую политическую организацию рабочего класса. Социлистические лидеры полагают, что осуществление этого давнишнего их заветного желания не за годами. Жиромский, например, уже намечает в грубых чертах синтез, который ляжет в основу единой рабочей партии — «историческая необходимость диктатуры пролетариата, подтвержденная революционными опытами, не противоречит защите демократических свобод, — орудию борьбы рабочего класса».

Тут, очевидно, осторожно запрятаны реабилитация большевицкой диктатуры и признание за ней исторической правды.

Главный оракул французского социализма Леон Блюм также видит в единстве действий преддверие органического единства. Почва, по его мнению, сейчас расчищена. Ведь большевики признают ценность демократических свобод (sic!) и необходимость воздействия на смежные к пролетариату в собственном смысле слова социальные пласты. Такая оценка коммунистической идеологии, разумеется, ни в малейшей степени не соответствует действительности. Желаемое принимается за данное. Гораздо интереснее и симптоматичнее следующие загадочные слова, которыми заканчивается статья Блюма в «Попюлэр» от 11 июля: «Под давлением фашистских угроз мы достаточно существенно изменили некоторые из основных наших тактических концепций, в частности, касающиеся овладения властью». Здесь повеяли не слишком демократические ветры. Автор, повидимому, занят дальнейшим развитием своей старой формулы «vaccances de légalité». В демократическом фундаменте лидера социалистов появилась опасная трещина.

Эти утверждения и намеки Блюма облегчают обоснование наших собственных выводов. Единый фронт, с нашей точки зрения, наносит сильный удар идее демократического социализма. Об'единяясь для общих действий с коммунизмом, социализм выбрасывает из своего идейного багажа необычайно важную ценность — идею демократии, — ту ценность, которая принципиально отличала и отмежевывала его от левого соседа, воздвигая между ними непроходимую грань. Коль скоро этот тормоз снят, социализму не удержаться на наклонной плоскости, ведущей прямым путем к коммунистической пропасти. Ибо в области социальной демагогии, разжигания классовых инстинктов — а как раз на этот путь, выбросив за борт самодовлеющую ценность демократии, становится французская социалистическая партия, — ей не выдержать более «искусной» конкурренции коммунистов.

К счастью, экспансивные французские социалисты, видимо, не находят поддержки своей тактики за пределами своих рядов. С. Ж. Т. заняло отрицательную позицию в вопросе слияния с коммунистическими синдикатами, поставив ряд условий, на которые Унитарная Конфедерация вряд ли пойдет. Недавний с'езд трэд-юнионов категорически отверг идею самоубийственного сближения с коммунистами. Враждебны этой тактике и влиятельные социал-демократические партии Чехословакии, Бельгии, Швеции и Дании.

Нас особенно должна интересовать точка зрения русских меньшевиков. Ведь, в самом деле, одна из лучших иллюстраций «искренности» коммунистов — положение русских социал-демократов в Сов. России. Заграничной делегации с-д известно, как инициаторы единства (нет сомнений, что вся эта возня затеяна в Москве в целях, с «социализмом» имеющих мало общего) проводят на практике единый фронт с «социал-предателями». Ссылка на бесправное положение русских социалистов неоднократно встречалась в речах противников сближения с коммунистами на заседании Нац. Совета. Но на том же заседании присутствовал лидер заграничных с-д Дан. Он этот аргумент признал лишенным силы и убедительности — «знаменитым» (по скромному определению, Абрамовича) кивком головы он вполне солидаризировался с Жиромским, сказавшим, что «положение русских социалистов не должно служить препятствием в полити-

ке сближения с коммунистами». Этот «благородный», самоотверженный — за чужой счет— жест имеет большое символическое значение. Он означает капитуляцию меньшевиков в борьбе с большевиками — ибо какая же борьба совместима с единством действий? Дальнейший логический шаг должен заключаться в ходатайстве перед левыми товарищами милостиво разрешить приобщиться к «социалистическому строительству. Правда, эта позиция меньшевиков получила одобрение трех их товарищей, отправивших из Казани пресловую телеграмму.

Но если и предположить, что текст этой телеграммы был свободно и по их собственной инициативе составлен ссыльными социалистами, эти голоса остаются изолированными мнениями одиночек, — быть может, когда то влиятельных, — при отсутствии тени организованности с-д партии в сов. России.

По совести, трудно предположить, чтобы власть марксистских формул до такой степени вытравила непосредственное восприятие живой действительности у значительного числа русских социалистов, не изменивших своему знамени — демократическому социализму.

Во всяком случае, заграничные меньшевики своей «жестикуляцией» поставили себя вне рядов борющихся за демократическое российское будущее сил.

А. А. А.

Е. НОВОХАТНЫЙ

Дальневосточный вопрос

(Письмо из Югославии).

Наша относительная удаленность от эмигрантских политических центров и некоторые другие обстоятельства, затрудняющие наше культурное общение с Вами, являются причиной того, что мы сильно отстаем от Вас в смысле темпа политичесокй жизни, а потому и дальневосточный вопрос, для Вас, вероятно, уже давно потерявший свою остроту, для нас еще совсем недавно являлся злобой дня, да и сейчас еще продолжает волновать эмигрантское море.

Правда, и раньше, в Ваши боевые дни местная печать (я имею в виду, конечно, русскую) не скупилась на выпады и простую брань по адресу П. Н. Милюкова и даже позволяла себе сконфуженно и почтительно «не одобрять» ген. Деникина, но в чем именно заключалась «вина» Милюкова и на чем собственно поскользнулся Деникин, оставалось для читателя в достаточной степени загадочным. И вся эта газетная шумиха, в которой ругань и истерические выкрики заменяли аргументы, а бодрость тона и трескучая фразеология прикрывали бедность мысли, нисколько не выясняла вопроса по существу и лишь заставляла подозревать, что с дальневосточным вопросом, повидимому, не все проходит так гладко, как этого хотелось бы «Возрождению» и его местному подголоску «Русскому Голосу».

Вообще в те дни чувствовалась определенная тенденция, если не совсем скрыть происшедший у Вас раскол, то хотя бы затушевать его до пределов, не имеющего никакого значения инцидента, в котором на одной стороне находится «вся эмиграция», а на другой — незначительная кучка не то большевицких агентов, не то просто чудаков, не понимающих самых простых истин, а потому и не заслуживающих никакого внимания.

Однако, долго продержаться на такой позиции было нельзя. Ведь как никак указанные газеты не являются полными монополистами на нашу информацию. И если не считать местного «Царского Вестника», листка, действительно на редкость убогого, то не малым соблазном все же являются «Младоросская Искра» и «Единый Фронт». А потому, несмотря на малый тираж этих в общем довольно таки скучных газет, утаить шила в мешке было нельзя, как и нельзя было долго выдержать позы высокомерного игнорирования своих противников. Хочешь — не хочешь, а приходилось поднимать перчатку и заняться дальневосточным вопросом вплотную.

Вот для этой цели наши руководящие круги и прибегли к помощи знатных чужестранцев.

Для начала ими был выпущен ген. Головин, доклад которого по дальневосточному вопросу был выдержан в строго академических тонах, как это и приличествует ученому специалисту, чуждому политики и заинтересованному в анализе данного вопроса лишь в пределах своей узкой специальности.

Обычно такие доклады публике нравятся: как бы при этом обеспечивается известное политическое беспристрастие. Однако, как раз в этом случае, публика интересовалась, главным образом, политической стороной вопроса, а не техническими расчетами и выкладками, ничего не доказывающими и ничего не предопредѣляющими.

На чьей стороне должны быть наши симпатии в случае военных осложнений на Д. Востоке и почему? Вот что интересовало подавляющее большинство собравшихся слушателей и разрешение какого вопроса ожидали они от докладчика.

От прямого ответа на этот вопрос ген. Головин уклонился. Однако, наша публика, умеющая читать и между строк, ответ все же получила.... из той картины возможного будущего, которую нарисовал докладчик на случай победы той или другой из числа борющихся сторон. Из этой картины,

вернее карты будущего мира, составленной, кстати сказать, при полном игнорировании неизбежных, конечно, влияний на результаты победы со стороны заинтересованных третьих сил, а потому, по существу в достаточной степени фантастической, слушатель и вывел заключение, что симпатии докладчика склоняются в.... сторону Японии, победа которой, мол, принесет миру меньшее зло, по сравнению с победой коммунистического СССР.

Соответствует ли это действительному убеждению ген. Головина или нет, — не знаю, но таково именно впечатление, вынесенное публикой из его доклада. Во всяком случае, это загадочное и политически неясное выступление ученого генерала не произвело того эффекта, который можно было ожидать и на который, конечно, рассчитывали организаторы его доклада. Но, если, таким образом, ген. Головин и не оправдал в полной мере возлагаемых на него надежд, то зато другой наш гость, харбинский епископ Нестор, надо думать с лихвой превзошел все ожидания. Ибо его акцию не только нельзя назвать загадочной, но, наоборот, она была до трогательности откровенной и ничем не прикрытой.

За время своего пребывания в Югославии, этот на редкость энергичный епископ не только об'ездил все крупные центры, но не поленился заглянуть даже в некоторые, совсем уже глухие ее уголки.

Встречаемый всюду с почетом, соответствующим его сану, епископ Нестор без устали, знакомил русских эмигрантов с жизнью, верованиями и обычаями дорогих его сердцу японцев, славословил их рыцарские доблести, и попутно развлекал слушателей рассказами об испытанном друге русских, «дорогом Савве Даниловиче» (небезызвестном генерале Араки). И все это в елейно-приподнятом тоне с преувеличениями в описании одних сторон жизни японского народа и с затушевываниями, а иногда и просто замалчиваниями других ее сторон. Словом, в этом русском епископе японцы нашли, если и не очень талантливого (он далеко не оратор), то во всяком случае на редкость усердного и многоречивого агитатора.

Епископ раз'езжал не один, а в сопровождении келейника, назначение котораго было ставить точки над «і» и подводить итоги.

Хороший и опытный лектор, этот келейник брал быка за рога, и, не теряя времени на елейную водичку, осторожно подводил слушателя к главному, описывая культурную роль Японии в Манчжуко и вообще на Д. Востоке, их заботу о местном населении, симпатии к русским эмигрантам и, наконец, сообщал о пресловутом проекте создания ими буферного государства из русских областей между Манчжуко и СССР.

Так, соединяя высокую романтику с низкой прозой, два русских церковнослужителя, дополняя один другого, в течение нескольких недель обрабатывали русскую эмиграцию во славу Японии.

И надо признать, что понесенные ими труды и расходы не пропали даром: на почве общей усталости, яд пораженчества беспрепятственно отравлял обывателя из «бывших людей», получившего, казалось, свое оправдание и мощную поддержку не только представителей науки, но и религии. А местная русская печать, захлебываясь от восторга, славословила и курила фимиамы заезжим гостям.

К счастью, эта позорная свистопляска продолжалась недолго.

Совершенно неожиданнно, в одной из наиболее распространенных югославянских газет («Политика») появилось интервью по дальневосточному вопросу, данное сотруднику газеты представителями различных русско - эмигрантских группировок, из которого стало для всех очевидным, что идея пораженчества далеко не разделяется политической эмиграцией. Ибо, кроме ген. Барбовича, защищавшего точку зрения РОВС-а наивной уверенностью, что соседние с Россией государства (читай «Япония») «не захотят посягнуть на отторжение тех ее частей, которые органически с ней связаны» (очевидно, имеется в виду и существование таких ее частей, которые органически с ней не связаны) и Б. Гершельмана, который от лица монархистов-легитимистов выразил не менее наивную надежду, что «здравый смысл, присущий японцам, удержит их от соблазна легкого захвата русских земель» — все остальные группировки оказались против поддержки Японии в ее агрессивной политике на Д. Востоке. Интересно, что «Кр. Россия», в лице Г. И. Царика, мужественно отмежевалась от пораженцев, несмотря на общеизвестное расхождение по этому вопросу внутри самой партии, и только настаивала на усилении борьбы с советской властью, в период будущих военных действий, во имя «защиты страны от внешнего врага». Не напоминает ли это Вам знакомые мотивы времен Великой Войны?

Нечего и говорить, что в стране, созданной в результате длительной героической борьбы за национальную идею и с традиционным взглядом на Россию, как на оплот славянства, эмигрантское пораженчество не могло не быть встречено с недоуменьем, а тем более не могло вызвать сочувствия.

Словом, для наших пораженцев создалось положение незавидное, поправить которое нельзя уже было, ни лекциями парижских специалистов, ни пропагандой харбинских монахов. Приходилось защищаться и притом на идейной почве. И вот на авансцену выступает П. Б. Струве. Назначается его доклад по дальневосточному вопросу и даже с прениями, чего обычно у насъ избегают, предпочитая использовать все выгоды более безопасной односторонней пропаганды. Наплыв публики был небывалый. Сравнительно большой зал Дома Русской Культуры был набит до отказа и все же многие, главным образом, из числа учащейся молодежи, не могли проникнуть в зал заседания, места которого были заранее расписаны и распроданы.

Проф. Струве, конечно, не чета нашим доморощенным идеологам из числа «бывших людей» и им было выдвинуто и развито все, что только мо-

жет хоть как нибудь оправдать позицию РОВС-а. Однако, черное превратить в белое не удалось и ему, а потому об успехах с идейной стороны говорить не приходится, зато в тактическом отношении его выступление надо счесть определенной ошибкой. Ибо, с одной стороны оно обмануло надежды тех, кто рассчитывал услышать новые, сильные слова и аргументы в защиту занятой позиции, а с другой стороны, открыло для его противников возможность публичной критики «генеральной линии» РОВС-а, чего у нас боятся, и не без основания больше всего. И, конечно, совершенно был прав со своей точки зрения В. Шульгин, когда задавал тревожный вопрос: да надо ли было это обсуждение дальневосточного вопроса, не лучше ли было не поднимать его вовсе.

Но не этим одним исчерпываются результаты этого словесного боя.

Попутно был вскрыт факт, для некоторых весьма неприятный, который к довершению конфуза еще и был подмечен и даже подчеркнут местной (нерусской) печатью. Это тот факт, что эмигрантская молодежь не находится в одном лагере со Струве. Ибо на его докладе не только никто из них не пришел к нему на помощь, но наоборот, наиболее острая, временами доходящая до размеров скандала, критика раздавалась, как раз с этой стороны. И этот уход молодежи из-под опеки «отцов» был настолько очевиден, что югославянская «Политика» и самый отчетъ по докладу Струве озаглавила как «Сукоб (столкновение) младих и старих на сбору руских эмиграната у Београду».

Интересно также отметить, что младороссы в лице И. И. Толстого, удаленного, кстати сказать, из зала заседания за резкий выпад против Струве, но напечатавшего затем свою прерванную речь в местном «Царском Вестнике»,сильно разошелся с Б. Гершельманом, лидером наших «кирилловцев». Настолько сильно, что фактически они оказались в противоположных лагерях. Как это совмещается с общеизвестной их политической связанностью, одному Богу известно.

Так печально, для многих «авторитетов» закончилась единственная в своем роде, конечно вынужденная, попытка прибегнуть к публичному обсуждению принципиальных общеэмигрантских вопросов, взамен излюбленного у нас старого способа разрешения их путем приказов и «руководящих указаний».

Если еще упомянуть доклад на эту же тему известного В. И. Лебедева, прочитанный им в местном отделении «Ротар-Клуба» и имевшего цели информации с дальневосточным вопросом местных влиятельных кругов, то этим и будет исчерпано все, что носило характер больших публичных выступлений по этому вопросу у нас в Югославии.

В настоящее время, дальневосточный вопрос перенесен из узкого круга профессиональных политиков в широкие слои эмиграции, где, естественно цепляясь за вопросы общеполитического и социального характера, способствует часто довольно резкому изменению в социально-политических воззрениях рядового эмигранта.

Особенно остро и страстно он дебатируется, конечно, в более молодой по возрасту части эмиграции, где, в отличие от оппортунистически настроенных «отцов», наблюдается большая принципиальность и жертвенность и где поэтому не имеет успеха проповедь мещанского благополучия, к тому же весьма проблематического. И будет прямо чудом, если наших, склонных к авантюрам эмигрантских верхов, строющих, конечно, свои расчеты на послушании этой молодежи, минует чаша горького разочарования, на случай действительного возникновения вооруженного столкновения на Д. Востоке.

Несколько неожиданным эпилогом всей этой истории являются события в Белградском Университете, куда незадолго до своего публичного выступления был приглашен П. Б. Струве для чтения курса социологии.

Назначенная им вступительная лекция, собравшая необычно полную аудиторию, не могла состояться, т. к., несмотря на интервенцию сопровождавшего его сербского профессора, ему буквально не позволили открыть рта и он был вынужден покинуть помещение под крики «на поле» (вон!) и страшный шум хлопающих пюпитров.

Югославянская печать отозвалась на этот скандал репортерскими заметками, лишь вскользь намекнув на связь его с недавним публичным выступлением Струве по дальневосточному вопросу. «Возрождение» и, конечно, наша местная пресса старательно приписывали все это проискам коммунистов.

Возможно, конечно, что в этой демонстрации принимали участие и коммунистически настроенные студенты, но утверждение, что это дело только их одних, является безусловной натяжкой.

До Струве и после Струве, в Белградском университете, как и в других учебных заведениях Югославии, читали и читают не мало профессоров, в том числе и русских, которые не в меньшей степени чем Струве неприятны коммунистам. Однако никто не мешал и не мешает им выполнять их профессиональные обязанности. Почему же вдруг такое исключение для проф. Струве?

А тот факт, что во время описываемого скандала на фоне общего крика и гама раздавались и возгласы «продаешь Россию» и «изменник» заставляет думать, что югославянская печать была ближе к истине, чем «Возрождение» и что связь надо искать, не столько с антикоммунистическими воззрениями проф. Струве, сколько с той антирусской и антиславянской позицией, которую занял эмигрант Струве в дальневосточном вопросе.

Е. Новохатный.

Закончил уже письмо, когда газеты сообщили о новом эмигрантском выступлении по дальнево-

сточному вопросу, героем которого явился «вождь русских фашистов» А. А. Вонсяцкий, который изволил посетить Белград и дать обширное интервью сотруднику сербской газеты «Политика».

Как и надо было предполагать, «вождь» работает в полном контакте с японцами и под их всемерным покровительством (так, по крайней мере, он уверяет), но зато, уже вопреки всяким ожиданиям, план действия, выработанный им, совершенно лишен всякой воинственности и вместе с тем, как все великое, до чрезвычайности прост.

«Когда иностранные войска займут русскую территорию, а это будет очень скоро (цитирую по «Политике» Е. Н.), кадр наших агитаторов двинется за ними и сейчас же начнет работать среди местного населения и тысяч пленных красных солдат. За ними будет двинута бригада организаторов, которая приступит к формированию фашистских организаций, а за нею — отряд работников специального назначения с целью контроля работы агитаторов и организаторов». И точка. Просто и безопасно. Японцы воюют и проливают кровь, красные сдаются в плен, а Вонсяцкий пожинает плоды. Чем плохо?

Е. Н.

Д. МЕЙСНЕР

В погоне за успехом

(Письмо из Чехословакии).

Первый номер «Нашего Слова» подвергся резкой критике в «Знамени России», органе Крестьянской России», вернее той группы друзей С. С Маслова, которая сохранилась от этой распадающейся партии. Против критики р-д-ки нисколько не возражают; наоборот, они ее ищут, чтобы в серьезном споре с добросовестным противником проверить свои позиции и утверждения и отточить свою аргументацию. Увы! Не к этому разряду полемики относится исполненная неоправданной заносчивости и несколько неожиданного для автора апломба «заметка» Б. В. Седакова, ставшаго теперь, за уходом прежних руководителей, одним из «председателей» одного из многих «руководящих органов» аппарата «Крестьянской России».

В чем, однако, дело? Г. Седаков, озаглавивший свою статью — «Надгробное Слово» находит, что злейшие враги РДО не могли бы произнести ему такого ярко-убедительного надгробного слова, которое воспроизведено на 48 стр. «Нашего Слова». «Редакция, говорит полемист из «К. Р.», с полным знанием дела и цифрами в руках показала и доказала, что к моменту выхода журнала, РДО, как действующая политическая сила, не существует». Расправившись таким образом с нелюбимым РДО, автор «Надгробного Слова» уничтожает решительным приговором и его новый журнал. «Назначение «Нашего Слова» музейное, его значение — нулевое» (тут следует милая шутка Эр - Де - Ноль). Впрочем читатели не должны отчаиваться. Б. В. Седаков дает некоторую надежду друзьям демократии — «было бы печально, заявляет он, если бы на страже идей свободы и права стояли только рыцари «Нашего Слова». Не нужно особой догадливости, чтобы понять, что почтенный автор только из понятной скромности не заменил печальных рыцарей РДО более расторопными и предприимчивыми членами «К. Р.»

«Жизнь РДО всегда текла тихо и неторопливо», язвит г. Седаков и тут же иллюстрирует: до сих пор р-д-ки говорят о своей социальной программе, принятой еще в октябре 1932 года. И это в то время, как в «К. Р.» жизнь била ключем, что ни месяц — то новые достижения, там идут вперед и не любят оглядываться и вспоминать прошлое; — неудивительно, что представитель активистской «К. Р.» с презрением щурится на парижских р-д-ов, до сих пор занимающихся программой 1932 г., вместо того чтобы дважды за истекший срок от нее отказаться. «Школа» «К. Р.», где полезность и успех политической организации определяются числом устроенных докладов и количеством навербованных на скорую руку членов, мешает критику нашего издания немного шире взглянуть на положение и назначение партийных групп и кружков в эмиграции. В одном он прав — в РДО нет выявленной «активности», заключиающейся во взаимной внутренней борьбе и изобличении, — в этом действительно отдел «Хроники» «Нашего Слова» сильно отстает от соответствующего отдела журнала «К. Р.»

Развивая постепенно свою организацию и вводя в курс активной политической работы своих членов, РДО не хочет брать примера с тех эмигрантских организаций, которые, взбудораживая своих адептов неосуществимыми заданиями, дают заведомо неисполнимые обещания (в особенности в отношении «активизма» по ту сторону рубежа), с тем, чтобы вскоре обнаружить свое безсилие, выставив на потеху врагов еще одного «голого короля». Кое-что мог бы рассказать об этом и г. Седаков хорошо знакомый с делами «К. Р.»

Если мы, с своей стороны, воспроизведем некоторые факты из истории распада «К. Р.», то сделаем это, естественно, не из мелкого злорадства по поводу неудач наших недавних союзников, теперь ушедших в лагерь противников, а на том основании, что события происшедшие в «К. Р.», не случайны: они вызваны всей тактикой этой группы, тактикой, вынудившей р-д-скую группу партии Нар. Свободы разорвать союз с «К. Р.» и приведшей к тому, что бывшие в недавнем прошлом, почти еди-

номышленниками, мы теперь говорим с Б. В. Седаковым на разных языках.

В конце 1930 г. ряды «К. Р.» покинула группа самой активной и интеллектуально сильной ее «молодежи». Эта группа тогда же, устами своих докладчиков на публичном диспуте изложила мотивы своего ухода. Вот эти мотивы: 1) общие соображения об опасности становиться в эмиграции на путь образования чисто **партийной** организации, 2) демагогически заостренный классовый характер «К. Р.» (от этого, кстати, последовал отказ), 3) утомление и разочарование в бесплодном «активизме» (призыв к выдержке и терпению и возражения против ложного пафоса и барабанного шума) и 4) возражения против диктатуры лидера «К. Р.», который не находил нужным считаться с мнением своих сочленов и смотрел на них, как лишь на материал, могущий быть использованным в том или ином направлении.

Прошло несколько лет и в первой половине текущего года мы были свидетелями второго «исхода» из «К. Р.» — на этот раз ушла группа основателей партии, во главе с председателем ее центрального комитета А. А. Аргуновым, и ряд молодых активных сил. Мотивы ухода были изложены в особом письме, опубликованном в русской прессе. В этом письме указывались «шатания в идеологической и, в особенности, тактической области, грозящие полным извращением политической и моральной физиономии «К. Р.», и отмечалось, «что проводимая нынешним пражским центром внутрипартийная линия (понимай — диктатура лидера **Д. М.**) создала атмосферу, при которой приходится констатировать не только невозможность солидарной и плодотворной работы, но и неизбежность прогрессирующего ее падения вообще, а с нею и роли партии заграницей в борьбе за освобождение России». К этому нужно добавить, что гордость «К. Р.», ее «боевая» дальневосточная группа, почти в полном составе порвала с С. С. Масловым и оффициальной «К. Р.» и связалась с группой ушедших.

То, что произошло с «К. Р.», как сказано выше, не случайно. Для тех, кто наблюдал эту партию и сотрудничал с ней, давно обозначилась та «опасность полного извращения политической и моральной физиономии партии», о которой громко сказала последняя группа ушедших.

Одной из причин разрыва р-д-союза было то, что «К. Р.» об'явила себя сугубо «активистской», ведущей «особую» работу в России в определенном отношении. Этой работе придавали решающее значение в деле борьбы с большевизмом. В отношении р-д-ов, имеющих иную оценку этой «работы», стали применять лексикон, заимствованный у правой эмиграции. Что же случилось? В организацию пошли «активисты», часто весьма далекие от оффициальной идеологии партии. К ним начали приспосабливаться, тем более, что это совпало с общей фашизацией части Европы. «К. Р.» не хотела отставать от века. Старых лидеров в этой обстановке нужно было отстранить, — им, в сущности, не осталось места. Распад пришел, однако, и с другого конца; — активисты, подойдя ближе к работе, пережили горькое разочарование. Они не нашли того, чего ожидали, и встретились с тем, что вынудило их горячо протестовать... В результате, в среде ушедших оказались и старые политики - идеологи, основатели «К. Р.» и недовольные «голым королем» активисты.

Оставшаяся верной лидеру группа, сохранившая за собой большинство, а потому и прежнее наименование «Крестьянской России», находится сейчас в поисках ориентации. В погоне за дешевым и скорым успехом здесь, в эмиграции, и там, за рубежом, «К. Р.» в значительной степени растеряла свой идейный багаж; передовые «Знамени России», и, в большей еще степени, статьи постоянных сотрудников этого партийного издания, представляют собой нечто несьма нестройное и внутренне противоречивое: от верности демократии до увлечения германским примером (выступления Бухштаба), от ориентации на внутренние процессы в России (доклад С. С. Маслова об 17 с'езде компартии) до заушения тех, кто подобными высказываниями «гасит дух активной эмиграции». Не нам предсказывать, которая из тенденций одержит верх в «К. Р.» Мы можем отметить только одно, что проводится «К. Р.» неуклонно, — это резкая, демагогическая травля республиканско - демократических элементов эмиграции, представленных РДО и П. Н. Милюковым; цель этого, видимо, двойная: заслужить одобрение у правой «улицы» в Белграде и иных «центрах», и прикрыть свое собственное идейное поражение.

Эта тактика по отношению к своему недавнему союзнику не очень благородна, но группа ушедших, в своем открытом письме, недаром говорит об извращении «К. Р.» политической и моральной физиономии партии.

В этом свете нападки г. Седакова — лучшая рекомендация для «Нашего Слова» — новаго литературного начинания РДО.

Д. Мейснер.

НАЦИОНАЛЬНЫЙ СОЮЗ НОВОГО ПОКОЛЕНИЯ

(Письмо из Бельфора)

Совершая свое турнэ по Франции, представители Н. С. Н. П. посетили и наш Бельфор. 10 и 11 августа ими было сделано 4 доклада на тему о современном политическом положении, идейной платформе Н. С. Н. П. и его тактике.

Надо признать, что содержание этих докладов

не могло удовлетворить хотя бы сколько нибудь взыскательную публику. Н. С. Н. П. не сказал почти ничего нового и повторял лишь положения, пропагандировавшиеся раньше Р. О. В. С., филиалом которого он и является, но только пытался завуалировать наиболее острые места. Так наприм., трактуя дальне-восточный вопрос, докладчики избегали говорить о буфферном государстве и, подчеркивая японофильские настроения местной русской эмиграции, старались доказать, что победа японцев не повредит русским национальным интересам.

Н. С. Н. П. отрекомендовался «революционной» партией, стоящей на базе национализма, непредрешенчества и революционной борьбы в СССР. Обстоятельного обоснования своих тезисов докадчики не дали. Были призывы к самопожертвованию, ставилась в пример энергия и организованность большевиков, разваливших в 17 лет могущественную Россию. Но из речей докладчиков нельзя было видеть, что они предполагают делать на следующий день после падения большевизма. В этом отношении Н. С. Н. П. невыгодно отличается от дореволюционных русских партий, обладавших вполне определенными политическим и социальным идеалами.

Несмотря на туманность програмных положений Н. С. Н. П., все же иногда в докладах просвечивали симпатии докладчиков, например, к итальянскому фашизму. Не считаясь с специфическими причинами, вызвавшими его появление в Италии, наши «националисты» обнаружили готовность слепо копировать этот иностранный образец.

Странное впечатление оставило после себя выступление Н. С. Н. П. в Бельфоре. Бросалась в глаза полная беспомощность его представителей дать ответ на такой коренной вопрос, как отношение русской эмиграции к возможности захвата русской территории иностранцами. Чувствовалось полное непонимание Н. С. Н. П. сложных внутренних процессов, связанных с русской революцией и происходящих сейчас в России. Крайне примитивна у них постановка борьбы с большевизмом.

Выступление Н. С. Н. П. не дает основания считать его организацией, продумавшей и проработавшей в себе те или иные политические принципы и желающей вести трезвую, связанную с требованиями жизни, политику. Повидимому, Н. С. Н. П. не по силам усвоение и выбор принципиальных оснований и разработка платформы, требующих и больших теоретических знаний и житейского опыта, а потому представители Н. С. Н. П. и кричат: «Долой авторитеты». На стене русской столовой в Бельфоре, где происходили доклады Н. С. Н. П., появилась гектографированная заметка, в которой целый ряд русских ученых и общественных деятелей был об'явлен «призраками прошлого» и «обывателями».

Но не преждевременно ли выдал себе аттестат политической зрелости Н. С. Н. П. и не похож ли он на некоторых из действующих лиц Кантемировской сатиры, начинающейся словами: «Уме недозрелый, плод недолгой науки».

Н. Трусов.

ДЕСЯТИЛЕТИЕ РДО

По случаю десятилетней годовщины основания РДО, 3 июня, под председательством П. Н. Милюкова, состоялся банкет с участием представителей дружественных р-д-кам политических течений. Среди гостей — Н. Д. Авксентьев, А. С. Альперин, М. В. Вишняк, Н. К. Волков, Д. Н. Григорович-Барский, С. И. Иванович, В. А. Лопатинов, А. Ю. Раппопорт, М. А. Струве, И. Троцкий, Б. И. Элькин и др.

Перед началом речей были прочитаны многочисленные приветствия, полученные от близких организаций и отдельных лиц. Ниже читатель найдет тексты этих приветствий, свидетельствующих о признании за РДО больших заслуг в деле распространения и защиты р-д. идей.

Серию речей открыл секретарь РДО — **А. А. Александров.** В кратком историческом обзоре он нарисовал путь, проделанный РДО за 10 лет его существования. С самого начала своей деятельности РДО выступила как боевая политическая организация, направившая свои удары по устарелой «белой» идеологии, принявшей за рубежом определенно реставрационный характер.

В борьбе против Зарубежного С'езда РДО закалило и укрепило свои политические позиции и сняло с эмиграции клеймо реакционно-классовой заинтересованности.

В период охвативших эмиграцию возвращенческих настроений, в которых грозило раствориться непримиримое, революционное отношение к непризнанной народом коммунистической власти, РДО выставило свои тактические тезисы. Делая ставку на внутренние силы русского народа, оно четко проводило границу между Россией, продолжающей жить, вопреки большевикам, и уродливой властью, насилующей нормальные жизненные процессы.

Третий этап деятельности РДО был связан с выработкой — в свете русского и мирового опыта — социально-экономической программы, намечающей реальные пути хозяйственного процветания. Оратор считает вздорными и необоснованными обвинения наших политических врагов в отсталости и нежизненности наших позиций.

Наша социальная программа предвосхитила новейшие искания, нашедшие свое выражение в многочисленных планах экономической реконструкции. Больше того — в программах даже политических антагонистов РДО можно найти обрывки

наших идей — результат нашей 10-летней работы над оздоровлением эмигрантской политической мысли. Основные идеи РДО — ценность свободной личности и социальная солидарность являются почвой для тесного сближения всех демократических сил перед лицом общих врагов демократии и культуры.

Закончил свою речь оратор напоминанием, что скромный десятилетний юбилей РДО совпадает с 75-летним юбилеем П. Н. Милюкова, идейного вождя всей р.-д. эмиграции, и выразил встреченное долго несмолкавшими аплодисментами пожелание, чтобы П. Н. еще долгие годы вдохновлял и возглавлял бы р-д. организацию.

Е. И. Унбегаун в своей речи остановилась на способности демократии находить выходы из политических и экономических затруднений. Демократическое государство умеет в нужный момент выдвинуть сильную власть. Последним по времени примером является смелый план Рузвельта, проводимый в строгих рамках правового государства. Неверно утверждение наших политических противников, что идеи свободы и права устарели и неприменимы к России. В русских условиях только эти принципы могут возродить страну. История человечества находится в поступательно-колебательном движении, но стимулом движения вперед всегда были идеи свободы и права. Политические тезисы РДО построены не на летучих настроениях дня, а на этих общечеловеческих принципах.

Ст. Иванович отмечает заслуги РДО, планомерно и систематически ведущего работу по внедрению в эмигрантское сознание идей свободы и социальной справедливости. Констатируя печальный факт увеличения в мире демократических эмиграций, оратор призывает русскую зарубежную демократию к сближению с демократическими эмиграциями других стран, также потерпевшими поражение в борьбе с диктатурой. К установлению тесной связи побуждает интернациональный характер демократической идеологии. Ст. Иванович оканчивает свое слово пожеланием р-д-кам гореть пафосом свободы, проникнуться «империализмом» идеи свободы среди нынешней тяжелой политической обстановки.

К. И. Аристов предостерегает от распространенного сейчас пессимизма — ведь целый ряд великих государств остался верен демократическому строю и ищет выхода из существующих затруднений, не отказываясь от основных принципов демократии. Но если бы даже Зап. Европе предстояло пережить волну реакции, то Россия уже проходит через это испытание, и есть основание думать, что этот период насилия и угнетения уступит место режиму свободы, которому будет суждено сыграть огромную творческую роль в развитии всех живых сил страны.

В заключение оратор высказывает уверенность, что роль РДО не ограничится чисто пассивной задачей хранителя демократических идей и старой культурной традиции и что программа РДО, в момент возрождения России, будет отвечать настроениям и жизненным потребностям русского народа.

Б. И. Элькин вспоминает первые годы эмиграции, когда еще была жива психология гражданской войны и господствовали старые политические понятия. В этой нездоровой обстановке прозвучал авторитетный голос П. Н. Милюкова. П. Н. первый выдвинул то понимание процесса русской революции, которое легло в основу течения РДО — прямого преемника русской либерально - демократической традиции. Б. И. Элькин приветствует сплоченность РДО и желает ему поскорее перенести свою деятельность на родную землю.

Н. Д. Авксентьев призывает членов РДО по-прежнему крепко стоять на страже свободы, разума и культуры. Легко защищать эти принципы в нормальной обстановке при наличии благоприятных для них условий. Труднее быть их поборниками, когда историческая волна, как будто бы, захлестывает самые начала цивилизации. Однако тем более необходимо и почетно исповедывать вечные ценности свободы и демократии в момент их временного ущерба .

Верой в скорое наступление обратной исторической волны, которая приведет к прочному торжеству дорогих нам идей Н. Д. Авксентьев закончил свою речь.

П. А. Брюнелли с удовлетворением отмечает совпадение р-д-ских настроений с внутри-русскими настроениями. Свидетельством этого служат доклады Т. Н. Чернавиной. Оратор уверен, что народившееся в России молодое поколение прежде всего будет утверждать идею свободы.

Г. М. Арнольди говорит о сложности идейной позиции РДО сравнительно с другими эмигрантскими течениями. «Белые» застыли в своей архаической доктрине. С другой стороны «пореволюционные течения», в своем стремлении не отстать от событий, часто теряют принципиальную почву. РДО всегда искало сочетания верности идеала с верностью разуму, требующему освоения меняющейся политической действительности. Поиски «приводного ремня» в Россию наполняют всю десятилетнюю жизнь РДО и в значительной степени определяют и его тактику и программу. В этом смысле мы всегда оставались верны России и должны мужественно сохранить эту верность независимо от того, какие бы испытания нам не предстояли бы в будущем.

Т. М. Якушев останавливается на патриотической позиции РДО в связи с последними международными событиями. Декабрьский доклад П. Н. Милюкова получил громадный резонанс и оздоровил эмигрантскую атмосферу, которую систематически отравляли бесстыдной пораженческой пропагандой патентованные «патриоты», в частности орган «национальной» мысли «Возрождение», ставшее просто японским официозом.

Оратор вскрывает софизмы ослепленных сторонников борьбы с большевиками любыми средствами и развивает коренной тезис РДО, гласящий,

что борьба с сов. властью не должна переходить в борьбу против интересов России.

РДО лишний раз доказало, заканчивает оратор, что с р-д идеологией органически связано подлинное национальное чувство.

В. В. Попов, говоря об отношении РДО к России, отмечает разницу в оценке происходящих на родине событий со стороны правой эмиграции и р-д-ков. Мы не радуемся сов. неудачам, т. к. знаем, что за ошибки, глупость и преступления сов. власти приходится расплачиваться русскому народу. Мы не радуемся и так называемым «сов. достижениям», ибо знаем цену им, скрытые за ними страдания и разорение русского народа. Но мы, р-д-ки гордимся и радуемся той жизненной энергией, которую в борьбе за лучшее будущее, в неимоверно - тяжелых условиях ком. диктатуры, проявляют на родине русские люди, стремясь к новым культурным победам и завоеваниям.

А. М. Кулишер в своей речи протестует против распространенного мнения, что демократия в наше время сходит со сцены. Так могут говорить только люди, не имеющие элементарного представления об ее истории. Демократия есть явление новейшей истории и насчитывает лишь десятки лет своего существования. Впечатление, произведенное на русских демократов последними событиями, отчасти об'ясняется поверхностным знанием Зап. Европы и ее идеализацией. В частности, в Германии настоящей свободы никогда не было, поэтому Гитлер с такой легкостью и овладел властью. Что касается России, то нельзя забывать об одном — массы выведены из состояния вековой инерции и молчания, а раз заговоривши, хотя бы в условиях сов. диктатуры, они неизбежно придут к вечным ценностям демократии.

В заключение **П. Н. Милюков** подводит краткий итог всему сказанному. Прежде всего, говорит он, здесь признано, что мы имеем миссию. Наша миссия есть сохранение для России демократических идей. Подобно Кулишеру и Аристову, я не сторонник пессимизма, и, в качестве историка, нахожу, что даже современные диктатуры поневоле покидают традицию безконтрольной власти и стараются облачиться в демократические одежды. Исходная точка нашей идеологии, конечно, как заметил Ст. Иванович, интернациональна. Но в приложении к тактике борьбы каждая страна влагает в нее свое национальное содержание. Нас упрекают, что наши идеи не заражают пафосом. Но в так называемых «пореволюционных» течениях слишком много пафоса вкладывается в фантастические построения и в демагогические приемы. Мы, действительно, тому и другому чужды. Наши три лозунга — разум, знание, здравый смысл — лишь постепенно овладевают умом и чувством. Но что они овладевают, показывает та судьба нашей 10-летней проповеди, о которой говорили здесь некоторые ораторы. Эта проповедь привела к тому, что те самые положения, против которых ожесточенно боролись в начале наши противники, как против преступных парадоксов, ими же повторяются теперь, как сами собой разумеющиеся трюизмы.

10-ЛЕТИЕ РДО В ЛИОНЕ

31 августа с. г. исполнилось 10-летие со дня основания Лионского отделения. Подведению итогов десятилетней работы был посвящен доклад председателя отделения Н. С. Качвы. Подробно охарактеризовав политический актив РДО за истекшие годы, Н. С. Качва особенно подчеркнул необходимость для р-д-ков стоять «лицом к России», присматриваться к русской жизни не затуманенными страстью глазами и об'ективно изучать происходящие там процессы.

ПРИВЕТСТВИЯ

полученные РДО по случаю 10- летия его существования.

РДО получены многочисленные приветствия, как от отдельных лиц, так и близких РДО идеологически партий и организаций. За недостатком места, приводим лишь несколько выдержек из них.

Пражская республиканско-демократическая группа партии народной свободы

пишет — «в годину шатания и разброда политической мысли и переоценки верований и идей ярким маяком для русских людей горит десятилетняя работа РДО... Мы гордимся быть с Вами вместе под мудрым водительством П. Н. Милюкова».

Демократическая группа русских эмигрантов в Польше —

«Нам пришлось работать на общественном и политическом поприще вдали от центров русской эмиграции, в условиях не всегда благоприятных и для русского дела вообще и для демократических принципов, в частности. Но в нашей работе нас всегда поддерживало и укрепляло сознание, что мы не одиноки и в Вас мы видели естественный центральный орган... Мы искренне желаем, чтобы РДО взяло на себя и успешно выполнило работу об'единения однозвучных элементов во всех пунктах русского рассеяния».

Крестьянское об'единение —

«выражает свое удовлетворение за ту политическую работу, которую вело РДО за время своего существования Не в пример другим политическим организациям, РДО сумело преодолеть разрыв между старым и молодым поколениями: избежать спора об «отцах» и «детях»... Крестьянское Об'единение выражает надежду, что РДО сумеет преодолеть разрыв между старым и молодым не только в смысле возраста, но и в смысле единения старых и молодых социальных сил, выдвинутых русской революцией, сумеет найти единство между интеллигенцией и крестьянством. Эту надежду мы черпаем из самого замысла РДО».

Le Gérant: V. Kosmentzoff Impr. d'Art, 77, r. Mouton-Duvernet, Suf. 28-74

Редакция журнала «Современные Записки», приветствуя РДО и желая «скорейшего осуществления нашей общей мечты: утверждения подлинной республики и демократии в России и плодотворной деятельности РДО на пользу родному народу» отмечает, что «когда Об'единение создавалось, демократия победоносно прокладывала себе дорогу. Иное дело сейчас, в сумерках, сгустившихся над Европой. Тем больший долг и подвиг — сохранить верность демократии, преданность вечным началам — свободе, равенству и справедливости».

Пражские друзья РДО — Е. Д. Кускова, Е. Репьева, А. Байков и С. Н. Прокопович

приветствуя РДО, пишут: «Стойкая и мужественная защита личного начала, столь попираемого коммунистическими и фашистскими методами государственного управления, и в то же время, признание высокой ценности политической и социальной организованности народных масс — эти основные принципы РДО — дороги каждому демократу. Работа республиканских демократов трудна в эпоху господства авторитарных принципов. Но из катастроф никогда не рождались принципы, которыми следует руководствоваться в мирные периоды и которые поднимают народы на высшие ступени культурно - политического развития. Такие вопросы, как планирование, формы организации масс, огосударствление всех хозяйственных функций или оставление части их в частной собственности, вопросы разоружения и т. д. должны найти в нашей среде теоретиков и практиков, стремящихся использовать на путях их разрешения традиции демократии и ее методы. Эта работа в современной обстановке и трудна и сложна, но трудности ее скрашиваются полной и непоколебимой уверенностью в том, что после блужданий по дебрям диктатур, после доктрин духовного средневековья, человечество снова вернется к культу личности и свободы».

ДОКЛАДЫ И СОБРАНИЯ :

3 июня 1934 г. состоялось, под председательством Н. Н. Кнорринга и при секретаре А. Е. Федорове, годичное Общее Собрание членов РДО, на котором присутствовали также представители отделений РДО: Лионского — Н. С. Качва и Бельфорского — Н. С. Трусов.

В произведенных выборах избранными оказались.

Председателем РДО — П. Н. Милюков; членами Правления: А. А. Александров (секретарь), К. И. Аристов, М. С. Багдасарьян, П. П. Гронский (тов. председателя), А. С. Дигусар (тов. председателя), Б. Л. Дудкин, С. Н. Карпов, Г. С. Куртилин, В. В. Попов (казначей и библиотекарь) и Е. И. Унбегаун; членами Ревизионной Комиссии: I. В. Нестеров, Б. М. Сарач и Т. М. Якушев.

---

1. — 11 мая. — Сообщение **Г. М. Арнольди** — «Строители пятилетки о самих себе» (по поводу одной советской книги).
2. — 3 июня. — Общее годичное собрание РДО и банкет по случаю 10-летия РДО.
3. — 20 июня. — Доклад **А. Ю. Раппопорта** — «Суд и политика в СССР».
4. — 17 июля. — Доклад проф. **М. А. Курчинского** — «Меньшинства и эмиграция».
5. — 25 июля. — Собеседование со вступ. словом **Г. С. Куртилина** — «Идея Высшего Экономического Совета по данным анкеты газеты «Репюблик»
6. — 1 августа. — Собеседование со вступ. словом **А. А. Александрова** — «Единый фронт и защита демократии».
7. — 3 октября. — Собеседование со вступ. словом **К. И. Аристова** — «Организация демократии».
8. — 10 октября. — Собеседование со вступ. словом **Г. С. Куртилина** — «Проблема Высш. Нац. Экон. Совета во Франции».
9. — 17 октября. — Продолжение собеседования 3 - х — «Организация демократии».
10. — 24 октября. — Собеседование со вступ. словом **А С. Дигусара** — «Международное положение и наша тактика».
11. — 31 октября. — Доклад проф. **В. Н. Сперанского** — «Комсомол по новым данным».
12. — 7 ноября. — Доклад **П. Н. Тренина** — «Жизнь и быт красной армии».
13. — 28 ноября. — Доклад **Е. И. Унбегаун** — Сов. писатели и политика компартии».

ПИСЬМО В РЕДАКЦИЮ

Милостивый Государь,
Господин Редактор,

в № 1-2 Вашего уважаемого журнала под заглавием «Р-д-ки в Югославии» помещено письмо из Белграда, в котором, между прочим, сообщается, что «наш кружок в начале октября начал функционировать». Дальше перечисляются доклады прочитанные в кружке.

Все названные в письме доклады были прочитаны в кружке «Беседа». Кружок этот совершенно замкнутый, об'единяет лиц самых разнообразных взглядов и ни в коем случае не может быть отнесен к организации РДО, как то могло быть истолковано по заглавию «Р-Д-ки в Югославии».

Поэтому мы просим напечатать настоящее наше письмо в ближайшем номере журнала.

Примите уверение в совершенном уважении,

Президиум кружка «Беседа» (подписи).

21 мая 1934 г. — г. Белград.

БИБЛИОТЕКА - ЧИТАЛЬНЯ РДО
открыта по средам и субб. от 8.30 ч. до 11 час.
78, rue Lourmel Métro Beaugrenelle

Заказную корреспонденцию по делам РДО и журнала «Наше Слово» просим адресовать Секретарю РДО **А. А. Александрову**
253, rue Lecourbe, Paris (15)

Денежную корреспонденцию и членские взносы Казначею РДО **В. В. Попову**
35. rue Jacob, Paris (6)

Цена 3 фр. № 4 Prix 3 frs

НАШЕ СЛОВО

Орган Республиканско-Демократического Об'единения

СОДЕРЖАНИЕ № 4:

ПАРИЖ

Орган Республиканско-Демократического Об'единения

НАШЕ СЛОВО

« NOTRE PAROLE »

Revue trimestrielle. Organe de l'Union Républicaine-Democratique Russe

Редакция: 78, rue de Lourmel, Paris (15e)

№ 4 Іюнь 1935 г.

П. МИЛЮКОВ

Пражский мудрец

(К 85-летию президента Т. Г. Масарика)

Праздник президента Чехословакии есть не только праздник созданного его усилиями национального государства. Это — праздник всей славянской и всей мировой демократии. В век, когда и новые и старые правительства наперерыв стараются упростить задачу управления, возвращаясь к приемам единовластия, плохо скрытым под слегка модернизированными формами, президент Масарик вносит в руководство своим народом самые зрелые, надуманные долгим опытом размышления мысли. И он находит в населении достаточную подготовку, чтобы воспринять его идеи и осуществить их на практике. Народ достоин своего вождя, и вождь достоин своего народа: редкое совпадение, которое выделяет задачу новообразованного государства на фоне столь плачевных неудач. Другой твердой опорой этой счастливой страны служит полное совпадение ее интересов с интересами европейской дипломатии: совпадение, так дальновидно выдвинутое Масариком в самом начале борьбы за освобождение — и сохранившееся неизменным до настоящего времени. Границы Чехословакии легко уступают враждебной силе беспокойного соседа, но их охраняет тот порядок новой Европы, которому она обязана своим происхождением. И на страже этой охраны стоит бессменный исполнитель международного плана Масарика, его верный ученик Эдуард Бенеш. Еще одно совпадение вершины политической мысли с условиями реальной действительности. По-истине, Масарик — не один: его величавая и вместе простая, непретенциозная фигура сливается с фоном его народа и народов европейской передовой демократии. Честь ему и слава - и горячее наше пожелание, чтобы признанный всем миром, незаменимый, он еще многие лета воплощал в себе это несравненное единство мысли и воли, высокой идеи человечества и реальных интересов своего народа.

П. Милюков.

• • •

Д. МЕЙСНЕР

Шестидесяти пяти лет от роду пришлось Т. Г. Масарику приступить к главному делу своей жизни — революционной заграничной борьбе за свободу родного народа. С тех пор прошло целых 20 лет, заполненных для пражского мудреца ответственнейшей и напряженной работой на посту первого президента молодой славянской республики, и вот в глубокой старости, в 85 лет, Масарик снова стал знаменем, на этот раз уже не только своего народа, но и всех тех кому дороги принципы свободы, уважения к человеческой личности, народоправства и социальной справедливости.

Чем темнее ночь большевистско - фашистско - расистских «достижений», тем ярче светит имя обитателя пражского Града (Кремля), неустающего поднимать свой голос в защиту **политической и социальной демократии.** Важно при этом, что голос этот исходит не от чисто отвлеченного мыслителя, сильного теоретической мыслью, но беспомощного в практической политике, и не от связанного злобой сегодняшнего момента политика, — а принадлежит в равной мере мыслителю - философу и государственному вождю, искушенному долгим национально-государственным водительством.

Так имя Масарика стало в наши дни близким и нужным даже и тем, кто мало что знает о родине и народе маститого юбиляра.

В Праге сенатор Вацлав Клофач формулировал это положение словами: «Масарик был бы Масариком и без нас, но Чехословакия не была бы Чехословакией без Масарика». Роль ее президента, как вдохновителя и охранителя принципов демократии на **международном форуме** ярко подчеркнута в недавней декларации чехословацкой аграрной партии, в связи с днем 85-летия президента, — там сказано: «Вы остались апостолом демократии, когда другие

в ней усумнились, многие от нее отошли или стали маловерными. Поздравляем в Вас вождя республики и ее граждан, стража демократии и великого европейца».

Демократизм Масарика вытекает из самых глубинных, коренных основ его мировоззрения, как философа - **гуманиста.** Для него, говорит П. Н. Милюков, «свобода, равенство и братство есть непререкаемый символ веры и высшее требование морали». Постепенно, путем **эволюции,** человечество должно быть воспитано в этих принципах и тогда начала демократии в государственной жизни станут на прочное, незыблемое основание. **Пока** этого нет и **поскольку** этого нет, демократия непрочна, происходят ее «кризисы», она падает под ударами слева и справа. Одно только: — слабость современных демократий происходит не от «устарелости» этой, по выражению одного русского публициста, «бабушки 19-го века», а, наоборот, от ее чрезвычайной молодости, а потому и несовершенства.

Политическое «кредо» Масарика органически связано с его философской концепцией, получившей в науке наименование реализма. Последователь и ученик юбиляра говорит, что «реализм Масарика заключается в стремлении сгладить различие между западным и восточным реализмами, между верой в сознательность разума и верой в силу инстинкта, которому человек подчиняется». Характерно, что первая, вступительная, лекция молодого профессора Масарика была посвящена Юму, а вслед за этой вступительной лекцией следует публичный доклад о Паскале. Чешский «реалист» делает попытку примирить двух великих философов. В этой попытке заключается по существу основной смысл философского направления Масарика: оно определяется стремлением сочетать разум и чувство. Философ ищет **разумную веру.** Он ищет синтеза между уходящим от мира в экстазе веры католиком Паскалем и гениальным, холодным скептиком Юмом.

«Суть философского мышления Масарика, заключает другой его ученик, состоит в указании на необходимость что то сделать, чтобы избежать разногласия между чувством и разумом. Его не удовлетворяли вполне чувство, инстинкт и непосредственность, он стремился от восточного идеализма к западному реализму, он стремился не только чувствовать, но и действовать».

Незачем углублять пересказ философского мировоззрения Т. Г. Масарика, чтобы еще раз подчеркнуть сказанное уже выше: политический государственный идеал пражского юбиляра имеет слишком глубокие корни, чтобы они могли быть выкорчеваны шквалом сегодняшних антидемократических увлечений.

И, развивая свой постоянный тезис о политической и моральной молодости новой демократии, уже сам Масарик восклицает: «признание и осуществление равенства всех граждан, признание за всеми права на свободу, гуманитарный принцип как внешнего, так и внутреннего братства, это **не только политическая, но и этическая новизна».** Он говорит, что начал освободительную борьбу под демократическим знаменем и только под ним одним могут быть удержаны достигнутые завоевания: «от демократии я ожидаю морального возрождения не только политики, но также школы, частной и общественной жизни».

Связанный своим происхождением с социальными низами народной толщи, Масарик с юных лет исключительно чуток к проблеме социального равенства. Он не партийный социал-демократ, с Марксом счеты у него сложнее. Он говорит о постоянной, происходящей в нем борьбе симпатий и антипатий к основоположнику «научного социализма». Он — «за Маркса - философа, но против Маркса-материалиста. За Маркса - социалиста, но против Маркса, стремящегося во главе рабочих разрушить мир». К этому нужно добавить, что Масарик эволюционист; он думает, что «прогресс общества является результатом лишь планомерной и длительной работы». По его мнению — реформация, а не революция движет подлинным прогрессом. «Без действительного преображения сердец, умов, общественной мысли можно — говорит он — устранить черта реакции, но место его тотчас же займет Вельзевул». Отсюда отношение к коммунизму, проводимому немедленно. «Коммунизм? Он совершенно неосуществим. Ведь и Маркс мыслил свой коммунизм лишь как окончательную стадию длинного исторического пути. Революция форм управления требует также эволюции духа».

Не будучи партийным штампованным социалистом, Масарик очень определенно высказывается в том смысле что современная демократия, чтобы быть на высоте стоящих перед ней задач, должна быть не только **политической,** но и **экономической.** Можно сказать, что это одна из идей, особенно близких и дорогих президенту Масарику, очень сблизившая его с пролетарскими и крестьянскими массами населения его страны. Социальный демократизм чехословацкого президента и его неукоснительное сотрудничество с социалистическими партиями, с обязательным привлечением их этим к **ответственности** за реальные судьбы страны, сослужили особую службу именно в последнее время, когда фашистско-националистические партии стремятся завоевать народные массы мнимым социально - экономическим радикализмом: в Чехословакии ни коммунизм, ни «социализм наизнанку» - фашизм не находят почвы в значительной мере благодаря указанной только что репутации президента, делающего его верным охранителем «малого человека».

Останавливая свое внимание на европейских событиях самого последнего времени, Т. Г. Масарик пропускает их сквозь сложную призму своего тщатель-

ного, об'ективного анализа и приходит к выводам вовсе не пессимистическим в отношении исповедуемой им политической доктрины. Он говорит (отсылаем интересующихся последними высказываниями чехословацкого президента к интереснейшей книге Людвига — «Беседы с Масариком» — только что вышедшей на чешском и немецком языках). «Если Муссолини и Геббельс об'являют свои системы за чистейшую форму демократии, то это нужно понимать, как **признание** демократии, о которой мы говорим». «Демократизацию вижу и в том, что после войны пришли к власти люди, бывшие социалистами, или же склонные к социальным реформам; назову Бриана, Муссолини, Эберта, Мак-Дональда, наконец, позволю себе назвать самого себя; это люди из народа и народом признанные. То, что здесь и там наступает иногда реакция, неудивительно. Этого следовало ожидать. Быстрые перевороты не дают сразу окончательных — конечных — результатов. Так было и с французской революцией. Реакции различного размаха после революций собой ничего нового не представляют и являются меньше всего аргументами против программы или защитников и деятелей этих революций».

«Верно, говорит Масарик в своих беседах с немецким писателем, — что демократии оказались несовершенными, но разве более совершенными и устойчивыми были монархии австро-венгерская, германская или русская». «Во всяком случае, продолжает он, мы видим, что Европа старого режима уступила окончательно».

Всю свою долгую жизнь Масарик живо интересовался Россией; этого мало — он тщательно изучал ее и ей, помимо целого ряда других работ, посвящен один из главных его трудов **«Россия и Европа»**. Книга эта, вышедшая перед Великой войной, явилась основным пособием для всех современных чехов, серьезно изучающих Россию. В 1907 году Масарик пишет книгу «Этюды по русскому вопросу. Борьба Ф. М. Достоевского с русским нигилизмом». Достоевский изучен Масариком с исключительным вниманием, в этом писателе - мыслителе видит он самого яркого выразителя «восточных» мотивов русской души; по Достоевскому следит он за тем русским «своеобразием», которое остается непонятным западу и которое делает многие черты запада чуждыми русским. Масарик — противник романтическо-славянской концепции, приводящей, при столкновении с фактами реальной жизни, к неизбежному разочарованию. Он считает, что для правильного сотрудничества славян нужно, прежде всего, изжить иллюзии, питавшие последние славянские с'езды (в Москве и Софии). Тут у Масарика непримиримое расхождение с Крамаржем, иделогом так называемого «нео-славянства». Вместе с тем Масарик, которого его противники упрекают в односторонне западнической ориентации и отрицании роли России в судьбе западных славян, придает большое значение существованию сильной национальной и демократической России, которая в таком своем виде должна явиться опорой малых народов (не только славянских); он говорит по этому поводу: «все малые народы (финны, поляки, эстонцы, латыши, чехи со словаками) нуждаются в сильной России. Иначе их поработят немцы».

---

6 марта 1930 года чехословацкий парламент принял закон: «считать Т. Г. Масарика особо заслуженным перед отечеством». Это была благодарность чехословацкого народа. В сегодняшние тревожные дни, когда Европа и Россия переживают ужасы злобствующего коммунизма с одной стороны и злобствующего зоологического национализма с другой, когда льют пушки и строят аэропланы для нового взаимного истребления — благородный идеализм Масарика, его твердая вера в начала демократии и социальной справедливости и его искусная рука, проводящая эту веру в жизнь, заслуживают того, чтобы чехословацкий президент был признан особо заслуженным не только перед гражданами своей страны, но всеми гражданами мира, стремящимися к сохранению и охранению в человечестве — человечности.

Д. Мейснер.

П. МИЛЮКОВ

Франко-советский договор

Франко - советский договор о взаимной поддержке наконец подписан 2 мая, после многих перипетий, история которых весьма поучительна как для характеристики общего международного положения, так и для выяснения того положения, какое Россия и советская власть занимают в международной системе. «Шестая часть света», конечно, всегда будет иметь вес, какая бы власть ни управляла этой громадной, инертной массой. Вопрос только в том, в какой степени существующая система управления в состоянии сообщить этому малоподвижному целому достаточную скорость и гибкость приспособления к тому, что делается в остальном мире. Как бы ни относиться к советской власти, нельзя не признать, что даже в интересах самосохранения она проявила достаточно активности, чтобы заставить считаться с собой при учете сил, какими располагают борющиеся между собой стороны при крушении как старой, так и новой системы европейского равновесия. Су-

ществование этой борьбы не подлежит сомнению, также как и неспособность существующей международной организации примирить противоположные интересы. Не представляет секрета, что Европа до сих пор делится на два лагеря — победителей и побежденных в мировой войне, и что во главе побежденных продолжает стоять та самая держава, которая и вызвала своими притязаниями войну 1914 - 1918 г.г. — Германия. В этом отношении у Гитлера много точек соприкосновения с Вильгельмом II; жажда реванша лишь придала старым наступательным стремлениям Германии особо-острый характер. Германия упорно продолжает искать «места под солнцем», по прежнему игнорируя в своих поисках международное право и существующие договоры. Но невежественный и недалекий «вождь» Германии выявил эти тенденции перед представителями европейских держав с беспримерным цинизмом, чем и вызвал против себя такого рода меры предосторожности, о которых прежде не могло быть и речи. Вследствие этого, в короткий срок последних двух - трех лет вся картина международных отношений Европы совершенно изменилась; пришлось спешно приспособляться к необходимости оказать об'единенный отпор новому варварству, черезчур откровенному в своей наивности и вполне безответственному в своем примитивном эгоизме. Старые противники стали друзьями; принципиальные пацифисты и интернационалисты стали европейскими патриотами; присяжные разрушители сделались охранителями **статус кво.** Франко - советский договор и является плодом всеобщей передвижки установившихся взаимоотношений.

Начало сближения буржуазной Европы с коммунистическим СССР не лишено привкуса известного романтизма. Большевики недаром воспевали Эррио, как первого инициатора сближения. Из этого же источника идет и та идеализация советской России, задача которой — прикрыть для публики советские язвы и несколько смягчить кричащие противоречия советской системы и практики. Психологически такое прикрашивание действительности в стране возможного союзника вполне понятно. Естественно и то, что со стороны СССР эта тактика вызвала встречные попытки — представить себя новым друзьям в возможно более приличном, т. е. европеизированном виде. Где тут граница между благочестивым лицемерием и действительной убежденностью разобрать нелегко, тем более, что иногда слова создают факты. Но несомненно одно, что весь этот аппарат охорашивания приводится в действие главным образом для «галлереи». Главные руководители всего дела руководятся, конечно, не выдуманными красотами, а реальными интересами и ведут, под прикрытием идеологии, вполне реалистическую политику. История и содержание франко - советского договора очень хорошо иллюстрируют эти действительные отношения.

Прежде всего, несомненно, что интерес к советской России подогревался и охладевал в прямой зависимости от того, поскольку в ней нуждались. Договор о взаимной поддержке был задуман и вчерне написан тогда, когда только что выяснилась решимость Гитлера нарушить все обязательства и опрокинуть все существовавшие отношения. На первых порах Гитлеровские декларации о независимости в области сухопутных, воздушных и морских вооружений застали Европу врасплох. Правда, Франция, давно поставившая «безопасность» впереди «разоружения», оказалась настороже против германских правонарушений. Но итальянский диктатор еще не успел разочароваться в германском собрате; Англия никак не могла стряхнуть с себя веры во всеобщую порядочность; СССР только что возобновил раппальские соглашения. В довершение всего, Польша изменила старой романтической дружбе Франции для союза с Германией. В своей кажущейся изоляции Франция, естественно, вспомнила о старом союзнике на востоке Европы, которого надеялась заменить Польшей. Охлаждение к Польше шло об руку с возрождением интереса к России, которую слишком поспешно смешали с Брест - Литовскими « изменниками ». Вспомнили, что Брест - Литовску предшествовала Марна, а может быть поняли и то, что самое разложение России было последствием ее настойчивости в ведении войны «до конца». С своей стороны большевики как раз к этому времени разочаровались в расчете вызвать мировую смуту и почувствовали нужду в Европе для своей пятилетки, эмансипировавшей их от подозрительной опеки Германии над их вооружениями. Момент оказался благоприятен для сближения на почве взаимной поддержки против вырисовавшейся вполне отчетливо возможности общего вражеского нападения. Это был тот момент, когда основной текст соглашения был готов, хотя большевики и опоздали его подписать. Опоздали потому, что, по обыкновению, тотчас же зазнались, как только почувствовали, что в них нуждаются.

Но затем наступил другой момент. Европейские державы не только почувствовали общую опасность, но и имели время приспособиться к ней. Муссолини оценил по достоинству Гитлера, когда тот, при личном свидании в Венеции, более часа убеждал его в необходимости аншлюсса, т. е. задел как раз самый болезненный для Италии пункт. С тех пор для Муссолини стала на очередь задача противопоставить германским притязаниям дунайскую федерацию. С другой стороны Англия, на нейтралитет которой Гитлер особенно рассчитывал в случае задуманного им нападения на Россию, постепенно освободилась от застилавшего глаза пацифистского тумана, когда Гитлер от сухопутных вооружений перешел к требованию равносильных воздушных и особенно морских вооружений. Надо вспомнить, что участие Англии в войне 1914 года вызвано было начавшимся соперничеством с ней Германии на морях. Отныне не только сближение, но в перспективе и союз с Англией и Италией мог-

ли считаться делом решенным. Интерес к русской дружбе сразу упал, а возражения против советского коммунизма выступили с обновленной силой. Во французском министерстве не было более Барту, готового проводить линию Эррио, а был практический Лаваль, с самого начала колебавшийся в вопросе о сближении с Россией. Тот момент, когда Литвинов, только что собиравшийся посетить из Женевы Париж, уехал вместо того спешно в Москву, отметил собою момент решительного перелома. Франция больше не хотела не только распространить договор на Азию — против чего протестовала с самого начала, но и не желала провести в договоре начало «автоматичности» военной поддержки в случае внезапного нападения. Это нарушило бы условия Локарнского договора, который обеспечивал Франции по крайней мере границу на Рейне. Менять верное на неверное, конечно, Франция не хотела, тем более, что вопрос о способе русской помощи в случае германского нападения оставался практически трудно разрешимым. И к заготовленному уже тексту договора прибавился «протокол», старательно обработанный без всякого участия большевиков французскими юристами. Нельзя утверждать, что «протокол» совершенно отменяет суть договора, но, несомненно, что он вносит в договор существенные ограничения. Хотя слово «немедленно» и повторено в протоколе три раза, но, несомненно, что ни о какой немедленности военной поддержки, в обход немедленной процедуре Совета Лиги Наций, не может быть теперь и речи. Россия связана по договору всеми сложностями процедуры Лиги Наций, в которую вошла тоже в прямой связи с заключением договора с Францией. Затем военная поддержка оказывается сторонами друг другу по протоколу только при условии непосредственного нападения неприятеля на территорию контрагента. Другими словами, борьба СССР с Германией вызовет поддержку Франции только когда будет вестись на русской территории, а не где нибудь в Литве или в Польше. Наконец, все обязательства Франции по другим договорам (Локарнскому, польскому) сохраняются в силе, что ограничивает действие договора исключительно случаем столкновения с Германией. Словом, как и подчеркивали обе стороны, франко - советский договор отнюдь не похож на старый франко - русский союз. С другой стороны, можно утверждать, что договор не направлен ни на кого специально, так как всякое государство может к нему присоединиться. Этим сохранены все аппарансы пацифизма, что должно особенно успокоить общественное мнение Англии. По существу, уже авиационное соглашение Англии, как и Италии с Францией имеют характер, приближающий их к военному союзу.

Когда Лаваль беседовал с Беком в Варшаве, он еще не знал, что кончина Пилсудского предстоит в ближайшие часы. Но полк. Бек знал — и этим, вероятно, об'ясняется примирительный тон их беседы. На самом деле, со смертью Пилсудского, непримиримого противника России — царской или советской — все равно — отпало главное побуждение Польши к сближению с гитлеровской Германией. Это может привести к упрочению тех настроений, на почве которых создался франко - советский договор, ибо устраняются те противоречия, к которым приводило двусмысленное поведение Польши в последние два года. Конечно, укрепление франко - польского союза может также повести к соответствующему обесценению франко-советского.

Как бы то ни было, для России договор 2 мая принес несомненную пользу даже и в теперешнем урезанном виде. Вероятность двухстороннего нападения на Россию становится значительно слабее с изоляцией Германии. Ирредентисты разных национальностей, поднявшие в последние годы голову в прямой связи с польско - германскими планами на русскую территорию, обманутся в своих надеждах, может быть станут более склонными к сговору с русской демократией. Наконец, несомненно и некоторое влияние, которое сближение с европейскими демократиями будет иметь на изменение внутреннего режима в России. Когда пишутся эти строки, Лаваль уже указывает в Москве на недопустимое противоречие между только что заключенным договором и деятельностью заграничных коммунистов по разложению армии новых союзников. Лозунги коминтерна уже исчезли с плакатов на советских торжествах. Приходится, словом, мирить «Марсельезу» с «Интернационалом» не только в звуках оркестров, но и в симпатиях публики и в поведении государства. Не меньшую роль должно сыграть то обстоятельство, что для совместных военных действий далеко не безразлично состояние тыла союзника. Проповедь «зажиточной жизни» в советском тылу получает новый смысл, и только под условием улучшения благосостояния населения сможет иметь успех и оффициальная пропаганда любви к родине, особенно усилившаяся в последнее время. Лаваль уже заговорил в Москве и о сближении культурном. Чего только нельзя разуметь под этим словом, если отнестись к нему серьезно. Так, новый союзник советской власти может оказаться союзником русского народа, и европейская демократия, быть может, получит возможность, не подводя русских людей под параграфы уголовного кодекса, протянуть руку демократическим элементам населения. Если речь зайдет о подобного рода «интервенции», то мы весьма охотно сделаемся интервенционистами.

П. Милюков.

А. ЛАЗАРЕНКО

К ВОПРОСУ О «КРИЗИСЕ ДЕМОКРАТИИ»

«Демократия есть нечто большее, чем та или иная политическая форма (парламентаризм), демократия, прежде всего, философское и моральное мировоззрение, основанное на принципах свободы, равноправия, права и братства в политической и экономической области».

Эдуард Бенеш.

В нападках на демократию, — кроме парламентаризма, который врагами демократии считается уже поверженным, — наибольшим ударам подвергается система всеобщего, прямого, равного и тайного голосования. Связав более или менее ловко эту систему, в особенности в ее, до последнего времени, модной форме — пропорциональной, с «засилием» партий и, в частности «партийных комитетов» и лидеров, с партийным окостенением и фанатизмом, словом, со всем тем, что представляет аномалии, уродства, даже искажения самой системы, недруги демократии более добросовестные говорят о «кризисе» демократии, более беззастенчивые о «гибели» демократии, на смену которой приходят и придут диктатуры и «авторитарные» режимы. Такой прием борьбы против демократии не лишен коварства, ибо и среди государствоведов, и среди политиков, очень распространено мнение, что демократия существует лишь в том государстве, где введена т. наз. «четырехвостка». Даже барон Б. Э. Нольде утверждает: «откидывая все подробности, в этих двух положениях (1-ое: законы страны издаются представителями народа, 2-ое: эти представители избираются всеобщей подачей голосов. **А. Л.**), — все существо того идеала демократии, народовластия, который стал бесспорной и непререкаемой аксиомой политического творчества послевоенной Европы». Однако, никто добросовестно к демократии не отнесет Бисмарковскую Германскую империю с всеобщим избирательным правом, ни Австро - Венгерскую монархию, после введения в начале XX века всеобщего голосования, с господством феодальной аристократии и придворной знати. А. М. Кулишер в своей статье «Кризис демократии» («Наше Слово» № 3), тоже сосредоточивая свое внимание на введении системы всеобщего избирательного права, приводит, однако, ряд примеров, когда государства, установившие эту систему, нельзя «серьезно считать демократическими».

Таким образом, всеобщее избирательное право может связываться и с недемократическими формами правления. Для признания государственного режима демократией нужно еще нечто более глубокое, более существенное, система демократии гораздо сложнее, чем один государственный институт, пусть очень важный, но все-таки юридически - технического характера, являющийся способом народного участия в государственном управлении.

II.

Существует множество определений понятия «демократия». Не говорит ли это множество, с одной стороны, о неудовлетворительности всех и каждого из определений, а, с другой стороны, о широте и глубине этого понятия, не вмещающегося в какую либо формулу. В этом множестве определений остановимся на двух-трех новейших.

Проф. Ганс Кельзен («О сущности и ценности демократии») определяет демократию, как совокупность таких, определяющих законодательное творчество правовых норм, при которых весь правовой порядок устанавливается теми, кто должен быть этому порядку подчинен. По определению профессора Стефена («Проблема демократии»), демократия — это непосредственное или посредственное участие всех дееспособных в политическом и хозяйственном осуществлении власти в обществе, однако, не как самоцель, а как нечто целиком подчиненное общему благу; демократия — это социальное распределение власти, возлагающее на всех ответственность за, касающееся общего блага, осуществление ее. По поводу первого из этих определений Оскар Требич указывает — и нельзя с ним не согласиться — что оно, с формальной стороны, довольно исчерпывающее. Но, говорит Требич, демократия нечто большее, нежели только парламентский метод творчества права, «юридическая правда — не вся правда». Односторонность второго определения совершенно очевидна, хотя бы уже потому, что, именно демократия устанавливает публичные права **свободы от власти.**

П. Б. Струве в докладе «Понятие демократии (юридическое и политическое) и проблемы современной демократии», сделанном 11 декабря 1930 г. в открытом заседании Белградского Научного Института, но, кажется, неопубликованном (по крайней мере, в «Записках» Института), подразумевает под демократией, в смысле юридического понятия, такое устройство государственного властвования, при котором суверенитет, или верховная власть как

бы она ни была технически построена, принадлежит всем гражданам, независимо от их социального положения (тезис 2-ой к докладу). Для этого понятия демократии, по Струве, существенны лишь два момента: всеобщность избирательного права в смысле неотстранения от этого права никакой социальной группы и исключительная принадлежность верховной власти этому всеобщему гражданину (тезис 6-ой).

Рядом с ним, П. Б. Струве ставит другое юридическое понятие, «отличное от понятия демократии», правового государства». Это понятие конституируется из признания неприкосновенных для государства неот'емлемых прав человека и гражданина. Понятием правового государства об'емлется отношение человеческого организма к государственной власти, как бы она ни была организована, понятие же демократии определяет организацию этой власти (тезис 10-ый). Из сочетания двух точных юридических понятий: демократии или народоправства и «правового государства» получается, учит Струве, ходячее понятие демократии, по существу двойственное (тезис 11-ый).

Научные искания безграничны, возможность абстрактной дифференциации явлений и понятий, если не беспредельна, то очень широка. Пусть точны те два юридических понятия, которые устанавливает П. Б. Струве, жизненно же «двойственное», «политическое» понятие демократии. Юрист в политико-правовых построениях, и, тем более, политик оперируют не с совершенно отвлеченными понятиями, полученными лабораторным путем, а с явлениями, наполненными жизненным содержанием.

После же произведенной дифференциации «двойственного» понятия демократии, оказывается, что абстрактно, «неот‘емлемые права человека и гражданина» входят лишь в понятие «правового государства», но не в понятие демократии. Однако, до установления демократии эти «неот‘емлемые права» существуют в государствах, в лучших случаях, лишь в конституционных законах, пришедшие же на смену демократии диктатуры и авторитарные режимы, сохраняя даже всеобщее избирательное право — существенный признак юридического понятия демократии — начинают с того, что от‘емлют эти права, видя в них, и справедливо, оплот демократии. В жизни, в действительности, «неот’емлемые права человека и гражданина» неразрывно слиты лишь с демократией, осуществляются только в демократических государствах.

Да и сам П. Б. Струве, «как политик», оперирует политическим понятием демократии. В лекции на тему «Кризис советчины и наши задачи», прочитанной 29 марта 1928 г. в большом зале Виноградского Народного Дома в Праге, П. Б. Струве, рисуя «тактическую утопию» — возможность нам «в недрах советского строя также, как и при самодержавии, формулировать наши требования, начать бороться» — спрашивал: «За что стали бы мы там бороться?» Ответ его самого гласил за: 1) свободу, 2) равенство, 3) «передачу всех вопросов на свободное обсуждение всего народа». «Это, говорил П. Б. Струве, основные положения либерализма или — если употреблять более распространенное и утвердившееся понятие — это программа демократизма. Но без этого умонастроения мы не можем в России никуда двинуться. Без этих принципов формальной демократии, наполненных огромным жизненным содержанием, нельзя бороться». («Дни» №1379 от 4 апреля 1929 г., письмо из Праги Е. Д Кусковой «Вновь преображенный Струве»).

III.

Достоинством положений П. Б. Струве является то, что они ясно и четко показывают отмеченную выше сложность и ценность понятия демократии. Послереволюционным анти - демократам, о элементарной неосведомленности которых так ярко говорил А. М. Кулишер в упомянутой статье, надлежит неустанно раз‘яснять эту сложность и ценность.

Система демократии является синтезом идейных течений, на разработке которых человечество трудилось века, и покоится она на равновесии нескольких и потому соотносительных начал — народовластия, свободы и равенства — выкованных в борьбе с угнетающим народ абсолютизмом (какие бы формы и названия он ни принимал), порабощением личности и общества и унижением личного человеческого достоинства привиллегиями немногих групп населения. Учение Руссо, впервые формулировавшего этот синтез, что нет равенства без свободы — ибо свобода есть содержание истинного равенства — и свободы без равенства — ибо свобода, неограниченная равной свободой всех прочих, есть произвол, — живо, оно вошло в правосознание народов с высоко развитой культурой, оно не может не светить, как маяк избавления народам России в «концлагерях» и народам, угнетаемым разноцветными рубашками в разных авторитарных казармах. Положение П. Б. Струве: «без этого умонастроения (свободы и равенства) мы не можем в России никуда двинуться», справедливо для всех порабощенных стран.

«Свобода и равенство, как и родина, как здоровье, о них вспоминают, когда их лишены». И послереволюционные анти - демократы, для которых в местах их рассеяния эти блага демократии стали обиходом, мучительно чувствуя лишение родины, могут осознать лишение свободы лишь тогда, когда в стране их пребывания уничтожаются: **свобода личности и неприкосновенность жилища, свобода местожительства и передвижения,** когда полицейская власть, по своему усмотрению, может и арестовать и произвести обыск, разрешить или отказать в проживании в известном месте, разрешить или отказать в просьбе на переезд в другое место ради отыскания

хлеба; **свобода слова и печати, переписки,** когда приходится жить, как во тьме; **свобода совести, науки, союзов и собраний,** когда подрываются самые основы развития личности ради достижения человеческого существования. Наконец, в понятие свободы входит так наз. **политическая свобода,** — право участия: в образовании власти (в выборе законодательных палат, главы государства, органов местного самоуправления) и в осуществлении власти (в принятии или отклонении законодательных предположений — референдум, плебисцит).

Точно также и другая ценность демократии — **равенство,** столь страшное для пореволюцион. антидемократов, ибо оно устраняет, по их недомыслию, возможность «отбора», «властвующей элиты», выдвижения «сильных людей», «вождей» — необходимейшая основа правопорядка, предпосылка и для «отбора» и для выдвижения настоящих руководителей государственной жизни.

Содержание понятия равенства — в признании, что несоизмеримые по своим качественным отличиям личности равноценны в смысле равенства возможности для каждого из них участвовать во всех сторонах культурной жизни. В правовом аспекте, по существу преобладающем, равенство есть прежде всего равенство перед законом, перед судом, в правах (отсутствие привиллегий, существующих, напр, в монархиях, по дворянскому происхождению, в СССР, по пролетарскому). Такое содержание понятия равенства только и дает возможность выделения, действительно, по своим личным качествам «знатных людей». Вызывающие у анти - демократов уважение такие республиканские вожди, как Клемансо и Пуанкарэ и могли выдвинуться на первые места в государстве в силу этой ценности демократии. Вне демократического режима, если не полагаться на случай, они остались бы: один крупным публицистом, другой выдающимся адвокатом. Да и Муссолини и Гитлер получили возможность развития своих незаурядных качеств только благодаря этой системе публичных суб'ективных прав, в частности, благодаря равенству в правах.

Необходимо подчеркнуть еще две необычайно важные, в особенности в наше тревожное время, ценности демократии — **пацифизм и солидарность.** Это ценности демократии потому, во 1-ых, что основным идеологическим моментом демократии является гуманность и не как моральное понятие, а как норма, демократическое государство должно жить гуманизмом, а во 2-ых, потому что народы, в целом, миролюбивы, ибо миролюбивы трудовые и демократические массы населения. Воинственно настроены и агрессивны только небольшие, но крепко спаянные милитаризмом, общностью своих интересов, небольшие группы населения и так наз. военные сферы. Стремление же к миру дает основу и солидарности.

Нет сомнения, что если бы демократия не только «выступала» после мировой войны, но и стала бы организованной, даже не мировой, а лишь европейской силой, то и Лига Наций приобрела бы иной вес и характер, и опасность войны не висела бы Дамокловым мечем все эти годы над европейскими народами.

Вместе с тем, вынужденные вести войны демократии лучше организуют защиту родины, чем, даже, такая самая милитаристическая монархия, как Германия Вильгельма II. Об этом свидетельствует такой военный специалист, как Людендорф (которого никак уж не заподозришь в демократофильстве) в своей книге: «Мои воспоминания». «В Берлине не могли проникнуться таким представлением о необходимостях, вызываемых войной, не могли найти железной воли, которая бы охватила весь народ и направила бы всю его жизнь и все помыслы на одно: на войну и победу, **как умели это сделать великие демократии Согласия,** Гамбетта в 1870 г. Клемансо и Ллойд-Джордж в последнюю войну об'единили все помыслы своих стран в идее победы». (т.I, стр. 5).

IV.

Но народы сами отказываются от свободы. И если у нас, на родине — в исключительных исторических условиях путем захвата власти, то в «культурной» Германии по всем правилам всеобщего, равного и тайного голосования. Смешно, при наличии фактов, утверждать: «тем хуже для фактов». Но и фактопоклонство неубедительно. И как было бы недостойно во времена рабства, или крепостного права утверждать, что люди сами себя поработили, что они безразличны к свободе, — так и теперь было бы недобросовестно не замечать признаков борьбы — разных — в зависимости от условий места и времени — против диктатур и авторитарных режимов. Эти признаки борьбы слабые, но нужно помнить, что, ведь, ныне диктатуры вооружены так, что устраняются классические методы борьбы с насилием власти: демонстрации, баррикады, восстания. Порвав с гуманностью — этой подосновой «гнилой демократии», — диктатуры удерживают власть, применяя против подвластных газы, аэропланы и все виды индивидуального и массового террора.

Вопрос о смене демократического авторитарными режимами — вопрос сложный, выходящий за пределы этой статьи. Возможно, что здесь оправдывается схема проф. Бартелеми, по которой демократия это норма, кризисы неизбежны, но временны и обречены на новое возвращение к «системе равновесия», осуществляемой в демократии. «Временные зигзаги массового сознания не могут изменить целей истории, хотя и отдаляют их достижение». (Е. Д. Кускова). Интересно отметить, что к схеме Бартелеми примыкает и П. Б. Струве: «реальная нестойкость» **(на наш взгляд временная,** курсив мой **А. Л.)** этого сочетания (понятия демократии и пра-

вового государства А. Л.) составляет источник того сложного явления, которое принято называть кризисом демократии», говорит П. Б. Струве в тезисе 12-м вышеупомянутого доклада. Значит, кризис, если он и есть, то только временный, демократия — норма. Вероятной причиной появления «вождей» являются и недостатки демократической государственной машины, допускающей возможность использования демократического аппарата для уничтожения демократии.

V.

Сводя воедино концы и начала, следует признать, что демократия отнюдь не совокупность «демократизированных» государственных установлений. Нужно всегда иметь в виду отличие сущности демократии от форм ее воплощения, несовершенных, как всякое деяние рук человеческих. В частности, демократия отнюдь не, якобы поверженный уже, парламентаризм, который есть одна, правда, наиболее распространенная форма демократии. Но и его недостатки не неисправимы. Даже незначительный ремонт, произведенный во Франции (реформа наказа), дает уже положительные результаты. Всеобщее же избирательное право есть лишь одно из средств участия населения во власти. Излишества, допущенные в построении этого института системой пропорциональности, давшей такой богатый материал для разговоров о засилии партий и их комитетов и лидеров, постепенно и неуклонно отпадают. Существует не «кризис демократии», а «кризис» отдельных ее форм и институтов и, конечно, сильно на ней отражающиеся многочисленные кризисы, — «кризис интеллигенции» (Бенеш), «кризис морали огрубевшего после войны и революций общества», «кризис капитализма» в виде охватившей после мировой бойни и страны победительницы и страны побежденные экономической депрессии, «экономического национализма» и т. д. Молодая, как образ государственного правления, демократия ищет, находит и найдет достойные ее содержания формы и институты.

Вся совокупность демократических установлений (в частности, независимый суд, вместе со свободой, немедленно уничтожаемый авторитарными режимами) только средство обеспечения основных ценностей демократии: режима права, свободы, равенства, человеческой солидарности.

«Если эти идеи плохи, тогда — и только тогда — не годится и демократия» (Бенеш).

Но несостоятельность этих идей никто еще не доказал и не докажет.

Только упражнением этих ценностей демократии создается человек - гражданин и гражданское общество, а не тягловая «человеко - единица» и толпа раболепствующих перед вождем индивидуумов в СССР и в прочих странах диктатур. Только сохранение демократии и восстановление ее создадут возможность развития солидарности человечества, укрепление пацифизма, что послужит основой для «морального разоружения» — необходимой предпосылки военного разоружения и обращения громадных непроизводительных трат на развитие культуры.

А. Лазаренко.

К. АРИСТОВ

Организация демократии

За последнее время, наряду с ожесточенной критикой, направленной против самого существа демократии, стали раздаваться, подчас и из дружеского лагеря, голоса, указывающие на несовершенство некоторых демократических **учреждений**. Нам нет надобности закрывать на это глаза, как нет у нас оснований приходить в паническое настроение по поводу заклинаний наших врагов о конце демократии. Мы настолько верим в ценность демократических идей и так уверены в жизненности демократии вообще, что можем совершенно спокойно подойти к вопросу о несовершенстве некоторых государственных форм демократии.

Демократия — молодая система управления и, вполне естественно, что у нее возможны организационные недостатки, особенно в переживаемое нами время, исключительное по трудности и напряженности.

Но организационные возможности демократии так велики, демократические государственные формы так гибки и разнообразны, что вопрос о реформах внутри демократии может быть сведен к замене несовершенных демократических учреждений другими более совершенными, доказавшими свою жизненность на опыте других демократических стран.

Почти все обвинения в нежизненности демократии сводятся в настоящее время к утверждению, что демократия не может создать сильного и устойчивого правительства, вследствие чего в демократии невозможна определенная, рассчитанная на долгий срок правительственная политика, без чего в свою очередь невозможны смелые и решительные реформы.

Говоря вообще, демократия есть действительно «беспокойная», особенно для правителей, государственная система, в противоположность гробовому спокойствию стран с диктаторским режимом.

Вся государственная жизнь в демократии основывается на народных массах; поэтому от населения

требуется достаточно высокий уровень сознательности, самостоятельности, способность и желание принимать решение в ответственный момент. И в виду того, что массы не всегда с достаточной быстротой и гибкостью могут успевать в своих настроениях за жизнью, в ходе демократической государственной машины могут произойти задержки.

Но самая эта медлительность (которая далеко не всегда имеет место) в образовании большинства, необходимого для проведения той или иной реформы иногда является спасительной и предохраняет страну от слишком поспешных и необдуманных решений, которые могут быть гибельными для страны.

Но совершенно нельзя согласиться с мнением противников демократии о специальной неприспособленности демократической государственной организации к проведению решительных и последовательных мероприятий в борьбе с экономическим кризисом. Прежде всего нужно решительно покончить с недоразумением, которое враги демократии так недобросовестно поддерживают и раздувают и которое состоит в утверждении, что демократическая система явилась причиной кризиса во многих странах. Кризис разразился во всем мире с почти одинаковой силой и зависит от более глубоких причин, чем те или иные политические неустройства. И как раз некоторые демократические страны скорее стали на путь изживания кризиса, в то время, как страны, изменившие демократии ради «спасительного» диктаторского режима, никакого значительного улучшения в экономической области не испытывают. В частности в Германии, после уменьшения безработицы, вызванного оживлением военной промышленности, число безработных вследствие ухудшения хозяйства страны опять увеличилось на 700.000 чел. за последние полгода, в Италии также никакого значительного улучшения нет. Соединенные же Штаты С. Америки, в рамках своей демократической организации и не подавляя гражданских свобод, производят руками своего президента Рузвельта смелый и решительный опыт реорганизации своего хозяйства. Из парламентских демократий укажем на Англию, правительство которой уже в течение довольно долгого времени последовательно и твердо проводит определенную экономическую политику, давшую чрезвычайно ощутительные результаты.

Континентальным парламентским системам менее посчастливилось. Об'ясняется это, помимо общих причин, некоторыми преувеличениями в последовательном проведении государственной организации демократических принципов. В частности во Франции одно время внутреннее политическое положение чрезвычайно осложнилось вследствие многопартийной системы народного представительства и борьбы партий между собой. Но в конце концов, опасность во-вне и напряженность во внутреннем положении побудили политические партии к об'единению и к постепенному изживанию некоторых организационных недочетов в местной парламентской системе. Политический кризис потерял в значительной степени свою остроту и правительство Фландэна получило возможность провести ряд экономических реформ. Заслуга в этом успокоении страны принадлежит в значительной степени народным массам Франции, не потерявшим спокойствия и хладнокровия в трудную минуту, несмотря на истерические призывы двух крайних флангов французского политического фронта к так называемым «решительным» действиям, едва не приведшие страну к междуусобице. И здесь демократия внутри себя нашла силы для преодоления кризиса и для борьбы за свое существование в рамках демократических учреждений, не нарушая демократических свобод.

Все же в результате французского опыта, а также последних событий в Бельгии, парламент которой, вотировав доверие министерству Ван-Зееляндa, предоставил ему свободные руки для осуществления его программы, нам представляются необходимыми для более успешного функционирования демократических учреждений в настоящее тяжелое время некоторые реформы континентальной парламентской системы: сокращение числа политических партий, усиление авторитета правительства, укрепление связи между правительством и народом и т. д. Границы этой реорганизации парламентской системы определяются опасностью узурпации со стороны представителей власти, и необходимостью сохранения элементарного и действительного контроля над властью со стороны народных представителей.

Вопрос о реформах внутри демократии может осложниться, если будут происходить дальнейшие изменения в экономическом строении современных стран в сторону решительного установления системы так называемого управляемого хозяйства. Тогда для многих друзей демократии станет вопрос о соответствии современных форм **политической** демократии вновь создавшейся экономической структуре общества.

Уже сейчас раздаются голоса, призывающие к **дополнению** политической демократии демократией корпоративной, промышленной или рабочей. Конечно нужно отличать эти проекты от **замены** вообще нынешней системы демократии корпоративной системой представительства, каковая система там, где она осуществляется, никакой демократии и не представляет и является опорой авторитарных режимов.

Сторонники дальнейшего углубления демократии в сторону «демократизации и оправовления хозяйственной жизни» ссылаются на некомпетентность политических парламентов для полного руководства хозяйственной жизнью страны и на опасность для демократических свобод соединения в одних руках экономической и политической власти. Теоретически рассуждая, такое новое разделение властей могло бы действительно до известной степени явиться гарантией против подавления личности государственной властью. Но в силу чрезвычайной

трудности практического разграничения политической и экономической стороны в государственной жизни, жизнь неизбежно приведет к установлению преобладающего влияния или хозяйственного или политического представительства, что естественно ослабит смысл этого разделения властей. Кроме того сосредоточение большой экономической мощи в руках хотя бы только одной хозяйственной (независимой от политической) власти, в конце концов, дела не меняет. Важна степень проникновения государственной власти в хозяйственную жизнь граждан и этому проникновению в демократии должны существовать пределы; некая определенная сфера экономической самостоятельности должна быть обеспечена каждому гражданину и является такой же гарантией свободы личности, как и политические гарантии. Это положение не означает, конечно, призыва к забвению общих интересов во имя интересов частных. Солидарность должна существовать, но только солидарность между гражданами свободными и независимыми. Гармония между личностью и коллективом вещь вообще трудно достижимая и возможная только в демократии с ее уважением к правам каждого гражданина и с ее государственной организацией, направленной к **благу всех и каждого.**

Что касается утверждения о лучшей приспособленности хозяйственно-корпоративного парламента к решению вопросов экономических, то здесь нужно различать вопрос о лучшей компетентности такого правительства по сравнению с парламентом политическим и вопрос о работоспособности парламента, об его способности принимать быстрые и энергичные решения. И если трудно спорить по вопросу о лучшей компетентности хозяйственно - корпоративного парламента, то остается под большим сомнением, какое представительство, по природе своей, более приспособлено к принятию быстрых и обеспечивающих общий интерес решений. Не надо забывать, что колебания французского парламента в проведении денежной реформы, вызвавшие несколько раз падение министерств и тем давшие пищу для разговоров о кризисе демократии во Франции, зависели в значительной степени от давления организованных групп — налогоплательщиков с одной стороны и чиновников с другой. Нет оснований полагать, что борьба этих интересов при непосредственном столкновении в хозяйственном представительстве была бы менее острой и напряженной. Для правильного и успешного хода дел при столкновении столь разнообразных и острых интересов, которые будут представлены в хозяйственном парламенте необходим арбитр, принимающий решения в интересах общего блага.

Роль такого арбитра в демократических странах должна играть сильная правительственная власть, опирающаяся на народное **политическое** представительство. Наилучшей схемой сотрудничества экономического и политического представительства, поскольку оно вызывается обстоятельствами, по нашему мнению, могло бы быть создание экономического совета при политическом представительстве, которому и принадлежала бы прерогатива окончательных решений.

Резюмируя все вышесказанное, мы можем с уверенностью сказать, что какие бы изменения в социальной и экономической структуре современного общества ни происходили, демократическая организация государства со своими **разнообразными** и **гибкими** формами будет отвечать требованиям жизни, конечно, до тех пор, пока государство не ставит себе целью закрепощение личности.

К. Аристов.

А. МАРКОВ

Уход от пролетариата

«Будем крыть дальше»..

(Название главы из романа Гладкого «Цемент»)

Был ли идеализм у коммунистов в октябре 1917 года, когда они, пустив в оборот невиданными порциями демагогию, пришли к власти? Была ли вера в творческие способности пролетариата, в его миссию создания бесклассового общества, равного для всех и для всех несущего счастье? Была ли вера у пролетариата в коммунистическую партию и в ее способность вести пролетариат по пути к социализму?

Учитывать и измерять явления морального порядка чрезвычайно трудно. Но, вероятно, в смуте и тумане революционных настроений 1917 г., в условиях тяжелой жизни, при отсутствии политической культуры русскому пролетарию казалось, что большевики это уж несомненно — «наши».

Ведь даже в глазах крестьянства Ленин не всегда был разрушителем крестьянского благополучия. Издали трудно было было разглядеть. Ленинская политика издали могла казаться извращенной инстанциями от Москвы до деревни.

Ф. Панферов в своих «Брусках», выпущенных уже в период коллективизма, передает мужицкие разговоры о коммунисте Жаркове, работавшем по пропагандистской части в деревне.

Кто он — Жарков? — думали мужики.

«Рядились, спорили, ругались, в конце концов остановились на одном:

— Генерал - губернатор он по старому.

Такой вывод ошарашилъ мужиков. Один из них предложил:

— Надо бы с хлебом - солью, лицо такое большое а мы табуном приперлись.

Бывшие красноармейцы подняли мужиков на смех:

— Ты думаешь, тебе с эполетами явится?.. Нет — эполет тебе не видать!

— Я не об эполетах, а, к примеру, обиды как бы не быть...

И во время этих разговоров мужичку Штыркину вдруг пришла в голову шалая мысль, в которую он целиком уверовал:

...Вдруг он вскочил, сунулся к Захару:

— Ты, слышь-ка Захар Вавилыч. Он, слышь-ка, Жарков этот, манифест привез.

— О чем? — тихо спросил Захар.

— А чтоб, заикнулся Штуркин, — чтобы нашему брату по лошади.... Что, не веришь. Правды сказывали, что нашему брату по лошади, семян и еще чего то... Тогда я корову продавать не буду...

Если в период военного коммунизма был идеализм у коммунистов и у рабочего класса и была взаимная вера друг в друга, то этой вере был нанесен страшнейший удар. Военный коммунизм нельзя рассматривать только с точки зрения ленинского социалистического строительства, окончившегося катастрофически, но и с точки зрения моральных взаимоотношений между партией и пролетариатом.

Партия не только в те годы вела гражданскую войну, она пыталась перестраивать и хозяйственные отношения. Социализм строили и это строительство привело к одичанию страны.

Один из действующих лиц романа Гладкова «Цемент» говорил воспеваемому автором советскому герою, Чумалову:

— Вот, товарищ Чумалов... Тебе — к прицелу. — гляди... Взяли, дескать, в свои руки. Вон оно какое все... Прогнали всех хозяев... А гляди, ядри твою корень... Вдрызг! Кто клепку тащит, кто медь с машин дерет, кто ремень режет... Навластвовали!

Провал социалистического строительства создал новую мораль для коммунизма. Так глубоко сидевшая в вождях мораль, сводившаяся к принципу, что для социализма «все позволено», нашла свое яркое осуществление в нэповских мероприятиях. Нэп — был ударом по остаткам коммунистов - идеалистов и по идеалистам из пролетариата. Ко времени нэпа партия закалилась в терроре, в презрении к человеку вообще, будь он хотя бы и пролетарием. Пролетарий увидел в нэпе жестокую правду, убедился в несбыточности своих упований.

— Я этого не могу пережить, говорит в том же «Цементе» преданная коммунизму Поля, потому что не могу понять, не могу найти оправдания.. Мы разрушали, страдали... Море крови и голод... И вдруг — сразу... воскресло и заулюлюкало... И я не знаю, где кошмар: эти ли годы борьбы, страданий, крови, жертв, или этот праздник жирных витрин и пьяных кафе... Этого я не могу принять — с этим жить.

Полю вычистили, как выбросили из партии многих, неприявших цинизма коммунистических изворотов. Для дальнейшего строительства нужен был закаленный, стальной, холодный к человеческим страданиям коммунист, нужен был к тому же и бессовестный коммунист.

Вера в пролетария вредна и ненужна, да он и не оправдал этой веры. Человек — это только «ничтожный элемент всеобщего», это «техническое понятие». Недаром Гладков в своем прославленном романе так восторгается машинистом Брынзой, влюбленным в сталь машин.

— Видишь? Ребята заработали всеми поджилками. Забыты, друг, пустоболт и чехарда этих годов... Вот что значит сила машины. Пока живы машины — не убежать от них никуда. Тоска по машине сильнее тоски по зазнобе...

«Будем крыть дальше» — стало правилом вождей. «Будем крыть дальше» — что бы ни случилось.

Партия все дальше отходила от пролетариата, пролетариат — все дальше уходил от партии.

Мы мало обращаем внимания на следующее, чрезвычайно показательное, явление. Вспомним прошлые годы. Тогда партия звала рабочих в партию. Были «наборы» в партию и по случаю успехов этих мероприятий, приводивших к увеличению количественного состава партии, всегда было ликование. Что наблюдается теперь? Теперь новых наборов нет, но зато чистки стали постоянным явлением и десятки тысяч коммунистов из партии изгоняются.

В своем докладе на последнем (январь 1935 г.) с'езде советов Молотов привел данные о радикальном изменении социального облика страны. Вот эти данные:

	1928 г.	1934 г.
	(в тысячах)	
Пролетарское население	26.343	47.118
Колхозники, кооперированные кустари и ремесленники	4.406	77.037

Сталин в своем докладе на 17-ом с'езде компартии (янаварь 1934 г.) указал, что число служащих и рабочих с 14,5 миллинов в 1930 г. поднялось до 21,8 мил. в 1933 г.

Вожди в этой социальной перестройке усматривают победу социализма. Но почему же так слаб

рост коммунистической партии? Если социализм побеждает, его успехи поразительны и бесспорны, если в этом уже нет ни для пролетарских, ни для колхозных масс никакого сомнения, то почему же эти массы, захваченные социализмом, не идут в партию?

Военный коммунизм с его разрухой был периодом роста партии. Росла партия даже в период нэпа. И теперь во время пятилеток, когда социализм как говорят в Москве, почти построен, партия, казалось бы, могла иметь десятки миллионов членов.

Но вот данные о составе партии.

На 16-ом с'езде партии (июль 1930 г.) было представительство от 1,9 мил. коммунистов. На 17-ом с'езде (январь 1934 г.) было представительство от 2,8 мил. партийцев. Прирост есть, но он совершенно ничтожен по сравнению с ростом пролетариата и колхозного крестьянства.

Рост социализма в стране в самой ничтожной степени отражется на росте коммунистической партии. Партия стала вне класса, совершенно от него оторвалась. Партия в самом своем возможном росте теперь не может видеть величайшей опасности для своей диктатуры. «Сознательный» пролетарий — враг партии. Партии нужен механизированный пролетарий, механизированная пролетарская «общественность». Если в партию сейчас — при победе социализма впустить ту уйму пролетариата и колхозного крестьянства, которая появилась в результате проведения в жизнь пятилетних планов, то от «побед» социализма может ничего не остаться, ибо, войдя в партию и получив права, пролетарий, созданный пятилеткой, и колхозник начнут наступление против сталинского социализма. Пролетарий и колхозник — злейшие враги сталинского социализма.

Их отношение к социалистическому строительству могло быть в той или иной степени положительным, когда шло распределение чужого имущества. Но сейчас партия пришла к периоду, когда социализм она может строить только путем ущемления пролетария, колхозного крестьянина и единоличника, какого бы социального ранга он ни был. Она должна ущемлять пролетария и крестьянина, так как всех тех, кого она ущемляла раньше и по практическим причинам и по причинам политическим, больше уже нет. По молотовским данным в 1928 г. было 6.801 тысяча буржуазии (б. помещики, крупная и мелкая городская буржуазия, торговцы, кулаки) против 22. 100 тысяч буржуазии в 1913 г. (по его же данным) — это немного. Но всетаки несколько миллионов, из которых что то можно было выжать, в особенности после обогащения в период нэпа. Но если в 1934 г. от всех этих миллионов осталось только... 174 тысячи буржуазии (опять таки по молотовским данным) то тут уже нажим ничего не даст. Да и что это за буржуазия? Это буржуазия, конечно, только в историческом смысле.

А выжимать надо. Почему? По той причине, что издержки социализма не падают, а растут. Как они велики? Учесть, конечно, нельзя, но иметь представление об этом возможно. Возьмем ассигнования на промышленность, ее доходы и ее дефицит за ряд лет (по бюджетам):

Годы:	1932	1933	1934	1935
Дефицит (в мил-дах)	8,4	12,5	13,8	14,6
Доходы (в мил-пах)	972,9	725,5	926,4	710,5
Ассигн. (в мил-дах)	9,1	13,8	14,7	15,3

Конечно, в этих ассигнованиях огромные суммы идут на новое строительство, но для плательщика советских налогов это обстоятельство не утешительно. Все едино — платить ли на покрытие обыкновенных или чрезвычайных расходов. Важно, что теперь платить надо ему — пролетарию и социализированному крестьянину, ибо платить больше некому.

И партия для получения нужных ей сумм, помимо натурального обложения, разоряющего крестьянство и добивающего единоличников, обрушилась на все население жесточайшим хлебным налогом.

Вот бюджеты с их основными группами дохода:

	1933	1934	1935
	(в миллиардах рублей)		
Налог с оборота или точнее универс. косвен. налог	21,7	29,6	28
Другие доходы	13,3	18,6	13,9
Налог на хлеб	—	—	24

При таком положении дела коммунистической партии ничего не остается, как можно дальше уйти от пролетариата и социализированного крестьянства, быть над ними, но не с ними. Партия строит социализм. Для кого? Сейчас строительство имеет только один смысл — строительство для партии — для сохранения ее диктатуры. И чтобы продолжать это строительство, нужен живой и мертвый материал. Может быть, этим строительством воспользуются будущие поколения? Вероятно, кое чем и воспользуются. Но мы сейчас говорим о настоящем. Существенные черты настоящего ясны.

Для искренних коммунистов было невыносимо зрелище нэпа, когда «заулюлюкал» частный капитал и когда среда новой буржуазии обильно пополнялись пролетариями, набившими руки на спекуляции в период социалистического строительства Ленина и имевшими в немалом числе случаев «первоначальное накопление», созданное путем «социалистического» распределения «национализированного» имущества бывшей буржуазии.

Но нэп был более приемлем для пролетариата, ибо стало легче жить и открылась некая возможность выйти из пролетарского класса, что практически было более важно, чем сохранение пролетарской классовой солидарности. Но при нэпе «улюлюкал» частный капитал, хотя его стиль был

усвоен и государственным капитализмом советской власти.

Ныне «улюлюкает» партия, которой принадлежат богатые магазины и пьяные кафе... Их хозяин — Сталин. Для входа туда нужны деньги и большие деньги. У пролетария их нет и быть не может, ибо пролетарий нужен для «социалистического» строительства, он должен трудиться и платить.

Так от ликвидации буржуазии и раскулачивания кулачества партия пришла к созданию собственного капитализма.

Уродство такой эволюции слишком очевидно для пролетарских и крестьянских масс.

Но теперь партию это не волнует.. У партии есть правило:

«Будем крыть дальше». **А. Марков.**

ЕЛЕНА УНБЕГАУН

На литературном фронте

Хорошо понимая огромную роль литературы в культурно - общественной жизни человека, советская власть всегда уделяла большое внимание «литературному сектору» на культурном фронте. Она всегда стремилась сделать литературу своим орудием, не только в целях простой пропаганды, но и для более широких задач коренного перевоспитания масс в духе марксистско - ленинских идей. На этом фронте велась постоянная борьба за кадры своих, пролетарских, писателей.

Эту борьбу можно разделить на три периода. Из них первый, годы военного коммунизма, период, когда старые писатели, замкнувшись в свои тесные кружки, почти ничего не писали, уступив место так наз. «пролеткультовцам». Тогда же появилась группа «Кузница», впервые об'единившая писателей и поэтов, вышедших из рабочей среды. Будучи экзальтированно настроенной, она отражала «планетарные» замыслы и упоение победой революции до возникновения нэпа. С нэпа начался второй период в литературе, давший писателям относительную свободу писать без политической тенденции в начавших тогда издаваться чисто литературных журналах: «Вестник литературы», «Дом искусств» и т. д.

Всеобщая передышка после голодного времени гражданской войны сменилась обостренной борьбой между представителями старых литературных традиций и новыми группировками без знаний, но с верой в партию.

Такая группа, как « На посту » (порождение «Пролеткульта»), была в коммунистическом литературном авангарде, но компартия не решалась еще вести решительную атаку на литературном фронте.

Ленин вел политику постепенного завоевания, исходя из соображения, что народную психику насильно социалистической не сделаешь, что она будет меняться в зависимости от успехов экономического социализма.

После его смерти XIII-ый с'езд компартии выносит резолюцию о проведении политической линии в области литературы. Настроение становится подавленным не только у старых писателей, не могущих приять советской власти, но и у молодых, занявших примирительную позицию, например, у «Серапионовых братьев», группы значительной по количеству талантливых имен и по влиянию, которое она оказывала на вышедших из народной толщи писателей.

Это время характеризуется значительным влиянием на литературу чуждых для советской власти элементов и появлением так называемых «попутчиков», если не разделявших чистой идеологии партии, то и не мешавших ей, поскольку эти попутчики верили в возможность экономического под'ема страны и эволюцию советской власти. В этот период еще была возможна свобода художественного творчества вне рамок партийных заданий. С началом же пятилетки одной только лояльности стало недостаточно, понадобилась определенная политическая установка, классовый подход и восхваление «гигантов стройки». Цензура стала уже указывать не только, что писать, но и как писать, а критики, в большинстве своем состоящие из партийцев или старающихся попасть в партию, поддерживали цензуру, критикуя произведения с точки зрения выдержанности идеологии.

Из молодых писателей с социалистической зарядкой были образованы «ударные кадры», посылавшиеся на места для пропаганды очередных лозунгов партии. Эти кадры, в большинстве своем малокультурные, должны были «технически натаскиваться» старыми писателями и попутчиками, в порядке обязательной «труднагрузки». Пользуясь поощрительным вниманием власти, ударники чувствовали себя настоящими носителями марксистских идей, и поэтому относились свысока к «примазавшимся приспособленцам»; тем не менее влияние «приспособленцев» на молодых и талантливых было велико, и критика то и дело уличала начинающих писателей в буржуазных настроениях. Надо было ослабить это влияние, отделив писателей новой формации от попутчиков. С созданием Российской ассоциации пролетарских писателей (Р. А. П. П.) эта цель была достигнута. Ведущую роль в Р. А. П. П. играла ее коммунистическая фракция, она давила

партийным прессом не только на членов ассоциации, но и на попутчиков, принужденных в собственных интересах зорко следить за генеральной линией Р. А. П. П. Эта ассоциация была школой критиков, там создавались теории и методы анализа художественных произведений. Большое распространение получил метод «диалектического материализма», который определял в течение ряда лет характер критики. Вскоре, однако, между отдельными группами внутри Р. А. П. П. началась борьба, в результате которой возглавлявшийся Переверзевым, Дебориным, Стэном знаменитый «Литфронт», впоследствии соединившийся с «Лефом» (Горбачев, Родов) и получивший название «меньшевиствующей школки», был уличен в сочувствии «право-левацкому» блоку Сырцова-Ломинадзе. Р. А. П. П. обвинили в запаздывании с самокритикой, в допущении существования враждебной литературно - политической группы; это повело сначала к реорганизации, а затем и к полной ликвидации Р. А. П. П. постановлением Ц. К. компартии от 23 апреля 1932 года.

Правительство убедилось, что подобные организации могут легко превратиться в замкнутые кружки, враждебно настроенные к генеральной линии партии. Вместо Р. А. П. П. был создан единый союз советских писателей, об'единивший всех «поддерживающих платформу сов. власти и стремящихся участвовать в социалистическом строительстве» писателей. Выбора не было, и «желающими» оказались все, включая попутчиков, которые, как таковые, перестали существовать, влившись в общую массу писателей, подчиняющихся распоряжениям нового союза. Коммунистическая фракция его, непосредственно получающая директивы от партии, сохранила и в этом союзе главенствующую роль.

Пятилетка подходила к концу, нищета и усталость народа явно усиливались, и писатели обязаны были проявлять максимальное напряжение для того, чтобы поддерживать пафос строительства, а между тем тематика и темпы препятствовали развитию писательского мастерства, произведения «ударников» становились трафаретными, назойливыми, отнюдь не достигавшими своей цели. Эта литература вырождалась в «очеркизм», стала хиреть, т. к. отбора по художественным признакам не происходило, нужна была только ударность темы. В большой литературе тоже стала заметна утрата писательской индивидуальности и оскудение художественного творчества; значительные произведения наиболее талантливых писателей общей картины не меняли.

Таково было положение литературы и писателей до с'езда сов. писателей в августе 1934 года, с которого начинается третий период, период всеобщей мобилизации писательских и художественных сил страны. Момент для такой мобилизации был выбран не случайно, и не случайно он совпал с глубокой депрессией охватившей все слои населения, очутившегося снова, после стольких лет страшного напряжения, перед «хромающей» тяжелой индустрией, легкой — «не на высоте» и ширпотребом ниже всякой критики. Даже комсомольцев и сознательных энтузиастов стройки перестали утешать и подбадривать ничтожные « достижения », доставшиеся такой дорогой ценой. Встревоженная власть поняла, что пойти на уступки в экономической политике, на увеличение ширпотреба и т. п., уже недостаточно, что ей надо найти и на будущее время средство, способное зарядить массы энтузиазмом для строительства новой пятилетки: таким средством и явилась литература. Чтобы сделать массы податливым материалом, нужны «инженеры душ», могущие обработать этот материал в духе социалистического мировоззрения. Этими инженерами оказались писатели, от которых теперь потребовали твердо усвоить все инструкции партии по переработке душ. На основе данного «гениальным Сталиным» лозунга «социалистического реализма» с'езд должен был пересмотреть все главные виды литературного творчества, наметить его дальнейшие основные маршруты, приемы и формы. По словам Радэка, «Ленинский Цик, не только сумел наметить пути развития социализма, но он сумел, под руководством тов. Сталина, наметить и столбовую дорогу развития советской литературы». Толкованием этого лозунга продолжают заниматься до сих пор; остановимся на бухаринском определении: «социалистический реализм — это задание, ставящее в центре внимания изображение строительства социализма и борьбы пролетариата», следовательно, с точки зрения марксиста, победа пролетариата есть главный признак творчества социалистического реализма, его «общественный смысл».

Нам невозможно останавливаться в этой статье на стилевых и методологических особенностях соц. реализма, отметим только, что философской предпосылкой его является диалектический материализм. Разница между старым и новым реализмом та, что старый выражал-де собой узкий созерцательный об'ективизм. Узкий, потому что он ограничивался «констатацией сущего», тогда как соц. реализм не только констатирует сущее, но и «подхватывая нить в настоящем, ведет ее в будущее и ведет активно». Оказывается, что этот метод не чужд романтики, но революционной, ибо «старая романтика была связана с идеалистическими парениями в метафизическое измерение», революционная же связана с героикой строительства и «ориентирована на землю во всех ее смыслах».

Писателям рекомендовалось не бояться обвинений в тенденциозности, т. к. в эпоху классовой борьбы аполитичной литературы не существует, и «аспект, отвечающий точно эпохе становления коммунизма, есть аспект борьбы классовой».

Писатели старались усвоить преподанное, причем им была дана возможность развить жесточайшую самокритику, поговорить откровенно об оскудении художественного творчества, о стандартности литературных произведений, о необходимо-

сти интеллектуального роста писателя, наконец, о форме и технике литературного дела.

Получилась иллюзия свободы, но канва и контуры узора были даны партией, спорить приходилось только о качестве и прочности ниток. Компартия желала направить всю литературу по нужному ей идейному руслу и таким образом заставить огромную интеллектуальную силу работать на себя.

Писатели до сих пор продолжают обсуждать темы, поднятые на их с'езде; причины плохого качества и вялости литературы находят в отставании критики, не могущей помогать «четкими политическими оценками идейному перевооружению советских писателей», и в ее низком обще - культурном уровне. Заседания пленума союза сов. писателей (с 2 по 7 марта) были посвящены литературной критике. Целый ряд ораторов: Горький, Беспалов, Шагинян и др., указывая на ошибки критики, намечали ее дальнейший путь.

В чем состоит несовершенство этого важного орудия партии в проведении ее литературной политики? Оказывается в том, что критика сама еще «идейно не перевооружилась», т. к. до сих пор в основе многих критических статей лежат ошибочные рапповские теории. При этом указывалось, что отставание критики явление не случайное, что в основе его лежат причины суб'ективного характера, многие критики до сих пор увлекаются «групповщиной» и «протаскивают» в литературу «буржуазные теорийки», вроде пагубной теории «живой личности», подменяющей реальную борьбу классов изображением «диалектики души». Литераторы же, вместо вскрывания «буржуазных гнойников», сами впадают в грех делая ставку на «самотек» или «здоровую эмпирию» и низводят этим критику до уровня стихийного развития литературы.

Такое состояние критики признано опасным, особенно в момент, когда на очереди стоит перевоспитание мировоззрения писателей, перешедших на позиции пролетариата, в момент, когда критика должна быть особенно бдительной, чтобы не проглядеть в творчестве проявления буржуазной идеологии. Беспалов обвинял критику в «дегустаторском» и «комментаторском» методе анализа художественных произведений и в формализме; из его речи явствовало, что большевистские критики должны уметь сочетать эстетическое с политическим.

Горький, делая по существу правильные упреки в малом знакомстве критиков с западной литературой, в упадке культуры русского языка и неумении овладеть наследством прошлого, тут же давал пояснения, что для языка нужно расширить «основные категории марксистско - ленинской эстетики», а для правильного усвоения прошлой культуры нужен критический классовый подход, нужна своя история литературы, построенная не на «об'ективистской» оценке прошлого, а на принципе партийности.

Итак мы видим, что в литературе и в литературной критике принцип классовой борьбы упорно ставится на первое место и, очевидно, не без основания, т. к. классовый враг «пытается оказывать сопротивление победоносному социализму, выступая нередко в замаскированном виде».

Действительно, следя за советской литературой, нельзя не заметить этой «замаскированной» борьбы, нельзя не почувствовать трагедии советских литераторов, принужденных подходить к жизни человека с заведомо ложными предпосылками социалистического реализма. Поистине, нужна была вся ограниченность партийной схоластики, чтобы превратить относительную истину социалистического реализма в абсолютный догмат, обессиливающий умственную пытливость и сковывающий развитие индивидуальных способностей.

Трагедия советских литераторов заключается в отсутствии свободы, одухотворяющей внутреннее содержание человеческой личности и являющейся необходимым условием художественного творчества. Но это — трагедия сознательных «инженеров душ»; те, кто не ведают, что творят, рады были получить указания учиться даже и в писательской технике «простоте и силе языка у Сталина». Трудно предугадать, как советские писатели найдут те пути, по которым можно будет итти, руководясь совестью и необходимой об'ективностью художника; еще труднее представить, как уложится литература в мертвую схему политических построений партии.

Елена Унбегаун.

Д. МЕЙСНЕР

Смена

Прежде всего о ком речь? Будем говорить, в этот раз, не о среднем поколении, не о прошедших войну (великую или хотя бы гражданскую), а о тех, кому выпало на долю расти или за пределами родины (эмигрантская смена), или при большевистской власти, без сознательных воспоминаний и впечатлений о России дореволюционной (советская молодежь). Итак речь идет о подлинной, на этот раз, молодежи.

Так называемое третье поколение эмиграции, в своей интересующейся «политикой» и активно тяготеющей к родине части (увы, это далеко не большинство) склоняется к одному из двух полюсов.

Один из них назовем **националистическим;** это — те, кого в своей блестящей, хотя и спорной статье в последней книжке «Современных Записок», проф. Федотов определил, как поклоняющихся новому идо-

лу — крайнему, прямолинейному **национализму**, в сочетании с резко непримиримым отношением к русской революции. Наиболее последовательно по этому пути идет молодежь, об'единенная в так называемый «Национальный союз нового поколения». Молодые люди этого нового течения достаточно самонадеянны; политическое летоисчисление эмиграции они начинают со дня вступления в жизнь своей организации, все, бывшее до сего знаменательного события, представляется им не заслуживающим особого внимания. Эта об'ективно неоправданная, самонадеянность, сама по себе, не была бы так плоха и во всяком случае была бы совершенно естественна для молодых голов, вкусивших первый трепет политических выступлений, будь в позиции Н. С. Н. П. подлинная новизна, живое слово и яркое действие. **На самом деле этого вовсе нет.** Молодые эмигрантские националисты лишь повторяют азбуку активистско-непредрешенческой грамматики, в ее самом упрощенном варианте. Дело сводится к тому, что вместо политических программ и «партийности», вместо «размагничивающего» «анализа» русского революционного процесса, вместо идеологической подготовительной работы для будущей России, — предлагается **немедленное действие.**

Н. С. Н. П. презирает «политиков» и противопоставляет им своих офицеров и солдат «русской национальной революции». Высшее достижение — пойти **сейчас** туда и «взрывать»; но это задача для избранных, остальным остается организация «тыла» революционной борьбы, поднятие духа, закалка воли и решимости у очередных жертв и преклонение перед своими героями.

Упрощенный активизм в свое время безраздельно доминировал в среде Обще-Воинского Союза, Национального Комитета, Р. Ц. О. и других, называющих себя почему то «национальными», организациях. Сейчас эти люди, с одной стороны, постарели, с другой, — многому, очень многому научились. Стали допрашивать, часто «с пристрастием» своих водителей, почему же всетаки из их (водителей) активизма ничего не вышло, почему воз на том же месте; стали пересматривать свое отношение к родине и к происходящей в ней революции.

И вот на смену этим «уставшим», а вернее, прозревшим или прозревающим, пришла сравнительно юная молодежь и подперла, как могла, своими плечами (и головами) ветхое, осужденное на слом здание.

Жаль, если под его развалинами останутся новейшие участники омоложенного активизма. Жаль, потому что среди «национальной молодежи» есть чистые сердца, действительно рвущиеся к родине.

Как же предполагает осуществить свое основное задание Н. С. Н. П?

Как скорее воспитать революционные неустрашимые кадры?

Прежде всего устраняется излишнее обременение головы ненужными, ведущими к сомнению сведениями: вместо политического образования — политграмота. Затем признается необходимость психически и физически тренировать «бойцов» — отсюда разного рода гимнастические кружки и военные курсы, выпускающие заграницей в 1935 году в русскую армию новых унтер. офицеров (вариант весеннего похода окончательно еще не похоронен). Наконец, самое главное: железная дисциплина и неукоснительно проводимое авторитарное начало в Союзе. Все подчинены старшему вождю организации в каждой стране свои местные «дуче», все подтянуто, прилажено, приглажено, в газете «За Россию» из номера в номер смелые, если не сказать иначе, призывы.., а... воз по-прежнему на месте...

Взвинченная энергия истощается, напряженные нервы устают, воображаемые полки не строятся, террор внутрироссийский идет по иным, чуждым, каналам...

Не нужно быть пророком, чтобы сказать, что «национальной молодежи» еще предстоит пережить крушение надежд и искать более прочной опоры для патриотизма и антибольшевизма, чем запоздалый пересказ призывов «Общего Дела», раздававшихся десять - тринадцать лет тому назад. Этот процесс обращения к книге, к изучению русского прошлого, советской действительности и хода событий последних лет, как будто, уже начался. Учеба, не с чужих агитационных слов, а в ином более углубленном порядке, может действительно выбрать из рядов «национальной» молодежи крупицы той смены, которая так нужна родине.

Для этого, однако, придется отказаться от ура-активизма и тех чисто эмигрантских шор, которыми снабжает зарубежную молодежь часть эмигрантских средних школ.

Обратимся теперь к антиподам «национальной» молодежи — к так называемым «пореволюционерам», берем это слово, по понятным соображениям в кавычки.

И эти имеют, конечно, своих идеологических отцов: это евразийцы, утвержденцы (Ширинский-Шихматов), отчасти Устрялов, национал - большевики и т. д.

Если для воспитанников белградских закрытых корпусов и гимназий — революция — бунт, спровоцированный зловредными либералами и социалистами — и только, — для «пореволюционеров» дело обстоит совсем иначе. Они прямо заявляют: нельзя отрекаться от России, какова бы она ни была». Нужно, говорят они, жить не своими эмоциями по отношению к уходящей России, а приобщиться к новой, «становящейся» России; в этом основная задача, от способности осуществить которую будет зависеть политическая судьба эмиграции и ее молодой части, в особенности.

Само по себе это положение справедливо, как теперь принято говорить, на «все 100%» и никто другой, как РДО и вся так называемая «новая тактика» его председателя, этот основной тезис выдвинули; мы помним, с какой страстной нетерпимостью было воспринято это положение и вытекающие из него политические выводы, на заре эмиграции.

Какое, однако, употребление делют молодые пореволюционеры из этой верной установки?

Идейно они непримиримы к коммунизму; возрождение родины они мыслят на началах, прямо противоположных марксистским (примат духовного начала, православие, мессианский **национализм, а не интернационализм)**. Вместе с тем принятая ими основная установка обязывает; они понимают, что револьвер, особенно эмигрантский, не решает дело. С другой стороны, они **спешат;** как и молодым националистам, им не терпится, им нужен хотя бы усладительный самообман. И вот из ряда верных посылок, путем доведения принятых точек зрения до незаконной крайности, делается глубоко ложный и опасный вывод.

Суть в том, что **желаемое** принимается за **сущее.**

Пример: для «пореволюционеров» процесс революции не стоит на месте, он эволюционирует (вполне справедливо **Д. М.**) в сторону изживания коммунизма, революция «национализируется» (тоже справедливо) и дальше оптимистический скачек: необычайно затрудненный, замедленный процесс изображается идущим полным ходом и оказывающимся не у **начала,** а у **конца** своего пути. «Национализация» революции в полном развертывании, и едва ли не сам Сталин призван к осуществлению этой миссии.

Раз так, — «пореволюционеры» тоже отправляются в **свой,** правда только идеологический, поход навстречу национализированной советской молодежи и, конечно, сбросив с себя «контр-революционные» все равно левые или правые эмигрантские одежды. Естественно приходится из принятой позиции делать определенные политические выводы и «принимать» революцию в ее теперешних очертаниях, делая веселую мину при скверной игре.

Эта «авангардная» позиция Е. Д. Кусковой, публицисту, которого никак нельзя заподозрить в эмигрантской исключительности, приводит на ум слова поэта:

«Дерзновенны наши речи
На смерть осуждены
Слишком ранние предтечи
Слишком медленной весны».

Впрочем этими словами говорили о себе сами утвержденцы.

Практически получается самоотверженное таскание из огня чужих каштанов, которые, увы, оказываются все в том же большевистском кармане. Пореволюционеры преждевременно теряют непримиримость к сегодняшней московской власти и этим рубят сук, на котором вместе со всей эмиграцией, сидят. **Туда** их все равно не пустят, ибо там нет того, что им представляется, а **отсюда** они себя слишком легкомысленно отрывают.

На примере евразийцев мы уже видели, что получается из непременного желания «не отстать» от советской действительности, от могучей поступи революции (вообще курьезно, что для **по**-революционеров — высшее божество — революция). Мы помним увлечение лидера евразийцев первой пятилеткой, предсказывавшего чуть ли не большие достижения, чем сами большевики. Им была развернута обновленная теория перемежающихся циклов под'емов и падений экономической жизни России, причем I-ая пятилетка оказывалась периодом законного под'ема, лишь (в общем удачно) организованного большевистской властью. Та же тенденция, то же стремление во что бы то ни стало **не отстать** в революционности от большевиков заставила евразийцев отнестись положительно и к колхозам.

И вот теперь наступили дни явного отбоя, евразийцы прямо говорят о полном разорении деревни и общей дезорганизации всей экономии страны. И «циклы» соответственно переименованы: уже не «под'емы» и «падения», а «напряжение» и «передышки» (недавний доклад П. Н. Савицкого в Праге, в Свободном Университете).

Большевики последние годы, говоря символически, быстро переключаются с трактора на доброго коня, выдвинув его верного барда Буденного, а «пореволюционеры», уверовав в божественный трактор и, примостившись на его облучке, оказались, без нужды, в очень смешном положении.

И еще, о главном!

Уже пришлось говорить об удивительном несогласовании термина **пореволюционность** с преклонением перед **революцией,** при котором парижские «пореволюционеры» пользуются терминологией (революция с большой буквы и т. п.) красных апологетов в первые месяцы великой, октябрьской...

В теперешних советских правителях, особенсти более молодых, гораздо больше подлинной пореволюционности, чем во всем парижском клубе этого наименования.

Реальная пореволюционность будет, думаем мы, характеризоваться чертами, обратными тем, которыми награждают ее сегодняшние «пореволюционеры». Это будет не восхваление божественной (все равно в данном случае коммунистической или «национальной») революции, а крайнее от нее отталкивание, что, конечно, не противоречит незыблемости ряда ее завоеваний, утомление от ее планетарных заданий и страданий. Это будет стремление к партикуляризму и «мещанскому» благополучию, ко всяческой устойчивости и умеренности, **кроме жажды личного** успеха и сытости, эта жажда будет много лет ненасытной. Это будет время равнодушия ко всякому мессианству — социальному и национальному. И,

наконец, основное и самое главное, это будет временем стихийного грубого прямолинейного и **неукротимого** тяготения к **частной собственности.**

Вот черты подлинной пореволюционности. Как непохожи они на романтику неудачников революции, желающих играть с отыгранной краты.

Конечно, эмигрантская «смена» не исчерпывается перечисленными выше группами, в этот раз мы остановились только на них потому, что именно они заявляют себя с особой настойчивостью.

Что можем сказать теперь о сюжете неизмеримо более существенном, о **смене внутрироссийской?**

Если мы можем свободно знакомиться с идейными движениями, происходящими в эмигрантской среде, не только потому, что среди нее живем, но, прежде всего, потому что она, правда не всюду, находится в обстановке свободного формирования своего общественного мнения, то совсем иное положение у нас относительно российской молодежи. Только собирая по крупицам сведения из советской литературы и прессы, только прислушиваясь к доходящим из России отдельным голосам, приходится строить общие выводы и заключения. Тут нет места для детальной характеристики тамошней смены, тамошнего «третьего поколения», тем более для доказательств в пользу приводимых положений. Приходится ограничиваться перечислением основных тезисов:

1. Внутрироссийская молодежь, выросшая в обстановке господства большевизма, в своей огромной части чужда или равнодушна к марксизму - ленинизму - сталинизму, который воспринимается как обязательный «защитный» догмат.

2. В противоположность «второму «поколению», участвовавшему со старшими идеологами большевизма в борьбе за углубление революции и овладение страной, сов. молодежь **никогда** не знала подлинного революционного пафоса или энтузиазма гражданской войны. Пафос, приписываемый молодежи в годы усиленного социалистического строительства, преувеличен в эмиграции. Поскольку он имелся на лицо, — он питался не революционной верой в социализм, хотя бы и в одной стране, а надеждой на улучшение жизни в стране, на общий экономический под'ем («догоним и перегоним»), и, наконец, личными благами, связанными с «ударничеством», «выдвиженством» и т. д.

3. Вышедшая, в противоположность эмигрантской молодежи, из социальных низов советская молодежь элементарна в чувствах и мыслях, недоверчива, практична, до кончиков пальцев. Еще в гораздо большей степени, чем эмигрантская молодежь, советская молодежь закалена в жестокой борьбе за существование.

4. Начавшая с оффициального презрения к «буржуазной культуре» она с каждым годом все более к ней обращается и **приобщается.** Сильными своими зубами она не только «грызет гранит науки», в целях приобретения технических сведений и навыков, но и начинает думать о продолжении культурной традиции. Пусть молодая эмиграция к этому явлению присмотрится.

5. Она не осознала еще реально и конкретно своей национально - государственной ответственности, но инстинктивно ее она очень чувствует; свою страну она любит и без боя никому ее не уступит.

6. Она много холодала и голодала и больше всего ценит тепло и сытость. В ней много издерганности и утомления, но еще больше природных сил, веками накопленных в толще русского народа.

Вопрос последний. В чем задача эмигрантской политической мысли в отношении подсоветской российской молодежи?

В том, чтобы, по мере наших сил, пытаться оплодотворить ее девственную душу сознательным патриотизмом, в том, чтобы навыки, воспитанные деспотией большевиков, смягчить и, если возможно, заменить идеей права и уважения к человеческой личности. В том, наконец, чтобы этим людям, кровно, нутряным, интимным образом, связанным с низовым народом, бросить оформленный лозунг народовластия, т. е. подлинной демократии, стихийно в них живущий, близкий и не могущий быть непонятым их восстающей «плебейской гордости».

Этими людьми, в первую очередь, и будет строиться пореволюционная Россия. Нужно только связать нити русской культуры, порванные революцией и вселять в молодой русский люд, наряду с ненавистью к устаревшей революционной власти, веру в его собственные силы.

Д. Мейснер.

А. АЛЕКСАНДРОВ

Младоросский блефф

Сейчас больше всех шумят младороссы. Они, что называется, вошли «в моду». Доклады «главы» собирают громадную аудиторию любопытных. Младороссы горделиво кричат о своих политических успехах и претендуют на общее водительство всей эмиграции. Внешний рост младороссов как будто не подлежит сомнению, но ценность его сводится на нет чрезвычайно низким культурным и политическим уровнем последователей этого движения. Чтобы не быть голословным, сошлюсь на

авторитетное заявление отдела подготовки кадров Союза Младороссов. «Как только Центр начинает требовать серьезной работы и отчетности, возникает болезненное состояние, почти кризис. Полигруку часто приходится подолгу останавливаться на элементарных вещах, получаются то скачки с предмета на предмет, то топтание на месте. Идеи, затронутые в лекциях, проникают в сознание отдельных младороссов. В то же время другие младороссы отвыкли **или просто не умеют глубоко думать»** («Млад. Иск.» от 1 фев. 1935 г., подчеркн. мной **А.**).

Эта официальная характеристика той общей массы, из которой должны формироваться политические кадры, показывает, что ошибочно преувеличивать успехи этого течения.

Какова же всетаки та духовная пища, которая до поры до времени — до тех пор, пока адепты этого движения не научатся «глубоко думать» — удовлетворяет невзыскательную часть эмигрантской молодежи?

Мне уже приходилось в докладе, сделанном в РДО, отмечать полную неоригинальность и беспомощность историко - философских взглядов младороссов. Все их творчество в этой области заключается в пересказе или в текстуальном воспроизведении отдельных цитат из писаний Льва Тихомирова, Достоевского, К. Леонтьева и Гоголя («Переписка с друзьями»).

Их родословная ведет к реакционному крылу славянофильства. Главный тезис младоросской доктрины заключается в том, что наследственная природная монархия воплощает неизменный «гений нации» в противоположность грешной, заблуждающейся «воле народа», которую поэтому рекомендуется заковать в монархическую колодку, вместо нынешней коммунистической.

Но мы являемся современниками фашизма в Италии и гитлеризма в Германии. Эти движения не могли не наложить своего отпечатка на дух и характер младороссов. Идея «вождизма», признающая непререкаемый авторитет вождя - главы, стоящего на вершине иерархически - построенного ордена, соблазнила честолюбивого, с непомерными претензиями нынешнего возглавителя младороссов. Он, повидимому, возмнил себя русским Муссолини или Гитлером.

Младороссы выбрасывают лозунг... «догнать и перегнать Германию». Но причем в таком случае легитимный принцип? Идеологически младороссы делают ударение на природности монарха и в то же время слепо копируют итальянский и гитлеровский образцы. Как известно, Гитлер резко отрицательно относится к бывшей германской династии. В Италии, — в иных исторических условиях, при существовании монархии, фашизм уживается с короной, сведя ее роль к чисто декоративному назначению. Другими словами, легитимный принцип, несомненно по духу, по смыслу противоречит фашистской доктрине, черпающей свой пафос отнюдь не в верноподданнических эмоциях.

Но наши неисправимые монархисты — последыши своих отцов — во что бы то ни стало хотят протащить любезный их сердцу институт самодержавия и не стесняются, в целях маскировки своих архи-реставрационных задач («назад к Александру III»), напускать побольше ультра-модернистского тумана.

Если мы наблюдаем «неувязку» в самой, с позволения сказать, идеологии младороссов, то прямо пропасть существует между доктриной и применением ее к конкретным политическим условиям — тактикой.

Главная тема теперешней проповеди младороссов — вера в русский народ, в его жизнеспособность, творческие неиссякаемые силы.

Отсюда оптимистический взгляд на развитие и исход русского революционного процесса. «Бодрость!» — так называется еженедельный парижский листок младороссов.

Но признание того, что в России под большевиками жизнь не остановилась, не представляет их выдумки. Авторство формулы — **жизнь вопреки большевикам** — принадлежит во всяком случае не Казем-беку. Она была провозглашена П. Н. Милюковым («Новая тактика») еще в декабре 1920 года, когда младороссы и в проекте не существовали. Но развязность последних позволяет им не только приписывать себе честь открытия этой истины, но и брать ее в безраздельно монопольное обладание. Этот мотив перепевается бесконечное число раз — вот, якобы грань, которая разделяет младо - эмигрантов от обанкротившихся старо - эмигрантов. Это утверждение верно лишь постольку, поскольку здесь имеются в виду монархическое и непредрешенческое крылья эмиграции, но оно просто смешно в отношении всего левого сектора. Тут уместно призвать молодых людей к скромности. Призыв, между прочим, бесполезный, т. к. из статьи Казем-Бека о роли рекламы в политике, мы знаем, что все эти передержки делаются сознательно, ибо демагогия — главная движущая пружина всего младоросского движения.

Дело, однако, не в этом. Признаем положительным явлением, что мысль П. Н. Милюкова и его единомышленников о «комсомольском патриотизме», напр., уже не вызывает диких криков об «измене», «предательстве», а становится достоянием широких эмигрантских кругов.

Но вот из правильной посылки делаются скороспелые, непродуманные выводы. Наблюдая русскую жизнь, младороссы приходят к решительному заключению — сталинизм сдает свои командные высоты, от коммунизма не осталось и следа, происходит процесс национализации и фашизации России. Признаки этого перерождения — бурный рост патриотизма, расцвет культа сильной героической личности, стремление к зажиточности, ликвидация уравниловки и т. д. и т. д.

Нам меньше всего приходится замалчивать процессы эволюции русской жизни. Демократическая периодическая печать постоянно уделяет этой теме самое пристальное внимание. Достаточно сослаться на яркие фельетоны Е. Д. Кусковой, тонко подмечающей малейшие изменения в России. Мы, однако, не станем придавать такого преувеличенного значения частичным вынужденным уступкам Сталина.

Чувство меры чуждо младоросским публицистам, «рубить — так сплеча». В «Бодрости» (6 января) мы читаем напр., такие строки: «по мере того, как пробуждались творческие силы русской нации, линия Сталина все больше отходила от теории, политика его более теряла сектантский характер и приобретала характер государственнический и великодержавный, несмотря на грубость приемов и неразборчивость в средствах». «Выстрел Николаева не запугал Сталина. Наоборот, он окончательно бросил его в руки «правых». Сталин стремится опереться на основные силы России: на армию, на крестьянство на техников, на «знатных людей».

Приписать такую степень сознательности и искренности очередным зигзагам оппортунистической политики Сталина мы отказываемся. Оставляю в стороне подробный анализ русской действительности, вопрос до чрезвычайности сложный, требующий иного, «не-младоросского», с заранее подготовленной схемой, подхода.

Но перейду к главному — какие у младороссов основания расценивать эти уступки, как свою победу, приближающую к осуществлению их собственного идеала — легитимной монархии? Заголовки одного из номеров «Бодрости» гласят: «жизнь побеждает, доктринеры проваливаются, младороссы наступают». Почему провал одних доктринеров — коммунистов — означает «наступление» других доктринеров — легитимистов?

Эр-дэки тоже говорят — «жизнь побеждает», они также полны веры в родной народ. Но эта вера и эта ставка на жизнь у них органически и последовательно вытекают из общего политического миросозерцания: русский народ заслуживает права на распоряжение своей судьбой, на самодеятельность, если и под страшным гнетом большевизма он сохранил свою жизнеспособность и обнаружил поразительную сопротивляемость (в разных формах) и живучесть. Отсюда — наше требование раскрепощения России, в рамках свободного демократического строя.

Совсем иная позиция должна быть, рассуждая логически, у монархистов - младороссов. Монархическая доктрина и практика (вспомним историю последних царствований) построены на принципиальном **недоверии** к народу: нужно держать народ в искусственно «подмороженном» состоянии. Недоверие к народу лежит и в основе авторитарных диктаторских режимов: власть **над** народом, а не **через** народ.

И вот, считая идеальной формой для России легитимную монархию плюс диктатуру «главы», младороссы, одновременно, заявляют о своей вере в народ и т. д., употребляя прямо «народническую» словесность. Нет, это вещи несовместимые. Из оптимистического, бодрого взгляда на русский народ и возможности, в нем заложенные, никак нельзя сделать вывода, что его спасение в замене коммунистического диктатора Сталина младоросским «главой» Казем-Беком с императором Кириллом в придачу.

Не ищите здесь логики и внутренней связи. Пред нами одно из многих неразрешимых противоречий «многосмысленного» младоросского движения.

Отметив эту коренную неустранимую «неувязку» между основным тактическим лозунгом и доктринальной сущностью монархизма, остановлюсь на одном частном, однако же, очень существенном моменте — на вопросе о роли и ценности человеческой личности.

Младороссы с восторгом пишут о победе человека над «марксизмом». «В России развился настоящий «культ человеческой личности». Живым людям ставят памятники». Верно, в результате тяжелого большевистского опыта, приходится возвращаться к преждевременно развенчанной в пользу коллектива человеческой личности. Да, в речи 26 декабря 1934 г. на приеме представителей металлургии Сталин произнес «исторические» слова, что «техника без людей мертва, надо беречь каждого способного и понимающего работника» и т. д.

Но каким образом выдвижение личностей, «культ героев», процесс человеческой дифференциации знаменуют приближение жизни к младоросскому идеалу? Напомним читателю, что в основном идеологическом сборнике «К Молодой России» самые едкие и уничижительные выражения направлялись как раз по адресу человеческой личности, и той идеологии, которая во главу угла ставит непререкаемую ценность человеческой личности — идеологии политического либерализма. Приведу одну характерную цитату из старого издания младороссов «Оповещение»: **«младороссы за коллективизм,** т. к. в индивидуализме видят один из корней животного эгоизма и шкурничества, свойственных современному человечеству». Комментарии, как говорится, излишни.

В своем докладе в 1933 году Казем-Бек, характеризуя тактику младороссов, заявил, что «младороссы исповедуют совершенно сознательно тактический оппортунизм». И далее, «наша идеология указывает нам цели, которыя мы должны достичь ценой любых жертв и эти цели остаются неизменными при любых обстоятельствах». Тут правильно противопоставление неизменной цели гибкому, меняющемуся средству, но... это верно до известного предела: есть средства, радикально искажающие самое цель, заменяющие одну цель другой, ей противоположной. Существует какая то граница, когда тактика переходит в программу и тактический в известных пределах допустимый оппортунизм вырождается в программную беспринципность и чистейший авантюризм.

Такая неустойчивость тактической позиции обнаружилась в вопросе громадной важности — в отношении младороссов к возможной войне России с ее соседями на Западе и Востоке.

Посмотрим, как определяет «глава» свою точку зрения на эту проблему.

В январе 1934 года им выдвинута звучная формула: «освободиться внутри и защититься во вне». В своем докладе Казем-Бек так раскрывал ее содержание: «если иностранное нашествие начнется до свержения власти, зарубежные кадры должны быть брошены в Россию для определенных прямых действий, имеющих целью захват власти в период осложнений, вызванных войной. **По достижении** этой основной цели — все внимание обороне и ликвидации войны. Место русских в этом случае: ни на стороне красных, ни на стороне иностранцев».

В печати было указано на недоговоренность и туманность словесной ткани Казем-Бека. Очевидно, если заняться тем, что рекомендует оратор, то задача обороны оказалась бы не выполненной.

С другой стороны, отвергая участие русских на стороне иностранцев, Казем-Бек в докладе намекал на возможность какого то соглашения с японцами в Манчжурии. Это заявление сводило на нет всю анти-интервенционистскую политику «главы».

К этому нужно прибавить какие то неясные соглашения в Берлине с Аваловым, Вонсяцким и К-о.

И вот предо мной «Искра» от 20 сентября 1934 года. Оказывается, бедный Казем-Бек не понят. Противоречия между двумя частями его формулы нѣт: Их нужно понимать **в хронологической последовательности.**

«Глава» характеризует позицию младороссов **во время войны** в таких выражениях: «Если мир нарушен и возникла война, на первый план выступает другой момент — оборона внешняя. **Тогда вопрос борьбы с властью отодвигается во времени до окончания войны.** Практически в этом случае устанавливается политическое перемирие. В условиях войны— борьба за победу и **после победы** — за национальную революцию». Больше того: живое воображение Казем-Бека готово рисовать картину «переговоров, которые комвласть могла бы вести непосредственно с младороссами в случае внешней войны. Но тут оставалось бы в силе условие, составляющее младоросскую программу - минимум» (то есть устранение комвласти).

Сличая две приведенные выше выдержки, нельзя не констатировать полной перемены фронта на протяжении 8 месяцев.

Такое существенное изменение точки зрения в очень важном вопросе представляет яркий пример тактического оппортунизма, граничащего с общей беспринципностью и несерьезностью.

Не забудем, что по каким то невыясненным причинам в этот промежуток времени расстроился союз Казем-бека с Вонсяцким и К-о, от которого ожидались «великие и богатые милости».

Когда эти надежды не оправдались, у младороссов сразу открылись глаза на подозрительную и малопочтенную сущность г. Вонсяцкого, и против него были направлены ядовитые «стрелы в цель» (отдел печати в «Бодрости»). К сожалению, это «просветление» вышло небезкорыстным, а потому неубедительным.

В одном из докладов Казем-Бек выставляет в основе правильное — опять таки заимствованное им у левой эмиграции — требование: **исходить из советской действительности.**

Конечно, реальный политик должен исходить из конкретной обстановки, на ней базироваться. Но здесь подстерегают политика две опасности: первая — плестись в хвосте событий, пассивно за ними следовать, забывая о своих собственных принципиальных установках и задачах. Это то, что получило название фактопоклонства. К этой категории принадлежит, например, преклонение перед пятилеткой, ее темпами, энтузиазмом строительства и т. д.

И есть другая опасность — доктринерского прожектерства, политической маниловщины, игнорирования реальных условий, при составлении своей программы и тактики. «Лозунг должен отражать реальность», правильно заявляют младороссы, и одновременно выдвигают совершенно фантастическое положение: «царь и советы».

Перечитывая внимательно младоросскую литературу, я нигде не нашел никаких доказательств, что народ, свергнувший самодержавие, пройдя сложный революционный путь, захочет завершить его возвращением к исходной точке — к самодержавию наследственного царя. Это не доказывается, потому что недоказуемо.

Наоборот, младороссы скорее вынуждены признать, что почвы для монархии в России нет.

«Младороссы считают совершенно необходимым завершить разработку нового русского монархического учения, т. к. без предварительной монархической пропаганды в России трудно рассчитывать, чтобы любой русский Бонапарт мог осознать в себе Монка», читаем мы в «Искре».

Поэтому, в ожидании лучших времен, младороссы удовлетворяются программой - минимум: стать второй советской партией, упразднив компартию, и провести следующие реформы: «провозглашение религиозной свободы (только религиозной! **А. А.**), отказ от мировой революции, прекращение классовой борьбы и решительный переход к политике социального сотрудничества, постепенный переход от государственно - капиталистического хозяйства к корпоративно - кооперативному».

От выполнения программы - минимум до осуществления программы - максимум расстояние и психологически и политически громадно.

Идти прямо с монархическими лозунгами, по признанию самих младороссов, безнадежное предприятие.

Не отказываясь в своей программе от доктринерства, они становятся на путь фактопоклонства в тактике: некритически оценивают советскую действительность, скорбят по поводу убийства Кирова, молчат в связи с массовыми казнями и одновременно преклоняются в верноподданническом экстазе перед императором Кириллом.

Могий вместити эту чудовищную мешанину, да вместит! Но искать логики, гармонии и соответствия между ближайшими задачами и конечными целями, между программой и тактикой — бесполезно.

Однако, «только при наличии их полной согласованности может возникнуть сильное и здоровое политическое движение», правильно утверждает «памятка младоросса».

Вместо согласованности мы видели лишь нагромождение противоречий, вместо ясности — недоговоренность и двусмысленность. Прав П. Н. Милюков, словами которого закончу свою статью: «младоросское движение, как **идейное** течение просто не существует».

Александр Александров.

И. ДЕМИДОВ.

Живая душа

(Памяти А. С. Милюковой)

Поколениям, выросшим, сложившимся и вступившим в ряды русских общественных работников в XX-ом веке, трудно и даже невозможно в полную меру оценить духовные силы тех русских выдающихся деятелей, чья первая половина сознательной жизни совпала с тремя последними десятилетиями прошлого столетия — невозможно потому, что слишком различны эти две соприкасающиеся эпохи, точно между ними лег целый ряд десятилетий: что требовало в те времена почти геройских сил, за что шла борьба в буквальном смысле на жизнь и смерть, с начала XX-го века стало общепризнанным положением, повседневным явлением обыденной жизни, не требовавшим почти никаких усилий. И при оценке этого прошлого и его борцов надо всегда помнить, что это изменение в лике России, это появление новой России — есть результат славной победы русских «живых душ» того времени, самоотверженно и смело отдавших себя на служение этой новой России, несмотря на всю, казавшуюся тогда, безнадежность намеченной цели. По истине, их вера сдвинула вековую гору темноты и бесправия.

Я не историк и не социолог, но едва ли ошибусь, если скажу, что в этой борьбе за право человека вообще и женщины в частности ни в одной стране и ни в одну эпоху жизненное влияние и историческое значение женщины не были так плодотворны, как в России.

Последняя четверть XIX-го века? Двадцать пять лет темного безвременья, мертвого правительственного штиля и торжествующей реакции, сменивших и задушивших сдвиг и воодушевление «эпохи великих реформ» и лютой ненавистью ненавидевших идеалы и вдохновителей этой эпохи, включая сюда и самого императора Александра II-го. Теперь трудно поверить, что когда — уже в начале XX-го века — бывший московский городской голова князь В. М. Голицын, в своей приветственной речи Николаю II-му на место традиционных слов о «незабвенной памяти вашего отца - миротворца» вставил выражение о «светлой памяти вашего великого деда, царя-освободителя», то ответом на эту смелость и «вольность» были «высочайшее неудовольствие» и злобное шипение влиятельных реакционных кругов: как, на сцену опять выплывает этот «освободитель» и «конституционалист»?! Это случилось в XX-ом веке! Пусть же современный читатель представит себе атмосферу 70-ых, 80-ых и 90-х годов. Для меня это — период детства, отрочества и юности, для поколения предшествующего, к которому принадлежат А. С. и П. Н. Милюковы, — время юности и зрелого, уже ответственного возраста, время сложившегося миросозерцания, установившихся убеждений, избранного пути и ответственной работы.

И вот, — «чем ночь темнее, тем ярче звезды»... Среди этой ночи ярко горит звезда одной из ряда выдающихся русских женщин — этих «живых душ» среди «общественного кладбища» — образ А. С. Милюковой. Именно там, в столь недавнем, для многих из нас еще живом, но и столь далеком и невероятном прошлом творчески и деятельно выявились духовные силы так неожиданно ушедшей от нас А. С.

Позднее — нам младшим — легко было понять, что с 60-х годов Россия вступила в новую эпоху, что ей нужны новые люди, но увидеть это тогда, когда и сила власти и авторитет общества, за немногими исключениями, были направлены на то, чтобы задушить и искалечить новую Россию, — тогда увидеть это, поверить в это и отдаться этому? Такой вывод был по силам только действительно «живым душам», и вывод этот лег в основу всей жизни А. С. Милюковой.

Позднее, — опять таки более молодым, — ко-

гда право женщины на высшее образование «было завоевано» и стало общепризнанной истиной как в семье, так и в обществе, девушкам легко было «итти на курсы» и получать университетский диплом, но тогда, в эпоху недоброй памяти Толстых и Деляновых, когда быть курсисткой значило быть поднадзорной, когда женские университеты преследовались и «закрывались», — этот шаг требовал от русской девушки большой любви к науке и знанию, сильной воли для борьбы с патриархальной традицией семьи и с заскорузлой психологией общества. Именно через это должна была пройти А. С., и она не отступила, не согнулась, а победила и прошла, причем ей не легко должна была даться ее победа. Троице-Сергиева лавра, духовная академия, отец ее — сначала профессор, а потом и ректор этой академии, — веками установившийся консервативный уклад мысли и быта стояли глухой стеной перед «узренной» новой жизнью новой России. Но «живая душа» не испугалась неизбежного разрыва: с тремя рублями в кармане А. С. ушла из семьи, от покоя и обеспеченности, на трудный и опасный путь пионерки, чтобы самой завоевать себе и свою жизнь и свою культуру.

Так с любовью к России и ее народу и с верой в их новую жизнь, с любовью к науке и знанию и с верой в свои силы А. С. вышла на свой жизненный путь. Трудный, но не самый трудный, шаг был совершен. Настоящее испытание было еще впереди, и сколько начавших победоносно, потом «складывали оружие» и «уходили в свою жизнь». В средней школе, в университете перед юношей или девушкой стоит вопрос о них самих — что с собой и из себя сделать? Дело, конечно, не легкое и ответственное, но все-таки личное; горизонт такой ответственности сравнительно узкий: можно «подавать надежды», но их «не оправдать», от этого жизнь еще не становится «разбитой». Действительная ответственность — и уже не только перед собой, а и перед обществом и перед родиной — наступает с той минуты, когда перед человеком встает другой вопрос, как и где «применить себя», к чему приложить свои силы и все то, что дала школа. Как построить новую жизнь, чтобы она соответствовала созданным идеалам и полученным заветам. И здесь эпоха, атмосфера, обстановка играют громадную роль: они могут и воскресить и убить. В эпоху под'ема все легко, в эпохи упадка все трудно. К этой ответственной минуте своей жизни А. С. подошла во вторую половину 80-ых годов, т. е. в самые темные годы русской реакции второй половины прошлого века. Сколько «живых душ», не выдержав этого страшного испытания, в те годы «умерло» (особенно в провинции); у скольких от отчаяния опустились руки, сколько из них готовы были поставить крест над Россией. Надо сказать, что лично к А. С. судьба была милостива: в те годы около нее был В. О. Ключевский, а затем, приблизительно в это же время, произошла ее встреча с П. Н. Милюковым, определившая весь ее дальнейший жизненный путь. Но, быть может, это последнее событие не облегчило, а утяжелило «общественное испытание» А. С. и потребовало еще больших сил, еще большей устойчивости. Правительственное преследование Павла Николаевича, начавшееся с первых же лет его профессорской и общественной деятельности, никак не могло послужить к укреплению доброго настроения и оптимистической психологии.

С первых же лет своей самостоятельной жизни А. С. вся отдалась общественно - просветительной работе, в частности — женскому вопросу. Никакие препятствия не могли поколебать ни ее веры в конечное торжество поставленных идеалов, ни ее энергии в повседневной, часто мелкой и неблагодарной работе. Ни начавшиеся правительственные преследования ее мужа — П. Н. Милюкова: лишение права читать университетские лекции, ссылка в провинцию, высылка за-границу; ни те же правительственные преследования и закрытия обществ и организаций, где работала молодая женщина; ни упадок общественного настроения от торжествовавшего и все усиливающегося гнета власти, — казалось «рассудку вопреки, наперекор стихиям» русские «живые души», подобные А. С., отдельные капли среди океана, заранее осуждены были на бесславную гибель. И как не казаться? Росчерком пера люди выбрасывались за борт жизни страны, труды годов превращались в прах, а само общественно-просветительное дело было признано за «потрясение основ».

Те, кто за последнее время писали о покойной А. С., удивлялись ее настойчивости, спокойствию, терпимости. Конечно, это — итог обретенного опыта, это — житейская мудрость, но это и результат жизненной суровой школы, той — о которой говорят вышенаписанные строчки. Эта школа на всю жизнь закаляла тех, у кого хватало сил ее пройти. Для них не было ни трудного, ни скучного; они не знали «больших» и «малых» дел. Каждый шаг был необходимый, неотложный и главный, потому что он являлся **очередным** на том пути, который вел Россию от темноты к свету.

Не сломили живой души Анны Сергеевны и годы эмиграции — ее вера в Россию, в ее будущее осталась непоколебленной; не сложила она рук и в своей работе: начала она свою жизнь с общественной помощи всем нуждающимся в ней, среди этой работы и застала ее болезнь, сведшая ее в могилу.

Но, кроме этого, А. С. не покинула и политической работы. Она вступила в ряды членов РДО со дня его основания, — в ту организацию, которая и на чужбине продолжала борьбу за дорогие ей духовные ценности: за достоинство человека, свободу и демократию.

В критические для молодой организации минуты она — испытанный боец — проявляла исключительные усилия, внося свой спокойный, мудрый опыт в помощь более молодым сочленам, чтобы

начатое ими дело побороло встретившиеся на новом для них — сложном и трудном — пути испытания. Так было в период, когда в жизни русской эмиграции волной прокатилась проповедь о «возвращенчестве», грозившем убить самый raison d'être эмиграции. «Болезнь роста» миновала благополучно, и РДО приступило к разработке своей социальной программы в свете новых русских и мировых условий. А. С. неустанно, с живым интересом следила за этой ответственной работой, опять-таки с своей стороны, отдавая ей и свою широкую эрудицию и внося в нее требования своего глубокого демократического мировоззрения. Она не пропускала ни одного общего собрания, ни политического банкета — быть среди своих сочленов и соработников являлось для нее органическою потребностью. Непоколебимая в своих идеалах, всегда готовая на дальнейшую работу, А. С. и здесь была примером, которым нельзя было не вдохновляться, и которому нельзя было не подражать. Это и привело к тому, что, хотя она и не занимала в РДО никакой «официальной должности», тем не менее все видели в ней идейную руководительницу Об'единения.

Конечно, по сравнению с работой в России, для А. С. это уже были « малые дела » — наши эмигрантские — но и здесь «сказался человек». И мысленно пробегая этот последний период жизни А. С. Милюковой, я невольно вспоминаю одно изречение Григория Великого — его надо хорошенько запомнить всем усумнившимся и «уставшим»: «малые дела есть малые дела, но великое дело всегда быть верным малым делам».

Ушла от нас «живая душа». Пусть же ее искры западут в оставшиеся молодые души и зажгут в них такие же силы любви к России и веры в нее, такую же устойчивостъ в работе, с которыми прошла через всю свою жизнь А. С. Милюкова.

И. Демидов.

К статье Е. Новохатного «Дальневосточный вопрос»

ОТ РЕДАКЦИИ

По причинам технического характера в помещенной в № 3 «Нашего Слова» статье Е. Новохатного был допущен пропуск, который редакция считает необходимым восстановить в настоящем номере.

Защиту точки зрения левого сектора эмиграции взял на себя Ф. Е. Махин, председатель местного комитета «Земгора» и редактор издающегося на сербско-хорватском языке «Руски Архив».

«Между эмигрантами действительно есть люди, думающие, что ценой отдачи русской территории будет свергнута советская власть, и спасена русская культура, которую эта власть грозит уничтожить, — заявил Ф. Махин. — На это мы отвечаем, что всякое правительство, в том числе и советское, имеет лишь преходящее значение и вечна одна лишь Россия.

Территория, населенная русским народом и другими народами, связавшими с последним свою судьбу, принадлежала нашим предкам и на нас лежит долг передать ее нашим детям, как величайшую драгоценность, дороже которой ничего нет и не может быть для русского народа.

Русская культура не нуждается ни в чьей защите, тем менее в защите Японии, ибо она существует и будет существовать, пока существует русский народ, и последний обладает достаточной внутренней силой для того, чтобы своими собственными усилиями выйти на широкие пути своего исторического развития.

Поэтому мы не можем не быть на стороне тех русских людей, которые встанут на защиту границ нашей Родины и сделаем все, что будет в наших силах, чтобы обеспечить победу их оружия».

Появление этого интервью смешало все карты: больше нельзя было ни замалчивать раскол, ни пытаться изображать его в тенденциозном освещении. И перед рядовым эмигрантом открылась, наконец, возможность не только ознакомиться с действительными мотивами наших расхождений, но и по достоинству оценить жалкую и наивную аргументацию пораженцев.

Естественно, что неожиданное пораженчество наследников Корнилова, Деникина и Врангеля, столь противоречащее духу белого движения и столь роковым образом сближающее их с большевиками времен великой войны, не могло не вызвать законного раздражения в морально здоровой части эмиграции, которая, ведь, в большинстве своем и состоит из вчерашних участников белой борьбы. Особенно, если принять во внимание, что вместо для современности утопической, но высокой и увлекательной идеи международного братства и всеобщего счастья им ничего не могли предложить, кроме идеалов мещанства и тактики международного авантюризма.

С другой стороны, это же интервью позволило югославянской общественности ознакомиться с истинными настроениями русской эмиграции, в которых обычно она бывает плохо осведомлена, т. к. черпает свою информацию, главным образом, из наших официозных кругов и покровительствуемой ими части эмигрантской прессы.

Обзор жизни республиканско-демократической эмиграции

РДО В ПАРИЖЕ

Доклады и собрания :

1. — 12 декабря 1934 г. — Собеседование об избирательных системах со вступ. словом **Б. Л. Дудкина.**
2. — 21 декабря — Доклад **А. Ю. Рапопорта** — Последние мероприятия Сталина».
3. — 28 декабря — Публичный докладъ **П. Н. Милюкова** — «Европа, Россия и эмиграция».
4. — 9 января 1935 г. — Прения по докладу **А. Ю. Рапопорта** — Последние мероприятия Сталина»
5. — 23 января — Собеседование, посвященное разбору № 3 «Нашего Слова» со вступ. словом **Н. П. Некрасова.**
6. — 30 января — Доклад **М. Н. Абациева** — «Государство и партии».
7. — 6 февраля. — Закрытый доклад **Л. М. Неманова** — «Современное международное положение».
8.— 27 февраля — Прения по докладу **М. Н. Абациева** — «Государство и партии».
9. — 16 марта. — Публичный доклад **А. П. Маркова** «Новый поворот Сталина?»
10. — 22 марта. — и 11. — 30 марта. — Доклады **Г. С. Куртилина** — «Капитализм на путях от хозяйственной свободы к управляемому хозяйству».
12. — 3 апреля. — Прения по докладу **Г. С. Куртилина.**
13. — 12 апреля. — Открытый доклад полк. **К. М. Шумского** — «Перспективы германо-советской войны».
14. — 23 апреля. — Доклад **М. С. Багдасарьяна** — «Проблема кредита».
15. — 3 мая. — Закрытый доклад **А. С. Дигусара** — Тяжелая промышленность в СССР».
16. — 7 мая — Открытый доклад **Л. М. Неманова** — «На страже мира — от Стрезы и Женевы в Рим и Москву».
17. — 12 мая. — Годичное общее собрание членов РДО.
18. — 14 мая. — Закрытое совместное заседание р.-д. группы Партии Народной свободы и РДО для заслушания доклада **Л. М. Неманова** — «Франко - советский договор».

Общее собрание

12 мая состоялось под председательством Н. Н. Кнорринга годичное общее собрание членов РДО. Заслушав доклады правления и ревизионной комиссии, общее собрание одобрило деятельностъ правления за истекший год, приняло смету на 1935 год и утвердило заключения ревизионной комиссии.

В произведенных затем выборах выбраны: Председатель РДО — П. Н. Милюков;

Члены правления: А. А. Александров (секретарь), М. Н. Абациев, К. И. Аристов (тов. председателя, П. П. Гронский (тов. председателя), А. С. Дигусар, Б. Л. Дудкин, С. Н. Карпов, Г. С. Куртилин, В. В. Попов (казначей), Е. И. Унбегаун; ревизионная комиссия: И. В. Нестеров, Б. М. Сарач и Т. М. Якушев.

БЕЛЬФОРСКОЕ РДО

На состоявшемся недавно годичном Общем Собрании членов Бельфорского РДО в состав Правления на текущий год избраны: Председателем И. Е Ачкеев, Секретарем А. А. Дмитриев и Казначеем А. И. Валковский.

Бельфорское РДО за девять лет своего существования проделало большую политическую и культурную работу в среде местной русской колонии и сыграло немалую роль в перемене эмигрантских настроений, особенно, по отношению к России.

Еще несколько лет тому назад умами здешних эмигрантов владела «эмигрантская гордыня», а читателей сов. книги и, особенно, сов. газет причисляли, если не прямо к большевикам, то во всяком

случае — к большевизанам. Теперь положение иное. Местная публика — выражаясь сов. языком — «повернулась лицом к России», чутко прислушивается ко всякой весточке, идущей оттуда, со вниманием следит за происходящими там жизненными процессами, с жадным интересом читает и сов. литературу и сов. газеты и с каждым днем все больше убеждается в правильности, как р-д-ковской информации, так и р-д-ских оценок и прогнозов.

Библиотека РДО, располагающая большим, чем другие местные библиотеки, фондом сов. литературы, с каждым месяцем увеличивает число своих абонентов, а Бельфорское РДО пользуется тут заслуженной популярностью и является наиболее солидной и мощной из местных политических организаций.

В. П.

ДЕМОКРАТИЧЕСКИЙ КЛУБ

(Письмо из Праги).

С начала этого года в Праге, среди демократически настроенной части эмиграции велись переговоры об образовании какого то центра, где люди могли бы встречаться, обмениваться мнениями, обсуждать политические вопросы, а при случае и принимать совместные решения.

Это начинание вылилось в создание **Демократического Клуба,** совершенно свободного об'единения лиц демократически настроенных и политически активных.

Оказалось, что потребность во взаимном общении сильна и тем для публичного обсуждения много. В клуб вошли лица разных политических группировок (конечно, по персональному признаку), а также лица, не принадлежащие ни к какой партии.

Бюро клуба состоит из четырех лиц: Е. Д. Кускова, М. Ф. Ковалев, Д. И. Мейснер и В. А. Харламов (председатель Бюро).

До сих пор с докладами выступили: 1) **М. Ф. Ковалев** на тему — «Наши разногласия» — рѣчь шла о тактических разногласиях в демократической среде, 2) **г. Рудольф** — иностранец — бывший коммунист, недавно приехавший из СССР и теперь в эмигрантской и иностранной прессе разоблачающий подлинный лик советской действительности и политики компартии, 3) **Е. Д. Кускова** — на тему о внутренних процессах, происходящих внутри ком. партии; 4) **П. И. Звездич** — на тему о международном положении, 5) **А. А. Аргунов** — на тему о возможности войны и отношении к ней эмиграции. Последний доклад вызвал оживленные, продолжавшиеся два вечера, прения и 6) собрание с сообщениями **Д. И. Мейснера** и **С. I. Гессена** о впечатлениях посетивших СССР чешских журналистов и сообщением **С. Н. Прокоповича** о новом колхозном уставе. Последнее сообщение было дополнено А. М. Байковым и В. П. Клоповым.

Все доклады вызвали весьма оживленный обмен мнений, в котором приняли участие почти все члены клуба.

Новое пражское общественное начинание показало, что люди, об'единенные общей верой в жизненность демократических принципов и в их «актуальность» для России, могут, несмотря на различие точек зрений у отдельных членов клуба, спокойно и дружески дискутировать самые острые вопросы.

Пражанин.

ОБ'ЕДИНЕНИЕ ДЕМОКРАТИЧЕСКОЙ ЭМИГРАЦИИ В АМЕРИКЕ

Недавно в Нью-Иорке образован Русский Прогрессивный Общественный Комитет, поставивший себе задачи освещения перед американским общественным мнением истинного положения в России и борьбы против реакционно - монархической пропаганды правых кругов русской эмиграции.

Деятельность свою Общественный Комитет начал с имевшего огромный успех митинга протеста против бессудных казней в СССР. При его активной помощи были устроены в разных городах С. А. С. Ш. лекции Т. В. Чернавиной и банкет в ее честь в Нью-Иорке с участием на нем видных представителей американской общественности.

Комитет ведет энергичную борьбу за свободу и демократию, завязал уже непосредственные связи с американскими общественными кругами и печатью и подготовляет образование американского общества Друзей Свободной России, в противовес существующему Обществу Друзей Советского Союза.

В состав Комитета входят как социалисты, так и республиканцы - демократы, причем заслуживает быть особо отмеченной энергичная и дружная рабо-

та «Плехановцев» — доктора С. М. Ингермана (председатель Комитета) и А. П. Брайловского и демократов: редактора газеты «Новое Русское Слово» М. Е. Вейнбаума, б. члена Гос. Думы Н. Н. Николаева, прис. пов. М. И. Печковского и С. Э. Бобовича. Начинаниям Комитета большую поддержку оказывает также Александра Львовна Толстая.

С особым удовольствием отмечая создание и деятельность Русского Прогрессивного Общественного Комитета в Америке, желаем ему горячо дальнейшего процветания и успеха в борьбе за дорогие нам общие идеалы свободы и демократии.

Б. Д.

ЮГОСЛАВИЯ

По нашим сведениям, среди р.-д. настроенных эмигрантов в Белграде возникла мысль о создании организации для защиты и распространения р.-д. идей

Предварительные переговоры обнаружили подготовленность местных условий для такого политического об'единения.

Особенно нужно приветствовать возникновение р.-д. организации в обстановке до сих пор монопольного господства правых и фашистских групп. На долю наших единомышленников выпадает большая и ответственная работа по оздоровлению политической эмигрантской атмосферы.

Отметим, что наш журнал широко распространяется среди беженцев, проживающих в Югославии.

В Белграде

(Письмо из Югославии)

О пораженческой и японофильской пропаганде, ведущейся среди местной русской эмиграции Вы уже знаете из письма Е. Новохатного, напечатанного в № 3 Вашего журнала. Сейчас обработка эмигрантского обывателя ведется определенно в германофильском духе. Превозносить Гитлера стало хорошим тоном в известных белградских кругах, но делается это обычно не публично и только В. В. Шульгин позволи себе открыто на митинге восхвалять Гитлера, который де может возродить в России и право, и справедливость, и культуру, и закончил свое выступление обращением по его адресу «милости просим». Его речь вызвала полное недоумение всего зала и была так холодно принята, что в дальнейших своих публичных выступлениях в местной устной газете, В. В. Шульгин, хотя и остается на старой позиции, но проводит ее значительно осторожнее, больше ходя вокруг и около.

Как Вы знаете, русская эмиграция в Югославии принадлежит по преимуществу к военным кругам, а политически — к правым группировкам. Этим об'ясняется то, что хотя доклады приезжавшего сюда А. И. Деникина собирали полный зал слушателей, но встречены были довольно сдержанно. Кличка «милюковец», которую А. И. Деникин получил в Белграде после известной полемики по дальневосточному вопросу, сделала свое дело, так что даже Союз инвалидов, почетным членом которого состоит генерал, должен был уклониться от его чествования.

Влияние окружающей среды оказывает свое влияние на белградских русских людей и тянет их вправо. П. Б. Струве, проделавший длинный путь от социализма к РОВС-у, на недавнем чествовании юбилея Киевского Университета, говорил «об оклевстанном царствовании Николая I» и заявлял, что следует пересмотреть вопрос о Каткове и что Пихно и Шульгин делали в «Киевлянине» великое государственное дело. Недавно П. Б. Струве вступил в возглавляемый митрополитом Антонием Русский Комитет, что, очевидно, является дальнейшим шагом его политической эволюции.

Из другим политических событий следует отметить оживление деятельности Национального Союза Нового Поколения, имеющего в Белграде центр своей «мировой» организации и успевшего уже устроить три с'езда, причем на последнем из них было торжественно признана «вредность» выборного начала как для партийных вождей, так и для органов управления.

М. Ф.

Le Gérant: V. Kosmentzoff

Impr. d'Art, 77, r. Mouton-Duvernet, Suf. 28-74

СОДЕРЖАНИЕ ПРЕДЫДУЩИХ №№ «НАШЕГО СЛОВА» :

№ 1-2

А. А. Александров — «Наши задачи», **И. П. Демидов** — «На страже» (к 75-тилетию П. Н. Милюкова) **П. Н. Милюков** — Международное положение, Россия и эмиграция, **П. П. Гронский** — «После 17-го с'езда», **В. В. Попов** — «Положение рабочего класса в СССР», **М. С. Багдасарьян** — «Эмиссионные банки и их роль в народном хозяйстве». Хроника. Социальная программа РДО. Приложение: «Против пораженчества» (переписка П. Н. Милюкова с Е. В. Саблиным и ген. А. И. Деникиным).

№ 3

П. Н. Милюков — «1935-ый год», **А. М. Кулишер** — «Кризис демократии», **А. А. Александров** — «Современные социальные искания», **Д. И Мейснер** — «К 10-летию РДО», **В. В. Попов** — В СССР», **А. А. А.** — «Единый фронт», **Е. Новохатный** — «Дальневосточный вопрос», **Д. И. Мейснер** — «В погоне за успехом», **Н. С. Трусов** — «Национальный Союз Нового Поколения». Хроника.

Цена 3 фр. № 5 Prix 3 frs

НАШЕ СЛОВО

Орган Республиканско-Демократического Об'единения

СОДЕРЖАНИЕ № 5:

ПАРИЖ

Цена 3 фр. № 5 Prix 3 frs

НАШЕ СЛОВО

Орган Республиканско-
Демократического
Об'единения

СОДЕРЖАНИЕ №5:

ПАРИЖ

Орган Республиканско-Демократического Об'единения

НАШЕ СЛОВО

« NOTRE PAROLE »

Revue trimestrielle. Organe de l'Union Républicaine-Democratique Russe

Редакция: 78, rue de Lourmel, Paris (15e)

№ 5 Январь 1936 г.

П. МИЛЮКОВ

Накануне Нового года

Наш прошлогодний прогноз исхода «страшного» 1935 года мы закончили в тоне «условного оптимизма». Этот оптимизм основывался на двух рядах фактов: 1) сближении больших и малых государств Европы для защиты «коллективной безопасности» от внезапных вторжений и 2) на неизбежной отсрочке для сложных и длительных приготовлений, каких требует война современного типа со стороны вероятных нарушителей мира — Германии и Японии. Что изменил в этом прогнозе действительный ход событий втечение 1935 г. и в какой степени наш условно - оптимистический вывод может быть подтвержден или отвергнут в последние дни завершившегося годового цикла?

Прежде всего необходимо отметить, что за истекший год германо - японские претензии, грозившие сохранению мира в Европе и Азии, оказались в значительной степени осуществленными, но не на «бранном поле», а путем самочинных действий, которым усталая и разрозненная Европа не могла ничего противопоставить. 16 марта, среди мюнхенских торжеств в память жертв мировой войны, Гитлер провозгласил, что цель германских вооружений достигнута: он формально восстановил обязательную и всеобщую воинскую повинность. Это усиливало состав германской армии до 600.000 чел., тогда как в 1933 году Германия претендовала на вдвое меньшую цифру — 300.000, а в 1934 г. ее претензии повысились лишь до 400.000. Самочинный шаг Гитлера являлся открытым и односторонним нарушением Версальского договора. С другой стороны Япония, укрепившись в Манчжурии приступила к постепенному фактическому захвату ближайших провинций Китая, а в конце года потребовала от Нанкинского правительства согласия на «автономное» устройство еще четырех китайских провинций. Появление Японии на декабрьской морской конференции 1935 г. сопровождалось давно ожидавшимся требованием ее о равенстве морских вооружений. Наконец, на границах с Россией возобновились, — не случайно конечно, — пограничные конфликты и соответственные пред'явления требований со стороны Японии.

Что могла противопоставить всем этим самочинным захватам миролюбивая часть нашего континента?

События на азиатском востоке затрогивали только одну Англию, но занятая европейскими делами, она не могла активно реагировать на рост японского могущества. Как и со стороны Соединенных Штатов, дело пока ограничивалось протестами и подготовительными мерами для усиления флотов. Европа была поглощена, по прежнему, задачей устранения опасности, грозящей миру со стороны Германии. В этом отношении начало 1935 года ознаменовалось большими успехами в процессе сплочения Европы. Уже 7 января Лаваль подписал в Риме соглашение с Муссолини, которое прекратило скрытое соперничество обеих стран в северной Африке и укрепило положение независимой Австрии в центральной Европе. За этим последовало 3 февраля заключение более сложного соглашения между Францией и Англией в Лондоне. Англия провела здесь свой проект — довольно туманный — всеобщего замирения Европы, включая возвращение Германии в Лигу Наций, а Франция внесла свою более конкретную поправку — создание региональных пактов, в том числе — и главным образом — «Восточного». Посредством него предполагалось распространить на восточные границы Европы те гарантии против нападения, которые для западных границ дал договор в Локарно. В этом плохо скроенном компромиссе между двумя различными — а часто и противоположными — задачами заключался источник разногласий в дальнейшем. Но сюрприз, уготованный Гитлером Европе 16 марта, и неудачный визит Саймона и Идена в Берлин закрепили единодушие трех держав. Конференция в Стрезе, созванная Муссолини (11-14 апреля), дала поэтому неожиданно хороший результат. Франция могла после этого провести в Лиге Наций свой протест против одностороннего нарушения Версальского договора новыми германскими вооружениями и расширить меры пакта против повторения подобных нарушений в будущем (16 апреля).

Однако же, в виду категорического отказа Германии войти в число участников «Восточного пакта» и двусмысленной политики Польши, Франции пришлось ограничить соглашение о защите восточных границ Европы участием СССР и Чехословакии. Вместе с тем окончательно стал на очередь вопрос

о закреплении положения СССР среди европейских держав. Напомню, что предварительный проект введения СССР в число членов «Восточного пакта о взаимной поддержке» был выработан уже вскоре после выхода Германии из Лиги Наций, в результате переговоров Литвинова с Поль-Бонкуром. Этот пакт предусматривал вступление СССР в Лигу Наций. Принятие СССР в Лигу (18 сентября 1934 г.) прошло не без трений, с значительным упрощением обычной процедуры. Смерть Барту, решительного сторонника введения СССР в европейские комбинации, затормозила дело. Лаваль ему не сочувствовал. Однако, желая противопоставить туманному английскому плану какое то реальное начало осуществления французского плана, Лаваль перед отправлением в Стрезу обсудил с Потемкиным новый проект франко - советского соглашения. По возвращении из Стрезы и Женевы проект должен был быть утвержден символическим числом 1 мая; затем Лаваль должен был посетить Москву 20 мая. Но тут начались новые затруднения. Закрепление общего фронта трех держав в Стрезе понизило значение соглашения с советами в глазах Лаваля, а новые требования Литвинова развязали ему руки. Литвинов хотел, чтобы Франция расширила свои обещания помощи на азиатские конфликты и чтобы самая помощь была немедленной, независимо от процедуры Лиги Наций. Это было невозможно. С другой стороны, Германия утверждала, что франко-советское соглашение освободит ее от обязательств, взятых на себя в Локарно. Французские юристы пересмотрели проект и привели его в соответствие с существующими договорами Франции путем присоединения к готовому тексту особого «протокола», который ограничивал обязательства помощи — нападением лишь на собственную территорию сторон с последующим, хотя и «немедленным» обсуждением в Лиге Наций. Протест Литвинова, выразившийся в его внезапном от'езде, вместо Парижа, в Москву, не произвел никакого впечатления; договор пришлось принять в измененном к невыгоде России виде. Вообще надо прибавить, что престиж нового члена Лиги сильно поблек и в Женеве, и в других местах вследствие того противоречия, которое обнаружилось между обещаниями Сталина — поддерживать дружественные армии — и решениями последнего с'езда коминтерна — разлагать эти армии для приближения всемирной революции. Значение красной армии понимается и в Европе, и ее боеспособность признается. Но Европа гораздо более, чем прежде, осведомлена о состоянии русского тыла, значительно ослабляющем надежды на военный успех СССР — особенно в сколько нибудь длительной кампании.

Возвращаясь к западно - европейским отношениям, следует заметить, что вообще после прямой линии Рим-Лондон-Стреза-Женева, обещавшей, казалось, окончательное скрепление Европы против германских захватнических тенденций, начались разногласия и колебания, сильно подорвавшие значение соглашений, достигнутых в первой половине года. Германия тотчас же осмелела и первая постаралась использовать эти разногласия в своих интересах. Она при этом особенно рассчитывала на Англию, добиваясь сепаратных соглашений с нею и, наконец, достигла этой цели в форме отдельного соглашения, по которому германский флот мог быть увеличен до 35% английского. Франция при этом не была спрошена; Балтийское море попадало в полную зависимость от Германии. По существу, эта мера Англии была прямым нарушением Версальского договора — нарушением, только что осужденным в Женеве по поводу германских односторонних вооружений.

Гораздо более важным для текущего момента было сепаратное действие Италии, воспользовавшейся укреплением своих отношений с Францией, чтобы начать войну с Абиссинией. История этого конфликта у всех в памяти, и нет надобности на ней останавливаться. Но важно отметить последствия итало - абиссинского конфликта для дальнейшего раз'единения Европы. Прежде всего, таким раз'единяющим фактором снова оказалась политика Англии. Напрасно Муссолини об'являл свою войну простым « колониальным » предприятием, каких было сколько угодно в прошлом. Колониальные претензии Италии — в том же старом порядке — сталкивались с колониальными же интересами Великобритании. И независимо от международных соглашений Великобритания повела свою самостоятельную политику. В ответ на итальянские угрозы она незаметно перевела свой флот в Средиземное море, никого не предупредив. Сплетя затем свою политику с международной политикой Лиги Наций, Англия откровенно направила высокие идеи женевского учреждения в русло своей политики. При этом, несомненно, в первый раз за все свое существование, Лига Наций оказалась важным международным фактором. С небывалым дотоле единодушием она, опираясь на Англию, но в согласии с радикальным мнением Европы, привела в действие § 16 ковенанта. Над Италией повисла угроза постоянно усиливающихся «санкций». Франция должна была согласиться открыть для британского флота свои порты на Средиземном море, но тщетно добивалась взамен от Англии удовлетворительного ответа, поможет ли ей Англия в случае германского нападения. Создав такую выгодную для себя обстановку, Англия получила возможность диктовать Италии условия прекращения войны, продолжение которой для нее чрезвычайно неудобно, как потому, что эта война уже подняла претензии египетских националистов, заставивших вернуть себе отмененную Англией конституцию, так и потому, что замешательства в Европе и Африке мешают Англии следить за разыгрывающейся драмой в Азии и играть в ней ту видную роль, к которой она привыкла.

С другой стороны, отвлечение внимания к ита-

ло-эфиопскому конфликту побудило Германию выйти из того выжидательного положения, на которое обрекала ее грозившая ей изолированность. Помимо расчетов на Англию, у Германии возродился расчет и на сближение с Францией. Отсюда многочисленные заверения фюрера в мирных намерениях относительно Франции, отсюда пробные поездки фон-Риббентропа, обещания охранить Европу и мир от коммунизма и т. д.

Ослабление позиции Италии на Бреннере подвергает усиленной опасности независимость Австрии. Литва уже указывается открыто, как предмет очередного нападения из-за Мемеля. Почти не скрываются и германские расчеты на возвращение чешским немцев, причем Польша, также враждебная Чехословакии, явится естественным союзником. За этими ближайшими задачами несколько стушевываются поползновения Германии на восточной границе. Но прямой отказ Германии от гарантии этих границ, препятствия, поставленные ею для осуществления «Восточного пакта», наконец, прямые заявления не дают забыть и об этой части германской аннексионной программы. При всех гарантиях густой сети договоров о «ненападении» и о «взаимопомощи» становится невозможным предсказать, как сложится военная карта Европы в момент, когда заканчивающей свои вооружения Германии придет охота испытать их действие в том или другом месте своей границы.

Мы упомянули в начале статьи и о развертывании аннексионных стремлений Японии. В речи генерала Матцуи в августе на «дружеском» совещании с советскими чиновниками по поводу передачи Китайско - Восточной ж. д. эти японские стремления высказаны с предельной ясностью. «Мы японцы, имеющие общую кровь с азиатскими народностями СССР, говорил японский генерал, «не можем не разделять их возмущения советским разрешением национального вопроса». «Для коренного урегулирования взаимоотношений, правительству СССР необходимо дать действительное самоуправление азиатским народностям, как о том неоднократно говорилось с самого начала революции в СССР» (т. е. «вплоть до отделения»?).

Такова картина международных отношений к концу 1935 года. Пусть читатель сам судит, насколько она «страшнее» или мягче прогноза на этот год, сделанный в прошлом декабре. Во всяком случае эта картина определеннее. Отдельные черты ее остались те же, что и прежде. Но очертания — яснее, и они более наполнены определенным содержанием. За исключением войны в Абиссинии, насильственной развязки до сих пор не наступило, но только потому, что дорожащая больше всего сохранением мира Европа стремится во что бы то ни стало избежать вооруженных конфликтов и предпочитает оставаться немым свидетелем при фактических переделках тех или других отдельных черт картины. Когда будут достигнуты пределы — и будут ли они достигнуты, за которыми эта квази - мирная форма разрешения спорных вопросов одной демонстрацией силы станет невозможной и последуют взрывы, — этот вопрос — по крайней мере в настоящий момент — не допускает определенного решения. Можно сказать одно: события страшнее, чем прежде, а **страха** — меньше. Можно привыкнуть ко всему; можно, очевидно, привыкнуть и к страху.

П. Милюков.

В. ПОПОВ.

Внутренняя политика СССР

Внутренняя политика СССР за истекшее полугодие была чрезвычайно богата реформами и крупными переменами.

Начало положил Сталин в речи, сказанной им 4 мая на выпуске академиков Красной армии. В этой речи Сталин вынужден был признать, что выдвинутый им ранее лозунг «техника решает все» на деле оказался далеко и далеко недостаточным. Практика показала, что мало построить отлично оборудованные заводы, обзавестись усовершенствованнейшими новейшими машинами, для их функционирования и использования нужны также и люди, которые бы могли все это прекрасное оборудование пустить в ход и обслуживать. «Техника без людей, овладевших ей, мертва и т. к. на это до сих пор не обращалось должного внимания, то потому, констатирует Сталин, мы вступили в период голода в области людей, в области работников, умеющих оседлать технику».

Взамен лозунга « техника решает все » поэтому Сталиным выдвигается лозунг « кадры решают все ».

«Новый лозунг — заявляет Сталин — требует, чтобы наши руководители проявляли самое заботливое отношение к нашим работникам, к «малым» и и «большим», в какой бы области они ни работали, выращивали бы их заботливо, помогали им, когда они нуждаются в поддержке, поощряли их, когда они показывают первые успехи, выдвигали их вперед и т. д. А между тем на деле мы имеем в целом ряде случаев факты бездушно - бюрократического и прямо безобразного отношения к работникам... Ценить машины и рапортовать, сколько у нас имеется техники на заводах и фабриках — научились. Но я не знаю ни одного случая, где бы с такой же охотой рапортовали о том, сколько людей вырастили за такой то период и как мы помогали людям в том, чтобы они росли и закалялись в работе»

Сталин дает директиву «прежде всего научиться

ценить людей, ценить кадры, ценить каждого работника, способного принести пользу нашему общему делу». Надо, наконец, — говорит он — понять, что из всех ценных капиталов, имеющихся в мире, самым ценным и самым решающим капиталом являются люди, кадры. Надо понять, что при наших нынешних условиях «кадры решают все». Будут у нас хорошие и многочисленные кадры в промышленности, в сельском хозяйстве, на транспорте, в армии — наша страна будет непобедима. Не будет у нас таких кадров — будет хромать на обе ноги».

Признание весьма ценное и приходится лишь удивляться, что до такой простой мысли сов. правительство додумалось только на 18 году своего существования.

Лозунг «кадры решают все» был с восторгом (на этот раз, несомненно, искренним) подхвачен всей советской «общественностью» и был «лейт-мотивом» всех речей и статей минувшего полугодия.

Необходимость кадров выдвинула в первую очередь вопрос о школьной реформе, и последняя, в отношении начальной, неполной средней и средней, школы была проведена постановлением СНК и ЦИК СССР от 3 сентября.

В своем вступлении к положению о новой реформе сов. правительство подвергает жесточайшей критике свои прежние школьные порядки и признает, что они привели на практике к ослаблению порядка и дисциплины среди учащихся, к понижению уровня учебы и к созданию положения, что оканчивающие среднюю школу оказываются недостаточно подготовленными для прохождения наук в высшей школе.

Новое положение точно регламентирует продолжительность учебного года, часы учебных занятий, порядок поступления, прохождения курса и окончания или оставления школы, снова вводит систему проверки знаний на уроках и оценки их по пятибалльной системе, восстанавливает переводные экзамены, награды наиболее успевающим, право лучших поступать в высшие учебные заведения без экзаменов, делает обязательным ношение вновь устанавливаемой форменной одежды, вводит строгую школьную дисциплину...

Самое замечательное в новой реформе это то, что она полностью до мелочей восстанавливает порядок, существовавший в старой добольшевистской средней школе — в гимназиях и реальных училищах.

Даже знаменитый ученический билет « с включением в него основных правил поведения учащихся» снова получил право на существование.

Два пункта новой школьной реформы заслуживают быть особо отмеченными.

Первый — это **запрещение** требовать от родителей при поступлении учащегося в школу иных документов, кроме заявления о принятии ученика, его возрасте и прививке ему оспы — иначе говоря — запрещено требовать документы о классовом его происхождении.

Второй пункт касается школьной дисциплины:

«В основу поведения учащихся — гласит новое положение — положить строгое и сознательное соблюдение дисциплины, вежливое отношение к преподавателям, товарищам и **старшим** (курсив наш В. П.), привитие культурных навыков, бережное отношение к школьному и общественному имуществу, а также меры решительной борьбы с проявлением хулиганства и антиобщественными поступками детей».

Новая реформа — это **признание большевиками** как полного провала всех своих школьных экспериментов, так и отсутствия иного пути «для того, чтобы сделать советскую школу образцовой», как путь возврата к существовавшей до них и ими разрушенной системе.

В связи с проблемой кадров, но еще более по политическим соображениям проведена военная реформа, сопровождавшаяся восстановлением воинских чинов, или, как их теперь именуют, персональных воинских званий.

Отныне служба на командных и начальственных должностях в Красной армии и флоте становится пожизненной профессией, порядок прохождения которой устанавливается особым положением, а военные звания имеют целью «отчетливо выражать военную и специальную квалификацию каждого командира и начальствующего лица, их служебный стаж и заслуги, их власть и авторитет».

Получение первого чина — лейтенанта — требует окончания военной школы или сдачи особого экзамена. Для производства в следующие обер или штаб - офицерские чины требуется, в зависимости от чина, выслуга от 3 до 8 лет; при производстве, независимо от выслуги, нужна «положительная характеристика». Установлено правило, что продвижение в чине влечет за собой продвижение в должности, определен для каждого чина предельный возраст. Лишение чина может быть произведено только по приговору суда, конфирмованному наркомом обороны СССР или сов. правительством.

Новое положение — в военном смысле — реорганизует прохождение службы в армии и преобразует последнюю на началах, присущих всем западно-европейским армиям, что является, конечно мерой весьма разумной и целесообразной. В политическом же отношении смысл реформы состоит в закреплении за нынешним командным составом достигнутого им положения, в гарантии ему дальнейшего прохождения военной карьеры и в создании особо привиллегированного положения не только во время состояния на службе, но и после ее оставления. Эти преимущества, а также возведение пяти лиц в почетное звание «маршалов Советского Союза» преследуют определенную политическую цель — показать командирам Красной армии заботы о них сов.

правительства и тем самым обеспечить их верность этому правительству и режиму в будущем.

Поговаривают — и это отнюдь не является невозможным — о введении соответствующей «табели о рангах» и в гражданском ведомстве, но пока что чинами награждены только «меченосцы революции» — чекисты.

Далее заслуживает быть особо отмеченной политика сов. правительства в отношении так называемого «стахановского движения». Это движение появилось в сентябре с. г., скоро стало подлинной «злобой советского дня» и последние недели описанию его успехов посвящены целые простыни советских газет. Постараемся в самых кратких словах рассказать здесь происхождение и сущность этого движения. Вот как было дело.

Забойщик одной из шахт Донбасса Алексей Стаханов, желая доказать возможность получения большей добычи угля при освобождении забойщика от работы по креплению разработанного им участка шахты, 30 августа с. г. спустился в шахту вместе с двумя крепильщиками и в результате 6 час. работы, вместо обычно вырабатывавшихся ими по старому способу 25-30 тонн, и при норме 8 тонн, добыл 102 тонны угля. Его рекорд, особенно, размер его заработка в эту смену — 215 р. — произвел огромное впечатление на шахтеров и на следующий день другой шахтер Дюканов, работая «стахановским методом» добивается еще лучших результатов и заработка. За ними на тот же метод добычи переходят и другие забойщики и в короткое время старая норма у некоторых из них оказывается превышенной во много десятков раз. Известие о стахановском, т. е. более рациональном, освобождающем квалифицированного работника от подсобных, не требующих высокой квалификации, работ, методе и заработке стахановцев производят впечатление на рабочих других отраслей промышленности и транспорта и там начинается аналогичное стахановскому движение. Кузнец, работая иначе, побивает все рекорды выковки деталей, ткачихи, по иному расставив станки начинают обслуживать во много раз превышающее раньше количество их, обувщик начинает выделывать значительно больше обуви, машинист доводит скорость товарного поезда с 23 кил. в час до 47 и т. д.

Новый метод работы резко повышает производительность труда и количество вырабатываемой продукции, но этот метод требует полной реорганизации не только отдельных предприятий, но и всей промышленности, требует полного пересмотра всех технических расчетов и норм. Паровозный машинист, например, может быть может довести ход товарного поезда до 47 к. в час и без вреда для паровоза, но на вопрос, как этот ход тяжелого товарного поезда отразится на состоянии пути, рельс, мостов и т. п., не приведет ли он к быстрому их изнашиванию и разрушению, на этот вопрос ответить может лишь специалист - инженер. Интересы железно-дорожного хозяйства в целом могут диктовать требование ограничения возможной скорости паровоза. Нам потому понятно, что эта гонка за рекордами, стремление к превышению не только западно-европейских, но и американских норм, не только не вызвала восторга, а наоборот, породила тревогу среди инженерно - административного аппарата предприятий. И тут было чрезвычайно важно, какую позицию займет сталинское правительство, пойдет ли оно по пути благоразумия и умеренности, или встанет на путь демагогии, легких успехов, подзадаривания рабочих к достижению новых рекордов.

Желание скороспелого роста производительности и продукции, чванство побитием рекордов западноевропейской и американской промышленности победили чувство благоразумия, и сов. правительство, вопреки мнению своего инженерно - административного персонала, пошло по второму пути. Всем, не только возражающим или противодействующим этому рекордсменству, но и всемерно его неподдерживающим, сов. правительство ныне грозит репрессиями и расправой. Особенно велика эта угроза для инженеров и спецов (теперь уже в большинстве своем принадлежащих не к дореволюционным кадрам, а к людям уже советской формации) и кое кому, по циничному выражению Сталина, сов. правительство «уже немного дало в зубы».

Вполне разумное и необходимое движение в сторону рационализации труда, благодаря сов. максимализму и демагогии, принимает опасные и вредные формы и несет русскому народу, а в особенности, большинству рабочих и спецам еще большее ухудшение условий их труда и существования.

В области финансово - экономической минувшее полугодие ознаменовалось тремя крупными реформами — упразднена в городах кооперация, а имущество ее передано Наркомату внутренней торговли, окончательно отменено нормированное (по карточкам) снабжение продуктами и проведена новая денежная реформа.

Отмена нормированного — по карточкам — снабжения, которая была предрешена еще в начале этого года при отмене хлебных карточек, была проведена с 1 октября, причем, также как и в отношении хлеба, правительство установило крайне высокие цены на продукты, представляющие фактически не что иное, как чрезмерное косвенно - налоговое обложение продуктов первой необходимости.

Фискальный характер реформы особенно бросается в глаза при сопоставлении установленных сов. правительством розничных цен с заготовительными ценами, которые то же правительство платит крестьянам за эти продукты.

(Заготовительные цены, напр. на пшеницу 10,1 коп. кило, а мука 1 р. 80 к. кило, на рожь — 6,4 коп. кило, а мука — 1 р. 60 к. кило).

Следствием новой реформы было значительное ухудшение материального положения беднейших и

наименее обеспеченных классов населения и необходимость во многих семьях для сведения концоз с концами поступления на работу всех взрослых членов семьи.

Что касается денежной реформы, то мотивы и детали этой реформы пока еще не опубликованы. Известно лишь, что с 1 февраля 1936 г. в СССР повсеместно упраздняются лавки Торгсина и прекращается продажа на золото и на иностранную валюту. Единственным мерилом ценности отныне в СССР будут только сов. деньги, причем устанавливается новый пониженный курс рубля — 1 р. с 1 января будет равен 3 франц. франкам. Устанавливаемый новый курс сов. рубля, в 9-10 раз превышающий нынешний фактический курс сов. рубля, представляется нам мало обоснованным, и весьма сомнительно, чтобы сов. рубль на этом курсе мог бы удержаться.

Из других реформ заслуживает внимания постановление сов. правительства о ликвидации детской беспризорности и безнадзорности, декрет об усилении ответственности лиц, уклоняющихся от уплаты алиментов. Следует также отметить тенденции к укреплению семьи. Советская пресса уделяет теперь не мало места шельмованию родителей, бросающих на произвол судьбы своих детей, примером самого Сталина внушает детям почтение к их родителям.

В заключение отмечу еще два события, касающиеся партийной жизни за эти шесть месяцев. Первое — это «самоликвидация» «общества старых большевиков», второе — реформа Комсомола.

Заботу о «старых большевиках» всецело взяло на себя сов. пр-во и поэтому деятельность общества потеряла всякий смысл — таково официальное об'яснение. Фактически причина вынужденного самоубийства была иная: в эпоху полного перерождения большевизма — об'единение старых партийцев, знавших об истинной роли Сталина и в партии и в революции, бывших живым воплощением подлинных традиций большевизма, стало настоящим бельмом на сталинском глазу, которое тот и поспешил удалить.

Реформа Комсомола также имеет целью ослабление его влияния и сильное ограничение его функций — отныне Комсомол должен резко сократить свою роль в промышленности и сов. хозяйстве и заниматься почти исключительно воспитанием молодежи.

В. Попов.

СОВРЕМЕННОЕ ЭКОНОМИЧЕСКОЕ ПОЛОЖЕНИЕ В СССР

(Доклады А. П. Маркова)

Прочитанный 1 ноября с. г. в РДО А. П. Марковым доклад на тему о сельском хозяйстве и продовольственной политике советской власти является первой частью его обзора состояния всего советского хозяйства в новейшее время. Задача этого обзора заключается в том, чтобы дать об'ективное освещение хозяйственной жизни в СССР., что представляется крайне необходимым в виду существования различных оценок советских хозяйственных достижений.

А. П. Марков прежде всего указал на чрезвычайную трудность изучения советского хозяйства. Нельзя жаловаться на отсутствие статистических данных. Их — великое обилие. Но во многих случаях они ровно ничего не выражают. Так, например, для выяснения такого важного вопроса, как вопрос о товарообороте, даются цифры в десятках миллиардов рублей для ряда лет. Но какое реальное значение этих миллиардов при отсутствии сведений о покупательной способности советского рубля и при полном отказе советской статистики от исчисления индекса цен?

Кроме того, при изучении советского хозяйства и, в особенности, продовольственной политики советской власти, необходимо всегда иметь в виду, что жизнь идет отнюдь не только по советским заданиям и планам и не полностью отражается в советских отчетных данных. Рядом с этими планами происходит борьба населения за существование, направленная в обход и против советской хозяйственной системы. Ведь только этим и надо об'яснить, что в стране погибло от голода, болезней и разорения меньше миллионов, чем должно было бы погибнуть, если бы советская система хозяйства проводилась бы в жизнь на все сто процентов. Но эта борьба населения за существование не поддается изучению и изображению в виде каких то количественных величин, которые надо поставить рядом с советскими оффициальными данными.

Что лежит в основе советской продовольственной политики? В советском изображении эта политика проникнута исключительно заботой о трудящихся. Но легко видеть, что партия, завладев материальными рессурсами страны, прежде всего добивается наиболее значительных финансовых результатов (Очень существенно отметить, что по советским данным («Экономическая Жизнь» № 147 за т. г.) средняя покупка хлеба, вместо 2 килограммов в 1934 г. снизилась до 900 граммов в 1935 году). Для партии это сделать совсем не трудно, т. к. она захватывает такую часть продовольственного фонда страны, которая значительно превышает так называемые товарные излишки.

Обратимся к характеристике тех отраслей народного хозяйства, которые создают продовольственные фонды страны.

В полеводстве исключительное преобладание принадлежит социалистическому сектору (совхозы и колхозы). Говоря о состоянии сельского хозяйства, прежде всего надо отметить наблюдающуюся в последние годы стабильность посевной площади. Размахи прежних лет исчезли. Партия поставила перед собой, очевидно, задачу хозяйственно овладеть землей. В качестве же средства этого овладения является не столько физический труд колхозника, сколько машина. Это основная тенденция политики партии в сельском хозяйстве — освобождение себя от физического труда крестьянства и выполнение заданий при все большем и большем участии машины. Этот процесс легко проследить на ходе основных сельско - хозяйственных работ. Так посевы в этом году прошли несколько лучше, чем в предшествующие годы (но далеко не так, как они должны были бы проходить и как проходили при господстве единоличного хозяйства). Но в выполнении посевных работ в особенности большая роль выпала на долю трактора. Уборка не дала каких либо заметных успехов. И это надо об'яснить тем, что уборочные работы менее механизированы, чем посевные. Получается как будто так, что сельское хозяйство в его главной части выходит из рук крестьянства и попадает в ведение партии и кадров механиков, которые, конечно, приобретают все больше и больше навыка и их труд оплачивается значительно выше, чем труд рядовых работников.

Нельзя, однако, утверждать, что вся масса крестьянства совершенно одинаково относится к настоящему положению. Упрощать это отношение — значит допускать большую ошибку. Необходимо прежде всего иметь в виду, что для известной части крестьянства (прежних безлошадных хозяйств) колхозы кое-что могли и дать (скажем, механической поллошади). Для таких хозяйств колхозная система не является такой неприемлемой, хотя, конечно, колхозники могут с ней мириться лишь в ожидании момента, когда представится возможность завести свое хозяйство. Внутри колхозов также положение чрезвычайно пестро. А. П. Марков приводит многочисленные иллюстрации, характеризующие различие колхозов в снабжении живым и мертвым инвентарем, в оплате трудодня, в количестве земли, причитающейся на душу, в разнообразии урожайности. Это разнообразие порождает различие настроений. И со всей вероятностью можно утверждать, что те колхозники, которые обильнее других снабжены прежде всего землей и орудиями, больше тянутся к колхозам, но не по той причине, что они сторонники колхозного строя, а по той, что мечтают о закреплении впоследствии всего имущества и прежде всего земли за собой для ведения собственного, свободного хозяйства.

При чрезвычайном различии положения колхозов есть несомненно такие, которые имеют излишки хлеба, который везут на базар. Надо, кроме того, иметь в виду, что индивидуальное хозяйство колхозников играет в создании продовольственных фондов все большую и большую роль. Крохотные клочки земли, обрабатываемые колхозниками на индивидуальном праве — это клочки самого совершенного по интенсивности хозяйства. И этот момент является наиболее любопытным. Партия, уничтожившая индивидуальные хозяйства, создает их вновь. Таких хозяйств по количеству больше, чем их было в прошлом и позапрошлом годах. Эти хозяйства теперь санкционированы новым колхозным уставом.

В особенности это существенно в области животноводства. А. П. Марков доказывает, что со времени начала либеральной политики в области животноводства, индивидуальный сектор является преобладающим в животноводстве, т. к. большинство скота принадлежит колхозникам на индивидуальном праве и единоличникам. И партия должна с этим мириться. В планах о восстановлении животноводства она определенно дает преобладание индивидуальному животноводству.

Эти условия необходимо учитывать и при изучении современного продовольственного положения.

На рынок теперь появляется товар не только от социалистического сектора, но и от сектора индивидуального. Совершенно несущественно, что на базар везет товар колхозник. Там на базаре он действует так же, как действует единоличник. Колхозный базар — это крестьянский базар. Роль его постепенно возрастает и начинает оказывать влияние на цены. Рядом статистических иллюстраций А. П. Марков доказывает, как колхозные цены на продовольственные товары стали давить на цены казеные и как для партии стало совершеннейшей необходимостью некоторое понижение цен. Плановые единые цены должны были подчиниться стихии базара и партии пришлось в октябре с. г. идти на некоторое понижение цен.

Но тем не менее нельзя говорить о том, что в СССР создалось нормальное продовольственное положение. Путем сопоставления заработной платы с современными ценами А. П. Марков доказывает, что преобладающая часть рабочих должна сокращать потребление продовольственных продуктов. Кроме того, крестьяне единоличники должны испытывать величайшие продовольственные затруднения, т. к. собственного хлеба им хватать не может, а денежные их заработки ничтожны. Наконец, если часть колхозов может себя прокормить, то немало колхозов, где продовольственные фонды очень слабы.

Конечные выводы А. П. Маркова сводятся к следующему:

Партия в своей сельско - хозяйственной политике опирается не столько на труд крестьянина, сколько на машину.

Это дает улучшение в тех сельско - хозяйственных работах, где больший процент механизации.

Крестьянство, не приемля социализации сельского хозяйства, относится к настоящему положению неодинаково. Лучше снабженные колхозы надеются закрепить за собой те преимущества, которые в процессе коллективизации для них созданы.

Главное внимание колхозников сейчас сосредоточено на интенсификации своего крошечного хозяйства и партия, уничтожив индивидуальные крестьянские хозяйства, создает их вновь.

Продовольственная политика партии проникнута хищничеством. Но умеряющее значение на это хищничество оказывает колхозный базар, играющий все большую и большую роль.

Если нельзя говорить теперь о районах голодающих, то несомненно надо признать очень тяжелым продовольственное положение для преобладающей части рабочих, для беднейшего колхозного крестьянства и для преобладающей части крестьян-единоличников.

Второй доклад А. П. Маркова был посвящен вопросу о промышленности в СССР. Докладчик прежде всего отмечает те черты, которые приписывает своему промышленному хозяйству сама советская власть. Эти черты следующие:

а) Россия из страны с исключительным преобладанием земледелия превращена в индустриальное государство и это сделала советская власть.

б) Перестройка хозяйственной жизни страны достигнута путем использования исключительно внутренних материальных рессурсов, без притока иностранного капитала.

в) В СССР создана новая хозяйственная система, глубоко отличающаяся от капиталистической, ибо советское хозяйство является социалистическим и планированным, хозяйством гармоническим, согласованным во всех своих частях.

г) Советская власть достигла при этом поднятие на значительную высоту материального уровня населения, т. е. рабочих и крестьян.

Такова характеристика достижений на промышленном фронте, даваемая советской властью.

Последовательно А. П. Марков анализирует степень правильности таких утверждений.

Прежде всего он доказывает, что Россия, в особенности в последнее десятилетие перед войной, очень быстро пошла по пути индустриализации и в продукции народного хозяйства доля промышленности стала увеличиваться в темпах, превышающих рост продукции сельского хозяйства. В своем промышленном развитии Россия даже превышала темпы промышленного прогресса западных государств в соответствующие периоды. В России происходил процесс внутреннего накопления капиталов, которые шли в промышленность. Кроме того, все большее значение в промышленности приобретал иностранный капитал. В этом не было никакой опасности. С.-Штаты когда то были импортером европейского капитала, но, достигнув высокого уровня своего промышленного развития, С.-Ш. превратились в экспортера капитала. Приток иностранного капитала, беспрерывно возраставший, открывал широкие перспективы для быстрого промышленного прогресса без отягощения народного хозяйства особыми жертвами для промышленности.

А. П. Марков упоминает, что употребляемые в некоторых случаях аналогии с реформами Петра Великого, смысл которых сводится к оправданию большевистской системы насилия в промышленном строительстве, совершенно безграмотны. Петру Великому пришлось **создавать** промышленность в стране, ибо ее там не было. Кроме того, он должен был пользоваться при этом скудными рессурсами страны, не щадя ее. Но до октябрьской революции капиталы и были и беспрерывно притекали.

Таким образом, никакого нового хозяйств. периода в русской истории большевики не создали и, если бы их политическая задача не привела к изоляции России от Запада, то русская промышленность достигла бы и без советских экспериментов весьма высокого уровня, так как к этому в России были неисчерпаемые возможности, значительно превышающие уже использованные силы в старых промышленных государствах.

А. П. Марков считает, что под влиянием советского шума о грандиозности промышленных достижений, у многих создается впечатление о чем то действительно великом. Между тем достижения промышленности весьма скромны. Если промышленную продукцию в СССР перевести на душу населения и сравнить с С. Ш. С. А., то от грандиозности не останется и следа. Промышленность в СССР находится количественно на еще очень низком уровне.

Вообще, по мнению А. П. Маркова, сравнение СССР с Западом, к чему обычно прибегает советская власть, методологически совершенно неправильно. Во первых, новые промышленные страны, не имея того, что уже сделано в старых промышленных государствах, естественно идут быстрее. В этом отношении примером может послужить Турция, о быстром промышленном развитии которой лестно отзывается и советская печать. Во вторых, и промышленное строительство и промышленное производство в настоящее время происходят в совершенно других технических условиях, чем было раньше. Советская власть, так же, как и до войны, пересаживала к себе высокую западную технику. Наконец, в третьих, Запад уже насыщен промышленностью и для него основной проблемой является в настоящее время не количественный рост, вопрос о чем уже разрешен, а качественное улучшение всей хозяйственной системы.

Нельзя отрицать, что советская власть в своем промышленном строительстве использовала только

внутренние рессурсы. Но в каких условиях это происходило и происходит? В непосильном отягощении населения не было надобности, так как иностранные капиталы обильно пошли бы в Россию при других социально - политических условиях. Промышленность можно было бы строить без ограбления страны и без гибели миллионов людей.

Но существенно то, что советская власть самую проблему построения новой хозяйственной системы до такой степени извратила, что о планированном и гармоническом хозяйстве в СССР вообще не может быть и речи. Советская власть поставила перед собою вопрос только о количественных достижениях и в поисках их совершенно отвергла народно - хозяйственную оценку своего промышленного хозяйства. В самом факте универсальной национализации промышленности надо видеть полное презрение к последствиям этого опыта для страны. Дальше, власть совершенно не считалась с платежеспособностью населения, пред'являя к нему требования без какого-либо учета реальных возможностей, а исходя только из выработанных в партийных канцеляриях заданий. А. П. Марков подчеркивает, что такая политика власти нашла замечательное отражение в двух фактах: в прекрасно действующем в СССР аппарате взимания и никуда негодном аппарате распределения благ (торговле).

Проблема планированного хозяйства, ставшая теперь перед буржуазными государствами, несомненно, более сложна и ценна, чем то, что называют планированием в СССР. Большевики свели ее к весьма грубым задачам количественных достижений, которые при игнорировании интересов населения, при современных технических условиях и при беспощадности к стране разрешить совсем нетрудно.

В ряде диаграмм А. П. Марков иллюстрирует состояние промышленного развития СССР. Но при этом подчеркивает, что и в направлении капиталов в разные отрасли хозяйства и в распределении их по разным отраслям промышленности советская власть меньше всего считалась с интересами населения, что видно из исключительного преобладания промышленности по производству средств производства над промышленностью по производству средств потребления. В такой промышленной политике, обрекающей население на нужду в самых необходимых товарах, не было надобности, так как при нормальных условиях и тяжелая и легкая индустрия могли бы развиваться одновременно, не требуя жертв населения.

Советские промышленные достижения надо оценивать не так, как их оценивают в СССР, а с точки зрения народно - хозяйственной.

А. П. Марков указывает, что промышленность является причиной огромного дефицита, находящего отражение в советском государственном бюджете. Это не имело бы особого значения, если бы к покрытию дефицита не привлекалась страна. Но ей приходится этот дефицит покрывать. Стоит сравнить действующую советскую систему обложения с прежней, как легко убедиться, что власть пошла на введение самой дикой системы налогов. Вся система обложения сводится к универсальному косвенному налогу, падающему на рабочих и крестьян. Среди этих налогов главное значение имеет недопустимый ни в одном культурном государстве налог на хлеб. Власть не щадит рабочих и крестьян обложением. При таком грабительстве количественные промышленные достижения — не диковина. Дайте эти средства американцам, они создадут чудеса.

Советская власть за годы пятилеток совершенно разрушила денежное обращение. Утверждение Сталина, что советский рубль тверд, как скала, ныне опровергается самой же советской властью, приступающей к реформе денежного обращения. Неверно и утверждение Сталина, что советский рубль помог власти создать промышленность. Не рубль это делал, а те материальные блага, которые при посредстве рубля брались из страны.

Этому содействовала низкая заработная плата, которая уплачивалась рублем, подлинная покупательная способность которого не учитывается и, вопреки фактам, принимается неизменной со времени нэпа. Колоссальный рост цен на необходимейшие товары теперь и во времена нэпа свидетельствует, как фантастична теория большевиков о беспрерывном росте заработной платы, измеряемой в ничего неговорящих советских рублях.

Но денежное обложение и обложение страны через выпуск бумажных денег — это только один из источников промышленного строительства. Главнейшим из них является натуральное обложение (заготовки). Они захватывают значительно больше товарной части в валовой продукции сельского хозяйства. И они неизбежно ведут к невыгодности сельско - хозяйственного труда для крестьянства и, следовательно, к невыгодности с точки зрения народно - хозяйственной капитальных затрат на колхозное строительство.

Советская власть, достигнув прославленного промышленного уровня, совершенно оказалась бессильной радикально улучшить снабжение крестьянства необходимейшими потребительскими товарами. А. П. Марков приводит данные, из которых видно, что до войны и в период нэпа крестьянин за пуд хлеба получал значительно больше товаров, чем получает теперь.

Что касается снабжения рабочих, то огромная их масса принуждена при нынешнем уровне заработной платы сокращать свое потребление.

Таким образом количественные достижения советской промышленности надо об'яснить только тем, что **советская власть создавала и создает промышленность при полном пренебрежении к интересам страны.** Ни одна «капиталистическая акула» не может так хищничать, как хищничают большевики. Восхищаться количественными достижениями советской

промышленности, это значит принять точку зрения самого оголтелого предпринимателя. Нельзя восхищаться одним тем фактом, что промышленность в стране стала государственной. Это — еще не достижение и еще не усовершенствование хозяйственной системы. Государственная промышленность в руках большевиков является не фактором создания благополучной жизни, а причиной угнетения населения материального н политического.

В последнее время советская власть поставила перед собою задачу достижения промышленностью рентабильности. Но любопытно, что и в этом случае советская власть действует, как «капиталистическая акула». Для промышленности добиться рентабельности не трудно при ее монопольном положении в стране. В ее распоряженин монопольные цены. У нее нет конкуррентов. Но разве в этом заключается задача рентабельности? С точки зрения народно - хозяйственной проблема рентабельности требует не только достижения этой целн промышленностью, но и сельским хозяйством. Должны быть рентабельными и все совхозы и колхозы. Но для этого прежде всего необходимо, чтобы советская власть уплачивала бы не 2-3 миллиарда за один только отнимаемый хлеб, а 18-20 миллиардов. Если бы рентабельно оплачивались все заготовки, то весь советский доходный бюджет должен бы пойти на оплату заготовок. Однако, это еще не все. Рентабельность будет фиктивной, если не будет повышена до нормального уровня зараб. плата рабочих и служащнх. Нельзя предприятие в народно-хозяйственном смысле считать рентабельным, если прибыль предприятия создается за счет недоедания рабочих. Но такого подхода у большевиков к рентабельности нет и быть не может, ибо при таком взгляде на рентабельность они должны были бы ликвидировать значительную часть своего промышленного хозяйства. Они идут другим путем — путем нещадной эксплоатации крестьянства и рабочего класса. И этот результат индустриализации является основным н главнейшнм «достижением» советской «планированной», «социалистической» системы хозяйства.

Б. Д.

Д. МЕЙСНЕР

Коренной сдвиг или смелый маневр?

(Вокруг проблемы еднного фронта).

Что являлось определяющим началом в тактике Коминтерна? На какнх «кнтах» строилась стратегия революционной борьбы за утверждение своих позиций и за мировую социальную революцию вскормленного русским золотом и вспоенного русской кровью мнрового коммунизма?

I) Комнитерн ждал революционного выхода из раз'едающего современную Европу экономического крнзнса.

II) Коминтерн решительно отвергал различие (с точки зрения меньшего зла) между буржуазной демократией и фашизмом. Мало того: временами он предпочитал молодой, только что слагающийся фашизм старой прочной демократии, находя, что с фашистским режимом легче будет справиться в час «последней и решительной» схваткн.

III) Коминтерн решительно отвергал Лигу Наций, как простое орудие господства государств-победителей над государствами, потерпевшими поражение. Прн этом национализм н «ревнзионизм» побежденных всячески потакался, так как в нем видели самое верное революционное бродило.

IV) Коминтерн не только окончательно отвергал буржуазную демократию, но и какое либо сотрудничество с «социал-фашистскими» социалистами, его чуть не главными врагами, обманщиками рабочего класса. Европейские события последних лет заставнлн международных пособников и агентов московской власти сильно задуматься и основательно перевооружить свою демагогию; конечно, с благословения, прежде всего, Москвы. В самом деле. Что говорили вожди Коминтерна на Московском с'езде летом этого года?

Утверждали онн следующее: 1) Необходнмо всеми силами н до «последней капли кровн» защищать демократический и республиканский строй там, где он существует. Для этого нужно, чтобы коммунистически настроенные и организованные рабочие содействовалн сформированию демократнческого кабинета во Францнн и рабочего в Англнн, чтобы они поддержали коалиционные правительства там, где таковые имеются (Чехословакия, Дания, Швеция и т. д.). 2) Нужно прнзнать целесообразным, в известных случаях, даже вхождение коммунистов в правительство, конечно, для усиления борьбы с наступающим врагом. 3) Необходимо создать не только единство действий между коммуннстами и социалистами (пресловутый единый фронт!), но и восстановить **организационное** единство классовых рабочих профессиональных и политических организаций, и притом не на основе прнятия социалистамн коммунистической программы и тактики, а на началах «рабочей демократии и свободной борьбы мнений внутри единой организации». 4) Необходимо отказаться от единства тактики отдельных партий-секций Коминтерна и предоставить нм шнрокую «полнтическую автономию», для свободного маневри-

рования, вплоть, как сказано выше, до участия в официальном управлении страной.

Очень многие готовы согласиться с г. Даном, победоносно восклицающим в «Социалистическом Вестнике»: «одним взмахом руки они (речь идет о знаменитых 21 пунктах, легших в основу Коминтерна и определивших раскол рабочего социалистического движения) сброшены в мусорный ящик истории, как будто их никогда и не было».

Как же понять происшедшую метаморфозу, похожую не столько на эволюцию», сколько на самую радикальную «революцию»? Неужели в самом деле Савлы превратились в Павлов, интегральные взрыватели буржуазного правопорядка в оппозицию «Его Величества», голосующую вполне добросовестно за коалиционную, буржуазно - социалистическую власть, как то, напр. было 9 ноября с. г. в Праге, в парламентских дебатах по докладу министра ин. дел Бенеша? Прежде чем дать ответ на этот основной вопрос — одно психологическое наблюдение над речами, сказанными на московском пленуме Коминтерна, справедливо смутившее русских социалистов.

Свой поворот на 180 градусов заправилы Коминтерна сделали, что называется, не сморгнув глазом; при этом поражает «полное отсутствие вдумчивой и открытой самокритики, без которой, казалось бы, столь радикальный пересмотр всей политической и организационной тактики попросту немыслим» (статья г Дана в номере «Соц. Вестн.» от 25-VIII). В самом деле никаких сомнений, фракционной борьбы, поисков компромисса. Если и приводятся аргументы в защиту новой линии, то рассчитаны они **исключительно** на партийную галерку. «Вожди» с обычным воодушевлением, под верховным водительством молчаливо присутствующего на конгрессе «великого Сталина», и под ободряющие выкрики нынешнего «рулевого» Коминтерна болгарина Димитрова, — занимают новые, отведенные им начальством, позиции.

Впрочем не надо думать, что старая фразеология оставлена до конца и притом далеко не только **одна** фразеология!

Французский делегат на конгрессе Коминтерна Торез так определяет задание единого фронта: «Мы идем во Францию навстречу великим боям»; и далее цитата из Сталина: «Победа революции никогда не приходит сама, ее надо подготовить и завоевать. А подготовить и завоевать ее может только сильная пролетарская революционная партия». Задача поставлена ясно: единый фронт должен не только предупредить фашизацию Франции (это — программа-минимум), но и в порядке великих боев привести к великой революции (программа-максимум и подлинная задача г. Тореза). Еще определеннее формулировал положение, в своей вступительной речи при открытии конгресса Коминтерна, представитель разгромленного германского коммунизма Пик. Он сказал: «Под влиянием опыта классовой борьбы последних лет, под влиянием громадных успехов социалистического строительства в СССР в рабочих массах, в особенности среди социал-демократически настроенных рабочих, начался перелом в сторону решительной борьбы против наступления капитала, фашизма и войны. Во всех странах растет мощное движение единого фронта, которое означает поворот рабочих масс **от реформизма к революционной борьбе».** Здесь союзникам уже прямо предлагается не что иное, как прежняя коммунистическая программа прямой борьбы за социалистическую революцию И германский коммунист был вполне последователен, когда закончил свой доклад словами — «Наш путь — это революция народов против всех угнетателей и эксплуататоров. Наш главный лозунг — советская власть!»

Вещи, как видим, стоят на своих местах.

В своем отчетном докладе о деятельности Исполкома Коминтерна тот же Вильгельм Пик сделал заявления, не слишком лестные для тех, кого он в своей речи звал к сотрудничеству. «Социал-демократические вожди, провозгласил Пик, обанкротились. История зло посмеялась над жалкими проповедниками « сотрудничества классов », теоретиками организованного капитализма и мирного «врастания в социализм».

Правда, новый временщик, состоящий при самодержце Сталине в должности обер-наставника Коминтерна, Георгий Димитров является главным пропагандистом и обоснователем «единого фронта», для которого он милостиво «не ставит никаких условий, за исключением одного, элементарного, для рабочих приемлемого. А именно, чтобы единство действий было направлено против фашизма, против наступления капитала, против угроз войны, против классового врага!!» Однако и Георгий Димитров, подробно и достаточно, с точки зрения интересов компартии, обосновав необходимость единства рабочего класса, заканчивает свой руководящий доклад словами: «находятся мудрецы, которым чудится во всем этом отступление от наших принципиальных позиций, какой то поворот вправо от линии большевизма. Что же? Голодной курице, говорят у нас в Болгарии, всегда снится просо».

Как видим, вопрос, поставленный в заголовке нашей статьи: «коренной сдвиг или смелый маневр», несмотря на несомненность утверждений, что с'езд Коминтерна пошел по линии полного пересмотра прежней стратегии и тактики и что в этом отношении на Коминтерн **всей своей мощью** давил его подлинный властелин — советская московская власть, решается не так просто и вовсе не в том, благодушном порядке, который, по образному выражению нового рулевого Димитрова, рисуется, к сожалению, далеко не одной «болгарской курице».

Советская власть и состоящий при ней Коминтерн одинаково являют собой двуликого Януса, один лик которого, перед лицом фашистской опасности, претворяющейся, в отношении России, в опасность

иноземного нашествия, приветливо улыбается умеренным и радикальным социалистам, просто радикалам, пацифистам, Лиге Наций буржуазно-демократическим правительствам и вообще всем тем, на кого можно опереться против врага № 1, особенно любезен этот лик по адресу союзников СССР по борьбе за мир, т. к., очевидно, что Сталин и его министры сейчас действительно до конца миролюбивы...

В этом крутом повороте тактики Коминтерна, как и советской власти в ее внешней политике, нет ничего **принципиально** нового. Еще в 1918 году на седьмом партийном с'езде партии большевиков была принята резолюция, раздел четвертый которой гласил: **«программа (партии) должна указать, что наша партия не откажется от использования и буржуазного парламентаризма, если исход борьбы отбросит нас назад на известное время от этой, превзойденной теперь нашей революцией, исторической ступени».**

Предположить, что Сталин всерьез вспомнит сию соблазнительную резолюцию в применении к нашей российской действительности, значило бы проявить больше оптимизма, чем реального учета сегодняшней советской обстановки, но что резолюция эта, в какой то мере, применяется сейчас коммунистами в Европе, там, где фактически существует государственный правопорядок, основанный на принципах демократии, где коммунисты ищут «единого фронта», оспорить никак нельзя.

Утопающий хватается за змею, гласит индусская поговорка, удивительно удобно применимая и к коммунистам,, протягивающим руку социалистам с риском «размагнитить» свои революционные рабочие массы, и к некоторым социалистам, идущим на союз с Коминтерном, подвергая себя еще большей опасности быть обойденными слева своими, куда более приспособленными к подлинной борьбе друго - врагами и, особенно, к буржуазным радикалам, для которых союз с коммунизмом не может дать ничего, кроме рокового и бесславного поражения.

Куда же смотрит второй лик Януса-Коминтерна, инструктируемого московским начальством? Этот второй лик имеет в виду политику «дальнего прицела». Представим себе на минуту, что европейский, точнее немецкий, фашизм, вместо того, чтобы обрушиться на СССР, сорвется с пути на Восток, куда его зовут германцы, и Европа займется самоистреблением в своих локальных пределах.

Тогда станет действительной реальностью великая, мировая, социальная революция, отведенная сейчас далеко на запасные пути. Такой возможности **может и не быть,** но она **и не исключена;** нечего доказывать, что не Димитрову и Пику забыть об этом гипотетическом шансе отыграться раз навсегда. Если мы теперь обратимся к лозунгам, об'явленным Москвой в день советского праздника 7-го ноября, то нельзя не согласиться с тем же «Социалистическим Вестником», справедливо замечающим: «в международно - пролетарской части лозунгов 1935 года нет ровным счетом ничего такого, что отличало бы их от лозунгов 1934 года и отражало бы то специфически новое в тактике Коминтерна и советской власти, что, казалось бы, стало проявляться за последний год и с чем сторонники единого фронта в Европе связывали столько надежд... Историческое распутье **продолжается»...** (курсив мой, см. Соц. Вестник» от 10 ноября).

Мы знаем, что борьба за «единый фронт» продолжается; знаем, что верным пестуном последнего является французская социалистическая среда и часть радикалов, принудивших эту буржуазно - мещанскую партию коалироваться с коммунистами и таскать чужие каштаны из опасного костра, который, раз разгоревшись, может начать пылать уже вне воли принесших к нему первые сухие ветви. Говорят, что наличие фашистских лиг заставляет активизировать «единый фронт» (соображения внешней политики, сами по себе очень существенные, мы тут намеренно оставляем в стороне).

Какой, очевидно, порочный круг! Ведь и вожди этих лиг привлекают новые тысячи последователей одним кивком головы в сторону странного «левого» блока и связанной с ним революционной опасности. Слишком легко доказать, что в едином фронте, в случае наступления действительно острой политической ситуации, руководство массами почти неизбежно должно перейти к коммунистам, с теми всеми грозными последствиями, которые отсюда проистекут. «Единый фронт» может стать лекарством более опасным, чем самая болезнь.

Мы знаем, что в других странах картина сложилась совсем иная. Социалисты там (классический пример Чехословакия) органически сотрудничают с «буржуями» в самом правительстве и отвергают все попытки к единому фронту, вовсе не отвергая политического союза с советской государственной властью. Последний, очень важный и характерный этап в истории коммунистических навязываний себя в союзники социалистам разыгрался совсем недавно. Когда на африканском небосклоне сгустились тучи, коммунисты, как всем известные миротворцы, начали бить тревогу. 1 мая 1935 года коммунистический Интернационал обратился к Интернационалу социалистическому с предложением общего выступления против войны. 25 сентября предложеие это было повторено в очень настоятельной форме. 7 октября Димитров послал секретариату II Интернационала срочную телеграмму, в которой заявлял: «всякое дальнейшее промедление в деле установления единства действий для борьбы против начавшейся войны имело бы тяжкие последствия». Только 12 октября, — жалуется сотрудник «Правды», известный коммунистический деятель Готвальд, — исполком Соц. Интернационала начал обсуждение предложения Коминтерна. Известно, что последовало дальше. Против предложения Коминтерна, со всей

решительностью высказались представители 5 партий — в связи с чем Соц. Интернационал отказал Коминтерну в единстве действий. Принята была очень определенная по своему общему направлению резолюция: «Что касается предложения Коминтерна о свидании с 4 делегатами, выделенными им, то социалистические партии Англии, Голландии, Швеции, Дании и Чехословакии заявили, что они не могут одобрить принятия этого предложения, во-первых, в виду состава делегации Коминтерна, во-вторых, потому, что отвергают всякое единство действий с компартиями их стран и всякое единое действие обоих Интернационалов. Исполком Социалистического рабочего Интернационала вынужден считаться с мнением этих крупных партий рабочего класса и не может принять приглашения Коминтерна». Интересно, что эта резолюция, предупреждающая возможность раскола II-го Интернационала принята была исполкомом его **единогласно,** при одном воздержавшемся.

Как видим, протянутая рука еще раз повисла в воздухе и социалистический Интернационал остался на своей прежней, установленной еще 7-го ноября 1934 года позиции, согласно которой «входящие в социалистический рабочий Интернационал партии сами решают, хотят ли они идти на единство действий с коммунистической партией в своей стране или нет».

Попробуем свести высказанное выше нами к немногим кратким тезисам: 1) Изменение тактики Коминтерна вызвано двумя причинами: поражением компартий в странах наступающего фашизма и новой ориентацией советской власти, боящейся международных для нее осложнений и военного конфликта и переживающей период депрессии, после неудачной попытки проведения «социализма в одной стране», 2) Идея мировой революции, в данное время неактуальная, остается в железном идейном фонде Коминтерна и сов. власти; для этой перспективы еще могут открыться невиданные доселе возможности, 3) Единый фронт социалистов с коммунистами грозит первым захватом их организационных и идейных позиций вторыми, 4) Единый фронт «буржуазных» партий с коммунистами порочен в самой своей основе и является лучшим козырем в игре фашистских элементов и их боевых дружин, 5) Демократия **должна** и **может** защищаться лишь на своих собственных позициях. В трудные минуты она должна быть крутой в своих действиях, но и ясной в своей программе и тактической линии. Доказательства тому дает сама жизнь: там, где нет единого фронта, — демократия сильна, а фашизм хил; там, где имеется «единый фронт», растет параллельно и фашистская сила, причем последняя растет быстрее первой.

Можно, конечно, устранить чорта реакции, но место его легко может занять Вельзевул; — эти слова, сказанные много десятков лет тому назад Масариком, следует напомнить друзьям «единого фронта».

У нас, русских, на этот счет есть кое-какой опыт.

Д. Мейснер.

В. ПОПОВ

Советские достижения и эмиграция

По адресу эмигрантской прессы за последнее время можно нередко слышать упреки в тенденциозно-мрачном освещении советской действительности — в нарочитом подчеркивании и раздувании советских неудач и недостатков и в сознательном замалчивании или, в крайнем случае, сильном затушевывании советских успехов и достижений.

Упрекающих можно разбить на две группы. Первая — это люди, утратившие волю к борьбе с большевиками, **уверовавшие** в положительные качества и сов. эксперимента и сов. строя и со свойственной всем неофитам страстностью этот строй защищающие. Разубеждать этих людей — дело бесполезное, т. к. чувство у них превалирует над разумом и рассеять созданные ими иллюзии может только непосредственное на месте ознакомление с подлинной советской действительностью.

Вторая, гораздо более многочисленная, чем первая, группа состоит из людей продолжающих, и поныне оставаться на своих антибольшевистских позициях, но испытывающих в своей душе сомнения и колебания. Привыкшие тщательно обосновывать как свои симпатии, так и антипатии, эти люди не ощущают в себе прежней уверенности и мучаются сомнениями, подлинно ли правильна занятая ими позиция и следует ли на ней оставаться и в дальнейшем. Что именно смущает и волнует этих людей?

Первое — это неосуществление постоянных, изо дня в день, из года в год, повторявшихся утверждений эмигрантской прессы о полном провале большевистских затей и о неминуемости и близости бесславного большевистского конца.

Второе — неудовлетворенность эмигрантов окружающей здесь обстановкой. Попав заграницу в эпоху после-военной разрухи и жесточайшего экономического кризиса, видя собственными глазами раздирающие весь мир противоречия, терпя материальную нужду и испытывая на себе самом всякого рода ущемления и стеснения в своем праве на труд и на существование, многие эмигранты стали совершенно по-иному расценивать действующую на Западе социально - экономическую систему и, же-

стоко критикуя ее, стали более снисходительно относиться и к сов. недостаткам.

Третье — самое важное и существенное — более всего смущающее эмигрантские души обстоятельство — это всевозможная пропаганда всякого рода советских «побед и достижений».

В области пропаганды большевики показали себя подлинными и искусными мастерами этого дела и для восхваления своего социально - экономического и политического строя и для прославления своих вождей пользуются всеми возможными средствами. Печать русская и иностранная, радио, кино, литература, искусство, все новейшие достижения мирового прогресса — все работает для прославления сов. строя и в области рекламы своих подлинных и мнимых успехов большевики действительно «догнали и перегнали» Америку и прочие капиталистические страны. И нужно отдать справедливость, затраченные большевиками усилия не пропали зря, и не только весьма большое число иностранцев искренно уверовало в положительные свойства сов. строя, но и во многие эмигрантские души закрались сомнения и колебания.

Попытаемся разобраться, есть ли, действительно, успехи большевиков и в какой мере эти успехи могут изменить отношение эмиграции к сов. власти.

Очень часто, говоря о результатах сов. эксперимента, производят сравнение между нынешними данными и данными последних довоенных лет (обычно 1913 г.) и количественный, весьма значительный для некоторых областей народного хозяйства, прирост ставят всецело и исключительно в заслугу сов. правительству. Упускают из вида, что Россия, независимо от ее политического строя, за эти 20 лет не стояла бы на месте, а развивалась бы, шла бы по пути и индустриализации и механизации сельского хозяйства. Лучшее доказательство тому — последние довоенные десятилетия, когда наша страна энергично насаждала и развивала свою промышленность и быстрым темпом догоняла западно-европейские страны. Этот рост шел без всяких жертв со стороны населения.

Забывают также, говоря о сов. достижениях, и об общем мировом прогрессе, сделавшем за последнюю четверть века совершенно невиданные прежде по размерам и глубине успехи. Вспомним хотя бы завоевания, почти не существовавшей до войны авиации, синематографа, радио. Научный прогресс совершенно трансформировал темп мировой жизни уничтожил казавшиеся ранее непреодолимыми препятствия, уничтожил расстояние, связав между собой отдаленнейшие уголки земного шара. Разве Россия при любом строе осталась бы в стороне от этого прогресса, не воспользовалась бы его достижениями, его новейшими завоеваниями, разве она не использовала бы его так же, как это сделали большевики?

И еще одно обстоятельство, тоже весьма немаловажное — это заслуги и достижения самого русского народа, создавшего в эпоху, когда большевиков еще не существовало вовсе в природе, и великую русскую литературу и русскую науку и искусство.

Богатый талантами, пытливый в своих исканиях, не любящий ходить по протоптанным уже тропам, а жадный до поисков новых путей, новых завоеваний, русский народ дал миру не мало блестящих своих дел, не мало блестящих своих представителей. И достаточно примера Ломоносова, чтобы показать, что эти лучшие русские люди не принадлежали только к выходцам из «правящего класса». Мы всегда верили и посейчас глубоко верим и в талантливость и в творческую энергию наших соотечественников и мы были первыми, утверждавшими, что приход большевиков к власти не мог убить творческих сил русского народа и что Россия, несмотря на кошмарные условия своего существования, **жива и живет.** За 18 лет пребывания большевиков у власти обнаружилось не мало новых талантливых русских людей — они об'явились бы и при наличии иной власти — и приписывать их существование и появление исключительно большевикам нет решительно никаких оснований. Прежние правительства были много скромнее большевистского, они никогда не приписывали себе заслуг выдающихся русских людей даже тогда, когда эти правительства действительно оказывали этим людям помощь и поддержку в их творчестве, и победы русского гения никогда не выставляли за достижения своего режима.

Большевики заменили имя «Россия» названием «Советский Союз», а слово «русский» словом «советский». И теперь вы нигде не встретите выражения «победа русского гения, русского писателя, артиста, ученого», везде говорится о «советских» победах «советского» ученого, писателя, артиста. Если иностранцы и сейчас часто называют победы русских людей «русскими» победами, то большевики этого не делают никогда. Слово «советский» им дает возможность известного политического шулерства, приписывания личного успеха каждого советского гражданина успеху существующего в России социально-политического строя.

Для примера назовем только трех лиц, прославивших русское имя еще задолго до октябрьской революции — Павлов, Горький и Качалов. Ныне — это «советский ученый», «советский писатель», «советский артист». Ну, а если бы не было большевиков, разве их творческая деятельность была бы менее интенсивной и разве именно сов. власти они обязаны своими достижениями?

Нам чужда точка зрения нашей правой эмигрантской печати, в своей лубочной непримиримости не желающей признавать никакой целесообразности и полезности для России тех или иных большевистских действий и принципиально и огульно отрицающей какие либо советские достижения.

Нет, говорим мы, воздадим большевикам должное, но только должное и, если мы о большевист-

ских действиях отзываемся положительно весьма и весьма редко, то только потому, что мы умеем отличать подлинные достижения от дутой рекламы, потому, что мы оцениваем не только, что сделано, но и как и какой ценой это сделано.

Мы не отрицаем ни исключительной энергии, ни ряда достигнутых сов. властью хозяйственных успехов, но мы не можем проходить мимо наличия в их деятельности самой невероятной фантастики, нездорового прожектерства, рекордсменства, непроизводительности многих расходов, бессмысленности многих затрат. Мы видим, что у большевиков имеют гораздо больше успеха проекты, бьющие на эффект, чем планы рационального и гармоничного развития народной жизни. Мы знаем, что созидание в одних областях идет за счет разрушения и разорения других.

Мы очень скептически относимся к советской статистике, т. к. знаем, что в ней много ложных, нарочито - подогнанных данных, что «очковтирательство» пышным цветом цветет на всех ступенях сов. лестницы. Мы знаем, что более или менее точные и отвечающие истине цифры даются только через год, когда начинают говорить о неповторении в текущем году ошибок прошлых лет.

Мы знаем, в какую цену обходится русскому народу советское хозяйничанье, знаем, что за выстроенные большевиками фабричные и сельские гиганты он заплатил миллионами жизней, 18 годами кошмарного и голодного существования. Мы знаем и то, что это продолжается и поныне и, хотя Сталин и говорит, что жить стало веселее, но веселье это доступно и сейчас только немногим.

Но разве количеством добытого большевиками угля, нефти, золота и их хозяйственными достижениями или провалами определяется наше отношение к сов. власти? Разве сомнениями в хозяйственных способностях большевиков об'ясняется наше непримиримо - враждебное отношение к ним? Разве из-за этого мы начали и продолжаем и поныне нашу борьбу с ними? Конечно нет. Советская диктатура для нас неприемлема не только по мотивам экономики, а, главным образом, и за их отношение к человеческой личности, за пренебрежение человеком как таковым...

В этой области за все 18 лет сов. властвования мы не видим абсолютно никаких изменений. И на 19-м году сов. власти, так же как и на заре большевизма, такое пренебрежительное отношение к человеку, такая же расценка его лишь с хозяйственной точки зрения. Знаменитая Сталинская речь о кадрах, о необходимости беречь людские кадры, лишний раз подчеркнула, что большевики ценят людей только как кадры, как одну, притом наиболее трудно заменимую принадлежность машины, а отнюдь не как индивидуум, как человеческую особь саму по себе.

Бесправие сов. гражданина остается неизменным втечение всех 18 лет сов. господства и до сих пор сов. гражданин, ложась вечером в кровать, не уверен, что проспит в ней до утра, а не будет среди ночи отправлен безо всякого суда и вины за тюремную решетку, в далекую ссылку, на расстрел...

Мы не забываем, о бесчисленных лагерях ГПУ или НКВД, как оно зовется теперь, где в ужасных условиях каторжной жизни томятся, если не миллионы, то многие сотни тысяч ни в чем неповинных людей, мы не забываем всей кошмарной, кровавой сущности советского режима.

Нас не соблазнят действующие на воображение многих блестящие фасады воздвигнутых большевиками гигантов, так как мы постоянно помним и о сов. задворках и о сов. застенках и, пока последние существуют, и наше и всей русской эмиграции отношение к большевикам может быть только одним — определенно отрицательным.

В. Попов.

Е. НОВОХАТНЫЙ

Политическое об'единение эмиграции

В одном из своих публичных выступлений, П. Н. Милюков мимоходом коснулся вопроса о созыве нового зарубежного с'езда, идея которого, судя по проявленной одной из парижских эмигрантских газет нервности, возникла и культивируется в тех-же эмигрантских кругах, которыми в свое время был организован и первый зарубежный с'езд.

Конечно, девять лет в жизни эмиграции — срок большой. За это время эмиграция, как и все в мире, как-то эволюционировала. Поэтому есть много вероятий за то, что на таком с'езде обозначилась бы некоторая перегруппировка политических сил и отметились бы некоторые политические сдвиги. Однако и этот, вообще говоря весьма проблематический с'езд, как и с'езд 1926 г., мог бы быть назван зарубежным только по географическому признаку, а никак не в смысле широкого политического об'единения эмиграции, пути к которому вперед заказаны отсутствием той общей политической платформы, которая допускала бы более широкий политический сговор.

«Об'единение на отрицательной задаче недостаточно, а на положительной невозможно», формулировал существующее положение П. Н. Милюков, и с этим трудно не согласиться.

В русской эмиграции, как и повсюду, существуют различные политические течения и добиваться политического об'единения там, где взаимное от-

талкивание кроется в самых основах политического миросозерцания, является делом явно безнадежным. А потому, обывательской мечте о «всеобщем» об'единении надо положить конец и к ней больше не возвращаться.

Однако, одним таким признанием, вопрос о политическом об'единении эмиграции далеко еще не исчерпывается. Ибо нельзя опровергнуть того печального факта, что политическое дробление зарубежья с годами не только не уменьшается, а, наоборот, заметно увеличивается. Как грибы после дождя, появляются все новые и новые политические группировки, замкнутые в узком кругу, враждебные всем остальным и, что хуже всего, с весьма малым политическим кругозором, а, в большинстве, и с довольно сумбурной идеологией. Эмиграции определенно грозит опасность глубокого погружения в тину кружковщины, где начетнический спор о политическом двуперстии и триперстии приобретает доминирующее значение и заслоняет все остальное.

Поэтому, не стремясь к заведомо недостижимому, не следует, однако, упускать из виду всего того, что могло бы препятствовать образованию этой кружковщины и так или иначе способствовать выходу эмиграции на путь более широких политических об'единений. Думается, что в современную нам эпоху острых социальных конфликтов, когда меняются привычные формы социальных взаимоотношений, а попутно берется под сомнение ценность, казалось бы, незыблемых основ европейской культуры, можно найти достаточно материала для пересмотра степени важности и уместности тех междупартийных разногласий, которые, быть может, имеют известный смысл в процессе нормальной государственной работы, но которые навряд-ли могут быть оправданы в условиях эмигрантской деятельности; особенно, если принять во внимание исключительную остроту переживаемого нами времени, которое трудно назвать периодом спокойной эволюции.

Конечно, было бы ошибочным утверждать, что мы переживаем эпоху как раз той социальной революции, о которой в свое время мечтали большевики. Это было бы непростительным преувеличением. Но еще более ошибочно и близоруко относить все социальные конфликты современности к числу явлений случайных и временных, после изжития которых народы снова вернутся в старое русло довоенной государственности.

Не приходится отрицать, что социальное равновесие в послевоенном государстве в сильной степени нарушено. Что в частности оно нарушено в области наиболее чувствительной, в области социальной экономики. А потому, если в первые годы после войны некоторые государства еще могли мечтать о возврате к старому порядку вещей, то в настоящее время, когда выяснилась практическая неосуществимость этих надежд, суровая необходимость заставляет их, одно за другим, переходить на путь более или менее радикальных реформ, имеющих своей целью вновь обрести то утраченное равновесие, без которого немыслима нормальная жизнь государства.

И с этой точки зрения, волна революций, в том числе и фашистских, которая прокатилась в послевоенные годы по Европе, и непрекращающееся глухое брожение, которое в настоящее время наблюдается повсеместно, имеют в основе своей одну и ту же сущность: глубокое недовольство народов существующей системой человеческого общежития и стремление заменить ее новым социальным строем, в большей степени отвечающим социальному сознанию современного человека.

В одних случаях эти искания протекают с большими потрясениями; в других — с меньшими. Одни народы ищут выхода в одном направлении, другие — часто в противоположном. Но как вывод можно утверждать лишь одно: единодушное в своем отрицании старого социального порядка, человечество настойчиво ищет новых его форм, но пока что не достигло таких результатов, которые бы в достаточной степени удовлетворяли пред'явленным требованиям. Мир все еще находится в периоде судорожных социальных исканий, а характерный тип послевоенного государства — в периоде формирования.

Поэтому, вполне естественно, что политические партии, особенно старые, чья идеология создавалась в довоенное время, вынуждены, учитывая новую обстановку, или заново пересматривать свои программы, или, пользуясь растяжимостью включенных в них понятий, толковать их по иному, или, наконец, просто-на-просто отказываться от их практического осуществления, несмотря на открывающиеся, иногда, к тому формальные возможности.

Последним, особенно, грешат, и это вполне естественно, партии программно более радикальные, в частности, партии социалистические. А характерным примером такого глубокого забвения своей собственной программы может служить германская социал - демократия, которая за много лет своего пребывания у власти не только не пыталась осуществить свои программные жупелы, как например, социализация промышленности, но даже не рискнула на хотя бы скромненькую земельную реформу, настоятельно диктуемую и современным социальным сознанием и тактическими интересами самой партии.

Такую же, мягко выражаясь, осторожность можно отметить в деятельности и других радикальных партий, вышедших в послевоенное время из положения безответственной оппозиции на широкую дорогу ответственной государственной работы.

Конечно, в каждом отдельном случае имелись и имеются достаточно веские обстоятельства, заставляющие эти партии идти по пути столь отличном от программного, но от этого сущность дела не меняется: так или иначе, а жизнь показала, что их программы страдают известным максима-

лизмом, не могущим быть осуществимым на практике иначе, как по рецепту российских большевиков, составляющих в этом отношении исключение из общего правила. А потому, поскольку партия не строит свои расчеты на кровавую революцию и насильственное, в духе большевиков, изменение существующего социально - экономического строя, практические для нее возможности заключаются лишь в некотором компромиссе с реально существующим, в известных к нему поправках, словом, не радикальная ломка, а реформа, хотя бы и глубокая.

Это обстоятельство, повидимому, учитывается и в России, где стремление не ломать существующую систему в целом, а лишь приблизить ее к потребностям и возможностям страны, наблюдается и среди оппозиционных групп, которые получили там сколько нибудь широкое признание.

Итак, и в обще - европейском и в частно - российском случае можно отметить большую тенденцию к реформе существующего соц.-экономического строя, с той лишь разницей, что на западе эта реформа направлена в обратную, по сравнению с Россией, сторону. Т. е., если в российском случае жизненная необходимость настойчиво требует отступления от ортодоксального социализма и отведения индивидуальному началу известной области в хозяйственной жизни страны, то та же жизненная необходимость толкает остальные государства на путь решительного отказа от ортодоксального хозяйственного либерализма и значительного расширения сферы деятельности, и роли вообще, в народном хозяйстве, начала государственного (коллективного) за счет ослабления начала частно-капиталистического.

Таким образом, на ближайший период жизни человечества как будто бы намечается известный компромисс в виде синтеза социалистического и частно-капиталистического хозяйствования, причем сфера деятельности и роль того и другого из этих начал будут естественно диктоваться теми хозяйственными, политическими и бытовыми условиями, которые имеются на лицо в каждой отдельной стране.

Поэтому, не приходится удивляться, что ревизионистские тенденции в смысле отказа от немедленного 100 % социализма постепенно усиливаются в сознании социалистически настроенных масс и, как это видно из примера бельгийской социалистической партии, принявшей известный «проект де - Мана», учитываются отдельными социалистическими партиями. Подобный же переход из области желаемого в область достижимого настолько приближает их к тем радикальным, но не-социалистическим, течениям, типа РДО, которые, не отрицая ценности социализма, как известной соц.-экономической доктрины, считают, однако, что полная социализация народного хозяйства не отвечает ни интересам, ни запросам человека, — что между ними исчезают принципиальные отталкивания, и вопрос сводится в сущности к спору о степени, что, конечно, не может служить непреодолимым препятствием ни для идейного сближения, ни для совместной практической работы.

Но и помимо этой программной близости в области экономики, сближение этих групп диктуется и тем, не менее важным обстоятельством, что, как показал после-военный опыт, в своей борьбе за новый социально-экономический порядок, народы часто теряют и те, конечно, недостаточные, но все же весьма ценные для человека политические права и гражданские свободы, которые в результате длительной борьбы были, наконец, закреплены в принципах демократии. Поэтому, поскольку обеими сторонами признается ценность этих принципов и ощущается стремление к защите их в периоды политической реакции, для них создается новая идейная база, оправдывающая их сближение и в области общеполитической.

Нечего и говорить, что подобное об'единение демократических сил вдвойне оправдано в применении к российской эмиграции, где почва для нее еще в большей степени подготовлена и наличностью общей борьбы с коммунистической диктатурой, и отсутствием тех партийных избирательных интересов, которыми часто диктуются тактические шаги отдельных политических партий.

Таким образом, считая, что политическое об'единение эмиграции не может быть осуществлено на основании одного лишь формального признака принадлежности к антибольшевистскому лагерю, но требует, кроме того, и своего идейного оправдания, максимальные возможности для эмиграции в этом отношении открываются в виде создания двух фронтов: реставрационно - фашистского, стремящегося вернуть Россию к исторически обреченным формам довоенной государственности, путем ли прямого насилия над русским народом, или фальсифицированием его воли в тисках единоличной или партийной диктатуры и фронта социальной демократии, идеологически приемлющей русскую революцию и склонной закрепить все те ее социальные сдвиги, которые соответствуют народному желанию, выраженному в условиях свободного, демократического, режима.

Думается, что об'единение в том или другом виде отдельных эмигрантских групп внутри этих двух фронтов и отвечает общим задачам эмиграции и может реально осуществиться, при наличии, конечно, к этому доброй воли.

Е. Новохатный.

П. МИЛЮКОВ

СОЦИАЛИЗМ И НЕСОЦИАЛИСТИЧЕСКАЯ ДЕМОКРАТИЯ

(К статье **Е. Новохатного**)

Наш коллега Новохатный дает эмиграции совет — об'единиться в два большие фронта — направо и налево. Я очень сомневаюсь в наличии «доброй воли» для такого об'единения направо. Со времени зарубежного с'езда, провалившегося именно вследствие отсутствия этой воли к об'единению, правый фланг эмиграции настолько раскололся и часть его приняла в свои программы настолько «левые» элементы, что задача об'единения превратилась в совершенно фантастическую. Другое дело — фронт левый. Здесь об'единение не только возможно: оно существует, — конечно, не в тех пределах — включая Сталина, как любят представлять нас своим читателям наездники из «Возрождения», а в пределах коалиции эпохи февральской революции, Я напомню Новохатному, что первые попытки республиканско - демократического об'единения были предприняты в соединенных совещаниях представителей всего этого крыла эмиграции и имели последствием создание формально об'единенной группы. Когда нужно, эта организация всегда имеет возможность выступить сообща, в обычных условиях ведется неформальное общение между ее составными частями. Одна эта справка показывает, что никаких препятствий для этого рода об'единения в левом крыле не существует.

Но, конечно, этим одним вопрос, поставленный Новохатным, не решается, так как автор ставит его в более общей форме. При такой постановке мы и сталкиваемся с рядом предварительных вопросов. Прежде всего, о каких социалистах и о какого рода социализме идет речь? Социалисты северной Европы, бельгийцы, скандинавы давно участвуют в политической жизни своих стран в качестве не только депутатов, но и членов правительства, несущих ответственность за управление государством. Уже в Англии подобное участие является до сих пор своего рода новшеством, скачком в неизвестность, так как и среди английского социализма имеются разные течения, далеко несогласные друг с другом и совершенно различно относящиеся к современному строю и современному государству. Еще более приложимо это наблюдение к французскому социализму, где министериабельность и отказ от революционных форм классовой борьбы являются исключением, за которое виновники подвергаются преследованиям конкуррентов и карам в среде собственной партии.

Каково положение русского социализма в этом отношении? Довольно трудно судить об этом в настоящее время, когда ни одна русская партия не имеет возможности приложить свои силы к политической борьбе в рамках государственности. А в прошлом — русский социализм скорее представлял зрелище, напоминающее социализм французский, чем социализм северных стран. Ему пришлось учиться борьбе в парламентарных формах в период революции — когда его революционные привычки далеко не были изжиты. Естественно, что в борьбе с профессионалами революции во что-бы то ни стало новоиспеченные социалисты-парламентарии принуждены были уступить им место. Этот максимализм русского социализма провожает нас вглубь всего его прошлого. Он в значительной мере повинен в неудаче первой русской революции 1905 года. И на всем этом протяжении своей сравнительно недолгой истории русский социализм является «другом - противником» русского демократического движения. Попытки несоциалистической демократии удержать борьбу в рамках конституционной легальности, конечно, наткнулись прежде всего на сопротивление со стороны старого режима. Но сопротивление это было вызвано в большой мере и тем, что старорежимная власть била по несоциалистической демократии, не проводя границы между демократией и социализмом. Провести и укрепить эту границу было всегдашней задачей новорожденных демократических партий. Они многое заимствовали из социалистической программы вместе с радикальными течениями Европы; но они не разделяли ни ее классовой теории, ни ее революционной тактики. На этом различии всегда терпели крушение попытки тактического сближения в прошлом. В настоящем, как всегда после неудач и крушений, сближение это значительно облегчено, но его прочности все же мешают — не столько горькие воспоминания

прошлого, сколько неизвестность будущего. Тактические соглашения, обыкновенно, заключаются для близкой и осуществимой практической цели. Для такого соглашения в эмиграции нет почвы, как бы близко ни сходились программы - минимумы обоих течений. Только практическая политика может показать, насколько русский социализм — если не в целом, то хотя бы в части, приблизился к европейскому социализму северного типа.

Таковы замечания, которые мне хотелось сделать по поводу интересной статьи Новохатного. Он прав, конечно, что русский радикализм (слово «либерализм» в данном случае менее точно), как и европейский, переживает в идее волну социального реформаторства. Насколько эти переживания смогут перейти из области идей в область практических достижений, может показать, повторяю, только новый политический опыт. В ожидании его, как впрочем и раньше, русскому радикализму прежде всего следует оставаться самим собой, памятуя, что уроки прошлого он может скорее давать своим социалистическим партнерам, нежели получать от них. Нужно также помнить основное правило всяких коалиций: они строятся, как морская эскадра из тихоходных и быстроходных судов, — по своим наименее быстроходным партнерам.

П. Милюков.

А. АЛЕКСАНДРОВ

Политические заметки

«ЭВОЛЮЦИЯ» МЛАДОРОССОВ

(От Союза Младороссов к Младоросской партии)

Эмиграция прошла мимо «громадного» события, не обратив на него никакого внимания: в «Младоросской Искре» от 25 августа «Глава» об'явил перерождение Союза Младороссов в Младоросскую партию (она же вторая советская партия).

Провозглашение столь важного факта потребовало очень длинных рассуждений главы, который, повидимому, не хочет отстать, по размерам своих статей и речей, от представителей «первой советской партии».

В конце концов, от слова не станется. Замена одного ярлыка другим по существу ничего не меняет.

Психологическая причина этого невинного переименования ясна: нужно создать для своих приверженцев видимость работы, движения вперед, показать свой, так сказать «динамизм».

Оказывается, что «союз младороссов, как организационная форма, стал мал и тесен. Необходимость развертывания организации в партию стала очевидной».

Однако, самый термин «партия» смущает людей, собранных под младоросским стягом, связанных между собой не столько идейной общностью, сколько, как поясняет Казем-Бек, личной дружбой в рамках орденской организации. Поэтому лидер торопится об'яснить, что речь идет об особой партии, ничего общего не имеющей с обычными партиями, параллельно сосуществующими в «разлагающихся» демократических государствах.

«Современное государство уже не знает многопартийности и партия становится орудием ликвидации партий через об'единение их последователей», смело заявляет однобокий младоросский публицист. «Партия в современном смысле не есть один из конкурирующих кланов, а **единый и единственный** отбор активных элементов нации, об'единенных общим идеалом и общим служением стране».

И далее: «партия создается на месте прежнего Союза младороссов потому, что младороссы сознают свой долг дойти до замены нынешней правящей коммунистической партии — новой. Отсюда и лозунг о второй советской партии... Основная задача новой партии — захват власти для возглавления дальнейшей исторической эволюции русской жизни».

Вопрос поставлен ясно и без обиняков: коммунистическую диктатуру нужно заменить диктатурой младоросского отбора.

Казем-Бек мечтает о создании тоталитарного младоросского государства, увлеченный итальянским и гитлеровским образцами.

Отсюда, уже сейчас в обстановке свободной эмиграции, он заявляет нелепые претензии представлять всю эмиграцию (за вычетом, повидимому,

«старо-эмигрантов», ибо, как образно пишет Казем-Бек, «сама жизнь обслуживает ассенизационную отрасль русского дела и чужие кладбища становятся архивным складом русской смуты»).

Тут проскальзывают уже просто опасные, требующие клинического лечения, симптомы мании величия: «младороссы несут ответственность за всех русских. Младоросская политика приносит всем русским во Франции больше пользы, чем ходатайства напуганных официальных, так сказать, представителей эмиграции». Перед младороссами стоит «обязательство широкого охвата и организационного поглощения все более широких оттенков русской мысли».

Не слишком ли поторопился Казем-Бек, поставивший перед собой задачу «об'ять необ'ятное» — «представить возможно более полный спектр оттенков русской мысли», — принять за действительность свои химеры? Никто ему не давал таких широких полномочий, никакого «мандата» он не получал от русской эмиграции, тем более от «русской судьбы во всей ее полноте».

Пусть «глава» охватывает тех, кто по политической неопытности хочет быть опутан младоросскими сетями, но при чем тут другие политические течения, которые не испытывают ни малейшего желания раствориться в мутном младоросском «океане».

Младороссы — это монархическая легитимная партия, которая не вмещает в себе даже всех оттенков монархической мысли (вспомним резкий разрыв с младороссами верного государева человека А. А. Башмакова, укажем на монархистов из Национального Союза Нового Поколения и Воинского Союза — решительных врагов младороссов). Если младороссы не сумели об'единить сравнительно узкую среду эмигрантских монархистов, то только расстроенное воображение может рисовать перед ними фантастические перспективы какого то гармонического слияния разных политических направлений под сенью исторической монархии. С такой политической одержимостью спокойная аргументация и разумные доводы бессильны справиться.

Пока что «Младоросская Искра» с восторгом сообщает об «охвате» Е. И. В. в. кн. Дмитрия Павловича, Е. В. кн. Дмитрия Александровича, печатает приветствие В. кн. Андрея Владимировича. Вот подлинное призвание младоросской партии — «охватить» обломки навсегда рухнувшей династии, об'единить монархические элементы русской эмиграции, прибегая при этом, особенно для уловления политически безграмотной молодежи, к смелым тактическим маневрам и ловким организационным приемам.

Все остальное — c'est de la blague, как говорят французы.

ПО ПОВОДУ ПРОГРАММЫ НАЦ. СОЮЗА НОВОГО ПОКОЛЕНИЯ.

«Борьба не есть цель, а только средство для достижения известной цели. Там, где нет цели, не может быть пафоса борьбы, ни жертвы. Задача формулировать эти цели лежит на эмиграции... И к нам неоднократно обращались именно из России с требованиями взять на себя идеологическую работу, которая там абсолютно невозможна».

Эти мысли развиваются во вступлении недавно выпущенной в Белграде брошюры Н. С. Н. П., в официальном программном документе. Казалось бы, нужно только приветствовать такое недвусмысленное присоединение, правда с 10-летним запозданием, к основным тактическим положениям всей левой эмиграции, в частности, к тактическим тезисам Р. Д. О. 1926 года. Однако, недостаточно написать ряд азбучных истин, необходимо их внутренне, глубоко усвоить и привести в соответствие с ними свою программу и тактику.

И нам, к сожалению, приходится взять обратно наш комплимент. Программа Н. С. Н. П. не удовлетворяет требованиям искренности и договоренности. Тактическая линия упрямо игнорирует реальную сов. действительность, а деятельность этого Союза в эмиграции приносит прямой вред и отбрасывает мрачную тень на репутацию русской эмиграции.

Но в настоящей заметке речь идет только о политической «теории».

Первый пункт идеологических положений выдвигает требование твердой центральной власти, стоящей над партиями и классами. Тщетно искать на протяжении 80 страниц брошюры развития и уточнения основного вопроса политической программы — проблемы власти. Нет решительно никаких указаний на **природу** верховной власти. Где источник власти, какова система государственного устройства?

Будет ли власть опираться на волю народа, в нем видеть высший источник своих полномочий, бу-

дет ли она строиться на основе божественного права неограниченной монархии или попросту фактически господствовать по праву сильного — по поговорке: «кто палку взял, тот и капрал»?

Нельзя в своей положительной программе ограничиваться критикой парламентаризма, партийного засилия и выдвигать лишь признак «твердости» власти. Ведь и демократия создавала и создает в ответственные исторические моменты непреклонную сильную власть.

Итак, в основном вопросе бытия будущей России — с народом или против народа — полное молчание.

То, что не досказано в напечатанной программе, договаривается в публичных собраниях членами Н. С. Н. П. Так на собрании пресловутого «дня непримиримости и национального утверждения», устроенном в Париже 10 ноября с. г. один из ораторов г. Столыпин, красочно полемизируя с младороссами, «этими исчадиями (!) русской смуты в среде псевдо - правого лагеря», выражал свое негодование, что как раз «эти люди стараются вовлечь в свою орбиту исконные и самые священные для нас устои русской государственности» (т .е. монархический принцип).

Было бы честнее такие утверждения поместить в соответствующем отделе программы и восполнить в ней столь существенный пробел.

Характерным образом авторы программы старательно избегают употреблять самый термин «политика».

Люди как будто занимаются политикой, но одновременно это понятие вызывает у них отталкивание. Много говорится — и это похвально — о гражданских правах и свободе (равенство перед законом, свобода хозяйствования и пр.), но ни слова о необходимой первооснове всякой свободы — о свободе политической.

Очень охотно пользуются термином «деловой» Повидимому, он должен заменить отжившее понятие «политики». И государство будет «национально-деловым» и представительство «деловым» и т. п. Что это должно означать? Можно предположить, что у Н. С. Н. П. встречает симпатии принцип профессионального представительства и корпоративного государства.

«Не партийные спекулянты будут вести национальную политику, а национальные водители и бескорыстные слуги нации».

Но как будут выдвигаться эти слуги, каким путем будет производиться отбор? Молчание. Программа признает, что «власть немыслима без живой связи с населением. Эта связь может осуществиться через представительство бытовых, территориальных и социально - экономических организаций». Представительство это называется ответственным в том смысле, что представители будут ответственны перед пославшими их организациями («императивный мандат»). Ну а власть будет ли ответственна перед этим представительством? Этот кардинальный вопрос просто обходится красноречивым молчанием.

Нашу краткую критику политической программы закончим рассмотрением национального вопроса. Н. С. Н. П. считает вредным и опасным принцип федерации и, скрепя сердце, допускает только «начала делового местного (городского и областного) самоуправления». Ясно, что таким путем возвращения к дореволюционному централизму не создать дружной семьи народов российских.

И хотя новопоколенцы в скомпрометированное слово «национализм», по их заявлению, не вкладывают шовинистического смысла, видимо, натура берет свое, и в их лице перед нами новое издание русских националистов в старо-режимном стиле.

О ВОЗВРАЩЕНСТВЕ.

С некоторых пор зашевелились в эмиграции возвращенцы. Опять в газетных киосках появился журнал «Наш Союз», на рю Бюси, повидимому, наступило известное оживление. Но каково политическое значение этого «движения»? Просмотрев несколько номеров журнала, сразу приходишь к определенному выводу. Никакой политической новизны возвращенцы собой не представляют. Это просто финал советского консульства по переотправке уставших от эмигрантской жизни беженцев. Любопытно провести паралелль между теперешним «возвращенством» и тем движением, которое развивалось 10 лет тому назад.

Тогда были беспомощные попытки найти компромисс между своими идеалами, которые окончательно не сдавались в архив, и советской действительностью. Выработанные тогда в некоторых кругах формулы, конечно, оказались разбитыми жизнью. Но нельзя отрицать в них стремлений — пусть беспочвенных — продолжать политическую борьбу за свои идеалы: возвращенцы старого типа предавались бессмысленным мечтаниям, что советский строй может

служить основой для дальнейшей мирной борьбы за полное осуществление демократии» (см. анализ программы возвращенцев в брошюре П. Н. Милюкова «Эмиграция на перепутьи»)

Теперешние возвращенцы — не «оппозиция Его Величества» по отношению к советской власти, они занимают позицию более сталинскую, чем сам Сталин.

Всякая идейная полемика с парижскими подголосками большевиков бесцельна. Ибо это в большинстве люди, не честно ищущие политической истины, а, в виду тяжелого эмигрантского житья поставившие перед собой практическую задачу вернуться на родину в надежде там лучше «устроиться». Среди нынешних возвращенцев, политически оформляющих «движение», немало перебежчиков из разных политических лагерей, сжегших тех богов, которым еще вчера фанатически поклонялись, и ныне — в изменившейся обстановке западно - европейской (нерусской!) жизни — поющих дифирамбы великому Сталину и проделывающих весь унизительный стаж покаянного сервилизма.

Если незачем останавливаться на политической «доктрине» возвращенства за ее полным отсутствием, то следует подробнее обосновать наше отношение к проблеме обывательской репатриации. Многие думают в современной России найти «тихую пристань» после тяжких блужданий. Молодые люди, приобревшие здесь технические знания, не находящие себе применения в условиях западно-европейского кризиса, уверены, что им найдется место в происходящей в России грандиозной стройке. Зачем прозябать здесь на скудное выдаваемое безработным пособие, в качестве гонимого иностранца, не лучше ли вложиться в дело строительства России? Ведь большевики уйдут, а Днепрогэс и Магнитогорск останутся. Так, примерно, должна рассуждать эта категория возможных возвращенцев.

Что политик - демократ должен противопоставить этой аргументации?

Оставляя в стороне чисто фактичесукю сторону (хотя позволительно высказать очень серьезные оговорки в смысле возможности устройства себе новыми пришельцами в СССР легкой и спокойной жизни), мы должны ответить так: хотят того, или нет «обыватели»-возвращенцы, но их переход будет, несомненно, истолкован большевиками, как поступок политический, будет принят большевиками, как политическая капитуляция разочаровавшихся вчерашних анти - большевиков. Кроме того, предстоит пройти мучительный этап «чистилища» прежде чем попасть в советский «рай».

Не всякий может выдержать царящую там тягостную моральную атмосферу.

Но главное не в этом. Для нас, демократов, нет сакраментального, резкого деления русских людей на обывателей и политиков в смысле допущения двух моралей, двух различных мерок.

В наших глазах каждый должен быть **гражданином.** Это не значит, что каждый гражданин должен заниматься политикой, активно участвуя в жизни политических организаций. Есть градации и степени гражданственности. Но какой то политико - этический минимум общеобязателен.

Наша задача заключается в пробуждении в каждом уставшем русском эмигранте этого чувства ответственности перед родиной, в поддержании в нем воли в противостоянии большевистскому деспотизму.

Всякая борьба требует жертвенности. Сейчас самый факт идейного изгнанничества есть акт политической борьбы. Эмиграция — не есть бессмысленное прозябание, бесцельное умирание. Нет — даже пассивное эмигрантское состояние является доступным нам служением Родине. Каждый подлинный эмигрант должен с достоинством нести возложенное на него судьбою звание **политического** изгнанника, борца за свободное будущее своего отечества.

Александр Александров.

не есть один из конкурирующих кланов, а единый и единственный отбор активных элементов нации, объединенных общими идеалами и общим служением стране."

И далее: „партия создается на место прежних С. М. потому, что младороссы сознают свой долг быть до замены возглавителей правящей коммун. партии — новой. Отсюда следует о вопросе сов. партии... Основная задача новой партии — захват власти" для возглавления дальнейшего истор. движения русской жизни.

Вопрос поставлен ясно и без обиняков: коммун. диктатуру нужно заменить диктатурой младоросского отбора.

К. Б. мечтает о создании тоталитарного младоросского государства, движимый итальянским и гитлер. ~~[illegible]~~ образцами. Отсюда, уже сейчас в отставших свободной эмиграции [illegible] претензии представлять всю эмиграцию (за вычетом, пожалуй, староэмигрантов, кот. ассоциируются фигуре эмиграции, к удовольствию младороссов, должно будет [illegible] на кладбище — ~~[illegible]~~ ...)

Вот предсказывают уже просто опасные, трудно не клинические любимую, симптомы mania grandiosa: „младороссы несут ответственность за всех русских! Младоросская политика приносит всем русским во Франции больше пользы, чем ходатайства эмигрантских организаций, так скоро, представителей эмиграции." Перед младороссами стоит „обязанность широкого охвата и организованного руководства всей широкой эмигрантской русской массы." принять за действительность свои химеры

Не слишком ли поторопился К. Б., поставивший перед собой задачу „объять необъятное", представлять возможно более полным спектр эмигрантской русской массы? Никто ему ~~[illegible]~~ не давал таких широких полномочий, никакого мандата ~~[illegible]~~ не получил

UNION
RÉPUBLICAINE-DÉMOCRATIQUE
RUSSE

РУССКОЕ
Республ.-Демократическое Объединеніе

5, Rue du Pré aux Clercs, 5
PARIS (7e)

(C

Paris, le 192

№

от русской эмиграции, тем более от русской судьбы во всей ее полноте."
"Русская глава" охватывает ~~[illegible]~~ тех кто по полит. безграмотности "младоросскими сетями" (при чем тут?) хочет быть вдали от нас, но ~~[illegible]~~ не других полит. течений, кот. не исполнят ни малейшего желания растворяться в младор. мутном океане."

Младороссы — это монархическая легитимная партия, кот. не вмещает в себя даже всех стремящихся только монархического лагеря (вспомним резкий разрыв с младороссами А. А. Башмакова, верного государева человека, монархистов из Н.С.Н.П. и Р.О.В.С. и др., ревнит. хранит. младороссов). Как младороссы не сумели объединить эмигр. монархистов, сравнит. узкую среду, то только разъяренное воображение может рисовать фантаст. перспективы передними полит.: это гармоничное слияние разных ~~направлений~~ под сенью легитим. монархии. С такой полит. выдержкой, безошибочной справедливостью ~~[illegible]~~ спокойная организация ~~[illegible]~~ ~~[illegible]~~ разумное дворян ~~а просто хотят одна~~.

Пока что "Млад. Испр" с восторгом сообщает от "охраны" Е. И. В. В. Кн. Дмитрия Павл. (лично и "отдаленно" в известной строго иерарх. дисциплин. организации, тем не менее получит дебютную предоставл. вам согл. м.п. в своем журнальном деловом на журн. пирушке: "Я и младороссы": пожалуй, полное слияние еще не произошло)., Е. И. В. Кн. Дмитр Павл. Вот подлинное признание млад. партии — "Аватар" "великий правда русских" признание объединить монарх. эмигр. русск. эмиграции, сорвавшей при этом, (к любым особенно для уловления политики безграмотной молодежи, ~~тактическим маневрам~~.

Все остальное — c'est de la blague, как гов. французы

Политическія замѣтки. (от Союза Младр. к младр. партіи)

„Эволюція Младроссовъ." (от С. М. к М. П.) 4

Эмиграція прошла мимо громаднаго ~~факта~~ событія, не обративъ на него никакого вниманія: в „Млад. Искрѣ" от 2 Янв. „Глава" прокламировал перерожденіе „Союза младр." в младросскую партію (онъ же выбрал советскую партію.)

Провозглашеніе столь важнаго факта потребовало отъ длинныхъ разсужденій главы, газетныя простыни котор., повидимому, не хотят отставать по размѣрам от рѣчей предсѣдателей Первой сов. партіи.

Конец концов, отъ слова не станется. Замѣна одного ярлыка другим по существу ничего не мѣняет.

Психологическая причина этого невиннаго переименованія ясна: нужно создать для своих приверженцев, со значками на груди, ~~сколачиваемых~~ ~~в маленьк...~~ видимость работы, движенія вперед, т. сказать, ~~[illegible]~~ похождений свой „динамизм".

И оказывается, что „союз млад., как организ. форма, стал мал и тѣсен. Необходимость разворачиванія организаціи в партію стала очевидной."

Однако, самый термин партія смущает старых (сохранных) под младр. стягом, свершивших [illegible] не столько идейную борьбу, сколько, как писал А. Б., „мирную дружбу в рамках организаціи". Поэтому лидер торопится объяснить, что рѣчь идет о борьбѣ. Партія ничего общаго не имѣющей с обычными партіями, существующими параллельно в „разлагающихся демократических государствах."

„Современное государство уже не знает многопартійности и партія становится орудием ликвидаціи партій через объединеніе их последователей", смело заявляет ~~младросскій~~ молодой теоретик госуд. права. „Партія в современном смыслѣ —

Обзор жизни республиканско-демократической эмиграции

РДО В ПАРИЖЕ.

Доклады и собрания

7 июня 1934 года. — Собеседование на тему «Сегодняшний день эмиграции», со вступит. словом **Д. И. Мейснера.**

14 июня — Товарищеская чашка чая членов РДО.

15 июня — Доклад **А А. Александрова** в Бельфоре — «Демократия и диктатура».

16 июня — Доклад **А. А. Александрова** в Сошо — «Эмиграция и Россия».

18 июня — Доклад **А. С. Александрова - Михельсона** «Борьба за демократию внутри компартии (Ленинский период)».

21 июня — Доклад **А. П. Лукина** — «Красный флот».

4 июля — Доклад **А. М. Кулишера** — «Будущее Европы и России в свете исторической механики».

9 июля — Доклад **А. Ю. Рапопорта** — «Судебные репрессии в СССР за последний год».

17 июля — Доклад **Н. Н. Кнорринга** — «Педагогика и политика».

24 июля — Доклад **В. В. Попова** — «Советский суд».

31 июля — Разбор № 4 «Нашего Слова» со вступит. словом **Н. П. Некрасова.**

2 октября — Доклад **А. А. Александрова** — «Обоснование демократии (по поводу книги проф. Лауна)».

12 октября — Собеседование об избирательных системах с вступит. словом **Г. С. Куртилина.**

18 октября — Доклады **П. Н. Милюкова** и **К. М. Шумского** — «Итало - абиссинский конфликт».

1 ноября — Закрытый доклад **А. П. Маркова** — «Современное эконом. положение в СССР».

22 ноября — Доклад **М. Н. Абациева** — «Самоопределение Осетии (в связи с национальным вопросом на Кавказе)».

30 ноября — Доклад **К. К. Парчевского** — «Парагвай и Южная Америка».

6 декабря — Продолжение доклада **А. П. Маркова** — «Современное эконом. положение в СССР».

19 декабря — Доклад **В. Н. Сперанского** — «Культ вождей».

В БЕЛЬФОРЕ.

15 июня в Бельфоре сотоялся доклад секретаря, РДО А. А. Александрова на тему: «Демократия и диктатура». В первой теоретической части доклада были подвергнуты анализу понятия демократии и диктатуры. Вторая часть была посвящена современному политическому положению и служила иллюстрацией теоретическим утверждениям докладчика. Показав на ряде примеров всю порочность и шаткость диктаторских режимов как коммунистического, так и фашистского, А. Александров в результате изучения функционирования демократии в разных странах (в Англии, С. А. С. Ш., Чехословакии, Бельгии) пришел к заключению, что демократия способна разрешать сложнейшие проблемы — политические и хозяйственные — без отказа от высших ценностей уважения человеческой личности и свободы.

После ухода гостей (доклад был открытый) началась дружеская беседа членов РДО, затянувшаяся за полночь.

На следующий день А. Александров сделал публичный доклад на тему: «Эмиграция и Россия» в Сошо (городок около Бельфора), в помещении, любезно предоставленном местной грузинской колонией.

Докладчик сделал обзор главнейших эмигрантских течений и подробно охарактеризовал их отношение к России. Во второй части доклада А. Александров развил идеологию и тактику РДО, внимательно разобрал его социальную программу и специально остановился на вопросе, как РДО мыслит политические задачи, стоящие перед эмиграцией.

Выступавший в прениях представитель Н. С. Н. П. неудачно пытался оспаривать правильность данной докладчиком характеристики его «партии». Курьезно было слышать его заявление о совпадении многих пунктов программы Н. С. и РДО. Связь Н. С. с РОВС'ом отрицалась энергично.

Несравненно более интересным и по форме и по содержанию было выступление председателя местной грузинской колонии г. Баградзе. Не желая вступать «в спор славян между собою», оппонент высказался только по интересующему его национальному вопросу. Подчеркнув громадную важность для будущей России правильного разрешения национальной проблемы, оратор признал, что РДО не относится к этому вопросу с должным вниманием. Видя в РДО носителя старых либеральных идей и доверяя ему, так сказать, по старой памяти, г. Баградзе в остроумной форме подверг критике постановку национального вопроса в программе РДО. По

его мнению, федерация (а будущая Россия мыслится федеративным государством) возможна лишь между равными и свободными. Следовательно, необходимо заранее признать за всеми национальностями право на самостоятельное решение вопроса о присоединении к федерации или отделении. Свою речь г. Баградзе закончил пожеланием, чтобы РДО учло уроки прошлого.

После подробного ответа докладчика на замечания ораторов, собрание, привлекшее довольно многочисленную, по местным масштабам, публику было закрыто.

***

Минувшим летом в Бельфоре состоялся доклад председателя отдела Н. С. Н. П. во Франции — г. Поремского, указавшего три основных пункта, лежащих в основе организации Н. С. Н. П. Вот они:

1) непримиримость, необходимость сохранения себя от духа соглашательства и воспитание в себе ненависти и даже «святой ненависти». «Так создаются бойцы» восклицал оратор;

2) культивирование идеи борьбы и

3) революционность и организованность борьбы.

В прениях по докладу секретарем Бельфорского РДО А. А Дмитриевым было указано, что нельзя строить программу на отрицательных началах (к каковым относится ненависть), а надо ее созидать на чем то положительном. На заданный докладчику прямой вопрос, с кем пойдут новопоколенцы в случае войны СССР с Японией, г. Поремский дал весьма путанный и туманный ответ.

Вообще, несмотря на желание новопоколенцев сказать какое то новое слово, повторяют они старые и притом весьма устаревшие речи, пользуются громкими, но по существу пустыми и бессодержательными фразами.

Бельфорец.

СРЕДИ РЕСПУБЛИКАНЦЕВ - ДЕМОКРАТОВ

(Письмо из Праги)

I.

В прошлом номере «Нашего Слова» мы рассказали о возникновении в Праге Демократического Клуба, в собраниях которого членами Клуба, или приглашенными гостями, регулярно читаются доклады на общественно - политические темы.

Обычно эти доклады вызывают живой обмен мнений, в котором принимают участие все члены Клуба. В этом году «осенний сезон» открылся сообщением **В. М. Москвина,** говорившего на тему: «Мои скитания по Европе».

Основной темой доклада явилось изложение бывшим молодым коммунистом, автором известных по «Последним Новостям» очерков «Хождение по Вузам», своих впечатлений и наблюдений над эмиграцией во Франции и, особенно, в Германии, откуда докладчик и появился в Праге.

Второй клубный вечер был посвящен докладу **Д. И. Мейснера** о политических группировках эмиграции и об общественных настроениях и бытовых условиях жизни русской колонии в Париже, где докладчик пробыл два летних месяца.

Два клубных собрания были заняты докладами (и прениями по ним) проф. **С. Н. Прокоповича** и **Е. Д. Кусковой** на тему о новейших сдвигах в политической, бытовой и социально - экономической областях в СССР. Общий вывод докладчиков: — эволюция происходит; отрицать ее не решаются даже сотрудники «Возрождения», однако процесс этот крайне медленнен и часто прерывается зигзагами в обратном направлении. Особенно задержанным темпом происходит изживание коммунистических утопий в области хозяйственно - экономической. Можно все же думать, что, если Ленинский нэп шел более стремительным шагом, то зато Сталинское отступление является более органическим и, следовательно, устойчивым. Революция умерла, говорит Е. Д. Кускова; происходит изживание ее пережитков. Так следует определить сегодняшний советский день.

На очереди в Пражском Демократическом Клубе следукщие выступления: **М. Ф. Ковалев** на тему: «Эра войн и революций», **А. Л. Бэм** — «Единый фронт в культурной области» и **П. І. Звездич** — «Второй Интернационал и Коминтерн».

II.

В городе Брно местной республиканско - демократической группой партии Народной Свободы, совместно с местным отделением Обще-Казачьего Сельско - Хозяйственного Союза был устроен публичный доклад **Д. И. Мейснера** на тему: «Советская Россия и эмиграция». В своем сообщении докладчик изложил главнейшие мероприятия и распоряжения советской власти за 1935 год в области сельского хозяйства, промышленности, в области школьной политики, управления и организации красной армии и т. д. Во второй части доклада оратор, говоря об эмиграции, остановился по-преимуществу на проблеме «оборончества» и «пораженчества».

Пражанин.

Le Gérant: V. Kosmentzoff Impr. d'Art, 77, r. Mouton-Duvernet, Suf. 28-74

СОДЕРЖАНИЕ ПРЕДЫДУЩИХ №№ «НАШЕГО СЛОВА»:

СОДЕРЖАНИЕ ПРЕДЫДУЩИХ №№ «НАШЕГО СЛОВА»:

ПРОДАЖА «НАШЕГО СЛОВА»

в Париже: в Библиотеке РДО, редакции «Последних Новостей» и у ген. представителя изданий РДО — в кн. магазине «Дом Книги» 9, rue de l'Eperon - Paris 6)

в Варшаве: у А. П. Вельмина, Warszawa, Marszalkowska 68 m. 4.

в Праге: у Д. И. Мейснера, Praha. Dejvice, Podbabska tr. c. p. 1598 «Vlastni Dilo» byt. 27.

в Харбине: в кн. магазине «Русь» М. Зайцева, Конная ул. 34.

в Нью-Иорке: у Н. Николаева — 1067 — Park Av.

Цена 3 фр. № 6 Prix 3 frs

НАШЕ СЛОВО

Орган Республиканско-Демократического Об'единения

СОДЕРЖАНИЕ № 6:

ПАРИЖ

Орган Республиканско-Демократического Об'единения

НАШЕ СЛОВО

« NOTRE PAROLE »

Revue trimestrielle Organe de l'Union Républicaine-Démocratique Russe

Редакция: 78, rue de Lourmel, Paris (15e)

№ 6 Май 1936 г.

П. МИЛЮКОВ

Антиномии оборончества

Тема об «оборончестве» приняла в последнее время особенно актуальный характер, прежде всего, конечно, потому, что угроза европейской войны, в которую неизбежно включается наша родина, стала, после новых захватных шагов Гитлера, особенно ощутительной. Но на этой общей психологической почве появились среди русской эмиграции новые настроения, которые заслуживают особенного обсуждения этой, по существу далеко не новой темы. В настоящем номере «Н. С.» оборонческому вопросу посвящены две статьи; эта будет уже третьей. В центре обсуждения стоит попытка вновь появившейся, смешанной по составу группы, «организовать движение» в его новом фазисе. Было уже отмечено, что «движение», как таковое, вообще не поддается организации, а организация не может основываться на одном психологическом порыве, какого бы он ни заслуживал сочувствия сам по себе. На это «инициаторы» новой попытки отвечают заявлением, что их задача — временная и что их цель — перейти немедленно от разговоров к действиям. Ответ этот вызвал естественное возражение, что намечаемые действия слишком проблематичны и совершенно непосильны для данной организации, а ее «действенность» заподозрена в чересчур большой близости к внушениям, исходящим из полпредства. Картина первых шагов не состоявшейся еще организации, в самом деле, производит странное впечатление. Ее предполагаемая **база** строится в гуще той эмигрантской «массы», для которой переход к «оборончеству» является первым шагом к искреннему отходу от старо - эмигрантских настроений. Этот новый откол, несомненно, является, хотя и запоздалым, но тем не менее, весьма знаменательным и отрадным симптомом. Но **вершина** «движения» представляет пеструю смесь «изгоев» самых различных политических течений эмиграции; общей чертой, их связавшей, является, как кажется, то метание из одной крайности в другую, которое очень характерно запечатлено в названии «национал - максимализма», принятом одною из об'единившихся фракций, наименее связанных каким - либо «коллективом» и наиболее способной к «персональным» выступлениям. Естественно, что более ответственные политические группировки были вынуждены отнестись к данной «инициативе» с чрезвычайной осторожностью.

Судьба этого почина, однако, ни в малейшей степени не устраняет необходимости обсуждения оборонческой проблемы в ее более длительном и более глубоком аспекте. Центром проблемы является, как видно уже из статьи Д. И. Мейснера, то, что автор называет «трагедией» оборончества. Трагедия эта состоит в неизбежном сочетании двух основных положений оборончества, кажущихся безусловно противоречивыми. С одной стороны — это необходимость **без всяких условий** поддерживать существующую в России власть во всем, что содейтвует усилению обороноспособности нашей родины в грозный момент наступающего международного конфликта. С другой, это — невозможность отказаться от того, что составляет существо и смысл всякой эмиграции: от свободной критики отрицательных сторон режима, неприемлемого в самой основе своей доктрины — отрицании основных начал здоровой демократии. Ни от одной из этих позиций отказаться нельзя; а сочетание их и вызывает те трудности, которые могут принять по истине трагический характер.

Естественно желание «оборонца» найти способ — примирить это внутреннее противоречие. Так в № 4 «Новой России» Н. Д. Авксентьев, рассказывая, как русская эмиграция в 1914 г. оказалась перед таким-же «безвыходным положением», сообщает нам, как она из него вышла. Ведь обе стороны дилеммы — «организация обороны и процесс внутреннего освобождения», не только не противоречат друг другу, а даже «тесно связаны, взаимно обусловлены». «Только на **реальной** работе по организации обороны демократия и могла **завоевывать** твердые позиции **в борьбе** за внутреннее освобождение». Если нельзя сказать, что такая позиция была добровольным заблуждением, то только потому, что, в сущности, здесь **целью** ставилось именно «освобождение», тогда как «организация обороны» являлась «реальным **«средством»** для ее достижения. Ст. Иванович в своей старой статье («Записки социал-демократа», № 22, 1934) был более последователен, когда утверждал, что именно в 1914-1919 гг. эта мнимая позиция и сыграла роль подготовки — не

к обороне, а к революции. В этой роли — подготовителя революции — оказался, по утверждению Ст. Ивановича, и пишущий эти строки, заявивший вначале, как напоминает Мейснер в своей статье, что во время войны его партия «не ставит правительству никаких условий», а потом «в своей патриотической работе», — даже в форме наиумереннейшего прогрессивного блока», «расшатавший трон в таких слоях, куда нам, революционерам, не было доступа». «Суб'ективно», резюмирует Ст. Иванович свою мысль, «все оборонческие группы хотели спасти дело обороны», но «об'ективно они содействовали революции». И он считает такую позицию, наравне с позицией Дана, «политической абстракцией». Сам он, однако, впадает в такую-же «абстракцию», ставя «задачей демократических сил страны», когда уже «народное движение» разбужено, стараться по возможности сдерживать разлив анархической стихии, по возможности тормозить разгул максималистских страстей, по возможности **ограничить задачи движения самыми насущными требованиями,** борясь с теми «углублениями», которые роковым образом превращаются в могилу движения». Но ведь всеми этими хорошими вещами занимались как раз мы — и притом раньше, чем народное движение было разбужено. Партия Ст. Ивановича действовала тогда в противоположном направлении. Ст. Иванович, конечно, принужден это признать, и только теперь он просит «помнить громадную ответственность нашего участия в борьбе против диктатуры в эпоху, когда она зашатается под ударами войны». Он однако мрачно заключает: «тут уже никакими силами ничего изменить нельзя».

Актуальный смысл этих исторических напоминаний заключается в том, что мы и сейчас стоим перед такой-же трагедией — и Ст. Иванович уже предупреждает нас против разрешения ее методом Н. Д. Авксентьева. Что же мы предпримем? Тут приходится упомянуть еще о методе, рекомендуемом А. Ф. Керенским. Он обращается к Сталину («к кому же собственно обращаться», отвечает он мне) и «вместе со всем сознательным населением СССР» требует «от диктатуры своевременных уступок, спуска на тормазах». Я уже отвечал на это печатно, что ставить советской власти условия нельзя, ибо за условиями следуют санкции; таковою, при постановке Керенского, является поражение России в случае неисполнения условий. Я обращал притом внимание на то (см. № 5 «Новой России»), что «сознательное население» (в данном случае речь идет о молодежи) «требует» не того, чего требует А. Ф. Керенский, ибо требования Керенского сводятся к программе февральской революции, до которой «молодежь» далеко не дотянула. Да если-бы даже и могло быть выполнено такое интегральное требование, то «не значит-ли это разбудить — преждевременно и искусственно — революционную активность и энергию». т. е. повредить самым прямым образом интересам обороны? как совершенно справедливо спрашивает сам А. Ф. в той же статье своего журнала. На мое замечание, что «требования» Керенского скатывают его позицию в направлении пораженчества, А. Ф. отвечает мне (там же): «Неужели красные маршалы, настаивая на ускоренных внутренних реформах, тоже пораженцы?» и «разве пораженцами были российские сановные патриоты, которые, в предчувствии катастрофы, настаивали перед императором на изменении внутренней политики?» Мне приходится ответить: эти люди, несомненно, следовали тактике прогрессивного блока и советам Ст. Ивановича, стараясь «ограничить задачи движения самыми насущными требованиями». Очевидно, и сам Керенский стоял тогда на той-же точке зрения, поручая Родзянке, как он рассказал в той же статье, передать царю «несколько требований, которые были еще умереннее, чем будущая программа прогрессивного блока». Это очень хорошо, хотя и не совсем отвечает тогдашней открытой позиции Керенского в Гос. Думе; но ведь мы с А. Ф. Керенским, как и «сановные патриоты», были тогда **не в эмиграции,** а на месте борьбы, где тактика могла меняться с каждым днем, с каждым поворотом событий. Теперь, за границей, Керенский или посылает Сталину требования, явно неосуществимые (вся программа демократических свобод) и могущие даже в случае осуществления лишь «преждевременно разбудить революционную активность», или же спешит согласиться на минимальные требования, которые, по его мнению, выставляет советская молодежь. Я опять-таки печатно возражал и против того, и против другого. Нам в эмиграции, доказывал я, нет надобности ни от чего отказываться, и нет возможности сочинять компромиссы в нынешний день.

В своих возражениях новой группе «оборонческого движения» я говорил, развивая ту же мысль, что оборонцу не следует вступать ни на одну из двух наклонных плоскостей: ни на ту, которая заслуживает ему похвалы «Нашего Союза», приводя к безусловному принятию того, что делается в России, — ни на ту, которая заслуживает похвалы «Возрождения», возвращаясь на позицию старой эмигрантской «непримиримости». Я уже слышал упреки мне по этому поводу, формулированные и А. Ф. Керенским в «Новой России». «Автор статьи об оборонческом движении (то - есть я), говорилось там, сурово критикуя чужие позиции, не дает своей». Последние слова даже были напечатаны жирным шрифтом. Я полагал, что моя позиция ясна и что она вовсе не ограничивается отрицанием двух противоположных уклонов. Между уклонами есть ведь некоторый центр, и этот центр вовсе не сводится к точке пересечения этих наклонных плоскостей. Можно признавать положительные достижения октябрьской революции, продолжая «сурово критиковать» ее доктрину и ее насилия над народом. Можно и в этой суровой кри-

тике советской власти помнить об интересах обороны и не заниматься «вредительством» в тех пределах, в которых законы всякой демократической страны охраняют государственные секреты. Разумеется, на окраинах этой центральной позиции границы не так определенны, как в центре; но таково уже свойство всех центральных позиций, занимаемых в практической политике. Они всегда будут подвергаться обстрелу с двух противоположных сторон; но это и является проверкой правильности занятого положения. И самые эти нападения точнее указывают, где линия оборонческого движения кончается и начинаются течения противоположные. С такими течениями полемика бесполезна. Но я смею думать, что предлагаемая мною формула достаточно широка, чтобы вместить течения родственные. Только к ним и относится большая часть полемики, развитой в настоящей статье.

П. Милюков.

Д. МЕЙСНЕР

Антибольшевизм и оборончество

Вновь вышел в эмиграции на первое место вопрос об «оборончестве» и «пораженчестве». Часть оборонцев, исходя из нового обострения международной обстановки, очередного приступа военной опасности, считает своевременным об'единить в «единый фронт» все группировки оборонческого типа, чтобы выявить свое подлинное лицо и снять с немалой части эмиграции одиум пораженчества.

Нужно поэтому еще раз вернуться к теме столь актуальной и попытаться углубить самое понимание оборончества, в сочетании с тем, что составляет идейную и политическую основу РДО — **с последовательным и неустранимым антибольшевизмом.**

Оба решения и пораженческое и оборонческое, если принимать их **честно** и вдумчиво, заключают в себе трагедию.

Трагедия честного пораженца (вульгарных наемников иностранных разведок и генеральных штабов оставляем сейчас в стороне, равно как и легкомысленных раздатчиков «клочков») — очевидна: во имя свержения ненавистной и признаваемой предельно вредной государственной власти им приходится желать для своей родины военного кровопролития и поражения, чтобы ценой его купить падение, всегда лишь предполагаемое, этой власти...

«И Карла ждал нетерпеливо их восторг»...

Отсюда постоянные поиски «Карла» и, в наши дни, формула Обще - Воинского Союза, что все противники большевиков (имеются в виду иностранцы) — «наши союзники».

Трагедия оборонца — в необходимости, перед лицом иностранного нашествия на управляемую преступной властью родину, во имя высших патриотических соображений, сочувствовать этой преступной власти в ее усилиях отстоять границы страны, а также, если оборончество последовательно, в меру сил и об'ективных возможностей содействовать в этих оборонительных усилиях, с одновременным отказом, на время войны, от борьбы с отстаивающей границы властью. «Россия вечна — большевики временны» — слова П. Н. Милюкова.

Вот две позиции, между которыми расположены все промежуточные поиски решения вопроса, могущие, по полной аналогии с терминологией старой социалистической эмиграции, быть об'единены понятием **революционного оборончества,** о котором подробнее ниже.

Русской интеллигенции очень близко знакомы обе стороны этой двуединой трагедии. Вся ее (интеллигенции) история в течение 3-х десятилетий 20-го века связана с проблемой оборончества и пораженчества.

От русско-японской войны до 1914 г. пройден в этом смысле огромный путь. Если в первую войну «пораженчество» было широко распространено в среде не только революционной, но и либеральной и даже умеренно либеральной, то в 1914 году русское общество, за которым, как никак, стоял опыт Государственной Думы и революции 1905 года, тверже научились делать различие между властью и самой страной. Огромная часть социалистов, уже не говоря о либералах, примкнула тогда к оборончеству или, хотя бы, к революционному оборончеству, отнесясь с презрением и ненавистью к российским пораженцам из лагеря интернационалистов. Характерный пример: — Г. В. Плеханов в 1893 г. на Цюрихском Конгрессе призывал германскую интервенцию в Россию, «чтобы покончить с русским царизмом». Он писал: «Бейте его в голову, нападайте на него всяким оружием, какое только окажется в вашем распоряжении... И если германские армии перейдут наши границы, то они придут к нам, как освободители». Эта до конца пораженческая декларация, как две капли воды схожая с пораженческой публицистикой «Возрождения», также заявляющего в статьях г. Семенова об освобожденческой миссии грядущих с востока или запада интервентов, в 1914 году сменилась у Плеханова, ставшего «идейным вождем всего русского социалистического оборон-

чества» позицией последовательного и горячего патриотизма.

26 июля того же 1914 года состоялось знаменательное заседание Государственной Думы, первое после об'явления войны. Вот развернутая оборонческая формула вождя оппозиции: лидер партии Народной Свободы П. Н. Милюков заявляет: ...«когда настанет время, фракция вновь заговорит о них (речь идет о требованиях «демократизации», заявленных в речах левых депутатов) и вновь будет указывать на единственно возможный путь внутреннего обновления России. Она надеется, что пройдя через тяжкие испытания, нам предстоящие, страна станет ближе к заветной цели. Но в эту минуту всех нас слишком захватили другие вопросы, и иная задача, грозная и величественная, стоит перед нами и повелительно требует немедленного разрешения... В этой борьбе мы все за одно. Мы не ставим никаких условий и требований, мы просто кладем на весы борьбы нашу твердую волю одолеть насильников».

В выпущенной тогда же декларации Ц. К. партии подробно аргументируется эта позиция. Итак, безоговорочное участие в обороне страны, **без условий.**

Мы знаем, что за границей позицию безоговорочного оборончества занял, среди многих других эсеров, Б. В. Савинков, прямо об'явивший отказ от всякой борьбы с царской властью; это сделал человек, которому в смысле «стажа» могли бы позавидовать самые взыскательные из сегодняшних активистов.

В том историческом заседании Думы, о котором речь была выше, А. Ф. Керенский говорил от лица т. н. трудовой группы. Оратор «непоколебимо уверен, что великая стихия российской демократии даст решительный отпор нападающему внешнему врагу и защитит народную землю и культуру, созданные потом и кровью поколений». «Мы верим, продолжает Керенский, что на полях бранных великих сражений, укрепится братство всех народов России и родится единая воля — освободить страну от страшных внутренних пут». В заключение депутат Керенский призывал «крестьян и рабочих» собрать все силы и **«защитив страну, освободить ее»...**

Мы помним, что и Керенский в Думе не мог, призывая к обороне, говорить об армии или «власти», в руках которых реально находилось ведение войны, и предпочел ссылаться на «демократию».

Эта позиция **революционного оборончества,** в прошлом свойственная большинству социалистов, а ныне нашедшая обновленную формулировку в устах бывшего вождя белого движения, — в самом деле очень привлекательна. Она дает прекрасный, успокаивающий душу, выход: сохраняется непримиримая борьба с властью и отвергается попустительство иностранным поползновениям. Армия и страна призываются к отчаянному отпору внешнему врагу, но — помимо власти, которую нужно свергнуть. Беда в том, однако, что никакая оборона, в реальности, вне власти, конечно, невозможна, как невозможна одновременная задача для армии: освободиться внутри и отразить во вне... Никто и не знает этого в наши дни лучше... ген. А. И. Деникина, посвятившего недавней роковой трагедии русской армии, раздираемой на две части, незабываемые страницы первого тома «Очерков Русской Смуты».

В момент, когда заговорили пушки — нет места промежуточной позиции революционных оборонцев, она сохраняет тогда значение лишь красивой словесной формулы «для истории», практически же скатывается в сторону пораженчества или оборончества, и опять недавнее прошлое дает тому наглядный и суровый урок. Но, мы сказали, «когда заговорят пушки»... А как быть, пока они молчат?

Для непримиримых врагов власти (в данном контексте мы сознательно исключаем из обсуждения иные мотивы, могущие вести к общему пересмотру отношений к власти), полная «раскрытая» форма оборончества законна лишь в момент действительной войны. Этим сегодняшнее положение существенно отличается от июля 1914 года; при этом мы оставляем в стороне другой болезненный для многих вопрос о том, что большевистская власть вообще «несравнима» с царской и, если можно было в известной обстановке мириться с той властью, то нельзя с этой; для нас в этом случае лишь углубляется трагедия оборончества, но не меняется общий ход рассуждений.

Итак — войны нет. Есть лишь **угроза** войны и усиленная дипломатическая деятельность советской власти, наряду с другими правительствами, для предотвращения войны, а также активная внутренняя военная подготовка, на случай войны. Вот почему, будучи последовательными оборонцами, мы говорим, что признаем сейчас правильными, с точки зрения национальных русских интересов, дипломатические усилия московской власти, поскольку они имеют в виду предупреждение войны и похода на Россию, хотя бы и называемого «крестовым»; правильной же признаем работу над усилением армии, хотя бы называемой красной, и над технической обороноспособностью страны.

В этом власти нельзя мешать.

Но войны нет и никто с точностью не знает, когда она будет и будет ли в ближайшем будущем. А деспотическая анти - народная власть **остается,** как и **остается** задача **борьбы** с ней, в тех формах, которые свойственны группировке, не признающей сейчас целесообразным специфического эмигрантского активизма. В этом утверждении нет противоречия предыдущему тезису, т. к. деятельность власти, сама собой, не покрывается во внешней политике пактами или союзами, направленными к миру (достаточно сказать, что остается еще вся ли-

ния революционизирования «узких мест» Европы и Азии), как, тем более, и внутренняя политика, ни в какой мере не покрывается работой на будущую оборону.

Как видим, для нас оборончество есть прежде всего акт обязательного политического самообуздания и патриотического служения, а отнюдь не выигрышный и ходкий политический лозунг, под прикрытием которого может быть сделана попытка перебросить слишком неверный мост «туда» или, по просту говоря, попытка «прошмыгнуть домой». Этот последний путь оставим другим, некоторые из которых своим участием и присутствием компрометируют эмигрантские оборонческие собрания, так. называемого «единого фронта» оборонцев, который без присутствия этих господ много выиграет и в своей идейной ценности и в своем идейном влиянии на эмиграцию.

На пути к об'единению оборонцев, если бы таковое действительно было проводимо в жизнь, помимо этого момента, к которому отношение у всех идейных оборонцев было бы, вероятно, единодушным, могут встать другие еще препятствия, более глубокого свойства: если для нас оборончество есть вопрос **национальной совести,** то за пределами этого понятия лежит, например, аргументация оборонцев с-д-меньшевиков толка Дана. Их оборончество совсем иного происхождения. Категория отечества и родины в их аргументации отсутствует полностью. Вот их ход рассуждений: 1) В странах фашистских и полуфашистских рекомендуется **пораженчество,** т. к. тут основная задача в свержении режима и захвате власти; 2) В странах коалиции, враждебной фашизму рекомендуется **оборончество,** но и здесь основная цель все та же: захват власти пролетариатом.

Не будем голословны и не поскупимся на обширную цитату из «Социалистического Вестника»: «Политика должна определяться стремлением, — и в самом ходе войны и на почве разрешения выдвигаемых ею конкретных задач, к завоеванию власти пролетариатом. Они (задачи) должны будут определяться стремлением в самом ходе войны внушать широчайшим трудящимся массам убеждение, что лишь переход власти, а вместе с ней и руководства войной в руки пролетариата, сможет лишить войну каких либо империалистических целей, превратить ее из войны одних стран против других, в войну об'единенных трудящихся масс за низвержение их общего врага — мирового фашизма и привести к скорейшему завершению ее торжеством социализма, единственно способного разрешить непосильную для капитализма задачу восстановления, расширения и организации мирового хозяйства на началах обеспечивающих интересы всех народов...

3) Самое пикантное, однако, это условие, которое ставится этого вида меньшевиками Советскому союзу (России в их терминологии нет!). «Делая защиту Сов. Союза одним из главных устоев своей борьбы за власть рабочего класса и за мир, международный социализм должен будет требовать, чтобы Сов. Союз, и в борьбе за мир, и в ходе возможной войны, был действительно способен играть роль опоры международного революционно - пролетарского движения; чтобы его участие в войне имело действительно пролетарско - революционный, а не национал - шовинистический характер; чтобы в рамках коалиции, в составе которой ему быть может придется вести войны, Сов. Союз не был ни оружием, ни соучастником тех империалистических целей, которые будут ставить его капиталистические союзники, а знаменосцем и собирателем сил международного пролетариата; чтобы политика самого сов. правительства не рождала контр-революционной опасности, особенно грозной в обстановке войны».

Вряд ли три цитированных тезиса, которым вправе позавидовать любая левая оппозиция, нуждаются в долгих комментариях. Мы привели этот пример лишь для того, чтобы сказать, что лозунг оборончества, при всей его актуальности, не только не устраняет иногда непримиримых противоречий в программных положениях отдельных групп оборонческой эмиграции, но что сама **природа оборончества** оказывается иногда совершенно различной, и исходящей из диаметрально противоположных оснований.

Мы указывали на наше понимание оборонческой позиции антибольшевистского республиканско-демократического течения эмиграции, взявшего на себя, в лице П. Н. Милюкова, почин в деле, по началу крайне одиозном и неблагодарном, перевода эмиграции с позиций огульного отрицания всех действий большевистской власти на позицию признания того, что интересы родины выше интересов борьбы во всем и во что бы то ни стало. Нельзя из ванны вместе с водой выплеснуть и ребенка.

Эту линию республиканцам - демократам придется продолжать, и может быть, развивать, по мере наростания событий.

Ненависть к деспотической власти естественна и законна; но любовь к родине должна быть сильнее ненависти; и если самая ненависть вызвана любовью, то там, где они входят в противоречие, **сознательной любви** должно быть оказано предпочтение перед ненавистью, становящейся с этой, и лишь с этой, минуты — слепой.

Д. Мейснер.

А. АЛЕКСАНДРОВ

„Оборонческое движение"

Над Россией сгустились тучи. Опасность войны принимает все более ясные очертания. «Символическое» занятие демилитаризованной зоны и одностороннее грубое нарушение Локарнского договора свидетельствует о том, что нынешний властитель Германии идет по пути, намеченному им в книге «Моя борьба». Гитлер будет добиваться «свободы рук» на Востоке и, чтобы обеспечить ее, постарается «линии Мажино» противопоставить свою собственную линию укреплений на Рейне.

Японские военные круги недовольны медленным темпом осуществления колонизационой программы Танаки. Недавнее пронунциаменто в Токио, имевшее задачей активизировать внешнюю политику, при видимой неудаче, фактически полностью достигло своей цели. Сейчас международная политика будет диктоваться ген. Араки и его единомышленниками. На границе Внешней Монголии уже идет так называемая малая война.

Призрак войны становится вполне ощутимой реальностью. Неудивительно, что перед эмиграцией во всей остроте встал вопрос, с кем должны быть ее симпатии, каково должно быть ее поведение.

Возникшая недавно в Париже инициативная группа «оборонческого движения» ставит своей целью вызвать в широких кругах эмиграции волну оборонческих настроений, придать им организованную форму. «Пришел момент», — читаем мы в предварительном проекте платформы, которая должна об'единить оборонческие элементы, — когда сторонники оборонческой идеи должны перейти к организационным действиям и образовать некое организованное целое». «Обязанность непораженческой эмиграции — самым решительным образом отгородиться от человеконенавистничества вообще и предательских по отношению к России тенденций эмигрантских реакционных кругов».

Инициаторы движения главной своей задачей считают вовлечение широких беспартийных кругов эмиграции, которые до последнего времени находились вне существующих политических организаций. Однако же, одного тактического признака, по мнению инициаторов, недостаточно. Движение, рассчитанное даже на ограниченный круг действий, нуждается в некотором более солидном фундаменте, чем одни патриотические и оборонческие настроения.

Отсюда — внесение дополнительного политического момента: в движение могут войти лица, отказавшиеся от политической и социальной реставрации, ибо эта как раз идеология политической и социальной реставрации и питает пораженчество эмигрантов, которые в иностранном походе и разгроме России видят **единственную** возможность осуществления своего мертвого идеала.

Это отмежевание справа в тексте проекта проведено решительно и **принципиально.** За рамками движения, таким образом, должны остаться, напр., младороссы, в последнее время отстаивающие оборонческие позиции (было время, когда г. Казем-бек летал на аэроплане в Берлин и договаривался с г.г. Вонсяцким и Аваловым — об этом эпизоде нельзя забывать).

Слева отметаются лица, подавшие завления о восстановлении их в советском гражданстве, т. е. так называемые возвращенцы.

Но если в отграничении себя справа авторы проекта стали на **принципиальную** политическую почву, то размежевание слева построено на хрупком и чисто **прикладном** основании: вышедшие из рядов возвращенцы «могут иными способами принять участие в защите своей родины». Логически рассуждая, возвращенец, которому будет отказано в визе на в'езд в СССР и кто тем самым будет лишен возможности «иными способами» вложиться в дело защиты Родины, сможет... войти в оборонческое движение, чтобы принять посильное участие единственно доступным способом.

Мы считаем такую постановку вопроса неправильной ,не достаточно глубоко продуманной и политически несостоятельной.

В другом месте обращения сказано, что движение мыслится, как **чисто-эмигрантское.** Это положение следовало развить в смысле принципиального недопущения лиц, ставших на советскую платформу.

Уточнив и утвердив эмигрантскую, т. е. антибольшевистскую, позицию участников движения, авторы проекта внесли бы необходимую ясность и отчетливость; без этих условий ожидаемого резонанса от «широких кругов» может и не последовать.

Первые шаги деятельности, выразившиеся в устройстве публичного диспута, растянувшегося на несколько вечеров, на тему «Нужно ли оборонческое движение в эмиграции» и обнаружили слабую защищенность левого фланга создаваемого фронта обороны.

Г.г. возвращенцы обильно наполняли зал собраний, неоднократно поднимались на эстраду и своими бестактными выступлениями сделали все возможное, чтобы наложить свой отпечаток на эмигрантское препрятие. Организованность их участия бросалась в глаза. К этому нужно прибавить, что передовая мартовского номера «Нашего Союза» — органа возвращенцев, полна комплиментов «оборонческому движению» (а в этой статье неуклюже доказывается, что защита Родины — это лишь пер-

вый робкий этап, за которым последует «защита СССР», как коммунистического отечества).

Столь же характерна специальная статья, посвященная «оборонческому движению», в последнем апрельском номере.

Но на каком **организационном** принципе зиждется «оборонческое движение»? Является ли оно об'единением **лиц,** представляющих лишь самих себя, или тут попытка создать федерацию, блок существующих **политических течений.**

Судя по заданию втянуть «сырую массу» неорганизованной эмиграции, нужно признать, что в основу положен **персональный** принцип.

В таком случае существующим политическим организациям, в том числе и РДО, не приходится сейчас определять своего точного отношения к этому почину. Очевидно, нужно выждать, пока из состояния «первозданного хаоса» вызываемые силы оформятся, приобретут конкретные черты живого лика.

Нельзя ,однако же, уже сейчас не заметить, насколько трудно осуществима поставленная инициаторами задача.

Внепартийную массу стремятся увлечь за собой определенно **партийные** люди. Вряд ли лица, по разным основаниям, стоявшие вдали от политических группировок, преодолеют свое оттлакивание от «политиков» и политических организаций. А ведь удержаться на одном оборонческом тезисе не удалось: и предварительный проект содержит политические моменты, и речи на диспуте ответственных организаторов были выдержаны в духе политического мировоззрения выступавших ораторов (национал-максимализм у одних, «трудовая» демократия («трудократия?») у других) .

По существу излишне повторять, что РДО давно, с самого начала своей деятельности, стояло на определенно оборонческой позиции. Ее принципиальному обоснованию посвящены были тактические тезисы 1926 года. К этому времени относится нашумевшая фраза П. Н. Милюкова о комсомольском патриотизме, которая до сих пор приводит в состояние исступления и невменяемости «возрожденского» публициста г. Тимашева (см. его фельетон от 22 марта с. г.). В систематическом ряде публичных докладов РДО свою принципиальную установку — «Россия вечна, а власть временна» применяло к анализу очередных политических явлений.

Нужно признать, что культивирование этих настроений, действительно, является сейчас актуальным вопросом дня. Пораженческая позиция части эмиграции вызывает здоровую реакцию подавляющего большинства эмигрантов. Люди, примыкающие к разным политическим лагерям и, иной раз, очень далеко отстоящие от левого сектора эмиграции, искренне возмущаются деланно наивной позицией «Возрождения», приветствующего германские претензии на русскую территорию, как «проявление здорового национализма». Без чувства глубокого негодования даже неискушенный в политике русский человек не сможет прочитать следующие изумительные строки в отчете о деятельности РЦО за 1935 год.

«Под знаком значительных международных событий, вызывающих **великую надежду** (подчеркнуто мною **А. А.),** начинается 1936 г.» и далее... «лозунгами РЦО будет, как и прежде, единый национальный фронт, национальная бодрость и **возможное национальное действие»** (подчеркнуто мною **А. А.).** Не трудно догадаться, о каком «действии» мечтают мумии из РЦО, уже предвкушающие «хотя бы частичное признание старых прав и предоставление долей в смешанных предприятиях виднейшим деятелям национальной революции (т. Гукасовым?) и их помощникам». Автор этих бесстыдных слов, честно выполняющий социальный заказ, г. Тимашев для подкрепления своей мысли приводит историческую справку: — «в свое время Екатерина Великая и другие русские государи верстали своих усерднейших слуг поместьями: отчего бы новой национальной власти не попытаться, хотя бы в такой форме, ускорить возрождение класса энергичных хозяев».

Читатель не посетует на нас за приведенные цитаты, которые с предельной ясностью и с исключительным цинизмом вскрывают подлинные стимулы «активизма» деятелей так называемой «национальной революции», возлагающих «великую надежду» на разгром России.

Такова неприглядная физиономия эмигрантского пораженческого «национализма».

Неудивительно, что в разных местах русского рассеяния самопроизвольно устраиваются собрания русских эмигрантов, громко утверждающих свою патриотическую верность родине.

Недавно мы узнали о подобных собраниях в Ницце, в Канн-ла Бокка, в Марсели, в Лионе и т. д.

Инициаторы «оборонческого движения» правильно нащупали нерв переживаемого политического момента, и в этом их немалая заслуга.

Но мы считаем нужным отметить опасности, лежащие на пути развития «движения», и те внутренние неразрешимые противоречия, которые неизбежно приведут все предприятие в тупик.

Независимо от нашего сдержанного, по вышеприведенным мотивам, отношения к данной организационной попытке, мы не можем не считать желательной самую широкую и интенсивную пропаганду оборонческих и патриотических настроений среди русской эмиграции, ибо мы сами всегда вели и последовательно ведем в этом направлении нашу собственную работу.

Александр Александров.

ЕК. КУСКОВА

О левом секторе эмиграции

I.

В № 5 «Нашего Слова» помещены две статьи, заслуживающие самого широкого обсуждения их демократическими и социалистическими кругами русской эмиграции: статья Е. Новохатного — «Политическое об'единение эмиграции» и ответ на нее П. Н. Милюкова — «Социализм и несоциалистическая демократия».

Обе статьи признают, что «обывательская мечта» об об'единении **всей** эмиграции убита опытом прожитых лет; правый сектор эмиграции — неизмеримо более многочисленный — давно уже раскрыл свою идеологию, одинаково враждующую не с большевизмом только, но и со всеми оттенками демократии. Если бы г.г. правые имели силу, они с наслаждением раздавили бы всех этих «виновников революции», погубивших Россию. Так, представитель Имперского союза Гардский призывает своих последователей на доклады А. Ф. Керенскаго не ходить. «А вот на его похоронах, я надеюсь, будет представлена вся русская национальная эмиграция». Тактика — типичная для большевиков правых и левых: не договориться, а угробить, похоронить, стереть с лица земли своего противника... Эти повадки, унаследованные от самых худших элементов старого режима, учтены демократами не только в эмиграции, но и антагонистами большевиков в России: и там боятся повторения сказки про белого бычка: революция, реставрация, снова революция и снова реставрация, — без всяких синтезов и равнодействующих...

Остается, следовательно, вопрос об об'единении социалистов и несоциалистической демократии. Е. Новохатный думает, что такое об'единение не только возможно, но и диктуется повелительно всей новизной после - военной обстановки: теперь, после всего пережитого, да еще в условиях эмигрантства, говорит он, едва ли могут быть оправданы междупартийные разногласия этих двух направлений. И он призывает к пересмотру взаимоотношений и к сближению тактических линий их политики.

П. Н. Милюков не возражает против принципа таких соглашений. Он даже указывает, что такая «коалиция» — в пределах февральской революции — давно существует и что «никаких препятствий для этого об'единения в левом крыле нет».

Казалось бы — мир и любовь... Один автор настойчиво желает об'единения, дугой отвечает ему: да ведь оно уже существует.

Из дальнейших раз'яснений П. Н. Милюкова оказывается, однако, что для прочности и эффективности подобной коалиции нужно разрешить ряд предварительных вопросов. От прошлого у П. Н. Милюкова остались горестные воспоминания. Если бельгийские и скандинавские социалисты давно участвуют в политической жизни своих стран, привыкли к тактическим коалициям, то даже в Англии — стране классического парламентаризма, — не все течения социализма способны встать на государственную точку зрения. Во Франции дело обстоит еще хуже, а в русском социализме «революционные привычки» с давних пор мешали его борьбе в «рамках конституционной легальности». Это — горькие воспоминания... А еще остается «неизвестность будущего». Как поведут себя социалисты в этом будущем.

Итак будущее — неизвестно, а прошлое заставляет автора быть настороженным: «русскому радикализму прежде всего следует оставаться самим собой, памятуя, что уроки прошлого он может скорее давать своим социалистическим партнерам, нежели получать от них».

В этих последних словах П. Н. Милюкова мне почудилось не столько идейное, сколько психологическое отталкивание от соседа по фронту демократии. Нельзя отрицать, что в прошлом это отталкивание имело законное основание не только для радикальных демократов: не все социалисты могли терпеливо переносить догматизм, демагогию и безответственность своих крайних крыльев. И тем не менее — в новые времена — это отталкивание не должно мешать, а тем более парализовать попытки об'единения. По совершенно простой причине: **демократию можно построить лишь на коалиции демократических и социалистических партий.** И в этом отношении будущее не так уже «неизвестно». Оно известно, конечно, не в своих конкретных формах, а в своем новом существе, — в появлении новых факторов истории, которые его, это будущее, в значительной степени предопределяют. В этой краткой статье я могу лишь указать на эти новые факторы, не разбирая подробно их значения и силы влияния на ход государственной жизни, но было бы в высшей степени желательно, чтобы эти вопросы подверглись серьезному обсуждению в наших клубах и об'единениях.

Что же произошло в эти новые, после-военные времена. Прежде всего должно быть отмечено **вторжение масс,** появление на всех аренах жизни так называемого «массового человека». Этот массовый человек совсем не отличается той классовой психологией, которая была свойственна когда то появившемуся на арене истори пролетариату. Нет у него и такого отточенного идеала «социалистического переустройства общества», которым щеголяли вожди пролетариата. Массовый человек подвижен в идеологии и легко качается — от коммунизма к фашизму: смотря по тому, кто в данный момент имеет больше шансов удовлетворить его «законные» требования. А требования его — порыви-

сты и настойчивы. Он защищал свои отечества и вовсе не желает, чтобы «добычу войны» делили лишь избранные. Для государства этот массовый человек в высшей степени опасен: он не привык ни к какой политической культуре, ни к каким «бюджетным» расчетам: государство **есть** и оно обязано удовлетворить его нужды. Пролетариат когда то был весьма терпелив и долго довольствовался небольшим повышением заработной платы и «идеалом социализма». Массовый человек желает получить свою долю сейчас, не дожидаясь «социализма». Если какой нибудь фюрер уничтожит все духовные свободы, все политические атрибуты демократии, но пообещает «массовому человеку» материальное благополучие и назовет этот духовно - кастрированный строй социализмом, массовый человек не будет спорить о названии и не будет тосковать о свободах: вкуса к ним и к идеологиям у него нет... Но он все же любит всякие «свободные трибуны», с которых он может выкрикивать слова и угрозы — на улицу...

Откуда взялся этот всесословный, вне-классовый человек. Из всех сословий и из всех классов. После - военное разорение коснулось всех классов и деклассировало миллионы людей, выбросив их из прежних прочно свитых гнезд. У них ничего «защитного» не осталось и потому они требуют защиты государства ,не зная ни его конструкции, ни его возможностей...

Таково положение, чреватое великими последствиями. Старые партии, привыкшие к медленному, постепенному культивированию своих адептов, стоят в растерянности перед новыми пришельцами, готовыми разрушить не только «демократии», но и самые государства. Именно этот «массовый» человек организует те «новые и новые политические группировки, замкнутые в узком кругу и враждебные всем остальным», о которых говорит Е. Новохатный. Он говорит, далее, что все эти группировки отличаются «малым кругозором и довольно сумбурной идеологией». Откуда же взяться широкому кругозору у людей, еще вчера ни в какой «общественности» не бывших. Сегодня они творят свои «сумбурные идеологии», чтобы завтра же их бросить и перейти к другим.

Перед лицом этого нового пришельца, который, однако, **уже никогда больше не сойдет со сцены, ибо это и есть сам народ, приведенный великой войной в хаотическое движение,** — должны перестроиться — в идеологии и тактике — и демократы и социалисты. «Шелеста бюллетеней» новый человек сейчас не поймет и не оценит. Он постоянно готов прибегнуть в «оказательству», к силе. Очевидно, к силе придется прибегать и уцелевшим демократиям. Член чехословацкой народно - социалистической партии, сенатор Клофач, давший резкую критику тактики социалистов, стоящих на узкоклассовой точке зрения и все еще не вышедших из состояния политического младенчества, очень хорошо понимает новое положение вещей и определяет его так: «Во всех случаях я придаю значение парламентской демократии. Но при этом я отнюдь не скрываю от себя недостатков демократии и нынешней парламентской системы. Везде, где демократия и социализм потерпели поражение, благодаря своей нерешительности и неспособности к твердому действию, они надолго утратили свои позиции. Классическим примером являются Италия и Германия. Не только у консерватизма и у буржуазии, но и у социализма имеются свои филистеры. Если мы искренние демократы, мы не должны закрывать глаз на то, что в нашей демократии **кое-что устарело**, обратилось в превзойденную жизнью догму. Поскольку мы можем жить только в республике, — демократия и социализм не должны бояться критики, всегда толкающей нас на путь реформ. Было бы неправильно обращать республику в кролика для производства опытов... Следует не бояться реформ, если старое приносит вред нации и народу».

Каких же реформ требует Клофач и что считает устарелым? Он требует прежде всего «сильной власти» — этого всегда боялась демократия и в особенности социалисты. **«Демагогия (фашизма) может убить негодную или трусливую демократию, и никогда не посягнет на сильную демократию с определенной целью и с твердой рукой.** В чрезвычайные времена демократия должна располагать и чрезвычайными средствами, если она не хочет стать бедствием для народа и государства». Клофач — против дробления партий, за прочные коалиции и за реформу парламента. Эта реформа должна состоять в устранении партийной игры и в привлечении в правительство и к работам парламента людей, специально работавших в тех областях государственной жизни, которыми им надлежит ведать. И кроме того он требует **«скорого осуществления тех задач, о которых партии договорятся в интересах народа».**

«Массовый человек стучится во все двери, ищет «фюреров», — чтобы они удовлетворили его потребности. И если демократия и социалисты будут упорны в старых схемах, в старых представлениях о работе нового государства, — гибель их неминуема». «Демократя и социализм, продолжает сенатор - социалист, не в праве отступать ни перед какими реформами управления, ни перед строжайшим контролем демократического правительства и всего народного хозяйства, раз это является требованием времени . . . **Раз уже существуют партии, пусть в них говорит прежде всего дух республики и нации, пусть они станут орудием нации и государства.** Но сегодняшние партии разлагают нацию и парализуют действия правительства». Парализуют нацию своими несогласиями, неспособностью к быстрым тактическим действиям, которые необходимы перед лицом страшных проблем, вставших перед каждым государством по-

сле войны и, быть может, перед новыми войнами»...

Таков приговор современной демократии, вышедшей из уст чешского социалиста... И маленькая страна стремится всеми силами выполнить совет старого сенатора... Ее коалиция не боится «твердой власти», а ее партии стремятся захватить массового человека щупальцами бесчисленных кооперативных, культурных, спортивных и сокольских организаций. Только в этом обхвате деклассированного человека рамками коллективного на него воздействия можно спасти не только демократию, но и европейскую культуру.

Множество других совершенно новых проблем стоит перед современными государствами. Плановое хозяйство, борьба за место на мировом рынке, защита страны, — все это повелительно требует от социалистов — отступления от их узко - классового мировоззрения, а от несоциалистической демократии — более глубокого проникновения в тайны социально - экономических проблем. А кроме того перед обоими секторами стоит и еще одна задача: борьба с реставраторами, пытающимися повернуть колесо истории назад — к блаженным временам **безраздельного** господства «избранных» над «темной и покорной массой трудящихся».

П. Н. Милюков прав, указывая, что «тактические соглашения заключаются обыкновенно для близкой и осуществимой практической цели» и что «для такого соглашения в эмиграции нет почвы, как бы близко не сходились программы минимум обоих течений». Но за то именно в эмиграции есть — и всегда была — почва и условия для разработки новых проблем на основании опыта европейских и американских стран. В этом отношении делается очень мало. Совершенно отсутствуют, например, работы о природе фашизма и о причинах крушения демократических режимов*). Мы думаем, что «лаборатории» для изучения этих явлений могли бы быть поставлены совместными усилиями всех секторов демократии и социализма и что на этой почве, быть может, скорее изжилось бы то психологическое отталкивание, которое осталось нам в наследство от недавнего прошлого.

Будем откровенны до конца: насколько обширен и полон «боевой» энергии реставрационно-фашистский фланг современной русской эмиграции, настолько же слаб и расколот лагерь демократический. Эта несоразмерность сил с особой ясностью сказалась в недавней истории выборов Я. Л. Рубинштейна. Бесчисленное множество организаций упражнялось в антисемитских оргиях и в демонстрациях своей злобной ненависти к «демократам» и «социалистам», «засевшим в Женеве» и смеющим «представлять» национальную эмиграцию. А демократы и социалисты лишь отругивались в газете, не сумев сорганизовать прогрессивные круги эмиграции для отпора беснующимся людям... Приходилось слышать, что в профессиональных и благотворительных организациях вовсе не все были согласны с резолюциями главарей. Но не хватало организационного умения выделить этих несогласных и дать им возможность высказать их мнение. Вот был случай для делового об'единения. Появление на арене битвы организованного сектора демократии было тем необходимей, что вся эта вакханалия происходила «в гостях», в чужих странах и давала повод иностранцам к заушению всей эмиграции: «подлинный Кобленц», «реставраторы», «ничему не научились» и т. д. и т. д. Можно было бы перечислить и другие случаи, когда зарубежная демократия — в особенности социалистическая — показала себя неспособной к творческой организационной работе в малых масштабах эмигрантского существования. Все это — подлинные печальные факты, имеющие, конечно, свое об'яснение, но вряд ли оправдание...

Будем надеяться, что призывы Е. Новохатного не останутся лишь литературным упражнением и что демократические «лаборатории» зарубежья усилят свою работу — во имя будущего.

Ек. Кускова.

*) На отсутствие работы по важнейшим вопросам современности жалуются и на той стороне. Так, Радек в № 5 «Большевика» пишет: «Научно не разработаны послевоенная история капиталистических стран, колониальных стран, история СССР... Достаточно указать, что наши историки «даже не попытались дать историю фашизма».

К. АРИСТОВ

Политический камуфляж

Перед нами брошюра Национального Союза Нового Поколения, плод пятилетней работы Союза, и номера газеты «За Россию». Разнородные чувства рождаются при чтении этой литературы. Нужно отметить, что многие положения левой эмиграции стали теперь достоянием и тех политических течений, которые меньше всего можно заподозрить в симпатиях к ней. Но время берет свое. В эмиграции также происходит эволюция. Теперь всем стало ясно, что нельзя идти в Россию со старым арсеналом реставраторских и реституционных идей первых лет эмиграции.

«Мы отрицаем имущественную реставрацию и считаем позором говорить о ней в годы тяжелых испытаний, переживаемых нашей Родиной».

Отрицается представителями Н. С. Н. П. и голый

активизм — «идея борьбы с большевиками во имя одного только свержения большевистской власти». «Борьба не есть цель, а только средство для достижения цели». Правда далее представители Н. С. Н. П. называют себя непредрешенцами, но необходимость все же заставляет их сделать следующий важный шаг вперед: «Там в России о цели говорить невозможно... здесь в Зарубежье **мы пользуемся благами свободы**... и это, прежде всего, обязывает формулировать те цели, за которые ведется борьба».

Далее мы имеем уже совсем неожиданное заявление в устах такой активистской организации, как Н. С. Н. П., а именно: «формулировка целей борьбы **есть главная** работа здесь в Зарубежье, т. к. «к нам неоднократно обращались именно из России **с требованием** взять на себя идеологическую работу, которая там абсолютно невозможна». Поистине многое нужно было пережить, чтобы эти люди наконец поняли, что идеологическая работа не есть только «болтология», как любили выражаться генералы от активизма, и что идейная работа здесь в эмиграции не только возможна, но и необходима.

Теперь они даже говорят о будничном, повседневном активизме и после таких признаний кажется каким то странным пустословием заявление, что главной задачей своей в эмиграции Союз ставит борьбу со всякого рода... представителями эволюционно - пассивистических настроений. Мы уже показали, как иногда теперь близок «активизм» Н. С. Н. П. к «пассивизму» левой эмиграции

Анти-эволюционистские же настроения, по существу, скрывают за собой замаскированное нападение на оборонческие настроения среди эмиграции. Надо сказать, что «националисты» из Нового поколения избегают открыто высказываться по вопросу о необходимости, даже и при существовании коммунистической власти, защиты России от посягательства иностранцев. Они публично не отмежевались от кампании тех русских кругов, которые рассчитывают на иностранные штыки для свержения коммунистической власти и которые готовы даже заплатить за это ценой потери «клочков» русской земли. Где сочувствие Н. С. Н. П. в этом важнейшем для русского политического сознания вопросе, можно только догадываться по некоторым намекам в газете «За Россию», по меньшей мере неуместным в газете с таким названием. Так в № 48 мы читаем: «Ее (идею белой борьбы) предал один из ее вождей, открыто заявивший на собраниях: «ни пяди русской земли» (она еще недостаточно напиталась русской кровью)». Понятно теперь, почему особенное раздражение у представителей Н. С. Н. П. вызывают рассуждения об эволюции именно со стороны оборонцев. Тут они становятся стопроцентными анти-эволюционистами даже «рассудку вопреки и наперекор стихиям» Если наши «националисты» считают крамолой указание на пробуждение в народе национальных чувств, то совершенно непонятно, на что они надеются: ведь, как ни понимать национализм, без патриотизма и без любви к своей родной земле его представить трудно. Сталин неискренен и ведет свою игру? Но ведь важно то, что Сталин вынужден ходом жизни торжественно провозглашать то, за что еще недавно людей сажали в тюрьму. Это казенный патриотизм? Но в той же газете «За Россию» г. Леонтьев говорит: «Во имя тактических соображений вызываются духи чуждого им патриотизма и эти духи мстят за себя, с ними нелегко совладать». Мы добавим, что не совладать с этим нарождающимся духом русского патриотизма и некоторым иностранным «освободителям» России и их русским пособникам.

Противоречия и туман присутствуют в такой же степени, если не в большей, и в идеологических построениях Н. С. Н. П. Этого своего главнаго долга эмигрантов — дать ясную и честную идеологию — они не выполнили. (Правда они спешат об'явить: «для нас активно работающих в Союзе не нужны **ни раз'яснения, ни толкование нашей идеологии;** для вновь приходящих «мы даем известные руководящие указания»). Мы не состоим в Союзе, а потому, пользуясь благами свободы и выполняя свой эмигрантский долг, подвергнем критическому обзору идеологию Н. С. Н. П.

На трех китах покоится идеологическое здание Союза: идеализм, национализм и активизм (?!) Об активизме мы уже говорили. Перейдем к «чистой идеологии».

Глава об идеализме начинается с горделивого утверждения: «Наш идеализм есть признание существования наряду с материальным и духовного начала и... первенства этого последнего в жизни личности и общества». Если бы дело касалось только личности, можно было бы удивляться только, почему авторы сочли нужным упомянуть об обязательности религиозного мировоззрения в политической организации, не ограничиваясь одним провозглашением свободы совести. Демократические течения, провозглашая свободу совести, более последовательны и предоставляют каждому (как и Фридрих Великий — большой авторитет для Н. С. Н. П.) «спасаться на свой манер».

Но своим утверждением о первенстве духовного (божественного) начала и в жизни общества, они, не говоря об этом прямо, причисляют себя к мировоззренческим (пореволюционным) течениям в политике. Представители этих течений утверждают, что нужно строить политическую организацию государства на основах **определенного религиозного** мировоззрения. На это, очевидно, и намекают авторы брошюры в следующем, невразумительном утверждении: «Этот идеализм... не есть лишь философская теория, ибо (?) идеализмом проникнуто все наше понимание жизни». И так как авторы не говорят подробно и конкретно, как они будут строить государственную организацию на божествен-

ных началах, то это наводит на очень грустные предположения, особенно в свете опытов, происходящих в других странах. Это проникновение политической жизни религиозными началами приводит в худшем случае к подавлению свободы совести и... духовной жизни у отдельных граждан, а в других случаях высокий идеализм неизбежно превращается в бюрократически - пошлую обывательщину. Есть еще опасности, связанные с обязательным насаждением идеализма в жизни, на которые указывают и некоторые представители Н. С. Н. П. Так г. Бердников в одном из номеров «За Россию» пишет: «часто происходит материалистическое обожествление силы и расы... происходит подмена Христа... говорят «Мусолини — наш бог» и т. д.

Но воздадим Божие — Богу, а кесарево — кесарю и перейдем к рассмотрению идей Н. С. Н. П. общественно - политического порядка. В конце главы об идеализме говорится: наш идеализм реалистичен. Идея, которую Н. С. Н. П. должен воплотить в политической системе, есть идея российского трудового национализма. Каковы же принципы, на которых должно строиться национальное трудовое государство?

Для нас демократов является отрадным тот факт, что наши проитвники при построении своей политической идеологии не выходят большей частью из круга исповедуемых нами идей.

Никто нам не осмеливается открыто сказать, что наши идеи плохи. Чтобы нанести удар ненавистным либералам - демократам и в то же время придать построению видимость культурно - правовой системы, извращают заимствованные у нас идеи и подвергают их ложному толкованию. Прошло то время, когда Муссолини открыто заявлял: «мир устал от свободы» — теперь он этого не говорит. Не говорят этого и новопоколенцы. Они вынуждены признать, что национальное государство может покоиться только на свободных гражданах, а не на «рабах». В другом месте они заявляют: «мы противники коммунизма и коллективизма, стремящихся поработить личность, создать стандартный тип человека». Мы демократы добавляем: мы противники по той же причине и гитлеризма и фашизма и то, что новопоколенцы умалчивают и об этих тоталитарных системах, создающих свой стандартный тип человека, дает осонование сомневаться в искренности их заявления, так как это умолчание, конечно, сознательное. Недоверие усиливается, когда мы переходим к дальнейшим рассуждениям представителей Н. С. Н. П. о свободе: «свобода для нас не есть некая подобно либералам, самодовлеющая ценность», «либералы верят, что человек по природе своей свободой не злоупотребит». Здесь во имя своей борьбы с либералами, вожди Н. С. Н. П., повидимому, сознательно совершают подлог и смешивают либерализм с анархизмом. Да будет известно рядовым и неискушенным членам Н. С. Н. П., что либералы никогда и не думали отрицать той святой истины, которая содержится в любом учебнике права и которая гордо провозглашается в брошюре Н. С. Н. П. «В жизни мы видим, что свобода одних, часто нарушает свободу других». Все политические мыслители, признающие для людей необходимость государственного общежития мыслят свободу, как право личности на свободу, однако, в границах государственности. Правда, идеологи Н. С. Н. П. добавляют и «во имя национальной государственности». Вот это подчеркивание целевого, идеократического, момента в государственной организации и составляет разницу между авторитарными режимами и демократией, эта разница еще углубляется тем, что границы свободы каждого гражданина и цели, во имя которых эта свобода ограничивается в национальном государстве, определяются, как мы увидим дальше, не народом (т. е. теми, свобода коих ограничивается), а деспотической государственной властью. И нет в этом вопросе большой разницы у разбираемой нами идеологии с коммунизмом, который они не совсем основательно обвиняют в том, что он стал на путь безоговорочной (?!) борьбы с индивидуальной свободой вообще. В коммунистическом государстве свобода также ограничивается во имя **коммунистической** государственности. Любопытно, что идеологи Н. С. Н. П. вводят в свою политическую систему, на подобие революционной законности большевиков, понятие «целесообразной законности». Основной же гарантии гражданских свобод — народовластия, которое отсутствует у большевиков, не найдем и в «национально-трудовом раю» Н. С. Н. П. Его идеологи вопрос об основах государственного устройства обходят следующей туманной фразой: «национально-трудовое государство должно покоиться не на отвлеченном понятии воли народа, а... на учете нужд хозяйственных и трудовых групп». «Не партийные спекулянты будут вести политику, а национальные водители и бесскорыстные слуги», «не всеобщее голосование, а деловое сотрудничество трудовых групп, под верховным водительством национальной государственности». А если мы вспомним, что основной целью Н. С. Н. П. является установление национальной государственной власти в России, то придется признать, что умами новопоколенцев владеет «скромная» мысль, что источник власти российской находится в недрах Н. С. Н. П. Власть эта «должна быть надгрупповой, надпартийной... и должна водительствовать над всеми бытовыми и профессиональными группами». Эта власть осуществляет «живую связь» с населением (верноподанным) через «ответственное» представительство, члены которого ответственны перед группами, территориальными и социально - экономическими организациями, их пославшими. «Это представительство, противопоставленное парламентарному, при котором профессионалы политики никогда (!) не поднимаются до общегосударственных интересов, существует и действует **параллельно и одновременно** с государст-

венным бюрократическим аппаратом. Происходящее отсюда соревнование (!) полезно для обеих сторон». Насколько все это серьезно предоставляем судить читателю. Картина настолько красноречива, что не нуждается в комментариях. И совершенно напрасно руководители Н. С. Н. П. стараются ввести всех в заблуждение, когда заявляют, что «было бы странным заблуждением предположить за нашей формулировкой какие то определенные пожелания (!) относительно образа правления». Мы можем придти на помощь естественной стыдливости Н. С. Н. П. и сказать, что построенная ими политическая система есть авторитарный режим, типа фашизма и гитлеризма. И недаром руководители Союза усиленно рекомендуют рядовым членам в одном из номеров своей газеты тщательное изучение творений« вождей современности» — Гитлера, Муссолини.

Только надо отдать справедливость последним, что они, не в пример нашим русским кандидатам в диктаторы, прямо заявляют, что их режим является одно - партийной государственной системой, а Гитлер даже для поддержки своего авторитета прибегает к «чисто-фальшивому» (уже в настоящем смысле этого слова), к чисто арифметическому подсчету голосов, в котором Н. С. Н. П. упрекает демократию, забывая о живом духе народовластия, — о широком общественном мнении, которое только и возможно в демократии.

Будем надеяться, что так часто вызываемые нашими противниками в борьбе за власть «духи» демократических идей, постоят за себя и все расчеты на новое закрепощение русского народа под очень сомнительным «национальным» соусом будут опрокинуты жизнью.

К. Аристов.

А. ЛАЗАРЕНКО

Сильная власть в демократии

I.

Свою последнюю предвыборную речь в ноябре 1935 г. Болдвин закончил выражением глубокой веры в демократию и свободу. «Свободный демократический строй, сказал он, может быть не менее волевым, чем какая бы то ни было диктатура».

Но воля государства, выражаемая в решении, приводится в действие властью, которая вручается правительству.

В других выражениях, но ту же, в сущности, мысль высказал в своей блестящей лекции, устроенной несколько месяцев тому назад газетой «Тан» сэр Джон Саймон: «кабинет несет ответственность за направление политики».

Этим авторитетным, казалось бы, утверждениям государственных деятелей самой могущественной державы нашего времени противостоит основанная на кинематографических сменах правительства в некоторых странах, ходячая и среди эмигрантов, к сожалению, ходкая мысль о бессилии демократической государственности организовать сильную власть управления. Здесь, прежде всего, нужно рассеять недоразумение, происходящее из привычки, усвоенной и литературой и положительным законодательством, называть власть правительства исполнительной властью, — недоразумение в том, что в демократическом государстве правительство лишено самых необходимых полномочий для осуществления актов воли. Наоборот, в действительности, правительства государств, независимо от формы их правления, в силу самой природы их функций, обладают вполне достаточными правомочиями. Демократическая государственность этих полномочий, как увидим ниже, не суживает.

II.

Присвоение правительству именования «исполнительная власть» покоилось на представлении, что вся его деятельность сводится к исполнению законов, в которых и определяется все материальное содержание этой деятельности. К последней четвёрти XIX ст. стало ясной ошибочность такого ограничительного представления. Все усложняющаяся государственная жизнь, необходимость взять на себя осуществление культурных целей, недостижимых усилиями даже общественных соединений, вновь народившийся социальный вопрос, создавший новую для государства задачу социальной политики, — чрезвычайно осложнили государственное управление. Правительство, конечно, должно быть подзаконным. Но это не простое исполнение законов, а нечто более сложное. В пределах предоставленной законом власти правительству дается инициатива на принятие или непринятие, или выбор момента для принятия определенной меры, а инициатива, по существу, содержит оценку обстановки. Правительству, таким образом, вверяется свободное избрание наиболее целесообразного образа действия, очень часто закон дает ему дискреционную власть. Такому характеру деятельности термин «исполнительная власть» совершенно не соответствовал и был заменен другим, более отвечающим новому пониманию задач государственного управления: административная власть (управление, administration Verwaltung). Но и на этом дело не остановилось Вне законодательства, суда и управления оказывается еще сфера проявления государственной воли, которую невозможно возложить ни на одну из этих традиционных властей: созыв, отсрочка сессий и

роспуск палат, заключение и ратификация конвенций, не возлагающих повинностей, законодательный почин, дела политического характера и т. п. Эти характерные черты правительственной деятельности подметила Чехословацкая конституция, назвавшая III главу «власть правительственная и исполнительная»*) и разделив эту главу на три отдела: «Президент Республики», «правительство» и «министерство и подчиненные административные органы».

Именно в таком понимании правительствующей власти один из самых замечательных государствоведов Франции первой четверти XX века, Орну, отдает ей первенство в государстве. По Орну, глава государства не президент, а президент, дополненный советом министров.

Эти, в нормальных условиях государственной жизни, вполне достаточные полномочия некоторыми демократическими конституциями еще расширяются предоставлением ей права, при известных условиях издавать чрезвычайные указы décrets-lois, ordonnances de nécessité, Notverordnung; германская ст. 48, Чехословацкая пар. 54, Испанская ст. 80). Веймарская конституция предоставила это право президенту даже во время сессии рейхстага. И это право было в Германии широко использовано. Если в первые годы существования демократической Германии число чрезвычайных указов было невелико (в 1919 — 5; в 1920 — 22; в 1921 — 12; в 1922 — 6), то в последние годы это число чрезвычайно возросло (в 1931 — 43; в 1932 — 59). Как далеко отошли от представления о правительстве, как исполнительной власти, показывает ст. 61 испанской конституции 9 декабря 1931 г. По этой статье, парламент может предоставить правительству законодательствовать путем декретов по точно установленным парламентом предметам. При этом для издания этих декретов-законов не требуется, как это установлено для чрезвычайных указов, согласия постоянной парламентской депутации (ст. 80).

Однако, и такие широкие пределы власти правительства ныне признаются неудовлетворительными. В одних государствах, сохраняющих правовой строй, правительству даются как в годы европейской войны, чрезвычайные полномочия. В других устанавливаются диктаторские режимы. В иных диктатура маскируется представительными учреждениями, но сама закрепляется в конституции (Польская конституция 1935 г.). И все эти узурпации народных прав, как я уже говорил, об'ясняются противниками бессилием демократии и дополняются обвинениями ее в немощи создать сильную правительственную власть.

Так ли это? Почему десятилетиями удовлетворявшие пределы правительствующей власти оказываются узкими? Демократия ли тому причиной?

*) По русски мне кажется правильнее всего дать этой власти Петровское название — «Правительствующая». Этот термин я далее и употребляю.

III.

История и действительность дают нам примеры устойчивости и силы правительствующей власти во всех трех видах демократии: непосредственной — в Швейцарии, демократии с разделением властей (или президентской), осуществляемой в Соединенных Штатах Америки, и парламентарной — на родине образца парламентаризма, в Англии.

Швейцария никогда не числилась среди стран с частой сменой министерства, и мы привыкли уже к тому, что в течение многих лет Швейцарский союз в Лиге Наций представляет все тот же Мотта. Стойкость внутренней жизни Швейцарии удостоверяет блестящий ответ швейцарцев, отвергших на референдуме 8 сентября 1935 г. покушение противоестественного фронта (фашистов-католиков и «jeunesses de droite et de gauche») свалить самую демократическую конституцию и заменить ее какой то мешаниной, в которой восторжествовали бы реакционные идеи. Сила же правительства этой маленькой республики во внешних политических делах сказалась в капитуляции третьего Рейха перед требованием о возвращении похищенного с швейцарской территории германского эмигранта Бертольда Якоба.

«Эксперимент» Рузвельта мог быть применен и осуществлен только потому, что конституция С. Ш. С. А. обеспечивает президенту и его правительству по крайней мере четырехлетнюю устойчивость — срок, в течение которого президент может проводить свою программу в жизнь.

Английский парламентаризм, начавший было, с появлением «третьей» политической партии, давать перебои, так что мы были уже свидетелями в 1924 году кабинета меньшинства, восстановил свое равновесие путем уничтожения либеральной партии. И кабинет, по существу своему, консервативный, благополучно просуществовав более 4 лет, обеспечил свое существование на новую легислатуру.

Вглядимся же, какими путями и средствами достигается эта устойчивость, являющаяся в неменьшей, если не в большей степени, чем широкие полномочия, основой сильной, волевой правительствующей власти.

IV.

Мы не будем долго задерживаться на Швейцарии. В условиях швейцарской непосредственной демократии условиях, доселе неповторимых и несомненно неприемлемых для сколько нибудь крупного государства, министры (члены Союзного Совета т. е. совета министров), которым воспрещается состоять членами союзного (законодательного) собрания (ст. 77 констит.), избираются этим собранием на трехлетний срок (подобно нашим земским и городским управам). Союзный Совет, обладающий обычными для всякого правительства полномочиями (ст. 102 конст.), на практике действует по указаниям парламента.

Отсюда отсутствие кризисов правительства, продолжительность, часто превышающая легислатуру — ибо соотношение политических сил в парламенте мало меняется — пребывания министров в должности.

В Англии устойчивость и сила правительства, по мнению сэра Джона Саймона, обуславливаются тремя факторами.

Первый фактор: в Англии политические партии не так разбиты, как в других странах, и потому, раз министерство пользуется поддержкой большинства парламента, оно остается у власти в течение всей легислатуры.

«Двухпартийная система» (демократическая и республиканская партии) до сих пор господствует и в С. Ш. С. А. Все значение этих партий в политической жизни сказывается, как при выборах членов конгресса, так в особенности при избрании президента особыми выборщиками, в числе которых не могут быть ни члены конгресса, ни должностные лица.

Второй фактор устойчивости английского кабинета сэр Джон Саймон усматривает в том, что неблагоприятный вотум палаты общин, неожиданно последовавший, не сваливает министерства. В Анлии правительство не ставит вопроса о доверии. Падение министерства происходит в том случае, если правительство разбито по вопросу капитальной важности, или если палата вотировала порицание кабинету после ответственных дебатов. Далее мы увидим последующую эволюцию этого фактора, обуславливающего устойчивость английского правительства.

В С. Ш. С. А. порядка парламентской ответственности не существует. Вся «исполнительная власть» принадлежит президенту, избираемому на 4 года с правом переизбрания. Правительство образуется президентом, перед которым министры (их всего 10), не имеющие права быть членами конгресса, только и ответственны. Но они, как и сам президент, политически ответственны, в особом порядке, (impeachement) по которому обвинительной властью является палата, а судом — Сенат. Сравнительно недавно, всем памятные, суждения министров С. Ш. С. А. и полузабытый случай предания в 1869 г. суду президента Джонсона, для осуждения которого не хватило всего одного голоса, показывают, что ответственность членов правительства С. Ш. С. А. не звук пустой. В силу начала разделения властей, министры не выступают перед законодательными палатами. Практика, однако установила обязанность министров являться в комиссии конгресса, давать об'яснения, выслушивать замечания и пожелания и к ним применяться. Практика эта повелась вследствие необходимости отстаивать от урезок бюджет. Американцы рассматривают эту практику, как взаимодействие разделенных властей. Так они смотрят и на непредусмотренный конституцией, но создавшийся на ее основании институт судебной поверки конституционности законов. Ст. 6 пар. 2 конституции признает ее верховным правилом государственной жизни. На этом основании суды и отказывают в применении к тому или иному делу законов, считаемых неконституционными. Сравнительно недавнее решение Верховного суда по поводу законов, изданных в связи с «New Deal» показывают всю силу и огромное значение института поверки конституционности законов.

Другое ограничение полномочий президента ставит сама конституция С. Ш. С. А. Ст. 11 отд. 2 пар. 2 предоставляет президенту: заключать договоры, если согласие на то дадут две трети присутствующих сенаторов, назначать, по совету и с согласия Сената, послов и посланников, судей Верховного суда и др. высших сановников Союза. Удовлетворительного об'яснения архаического этого правила конституции, столь нарушающего основной ее принцип — разделение властей — мы не находим в «Федералисте» (сборнике статей Гамильтона, Мадисона и Джона Джея — идеологов конституции С. Ш. С. А.) Дезавуирование Вильсона Сенатом, отказавшим в одобрении Версальского договора, составной частью которого являлось учреждение детища Вильсона — Лиги Наций, и недавний отказ Сената в утверждении в должности верховного прокурора — кандидата Рузвельта — свидетельствуют, какие путы в деятельности правительства представляют эти полномочия Сената.

За этими ограничениями, пределы власти президента и по конституции, и, в особенности, по уполномочию отдельных законов, настолько широки, что американский президент часто называется «самым могущественным человеком на свете».

Третий фактор устойчивости и силы правительства в Англии, по сэру Джону Саймону, состоит в том, что члены большинства парламента очень колеблются вотировать против правительства, потому что, если министерство падет, то есть вероятность, что премьер посоветует королю распустить палату, — соображение, которое во всех государствах (где, конечно, этот роспуск допускается) держит депутатов в «чувстве дисциплины, если не долга».

Американская конституция не предоставляет президенту права роспуска конгресса. Сенат и палата представителей, в силу начала разделения властей, в деле законодательства совершенно самостоятельны: они собираются на очередную сессию без созыва, по правилу в первый понедельник декабря (в экстренных случаях на чрезвычайную сессию могут быть созваны президентом), конгресс сам определяет перерывы, обычно кратких сессий и не может быть досрочно распущен. Инициатива законов принадлежит исключительно конгрессу. Законодательная полуинициатива президента, могущего особыми пожеланиями предлагать конгрессу рассмотрение тех или иных мер, до самых последних лет, по словам Ильберта, напоминала «громкий выстрел холостым патроном»: конгресс их заслушивал и... переходил к своим очередным делам. И для проведения нужных правительству проектов, ему прихо-

дится вступать в соглашения с членами конгресса, вносящими их от своего имени.

Но отказавшись предоставить президенту право «обращения к народу» при разногласии с конгрессом, ибо — учил «Федералист» — частое его употребление могло бы помешать устойчивости государственного управления и подвергнуть государственную машину потрясениям, конституция С. Ш. С. А. для осуществления идеи об ограничении всевластия законодательной власти, предоставляет президенту право суспензивного вето. Он имеет право возвратить конгрессу принятый законопроект со своими замечаниями и обязан его опубликовать, если при новом обсуждении поименным голосованием за законопроект выскажется 2/3 голосов каждой палаты. И этим правом американские президенты широко пользуются. К столетию конституции С. Ш. С. А. были опубликованы интересные данные о использовании права вето: из 433 случаев только 29 проектов получили требуемое повторное большинство. Суспензивное вето американского президента очень действительно.

V.

Тезисы сэра Джона Саймона об условиях устойчивости и силы английской правительствующей власти и сравнение этих условий с американскими требуют лишь немногих дополнений.

В политической жизни Англии имеется еще один фактор и, может быть, самый могучий, это — общественное мнение, сила которого в Англии исключительна и не превзойдена ни в какой стране. И этот фактор, всегда динамический, оказывает сильнейшее влияние и на парламент и на правительство. Вспомним свидетельство сэра Эдуарда Грея о том значении, которое общественное мнение сыграло во время вступления Англии в мировую войну.

По меткому замечанию одного государственного деятеля, парламент может так же легко, как закон о карантине перевозимых с континента собак, отменить Магна Харта 1225 г., если общественное мнение будет к тому расположено. И в Англии считается необходимым, чтобы кабинет, имеющий большинство в парламенте, шел на выборы, если возникает серьезный и важный вопрос, который не был поставлен в избирательной программе партии, давшей кабинет. С начала XX века смена кабинета происходит на общих выборах. Отступление кабинета Болдвина от данного в избирательной кампании 1935 года обещания — проводить вопрос об итало-эфиопской войне в порядке пакта Лиги Наций — вызвало под влиянием возмущенного общественного мнения небывалые еще политические последствия: отставку министра иностранных дел, по требованию премьера, и, в полном смысле этого слова, «покаяние» кабинета перед страной, принесенное премьером в заседании палаты общин.

Да и самая избирательная борьба и самые выборы в англо-саксонских странах имеют значение и носят характер совершенно иной, чем в других парламентарных государствах. Избирательная борьба ведется не вокруг партийных программ и известных «миросозерцаний», а по поводу совершенно определенных вопросов, подлежащих разрешению в предстоящей легислатуре (например в Англии: свободная торговля в 1905 г., социальное страхование в 1909 г., ограничение прав палаты лордов в 1911 г. и т. д.). И так как в Англии обычаем установлено, что лидер победившей на выборах партии назначается премьер-министром и образовывает правительство, то кабинет становится своеобразным видом народного представительства, получает от самого народа мандат на проведение известной политики при содействии и сотрудничестве с парламентским большинством под огнем критики «оппозиции его величества» и под контролем общественного мнения. Таким образом, можно, действительно, сказать, что в Англии народ «сам ставит власть над собой». Если такое становление власти» народом в Англии явилось в результате долгой эволюции политической жизни, то в С. Ш. С. А. такое образование правительствующей власти установлено, как мы видели, самой конституцией.

И это «становление власти» производится в англо-саксонских странах, по избирательной системе, не имеющей никакой претензии выразить в парламенте весь спектр политических взглядов, существующих в стране, а побуждающей разномыслящих об'единяться на том, что им обще. Эта система, с теоретической точки зрения, весьма несовершенная, заключает в себе, однако, интеграционную силу, ведущую к «двухпартийной системе». В Англии кабинет, таким образом образованный, твердо опирающийся на компактное большинство, тем самым обладает и всею мощью законодательства, тем «верховенством парламента», которое так красочно изобразил в свое время Дайси. Велика и указная власть кабинета, пользующагося полномочиями «положить на стол парламента» изданные указы (provisions), которые и получают законную силу, если в течение известного времени не будет пред'явлено требования приступить к обсуждению указа. Но это бывает редко, как редко и отменяются указы: за 30 лет было отменено парламентами 30 указов из 1520, изданных по министерству внутренних дел. Еще реже, в действительно исключительных случаях кабинет решается издавать и незаконные чрезвычайные акты. В этих случаях он, позже, испрашивает «индемнитет».

VI.

Какия же заключения и какое поучение вытекает из только что сделанного очерка?

Первое это то, что правительствующая власть в демократическом государстве обладает вполне достаточными полномочиями и не в расширении их ее сила. Для устроения сильной правительствующей власти необходимо обеспечение ее устойчивости,

нужно возможно продолжительное время (легислатура) пребывания одного и того же кабинета у дел государственного правления. Время — один из величайших факторов в жизни человечества. А продолжительность пребывания у власти дает тот психологический фактор для властвования, который устраняет применение силы.

Второе заключение — образование правительствующей власти должно стать независимым от законодательных палат. В организации этих властей нужно проводить не подчинение, а равенство, необходимо осуществить начало демократии, которое обычно декларируется в первых статьях демократических конституций: «все власти исходят от народа», «власть всех органов исходит от народа» и т. п. Правительствующаяа власть поэтому должна основываться и организовываться на принципе народного мандата, а не делегации другой равноправной власти — законодательной. «Гениальная», «сверкающая» (fulgurante) мысль Монтескье «о разделении властей», как несколько восторженно выражается Ориу, должна быть неуклонно проводима в демократии, независимо от ее форм, ибо, как доказал тот же Ориу, идея, что принцип разделения властей не приложим к парламентарной демократии, есть простое бездоказательное утверждение.

Просмотр конституций убеждает в том влиянии, какое на государственное строительство, вопреки стараниям многочисленных государствоведов немецкого толка, имела теория Монтескье и в XX веке.

Но отсюда вытекает, с одной стороны, что при столкновении с законодательными палатами, правительствующая власть, основывающаяся на народном мандате, должна иметь полномочие «обращения к народу». Использование же права роспуска палат может, при обеспечиваемой только демократией политической свободе, повлечь и неполучение вновь «мандата», что гарантирует серьезное раздумье правительства и большую осторожность при принятии этого решения. С другой стороны, законодательные палаты, власть которых тоже исходит от народа, не могут быть лишены возможности выразить недоверие правительству. Но, как верно писал по этому поводу г. М. Александров: «Принцип народного мандата означает, что не может быть смен министерства без предшествующего или непосредственно последующего роспуска палаты. Палата можт «убить» правительство, только кончая в тот же момент «самоубийством». А такая постановка вопроса о праве выражать правительству недоверие (несколько видоизмененно приводившиеся уже слова сэра Джона Саймона) — будет всегда «держать депутатов в чувстве дисциплины, если не долга». Есть все основания полагать, что взаимодействие этих двух институтов в значительной мере устранит и частые министерские кризисы и частые роспуски законодательных палат.

Для установления взаимной сдержки и равновесия законодательной и правительствующей властей, а тем самым и для укрепления демократического режима, трудно найти возражения и против предоставления президенту республики права суспензивного вето, что предусматривают такие безукоризненные, с точки зрения выдержанного демократизма, конституции, как чехословацкая (пар. 47 и 48) и испанская (ст. 82 и 83).

Существенным в организации сильной правительствующей власти является, далее, вопрос о возможности сохранять депутатский мандат, занимая министерский пост. Опыт Англии, где, по обычаю, министр должен быть членом парламента, говорит в пользу положительного решения этого вопроса. Но не следует ли и к этому обычаю отнести слова П. Н. Милюкова, сказанные им по поводу английского монархизма: «Для этого надо было пережить всю английскую историю».

Не будет ли целесообразнее, связав народный мандат на образование правительствующей власти с избранием президента республики, воспретить, как мы видели в Швейцарии и в С. Ш. С. А., совместительство депутаского звания с министерским постом? Несомненно, такое решение вопроса будет способствовать очищению политической атмосферы в парламенте, в особенности во второй палате, которая, по резкому выражению одного из отцов французской конституции герцога Бротли «есть очаг соперничества, претензий и карьеризма».

Самое избрание президента республики, как мандатара народного должно, конечно, быть поставлено вне исключительного воздействия законодательных палат. Здесь может быть несколько систем и комбинаций: избрание особыми выборщиками (С. Ш. С. А.), выборы законодательной палатой в соединении с выборщиками, избираемыми в числе, равном числу депутатов (Испанская конституция ст. 18), выборы всеобщим голосованием (Веймарская конст. ст. 41).

Третье заключение, которое мы должны сделать из нашего очерка, это то, что сильнейшая правительствующая власть уверенно стоит и твердо действует при обеспечении и в стране и в парламенте ее устойчивости. К сплочению избирательного корпуса — в идеале к двум партиям — и должно стремиться демократическое государство. Но решение этого вопроса покоится главным образом в нравах. Юриспруденция и политика могут оказать, однако, и здесь известное влияние и помощь, а именно в борьбе с разлагающей и расшатывающей парламент системой пропорционального представительства.

Пропорциональная система передает все руководство избирательной кампанией, всю судьбу выборов в руки партийных комитетов. Именно, при ней получается «засилие комитетов». И любопытно, что за эту систему особенно держатся крайние партии, в которых так сильны заговорщические элементы. Система эта, далее, дает в парламенте массу партий и нужно всегда иметь пред глазами пример Германского рейхстага после выборов 1930 г.:

правительство имело большинство в 12 голосов, составленное из 11 партий.

Эти три заключения приводят к определенному выводу — поучению, что устройство сильной правительствующей власти — в средствах демократической государственности.

Чем же об'яснить своего рода эпидемию требований в парламентарных странах чрезвычайных полномочий для «исполнительной власти»?

VII.

Если вспомнить основания, которыми оправдывались эти требования и содержание чрезвычайных указов, издававшихся правительствами разных стран на основании полномочий, данных парламентами, то станет совершенно ясным, что не в сущности демократии, как известного философско - морального миросозерцания и не в формах демократической государственности лежат эти причины, а в пошатнувшемся экономическом строе и в беспримерной спекуляции международного банковского капитала. Это очень выразительно высказал Пьер Лаваль в речи по радио в конце ноября 1935 г. Он говорил, что его правительство было образовано ради защиты франка: на бирже была паника, в сберегательных кассах и в банках увеличивались требования о выдаче денег, франк должен был пасть под ударами спекуляции. Атаки все той же обнаглевшей спекуляции на бельгийский франк, на гульден вызвали получение чрезвычайных полномочий бельгийским и голландским правительством. В конце ноября в газетах появилась весть, что даже швейцарское правительство в представляемую парламенту финансовую программу включило предложение о предоставлении особых полномочий для защиты валюты. Из 500 лавалевских декретов - законов огромное большинство касается экономической области. Борьба со спекуляцией вызвала принятие ряда законодательных мер. Но издание их в общем законодательном порядке, требовавшем времени, при свете гласности, могло дать спекуляции много шансов. Были случаи опубликования, приготовленных в тайне, законов, декретов-законов накануне дня закрытия биржи, чтобы устранить возможность «биржевой калькуляции» и подрыва вновь изданных мер до начала их применения.

Все развитие демократии связано с капитализмом. Однако, XX век воочию показал, что, как говорил Вандервельде на собрании по случаю 50-летия социал - демократической бельгийской партии, «социализм будет социализмом свободных людей или его вовсе не будет. Без свобод, без демократии, без международного общения трудящихся социализму может быть нанесен лишь смертельный удар». Таким образом демократия может покрывать разные экономические строи.

В наше переходное время демократический строй совмещается с ветшающим капитализмом. Но недуги последнего нельзя и не должно переносить на первый. Недуги эти могут быть излечимы лишь проведением известной целостной социально - экономической программы, которая должна реформировать теперешнюю фазу капитализма. Но это уже задачи, которые вне вопроса о сильной власти и, вообще, вне форм демократической государственности. Они должны быть разработаны — да плодотворно только и могут быть разработаны в рамках демократического строя — политическими партиями, стоящими на позициях демократии, как для России это выполнило РДО, для Франции — радикал-социалисты, для Бельгии — де-Ман (см. № 3 «Нашего Слова» статью А. А. Александрова «Современные социальные искания»). И западно-европейские демократические партии должны спешить с разработкой этих планов экономической реконструкции, договорясь между собой о проведении их в законодательных учреждениях, дабы не повторилась обстановка, создавшаяся в свое время в Германии и Италии. Рядом с этим должны быть приняты меры к устойчивости и укреплению правительствующей власти, меры, как я старался показать, осуществимые.

А при силе правительствующей власти в демократии избегнется, по слову Ориу (стр. 390), и фашизм, и большевизм.

А. Лазаренко.

П. ГАВРИЛОВ - БУЯР

Строительство в советской России

Одной из существеннейших сторон хозяйственной жизни СССР является строительство в узком смысле этого слова, т. е. возведение сооружений, неразрывно и тесно связанных с тяжелой и легкой промышленностью, транспортом и жилищным вопросом.

За восемь лет индустриализации страны построены сотни крупных, десятки тысяч мелких и средних предприятий, проведены тысячи километров железных дорог, сооружены большие мосты, грандиозные плотины, Беломорско - Балтийский канал, строятся каналы : Волга - Москва и Волга - Дон, переоборудованы порты, проводятся шоссейные и грунтовые дороги. Развивается новое жилищное строительство как в старых, так и в новых промышленных центрах, где за эти годы выросли гиганты машиностроения, тракторостроения, черной металлургии и т. п. Появились новые многолюдные

города, как Магнитогорск, Кузнецк, Прокопьевск. Приступлено к выполнению грандиозного, рассчитанного на осуществление в десятилетний срок, плана полной реконструкции Москвы.

Это строительство требует громадного напряжения всех сил страны, огромных денежных средств. Отпускаемые на строительство суммы с каждым годом растут и в 1936 году достигли колоссальной цифры в 17 миллиардов рублей.

Строительство несомненно развивается, но развивается неэкономно и представляет собой одну из самых отсталых отраслей советского хозяйства.

Советские источники показывают нам, как из рук вон плохо ведется это строительство, как оно полно непорядков и недочетов, совершенно немыслимых ни в какой капиталистической стране.

Советское правительство отлично это сознает и из года в год требует коренной перестройки и улучшения системы организации строительных работ, но на деле все остается попрежнему и положение не изменяется к лучшему.

На последнем совещании по вопросам строительства и производства строительных материалов в Ц. К: В. К . П. в декабре прошлого года была нарисована потрясающая картина преступной растраты народных средств, пышно расцветших в советских хозяйственных органах бюрократизма, произвола, бесхозяйственности, бессметности, безотчетности, диспропорции, нецелесообразного использования строительных материалов и рабочей силы, низкой производительности труда, дороговизны, плохого качества и невыполнения в срок строительства.

Чем все это вызывается?

Начнем с вопроса о кадрах советских строителей — этих непосредственных, по выражению наркома пути Кагановича, «исполнителей величайшего плана в мировой истории, плана переустроения огромной, но отсталой страны, в страну передовую».

Прежде всего, бросается в глаза совершенно недостаточное для строительства подобного размаха количество опытных и знающих свое дело инженеров, способных к самостоятельной, конструктивной работе. В то время, когда в капиталистических странах количество инженеров, по отношению к количеству рабочих составляет около 5%, — в Советской России «насыщенность инженерами» равняется около 0,2 %, т. е. почти в 20 раз меньше.

Для разрешения проблемы кадров сов. власть широко применяет ускоренное обучение студентов в высших учебных заведениях, и так как средняя школа не в состоянии дать высшим техническим учебным заведениям требуемого властью количества абитуриентов, то некомплект их пополняется слушателями рабфаков, подготовительных отделений ВТУЗ'ов и техникумов, т. е. людьми по своей образовательной подготовке не всегда пригодными для слушания лекций специальных высших технических наук. Само обучение в ВТУЗ'ах поставлено так, что трудно считать лиц, окончивших их, людьми с законченным специальным образованием. Достаточно указать на то, что часть профессорских кафедр занята преподавателями с средним образованием, а в отдельных случаях даже с низшим образованием.

Само собой понятно, что создать огромную армию хороших инженеров в течение каких нибудь десяти лет невозможно, что эта задача требует интенсивной работы нескольких поколений. Если советскому правительству удается с каждым годом увеличивать число инженеров и добиться выпуска в 1935 году из ВТУЗ'ов около 25.000 человек, то качественный уровень их весьма низкий. Эти новые специалисты оказываются не на высоте современных технических знаний. Несмотря на это, их часто отправляют на ответственные и сложные постройки в качестве руководителей.

Недостаточная опытность инженерных кадров является одной из главных причин плохого качества строительства в СССР. На совещании строителей секретарь М. Г. Комитета Хрущев говорил о необходимости строить дешево, прочно, быстро и красиво. Советские строители этого выполнить не могут и они так плохо производят нужные расчеты, что дома либо обваливаются, либо, при огромной перестраховке на прочность, обходятся во много раз дороже, чем должно.

Затем, основой строительного дела являются проекты и сметы — ответственнейшие документы, без которых невозможно правильное ведение строительства. Еще до начала постройки, должны быть произведены все виды изысканий, топографические, геологические, и от полноты и качества последних зависит и стоимость строительства и выполнение его в срок. На советских стройках подготовительный период для составления проектов и смет, рабочих чертежей и изыскательных работ слишком краток, и часто строительство ведется даже при отсутствии указанных выше документов. Проекты составляются крайне схематично, часто остаются незаконченными и сплошь и рядом к тому же меняются в процессе стройки.

За последние годы наблюдалось некоторое уменьшение числа строек, необеспеченных утвержденными проектами и сметами и в 1934 г. их было около 600 на общую сумму в 4 миллиарда рублей, но к концу 1935 г. положение снова ухудшилось и превысило 1300.

В 1934 г. правительство издало специальный закон «о прекращении беспроектного и бессметного строительства», в 1935 г. требовало «радикального улучшения проектно - сметных документов и улучшения работы основных проектных организаций Союза», а в 1936 г. мы снова читаем в постановлении ВЦИК'а о том, что нужно« решительно улучшить проектно-сметное дело, неупорядоченность которого до сих пор не только приводила к непроизводительным затратам и удорожанию строительства, но и ослабляла его темпы».

Несмотря на это, со стороны сов. инженеров продолжается попрежнему полное пренебрежение к сметам: одна смета составляется для банка, который без сметы не отпустит денег, другая — для работы. Проекты подгоняются к указанной правительством стоимости, сознательно не указывается ряд работ, а впоследствии оказывается перерасход. С другой стороны, очень часты случаи представления явно преувеличенных расчетов.

Не имея точного расчета, строители часто делают заготовку строительных материалов наугад и это влечет нехватку их, влекущую приостановку работ, а иногда получаются огромные излишки, в которых так нуждаются другие стройки.

Так, в частности, дело обстоит и с железнодорожным строительством. Здесь проектирование должно начинаться с изыскательных работ на месте, исследования рельефа местности, воды, геологических особенностей и т. п., учет которых является основой будущего проектирования. Сов. строители этим факторам не оказывают должного внимания. Изыскатели часто ведут работу, не имея заранее данного им четкого задания, остаются, несмотря на отсутствие нужного опыта и достаточных знаний, без надлежащего руководства, и результатом этого являются недоброкачественные проекты и сметы. Их часто, из за дефектов при изысканиях, приходится менять уже в процессе строительных работ. Кроме того, каждая проектная организация делает все проекты заново, не используя ни архивов, ни сделанных ранее расчетов и это вызывает лишние расходы. Чрезвычайно слабо развита типизация строительства.

Составление планов, смет и чертежей в центральных проектных организациях (в Москве, Ленинграде, Харькове и т. п.), оторванных от реальной обстановки и местных условий, приводит к тому, что эти проекты на месте построек часто оказываются вовсе непригодными.

Производитель работ строительства бумажного комбината Прозоров говорит: «Проектные организации не дают хороших чертежей и проектов. В результате мы вынуждены переделывать их по несколько раз. Если мы будем строить здание на основании первоначальных проектов, то это здание развалится или не выдержит то оборудование, которое запроектировано».

Разрыв между сметной и фактической стоимостью строительства имеет место почти на всех стройках. Частое изменение производственных заданий, низкое качество проектирования и плохая организация работ приводят к тому, что установленные планом «сроки ввода в эксплоатацию не выдерживаются, строительство страшно удорожается и значительное количество построек переходит из года в год незаконченными».

Возьмем, например, строительство шадринской электростанции. При составлении проектов не были произведены достаточные изыскания. Площадка для станции выбрана неправильно; это заставило производить большие расходы на сооружение водозаборного устройства и под'ездного железнодорожного пути. Организованное плохо и безхозяйственно строительство этой станции, начатое еще в 1931 году, до сих пор не закончено. Все время требуется дополнительный отпуск денег и в результате стоимость его будет почти в 2 раза больше сметной, вместо 3,5 миллиардов обойдется в 6 миллиардов. Постройка электростанции Волховстрой продолжаалсь 6 лет и обошлась почти в 4 раза выше сметной. В Ярославле один стандартный дом строят второй год и вместо 40 тыс. по смете на него уже израсходовано 84 тыс. и, чтобы достроить его, нужны еще 23 тыс. рублей.

Не менее важным для удешевления строительства является правильная организация строительных работ, состоящая в расчленении производственного процесса на ряд простейших операций, поручаемых разным лицам. В Сов. России и это поставлено плохо, и несмотря на острый недостаток квалифицированных рабочих, замечается неправильное использование их на вспомогательных работах, могущих быть выполненными неквалифицированными рабочими.

При невысокой технике и слабой механизации работ для приобретения специальных навыков и выучки от рабочих рук требуется продолжительная профессиональная тренировка. Чтобы восполнить этот пробел, власть приступила к созданию квалифицированной рабочей силы путем ускоренной подготовки на специальных курсах.

В настоящее время сов. власть решила покончить с таким положением, когда десятник, проработав добросовестно полгода, получал возможность, бросив работу, продвинуться выше по социальной лестнице, поступить в Рабочий техникум и далее. Это приводило к тому, что не оказывалось ни хороших опытных десятников, ни грамотных техников. Теперь десятники могут расчитывать на повышение по истечении минимум 5 лет работы в определенной отрасли.

Далее следует отметить в сов. строительстве недостаточную механизацию и использование, как больших и сложных машин, так и простейших приспособлений, что влечет затрату дополнительной рабочей силы примерно в 10-15 % от общего количества рабочих.

Сопротивление строителей попыткам применения новых механизмов вызывается, как отсутствием нужных для их обслуживания кадров, так и общей неорганизованностью. Бездействующие и плохо работающие механизмы являются лишь помехой, создают неприятности и усложняют строительную деятельность, не давая ожидаемых результатов. Поэтому строители предпочитают поставить 200 землекопов и 100 конновозчиков, чем организовать работу элеватора, и последний используется

обыкновенно только на 10-20 %, максимально на 30 %.

За последние три года количество строительных рабочих стабилизировалось на цифре около 2 миллионов, цифре, которая была бы чрезмерно велика при капиталистическом способе ведения строительства. Как указывает Гинзбург, «количество рабочей силы на наших стройках в 4 раза больше, чем на стройках С. А. С. Америки».

С освоением новой техники в строительстве, с повышением качества руководства, с созданием постоянных кадров рабочих и с повышением производительности труда, сов. правительство рассчитывает количественно сократить рабочую силу на стройках, но до сих пор эти плановые задания не осуществлялись, и мы наблюдаем, наоборот, даже увеличение общего числа рабочих.

Создание постоянных кадров тесно связано с вопросом улучшения условий жизни и быта рабочих, но последнее упирается в существующую систему сов. хозяйства и в итоге мы наблюдаем невероятную текучесть рабочей силы. Чтобы судить о размерах этой текучести, достаточно привести слова генерального докладчика на совещании строителей Межлаука: «За 9 месяцев текущего года (1935) на наших стройках 175 % к списочному числу строительных рабочих пришли и 172 % ушли. Это ведь настоящий проходной двор».

Условия жизни рабочих нередко крайне неудовлетворительны. На стройках рабочие большею частью живут в бараках, землянках и шалашах. «Большинство рабочих поселков не имеет не только прачешных и бань, но и страдает от недостатка питьевой воды. Дома холодны, сыры и не имеют элементарных удобств». Рабочие не обеспечены горячей пищей. Если к этому прибавить полуголодное существование, то станет понятным, что такие условия жизни, несмотря на существующие декреты о прикреплении рабочих к предприятиям, не могут удержать рабочих, и они либо перекочевывают из одного места в другое в поисках лучшей жизни, либо стараются обосноваться на вновь пущенных фабриках и заводах, где условия жизни относительно лучше.

Весьма важным вопросом, связанным с организацией строительства, является также современная подготовка и доставка строительных материалов. Для широкого размаха строительства не оказалось достаточного количества необходимых специализированных предприятий строительной индустрии, т. е. заводов, изготовляющих детали зданий: железо-бетонных изделий, строительных деталей из дерева, частей для металлических конструкций, отделочных материалов, как стекло, искусственный мрамор, керамиковые плиты, карнизы и т. п., а также недостаточное количество кирпичных, цементных, лесопильных заводов и карьеров.

Отсутствие нужных строительных материалов вызывает удорожание и затягивание строительства. Руководители строительной площадки оказываются вынужденными организовывать подсобные и вспомогательные производства материалов и полуфабрикатов на собственных предприятиях, чтобы восполнить разрыв и неувязку между об'емом работ и материальным снабжением. Каждое строительство, не рассчитывая на получение извне, старается, хотя бы кустарно и дорого, изготовить у себя максимум изделий.

Заводы, изготовляющие железные конструкции делают их так дорого и так затягивают сдачу, что для построек зачастую более выгодно создать свои полукустарные мастерские. «Мелкую аппаратуру, необходимую для строительных работ, скобяные товары, приборы для отопления, водоснабжения и т. п. трудно достать, и стройки сами берутся за приготовление этих деталей, хотя они обходятся во много раз дороже», читаем мы в сов. печати.

Нужно указать также и на весьма плохую организацию снабжения. «Подают — не туда, куда надо, а часто и разворовывают» — говорит Каганович».

Эти коренные недостатки в строительстве особенно подчеркивались на последнем совещании строителей.

Необходимым условием снижения себестоимости является более высокая производительность труда. По намеченному плану второй пятилетки «производительность труда по темпу своего роста должна идти впереди заработной платы». Однако, практика оказалась значительно хуже даже скромных предположений. В среднем за 1935 год выработка в день на человека на постройках составляла около 25 рублей — цифра чрезвычайно низкая.

Нужно сказать, что последнее время для повышения производительности труда была введена сдельщина, аккордная оплата труда, система премий. Первые же попытки заинтересовать материально рабочего дали сразу хорошие результаты.

Как только «ликвидировали бригады и ввели индивидуальную сдельщину на строительных работах, так немедленно получился огромный скачек в производительности труда; единственным стимулом для поднятия производительности труда является правильная организация заработной платы, где полностью уничтожается система уравнительной дележки», — говорит начальник Макеевского строительства Мамишвили на совещании строителей.

Решающую роль в производительности труда и вытекающем отсюда понижении себестоимости строительства играет «освоение техники» и правильное руководство работами, о чем уже говорилось выше, но не менее важным является и мелкая механизация и простейшие рационализаторские приемы в работах. Как можно ожидать высокой производительности труда при отсутствии, например, кусачек, ключей для гнутья железно-бетонной арматуры, ко-

торую приходится гнуть вручную, при никуда негодных ножовках, топорах, ватерпасах...

Удорожанию строительства также значительно способствует высокая стоимость стройматериалов. Нередко сейчас местный песок и гравий стоит дороже привозного Новороссийского цемента.

После целого ряда повышений себестоимости в 1934 г. наметился некоторый весьма незначительный перелом в сторону снижения, но экономия от этого снижения в 1935 г. вместе запроектированных 2-х с лишним миллиардов получена всего в сумме около 200 милилонов, т. е. лишь 10 % планового задания.

Большим злом сов. строительства является невыполнение в срок строительной программы. Целый ряд построек из года в год нарушает установленные планом сроки.

Советские строители строят не только дорого, но и плохо.

«Вновь выстроенные поселки и отдельные дома, как правило, с первых же дней нуждаются в ремонте. В них холодно, сыро, помещения неудобны, не учтены самые элементарные интересы жильцов». (см. журнал «Жилищная кооперация», № 8, 1934 г.).

Из выступлений на пленуме Совета Центржилсоюза в конце 1934 г. выяснилось, что ряд только что выстроенных в Москве и Ленинграде домов крайне низкого качества и их пришлось заново переделывать. В Ярославле в некоторых стандартных домах к тому времени, когда их нужно было штукатурить, дерево подгнило, лестничные клетки расшатались, оконные переплеты перекосились.

В Иванове новые стандартные дома, после постройки и вселения в них жильцов, развалились. В «Доме научных работников», в который только что в'ехали жильцы, штукатурка начала обсыпаться со стен и потолков. Лесопильный цех Ленинградского древоотделочного завода построен из такого материала, что его стены разваливаются и стоят только при помощи подпорок.

Наркомтяжпром Орджоникидзе отмечал: «Отделка квартир дрянь. Двери не так поставлены, штукатурка плохая, оконные рамы перекошены, стекло плохое, и т. д. Достаточно по двери стукнуть кулаком и кулак проскочит через дверь».

Теперь скажем несколько слов о жилищно-коммунальном строительстве, которое явно не поспевает за быстрым темпом индустриализации. Особенная острота жилищного вопроса чувствуется в больших городах и крупных строительных центрах. Размеры жилищной площади, приходящейся на одного человека, с каждым годом все уменьшаются. Число семей в СССР приблизительно в полтора раза больше числа занятых квартир. а в больших городах на одну квартиру приходится по 2-3 семьи.

По исчислениям Госплана в 1928 г., чтобы обеспечить в последующие пять лет городское и фабрично - поселковое население минимальной нормой жилища, было необходимо возвести около 100 миллионов квадратных метров жилой площади. Однако, планы эти, по недостатку средств, выполнены не были.

Жилищный голод вынудил даже правительство отступить от основных принципов полного государственного регулирования жилищной политики и предоставить осуществление жилищного строительства не только советам, кооперации, но и частным лицам на началах личной собственности.

Жилищно - коммунальное строительство плохо и в качественном отношении. Недопустимо велики потери в распределительных электросетях, плохо используется подвижной состав трамваев,, наблюдаются большие потери воды в водопроводной сети и т. п. Себестоимость коммунальной продукции чрезвычайно высока и стоимость коммунальных услуг растет с каждым годом.

Остановимся бегло на внешнем и внутреннем архитектурном оформлении и стиле новых построек в СССР.

Удобство и гигиеничность жилищ в высокой степени зависит от правильного и умелого планирования квартир, учета и использования всех возможностей. В Сов. России в вновь построенных домах можно часто встретить комнаты с пятью и более углами, без кухонь, с длиннейшими корридорами, неудобными лестницами, низкими потолками. В этом сказываются «левацкие загибы» архитекторов, отвергающих, как буржуазную выдумку, все те удобства, какие были выработаны многолетним опытом старой архитектуры

Упрощенный до предела, безобразный, унылый, с голым фасадом, коробочный стиль, появившийся заграницей, как протест против чрезмерного и дорогого увлечения загромождающими здания архитектурными украшениями и заграницей почти не нашедший себе никакого применения, пришелся по душе молодым советским архитекторам. Они успели понастроить не мало безобразных бетонных коробок, но в настоящее время положение изменилось и сейчас наблюдается отход от такого архитектуркого упрощенчества. Начинаются поиски красивых линий, правильных пропорций, применение горизонтальных и вертикальных членений, дающих выразительность поверхности и удачные светотени; намечается возврат к классическим формам и стилям.

Посмотрим теперь, как отразилось на строительстве знаменитое стахановское движение.

Это движение направлено на повышение производительности труда, на пересмотр норм, не повышавшихся с 1931 года.

Нужно было на деле показать, что эти нормы могут быть перевыполнены при условии изменения существующей организации труда и при надлежащем руководстве и материальной заинтересованности рабочих. В предприятиях были организованы работы на определенных маленьких участках, где было сосредоточено все внимание и все возможные средства, и там лучшие опытные рабочие в идеальных

условиях, действительно, добились блестящих результатов в достижении высокой производительности труда, значительно превысив существующие низкие нормы выработки.

Но нельзя придавать большого значения тем цифрам, которые мы находим в сов. прессе.

Как может серьезно говорить с трибуны лицо, входящее в правительство, о достижении стахановцев, указывая на фантастическую цифру 26.000 кирпичей, уложенных каменщиком Астафьевым, за один рабочий день. Ведь 8 рабочих часов составляют 28.000 секунд. Получается, что на укладку одного кирпича с прокладкой скрепляющего раствора с правильными швами и проверкой по вертикальному отвесу и по прямой горизонтальной линии затрачивается всего около одной секунды. Не надо быть специалистом, чтобы судить об абсурдности приводимой цифры.

В заключение нужно отметить, что правительство и партия в своем последнем постановлении об улучшении и удешевлении строительства требуют в 1936 году коренного изменения методов ведения строительных работ и перехода на начала рационального ведения хозяйства. Для осуществления общестроительных, жилищных и специальных работ создаются строительные конторы, вводится подрядный способ строительства, который «даст возможность обеспечить создание и полное использование мощной строительной техники, сплочение постоянных квалифицированных кадров и ведение всех строительных работ индустриальными методами» — говорится в постановлении.

«При выполнении строительных работ подрядным образом на каждой площадке должен быть один генеральный подрядчик, ведущий работы, который заключает с заказчиком договор подряда, который ответственен перед заказчиком за выполнение об'ема работ в соответствии с утвержденными проектами и сметами в предусмотренный срок».

В области заработной платы особое значение придается прогрессивно - сдельной оплате труда. По плану сов. власти она должна стать мощным стимулом, способствующим повышению производительности труда и устранению текучести рабочей силы. Для упорядочения сметно - проектного дела и финансового хозяйства устанавливается «выдача банками средств на строительства, ведущиеся подрядным способом, по счетам, составленным на основании актов приемки выполняемых работ и акцептированных заказчиком. Счета должны составляться в ценах сметы к техническому проекту».

Вот те вехи, по которым сов. власть собирается ныне выбраться из хозяйственного хаоса на путь капиталистических методов ведения хозяйства.

П. Гаврилов-Буяр.

Обзор жизни республиканско-демократической эмиграции

РДО В ПАРИЖЕ.

Доклады и собрания:

17 января 1936 года. — Совместное закрытое заседание РДО и р-д. группы партии Народной Свободы с докладом **П. Н. Милюкова** «Пражские впечатления».

28 января — Доклад **П. Н. Милюкова** — «Европа, Россия и эмиграция».

4 февраля — Доклад **А. Ю. Раппопорта** — «Разложение большевизма».

18 февраля — Закрытый доклад **Л. М. Неманова** — «Современное международное положение»

25 февраля — Доклады **П. Н. Милюкова** и **К. М. Шумского** — «Франко - советский пакт».

6 марта — Доклад **П. Ф. Гаврилова-Буяра** — «Строительство в сов. России».

14 и 17 марта — Доклады **Б. Л. Дудкина** — «Партия, хозяйство и быт по сов. газетам за последнее время».

28 марта — Доклады **П. Н. Милюкова, А. П. Лукина** и **К. М. Шумского** — «Угроза войны».

18 апреля — Доклад **А. П. Петрова** — «Экономическая программа для России».

28 апреля — Доклад **Г. С. Куртилина** — «Экономическое положение в Германии».

БЕЛЬФОРСКОЕ ОТДЕЛЕНИЕ РЕСПУБЛИКАНСКО-ДЕМОКРАТИЧЕСКОГО ОБ'ЕДИНЕНИЯ

(К 10-летнему юбилею его существования)

В 1925 году в Бельфоре (Франция) образовалась довольно многочисленная русская колония из бывших участников белых армий. Подавляющее большинство русских было по настроению реакционным, об'единенным в мощный Обще-Воинский Союз, принадлежность к которому считалась доказательством патриотизма: то была эпоха ожидания весеннего приказа о походе, «жизни на полу-собранных чемоданах». В этой обстановке махровой реакции и нетерпимости ко всякому инакомыслящему наш-

лось несколько человек, открыто порвавших с Белой мечтой и решивших искать новых путей борьбы за освобождение России. У этих смельчаков мало по малу выкристаллизовалась мысль о необходимости создания политической организации на демократических принципах. В начале 1926 г. К. Т. Заговорчев (впоследствии — первый председатель Бельфорского отделения), И. Е. Ачкеев (ныне здравствующий Председатель Б. О.), С. А. Лакодей и С. В. Михайлов образовали инициативную группу, которая не замедлила войти в сношения с центральным Правлением РДО, при содействии коего (и в особенности В. В. Попова) было осуществлено сформирование Отделения РДО в Бельфоре.

28 марта марта 1926 года состоялось организационное собрание, постановившее открыть «Бельфорское Отделение Республиканско - Демократического Об'единения», насчитывающее ныне 10 лет своего существоавния. Естественно, что новая организация была встречена враждебно и первые годы ее существования прошли в тяжелой атмосфере. Не взирая на вражду, клевету, р-д-ки спокойно и с достоинством продолжали начатое ими дело, веря в правильность избранного ими пути. Такое поведение не смогло не произвести импонирующего впечатления на колонию, в результате чего ни одно важное общественное начинание не обходилось без приглашения РДО к участию в нем.

Разочарования среди сторонников «белой мечты», сказывавшиеся все более и более по мере того, как надежды на скорый поход на Россию все уменьшались — не смогли не сказаться на перемене отношений местной колонии к р-д-кам. Наступивший во Франции экономический кризис привел к постоянному сотрудничеству местных организаций: при деятельном участии РДО — образовался Комитет помощи безработным. В настоящее время у Бельфорского Отделения есть еще враги, но число их и удельный вес совершенно ничтожны.

Считая, что распространение республиканско-демократических идей связано с повышением культурного уровня, Бельфорским отделением был устроен за 10 лет существования ряд лекций - докладов, как открытых (привлекавших порой многочисленную публику), так и закрытых. С этой целью были организованы курсы черчения (открытые не только для членов РДО, но и для всех желающих) и библиотека (в мае 1926 г. купили несколько десятков книг и тем положили начало теперешней библиотеке, насчитывающей в настоящее время более 1000 томов. Взносами на покупку книг, помощью Центрального Правления и пожертвованиями читателей создалась самая большая в районе библиотека).

Ничто не может лучше характеризовать положение РДО в Бельфоре, как сравнение отношения к нему при его возникновении и теперь: 10 лет тому назад Бельфорское отделение находилось в атмосфере враждебности, ныне — это место занято (и очень крепко) его политическим противником, а р-д-ки вошли в жизнь колонии и пользуются уважением и сочувствием.

Своим десятилетним существованием и успехом Бельфорское отделение подтвердило известное, но не всеми в достаточной мере оцениваемое, положение: уверенность в правоте идеи дает организации стойкость и жизненность.

А. Дмитриев, секретарь Б. О.РДО

В виду недостатка места, статья Н. Н. НИКОЛАЕВА — «Русская эмиграция в Нью-Иорке» будет напечатана в следующем номере.

БИБЛИОТЕКА - ЧИТАЛЬНЯ РДО
от 8.30 ч. до 11 ч. в.
78, rue Lourmel **Métro Beaugrenelle**

Заказную корреспонденцию по делам РДО и журнала «Наше Слово» просим адресовать Секретарю РДО **А. А. Александрову**
253, rue Lecourbe, Paris (15)

Денежную корреспонденцию и членские взносы Казначею РДО **В. В. Попову**
35, rue Jacob, Paris (6)

ПРОДАЖА «НАШЕГО СЛОВА»

в Париже: в Библиотеке РДО, редакции «Последних Новостей» и у ген. представителя изданий РДО — в кн. магазине «Дом Книги» **9, rue de l'Eperon - Paris (6)**

в Варшаве: у А. П. Вельмина, **Warszawa, Marszalkowska 68 m. 4.**

в Праге: у Д. И. Мейснера, **Praha. Dejvice, Podbabska tr. c. p. 1593 «Vlastnl Dilo» byt. 27.**

в Харбине: в кн. магазине «Русь» М. Зайцева, Конная ул. 34.

в Нью-Иорке: у Н. Николаева — **1067 — Park Av.**

Le Gérant: V. Kosmentzoff Impr. d'Art, 77, r. Mouton-Duvernet, Suf. 28-74

СОДЕРЖАНИЕ ПРЕДЫДУЩИХ №№ «НАШЕГО СЛОВА»:

Цена 3 фр. № 7 Prix 3 frs

НАШЕ СЛОВО

Орган Республикакско-Демократического Об'единения

СОДЕРЖАНИЕ № 7:

ПАРИЖ

Орган Республиканско-Демократического Об'единения

НАШЕ СЛОВО

« NOTRE PAROLE »

Revue trimestrielle Organe de l'Union Républicaine-Démocratique Russe

Редакция: 78, rue de Lourmel, Paris (15e)

№ 7 Январь 1937 г.

П. МИЛЮКОВ

Международное положение перед 1937 г.

В области международной политики 1936-ой год представляет любопытный контраст с 1935-ым. Оба года наполнены одинаковой борьбой демократической части Европы против германского наступления, явственно обозначившегося со времени вступления во власть Гитлера в 1933 году. Но тогда как 1935-ый год в первой своей половине представлял шаг вперед в процессе организации Европы против германских захватов, а во второй половине проявлял слабость в самых основах противогерманского об'единения, 1936-ой год, напротив, в первой своей части несет печальные последствия этой слабости, а к концу, под угрозой гибельных результатов раз'единенности Европы, обнаруживает некоторую тенденцию к об'единению,—тенденцию, уже считающуюся с уроками испытанных неудач. Именно, в виду этой необходимости исходить в отчетном году из вновь сложившегося в 1936 г. крайне тяжелого положения — было бы неверно просто характеризовать отмеченный контраст таким образом: 1935 год — плюс в начале, минус в конце; 1936 г. — минус в начале, плюс в конце. Мы имеем дело, к сожалению, не с зигзагообразной линией высокого и низкого давления, а с одной линией, постоянно падающей, но падение которой от времени до времени ограничивается и даже заменяется некоторым повышением, после приемов дипломатического доппинга, не доходя, однако же, до нормального уровня. Окончательного исхода европейского заболевания такая картина отнюдь не предрешает; но как при всякой затягивающейся болезни, ее длительность грозит постепенным ослаблением всего организма.

Если под эту медицинскую параллель подставить конкретные дипломатические факты, то главным моментом дипломатического пароксизма 1936 года нужно будет признать 7 марта этого года. В этот день Гитлер, испытав предварительно слабость реакций Европы на свои «ревизионистские» сюрпризы, подарил европейскую демократию последним — и самым грозным из этих «совершившихся фактов» — формальным разрывом Локарнского договора путем занятия, вопреки прямому требованию этого договора, демилитаризованной зоны между Францией и Германией.

Нужно только вспомнить, что это значило, чтобы понять, что тут была проведена какая то глубокая черта между двумя периодами европейской дипломатии. Вплоть до 7 марта 1936 года эта дипломатия ставила себе главной задачей — распространить на восточные границы Германии тот же режим мира, который казался достигнутым на ее западной границе. Если бы это удалось, то можно было бы считать всю Европу замиренной,в рамках Лиги Наций, на более или менее продолжительный срок. Английские мечты о всеобщей безопасности, о возвращении блудного германского сына в лоно Женевы, о наступлении, наконец, эры всеобщего разоружения могли бы приблизиться к осуществлению. Но все это не только не удалось. Одна попытка приблизиться к этой вожделенной цели сразу повысила нервность Германии до крайних пределов. Гитлер уже в речи 31 мая 1935 г. заявил, что задуманные демократической Европой договоры о «взаимной поддержке» (assistance mutuelle) с его точки зрения ничем не отличаются от старых военных союзом — и это создаваемое таким путем положение делает для него «крайне затруднительным соблюдение демилитаризованной зоны». Так, сюрприз 7 марта 1936 г. был уже намечен и открыто предсказан десятью месяцами раньше. Как известно, перед гитлеровской угрозой европейские державы сразу отступили. Вместо общего европейского пакта, о каком мечтали англичане, вместо сокращенного «Восточного пакта», одна Франция вместе с Чехословакией решилась, не без колебаний, заключить договор с советской Россией, Но Гитлер тотчас же заявил, что и этот договор противоречит Локарнскому. Несмотря на все усилия Франции путем охолощения пакта устранить из него всякую тень противоречия, несмотря на соединенные попытки Франции, Англии, Бельгии и Италии убедить Гитлера, что в таком тексте никакого противоречия с Локарно не остается, Гитлер отказался разговаривать дальше и воспользовался датой ратификации франко-советского договора (27 февраля 1936 г.), чтобы осуществить свою угрозу. Он таким образом разорвал единственную хрупкую связь, гарантировавшую мир хотя бы для одной только Западной Европы. Седьмым марта 1936 г. Европа была, в сущности, от-

брошена к положению до Версальского «диктата». Надо было теперь все начинать сначала.

Как же ответила дипломатия демократических держав на эту катастрофическую перемену? Все ждали, что наиболее затронутая занятием прирейнской зоны Франция ответит немедленной мобилизацией армии. Этого ждали — и боялись — даже генералы Гитлера — и тщетно отговаривали его от рискованного шага. Но... риск удался! Не только не было сделано никакого военного жеста, но, при помощи дипломатии Идена, был намеренно пропущен психологический момент всеобщего напряженного ожидания. Дело ограничилось язвительными вопросами Фландена и Идена об истинных намерениях Германии, на которые Германия предпочла просто не ответить, — так как ответить на них — значило бы признать себя виноватой в нарушении общего кодекса европейского международного права. В полном противоречии с этим принципиальным отрицанием правовой точки зрения в Берлине, Англия усиленно старалась завлечь Германию на какую-нибудь новую европейскую конференцию, чтобы, вместо разорванного «клочка бумаги», принудить Германию подписать какой-то другой «локарнский» договор. Германия молчала и тянула, а, соглашаясь, ставила неприемлемые условия, — пока наконец не сказались последствия унизительной ноты, принятой дипломатией демократических великих держав перед ломающимся канцлером. Сама по себе, такая поза должна была свидетельствовать о слабости и придать самоуверенности противнику. Нельзя было не сделать вывода, что там, где есть уверенность в себе, там есть и сила. А там, где сила, туда льнут слабые. Воздержание Франции от мобилизации могло быть доказательством не ее слабости, а ее миролюбия. Но в атмосфере германских «проб силы» (Kraftproben) было не до примирительных толкований. «Сила» выступала во всеоружии полной свободы от каких бы то ни было морально - правовых сдержек. Это было другое мировоззрение, — другой уровень культуры. С такой «силой» идеология миролюбцев была бессильна; даже таким пацифистам, как Норман Энджель, приходилось убедиться в необходимости действовать равным оружием. Такова была новая проблема, ставшая во всей своей обнаженности перед Европой после 7-го марта.

Переход от «климата» Женевы к этим веяниям сурового «Норда» был слишком резок. Немудрено, что проблема приспособления к новому положению была усвоена далеко не сразу. Можно, пожалуй, даже сказать, что она не вполне усвоена даже и в последние дни кончающегося года. Тем не менее, есть очевидные признаки, что наличность нависшей угрозы в общем признана, и что первые шаги приспособления к новому положению уже совершаются в наши дни. В этом и заключается отмеченный выше плюс. Но как далеко пойдут эти приспособления, предсказать в данную минуту еще невозможно.

Я едва ли ошибусь, если скажу, что первой формой приспособления, в особенности, среди слабых, была мысль о **перестраховке.** Вначале — именно **только мысль;** но она, несомненно, уже принята к руководству. Стало ходячей фразой, что падение «престижа» Франции после 7 - го марта ослабило связь с нею ее союзников. Таково, в особенности, положение Малой Антанты. На последнем съезде в Братиславе члены Малой Антанты прямо заявили, что потеряли уверенность в возможности общего регулирования европейской безопасности; что организацию мира на западе Европы они считают «частичной» и «недостаточной для гарантии мира в Европе» и что они «решили сделать самостоятельный шаг» к более тесному сближению между собой, предоставив притом друг другу «поддерживать добрые отношения с государствами, с которыми им удалось установить таковые». Но наиболее ярко падение доверия к Франции выразилось в формальном возвращении Бельгии от локарнского союза к довоенному нейтралитету. 14 октября 1936 г. бельгийский король заявил: «мы должны вести политику исключительно бельгийскую и поставить себя вне конфликтов соседей». Бельгия обнажила, таким образом, французскую границу и перестраховалась со стороны Англии.

Расхождения среди великих «локарнских» держав вполне оправдывали эти меры предосторожности. Антиитальянские «санкции» Лиги Наций, вызванные настойчивостью Англии по поводу итало-эфиопского конфликта, удалось кое-как уладить; но все же Италия отодвинулась от Англии, ставшей ее главным и скрытым соперником на Средиземном море. Она отдалилась от Франции, несмотря на усилия последней сохранить ее дружбу. После того Муссолини, в сообществе с Гитлером, принялся энергично за созидание того «блока», который он назвал «осью между Римом и Берлином». Венгрия и Австрия были втянуты в эту орбиту; усилились попытки отвлечь от Малой Антанты Югославию и ориентировать в том же направлении бездейственную Балканскую Антанту. Все это еще далеко от полного оформления; но австро - германское соглашение 11 июля 1936 года, которым признана полная независимость Австрии под условием — считать себя «германским государством», составляет несомненный успех в этой итало-германской игре.

Очень своеобразно повел себя в этом калейдоскопе меняющихся настроений и ориентировок СССР. За истекший год его влияние в Европе, несомненно, потерпело сильный ущерб. Франко - советский пакт и позиция СССР в Лиге Наций не только не оказались прочной опорой, но даже послужили источником ряда разочарований для советской дипломатии. При падении престижа Франции и при современном внутреннем состоянии ее — ей была поставлена в вину и ее близкая связь с коммунистами. Нюренбергская речь Гитлера, как и его последнее «идейное» соглашение с Японией «против коммунизма» могли, конечно, сыграть роль дипломатической дымовой завесы, за которой трудно было бы угадать истинные намерения политики Гитлера. Но

отход Бельгии от союза с Францией уже прямо мотивировался недовольством, какое распространено в этой соседней стране против советофильской политики союзника, ставшего ненадежным. Из государств Малой Антанты два — Югославия и Румыния продолжают на том же основании упорно отказываться от сближения с СССР, предоставляя эту роль своему третьему сочлену — Чехословакии. Внутри самой Франции союз с советами далеко не находит общего одобрения. При таких условиях, что должна была делать советская дипломатия? Она с своей стороны переменила кулисы и готовится поставить новую декорацию. Литвинов отведен в запас, во вторые ряды, с своей политикой сближения с «капиталистическим» миром; на смену выдвинут — слегка — призрак Коминтерна, давно переставшего играть роль в старой советской идеологии, но не потерявшего значения в качестве экспорта. И эта перемена, имеющая очевидною целью показать, чем может грозить Европе пренебрежение к удельному весу СССР, как будто, уже вернула советской дипломатии часть потерянного ею значения.

Общая картина международного положения зависит, конечно, не столько от этих частичных перемен в политике второстепенных факторов, сколько от ориентации самих так наз. «великих держав», Франции и Англии, с одной стороны, Германии и Италии, с другой. И вот, начинают проявляться признаки, что в этих основных своих чертах, картина также не остается неподвижной. Потребность в «перестраховках», овладевающая малыми, начинает чувствоваться и среди больших. Одну черту можно здесь отметить уже сейчас, как основную причину возможных перемен в будущем. Это-то обстоятельство, что после наметившегося соревнования Англии с Италией на Средиземном море и после формального соглашения Германии с Японией международная политика раздвигает тесные европейские рамки и становится всемирной. Ближайшим поводом к этой перемене является поставленный на очередь Германией вопрос о колониях. Речь идет уже не столько о возвращении ей ее старых колоний, которые, кроме дефицита, ничего не давали, а о приобретении других, более богатых сырьем, — хотя бы, на первый раз, в форме раздела сфер экономического влияния. Такой раздел, видимо, намечен на Дальнем Востоке, в районе Тихоокеанских отношений, и Соединенные Штаты уже встрепенулись в виду появления нового конкуррента. Перед такими перспективами планы «Майн Кампф» Гитлера и фантастические рассчеты на колонизацию Украины, очевидно, должны сильно потерять в актуальности, когда на горизонте уже вырисовывается вечный соперник, при постановке на очередь мировых задач: Великобритания. Два флота, которые спешно строятся — один в Англии, другой в Германии, должны рано или поздно встретиться не особенно дружелюбно. И снова должно возникнуть — если уже не возникло — то самое настроение, которое во время последней мировой войны продиктовало немцам их знаменитый припев Gott strafe England! С другой стороны и Англии приходится бросить рассчеты на восстановление европейского равновесия при помощи Германии, которую до сих пор она считала слабейшей стороной и, как таковая, заслуживающей очередной поддержки против сильнейшей (Франции). Чашки весов перемещаются в обратном направлении, и речи Идена начинают сильно не нравиться в Берлине, тогда как с Францией открывается у Англии период тесной, безоблачной дружбы. Перестраховка последних дней — в сторону сближения Англии и Франции с Италией — лишь прибавляет новую черту к обрисовке специального англо - германского антагонизма. Гитлер приобретает новое право на благодарность со стороны об'единяющейся против него, уже «в мировом масштабе» Европы.

Таков сложный переплет международных отношений к началу 1937 г. Предсказания здесь еще труднее, чем прежде — именно в виду множественности целей и перестановки ближайших задач. И на обычный вопрос не о том, будет ли война, а лишь о том, когда и где она начнется — можно дать лишь один успокоительный ответ. Если верно, что меняются цели, что в дополнение к сложившимся связям идет целая система перестраховок, — причем неизвестно, до каких пределов они дойдут, то тем самым задачи, которые считались ближайшими и очередными, должны уступить место менее очередным, дальнейшим. И все же, против сюрпризов Европа, попрежнему, не обеспечена. Если всего несколько недель тому назад из достоверного источника мы получили известие, что грозило немедленное нападение Германии на Чехословакию, едва предупрежденное настойчивыми представлениями германских генералов, то что можно сказать о подобных же возможностях в будущем, быть может и в ближайшем? Разумный расчет диктовал бы благоприятный прогноз. Но кто теперь верит в разумные расчеты?

П. Милюков.

Идея демократии жива, и в ней — в ее цельном виде — уже не мы одни, а перестрадавшие массы начинают сами видеть свое спасение.

П. Н. Милюков.

А. АЛЕКСАНДРОВ

Россия к концу 1936 г.

Лицо России к концу 1936 года существенно иное, чем несколько лет тому назад. С 1929 г., момента проведения первой пятилетки, началась «эпоха» Сталина; эпоха пестрая и противоречивая. Сталинский период революции не есть цельный законченный кусок истории, в нем происходили приливы и отливы. События последнего времени особенно бурны и стремительны. Сейчас уже стало общедоступным труизмом говорить о коренной эволюции, происходящей на родине. Постараемся ближе подойти к России сегоднешнего дня и в общих линиях наметить совершающиеся изменения. В какую сторону движется жизнь и едва поспевающая за ней власть?

Время от времени необходимо подвергать проверке и экзамену установившиеся понятия и воззрения. Небезынтересно задаться вопросом: выдержали ли испытание времени наши общие точки зрения, в частности, наша тактическая установка, как она формулирована в тактических тезисах 1926 года, и социально - экономические программные ноложения 1932 года.

В небольшой статье невозможно подробно и последовательно проанализировать все проявления жизненного процесса.

Подведем лишь главнейшие итоги.

Возьмем сначала область хозяйства. Здесь нужно провести грань между сельским хозяйством и промышленностью. Перемены значительны и важны как раз в сельском хозяйстве. Исходная точка коллективизации формулирована в «проекте общих начал о землеустройстве и землепользовании», принятом на 4-ой сессии ЦИК-а IV созыва 3-15 декабря 1928 г., § 7 которого установил, что землю можно получить путем вступления в одно из существующих об'единений землепользователей или образования новых землепользований, и § 10 — гласил, что земля предоставляется в трудовое землепользование **без установления наперед определенного срока.** Это постановление аннулировало земельный кодекс 1922 г. и открыло дорогу к массовой насильственной коллективизации. Новый порядок вещей был закреплен в уставе сельско-хозяйственной артели 2 мая 1930 года, который обобществлял весь рабочий скот, сельскохозяйственный инвентарь, **весь** товарно-продуктивный скот и т. д.

Результаты этой доктринерской жестокой политики не заставили себя долго ждать. Наступил тяжкий кризис сельского хозяйства, сопровождавшийся голодом и волнениями. Власть быстро пошла на уступки, начав с знаменитого постановления об «индивидуальной» корове и колхозном базаре (7 мая 1932 года). Не будем останавливаться на отдельных этапах отступления. Отметим только, что устав сельско-хозяйств. артели 17 февраля 1935 года устанавливает принцип «бессрочного пользования, т. е. навечно» землею за артелью. Причем, для прочности, как подчеркивает устав, выдается соответствующий документ — государственный акт на бессрочное пользование.

Объ этом говорят § 7 и § 8 новой конституции. Здесь отчетливо закреплена уступка непобедимой частно-хозяйственной стихии крестьянства. Общеизвестен необычайный рост приусадебного хозяйства и частного животноводства колхозников. Значительно возросла роль колхозных базаров (обороты поднялись с 8 миллиардов в 1932 г. до 14,5 миллиардов в 1935 г.).

В последнее время один за другим сыплются постановления о прирезках земель к колхозам от совхозов. Таким образом, тенденция в области сельского хозяйства ясна и не подлежит спору: в существующую колхозную систему вводится ряд смягчений, усиливается значение частно - хозяйственного начала. Совершенно очевидно, что жизнь требует дальнейшего раскрепощения хозяйства и признания принципа **добровольности** в артельном ведении хозяйства, — того начала, которое положено в основу аграрной программы РДО.

Что касается юридического режима промышленности, то тут никаких изменений не приходится отмечать. Система государственного капитализма не претерпела никакой эволюции. Реформы в этой области носят внутренний технический характер и не затрагивают самой структуры промышленного хозяйства.

Нужно, однако, отметить, что выдвигание на первый план принципа рентабельности, почти повсеместное введение прогрессивной сдельщины и меры по усилению дисциплины труда приближают отдельную «социалистическую» фабрику к обычному капиталистическому предприятию с той разницей, что, в противоположность пролетариату в капиталистических странах, сов. рабочий совершенно лишен средств защиты от беспощадной эксплоатации жестокого капиталиста — государства.

Власть цепко держится за монополию хозяйствования, которая необычайно усиливает ее мощь и облегчает ей задачу политического подавления населения. Проект новой конституции никаких перемен тут не предусматривает, статья 4 гласит: «экономическую основу СССР составляют социалистическая система хозяйствования и социалистическая собственность на орудия и средства производства» и т. д., а статья 5 уточняет, что, если в отношении сельского хозяйства существует форма «кооперативно - колхозной собственности», то в области промышленности допускается лишь форма интегральной «государственной собственности».

Нам думается, что в этой сфере пути дальнейшей эволюции заказаны, раскрепощение промышленного хозяйства должно неизбежно потребовать перестройки всего здания советского государства и вряд ли мыслимо без радикального изменения основ политического строя.

Особенно грандиозны, однако же, сдвиги в той области, которая не зависит в прямом и непосредственном смысле от существенных и принципіальных устоев крепостного советского режима — в области культурно - бытовой. Простое перечисление всех уступок населению в этой сфере потребовало бы огромной статьи. Здесь, говоря в двух словах, наблюдается возвращение к здравому смыслу, к освященному традицией старому быту. Напомним культивирование начал здоровой семьи, поэтическую реставрацию рождественской елки и т. д. и т. д. Грозное международное положение заставляет всячески подогревать патриотические чувства. Отсюда все более громко звучащие мотивы национальной гордости, связанные с частичным признанием ценности прошлого. В качестве одной из иллюстраций можно привести конфуз, приключившийся с придворным бардом Демьяном Бедным. Его трактовка русской истории в переделке «Богатырей» Бородина вызвала резкую отповедь со стороны советской цензуры. Необычайно характерна мотивировка постановления Комитета искусств, снявшего с репертуара этот пасквиль. В нем крещение Руси признается положительным явлением, пусть только в условно - историческом смысле. Тон делает музыку. И вот тон этой резолюции так далек от казенного лозунга — «религия — опиум народа». Сейчас срочно приказано «реабилитировать» былины. А композитору Астафьеву дан заказ в ударном порядке состряпать «народно - патриотическую» оперу... «Минин и Пожарский». Недавно в «Известиях» с недоумением было констатировано, что московкий университет, основанный М. В. Ломоносовым, носит имя проф. М. Покровского.

Нужно с уважением относиться к прошлому, которое является неот'емлемой частью народной души, — поучает сов. печать.

Какая прекрасная и... элементарная мысль! Но нужно быть последовательным: не пора ли сдать в архив все эти анти - исторические переименования в Ленинграды, Сталинграды, Куйбышевы и т. д.

Заметим, однако, что законные чувства собственного национального достоинства переходят сплошь и рядом в вульгарное бахвальство, в старинное «шапками закидаем», в тупое самодовольство, соединенное с презрительным игнорированием того, что делается у культурных соседей. Этот неприятный провинциализм поразил, между прочим, разочаровавшегося в советском коммунизме Андрэ Жида.

О сдвигах в этой области можно было бы писать без конца. Намеченная нами в самых общих чертах эволюция быта вплотную подводит нас к **политической** проблеме, ибо столь существенные метаморфозы в быте и мироощущении, в самом стиле жизни, уже сами по себе являются фактами политического значения и им не могли не сопутствовать политические перемены.

В чем заключается процесс политического перерождения диктатуры? Нам кажется, что политическая эволюция за последние годы шла в двух направлениях: происходило усиление **личной** диктатуры Сталина, одновременно с обожествлением «гениального вождя народов» и расширение базы диктатуры с параллельным ослаблением роли компартии.

Любой номер советской газеты свидетельствует, до каких фантастических пределов дошла прижизненная канонизация вождя. Малейшее проявление жизни связывается с легендарной личностью Сталина. Любое достижение науки, техники обязано всеоб'емлющей гениальности «отца и друга», «вождя народов» и проч. и проч. Номер «Правды» от 25 ноября побил все рекорды пресмыкательства: «на трибуну чрезвычайного VIII с'езда советов взойдет тов. Сталин — гений нового мира, мудрейший человек эпохи, великий вождь коммунизма», крупным шрифтом пишет казенная рептилия. А председатель Совнаркома Украины г. Любченко сочинил такую «народную» поговорку: «Стільки в Дніпра сивого тай води нема, скільки є у Сталіна світлого ума».

Партия, как политически-мыслящий коллектив, могла явиться серьезной помехой в утверждении личной бесконтрольной власти Сталина, который поэтому издавна повел против нее борьбу. Партия утратила самостоятельное значение и превратилась в органическую часть советского бюрократического аппарата. Тем самым бесконечно уменьшился **общественный** вес партии. Стало совершенно недостаточно опираться на подгнившие подпорки когда-то живого и крепкого партийного аппарата. Живые, нарождающиеся силы страны зреют и накапливаются в стороне от оффициальной коммунистической партии. Власть почувствовала потребность укрепить свое положение — и в этом решающую роль сыграл приход к власти Гитлера в январе 1933 года, о чем свидетельствует хронологическое сопоставление направленных в сторону народа примирительных актов правительства. Укажем на некоторые из них.

В апреле 1934 года издается декрет о «героях Советского Союза», 2 мая 1934 года Сталин произносит свой знаменитый тост о «непартийных большевиках», а 16 ноября на с'езде стахановцев Сталин проводит взгляд, резко отходящий от первоначального ультра - классового духа коммунизма — «сын за отца не отвечает». Далее, новая конституция устраняет существовавшее в системе косвенных выборов неравенство в представительстве разных слоев населения. Отныне путем прямых выборов 800 тысяч избирателей посылают в совет союза одного депутата (ст. 34). Статья 136 предоставляет активное и пассивное избирательное право всем гражданам, «независимо от национальной принадлежности, вероисповедания, социального происхождения, имущественного положения и прошлой деятельности». Тем самым уничтожается категория т. наз. лишенцев.

Разговоры об уже построенном бесклассовом обществе также свидетельствуют о потухании «классовой бдительности».

В то же самое время на партию следовал удар за ударом (разгром общества старых большевиков, бесконечные чистки и т. п.). И, наконец, разыгрался страшный для нее августовский процесс Каменева, Зиновьева и др. Этому важному моменту развития революции посвящена отдельная статья в нашем журнале. Нельзя не согласиться с Абрамовичем, что эти расстрелы знаменуют «последний этап эмансипации Сталина от партии». Если Дан видит в этом явлении «преступление перед революцией», то мы усматриваем в нем (оставляя в стороне вопрос о морально - недопустимых формах) новый этап по пути к раскрепощению России — сдаче в архив мертвящей доктрины обанкротившегося коммунизма.

Советский режим построен и держится на принуждении и терроре. Но социальная природа жертв советского Молоха также указывает на новую политическую ориентацию власти. Вспомним недавнее прошлое. Когда нужно было об'яснить и оправдать прорывы на разных хозяйственных фронтах, ГПУ хватало ни в чем неповинных спецов и совершало жертвоприношения: май 1929 — казнь несчастных фон-Мекка, Величко и Палчинского, сентябрь 1930 г. — сообщение ГПУ о раскрытой контрреволюционной вредительской организации в снабжении населения важнейшими продуктами питания, ноябрь - декабрь 1930 г. — процесс так наз. «торгпрома», март 1931 — процесс меньшевиков и т. д.

Террор не касался привилегированного правящего сословия — борьба внутри него носила семейный бескровный характер. Расстрел 16-ти положил конец этой привилегии партийцев. Этот смысл можно найти и в проекте новой конституции — при полном сохранении неподлежащей оспариванию всесильной власти диктатора, населению дается некоторая возможность защищаться от произвола сталинских слуг и среди последних производить известную «селекцию» лучших. Так об'яснил сам творец конституции ее политический смысл в беседе с Рой-Говардом.

Происходит процесс «деполитизации» партии и «декоммунизации» оффициальной России. Для власти опаснее всех лица, политически мыслящие. Старые партийцы, носители в прошлом коммунистического идеала, — на подозрении. От советских граждан требуются две вещи: верность вождю и работа по-стахановски. Все остальное от лукавого. Чкалов и другие, совершившие беспримерный авиационный подвиг, герои, в качестве награды получают... 35 тысяч рублей наличными (дух времени!) и... партийный билет. Раньше на ответственные посты ставили за партийные заслуги, а сейчас выдвинувшихся на строительстве работников привлекают в партию. Стахановцы, знатные люди, облагодетельствованные властью — вот желанный элемент в компартии, они «дискуссий» устраивать не будут. На этих же началах перестраивается комсомол. Новый устав ВЛКСМ, принятый на апрельском с'езде, определяет комсомол, как «массовую **беспартийную** организацию, об'единяющую в своих рядах широкие слои передовой, политически грамотной трудящейся молодежи города и деревни». В передовой статье от 22 апреля, посвященной с'езду, «Известия» пишут: «весь свой пафос, всю свою героику ленинский комсомол должен направить на учебу, на идейное воспитание молодежи, на изучение революционной теории, помня, что без учебы нельзя строить коммунизм». Хотя ударение делается на учебе, однако, борьба за коммунизм, как конечная цель, не оставляется.

При всей значительности совершающейся эволюции нельзя не заметить пределов, в которые она упирается. На них указал сам Сталин в своей речи на VIII с'езде: «проект конституции действительно оставляет в силе режим диктатуры рабочего класса, равно как сохраняет без изменения нынешнее руководящее положение ком. партии». Конечно, на самом деле речь идет о сохранении в неприкосновенности самодержавия Сталина, прикрытого полинявшим знаменем коммунизма.

С другой стороны, в какое бы отдаленное будущее сталинская теория «социализма в одной стране» ни отодвигало осуществление мировой революции, как бы бледно и тускло в данный момент ни звучали ноты «Интернационала», эта тема окончательно не отброшена. В лозунгах, опубликованных ЦК партии к 1 мая 1936 г., мы встречаем, как и прежде, призывы: «Да здравствует мировая социалистическая революция», «Пролетарии и крестьяне всего мира! Идите по пути рабочих и крестьян Сов. Союза! Долой фашизм, долой капитализм! Да здравствует сов. власть во всем мире». И новая конституция предусматривает возможность «принятия в состав СССР новых республик» (ст. 14, пункт в).

Иначе пришлось бы говорить, как отмечает П. Н. Милюков, не об эволюции, а о «мутации», т. е. о полном перерождении, переходе одного социально-политического вида в другой. Это «двоедушие» диктатуры отчетливо проявилось в поворотах международной политики. Напомним исходную позицию большевизма, как она закреплена на VII с'езде партии в 1918 году в пору радужных надежд и иллюзий — «первейшей и основной задачей и нашей партии и всего авангарда сознательного пролетариата и советской власти, с'езд признает принятие мер к раз'яснению рабочим неизбежности исторического приближения России к освободительной отечественной социалистической войне» — преддверию мировой революции. В процессе эволюции от этой агрессивной политики ничего не осталось.

Советская власть пошла по линии признания сосуществования двух систем — социалистической и капиталистической. Сталинская национализация революции, заключающаяся в осуществлении социализма в одной России, облегчила перевод меж-

дународной политики на рельсы активного сотрудничества с буржуазно - капиталистическими странами Запада и Америки. Увенчанием этой политики, связанной с именем Литвинова, явилось вступление в Лигу Наций 18 сентября 1934 года. Троцкий меланхолически констатировал («Бюллетень оппозиции», январь 1935 года), что «Сталин надежду на мировую революцию заменил надеждами на Лигу Наций». «Иностранным компартиям приказано вести реалистическую политику». «Новейший зигзаг, особенно во Франции (очевидно, политика «Народного Фронта» — **А. А.**) представляет собою жалкую и гибельную оппортунистическую конвульсию». Не являемся ли мы в самое последнее время свидетелями отхода большевиков от единственно правильной — в интересах России, а не мировой революции — позиции лойяльного сотрудничества с мирными странами Запада и перехода на опасные пути «коминтерновской» тактики — подбрасывания своего поленца в очаги смуты. Мы имеем в виду легкомысленную перемену позиции в испанском вопросе, зафиксированную в письме самого Сталина («Правда», 16 окт. с. г.) — «трудящиеся Советского Союза выполняют лишь свой долг, оказывая посильную помощь **революционным массам Испании**» и т. д. Будем надеяться, что правильное понимание подлинных интересов Сов. Союза, — хотя бы с точки зрения самосохранения власти, возьмет верх над соображениями «коммунистической чести».

Наш беглый обзор, думается, дает ответ на поставленный в начале статьи вопрос: правильна ли основная мысль тактических тезисов РДО 1926 года, о которой своевременно напомнил П. Н. Милюков в «Треугольном споре» — ставка на внутренние процессы, на признание положительного смысла за общим направлением развивающхися событий, при сохранении пафоса неприятия советской власти и борьбы с нею, и общий дух нашей социальной и политической программы.

Россия выздоравливает. Напор жизненных сил заставляет власть торопиться с уступками, направленными в сторону раскрепощения страны. Основная тактическая линия РДО и его программа, возлагавшие надежды на живые силы борющегося с властью за свое освобождение народа, получили подтверждение в ходе событий. Но еще большой и длинный путь остается пройти, ибо только в свободной демократической России будут закреплены подлинные завоевания революции, отвечающие народным чаяниям и нуждам.

Однако, создавшаяся международная обстановка требует максимального ускорения темпов отступления. Сама природа власти, ее происхождение, и не устранимая давностью двусмысленность являются серьезной помехой для безболезненной ликвидации затянувшегося революционного процесса Остается под знаком вопроса — удастся ли нынешнему всаднику, при всей его ловкости и оппортунизме, удержаться в седле бушующей стихии и не будет ли он выброшен из него, как отработанный продукт истории.

Александр Александров.

В. ПОПОВ

Новая советская конституция

Чрезвычайный VIII Всесоюзный с'езд советов в заседании 5 декабря с. г. принял новую конституцию СССР и поручил ЦИК-у СССР на основе этой конституции разработать и утвердить положение о выборах, а также установить сроки выборов Верховного совета СССР. В связи с принятием новой конституции в ближайшее время должны выработать новые конституции и входящие в СССР союзные республики.

Исчерпывающий анализ произведенной реформы, само собой разумеется, будет возможен лишь после выполнения ЦИК-ом СССР данного ему Чрезвычайным с'ездом поручения, но уже теперь, на основании текста принятой новой конституции СССР, мы можем констатировать, что существующий ныне режим диктатуры остается непоколебленным и правящая Россией власть намерена и впредь действовать мерами принуждения по отношению ко всем инакомыслящим, или, как формулировал Крыленко, ко всем, не идущим с властью в ногу.

Из сделанного Чрезвычайному с'езду доклада творца новой конституции видно, что эта конституция не имеет характера ни программы, ни декларации будущего, а «представляет собой итог пройденного пути, итог уже добытых завоеваний, является регистрацией и законодательным закреплением того, что уже добыто и завоевано на деле».

Сам Сталин предусмотрительно заявил, что новая конституция оставляет в силе режим диктатуры рабочего класса, равно как и сохраняет без изменения нынешнее руководство коммунистической партией СССР. Если она и расширяет базу диктатуры, то лишь в сторону превращения диктатуры в более гибкую и, стало быть, более мощную систему государственного руководства обществом.

Речь Сталина невольно вызывает в памяти знаменитую фразу царского министра: «Так было, так будет!»

Однако, если система диктатуры в России остается непоколебленной, то формы советского властвования новой конституцией меняются.

Первой и чрезвычайно важной из этих перемен является ликвидация в СССР советской системы, той новой формы демократии, которой так гордились все 19 лет советские правители и государствоведы. Ст. 2 новой конституции, хотя и говорит, что политическую основу СССР составляют советы депутатов, но это уже не те советы, которые знала Россия во время всех лет большевистского господства. Прежние советы представляли собой совершенно своеобразную стройную и органически связанную систему, в которой с'езды советов низших ступеней последовательно избирали депутатов высших ступеней вплоть до самого «державного хозяина советского союза — Всесоюзного с'езда советов». Идея многостепенного советского представительства находила себе защитников и среди антибольшевиков (вспомним лозунг кронштадского восстания «советы без коммунистов») и среди эмиграции. Особенно ею увлекались младороссы, провозгласившие — «Царь и советы», и всякого рода пореволюционные течения: новоградцы, евразийцы и т. п.

Прежние советы ныне упразднены самой советской властью. Иерархическая органическая связь советов между собой уничтожена и под старым названием созданы учреждения обычного европейского типа. О будущей роли советов мы сможем окончательно высказаться лишь после принятия союзными республиками их новых конституций, но уж и сейчас, на основании положений принятой конституции, можно сказать, что Верховные советы СССР и союзных республик будут общесоюзными местными (вроде прежних Рейхстага и ландтагов) законодательными учреждениями, а советы низших категорий будут хорошо знакомыми органами местного самоуправления, но лишь с несколько расширенной компетенцией. Ныне для названия СССР **советским** государством оснований не имеется, и, как правильно на то указывают эмигранты и слева (М. В. Вишняк) и справа (С. И. Варшавский) из СССР второе «С» следовало бы вовсе выкинуть.

Второй важной реформой новой конституции является попытка покончить с практиковавшимся доселе смешением властей. Отныне законодательная власть принадлежит только Верховному совету СССР и, в пределах весьма ограниченной компетенции, Верховным советам союзных республик. Никакие другие учреждения и органы впредь не имеют права на законодательство. Исключения не сделано даже для периодов перерыва сессий или роспуска Верховных Советов. Президиуму Верховного совета СССР предоставлено право лишь **толкования, путем указов, действующих законов.**

Совету народных комиссаров дано право издавать лишь **постановления и распоряжения на основе и во исполнение действующих законов,** а народные комиссары могут давать в пределах компетенции соответствующих народных комиссариатов лишь **приказы и инструкции,** на основании и во исполнение действующих законов, а также постановлений и распоряжений Совета народных комиссаров.

Законодательной неразберихе, существовавшей до настоящего времени, кладется предел и функции законодательной и исполнительной власти ныне разграничены.

В области социально - экономической, которой посвящены статьи 4-12 новой конституции никаких нововведений не усматривается. Эти статьи лишь юридически закрепляют ранее сделанные уступки и оформляют существующее в настоящее время фактическое положение.

В разделе конституции, трактующем об основных правах и обязанностях граждан, обращает на себя внимание то, что гарантированные еще конституцией 1918 года свободы слова, печати, собраний и митингов, уличных шествий и демонстраций, теперь гарантируются при условии, что этими свободами будут пользоваться лишь «в соответствии с интересами трудящихся и в целях укрепления социалистического строя».

Из нововведений этого раздела заслуживает быть отмечена статья 128-ая, гласящая, что «неприкосновенность жилища граждан и тайна переписки охраняться законом». Будет ли эта статья применяться на самом деле или окажется, как и статьи о свободе 1918 года, только «агитационным лозунгом», покажет будущее.

Исключительное по важности значение имеет раздел XI новой конституции, посвященный избирательной системе. Отныне все советы от хуторского до Верховного совета СССР будут избираться на основании всеобщего, равного и прямого избирательного права при тайном голосовании. Тем самым городской «пролетариат» теряет свое привилегированное положение. Избирать и быть избранным имеют одинаковое право все, достигшие 18 лет, граждане СССР, независимо от пола, от расовой и национальной принадлежности, вероисповедания, образовательного ценза, оседлости, социального происхождения, имущественного положения и прошлой деятельности. Не участвуют в выборах лишь умалишенные и лица, осужденные судом с лишением избирательных прав.

Новое положение имело бы чрезвычайное значение, если бы не было ограничений, предусмотренных ст. ст. 126 и 141 новой конституции. Согласно тексту этих статей и раз'яснениям, данным советскими вождями, гражданам СССР предоставляется право об'единения в профессиональные союзы, кооперативные об'единения, организации молодежи, спортивные и оборонные организации, культурные, технические и научные общества, но не в политические партии. Единственное право на законное существование имеет одна коммунистическая партия, которая, как говорит новая конституция, «является передовым отрядом трудящихся в их борьбе за укрепление и развитие социалистического строя и представляющая руководящее ядро всех организа-

ций трудящихся, как общественных, так и государственных». Право выставления кандидатов на выборах предоставляется лишь общественным организациям и обществам трудящихся: коммунистическим партийным организациям, профессиональным союзам, кооперативам, организациям молодежи, культурным обществам.

Отныне население, если не сможет выставлять кандидатуры желательных ему лиц, то может проваливать любые выставленные кандидатуры. Результат выборов будет в значительной степени зависеть от избирательного закона, на основании которого эти выборы будут производиться, и, надо думать, он предусмотрит неприятные для власти случаи. Но если выборы будут производиться честно и без свойственных большевикам обезьяньих штучек, возможны самые неожиданные сюрпризы. Сам Сталин предсказывает, что всеобщие, равные, прямые и тайные выборы в СССР будут хлыстом в руках населения против плохо работающих органов власти.

Теперь остановимся на роли коммунистической партии по новой конституции.

С нашей точки зрения, глубоко ошибаются те, которые считают, что статьи конституции, посвященные коммунистической партии, о которой в прежних конституциях не было ни слова, свидетельствуют об усилении роли и значения этой партии. Смысл нововведения совершенно иной. Оно сделано не для возвеличения этой партии, а для обоснования запрещения иных политических партий. Коммунистической партии этими статьями дается монополия на легальное существование. На деле конституция значительно умаляет принадлежавшие ранее компартии права. По новой конституции право выставления кандидатов на выборах обеспечивается не только за партией, но и за рядом советских общественных организаций. Выбор высших органов власти прежде находившийся в руках партии, так как она обладала абсолютным большинством во всех органах власти, начиная с областных и краевых с'ездов советов, теперь формально переходит к беспартийной избирательной массе.

Этому соответствует уже самая замена термина «пролетариат» общим термином «трудящиеся» и прибавление к двум классам трудящихся третьего — «интеллигенции».

Да о каком усилении компартии может быть речь, когда сама власть, сам Сталин в последние годы всячески колебали авторитет партии, обвиняя своих старых соратников в самых тягчайших преступлениях. Последнее время мы наблюдаем, как компартия постепенно теряет свое положение главной опоры существующей в России власти и как, мало по малу, ее место занимает новый класс нарождающегося привилегированного сословия - класса «знатных людей», оказавших и оказывающих большие услуги власти и за то властью облагодетельствованных и награжденных почетом, орденами и всякого рода материальными благами вплоть до крупных денежных наград. Если в коммунистической партии, как это мы видим из помещенной в этом номере статьи А. С. Михельсона - Александрова, все время таится внутренний враг, с которым нужно вести беспрерывную войну, то на новый отбор «знатных людей» власть может полагаться вполне. Они не выдадут. Их личное благополучие тесно связано с существованием нынешней власти.

Прибавим, что и сама коммунистическая партия в настоящее время не та, что прежде. Теперь для приема в партию требуется не верность коммунистическому учению основоположников коммунизма Маркса и Энгельса, а слепая безграничная преданность « гениальному вождю » и... выработка рекордных норм угля, металла, свеклы и т. п... Старая гвардия адептов коммунистического учения вытесняется дельцами — «знатными людьми». От прежней коммунистической партии осталась лишь одна вывеска и то только потому, что нынешним вождям еще зазорно признаться в перерождении партийной диктатуры в личную диктатуру самого вождя.

К какому же заключению следует придти после краткого анализа новой конституции? Конечно, это не то, что нужно народу, что может обеспечить ему на самом деле счастливую жизнь. Однако, при всех недостатках новой конституции не следует отрицать и ее положительных качеств. Прежде всего громадное значение имеет предоставление избирательного права всему населению. Оно сливает избирателей в общую массу и ликвидирует класс лишенцев, которые в советском государстве были на положении преследуемых и гонимых отовсюду париев. Далее, населению дается возможность реальной борьбы с злоупотреблениями местных властей, тотъ хлыст, о котором в своей речи говорил Сталин. Несомненно оба эти мероприятия представляют какой то шаг к некоторому примирению власти с народом в минуту грозящей стране внешней опасности. Большое значение имеет и введение всеобщего, прямого, равного избирательного права и особенно тайного голосвания.

Жизнь быстро покажет, что могут значить все эти права при наличии целевых (« в соответствии с интересами трудящихся и в целях укрепления социалистического строя»), а не подлинных политических свобод. Но раньше или позже народ этих свобод добьется, и в сталинскую речь будет внесен корректив: «Так было, но так не будет!»

В. Попов.

ОРУЖИЕ СВОБОДНЫХ ЛЮДЕЙ — СВОБОДНОЕ СЛОВО.

И. С. Аксаков.

А. МАРКОВ

« Бесклассовое » государство

Рабочие, крестьяне и советская власть.

На чрезвычайном с'езде советов 25 ноября 1936 года, созванном для обсуждения проекта новой конституции СССР, Сталин заявил: «Полная победа социалистической системы во всех сферах народного хозяйства является теперь фактом. Сообразно с этим изменилась и классовая структура нашего общества. Все эксплоататорские классы оказались ликвидированными. Остался рабочий класс. Остался класс крестьян». Но, по характеристике Сталина, рабочий класс в СССР совершенно новый, освобожденный от эксплоатации, рабочий класс, подобного которому не знала еще история человечества. Новым является и класс крестьянства, т. к. «наше крестьянство есть крестьянство, освобожденное от эксплоатаціи». Каковы отношения между этими классами? Сталин указывает, что грани между рабочим классом и крестьянством стираются и старая классовая исключительность исчезает. Противоречия между рабочим классом и крестьянством отпали, почему рабочие и крестьяне как бы сливаются в один класс и, т. к. в стране нет какого либо другого класса, противостоящего рабочим и крестьянам, то СССР, в изображении Сталина, превратился в бесклассовое общество.

Верно ли, что в СССР действительно существует такое общество?

Если под бесклассовым обществом разуметь такой социальный строй, при котором в стране не существует буржуазии, то тогда Сталин совершенно прав. Если же под бесклассовым обществом понимать такую его структуру, при которой вообще отсутствуют классовые интересы, то тогда о существовании в СССР бесклассового общества говорить не приходится. В СССР, несмотря на отсутствие буржуазии и так называемого кулачества, все же существуют классы, имеющие свои собственные интересы, не находящиеся в гармоническом сочетании с интересами нового государства. В этом мы убеждаемся, если рассмотрим отношения между советским государством и рабоче-крестьянским классом.

А) Советское государство перед всей страной выступает прежде всего, как предприниматель и торговец. Что из себя представляет советское государственное хозяйство? К началу 1936 года совершенно ликвидирована карточная система на все продовольственные и промышленные товары, а также было покончено с практикой оплаты заготовленного в деревне промышленного сырья товарами (хлопка, шерсти, льна, пеньки и т. д.). Такое положение обусловило, как говорится в народно - хозяйственном плане на 1936 г., развитие денежного хозяйства. Таким образом, советское государство производит в нынешних условиях денежного хозяйства товары, продаваемые населению. В советской экономической литературе полностью сохранились такие «капиталистические» термины, как «рынок», «торговля», «товар», «прибыль».

О том, как велика советская торговля, говорит следующая справка из Нар.-Хоз. Плана на 1936 год: «Фонды основных продовольственных продуктов, выделяемые государством для продажи на широкий рынок в 1935 г, дошли до следующих размеров (в тоннах): мука — 11,6 мил., мясопродуктов — 348 тыс., рыбы — 700 тыс., масла животного — 89 тыс., масла растительного и маргарина — 124,7 тыс., сахара — 652 тыс., кондитерских изделий — 566,3 тыс., яиц — 233 тыс. ящиков. Кроме продовольственных продуктов, на широкий рынок выпускается масса государственных промышленных товаров (ткани, обувь, металлические изделия широкого потребления, мебель, галантерея и т. д.). План розничного товарооборота государственной и кооперативной торговли, говорится в плане на 1936 год, вместе с оборотом предприятий общественного питания, утвержден в размере 100 миллиардов рублей. Таким образом, государство является купцом, занимающим в стране почти монопольное положение.

Как действует это «государство - купец»? Отрицает ли оно в своих коммерческих операциях прибыль, т. е. ту цель, какая свойственна капиталистическим предприятиям? Нет, не только не отрицает, но требует, чтобы советские промышленные и торговые предприятия давали чистую прибыль. О прибыли, как о задаче советского хозяйства, говорится так же, как говорится об этом на собраниях акционеров капиталистических предприятий. В своем докладе по бюджету на 1936 год комиссар финансов Гринько заявил: «В расчетах бюджета на 1936 год мы исходим из того, что общая сумма прибылей в общественном хозяйстве СССР в 1936 году составит 11,3 миллиарда рублей». Говоря о сумме прибыли от различных отраслей хозяйства, комиссар финансов выражал недовольство скромной прибылью, получаемой от торговли: «не может не обратить на себя внимание также недостаточный размер прибылей государственной торговли и кооперации», и дальше: «Наиболее сильно растут, в связи с общим ростом производства, доходы от пищевой промышленности, легкой промышленности и тяжелой промышленности».

Не ставя здесь задачи установить размер прибылей, получаемых советским государством от его хозяйственно - торговых операций, мы ограничимся рядом примеров: заготовительная цена хлеба в среднем равняется за 1 пуд (16,6 килограммов) — 158 коп. Продажная же цена этого же количества хлеба в печеном виде равняется 1660 коп. (берем казенные цены за кило пшеничного хлеба для Московской области). Как мы видели, государство на рынок в 1935 году выпустило 11,6 милл. тонн муки. Легко себе

представить размер коммерческой прибыли советского государства - купца от продажи хлеба.

Заготовительная цена на гречиху — от 570 до 685 коп. за центнер. Продажная цена из государственных магазинов — 4300 коп. за центнер (для Московской области). Заготовительная цена на картофель — от 260 коп. за центнер, продажная цена — 2500 коп. за центнер (Московская область).

Из этих примеров видно, что советское государство должно получать прибыль от продажи самых необходимейших для населения продовольственных товаров. Оно действует, как настоящий купец, поставленный почти целиком в монопольное положение. И совершенно естественно, что у «бесклассового общества» должны быть претензии к этому государству, так дешево заготовляющему продовольственные продукты и так дорого продающему их не буржуазии и кулачеству, а пролетариату и вообще всему населению.

Таким образом, между государством и разными классами, покупающими государственные товары на государственном рынке, есть определенное противоречие, сущность которого ничем не отличается от противоречия между капиталистическим торговцем и потребителем любого капиталистического государства. Правда, продажа на государственном рынке происходит по установленным ценам. Но, во-первых, регулирование цен и даже установление твердых цен наблюдается и в капиталистических государствах, а во-вторых, установление твердых цен еще не означает установления низких цен, в чем мы убеждаемся из приведенных примеров.

Итак советское государство, принявшее на себя функции производителя и торговца, создавшее рынок и исключительно денежное хозяйство, стремящееся к получению прибыли, фактически заменило частного предпринимателя - купца, и между этим государством и бесклассовым потребителем неизбежно должны быть и существуют противоречия интересов. Прикрытие такого рода государственных операций флагом социализма отнюдь не изменяет фактического положения дел для настоящего, по крайней мере, времени.

Б) Советское государство выступает как налоговзиматель. В этом отношении советское государство отличается от государств капиталистических только, может быть, тем, что оно пользуется необычайно тяжелой и грубой системой обложения граждан. Если не считаться с классификацией советских доходов, а исходить из природы поступлений, то в таком случае станет ясным, что советская фискальная система покоится на косвенном обложении. В самом деле, при общей сумме доходов по бюджету на 1936 год в 78,7 миллиардов рублей, 62 миллиарда поступают от налога на оборот, который зачислен в отдел доходов, именуемых «доходами обобществленного хозяйства». Главнейшими об'ектами обложения налогом на оборот являются следующие продукты массового потребления:

Хлебопродукты			
спирт	6,0	»	»
растительное масло	2,6	»	»
сахар	5,9	»	»
мясо	3,0	»	»
хлопок	4,2	»	»
нефть	4,6	»	»

Среди других доходов на сумму в 16 с лишним миллиардов рублей на долю налогов, которые можно считать прямыми (подоходный 48 миллионов рублей, сельско-хоз. — 1 миллиард с лишним рубл., сбор на нужды жилищного и культурного строительства — 1,4 миллиарда руб. и другие мелкие налоги), причитается 2,9 миллиарда рубл. Остающаяся сумма поступает от займов (3,9 миллиарда рубл.), от отчислений от прибылей в пользу бюджета (9,1 миллиарда рубл.), из средств государственного страхования, сберегательных касс и пр.

Нельзя никак сказать, чтобы такая фискальная система обложения, в которой исключительную роль играют доходы от обложения необходимейших предметов потребления, могла удовлетворить бесклассовое общество советского государства. И, во всяком случае, вся структура советского бюджета по своему типу является подобной структуре бюджета капиталистического государства. Старая мечта советской власти создать новый социалистический бюджет (такие попытки относятся к концу военного коммунизма), который представлял бы собою только совокупность оборотов материальных ценностей и совершенно обходился без налогов, эта мечта не сбылась. Разумеется, члены советского общества, построившего как-будто бы социализм, предпочли бы налогов не платить. Но они их платят, как платят граждане любого государства и платят с каждым годом все больше и больше.

Полезно здесь напомнить, что в программе коммунистической партии 1919 г. советская власть имела в виду после революции перейти к прогрессивному подоходному и поимущественному налогу, то так как этот налог должен был в социалистическом государстве пережить самого себя, то партия имела в виду покрывать государственные расходы доходами от различных государственных монополий (§§ 121-123 программы).

В) Государство выступает, как наниматель рабочей силы. По нар-хоз. плану на 1936 год общая численность рабочих и служащих, работающих в государственных предприятиях и учреждениях, исчисляется в 25,7 мил. человек. Эта огромная рабочая армия создает свое материальное благополучие за счет вознаграждения, получаемого от государства. Велико ли это вознаграждение?

По плану на 1936 год средняя заработная плата по народному хозяйству исчислена в 2464,5 рубля в год. Это многозначное число не должно вводить в заблуждение, ибо реально эта сумма представляет весьма скромную величину. К глубокому сожалению, советская статистика не дает сведений о реальной

заработной плате и о подлинной покупательной способности советского рубля в настоящее время. Но о реальном значении средней заработной платы мы можем судить по следующим данным.

Рабочий, получающий среднюю заработную плату в Москве, т. е. получающий в месяц 206 рублей, может купить в государственном магазине на эту сумму 242,3 кило ржаного хлеба (цена за кило 85 коп.). Это количество хлеба при переводе на довоенные меры равняется 582 фунтам. До войны фунт ржаного хлеба стоит 2,5 коп. Следовательно, переводя стоимость этого количества хлеба на довоенные цены в золоте, мы получаем сумму в 14,5 зол. рублей. Если бы рабочий с указанным заработком купил на свои деньги мяса (2 сорт в Москве стоит 6 рублей кило), то ему отпустили бы 34,3 кило. За них до войны рабочий бы заплатил 18,1 руб. Если бы рабочий на все деньги купил картофеля, то ему дали бы в государственном магазине 686 кило. За это количество картофеля до войны надо было заплатить 16 рублей. Рабочий мог бы купить за свои деньги 22,5 кило сливочного масла, но за это количество он заплатил бы до войны 14,4 рубля. Из этих сравнений видно, что средняя заработная плата, переведенная на золотое исчисление, представляет очень небольшую величину. Средняя заработная плата до войны равнялась 21,5 рубля в месяц. Тогда эта плата рабочих не удовлетворяла, они были недовольны предпринимателем, платящим такую низкую заработную плату и были недовольны капиталистическим правительством, пренебрегавшим интересами рабочего класса. Трудно думать, чтобы нынешний советский рабочий был бы удовлетворен своим материальным положением. Едва ли средний заработок может покрыть его потребности. Он должен прирабатывать путем дополнительного труда. Государство - капиталист ему идет навстречу. Оно ввело на предприятиях такую же систему оплаты труда, какая имеется на капиталистических предприятиях.

«Прогрессивная сдельщина, — читаем мы в нархоз. плане на 1936 год, — получила в 1935 году весьма широкое применение, как в условиях машинного труда, так и ручного». Но организация и оплата труда по принципу прогрессивной сдельщины, как раз наиболее приемлемы для частно - капиталистических предприятий. Прогрессивную сдельщину в свое время так горячо клеймил Карл Маркс, ибо с его точки зрения эта система зар. платы повышает степень эксплоатации труда. Больше того, в советской практике применяется и сверхурочная работа, о недопустимости которой говорится и в рабочей программе РСДРП 1903 года и повторяется в программе большевиков 1919 года.

Таким образом, между государством - капиталистом и рабочим классом в СССР возникают, по существу, такие же отношения, как и между частным предпринимателем и рабочим. Но при этом необходимо иметь в виду, что интересы рабочего класса в капиталистических государствах в той или иной степени охраняются государственной властью и профессиональными организациями рабочих. В СССР охрана интересов рабочих находится в руках государства - предпринимателя, не признающего свободы рабочих организаций и их права борьбы за свои интересы.

Г) Государство выступает, как монопольный приобретатель сельско - хозяйственных продуктов крестьянства. Для представления о размере заготовок, которые проводит государство в деревне, достаточно иметь в виду, что вся государственная промышленность, перерабатывающая сельскохозяйственное сырье, обеспечивается государственными заготовками этого сырья в деревне.

Так государством заготовлено: хлеба — 267, 5 милл. центн. (1935); скота (в живом весе) — 1 мил. тонн (1934); масла животного — 129,5 тыс. тонн (1934); шерсти — 42,3 тыс. тонн (1934); хлопка — свыше 5,4 мил. тонн (1935); льна-волокна — 312 тыс. тонн (1935); сахарной свеклы — в количестве для выработки около 23,5 милл. центн. сахара (1935).

Кроме того, заготовляются: кожевенное сырье, рыба, овощи, фураж, птица и т. п.

Разумеется, крестьянство могло бы быть весьма удовлетворено тем, что ему не приходится беспокоиться о сбыте своей продукции, т. к. в его распоряжении имеется рынок с покупателем-государством. Но по своим заготовкам государство не платит столько, сколько стоит продукт. Так, заготовительная цена на пшеницу стоит на уровне 153 коп. (для Северного Кавказа) за 16,6 кил. (пуд). Между тем на базаре 1 кило пшеничной муки продавалось за 2 руб. 80 коп. Таковы же соотношения цен казенных и базарных на другие сельско-хоз. продукты. Таким образом, государственные заготовки сельско-хоз. продуктов имеют характер натурального обложения крестьянства, весьма тяжелого и многосложного. Государство выступает не как выгодный покупатель сельско - хозяйственных продуктов, а как налоговзиматель. Крестьянство — плательщик этих тяжелых налогов лишено права торговать хлебом, пока оно не выполнит поставок государству. Эта повинность могла бы иметь иное значение, если бы она компенсировалась предоставлением крестьянству особо льготных цен на государственные промышленные товары. Но этого не существует. Цены на промышленные товары из государственных магазинов стоят на весьма высоком уровне. В виде примера можно здесь привести цены на такой продукт массового потребления, как сахар. В 1914 году крестьянин Украины за пуд пшеницы весной получал 97 коп. За эти деньги он мог купить 8 фунт. сахара. Теперь за пуд пшеницы он может купить только 0,87 ф. сахарного песка. И государство и крестьянство понимают заготовки сельско-хозяйственных продуктов, как особую форму обложения. Следовательно, крестьянство не продает свои продукты, а сдает их казне по разорительным ценам, не получая возмещения на советском товар-

ном рынке, куда оно появляется, как покупатель государственных промышленных товаров.

Итак, между государством - заготовителем и крестьянством - производителем сельско - хозяйственных продуктов существует острое противоречие интересов. Во всяком случае только базар, т. е. вольный рынок, дает ему возможность продавать продукты по вольным ценам. Но на базар крестьянин может вывести лишь небольшое количество продуктов, т. к. большая часть их забирается государством. Для крестьянина было бы в нынешних условиях идеалом получение права свободной реализации своей продукции на вольном рынке и ликвидации системы государственных заготовок.

Д) Наконец, надо еще указать, что в современном «бесклассовом» обществе начался процесс очень острой дифференциации. Применение сдельной системы оплаты труда привело к необычайному различию заработка рабочих. Так, при средней заработной плате в 206 рублей в месяц (по плану на 1936 год) есть заработки рабочих, превышающие 2000 рублей в месяц (так наз. стахановцев). Но необходимо иметь в виду, что в 1936 году существовали заработки рабочих в 117,6 рублей в месяц. Таковы, напр., ставки для некоторых категорий строительных рабочих. Среди рабочей массы в СССР появился особо высоко оплачиваемый слой рабочих, именуемый по советской терминологии, «знатными» людьми, часто имеющих ордена. Велико также различие материального положения и среди колхозников. В колхозах целиком применяется сдельная оплата труда (по количеству «трудодней»). Так, напр., в 1934 г. в группе обследованных колхозов оплата одного трудодня колхозницы зерном колебалась от 1,6 килогр. до 9,7 кил. Такое различие обусловливается хозяйственным состоянием колхозов, различием в урожайности и т. д. Между количеством трудодней, вырабатываемых колхозниками одного и того же колхоза, также существует большое различие. Оно связано с возрастным составом колхозных семей: семьи с большим количеством трудоспособных имеют больше трудодней и меньше трудодней имеют семьи, где значительная часть членов семьи нетрудоспособна. Таким образом, как среди колхозов, так и среди колхозников одного и того же колхоза, есть богатые, середняки и бедняки, т. е. те самые категории крестьянства, на которые обычно большевики делили крестьянскую массу до периода ликвидации индивидуального крестьянского хозяйства.

В этом разнородном по материальному положению бесклассовом обществе, естественно, неодинаковы претензии разных групп населения к власти. Есть массы рабочих и крестьян, раздраженных бедностью, и, надо думать, весьма недовольных государственной властью, и есть группы населения, вполне удовлетворяющиеся своим положением. Есть проклинающие власть и появился тонкий слой благословляющих. И хотя среди благословляющих нет буржуазии и помещиков, но жизнь и психология «знатных» людей в СССР иная, чем лиц, не причисленных к категории «знатных».

Все вышеизложенное дает основание для такого вывода. Социальный строй СССР нельзя втиснуть в какие либо существующие схемы. Он не похож на социальную структуру до-октябрьской России и несходен с капиталистическими государствами. Он совершенно своеобразен. Советская власть именует нынешнюю Россию социалистическим и бесклассовым государством. Мы видели, в каком смысле можно СССР считать бесклассовым государством. В какой степени СССР является социалистическим государством? Для ответа на этот вопрос трудно найти какой либо точный и исчерпывающий критерий. Марксизм ведь не дал положительной теории социалистического государства. Часть социалистов, в том числе русских (марксистов и народников), никак не усматривает в СССР осуществление социалистических начал.

Для нас это — новый тип государства, где роль капиталиста и вообще все его функции, выполнявшиеся в прежней России частным хозяйством, принудительно переданы в руки советской власти, которая действует, как государственный монополист, в области промышленности, торговли, банковского дела, транспорта и вообще во всех хозяйственных операциях, применяет в ведении своего огромного хозяйства принципы капиталистического порядка и вступает в сложные и острые противоречия с бесклассовым обществом.

А. Марков.

А. С. МИХЕЛЬСОН - АЛЕКСАНДРОВ

«Внутренний враг»

Ни помпезное прохождение чрезвычайного VIII-го с'езда советов, ни триумфальное выступление Сталина среди бесконечных оваций восторженных делегатов с'езда не должны заслонять нашего внимания от исключительно важных событий, происходящих в СССР, именно, от процессов «террористов и вредителей». Эти события окрашивают настроения некоторой части партии и беспартийных в республике советов в совершенно иных тонах.

Процессы «вредителей», т. е. лиц, обвиняемых в экономической контр - революции, не являются чем либо новым жизни СССР. Они начались с 1928 г. (первое дело о «вредителях» рассматривалось с 18 мая по 5 июня 1928 года), т. е. сейчас же после перевода СССР на социалистические рельсы, и таких процессов за все время было несколько. Процессы же террористов — явление новое. Они начались после убийства Кирова 1-го декабря 1934 года.

В самое же последнее время мы являемся свидетелями еще более чрезвычайных событий: обвиняемым во вредительстве пред'является двойное обвинение: в экономической контр - революции и в совершении «диверсионных актов», т. е. и в подготовке убийства членов политбюро, в целях реставрации капитализма и свержения советской власти, что выяснилось на только что закончившемся процессе вредителей в Новосибирске...

Попробуем разобраться в этом хитросплетении Сталина. Чтобы доказать, что восторг прославляющих советский строй делегатов VIII с'езда советов не является выражением настроения всех партийцев, достаточно припомнить и собрать воедино те отдельные события, которые имели место в СССР за последние годы. Эта краткая историческая справка осветит остающуюся в тени оборотную сторону того триумфа, котрый был устроен «гению человечества».

Создавшееся с очень давних времен враждебное отношение в партии к политике Сталина, с момента введения в СССР большевицкого социализма и разгрома «правой оппозиции» не только усилилось, но и захватило новые ряды партии. При осуществлении своего сельско - хозяйственного плана в 1929-1932 гг. Сталин встретил сопротивление не только со стороны крестьян, но и со стороны местных районных партийных и советских властей, а в союзных республиках даже со стороны высших партийных властей — секретарей ЦК и его некоторых членов. Все эти партийные власти оказались противниками генеральной линии Сталина и из сочувствия к крестьянам всякими способами уклонялись от проведения полностью предначертаний Сталина, например, по хлебозаготовкам. Как широко было противодействие этих местных властей видно из той массы сообщений советских газет о смещениях местных агентов власти с их должностей и даже предании их суду за неисполнение предначертаний центра. Чтобы побороть сопротивление своих местных агентов, власть прибегла к испытанному старому способу: к «чистке» партии. Эта «чистка» и вскрыла резкое идеологическое расхождение между правящей группой и частью партии.

Первая чистка, которую ЦК назвал генеральной, была проведена в 1930-31 г. Из 1.273.000 проверенных партийцев было исключено из партии 130.497, т. е. более 10% («Правда» 23 апрѣля 1931). Дальнѣйших данных о ходе чистки властъ не сообщила, но то, что эта чистка выявила ужасающее состояние партии, в смысле ненадежности ее, как опоры власти, видно из того, что ЦК своим декретом от 10 декабря 1932 года постановил («Известия 11 декабря 1932): 1) произвести в течение 1933 года новую чистку всех членов и кандидатов в члены партии и 2) прекратить совершенно дальнейший прием в партию по всему СССР, как в городах, так и в деревне.

Страх правящей группы перед выяснившимся наличием в партии значительного числа «враждебных, ненадежных, неустойчивых и примазавшихся элементов» был настолько велик, что вопрос об организации новой чистки был подвергнут самому подробному обсуждению в политбюро и в пленуме ЦК и ЦКК. Затем была создана специальная «Центральная комиссия ЦК по чистке партии», которая с своей стороны образовала составы Областных и Краевых комиссий по чистке партии во главе с видными членами ЦК и при участии надежных старых партийцев, как Сольц, Караваев, Киселев и др., и испытанных чекистов, как Познер, Трилиссер и др. Для руководства при производстве чистки Центральная Комиссия выработала специальную инструкцию («Правда 29 мая 1933 года). Не имея возможности подробно остановиться на ней, я отмечу только то, что чистке должны были подвергнуться решительно все партийцы, причем каждому из них вменялось в обязанность представить местной комиссии свою краткую биографию с указанием социального происхождения, служил ли в белой армии, чем занимался до 1917 г., принадлежал ли к другим партиям, был ли в оппозиции, участвовал ли в фракционной работе, привлекался ли к партийной ответственности и т. д. По ответам на эту специфическую анкету комиссия предполагала обнаружить враждебный элемент в партии. Насколько тщательно была организована чистка видно из того, что подготовка к ней продолжалась шесть месяцев. Чистка началась только с 1 июня 1933 года и продолжалась почти до конца 1934 года. Число исключенных из партии выразилось до 25% всего партийного состава, т. е. было исключено 400-500 тысяч партийцев.

Наступил 1935 год и что же оказалось? Несмотря на такую организованную чистку, враждебные генеральной линии партийцы ухитрились сохранить свое звание членов партии и усилили свою тайную агитацию против политики Сталина. С 1935 года советские газеты в течение нескольких месяцев заполнялись сведениями о раскрытии контр - революционных групп партийцев в самых разнообразных советских учреждениях: в заводских литературных кружках, в комсомольских организациях, средних школах, научно - испытательных институтах, университетах, даже в политотделах и пр. Такие группы, организованные, якобы, «троцкистскими последышами» и «зиновьевско - троцкистским охвостьем», были раскрыты в Киеве, Донбассе, Северном Кавказе, Воронеже, Казани и др. Члены этих контрреволюционных групп, к которым власть совершенно вздорно пристегнула имена Зиновьева и Троцкого, враждебно относились к сталинскому социалистическому эксперименту, т. к. сама жизнь показала им безумие генеральной линии Сталина. Это явление было отмечено в свое время мною на страницах газеты «Последние Новости» в статье «Новое в старом» (16 марта 1935 года № 5105). В заключении статьи я писал: «Еще более знаменательно, что из сообщений газеты о деятельности конспиративных организаций видно, что с оппозиционерами — рядовыми

партийцами солидаризируются даже некоторые из членов бюро районных партийных комитетов, призванных к искоренению оппозиции. Правящая группа, не смея об'явить об этом, об'ясняла пассивность некоторых районных комитетов в борьбе с конспиративными организациями «проявлением гнилого либерализма к троцкистам - последышам». Но дело, конечно, не в гнилом либерализме, а в идейном отрыве некоторых представителей местной партийной власти от правящей группы и ее генеральной линии. За этот «гнилой либерализм» все эти нисшие агенты власти понесли соответствующие наказания.

Но за последнее время привлекались к ответу не одни нисшие агенты власти. Напомню о следующих контр-революционных выступлениях за последние годы видных партийцев и о суровых репрессиях по отношении к ним. . Постановлением президиума от 9 октября 1932 года были исключены из партии 24 большевика, как участники и пособники контр-революционной группы Рютина; постановлением Об'единенного пленума ЦК и ЦКК от 12 янврая 1933 года за организацию подпольной фракционной группы были исключены из партии два старых большевика, бывшие наркомы Толмачев и Эйсмонт, а бывший нарком и член ЦК видный большевик А. П. Смирнов был исключен из ЦК; после убийства Кирова в 1934 году правящая группа под влиянием овладевшей ею паники расстреляла в разных городах СССР более ста партийцев, заключенных в тюрьмы за контр-революцию. Наконец, резолюцией ЦК от 7 июня 1935 года был исключен из партии незадолго до того награжденный орденом Ленина, член ЦК и бессменный секретарь ЦИК СССР Енукидзе, в честь которого был переименован в г. Енукидзе город Амбролаури на Кавказе.

Я привел только сведения о тех репрессиях по отношению к видным партийцам, которые были опубликованы. Вообще же в последнее время советская власть перестала сообщать об арестах видных партийцев и о суде над ними. Напр., о факте суда над Каменевым после августовского процесса 1935 года мы узнали только в 1936 году на «процесе 16-ти».

После обнаружения повсеместно в СССР контр-революционных групп в советских организациях, о чем я говорил выше, власть увидела, что последняя даже организованная чистка не избавила ее от нахождения в партии враждебных ее политике элементов. Об'явить официально новую чистку власть не решалась, другого же способа обнаружения своих врагов у нее не было. Правящей группе пришлось прибегнуть к вторичной чистке, но уже замаскированной. 13 мая 1935 года ЦК партии, в целях обнаружения проникших в партию «чуждых элементов», издал тайный приказ, в котрм строго предписывал всем партийным организациям проверить свое «партийное хозяйство», т. е. проверить у всех партийцев выданные им партийные билеты по личным их карточкам, хранящимся в каждой организации. В этих карточках отмечается: краткая биография партийца, прохождение службы и наложенные на него за проступки партийные взыскания.

Этой проверке власть придавала важное значение и за ней следила, что видно из целого ряда постановлений ЦК, выговоров, сыпавшихся на представителей местной партийной власти, и даже исключений из партии виновных в нерадении членов местных партийных комитетов.

Одако, власть не удовлетворилась и этой чисткой. После окончания проверки «партийного хозяйства» ЦК своим постановлением от 25 декабря 1935 года предписал всем партийным организациям обменять у всех партийцев партийные билеты на новые, отпечатанные по новому образцу. Этот обмен явился второй замаскированной чисткой. Постановлением ЦК предписывалось не выдавать новых билетов тем партийцам, которые, по мнению высших местных партийных должностных лиц — секретарей, обкомов и крайкомов, — не оправдывают «высокого звания члена партии». Обмен документов было предписано начать 1 февраля 1936 года, а закончить к 1 мая 1936 года. И в данномъ случае за точным выполнением своего распоряжения ЦК внимательно следил.

Сколько партийцев было исключено из партии во время проверки «партийного хозяйства» и сколько партийтев после «обмена документов» не получило партийных билетов, т. е. тоже было исключено из партии, власть не опубликовала. В результате, однако, оказалось, что, несмотря на все проведенные чистки, правящая группа не освободилась от своих «внутрених врагов» — партийцев, враждебно относящихся к политике Сталина. Это обстоятельство удостоверяется признанием секретаря московскаго областного партийного комитета Хрущева. Телеграмма из Москвы от 2 декабря сообщила, что на VIII с'езде советов Хрущев произнес речь, в которой «горячо призывал к расправе с внутренними врагами, проникшими **во все области** советской жизни», причем указал, что «иногда враг скрывается даже под блузою рабочего».

Итак в ВКП имеется значительное число тайных опопзиционеров, ушедших в подполье. С этими «внутренними врагами», принадлежащими к среднему и нисшему слою партийцев и беспартийным, правящая группа расправляется быстро и без всякой огласки. О значительном количестве этих врагов свидетельствуют только переполненные концентрационные лагери. Однако и это Сталина беспокоит.

Чтобы сделать оппозицию совершенно безвредной он решил уничтожить физически всех возможных вождей этой оппозиции, измыслив для этого обвинение их в несовершенных ими преступлениях. Вот цель ближайшего грандиозного процесса с привлечением в качестве подсудимых старых видных большевиков: Сокольникова, Пятакова, Серебрякова, Радека, Угланова и др., к которым будет пред'явлено двойное обвинение и во вредительстве и в подготовке террористических актов против Сталина, Молотова и др. членов политбюро. Послушное Сталину б.

ОГПУ занялось постановкой этого судилища - маскарада. Процесс в Новосибирске 9-ти инженеров, из которых несколько человек - партийцев были с давнего времени оппозиционерами, явился только прологом. Читая советский отчет об этом процессе нельзя не вынести убеждения, что подсудимые обвинены в вымышленном преступлении. ОГПУ, путем обмана и угрозой расстрела без суда, добилось у подсудимых признания правильности этих обвинений. Как это ни чудовищно, но это так!

Ведь невозможно предположить, чтобы обвиненные Верховным судом инженеры в действительности преднамеренно, по сговору между собой, задушили рабочих на шахтах, причем смеясь, цинично, говорили: «Нужно подать газу нашим чудакам», «теперь наши братишки (рабочие) будут дохнуть в шахтах, как крысы», или «покажем рабочим веселую жизнь» и т. д. и хвалили подсудимого Шубина по поводу его предложения удушить рабочих газом: «вот это голова», хитро придумала». Весь процесс в Новосибирске представляется нам в виде чудовищного маскарада. Как участники обычного маскарада наряжаются «чертями», так на процессе в Новосибирске ОГПУ принудило одеться в костюмы «чертей» несчастных подсудимых, вся вина которых заключалась в том, что они враждебно настроены к Сталину.

Устройство судебных маскарадов не новость в СССР. Все процессы «вредителей» были маскарадами. Автор этой статьи в своей книге «Кто правит Россией?», раскрыл маскарад процесса Рамзина и др. (Александров. «Кто правит Россией?», стр. 298). Рамзин с товарищами были осуждены Верховным судом за вредительство и за связь с представителями иностранных и эмигрантских интервентов. На самом деле они понесли наказание за то, что во время борьбы «правой оппозиции» со Сталиным дали председателю Совета Народных Комиссаров Рыкову материал, благодаря которому, Рыков мог опровергнуть правильность составления пятилетнего плана Сталина, за каковой поступок по существу их нельзя было привлечь к суду. Маскарад процесса «меньшевиков» был раскрыт одним из подсудимых Сухановым в своем заявлении на имя ЦИК СССР. Эти свои заявления он давал читать другим заключенным в концентрационном лагере. По сообщению «Социалистического Вестника» (№ 8 — 1936 года) в этих заявлениях Суханов напомнил, что ... «он пожертвовал своею совестью, согласившись играть комедию меньшевистского процесса, Суханов подробно рассказывает, как эта комедия была поставлена и организована, как б. ГПУ диктовало каждому его роль, как заранее сговаривались о показаниях и т. д. Он утверждает, что в словах обвиняемых не было ни звука правды; ГПУ обещало учесть эту жертву и дало твердое обязательство не приводить в исполнение приговора трибунала; обвиняемые свои обещания выполнили, а ГПУ их нарушило». Суханов требовал, чтобы данное ГПУ слово было выполнено».

Обманные маскарады присущи правящей группе с давних пор. В первые годы своего владычества, Сталина, не имея еще силы спокойно исключать оппозиционеров из партии, исключал их не за оппозицию, а по обвинению в нарушении партийной этики: якобы за карьеризм, шкурничество, склоку и т. п.

По поводу этих маскарадов - подлогов мы имеем прасочное свидетельство Преображенского от 1924 года: «Теперь позвольте мне сказать два слова по поводу происходящей чистки с полной откровенность. Товарищи, было бы гораздо лучше, если бы эта чистка произведена была таким образом, чтобы было постановлено очистить партию от определенной части оппозиционных элементов. Тогда каждый, кто подвергся исключению именно за это, уходил бы из партии не как человек, опозоренный политически и морально... Он уходил бы, не как «карьерист», не как «шкурник», не как «склочник».

Можно было бы привести еще очень много других циничных и жестоких приемов, которыми пользовался и пользуется Сталин, при достижении цели, которую он себе поставил. Эти приемы встречают пока полную поддержку со стороны ближайших его сотрудников, которых он морально развратил. Последнее время в стремлении к необ'ятной власти, Сталин начал очень тонко плести свои сети. Но где тонко, там и рвется, говорит русская народная мудрость.

А. Михельсон - Александров.

Д. МЕЙСНЕР

Расстрел коммунистов и эмиграция

Что вещи в России не стоят на одном месте, что в стране происходят огромные перемены социального, бытового, экономического и политического свойства,—знали те в эмиграции, кто смотрел на Родину открытыми глазами, зная, что страна уже не та, какой ее оставила эмиграция много лет тому назад.

25-го августа произошло, однако, событие, как бы сконденсировавшее в себе все признаки той русской эволюции, за которой с таким напряжением следим мы из-за рубежа, стремясь разгадать ее смысл. Расстрел коммунистов знаменосцев — событие огромного значения: и как факт, ближайшие последствия которого отсюда, при нашей оторванности от Родины, трудно все полностью учесть и как бесспорный симптом процесса быстрого умирания большевистской революции и разложения ее первопризывного актива. К тому-же дело, очевидно, не ограничится августовским судом и последовавшей затем «тихой» расправой «троцкистско - зиновьевских» приверженцев в Российской провинции.

Как же отнеслась к этому событию эмиграция и как должна она к нему отнестись? Одно основное положение нужно сразу же установить. В вопросе есть две стороны, не покрывающие друг друга и вызывающие разный ответ — **сторона моральноправовая и сторона чисто политическая.**

Что касается первой, то тут перед нами многочисленный и в основном согласный, хор возмущенных голосов. В стороне может быть лишь некоторые крайние элементы, для которых нет обязательного критерия в вопросах права. Наиболее резко на элементарную правовую неопрятность августовского процесса реагировали иностранцы. Особенно это относится к тем из них, кто, искренне или неискренне, создали себе представление о сталинской России, как стране **уже пережившей** время революционного бесправия и террора и вступившей на путь «гуманизма» (как, по иронии судьбы, заявлял о том выступавший в этом году в Праге Бухарин, едва избежавший теперь ареста и гибели и принужденный в редактируемых им «Известиях» печатать призывы к собственному аресту, не сопровождая их никакими комментариями). Секретарь рабочего социалистического Интернационала Ф. Адлер («Социалистический Вестник» № 18-19 от 10 октября 1936 г.) свою статью о процессе озаглавил «Московский процесс ведьм». Рассказывая о средневековых процессах ведьм, неизменно, после пыток, сознававшихся в творимом ими колдовстве и о «зверствах, происходящих в гитлеровских концентрационных лагерях и казармах» — автор заявляет: «Но еще поразительнее тот парадоксальный факт, что русская революция, столько сделавшая для борьбы с суеверием, вернулась в эпоху Сталина к методам колдовских процессов». Нам этот «поразительный факт» слишком давно и хорошо известен. Уличая советский суд в грубейших натяжках и извращениях, Адлер восклицает: «Обвиняемые в Советском Союзе не смеют высказать своего подлинного мнения о системе политической юстиции. Мы же заявляем открыто, что, пока будут практиковаться эти методы «процессов ведьм», мы будем считать политическую юстицию Сталина столь-же отвратительной, как и политическую юстицию Гитлера». Приводим эту цитату, как характерное суждение европейца, шокированного «азиатским стилем» московской расправы. Если в этом разрезе вопроса мы обратимся к русским авторам, то вот характеристика: «Ни одному тирану, ни одной инквизиции не удавалось так растоптать человека, как удалось Сталину» (статья г. Федотова «Новая Россия» № 12); «Толковали — продолжает автор — о гуманизме. Диктатор улыбался. И вдруг, без всякого внешнего повода, улыбка исказилась звериной судорогой и на нас глянула такая харя, от которой становится страшно за человека». Г. Федотов, говоря об унизительном поведении большинства казненных на суде, не радуется их унижению. «Я, заявляет он, унижен вместе с ними. Ибо их позор — тоже, в конце концов, позор России. Ведь эти люди когда-то победили Россию...» И конечный вывод автора (вывод, с которым ни в какой мере нельзя согласиться) «перед этим моральным фактом бледнеют все политические стороны процесса».

Вот крайнее суждение русского эмигранта, крайнее в том смысле, что морально - правовая сторона московского лицедейства совершенно поглотила всю силу его восприятия, все его внимание. Какое бы эмигрантское издание мы ни развернули, всюду почти находим «оценку по заслугам», даваемую большевистскому правосудию. Так издающийся в Америке «Федерацией русских рабочих организаций Соединенных Штатов и Канады» журнал «Дело Труда» (анархистское издание) заявляет: «Пора моральным принципам занять в социализме подобающее им место. Социализм, именно социализм стал слишком практичен: практичен до преступления. И если, после такого преступления в Москве, он будет продолжать политику сближения с секциями Коминтерна, то придется о нем сказать: мертвые не имеют стыда, и поступать с ним, как с мертвым».

Алданов называет процесс троцкистов «темным делом» и справедливо замечает «качество продукции в этом деле невысокое, очень невысокое. Трудно себе представить более сумбурное «обвинительное заключение», более нелепую, неубедительную аргументацию, более бессмысленный допрос». Для передовика «Последних Новостей» встает вопрос, «что хотел сказать московский диктатор этими судебными убийствами. Он доказал иностранцам — уже не в первый раз — только свою беспримерную утонченность московского варварства»... В передовой статье «Последних Новостей» от 3 сентября, озаглавленной «В азиатском стиле» говорится: «Показательные процессы» большевиков, и среди них, в особенности, этот последний процесс о покушениях на главу власти ничего кроме исторических догадок и материалов для развенчания и власти и ее жертв дать не могут». И далее: «Лживая ткань советских юридических хитросплетений рвется сама собой при первом соприкосновении».

Наконец, издание, особенно остро реагирующее на московские казни — троцкистский «Бюллетень оппозиции (октябрьский № 51-53) с возмущением (по правде сказать ни в какой мере не убедительным в устах троцкистов) говорит об обстановке террора и бесправия, царящей в сталинской России. «Бюллетень» при этом констатирует: «Нетрудно представить себе, какая атмосфера царит теперь в СССР. Никто не уверен в завтрашнем дне, и менее всего старые большевики. Вчера заслуженный ответственный работник, завтра без малейшего повода, об'является террористом. Старые большевики, из тех, кто хоть чем нибудь проявил себя в прошлом, не могут не спрашивать себя с тоской: «кто следующий на очереди». Эта цитата уже вплотную подводит нас к политической стороне дела, но прежде нужен все-таки итог по первому разбираемому вопросу о реакции эмиграции, а также той европейской среды, среди которой эта эмиграция живет, на пра-

вовую и моральную сторону августовского судилища. Выводы очевидны: 1) Для заграничного общественного мнения московский суд вскрыл и наглядно показал всю бездну бесправия и насилия, в которые повергнута Россия. Искусственно созданное под влиянием политических соображений, или искренне усвоенное из-за недостатка серьезной информации, представление, будто в России уже осуществлена какая-то, хотя и «советская» демократия и правовой строй, падает. В зависимости от степени преданности идеям правовой законности и степени заблуждения относительно подлинного положения вещей в Москве, шок получился более или менее сильный. В этом центр тяжести того «невыгодного впечатления», о котором часто говорят, когда определяют отношение иностранцев к процессу. 2) Эмиграция, для огромного большинства которой казненные были злейшими политическими врагами и подлинными палачами русского народа (Зиновьев, Бакаев и др.) не поддалась чувству мести и злорадства и назвала судилище, столь знакомое ей по многочисленным показательным процессам, заслуживающим его словом. Было бы однако более чем странным последовать примеру г. Федотова и замереть в той страдающей и оплакивающей русское достоинство позе, в которую привело этого публициста сообщение о постыдном поведении и судей и их жертв.

По мысли г. Федотова августовской трагической комедией «унижена Россия», по нашему же пониманию достоинство России есть нечто совершенно отличное от разбитого ныне в прах, всегда более чем сомнительного, достоинства коммунистических вождей. Вряд-ли поможет г. Федотову и посылаемый им в подкрепление основного положения такой тезис: «ведь эти люди когда-то победили Россию». Обстановка и характер этой «победы» нам слишком хорошо памятны и известны. Вот почему у нас, в противоположность сотруднику «Новой России», при известии о суде и приговоре, не было никакого «стыда за Россию», а была радость за Россию, явно освобождающуюся от об'ятий коммунистического спрута. Эта **политическая сторона** московского суда, и происходящих в России арестов и преследований коммунистов должна быть поставлена **на первое место,** так как ею действительно открывается новая страница русской истории.

В крови, грязи, измене и обмане победивший большевизм, ныне бесславно в крови, грязи, обмане и измене умирает. Умирает явно, умирает на глазах всего мира, умирает, несмотря на всю мощь «коммунистического правительства», несмотря на непобедимость «красной» армии, несмотря на уже «осуществленный социализм» на просторах одной шестой части света. Умирает окончательно, и спасения ему нет, ибо смерть принесена не на концах белых штыков, а самой неумолимой исторической логикой, возвращающей вещи на их места.

«Бюллетень оппозиции», т. е. Троцкий, рассуждая о казни, так и заявляет: «Московский процесс — процесс над октябрем». И далее «революционный интернационализм заменен культом родины в духе былого квасного патриотизма. А родина значит прежде всего начальство». Сторонники Троцкого считают, что последними расстрелами Сталин желает показать, что «Бонапартистская бюрократия ни перед чем не остановится в борьбе за узурпированную ею власть и в борьбе за свои привилегии». Трупы же Зиновьева и Каменева «должны в глазах мировой буржуазии доказать разрыв Сталина с революцией, послужить ему свидетельством благонадежности и национально - государственной зрелости». Так расценивают **политический смысл** последних русских событий троцкисты — друзья перманентной мировой социальной революции. Можно, может быть, сказать, что суждение это принадлежит слишком занитересованной стороне, чтобы с ним считаться. Но, если мы обратимся к другому социалистическому лагерю, к социал-демократам, то там мы услышим оценки, весьма близкие к троцкистским установкам. Если утверждение о троцкистско - меньшевистском блоке является, само собой разумеется, простой выдумкой московских властей, то никак нельзя отрицать идеологической родственности между высказываниями «Социалистического Вестника» и троцкистских изданий. Для Дана, например, Сталин «поступает, как носитель контр - революционных, анти - пролетарских и анти - социалистических тенденций в развитии Советского Союза». Суд над 16-ю коммунистами для ортодоксальных меньшевиков является прежде всего преступлением перед мировым рабочим движением, и они «протестуют во имя достоинства и будущности русской революции, во имя достоинства и интересов российского и международного пролетарского движения, во имя достоинства и интересов российского и международного социализма». Сталин же, по мнению меньшевиков «рвет последние нити, связывающие еще его диктатуру с пролетарски - революционным миром». Таковы суждения руководителя остатков меньшевистской партии г. Дана. Он явно желает обойти московское правительство слева и своей публицистикой дает основания говорить о троцкистско - меньшевистской идеологической перекличке. Для этих людей на первом месте по прежнему остаются задачи мирового социалистического движения; интересно, что и более правый меньшевик г. Абрамович ведет ту-же линию и у него та-же забота: «не трудно — говорит он в «Социалистическом Вестнике» — представить себе губительные моральные и политические последствия такого международного развития (речь идет о том же процессе 16-ти **Д. М.)** как для мирового рабочего движения, так и для безопасности русской революции. И эти катастрофические последствия «процесса» искупаются теми жирными поцелуями, которые Сталин за свой «реализм» получил от фашистского оффицио-

за «Месаджеро» и некоторых других органов европейской реакции».

И троцкисты и ортодоксальные меньшевики из «Социалистического Вестника» слишком торопливы в своей панике, но несомненно в их опасениях много правды. Только для нас разрыв с мертвящей догмой марксистского социализма, только что испытанного Россией в его коммунистическом варианте, является признаком благодетельным. Как же далеко зашел Сталин на пути ликвидации старой революционной догмы и людей, ее представляющих? Это вопрос первый. А затем другой вопрос — смежный: «эволюция» Сталина является ли продуманной тактикой ликвидации революционного положения в стране, или всего лишь очередным зигзагом перед лицом очередной необходимости? Можно-ли, таким образом, говорить о «Термидоре».

Сначала, однако, о «жирном поцелуе», столь возмутившем г. Абрамовича. Совсем не одна только фашистская печать, а и самая демократическая, а отчасти и социалистическая, как то было, например, в Чехословакии, осудив правовую и моральную неопрятность суда, — с удовлетворением заговорила о ликвидации правоверного русского коммунизма, заговорила о «Русском Термидоре». «Жирный-же поцелуй» имеет очень большое значение: московская печать вероятно предполагала, что **политический смысл** судебной казни коммунистов будет положительно расценен широкими европейскими кругами и она **не ошиблась в этом своем расчете.**

Если, однако, иностранцы легко удовлетворились броской исторической аналогией, то для русского сознания вопрос оказывается более сложным.

«Термидор» — в священном революционном ужасе восклицают русские марксисты.

«Меньше всего судебно - образное уничтожение шестнадцати — 'нелепость и бессмыслица», заявляет в «Новой России» А. Ф. Керенский и он тут же признает «исключительное значение в «эволюции» сталинской диктатуры этого убийства и знаменательную значительность самой политической борьбы, которая происходила и происходит внутри России, внутри партии, внутри правящего аппарата, докатываясь до самого трона «отца, друга и вождя народов».

Передовик «Последних Новостей» прямо приходит к выводу огромного значения и заявляет: «А между тем нельзя скрывать от себя — он (процесс) знаменует собой крупный исторический поворот в развитии событий русской революции. Униженные самообличения главных деятелей звучали надгробным словом над ее исходными идеями и идеалами. Залитая кровью невинных жертв эта революция кончается в крови и грязи. Перегорели страсти, отшумели громкие речи, остался казенный трафарет и пепел сожженных идолов». Из этого, совершенно верного анализа явствует, что **все главные социально-психологические элементы термидора налицо;** об'явленная Сталиным «веселая жизнь» под гармошку лишнее тому доказательство. Русский термидор движется, правда, своим особым долгим, извилистым путем. Сжигая революционных идолов, диктатор все-же не решается приступить к дальнейшим **неизбежным** шагам на пути прекращения революционной лихорадки и гражданской войны в стране; уничтожая коммунистических вождей, он тут-же спешит отдать дань их-же прежней фразеологии. **А время не терпит: грозная международная обстановка требует прежде всего гражданского мира и экономического раскрепощения.** Вот какими словами Ипполит Тэн определяет смысл политики первого консула:...«дворянин или мещанин, духовное лицо или человек светский, богач или бедняк, бывший эмигрант или бывший террорист, всякий человек, каковы бы ни были его прошлое, его положение, его убеждения, теперь пользуется своей частной собственностью и своими законными правами... Если он не нарушил закона, он засыпает вечером с уверенностью, что утром он проснется свободным, а утром просыпается, зная, что весь день он будет делать то, что ему угодно: работать, покупать, продавать, тратить, веселиться, ходить, куда ему вздумается; что он имеет право ходить к обедне, или не пойти в церковь, если ему этого не хочется... Прекратилась внутренняя социальная война при помощи оружия или декретов, французы не побеждают больше французов... С невероятным облегчением они выходят из анархического и варварского режима, который заставлял их жить только данной минутой; теперь они возвращаются к мирному и правильному течению жизни, позволяющему им рассчитывать на завтрешний день, а следовательно и заботиться о будущем. После десяти лет беспокойного рабства под гнетом различных деспотизмов наступает разумный и окончательный порядок, или, по крайней мере, порядок обдуманный, терпимый и постоянный. Первый консул делает то, что говорит, а он сказал: «Революция кончена». (И. Тэн. Происхождение современной Франции т. 5).

Пойдет ли сегодняшний диктатор этим единственно возможным путем или, что кажется более вероятным, для нового этапа явится новый человек, идейно менее связанный с идеологией революции? Близкое будущее должно дать ответ на этот вопрос. Сейчас страшная машина «Термидора» как будто предполагает продолжать свое победное, грозное шествие.

Д. Мейснер.

ДЕМОКРАТИЯ — ЭТО ВЛАСТЬ НАРОДА, ЧЕРЕЗ НАРОД И ДЛЯ НАРОДА

Линкольн.

В. ПОПОВ

Советская адвокатура

У большевиков, в первое время по приходе их к власти, не было ясного представления о том, при помощи каких учреждений и институтов должно функционировать созданное ими государство и потому вся их деятельность первого периода носила характер малопродуманного эксперимента. Новые организационные формы на практике очень быстро обнаруживали свою полнейшую непригодность и также спешно, как и принимались, заменялись новыми, построенными нередко на основах, диаметрально противоположных первоначальным.

Не избежала общей участи и адвокатура.

Не зная чем заменить существовавшие до большевиков и одновременно с судом (Декрет № 1 о суде от 17 ноября 1917 года) упраздненные институты присяжной и частной адвокатуры, большевики решили попробовать обойтись вовсе без адвокатуры, как организованного целого. Право представительства на суде тем же декретом было предоставлено всякому, пользующемуся гражданскими правами и неопороченному гражданину (обоего пола).

Практика очень скоро убедила советскую власть в невыгодности для них подобного решения. Новые советские судьи, в большинстве своем состоявшие из людей малограмотных (были кое-где и вовсе неграмотные судьи) и, конечно, совершенно незнавших старых законов, чувствовали себя крайне неловко, когда в их камеры приходили опытные, вооруженные и знанием и безупречной логикой, юристы и совершенно неопровержимо доказывали или вздорность пред'явленных новою властью их подзащитным обвинений, или необходимость вынесения судом того или иного решения на основании существующих и неотмененных революцией законов.

Нужно сказать, что по декрету № 1 о суде, суд в своих приговорах и решениях был обязан руководиться законами до-большевистских правительств, поскольку эти законы не были отменены революцией и не противоречили революционной совести и революционному правосознанию.

Постоянная демонстрация на суде юридического невежества новых судей, а также обстоятельная и резонная критика новых порядков и нового строя старыми юристами приводили судей в страшное раздражение, и они, ссылаясь на свои революционные принципы, отказались считаться с существовавшими до большевиков законами. Советская власть согласилась с ними и издала новый закон, категорически воспрещавший делать какие либо ссылки на старые законы. Далее нужно было воспретить выступления на суде всем лицам, не стоящим на советской платформе и эта мера была проведена в декрете № 2 о суде в феврале 1918 года.

Согласно новому закону право свободного представительства на суде было отменено и впредь выступать могли лишь члены вновь созданных коллегий правозаступников. Эти коллегии создавались при местных советах. Правозаступники были советскими чиновниками, получавшими от казны жалованье и выполнявшими, в порядке командировки, на суде либо обязанности обвинителя, либо защитника или представителя стороны в гражданском процессе.

Декрет № 3 о суде от 30 ноября 1918 года развивает положение об этих коллегиях. За участие членов коллегии в процессе взималась с обвиняемых и сторон плата, которая шла в доход казны. Помимо членов коллегии в качестве представителей сторон и защитников на суде допускались лишь близкие родственники, как то: родители, дети, супруги, братья и сестры, и юрисконсульты сов. учреждений по уполномочию этих учреждений.

По словам Крыленко правозаступников пришлось упразднить потому, что не было возможности уследить, чтобы правозаступники, помимо жалованья, не брали бы мзды и с клиентов. Хотя последняя и рассматривалась, как взятка, и была уголовно-наказуема, но, повидимому, это не останавливало сов. адвокатов.

Тогда сов. власть додумалась до мысли организовать защиту на началах принудительной повинности. По декрету от 21 октября 1920 г. и изданной на основании его инструкции от 23 ноября того же года, защита по уголовным делам была об'явлена общественной повинностью для всех граждан, которые по своей профессии, образовательному, партийному или служебному стажу были подготовлены для исполнения обязанностей защитника.

Списки таких защитников составлялись народными судами, революционными трибуналами, професиональными и партийными организациями, а также коллективами служащих советских учреждений и утверждались отделами юстиции местных советов. Избранные не имели права отказываться от несения защиты (6 дней в полугодие) и за свой труд получали вознаграждение в тех же размерах, как и народные заседатели.

Можно себе представить, каково было положение и этих подневольных защитников и особенно их несчастных подзащитных. Сам Крыленко признает сейчас, что этот опыт был совершенно неудачным, явно искусственным и неспособным ничего дать. От него пришлось отказаться и 26 мая 1922 года был издан новый декрет, организовывавший адвокатуру на началах самоуправления.

1922-ой год был годом, когда Советскую Россию начинают принимать в международное общение (Генуэзская конференция), признавать сперва де-факто, а потом и де-юре. Отсутствие у большевиков положительного права было большой помехой при установлении международных связей, изданные

же большевиками в эпоху военного коммунизма декреты, по собственному признанию творцов, были более «агитационными лозунгами», «призывом к действию», а не общеобязательными нормами права. Коренного изменения старых декретов требовало и об'явление «нэп»-а, т. е. новой экономической политики, допускавшей восстановление свободной торговли и некоторых капиталистических отношений. Начинается срочное изготовление новых законов, в том числе устава гражданского и уголовного судопроизводства, нового положения о судоустройстве. Содержание новых кодексов было в значительной степени заимствовано из старых до-большевистских законов, а некоторые статьи были списаны с них буквально слово в слово.

По новому закону об адвокатуре в каждой губернии образовывалась Коллегия защитников, управляемая общим собранием и ежегодно переизбираемым президиумом. Советскими защитниками не могли быть лица, лишенные по конституции избирательных прав, и лица, состоящие на государственной службе (кроме профессоров и занимающих должности по выборам). Наличность юридического образования была необязательна. Согласно Положению о Коллегии в ее состав принимались лица, имевшие не менее двух лет ответственной работы по советской юстиции, либо выдержавшие особое испытание. Оплата их труда производилась на следующих основаниях: а) лица, признанные особым постановлением народного суда неимущими, от всякой уплаты вознаграждения защитникам по уголовным и гражданским делам освобождаются, б) рабочие государственных и частных предприятий и советские служащие платят по таксе, установленной НКЮ и в) во всех остальных случаях вознаграждение определялось соглашением защитника с заинтересованной стороной. Защитники должны вносить в фонд Коллегии известное процентное с заработка отчисление на содержание президиума Коллегии и на расходы по организации юридических консультаций.

В состав образованных на основании закона 1922 года коллегий вошли как молодые советские юристы, так и немалая часть оставшихся в России адвокатов старого времени. В течение первых лет существования Коллегий защитников они развили очень оживленную деятельность, которая, однако, не удовлетворяла представителей власти, желавших, чтобы вся работа была направлена исключительно к пользе и восхвалению советского строя и его возглавителей. За тот же период времени на практике обнаружилось, что также, как и прежде, среди советских адвокатов, («чеказе») были люди с большой или малой практикой, преуспевающие и бедствующие, «толстые» и «тонкие». Особенно преуспевали люди, обладавшие и большими знаниями и большей ловкостью. Неравномерность заработка вызвала страшную зависть у малоуспевавших и с начала эпохи всеобщей коллективизации, в советской адвокатуре начинают раздаваться требования о необходимости уничтожения «частничества», т. е. свободы сговора с клиентом и обращения гонорара в свою, адвоката, пользу и создания, взамен этого, общего адвокатского коллектива, члены которого получали бы вознаграждение поровну. Как пример тогдашней агитации приведу выдержки из статьи одного из московских защитников (№ 2 журнала «Сов. Юстиция» 1930 года).

«Коллегии защитников по своей организационной форме являются об'единением кустарей (юристов) - одиночек, работающих на дому; я бы сказал они скорее являются концерном мелких капиталистических (предприятий) кабинетов чкз, которые сидя в своем кабинете, продают свои знания (продукт) различным слоям населения, причем продают этот продукт без общественного контроля над его качеством и ценой. При такой постановке дела мы наблюдаем буквальное сдирание шкуры с клиентов по явно (проигрышным) негодным делам. Отсюда происходит недобросовестное обогащение отдельных чкз, загрузка наших судебных и иных учреждений неосновательными жалобами и ходатайствами и бесплодная затрата средств на их разрешение... Нужно запретить частную практику и произвести коллективизацию защиты».

Попутно шли доносы на адвокатов, выходцев старой адвокатуры, как на людей использующих трибуну судебных органов для пропаганды правовых норм буржуазии, а иногда и контр - революционных взглядов на советскую действительность. Вообще борьба шла с более культурной, а потому и более преуспевавшей, частью адвокатуры и так как сторонники реорганизации были власти более близкими людьми и постоянно кричали о своей преданности новому строю, то победа осталась за ними, но, правда, победа неполная, т. к. вместо единого коллектива были создан ряд коллективов и гонорары шли не в «общий котел», а в отдельные «кастрюлечки».

Положение о коллективах членов коллегии защитников было окончательно утверждено Коллегией НКЮ 27 февраля 1932 года и устанавливало что коллективы организуются в районных и межрайонных масштабах, действуя под непосредственным руководством соответствующих президиумов областных (краевых) коллегий защитников.

Коллективы чкз оказывают юридическую помощь населению, обслуживают государственные учреждения и предприятия, кооперативные и общественные организации, ведут пропаганду советского права и подготовляют практикантов - выдвиженцев. Вступающие в коллективы лишаются права какой либо юридической работы помимо коллективов и не через коллективы. Исключение допускается только для педагогической, литературной и научной деятельности, а также работы юрисконсульта предприятий и учреждений общественного сектора по совместительству.

В отличие от первоначального постановления 1930 года обращающийся в коллектив за юридическою помощью имел право выбора члена коллектива, которому он желает передать ведение своего дела. Вознаграждение оплачивалось по таксе, неимущим и малоимущим дела велись бесплатно. Размер вознаграждения для каждого члена коллектива определялся в зависимости от опыта, квалификации, нагрузки и проводимой общественно - правовой работы каждого данного коллектива, причем наивысший размер не должен превышать наименьший более, чем в пять раз.

Установленный этим положением порядок соблюдается и поныне, но т. к. у большевиков нет, как они говорят, «фетишизации» закона, то потому во многих местах наблюдается те или иные от него отклонения.

В проекте новой конституции есть статьи, посвященные суду и прокуратуре, но нет ни слова об адвокатуре. Из речи Крыленко, назначеннного недавно союзным наркомом юстиции, на общем собрании Московской областной коллегии защитников, 9 августа с. г. (С. Ю. № 27 от 25 сентября) мы узнаем, что адвокатуру предполагается и в будущем сохранитъ на тех же принципах.

«Защита должна быть и в будущем построена по принципу самоуправляющихся коллегий защитников. Это не должна быть замкнутая каста. Доступ в нее должен быть открыт всем, отвечающим требованиям политического опыта, юридических знаний и общегосударственного равноправия. Коллегии должны быть самоуправляющимися, т. к. только это обеспечит им независимость в судебной работе. Управление коллегиями должно быть подлинно выборным и не должно иметь места, как в Москве, когда нельзя было разобрать, существует ли выборный президиум или нет».

Но Крыленко говорит, что над коллегиями защитников должен быть надзор со стороны НКЮ и потому запроектировано создание особого управления или отдела, в котором будет точный учет кадров, особенно руководящих, разбор и разбирательство жалоб на прием и исключение.

Но предположено уничтожение насильственной коллективизации. Коллективы будут, говорит Крыленко, сохранены лишь как свободное об'единение защитников с вознаграждением, построенным по принципу «каждому по количеству и качеству его труда», на основе специально выработанной, принятой и установленной таксы, на принципе проведения оценки труда внутри коллектива, конечно, под публичным контролем общественности, правительственным контролем ВКЮ, а если нужно и судебным контролем.

Теперь посмотрим каково на практике положение советского адвоката.

Прежде всего в советских газетах никогда нельзя найти ни фамилий выступавших на суде адвокатов, ни содержания произнесенных ими речей. Нет сведений и о каких либо общественных выступлениях сов. адвокатуры. Если о них и пишут, то только когда нужно отметить какие либо непорядки, выругать адвокатов. Очень мало и редко пишет о них и специально юридическая (вернее ведомственная, т. к. в СССР нет частных юридических журналов) пресса.

По словам нынешнего прокурора СССР Вышинского (б. московского помощника присяжного поверенного) в советском суде представителей защиты едва терпят. Судьи стараются всячески продемонстрировать им свое пренебрежение и думают, что тем самым доказывают свою высшую революционнность. Многие из прокуроров смотрят на защитников, как на не разоблаченных преступников. «Суды, говорит Вышинский, терроризуют защитников и недооценивают их работы, они не понимают, что когда защитники хорошо подобраны и представляют квалифицированный состав, они помогают судебным органам разобраться в деле». Им хочется содействия защитника в получении сознания от подсудимого. Так они расценивают положение, что советский адвокат должен быть помощником судьи в советском суде.

Это влечет за собой то, что некоторые защитники, особенно в провинции, по словам Голубовского (Соц. Зак. № 6 — 1936), теряют чувство ориентировки в том, где кончается помощь правосудию и начинается нарушение профессиональных обязанностей защитника. Иногда защитники, вызывая недоумение всей аудитории, целиком и полностью присоединяются к требованию прокурора о возможно строгом наказании, а потом уже подсудимому, если он умеет, приходится защищаться от выводов и прокурора и защитника.

Судьи и прокуроры смотрят на защитников, как на людей, которые излишне затягивают процесс, «мешают», «надоедают», не дают добрым судьям спокойно жить. Третирование адвокатов доходит до того, что один председатель суда запретил служащим суда, под угрозой увольнения, здороваться с адвокатами за руку. Один прокурор как-то назвал адвоката жуликом и обещал посадить в тюрьму, если он еще раз явится в его камеру. И как говорит № 8 «Сов. Юстиции» за 1936 год, фактов подобного нетерпимого отношения к защитникам в отдельных судах не мало.

Судьи всячески стесняют адвокатов в их работе, не дают времени на подготовку, отказывают в вызове свидетелей, всячески стесняют во время процесса. В 1933 году Главный суд Крымской республики исключил из числа защитников четырех адвокатов за то, что они «выступая на суде, единодушно доказывали неправильность квалификации пред'явленного их подзащитным обвинения и кроме того во время процесса возбуждали невероятное количество ходатайств, а двое защитников кроме того настойчиво добивались отмены приговора в Верховном Суде».

Неудивительно, что сов. адвокаты строят свою работу так — «как бы чего не вышло» (Соц. Зак.

№ 10 с. г.)- Не желая наживать себе неприятностей, защитники проходят мимо даже грубых нарушений судьями законов и нередко просят только о снисхождении там, где дело в последующих инстанциях прекращается вовсе за отсутствием состава преступления. Опираясь на то, что для советского защитника интересы государства выше частных интересов клиента, эти защитники нередко сознательно «топят» своих клиентов. Неудивительно, что както один из подсудимых просил своего защитника руководить и писать для него бумаги, но в суде не выступать, чтобы его, обвиняемого, не компрометировать. Был случай, когда адвокаты на страницах «Сов. Юстиции» ставили вопрос, не следует ли им обжаловывать оправдательные или слишком мягкие приговоры их клиентов в тех случаях, когда их, адвокатов, советское сознание, требует осуждения или более строгой кары.

Робость и лакейское угодничество сов. адвокатов вызывает чувство брезгливости даже у сов. прокуроров и об'ясняется чрезвычайно невысоким моральным и культурным уровнем сов. защитников.

В старую русскую адвокатуру попадали лишь люди высокой культуры и морально незапятнанные. Высшее юридическое образование было необходимым условием для вхождения в адвокатуру. Каждый адвокат должен был отбыть также и практический стаж.

Для советского адвоката высшее юридическое образование не требуется. С каждым годом, по мере вымирания или отсеивания из коллегий старых дореволюционных адвокатов, все ниже падает и образовательный и моральный облик сов. адвоката. По словам Эпштейна (Соц. Зак. № 9 — 1935 г.) сов. адвокаты сейчас «в лучшем случае это — бывшие технические работники суда и прокуратуры или же судьи и следователи, по тем или иным причинам, часто против своей воли, ушедшие со своей прежней работы, в худшем случае это — случайные люди, воспользовавшиеся широко раскрытыми дверьми коллегии для того, чтобы хоть где-нибудь пристроиться».

По словам сов. адвоката Тагера (Соц. Зак. № 10 с. г.) за последние годы совершенно уничтожен источник пополнения коллегий специально подготовленной молодежью. Институты сов. права готовят судей и прокуроров, но не защитников. На адвокатскую работу направляются люди негодные ни в судьи, ни в прокуроры, ни в следователи...

Очень много горьких слов слышится по адресу руководителей Коллегий, где захватили места коммунисты. Вышинский говорит, что ему постоянно жалуются, что даже в Москве неавторитетный и незаслуживающий уважения президиум в коллегии защитников. Тот же Тагер отмечает что руководители Коллегий считают, что выступление в качестве защитника дело беспартийных, а партийный человек может выступать лишь в качестве обвинителей и потому сами никогда и никого не защищают. Крыленко сейчас обещает уничтожить назначенство и ввести выборность в президиумы коллегий, но пока это лишь обещания.

Почти повсеместно Коллегии и бюро коллективов создали огромнейшие аппараты - канцелярии, бухгалтеров, инструкторов, «ответственных дежурных» и т. п. Все дело ведется, как и во всех советских учреждениях, бумажным, бюрократическим путем. Все это требует огромных расходов, и до 70% адвокатских гонораров идет на всякого рода «организационные» расходы.

Хотя уничтожение принудительной коллективизации защиты, по словам Крыленко, еще только намечается, но и сейчас уже в Москве есть несколько десятков адвокатов, работающих вне коллективов. Они оплачивают Коллегию лишь % с гонорара. Распределение же гонорара в коллективах производится в разных местах по разному. На Украине все адвокаты разбиты на 10 разрядов и получают определенное жалованье, а гонорары идут в общую кассу, в Ленинграде существует система баллов (каждое действие адвоката расценивается баллами, т. напр. устный совет — 2 балла, бумага — 5 или 8 баллов, заседание — 15 и 30). Затем складываются гонорары и число баллов и делится между адвокатами, с удержанием до 50% из общей суммы на содержание президиумов Коллегий и коллектива), в Москве система %% (не более 35) с гонорара и марок. Адвокатские коллективы очень рекламируют себя и конкуррируют друг с другом. Весь забор напр. Московского суда заклеен разноцветными рекламами отдельных адвокатских коллективов. Но зато, почти как правило, нигде в коллективах нет ни юридических библиотечек, ни справочников, ни кодексов последних изданий.

Нынешнее положение советских адвокатов претит даже самим большевикам. Вышинский так пишет в окт. книжке «Социалистической Законности»: «Советскому государству, сов власти и нашей партии не нужны защитники услужающие, не нужны защитники потакающие, не нужны защитники ползущие и пресмыкающиеся. Нам нужны защитники способные на героические подвиги, не дураки, хотя бы и услужающие, а умные, высоко квалифицированные, политически самостоятельные и ответственные люди, потому что наша работа — это работа, требующая сплошь и рядом героических усилий и выдающегося мужества, выдающейся настойчивости, решительности и политической дальнозоркости»

Надзор, который собирается учинить над адвокатами Крыленко, несомненно еще больше усилит их зависимость от власти и еще более уронит их в общественном мнении.

В. В. Попов.

П. МИЛЮКОВ

Треугольный спор

ОТ РЕДАКЦИИ.

Полемика г. В. Чернавина с Е. Д. Кусковой, П. Н. Милюковым и др. вызвала со стороны последнего ответ, в котором установлены принципиальные позиции П. Н. Милюкова по отношению к другим спорящим сторонам. В виду принципиального значения этого ответа «Наше Слово» считает необходимым перепечатать его в несколько измененном виде.

I.

В шести номерах подряд журнала «Новая Россия» (10-15) велся спор, в котором приходится, наконец, и мне принять участие. Вызван был этот спор «горестными мыслями» г. Чернавина о перемене взглядов русской эмиграции. Три года тому назад, когда он покинул Россию, она думала и говорила так же как он, а в настоящее время — в одной своей части — резко разошлась с г. Чернавиным, изменив свое отношение к советской власти из отрицательного на благоприятное. В основе этой перемены г. Чернавин усмотрел не только «примирение с советской властью, но (даже!) борьбу с порабощенным этой властью народом».

Г-ну Чернавину ответила в той же «Новой России» Е. Д. Кускова. Она поспешила, прежде всего, выгородить отъ его обвиненій ту «другую часть эмиграции», которую она представляет и у которой и три года назад не было «общего языка» с единомышленником г. Солоневича. Но г. Чернавин в своем ответе Кусковой не без ехидства указал сотруднице «Последних Новостей», что, оспаривая его взгляды, она полемизирует не с ним, а с «основным направлением газеты», в которой сотрудничает. Ея возражения адресованы ему по ошибке. На намом деле они относятся к передовику газеты, с ним тогда согласному. Выходит очень эффектно: стравив нас с нашей сотрудницей, «случайный зритель» боя отходит к сторонке — и ждет результатов.

Что же! Недаром латинская пословица говорит: tempora mutantur, прибавляя к этому афоризму более спорный конец: et nos mutamur in illis. «Меняются времена, и мы меняемся с ними». Можно сказать, по-гамлетовски: «и башмаков не износили!»

Я вижу в этом полемическом эпизоде повод не для простого продолжения полемики, а для серьезного « examen de conscience ». В пылу ежедневной борьбы, быть может, мы сами не заметили своего превращения?

II.

Перейдем к существу навязанной нам полемики. Оказывается, три года назад «Последние Новости» были согласны с г. Чернавиным в двух существенных для него положениях: 1) «большевизм — опасность международная — должен быть понят и отвергнут всем человечеством»; и 2) «вся страна стоит против большевиков, а многомиллионное, ограбленное до нитки крестьянство, в особенности, всеми доступными средствами борется с чуждой и и ненавистной ему советской властью. И его борьба кончится только тогда, когда Россия добьется своего освобождения». Эти два положения, формулированные три года назад, г. Чернавин делит на семь полуфраз и каждой противопоставляет решительное возражение Кусковой. Отсюда вывод, что у «части эмиграции, представляемой Е. Д. Кусковой (включая сюда и нас. **П. М.**), за эти три года отношение к советской власти изменилось в корне». Логические провалы в этом выводе видны с первого взгляда, и Кускова на них уже ответила вполне основательно. Во-первых, как можно из возражений нам Кусковой заключать о перемене взглядов «Последних Новостей»? А, во вторых, ведь в «Посл. Нов.» было «многое множество других высказываний»! Если г. Чернавин читал в «Последних Новостях» не одну только посвященную ему лично статью, то, сопоставляя с нею «другие высказывания» газеты, он мог бы догадаться, что и наше согласие с ним три года назад вовсе не было полным. Мы это увидим сейчас из подробного анализа процитированных г. Чернавиным двух тезисов передовицы 1933 года.

Что касается первого тезиса — «большевизм международная опасность», — скажу, прежде всего, что буквально этими словами озаглавлена моя 1-ая английская книга в эмиграции: « Bolshevism—international danger » (1920), и что то же самое г. Чернавин найдет на первых и последних страницах только что выпущенной мною французской книги о внешней политике советов (См. La politique extérieure des Soviets, Introduction и стр. 509-516). Стало быть, этот тезис за все 17 лет, проведенных в эмиграции, по существу не изменился. Противоречит ли это возражению Кусковой, что за 20 лет опасность оказалась «не столь заразительна»? Нисколько. Уже въ той первой книге я начал с разсказа, как самая первая яростная атака большевиков на Европу с 1919 г. была без труда отбита. А затем последовал ряд других неудач, мною описанных неоднократно. Вообще в «мировую катастрофу», в связи с русской, я никогда не верил

— и полемизировал в этом смысле с разными представителями перепуганного и придавленного русской катастрофой молодого поколения. Прибавлю, что речь, ведь, тут идет не только об опасности московского варианта коммунизма с его военной силой, но, главным образом, о **международном источнике** русского «большевизма» — об учении коммунизма, которое внесено к нам, но продолжает отравлять европейские страны и «все человечество» даже и помимо Москвы. Наш русский «большевизм» собственно, все менее и менее становится похож на коммунизм Маркса: от времени он сильно выдохся и выветрился, не только, как идеология, но еще в большей степени, как неудачная попытка ее осуществления. Уже «ленинизм» был отступлением от марксистского правоверия, а «национальное» толкование Сталина о возможности социализма в **одной** (наиболее отсталой) стране — окончательной изменой. Вот почему и «международная опасность» со стороны Москвы получила сейчас иной характер, чем это было во времена наивной веры в марксизм. Отчасти поэтому московский большевизм и стал не только менее «заразителен», как теория, но и обезврежен, как опасный пример. Tempora mutantur — помимо нашей воли. И нельзя считать возражением мне то, что сейчас Москва проделывает с Испанией. Во-первых, noblesse — даже коммунистическая, все-таки, oblige. Во-вторых, еще вопрос, какая **тактическая** цѣль может скрываться за поощрением конфликтов на Западе, в противоположность Востоку. В ожидании выяснения этого последнего советского зигзага, литвиновская эра «пацифизма» все же остается реальным событием, и не нам защищать теперь тезис всемирной опасности коммунизма, когда он сделался лозунгом, искусственно прикрывающим истинные цели политики Гитлера.

III.

Сложнее, конечно, разговор по существу относительно 2-го тезиса передовицы 1933 г. Именно тут уже и я вслед за Кусковой должен повторить нашему критику, что он очень опоздал с своими наблюдениями случившейся с нами «перемены». Уже в конце 1917 г., ходя по улицам Ростова, я, к своему глубокому горю, должен был убедиться, что спорные «все» были скорее на стороне большевиков, нежели на стороне небольшой кучки самоотверженных защитников России (пусть для многих и **старой** России) от их кровавого захвата. Мое личное участие в организации «белой» борьбы в ее начале убедило меня тогда же в том, что должен был позднее признать и ген. Деникин: а именно, что борьба эта, независимо даже от воли ее участников **должна** была принять классовый характер. Потом сложился тот длинный перечень причин окончательной неудачи этой борьбы, на котором в 1920 г. был основан переход мой — и части эмиграции вместе со мною — к так наз. «новой тактике». Уже тогда мы утверждали, что «борьба с большевизмом не может продолжаться в прежних формах». Тогда же выдвигалась и необходимость «идти с программой глубокой экономической и социальной реконструкции» в ту Россию, где «под жестокой шелухой большевистского насилия произошел громадный психологический сдвиг и сложилась новая социальная структура». «Последние Новости» перешли под мою редакцию уже с этой определенной целью — проводить идеи нашей «новой тактики». Это нас отделило от остальной эмиграции, сохранявшей еще долго спустя свою «лубочную»*) непримиримость, «лубочное» толкование событий, — и сблизило нас с левой частью эмиграции, с которой мы нашли «общий язык» — и даже общую платформу 1922 года. Вот к какому времени следовательно должны были бы относиться возражения г. Чернавина — в той степени, в какой они **действительно** свидетельствуют о какой то нашей «перемене». Тут уже, в самом деле,, не только tempora mutantur но и nos mutamur in illis. Для большей исторической точности прибавлю: не «менялись», а возвратились к тому, чем мы (я разумею партию народной свободы) были до революции. «Бѣлая борьба» эту нашу политическую физиономию несколько затемнила; мы ее восстановили.

После этой исторической справки вопрос сводится к тому, мог ли наш передовик еще в 1933 г., при указанной нашей несомненной «перемене во времени», выражаться так, как он выразился в цитированных г. Чернавиным фразах, или же вместе с переходом нашим к «новой тактике 1921 г.» и ему следовало перейти к «другой оценке событий», — напр., к той, о которой упоминает Кускова. Вопрос решается простой справкой о наших радикальных расхождениях с Кусковой еще в средине 1920-х годов. Отказываясь от старой «лубочной» непримиримости, но не переходя и на «другую» точку зрения — Кусковой, — мы тогда искали «синтеза» двух точек зрения — и нашли его в следующей формуле республиканско - демократического об'единения, организовавшагося после принятия нами принципов «новой тактики»: 1) «Сохранение пафоса неприятия советской власти и борьбы с нею, а следовательно, и революционное к ней отношение и отрицание всякого рода примиренчества. 2) Признание положительного значения за общим смыслом происходящих внутри России процессов, ведущих к освобождению России от советской власти силами самого населения». Этот «синтез» был принят республиканскими демократами весной 1926 года. «Великая учительница — жизнь», по выраженію Е Д. Кусковой, многое стерла и из ее прежних разногласий с нами, сохранив, однако, ту отдельную позицию, которая и делает наш спор «треугольным».

Передовица 1933 г., конечно, выдержана в духе этого синтеза. Но ясно, что она не могла отразить его целиком. Г. Чернавин же вообще не знает того

---

*) Право собственности на этот термин «лубочный» принадлежит З. Н. Гиппиус.

процесса изменений в идеологии эмиграции, о котором я принужден напомнить. Поэтому он и относит наблюдаемые им «перемены» только к трем последним годам.

Менее извинительно, что перемены эти представляются г. Чернавину ничем не мотивированными. С его точки зрения, после его ухода из СССР там ничто не переменилось. При помощи нескольких остроумных, но не очень продуманных сопоставлений, он очень легко отделывается от этой важной темы. А в ней вся суть. Что в самом деле нового в СССР, спрашивает г. Чернавин? Прежде был фальшивый процесс, теперь фальшивый процесс; прежде террор, теперь террор; прежде «даешь Берлин», теперь... даешь Польшу, Финляндию, Эстонию, Латвию и Литву (sic); прежде «субботники», теперь «стахановцы»; прежде «добровольный энтузиазм», теперь «добровольный энтузиазм» в лагерях и т. д. А осуждаемая им «часть эмиграции» почему-то «только теперь» «с восторгом вторит» якобы «новым» лозунгам Сталина! «Чем об'яснить» столь подозрительную для г. Чернавина нашу «перемену» и мнимую нашу готовность мириться?

Можно сказать: уверенность неведения — прямо обезоруживающая. Конечно, «специальность» г. Чернавина, по его справедливому замечанию, «далека от политики и журналистики». Можно понять, поэтому, отчего его тяжелые личные переживания до такой степени продолжают преобладать у него над теперешним немым «печатным материалом». Но ведь по переживаниям пишут только мемуары, а по печатным материалам — историю. Есть, все же, и нечто среднее между тем и другим. Повременная печать накопляет в огромном количестве об'ективные факты; сопоставленные между собою, они допускают самопроверку. Г. Чернавин, пренебрежительно относящийся к этому источнику сведений об СССР, видимо, плохо следит за ним; а без этого уследить за «переменами» вообще невозможно. Вот почему и сражаться с г. Чернавиным мы не можем равным оружием. Для него вся история СССР толчется на одном месте: сегодня, как вчера; завтра, как сегодня. На поверхностный взгляд это выходит довольно убедительно, а для пострадавших лично — неотразимо. Но для серьезного наблюдателя то, что происходит в сов. России, есть долгий процесс, развивающийся последовательно и постоянно приносящий новые перемены, — процесс, никогда притом не повторяющийся, ибо — tempora mutantur. В наблюдения наши над процессом нам постоянно приходится поэтому вносить новые черты. В одном из докладов, помню, мне пришлось установить пять последовательных перемен в нашем понимании того процесса советской «эволюции», за наблюдение над которым нас так бранили справа. 1. Советская власть эволюционировать не может. 2. Эволюция происходит в России вопреки ей и несмотря на нее. 3. Она может происходить и благодаря сознательной политике власти. 4. Может при этом эволюционировать и сама власть. 5. Она уже перерождается в процессе эволюции. Уверяю г. Чернавина, что при констатировании этих «перемен» в нашем собственном представлении о ходе процесса, мне нисколько не было стыдно. Это, конечно, только отвлеченная схема. Но приходилось, наблюдая советскую жизнь, наполнять эти схемы и плотью, и кровью.

Можно-ли ожидать, чтобы, следуя этому методу, мы в три года таких наблюдений над действительно существенными изменениями во всем строе советской жизни в самом деле не изменились, оставаясь, конечно, верными общим положениям нашего принципиального синтеза? Конечно нет. И, вот, подойдя с этой стороны к второму тезису передовицы 1933 года, попробуем, считаясь с Кусково-Чернавинской полемикой, раскрыть его современное содержание.

IV.

Несомненно, концепция Кусковой тут иная, чем наша. По ее мнению «Россия поражена гражданской войной... Одна часть народа борется с другой; терпят поражение целые классы... Вовсе не вес народ на одной стороне, а диктаторы с их террором — на другой»... Но «русский народ уже силится потушить гражданскую войну — и потушит ее». Если концепция г. Чернавина слишком упрощена — в угоду пафосу первоначальной «непримиримости» — и тем приближается к «лубочной», то концепция Кусковой слишком усложнена, как я думаю, стремлением примирить действительность с доктриной. О «гражданской войне» можно было говорить, когда действительно шла борьба «классов». Теперь старые «правящие» классы побеждены и уничтожены, а новый сталинский классовый «отбор» «знатных» еще не успел сложиться и вступить в новую классовую борьбу. Частью «народа» он никак уж не может быть назван. Едва-ли следует вообще об'единять в понятие «народа» всех тех, кто зависит от власти и связан с нею заинтересованной преданностью — бюрократа и члена партии. Остается еще группа, проникнутая — не для внешнего оказательства, а искренно — «энтузиазмом» строительства. Я уверен, что есть такая, особенно среди недавней молодежи, оглушенной трубными звуками казенной печати и совершенно незнакомой с тем, что происходит за-границей. Но эта часть **не борется** с народом, а хочет добросовестно служить ему и лишь постепенно разочаровывается, наталкиваясь на партийные и бюрократические рогатки. Петров, которого не понял г. Чернавин, — прекрасная иллюстрация этой части народа. Человеческий материал по сю и по ту сторону баррикады, во всяком случае, после уничтожения старых классов — один и тот же. И мы, несомненно, имеем тут дело не с «гражданской войной» одной части народа против другой, а с прежней борьбой порабощенных против поработителей и их приспешников — как бы много этих последних ни числилось. Определение Ленина, что Россия управляется «олигархией», остается правильным и для нашего времени.

Если нет «гражданской войны», то и выражение «потушить» едва-ли подходит для обозначения ее исхода. Не «весь» народ, но все же многомиллионная его масса и сейчас продолжает борьбу. Но какую борьбу? Г. Чернавин подчеркивает в нашем определении как раз выражение: борьбу «всеми» средствами, тогда как мы сделали ударение на слово «доступными» средствами. Такое, напр., средство, как восстания, — на что г. Чернавин особенно полагается вместе с г. Солоневичем и известной частью эмиграции, — с нашей точки зрения «недоступно» для неорганизованной массы в борьбе со всесильным государством. Доступно ей другое, может быть, даже более могущественное средство — пассивного сопротивления, переходящего иногда в настоящее вредительство при помощи утайки, обхода закона и т. п., — часто и в сообществе с местными властями. Власть хорошо понимает неодолимую силу этого средства и, попытавшись сперва реагировать на него голым насилием, все более прибегает к методу возможных для нее уступок.

Что эта власть, в общем, остается ненавистной народу, в этом, кажется, сомнения быть не может. Но можно - ли продолжать говорить, что она ему «чужда», — в том смысле, как это понималось раньше? Тут надо сделать серьезные оговорки. Мы, конечно, и раньше не смешивались с теми, кто считал советскую власть «чуждой» в смысле принадлежности ее к не-русской национальности. Оставим этот «лубок» антисемитам внутренним и внешним. Мы не считали также первых деятелей большевистской революции, ту «старую гвардию», с остатками которой теперь так беспощадно расправляется Сталин, простыми «бандитами», наемными агентами и т. п. «Государство» — как временную форму — эти идеологи всегда признавали; если они пользовались государственным аппаратом для выжимания всех соков из народа, то делали это не для личного обогащения (если не иметь, конечно, в виду нравов и приемов властвования их бюрократии). Е. Д. Кускова только повторяет наш тезис, когда напоминает, что и теперешняя власть «вынуждена выполнять» некоторые элементарные функции государства. Эта власть, несомненно, сохранила государство от распадения, поскольку позволила это сложившаяся в мировой войне международная обстановка. Она восстановила военные силы России, обеспечивающие государство от дальнейших разделов и давшие ей определенное международное положение. При содействии таких «спецов», как г. Чернавин, советская власть восстановила и хозяйственно - экономический организм страны. Нельзя отрицать больших ее достижений в области разработки русских природных богатств и строительства русской промышленности. Пусть все это делается в интересах самосохранения или в интересах осуществления доктрины; пусть советская власть проявляет при этом огромное неумеnье, недостаток культуры и технических знаний, страшную расточительность человеческих сил; но нет сомнения, что во всех этих случаях интересы даже плохой власти и нации совпадают. Такая власть может оставаться ненавистной эксплоатируемому ею народу. Но она — уже вследствие одной продолжительности своего существования — не может оставаться ему «чуждой». Понятия государства и нации поневоле сближались и во внешнем, и во внутреннем непрерывном общении, — и разделить их теперь уже стало совершенно невозможно. На почве, подготовленной двадцатью годами властвования, такие понятия, как «отечество», «родина», «патриотизм», не могут поэтому считаться искусственным нововведением. Вводимые поневоле, они прививаются быстро уже потому, что имеют характер необходимой уступки, и быстро теряют характер «новизны». Я не стану по этому поводу спорить с г. Чернавиным и со всеми гг. Солоневичами о нашем «оборончестве». Тут мы, очевидно, не сговоримся. Упомяну только об одной, очень тенденциозной, ибо мало реальной, угрозе: как бы «оборонцам» не пришлось стрелять в своих же — в русских крестьян. Попадут-ли в это положение «оборонцы» или, хотя-бы «возвращенцы», которых, вместо России, большевики предпочитают посылать на расстрел на испанский фронт, я не знаю. Но я наверное знаю, что в необходимости бить по своим же окажутся те русскіе последователи Солоневичей, Бискупских, Семеновых и т. д., которых, под всевозможными знаменами и в сопровождении всевозможных «правительств», пошлют изображать «истинно-русских» людей их заграничные покровители.

V.

Заключительная фаза нашего тезиса — о борьбе до конца и до освобождения России — не вызывает прямых возражений ни от г. Чернавина, ни от Е. Д. Кусковой. Но каждая спорящая сторона договаривает или додумывает этот прогноз или пожелание согласно собственному взгляду на процесс или метод «освобождения». Г. Чернавин разделяет надежды Солоневичей на войну: двадцать тысяч эмигрантов вторгнутся при этом благоприятном случае в пределы России вместе с иностранными войсками, а по ту сторону границы обитатели лагерей и крестьяне возьмут винтовки и низвергнут советскую власть, после чего Солоневичу останется только восстановить монархию, — во что, впрочем, г. Чернавин не верит. **Без войны** — этой deus ex machina — нашим националистам, очевидно, трудно представить себе при настоящих условиях свержение власти одной силой восставшего населения. Приходится, при отсутствии внешнего толчка, рассчитывать на участие в перевороте одной из сил, уже теперь организованных в России: армии, партийной оппозиции, наконец, дворцового переворота или индивидуального покушения. Но все эти комбинации, прежде всего, устраняют участие в перевороте эмиграции или населения. Сами по себе, они рассчитаны на случайность, устраняемую бдительностью власти. Наконец, они вовсе не дают, по существу, желаемого освобождения, ибо оставляют все по-старому. За исключением всех этих воз-

можностей, не достигающих цели — или бьющих гораздо дальше ее, — остается остановиться на мысли, что истинному освобождению должен предшествовать какой-то процесс внутреннего разложения идеологии и перерождения основанной на ней власти. При разборе этого варианта будет сопровождать нас уже одна Кускова, со своим утверждением, что сам «народ уже силится потушить гражданскую войну», «развертывая свои творческие силы» и «стремясь к мирному строительству жизни». К сожалению, вся остановка, при этом оптимистическом расчете, — за малым: за «неспособностью власти достигнуть примирения с населением».

Вопрос, таким образом, сводится не к тому, можем ли мы или может ли население примириться с властью, а к тому, может ли пойти на примирение власть? Те, кто полагает, что власть на это по самой своей природе неспособна («не может эволюционировать»), должны на этой точке расстаться с Кусковой. Но что, если власть — напр., под давлением военной опасности — окажется на это способна? Ведь сейчас, как раз, идет своего рода торг. Все дело, с этой точки зрения, уже не в принципе, а в пределах возможных с обеих сторон уступок.

Что же может дать Сталин и чего г-жа Кускова от него требует? Пока — Сталин сулит «народу» не много, не мало: «счастливую жизнь». Но эти приятные посулы, хотя и поддержанные целым рядом уступок, на которых останавливаться не буду, весьма далеки от осуществления. «Народу», правда, начинают поклоняться — в пределах кавказских «плясок» и древних богатырских былин, но у современного, настоящего народа — не «знатных», конечно — продолжают отбирать задаром плоды его труда — и не дают взамен ничего равноценного. Нельзя теоретически отрицать, конечно, что, под влиянием хотя бы страха войны, который игнорировать невозможно, Сталин пойдет и дальше. До какой точки? В числе мер предосторожности он может показать, кроме волчьих зубов, также и лисий хвост по адресу народностей, — как показал казакам, — чтобы предупредить те окраинные восстания, на которые так рассчитывают — и помимо Солоневича — разные наши иностранные доброжелатели. Может пойти еше дальше — и снять с народа некоторую часть тяжелого ярма партийных держиморд. Недаром во всеобщем избирательном праве он усматривает средство сдержать злоупотребления партийной бюрократии. По известному анекдоту, это может быть воспринято, как уже почти «веселая» жизнь. Но может-ли он дать то, чего требует для «примирения» с «интеллигенцией», введенной теперь, как особая категория, в пресловутую конституцию, Кускова: политические уступки? Новая конституция, «самая демократическая в мире», как будто их уже содержит — на бумаге. Я по этому поводу вспоминаю одно заявление близких Кусковой пражских «возвращенцев» 1920-х годов. В своем документе эти возвращенцы заявляли, что советский строй и до окончательного перехода к народоправству мог-бы служить «основой для дальнейшей **мирной** борьбы за полное осуществление демократии» — при условии «свободы избирательной борьбы, распространения избирательных прав на все население, установления гражданских свобод» и «полного уничтожения так наз. диктатуры пролетариата». При исполнении этих условий возвращенцы соглашались на «активное сотрудничество» с советской властью, «как с правительством враждебной партии». Теперь все это требуемое в новой конституции написано. Но возвращенцы, по зрелом размышлении, стали за это время, по признанию Кусковой, «невозвращенцами»... И понятно, почему. Дело в том, что настоящей политической интеллигенции (а «интеллигенция» не может не быть «политической») нужно нечто иное, нежели то, что может успокоить аполитические массы. Хотя бы последние и удовлетворились какой-либо степенью житейских уступок Сталина для осуществления «счастливой жизни», политическая интеллигенция на это пойти не может, ибо она понимает отчетливо связь, действительно, «счастливой» жизни с настоящими политическими уступками. А политических уступок Сталин, оставаясь сам собой, и стремясь исключительно к личному господству, сделать не может. Пределы его «эволюции» тут кончаются, недаром эволюция и по грамматическому смыслу есть лишь «развертывание» того, что уже заключается в семени. Дальнейшие шаги были бы, употребляя выражение, понятное г. Чернавину, как натуралисту, уже не эволюцией, а **«мутацией»,** — переходом к другому типу власти. Такого рода мутацией можно было бы считать нашу февральскую революцию. По марксистской «диалектике» мутация была бы вполне осуществима и для советской системы, но, конечно, не для теперешней власти. По существу же дела, «мутация» необходима и неизбежна. Приходится лишь признать, что для нее, повидимому, время еще не наступило. Критерием его наступления было бы действительное, а не мнимое перерождение власти в целом. Этот исход — в духе социальной физиологии — во всяком случае, очень далек от свержения «шайки бандитов». И не менее далек от того «примирения с властью», которого боится и в котором уже готов нас заподозрить г. Чернавин.

VI.

Я заключу сравнением, повод к которому дает мне ответ Кусковой г. Чернавину. В 1922 г. из России были высланы большевиками 225 интеллигентов, в том числе многие видные политические деятели социалистического направления. Их приезд за-границу сильно оживил тогда наши эмигрантские споры, вызвал оживленный обмен мнений, а затем и сотрудничество, которое привело к определенной формулировке взглядов республиканско - демократических течений, образцы которых я уже приводил выше. Мы чувствовали полную возможность «общего языка» с приезжими; их свидетельства о том, что происходит в России, были продолжением наших собст-

венных наблюдений. С тех пор из России политиков не выпускают, а там расстреливают. Те, кто хочет спастись от советского режима, бегут. Случайно или не случайно, но беженцы из интеллигенции оказываются людьми иного типа. В них чувствуется растущая изоляция от всего окружающего — и вместе с тем сокращение доступного им района непосредственных политических наблюдений. Они все более осуждены жить прошлым и превращаться в т. наз. «внутренних эмигрантов». Из высланных 1922 года таким нам казался, пожалуй, один С. П. Мельгунов. Но насколько его политический кругозор был шире и его политические суждения тоньше, нежели у теперешних беженцев старого интеллигентского типа. Кускова заключает из подобных-же наблюдений, что «вся интеллигентская Россия в политическом смысле сильно деградировала». Я бы выразился иначе. Поскольку эта интеллигенция принадлежит к до-революционным поколениям, она в своем большинстве просто отрезана от текущей жизни и принуждена замкнуться в себе. Это, увы, отрезанный ломоть, — и судьба его не подлежит сомнению. Но уже народилась в России новая интеллигенция — по условиям своего воспитания, куда менее культурная, чем старая. Доступ к серьезной политической литературе для нее чрезвычайно труден, школьная подготовка слаба, знание европейской современности отсутствует, филиация с русскими предшественниками оборвана. Но у нее — охота смертная узнать и научиться тому, что от нее скрывают. И у нее, по необходимости, живая связь с окружающим и открытое поле для общественной деятельности. Нельзя сказать, что эта новая интеллигенция «деградировала»; она, напротив, умственно растет и набирается опыта. Характерно, что беженцы старого типа этих новых не узнают, а обращаются в эмиграции преимущественно к тем, кто представляет тоже старую эмигрантскую традицию начала двадцатых годов. Так и здесь они оказываются, в конце концов, отрезанными ломтями... Немудрено, что друг друга они понимают лучше, чем нас.

Меня могут спросить: зачем-же, при такой безнадежности, я веду с одним из них такую продолжительную беседу? Должен признаться, что предназначается она вовсе не для одного г. Чернавина. Его полемике я обязан тем, что она дала мне возможность восстановить правильную перспективу и истинный характер того политического направления, с которым, по ошибке, г. Чернавин считал себя одно время единомышленным. Незнание — или забвение — даже вчерашнего прошлого и, в результате, дилеттантские опыты политической отсебятины — удел довольно большого круга, в особенности т. наз. эмигрантской молодежи. Ей не мешает лишний раз вспомнить — или узнать, — как связан этот наш вчерашний опыт с определенной оценкой завтрашнего дня. Полезно и разобраться в аргументации, пред'являемой другими оценками. Несомненная заслуга г. Чернавина в том, что, не в пример Солоневичу, он, действительно, «копнул глубже» и затронул серьезные темы. Не его вина, что он не сумел с ними справиться.

П. Милюков.

ДЕМОКРАТИЯ — ЭТО АПОФЕОЗ ЧЕЛОВЕЧНОСТИ

Э. Бенеш.

Н. НИКОЛАЕВ

Русская эмиграция в Нью-Иорке

(Письмо из Нью-Иорка)

«Старая» и «Новая» колония. Их взаимоотношения и политические деления.

Русская колония С. Ш. С. А., обосновавшаяся, по преимуществу, в Нью-Иорке и в ближайших к нему городах штатов Нью-Джерзи, Коннектикута и Пенсильвании, как по своему составу, так и по причинам ее образования, резко отличается от русской эмиграции Европы. В то время, когда последняя, в массе своей едина, появилась в различных центрах Западной Европы одновременно, по одному и тому же политическому основанию, а именно: в результате крушения «белого движения» и захвата России большевиками, наша колония здесь, резко делится на две неравные и во многом отличающиеся друг от друга части, — колонии «новая» и «старая».

Первая, именуемая «интеллигентской», а также по месту своего расселения в верхней части Нью-Иорка — «ап-таунской», обосновалась здесь в 1923 г. с момента прибытия в Нью-Иорк из Константинополя, нескольких тысяч человек, участников бывшей, эвакуировавшейся из Крыма, армии ген. Врангеля. Вторая — «даун-таунская», «народная», попала в Америку несколькими десятилетиями ранее, по основаниям не политическим, а экономическим. Она превосходит первую во много десятков раз своею численностью и представляет собою сплошь бывшее русское крестьянство западных губерний, превратившееся в Нью-Иорском «котле» в рабочих заводов и «шапов», по преимуществу одежной, меховой и иных индустрий. Значительная часть наших земляков работает также в шахтах и на заводах Детройта и Питсбурга, немногие, сравнительно, сели на землю и удержались на своих «фармах».

Являясь плотью от плоти русского крестьянства, последнее, и здесь за океаном, преобразившись в своей внешности, сохранило все особенности своей старой, знакомой нам еще в России, психологии со всеми ее положительными и отрицательными сторонами. Сюда относится и недоверчивое, а подчас враждебное отношение к той самой новоприбывшей интеллигенции, к услугам которой, за отсутствием своей собственной, еще только начинающей

выходить на арену общественной работы, — в лице рожденного и выросшего здесь молодого поколения, — поневоле приходится обращаться.

Увлекшись, а затем горько разочаровавшись, благодаря непосредственным сношениям со «старым краем», в большевизме, и не найдя пока новых путей, осторожная «старая колония» в настоящее время представляет собой, за исключением небольшой, организованной в общества взаимопомощи ее части (РООВА, РНОВА и др.), то подлинное беспартийное русское море, из которого пытаются черпать своих сторонников, все политические, интеллигентские группировки «новой колонии» всех цветов и оттенков с фашистами и коммунистами на флангах и с демократами, примыкающими к РДО, и умеренными социалистами, об'единившимися год назад в «Общественном Комитете», — в центре.

Названному Комитету, как это обыкновенно бывает с занимающими центральное положение организациями, приходится и «нападать и отражать атаки» (прошу прощения за эту современную, военную терминологию) и с правого и с левого фланга, а потому, хотя ближайшей моей задачей является посильное освещение деятельности центральной группы, я позволю себе для выяснения нашей и наших друзей позиции, сказать несколько слов и о наших заклятых врагах, находящихся на крайних флангах. Начну с правого, причем в видах экономии места буду очень краток, ограничиваясь документальными справками и представляя делать их оценку и выводы самому читателю.

Извлекаю из «архивного» материала отчет бывшего «оффициоза» «Национального Об'единения», редактировавшейся небезызвестным г. Каринским «Русской Газеты», от 31 июля 1932 г., об избрании существующего и поныне под председательством Б. Бразоля так называемого «Центрального Комитета». Дословно привожу наиболее характерные выдержки: «Инициативная группа русских людей возымела идею об'единить все национальные организации в одно целое, координировать их действия и тем подвинуть активность русской колонии вперед». Со стороны крестьян старой колонии идут призывы к об'единению, без которого русское дело в Нью-Иорке обречено на полную «гибель», ибо «наступила уже необходимость установления твердой власти, по которой давно тоскует руская колония» !? Г. Бразоль, предлагает собранию **«идею дкитатуры трех лиц»**, ибо только **«полная и абсолютная власть может оказать реальные результаты»**. На следующем собрании под председательством тогоже г-на Каринского, избирается Центральный Комитет из пяти лиц: Председателя Б. Л. Бразоля, секретаря кн. П. А. Чавчавадзе, и членов: проф. И. В. Емельянова, прот. А. Кукулевского и И. И. Сикорского.

31 июля 1932 г., «оффициоз» сообщает о столь радостном событии ошеломленной и ничего ранее, в подавляющей своей массе, не подозревавшей колонии, — с негодованием и недоумением узнавшей также и о том, что пятичленный состав «директории», в скором времени предполагается заменить трехчленным, а затем, «если идея будет поддержана» — всю полноту власти передать в испытанные руки «диктатора».

Но, как говорится, «страшен сон, да милостив Бог»... «Директория», о рождении которой было торжественно об'явлено «всем национально мыслящим» особым манифестом, скоро стала меняться в своем составе, а затем, после ряда достаточно скандальных выступлений, зачахла и в последнее время вообще не проявляла никакой деятельности. Стороной слышно, что фактически она совсем распалась, но, так это или нет, покажет наступающий в октябре политический сезон. Пока же, заканчивая обзор правого крыла нашей «общественности», позволю себе только наименовать, в хронологическом порядке, несколько из наиболее громких ее выступлений, сохранившихся в моей памяти.

Первое, совершенно несправедливое, клеветническое по существу и неприличное по форме, густо окрашенное к тому же откровенным антисемитизмом, выступление против единственной в Нью-Иорке русской, прогрессивной и беспартийной газеты «Новое Русское Слово», в день ее 25-летнего юбилея.

Далее, неудавшаяся попытка сорвать многолюдный митинг «протеста против бессудных казней в СССР», устроенный в Нью - Иорке «Общественным Комитетом», а также ряд более мелких, злобных выпадов наших черносотенцев против названного Комитета (о котором будет речь впереди), явившегося в результате сговора демократических и умеренно - социалистических кругов нашей Колонии.

Затем, — «Всенародное Собрание», устроенное правыми, на предмет «утверждения церковного мира» в русской колонии, раздираемой борьбой представителей различных церковных «юрисдикций», — закончившееся руганью и кулачной расправой с представителем одной из таковых, оказавшимся в оппозиции большинству Собрания.

И, наконец, попытка тех же крайне - монархических кругов, возглавленных г. Бразолем, захватить всецело в свои руки, путем тайного и одностороннего подбора членов, все дело чествования предстоящего юбилея А. Пушкина, и продолжающаяся и теперь борьба с беспартийным, «Общерусским Пушкинским Об'единнием», основанным на гласном и свободном соглашении организаций и лиц, возглавляемым проф. А. И. Петрункевичем, графиней А. Л. Толстой, представителями самой крупной народной организации взаимопомощи «РООВА», тоже беспартиным, культурно - просветительным О-вом, Друзей Русской Культуры и мн. другими.

Всего этого я позволю себе подробнее коснуться, в своей следующей корреспонденции.

Н. Николаев.

Обзор жизни республиканско-демократической эмиграции

РДО В ПАРИЖЕ.

Доклады и собрания:

9 мая 1936 года — Общее собрание членов РДО.
26 мая — Докладъ **А. А. Александрова** — «Бельгийский опыт».
2 июня — Доклад **А. С. Михельсона-Александрова** — «ВКП и проект новой конституции».
6 июня — Доклад **К. И. Аристова** в Бельфоре — «10 лет политической работы РДО».
7 июня — Доклад **К. И. Аристова** в Сошо — «Сов. Россия перед лицом внешней опасности».
9 июня — Доклад **В. Н. Сперанского** — «Судьба монархии».
16 июня — Доклад **Е. И. Унбегаун** — «Изменения в комсомоле».
23 июня — Доклад **В. В. Попова** — «Сов. прокуратура и адвокатура».
7 июля — Собеседование о внутреннем положении в СССР, с вступ. словом **К. И. Аристова.**
17 июля — Доклад **А. М. Кулишера** — «Политика Народного Фронта».
29 сентября — Доклад **В. В. Попова** — «Положение рабочих и служащих в СССР».
13 октября — Доклад **А. М. Кулишера** — «Политическое положеніе в СССР».
27 октября — Собеседование о политическом положении в СССР, с вступ. словом **А. А. Александрова.**
13 ноября — Продолжение собеседования с заключительным резюме **П. Н. Милюкова.**
1 декабря — Доклад **А. П. Маркова** — «Сельское хозяйство к концу второй пятилетки».
7 декабря — Доклад **А. П. Маркова** — «Промышленность к концу второй пятилетки».
22 декабря — Доклад **С. Г. Савельева** — «Рузвельт и задание истории».

10 - ЛЕТИЕ БЕЛЬФОРСКОГО ОТДЕЛЕНИЯ РДО.

6 июня Бельфорское отделение РДО праздновало десятилетие своего существования. Начав свою деятельность среди враждебного равнодушия со стороны местной русской колонии, Бельфорское отделение, благодаря дружной работе своих членов и энергии руководителей, преодолело большие трудности и завоевало всеобщее уважение.

На устроенном публичном собрании приехавший из Парижа тов. председателя РДО К. И. Аристов выступил с докладом на тему: «10 лет работы РДО».

После доклада состоялся товарищеский обед, за которым члены РДО, в дружеской обстановке, вспоминали важнейшие моменты своей деятельности.

На другой день в Сошо, перед многочисленной аудиторией К. И. Аристов сделал доклад на тему: «Сов. Россия перед лицом внешней опасности».

В прениях выступил председатель местной грузинской колонии, который, резко осудив оборонческую позицию левой эмиграции, рекомендовал России «замкнуться в своих естественных пределах, на пространстве Великороссии».

Оппонент получил заслуженную отповедь от докладчика, поддержанного секретарем Б. О. А. А. Дмитриевым.

По техническим причинам редакция вынуждена поместить в следующем номере интересную статью А. Н. ЛАЗАРЕНКО — «Федерации и автономии в конституциях XX в.»

КОНЧИНА П. В. ПОЖАРСКОГО

26 октября с. г. в русском госпитале в Вильжюифе скончался после тяжкой болезни член РДО **Павел Васильевич ПОЖАРСКИЙ.**

Покойный, будучи тяжело - увечным инвалидом и отдавая главные силы делу помощи своим товарищам-инвалидам, был деятельным членом РДО и живо интересовался политической работой об'единения.

Отзывчивый, всегда бодрый и жизнерадостный, П. В. пользовался общей любовью своих сочленов, среди которых он оставил наилучшие воспоминания, как прекрасный человек, чуткий товарищ и верный единомышленник.

Тактические тезисы

Извлечение из тезисов РДО, принятых общим собранием 18 марта 1926 года

Тягостное ощущение бездеятельности создало в эмиграции, с одной стороны, стремление вернуться к старым методам белой борьбы и к об'единению всей эмиграции на отрицательной задаче — свержения советской власти, с другой стороны готовность ликвидировать революционное отношение к советской власти и вернуться в Россию, хотя бы ценою капитуляции перед нею.

Относясь с решительным осуждением, как к тому, так и к другому из этих течений, РДО считает необходимым подтвердить свою основную идейную позицию и установить следующие тактические положения, обязательные для его членов:

1. Сохранение пафоса неприятия советской власти и борьбы с ней, а, следовательно, и революционное к ней отношение и отрицание всякого рода примиренчества.

2. Преодоление духовного отрыва от России и стремление войти в духовное общение с внутри-русской демократией.

Это положение предполагает:

1) Признание положительного значения за общим смыслом происходящих внутри - русских процессов, ведущих к освобождению России от советской власти силами самого населения.

2) Внимательное изучение этих процессов, со всеми произведенными изменениями — социальными, бытовыми, психологическими.

3) Согласование тактики эмиграции с тактикой населения, борющегося с советской властью методами как революционными, так и мирными, которые оказываются наиболее целесообразными при внутрирусской обстановке борьбы.

4) Признание того, что борьба с советской властью не должна переходить в борьбу против национальных интересов России.

5) Основную цель своего существования в дальнейшем РДО видит в непосредственном участии в борьбе против сов. власти в России.

Деятельность РДО и его отдельных членов (как-то: подготовка кадров, введение дисциплины, изучение сегодняшней России и проч.) должна быть направлена к деятельному приготовлению себя к этого рода участию.

Le Gérant: V. Kosmentzoff Impr. d'Art, 77, r. Mouton-Duvernet, Suf. 28-74

СОДЕРЖАНИЕ ПРЕДЫДУЩИХ №№ «НАШЕГО СЛОВА» :

Le Gérant: V. Kosmentzoff Impr. d'Art, 77, r. Mouton-Duvernet, Suf. 28-74

Цена 3 фр. № 8 Prix 3 frs

НАШЕ СЛОВО

Орган Республиканско-Демократического Об'единения

СОДЕРЖАНИЕ №8:

ПАРИЖ

Орган Республиканско-Демократического Об'единения

НАШЕ СЛОВО

« NOTRE PAROLE »

Revue trimestrielle. Organe de l'Union Républicaine-Démocratique Russe

Редакция: 78, rue de Lourmel, Paris (15e)

№ 8 Июль 1937 г.

Памяти П. П. ГРОНСКОГО

2 мая скончался после мучительной и длительной болезни Павел Павлович Гронский. Покойный был крупной фигурой на разных жизненных поприщах и на родине, и в эмиграции он развивал многостороннюю, кипучую деятельность. Мы, его политические друзья по РДО, с чувством глубокого уважения и благодарности должны отметить нашу долгую совместную жизнь и работу. П. П., действительно, тесно и неразрывно органически сжился с РДО. Формально это нашло свое выражение в том, что П. П. много лет, до самой болезни состоял товарищем председателя нашей организации. П. П., привыкший к иным масштабам политической работы, психологически «перестроился» в эмигрантских специфических условиях политической деятельности, обнаружив исключительную душевную молодость и свежесть, и не было такой области, где бы П. П. не проявил свойств своей талантливой личности. Девиз покойного был—«всегда готов», в любой момент, при всякой обстановке — на службу тем идеям политической и социальной демократии, проводником которых в эмиграции стало РДО. В содружестве с новыми поколениями русских демократов П. П. так же стойко и верно боролся за свободную демократическую Россию, как и в рядах партии Народной Свободы.

Вспоминаются отдельные отрывочные эпизоды этой деятельности П. П.

РДО только что создалось. Вчерашние участники вооруженной борьбы сомкнулись в тесную политическую группу для продолжения борьбы — иными методами, на других путях. Но нам не хватает политических знаний и опыта, мы недостаточно разбираемся в самых основах устройства партийного механизма.

Знаток англо - саксонской политической жизни, профессор государственного права, П. П. немедленно отзывается на нашу просьбу и делает ряд докладов о политических партиях, их функционировании в демократическом государстве.

РДО открыло свое отделение в Лионе. Нужно туда послать живого интересного докладчика, который ярким, боевым выступлением помог бы сплочению местных р. - д. - ов, затерянных в массе враждебно - настроенных — по неведению — беженцев.

Ни минуты колебания, — П. П. выступает в трудной роли пропагандиста одиозных для вчерашнего галлиполийца идей демократии и «новой тактики». Страсти кипят, правая часть аудитории срывает собрание, которое... продолжается и благополучно заканчивается в другом помещении. Но дело сделано: нами завоевано право пользоваться публичной трибуной для проповеди р.-д. идей в тогдашней нездоровой политической атмосфере.

И много раз ездил П. П. по французской провинции, с прирожденным красноречием и убежденностью распространяя наши идеи в среде русской эмиграции.

1932-ой год был переломным в жизни нашего об'единения. Оно переживало «болезнь роста»; ход жизни и внутренняя логика развития толкали нас на путь разработки социальной программы. П. П. с обычной готовностью входит в эту незаметную, но для политической организации первостепенной важности работу и возглавляет «рабочую комиссию», которая составила рабочую программу РДО.

Окрепшее, после большой идеологической работы, РДО почувствовало потребность в создании собственного политического органа. Мы начинаем издание «Нашего Слова». И в первом же номере появляется статья П. П., посвященная положению в России.

Можно было бы продолжать без конца: любое проявление нашей жизни было связано с П. П. — вплоть до постоянного председательствования на наших скромных внутренних докладах в библиотеке или участия в интимных товарищеских вечеринках.

Мы, более молодые сочлены, никогда не ощущали ни малейшего средостения между нами — профессорское звание и культурное превосходство нисколько не мешали нашему свободному, подлинно-товарищескому общению на почве служения общему идеалу.

Поэтому мы так тяжело переживали личное горе П. П. — утрату любимого сына, так больно восприняли тяжкий недуг, поразивший его в расцвете сил, и не можем примириться с преждевеременным уходом полного жизненной энергии и душевной бодрости нашего верного политического друга и соратника.

П. Н. МИЛЮКОВ

„Реформа" или „самозащита"

Потрясающие известия и слухи, приходящие в последние недели из Москвы прямым и окольным путем, нельзя признать вполне неожиданными. Но истолкование их нелегко и вызывает пока разнообразные мнения. Смысл этих разногласий выражен в заглавии настоящей статьи. Что это: продолжение того, что можно было до сих пор считать признаками серьезной радикальной реформы всего строя, проводимой Сталиным, или же это — азартная игра, исключительная цель которой — личная самозащита диктатора? Попробуем разобраться в этом сбивчивом и трагическом ходе событий.

Прочность прежнего, разрушаемого теперь советского строя обеспечивалась тремя силами, на которые опиралась правящая олигархия: единой правительственной партией, террором ГПУ и красной армией. По мере превращения олигархии в диктатуру Сталина, партийная опора сильно потеряла в прежнем значении для власти. Партия, когда-то пересозданная ее генеральным секретарем, отбилась от рук ее создателя, превратилась в нестройное слагаемое больших и мелких местных сатрапов, засидевшихся на местах и ускользавших от центрального контроля. Расправа с ней, поверка ее состава, ее освежение новыми элементами, долженствовавшими почувствовать свежую зависимость от раздавателя благ — все это были понятные и естественные задачи партийной политики. Разгром старой партии должен был служить одинаково и реформе строя в духе новых требований жизни (поменьше доктрины и побольше связи с населением) и самоохране диктатора от эманципировавшихся от него старых ставленников. Принять надлежащие меры для того и другого было сравнительно нетрудно. Новая конституция с ее тайными выборами должна была придать повороту законную форму.

Другой столп режима — его тайная полиция, вооруженная всеми средствами устрашения, освобожденная от всяких стеснений закона — если о законе вообще можно говорить при этом режиме — был зараз и крепче и опаснее. По самому существу дела это была сила, независимая от открытой сети управления. Казалось, что с ней диктатору придется поцеремониться. В том или другом составе, она, все равно, должна была служить режиму, и, все равно, должна была сохранять известную независимость, а также и право злоупотреблять властью в личных выгодах ее участников. Вот почему, когда Сталин одним ударом свалил всемогущего Ягоду, этот акт его дерзания вызвал известную сенсацию. Приходилось остановиться на мысли об опасности—не данного учреждения вообще, а его личного состава для диктатора. Это был акт несомненной самозащиты. Он сам по себе свидетельствовал о прочности власти, решившейся затронуть организацию, неизбежно ускользающую от наблюдения и контроля. Очевидно, оставалась возможность подвести и эти предприятия Сталина — чистку ГПУ — под общее представление о совершающейся коренной перестройке всего традиционного порядка СССР. Жалеть об этом не приходилось.

Оставалась третья опора режима, не только не потревоженная в своем существовании, но, напротив, выдвинувшаяся, благодаря международной обстановке последних лет, на первое место. Это — красная армия. Реорганизация средств обороны СССР была в значительной степени поставлена задачей первой пятилетки. Военной обороне страны была посвящена энергичная пропаганда, и она сделала свое дело. Молодое поколение выросло с патриотическими настроениями, враждебными прежнему официальному интернационализму; на этом основании оно готово было принять с удовлетворением все партийные меры Сталина, направленные к ликвидации старых большевиков. С ними вместе отходила в прошлое доктрина основателей режима, и основные понятия коммунизма сильно тускнели, если вовсе не забывались в глазах молодежи. В то же время весь состав армии был поставлен в особо привилегированное положение и имел наименее оснований жаловаться на сложившийся порядок вещей. Предполагалось, что за свои привилегии армия ответит особой преданностью Сталину и станет в стороне от всяких политических течений, склонных подвергать критике современный режим. «Армия вне политики» — этот лозунг, казалось, армейцы приняли охотно. Их главной заботой, привлекшей к ним симпатию подрастающей молодежи, была профессиональная подготовка к защите родины. Самое понятие родины, отечества — даже «России» с ее прошлым — все что содействовало возрождению национального чувства — вновь вводилось и поощрялось свыше, как логическое последствие приписываемой Сталину национализации революции. Конечно, рано или поздно, даже аполитическое настроение армии, в связи с ее независимым положением, должно было втянуть ее в обсуждение политических вопросов и создать в ней уже не случайный очаг оппозиции всему тому, что еще сохранилось от времен октябрьской революции. На этой ожидаемой перемене в настроениях армии можно было строить надежды на государственный переворот внутри России. Но, казалось, до принятия этой политической роли красной армией дело далеко еще не дошло.

Естественно, что при таких условиях начавшееся как то внезапно преследование вождей армии и офицерства, опала и вероятный арест Тухачевского, самоубийство Гамарника и т. д. — все это

должно было произвести оглушающее впечатление и окончательно поставить вопрос, что же собственно происходит в России: радикальная ломка режима или удары направо и налево в защиту личной безопасности Сталина от всех возможных конкуррентов на власть?

Есть ли это обычный в тактике Сталина шаг назад после нескольких шагов вперед с целью сохранения хотя бы остатков разрушаемой идеологии, т. е. просто очередной зигзаг диктатора, или это плод последовательной политики в стиле сиракусского тирана Дионисия и нашего Ивана Грозного, систематически сбивавших головы верхушкам? Если можно, шутя, отделаться от соперников и противников даже и в этой среде, сохранявшей до сих пор наибольшую силу в стране, если даже военная среда оказывается безсильной оказать сопротивление насилию диктатора, то на что же кроме чисто психологических воздейдействий или индивидуальных ударов мы можем рассчитывать для дальнейшего хода событий в России? Этот капитальной важности вопрос новейшие события оставляют — пока — без ответа. Косвенный ответ заключается лишь в том общем впечатлении, которое эти события производят в самой России. По идущим оттуда сведениям никто в настоящую минуту не может считать вне опасности не только свою свободу, но даже и жизнь. Ибо тот штамп, которым власти клеймят общее понятие «врага народа», настолько широк и неопределенен, что под него может подойти любой советский деятель. «Троцкист», «контр-революционер», «шпион» — в России теперь есть всякий человек, неугодный Сталину. Можно даже заставить его открыто признаться во всем, в чем угодно, методами, пока еще не совсем ясными, но во всяком случае весьма действительными. Для людей, не желающих пройти длинную галлерею «мистерий», приводящих к таким добровольным признаниям, остается один метод: метод Гамарника. И список политических самоубийц — по требованиям власти, или не ожидая этого требования (вспомним турецкий шнур или нероновский приказ) с каждым этапом преследований пополняется новыми крупными именами лиц, знакомых с внутренней кухней Кремля.

П. Милюков.

Пост-скриптум.

Статья эта была набрана, когда последующие сообщения из России развернули перед нами совершенно исключительную и глубоко трагическую картину того, что там происходит в связи с однодневным судом над восемью главными руководителями красной армии и их немедленным расстрелом. Отдельные черты этой мрачной картины далеко еще не закреплены; толков и слухов по этому поводу ходит очень много и самых разнообразных. Но одно уже ясно: здесь сдвинут с места какой-то краеугольный камень, который грозит повлечь за собой опасный крен всего советского здания. В какую сторону? Определить это пока совершенно невозможно. Попытаемся установить лишь кое- какие вехи.

Не может быть спора, конечно, что трафаретная формулировка обвинения — с последовавшим якобы «сознанием» подсудимых — насквозь фальшива и ничего об'яснить не может. Казненные генералы, конечно, не были изменниками и предателями родины, не были «агентами Германии и Японии», не собирались делить Россию и продавать военные секреты. Нельзя считать их и исполнителями планов каких то неведомых «крупных помещиков и капиталистов». Если кем - либо был нанесен тяжелый удар обороне России, то это сделано именно Сталиным в результате его погромной тактики. Живя за-границей, мы не можем не видеть, как вслед за первыми минутами недоумения по поводу скороспелой расправы с людьми, еще накануне стоявшими во главе военного дела, возобладало чувство глубокого разочарования у друзей и нескрываемого злорадства и ликования у врагов России. Итак, говорили друзья, военная мощь России есть фикция, положиться на ее вождей нельзя, и расчет на нее должен быть скинут со счетов международной дипломатии? Итак, говорили противники, наступило время вернуться к завоевательным планам за счет России, к проектам ее нового раздела за ширмой разных сепаратистских «правительств», пригреваемых в ожидании благоприятного момента? Да и что значит обвинение в тайных сношениях с Германией, спрашивали себя люди, знакомые с дипломатическими секретами, когда открыто, почти оффициально из Москвы шли намеки на возможность перемены международной ориентации СССР, если друзья и союзники будут продолжать свою колеблющуюся политику? Все уверения казенной советской печати, что теперь-то сила красной армии как раз возрастает и станет непобедимой, что Сталин именно на армию готовится перенести всю опору режима после разгрома партии и ГПУ — вся эта жалкая болтовня есть удары по воздуху. Они не в состоянии перевесить ущерба, нанесенного Сталиным русскому престижу. Здесь спрашивают себя: если все так прогнило, если лучшие из спецов оказываются «вредителями» если, наконец, как свидетельствует корреспонденция Юста из Москвы, оппозиция теперь везде и нигде, — «повсеместна и неуловима», — а в то же время, прибавим от себя, бессильна и не организована, — то чего-же можно ожидать от нового варианта «колосса на глиняных ногах»? Резня без конца, хаос, анархия в перспективе, появление авантюрных вождей, расчленение в последнем счете? Быть может, положение не так еще плохо; но несомненно, что расстрел военных вождей — и то, что за этим еще может последовать, выдергивает из советской постройки крепкий стержень, на

котором эта быстро ветшающая постройка еще могла бы держаться. Радоваться всему этому мы не можем. Не можем и осуждать тех, кто ищет немедленного выхода из невыносимого положения. Ворошилов, а за ним и советские газеты начинают говорить: тут была не просто измена, а форменный заговор. Если в самом деле оппозиция «везде и нигде», то заговор — этот или другой, — значит, имеет корни, которые выкорчевать никакая «чистка» не сможет. Кого же, в конце концов, в России больше — «заговорщиков» или тех, против кого заговор направлен?

Вот роковые вопросы, которые ставит теперь русская жизнь. Ответить на них мы не можем; но поставить их необходимо. Темп событий в России явно ускорен. Так бывает всегда при завершении цикла. Ни декретировать событий, ни предсказывать их, ни пытаться оказывать на них влияние нам отсюда невозможно. Но политическая мысль идет впереди событий. Что будет, мы не знаем. Но мы знаем, что **д о л ж н о** быть, чтобы в результате кризиса Россия вышла на прямую дорогу. Об этом говорит все наше направление.

П. Милюков.

А. П. МАРКОВ

В тупике

Есть у А. Франса в его «Острове пингвинов» замечательная фраза, относящаяся к одному из героев: «Если бы он служил в каком-нибудь частном учреждении, это было бы тотчас замечено, но гораздо труднее обнаружить безумие или бред в управлении государственными делами».

Сталина отнюдь нельзя считать безумным человеком и впавшим в бред. Но тем не менее его деяния полны безумия, даже если их рассматривать с точки зрения его собственных интересов, как главы диктаторствующей партии, марксиста и автора «самой замечательной конституции».

Сталин не понял, что даже в условиях сталинского режима конституция создает великий соблазн и порождает у граждан вреднейшие мысли. Эти мысли уже замечены сталинской прессой, которая бессильна их упразднить и основательность их опровергнуть. В конституции коммунистическая партия именуется «передовым отрядом». В общественной жизни, разумеется, могут быть граждане разного качества и их общественная роль далеко неравноценна. Одни ведут, другие помогают вести, третьи идут за ведущими. Но в условиях настоящей демократии ведомые должны идти не как стадо, а в полном сознании, что ведущие могут, должны и заслужили право быть впереди. Одним словом, чтобы быть в передовом отряде, надо на это иметь право, заслужить это право в глазах граждан. Сталинская же конституция, снабжая граждан всей полнотой прав, приказывает: нас, комунистов, вы, граждане, должны считать передовым отрядом. Среди многомиллионного населения страны небольшая кучка, не доходящая и до 3 процентов по отношению к взрослому населению, снабжается исключительными правами. Иначе говоря, в сталинской «самой демократической» конституции устанавливается сословное начало. Совершенно неважно, что об этом в конституции не говорится прямо и ясно. Но таков ее смысл. И первый вопрос, который неизбежно возникает в голове у советского гражданина, это такой: «как совместить равенство прав граждан и признание небольшой кучки коммунистов передовым отрядом»?

Разумеется, гражданам раз'яснили и раз'ясняют, что только благодаря коммунистической партии построен в СССР социализм, Но довод этот неубедителен. Кому-кому, а советским гражданам отлично известно, что представляет собой социализм. Зная этот социализм, граждане весьма не прочь из'ять это социалистическое строительство из рук «передового отряда» и самим заняться устроением государственных дел. Но из Москвы говорят: нет, социалистическим строительством должны заведывать коммунисты.

Итак, коммунисты, избранные среди прочих, лучшие, умнейшие, честнейшие... Если бы это было так, то с их особыми правами можно было бы как то примириться. Но никто иной, как Сталин, во всеуслышание говорит совсем другое: коммунисты — это скопление людей, которым не верит даже он, глава коммунистов.

О чистках партии мы все знаем. В 1921 г. при чистке партии выгнали 175 тысяч чел., более 30% коммунистов, в 1929 г. — 300 тыс. коммунистов. Между этими двумя чистками контрольные комиссии исключили 260 тысяч членов партии. **Выходит, что до 1929 г. было выгнано 735 тысяч «строителей социализма».** Каков был в этот период численный состав партии? В 1921 г. партийцев насчитывалось 732 тыс., в 1930 г. 1,2 миллиона чел. Спрашивается, кого же было больше в партии — идеологически чуждых или идеологически приемлемых и кто строил этот самый социализм — настоящие ли коммунисты или бандиты?

Но в дальнейшем, как мы знаем, после периодических чисток, пошли чистки, получившие постоянный характер. Началось это с 1933-34 г.г., когда была предпринята третья «генеральная» чистка. В этой чистке из партии выгоняли не только «идеологически» чуждых. Чистка эта замечательна была тем, что среди вычищенных было установлено наличие определенно преступных элементов, как то: бандитов, вредителей, шпионов, диверсантов и т. д... Таким образом, предшествующие чистки не принесли никакой пользы и привели к росту в партии таких строителей социализма, которым место на

скамье подсудимых. Долго чистили в порядке «третьей генеральной». Потом стали опять чистить не в «генеральном» порядке, а в порядке проверки и обмена документов.

История чисток таким образом характерна прежде всего тем, что **чистки эти обнаружили нарождение в партии многоразличия в формах политической развращенности коммунистов. Характерна она также тем, что разложение партии стало настолько устойчивым, что от периодических чисток пришлось перейти к постоянным.**

Но в дальнейшем чистка приняла совершенно иной характер, еще более скандальный для «передового отряда». Раньше производили чистку верхушки партии, всякого рода партийные вожди республиканского, областного и районного масштабов. **Это были чистки сверху.** Чистили, чистили и ничего хорошего не вышло. Тогда добрались до тех, кто чистил. Стали чистить их. И вот тут то и оказалось, что куда ни глянь — везде сидят и управляют вредители. Последние были найдены на следующих фронтах: хозяйственном, философском, литературном, историческом, педагогическом, художественном и в самое последнее время — на военном... Вредителей отыскали на самых верхушках советского управления, вредителем оказался сам глава чеки — Ягода, с 1920 г. расстреливавший всякого рода вредителей. Вредители — не рядовые коммунисты, это передовые из передовых, это самые главные строители социализма. Вредителей таких, судя по советским сообщениям оказалось так много, они так крепко засели и так долго сидели на своих местах, что естественно и неизбежно возникает вопрос: если вредители сидели и вредительствовали на всех важнейших фронтах, то что же такое сталинский социализм — создали ли его вредители или Сталин? Что представляет вся сталинская система, если она привела к господству вредителей?

Размышлениям на этот счет советского гражданина сам Сталин подводит итоги своим выступлением на последнем пленуме ЦК партии (февраль с. г.) Смысл резолюции этого пленума (от 27 февраля с. г.) следующий: головка партии признала, что перед страной, которая должна избрать депутатов в Верховный совет, партию в существующем виде выпустить никак нельзя, ибо она разложилась и осрамилась в глазах населения; головка партии дальше признала, что надо начать новую чистку — **на этот раз снизу**. Началась кампания, по своему смыслу и задачам противоположная прежним — в порядке «самокритики» начали чистить тех, кто раньше управлял чисткой. Но новая чистка сразу же стала на путь «извращения».

Эта чистка снизу, может быть, значительнее и выразительнее прежних чисток. Она свидетельствует об убеждении головки партии, что развращен самый верхний слой, слой партийных сатрапов. Но она также обнаруживает, что рядовая коммунистическая толпа неспособна к созданию начал «демократического централизма» в партийной жизни. Даже в пределах собственной партии «передовой отряд» неспособен установить сколько либо здоровых начал. Как же этот «передовой отряд» поведет за собой страну? Наиболее яркое отражение этой чистки снизу мы находим в Донбассе. Что там случилось? Поощряемая сверху, партийная толпа и беспартийный актив занялись не оздоровлением партийной жизни, а прежде всего личными счетами. Началась настоящая вакханалия — инженеры и техники толпами бежали с предприятий, на них посыпалось обвинение во вредительстве; демагоги, которых Сталин в изобилии накопил и воспитал, распоясались.... В Москве поняли, что и чистка снизу не дает здоровых результатов. Доказательство налицо: Донбасс стал разваливаться, добыча угля упала, прогулы возросли, дисциплина расшаталась. Если сравнить добычу угля в Донбассе в нынешнем году с прошлым, то получается совершенно катастрофическая картина: в прошлом году в апреле месяце только в редкие дни добыча (в сутки) спускалась к 200 тыс. тонн. В этом году, наоборот, она в исключительных случаях доходит до 200 тыс. тонн, хотя план на этот год выше прошлогоднего.

В Москве засуетились: издали приказ об обуздании «самокритики», а прокуратура СССР приказала пересмотреть все дела о вредителях, начиная с 1934 года. Выходит, следовательно, что в Москве признали, что многие люди посажены в тюрьмы зря, что лица, признанные «вредителями», являются не вредителями, а настоящие вредители те, кто судил, сажал по тюрьмам. Но кто же в конце концов вредитель и кто не вредитель? Где корни развала, этого гниения, которым охвачен весь партийный организм?

Причина его создана самим сталинским режимом. Дело не только в разложении партийцев, а в том, что режим неизбежно порождает разложение. И никогда за весь советский период это не было столь ясно, как теперь. Что хочет и что нужно Сталину? Ему нужен штампованный, стандартизованный, сошедший с конвейера, партиец. Иного партийца сейчас не надо. И он не может существовать. И в то же время этот механизированный партиец должен строить социализм и вести за собой страну.

Сталин в корне убивает всякое творчество, всякую инициативу, всякое проявление умственной самостоятельности. Сталин борется как будто бы с подхалимажем, но при нынешних условиях в партии может удержаться прежде всего подхалим и лгун, тот самый лгун, которого не так давно обличал Молотов в длинной статье, перепечатанной почти во всех советских газетах.

Сейчас весь марксизм во всех его проявлениях, во всех направлениях свелся к сталинизму, для того, чтобы... окончательно умереть. Сталину успешно удается именно убить марксизм. Это, разумеется, не плохое дело.

Марксисты в СССР философствовали и создавали марксистские философские теории, пытаясь подвести под сталинский марксизм идеологический фундамент. Теперь все прежнее философское построение признано вредительским. В Москве ищут новых философов-марксистов — для создания прикремлевской философии. «Правда» и «Известия» разносят философские журналы, но никто не рискнет сделаться сталинским придворным философом. И как им сделаться? Сегодня угодил, а завтра? Завтра могут тебя признать вредителем.

Создавали и другой фундамент для сталинского социализма — социалистическое право. Но в последнее время пришли к выводу, что основоположники учения о советском праве — вредители. Пашуканис с высот марксистской правовой науки и с кресла академика ринулся в чеку. В прошлом году его прославляли, в этом году прокляли и Пашуканиса и всю его школу и всех его последователей. А где взять новых правоведов и кто создаст новое сталинское право?

Сколько лет поклонялись Покровскому, основоположнику марксистской истории. Но теперь прокляли и Покровского, а его школу и его учеников зачислили в ряды вредителей. Кто будет новым придворным историком и какова будет эта новая история?

Прорыв, далее, установлен на педагогическом фронте. В течение скольких лет в школах орудовали педагоги, действовавшие под знаменем марксизма и выпускавшие «труды» при содействии и поощрении комиссариата просвещения. Педология признавалась, как наука, основанная на марксизме. Одним махом педологи - марксисты были отрешены от марксизма и вся марксистско - педологическая чепуха в качестве таковой и была признана в Кремле. Но дело не в этом. Признать педологию чепухой было бы совсем не так трудно. Но как создать новую педагогику? Педагоги клянутся, что марксизм-ленинизм-сталинизм дает исчерпывающие указания насчет создания педагогической науки. «Известия» и «Правда» резонно ставят им вопрос: если вы клянетесь в вашей верности марксизму - сталинизму, то почему же вы не создадите настоящей марксистской педагогики? По той простой причине, что педагогика, основанная на марксизме, — совершеннейшая ерунда. Все это знают и понимают и ждут такого смельчака или дурака, который дал бы нечто такое, что не было бы похоже ни на труды педологов, ни на Маркса, а на Маркса особой породы — сталинскаго Маркса, которого Сталин перекрашивает так, как ему нужно для данного момента.

Если обратиться к литературному фронту, то там тоже неразбериха, путаница и вредительство. Вредителей выставили. Отлично. Но что должны делать те, кому вредительство не пришито. С одной стороны, от писателей требуют воспевания социалистического энтузиазма, с другой, от них требуют «социалистического реализма». Что это за реализм? В «Известиях» выяснилось, что тот слащавый советский герой, который неизменно фигурирует в произведениях огромного большинства авторов, уже надоел. «Герой» этот приобрел какие то предустановленные качества. Писателям говорят: дайте нам «живой» образ строителя социализма. Конечно, писатели могли бы его дать. Но что это будет за образ? И что последует, если «образ» не совпадет с «линией». Писатель поставлен в условия, при которых его творчество не столько должно соответствовать требованиям «социалистического реализма», сколько очередному изгибу «линии». Вредителей из писательской среды выкинули и разоблачили. Но ведь для самих разоблачавших ясно, что разоблачая, они достигли наивысшей ступени подхалимства, ибо действовали не по совести и убеждениям, а по причинам просто шкурного порядка. Иначе в сталинских условиях действовать без риска нельзя. Ликвидация вредительства среди писателей является ударом по советской литературе, которая должна быть подхалимствующей и придворной.

Можно было бы умножить те фронты, где марксизм совершенно обанкротился. Я утверждаю, что обанкротился не только сталинский марксизм, но обанкротилась вообще марксистская теория, как мировоззрение, как фундамент политической и социальной мудрости. Марксизм не только надоел. Нет, он опустошал в течение стольких лет человеческие головы, вырывал в корне свободу мышления, заполняя сознание готовыми и абсолютными формулами.

По советским данным за период сов. власти в СССР было издано более 80 миллионов книг Ленина и около 9-10 миллионов книг Пушкина. Ленин неподвижно стоит на полках вместе с Марксом и Сталиным, а Пушкина страна читает и на Пушкине учится. Это — великий символ, это победа свободного мышления и свободы над мертвящим марксизмом.

Воскресит ли Сталин марксизм-ленинизм-сталинизм?

Никакой надежды для этого нет. Марксизм исчерпан до дна. Сейчас он столкнулся с религией и, совершенно ясно, что выдержать борьбы с религией не в состоянии. Марксизм питался классовой борьбой. Но классовые враги уничтожены и их поставщиком является коммунистическая партия.

Марксизм брал силы в идее диктатуры пролетариата, но сейчас советский пролетариат противостоит советской власти и коммунистической пар-

тии. Сталинский марксизм уперся в тупик. Дело сложилось так, что Сталин должен быть и философом, и историком, и педагогом, и хозяйственником, и литератором, и художником, и архитектором...

Безудержная расправа с инако мыслящими — яркое и бесспорное доказательство зашедшей в тупик диктатуры. Диктатор в бешенстве, но в его руках остается только расправа с инакомыслящими. Страна подошла к возрождению, и Сталин безнадежно подпирает треснувшее и разваливающееся построенное им «социалистическое» общество.

А. Марков.

А. Н. ЛАЗАРЕНКО

Федерации и автономии в конституциях XX века

I.

В русской общественности лишь демократические круги последовательно проводят в своих воззрениях на государственное устройство России начало широкой самостоятельности отдельных областей и народов России. Первое серьезное, имевшее реальную политическую основу, обсуждение вопроса об автономии относится к первой революции. В 1905 г., в программе первых, открыто тогда появившихся политических партий появилось резкое расхождение между конституционно - демократической партией и левее ее стоящими, с одной стороны, и партией «октябристов» и всем правым флангом, с другой стороны. Партия народной свободы отстаивала принцип широкого местного самоуправления, а для Польши и автономное ее устройство; правые же стояли на начале строгого унитаризма и централизма. Вновь русская общественность (но уже только левая, ибо правая была «в нетях») вернулась к обсуждению вопросов о формах государственного устройства в 1917 г., когда начал уже обсуждаться и вопрос о федерации. И в эмиграции демократические круги остались верны старым заветам. РДО свою политическую платформу начинает провозглашением, что будущая Россия Об'единением мыслится, как «демократическая федеративная республика» (ст. 1). Федеральное устройство России усвоила и платформа совещания 1922 г., на котором участвовали: р-д, группа партии народной свободы, правое крыло партии социалистов-революционеров, социал-демократы, народные социалисты. Спустя 12 лет в проектах платформы партии с-р, опубликованных в органе парижской организации партии «Свобода», декларируется: «установление, расширение, укрепление автономных прав народов России», «расширение и укрепление федеративных связей между отдельными территориями России». Чрезвычайно характерна эта лапидарность всех платформ при установлении одного из коренных политических вопросов бытия России. Происходит это потому, что «для русских политических групп, как говорит П. Н. Милюков в своем известном комментарии «Три платформы республиканско-демократических об'единений», весь вопрос о федерации нов и далеко не выяснен по существу. Русская федерация, стала возможной только после революции. События, которые произошли со времени революции, еще продолжают развиваться, федеративное начало еще не вполне оформилось».

Задача настоящей статьи разобраться в вопросах: что в науке права и в культурных государствах разумеется под федерацией и автономией, в чем между ними разница, насколько важна и серьезна эта разница в практической жизни, какова эволюция федерализма в первой трети XX века.

II.

Автономия и федерация, согласно теории права, суть видовые понятия более общего широкого понятия, т. с., родового понятия — «политическая децентрализация». Под последней же подразумевается предоставление для известной территории самостоятельного устройства и **самоправления.** Существенною частью самоправления (и тем оно отличается от самоуправления) является самостоятельная законодательная деятельность, что вызывает образование законодательной, представительной палаты. Автономией или федерацией политическая децентрализация становится в зависимости от того, каким юридическим актом она устанавливается: законодательным или конституционным. В первом случае сохранение ее обязательно впредь до отмены новым законом. Территория, устроенная и управляемая по этому особому закону именуется автономной. Во втором случае соблюдение политической децентрализации обязательно для верховной государственной власти впредь до изменения конституции. Установление политической децентрализации конституцией создает федеративное (союзное) государство (см. Тарановский. Энциклопедия права стр. 352 и сл.).

В историческом развитии форм государства федерация всего чаще возникает путем соединения уже существовавших государств. В федерации, поэтому, политическая децентрализация осуществляется по собственному праву. Установление же компетенции союзной государственной власти производится по соглашению членов союзного государства. В автономиях же политическая децентрализация создается по уполномочию и в пределах полномочий, предоставленных законодательным актом центральной государственной власти. Юридически, в автономиях право на самое их существование производное, а не самостоятельное. Таким образом,с точки зрения науки права, различие между автономией и федерацией чисто формальное.

Жизненным подходом к выяснению реальной сущности автономии и федерации является изучение компетенции, об'ема ведомства, которым обладает

политически децентрализованная территория, независимо от того, какое название она носит. Очень характерный пример в этом отношении представляла Финляндия, пока она входила в состав Российского государства. Большинство государствоведов отказывалось признать федеративную связь ее с Российской империей и склонялось, вслед за Еллинеком к признанию ее «государственным фрагментом». Между тем, Финляндия, во всяком случае до Столыпинских покушений на ее государственную жизнь, на основании актов шведского государственного права — формы правления 1772 г„ и акта единения и безопасности 1789 г. — обладала большей законодательной и административной самостоятельностью, чем королевства и герцогства, входившие в союзное государство — Германскую империю.

Точно также и «автономные доминионы» «Британского Сообщества наций» или иначе «Британской империи» были неизмеримо самостоятельнее всех этих Саксоний, Вюртенбергов, Гессенов и т. д., существование которых, в виде государств - членов Германской империи, поддерживалось ради удовлетворения династических претензий многочисленных княжеских домов. На наших глазах английские доминионы — все еще именуемые лишь автономными (даже в решениях Бальфуровской имперской конференции 1926 г. о взаимоотношениях их с Великобританией) достигли почти полной самостоятельности, что характерно выражается в предоставлении им и дипломатического представительства и права участия в Лиге Наций. Лишь в так наз. Вестминстерском статуте 1930 г., согласно которому законы Великобритании могут действовать в доминионах лишь с их согласия и, при конфликтах законов первенство имеет закон доминионов, они потеряли предикат «автономные». Ныне формально, связь «сообщества наций» — в лице «символа единства» — короля. В действительности связь идет по линии правительственной власти (имперские конференции), а еще больше выражается в бесчисленных культурных и экономических отношениях.

III.

XX столетие привнесло в проблему федерации глубокие изменения. После всемирной войны и пронесшихся революций началось переустройство Европы. И в государствах, принявших федеративное начало, оно, прежде всего, теряет прежний смысл исторической традиции, значение политического принципа, выражение национальных традиций. Происходит, по выражению проф. Миркина-Гецевича, «рационализация федеративного режима»: федерация организуется на принципе социальном.

В конституции Германской республики 11 авг. 1919 г. твердо устанавливается, что деление державы (рейха) на земли должно иметь целью наивысшее использование хозяйственных и культурных сил народа и, по возможности, сообразоваться с волею населения (п. 18). Компетенция членов Германской федерации, и ранее не обширная, новой конституцией (ст. 6-13) еще сократилась. Унитаристические тенденции в устройстве Германской республики выразились вполне отчетливо.

То же произошло и при составлении пореволюционной Австрийской конституции 1 октября 1920 г. Этой конституцией единое до революции государство было превращено в федеративное, но с такою укороченной компетенцией членов федерации, что государствоведы - теоретики классического федерализма считали австрийскую республику унитарным государством.

Те же принципы в отношении политической децентрализации, воплощенные в очень оригинальную форму, проводит самая новая демократическая конституция — испанская 9 декабря 1931 года. Она провозглашает Испанию единым государством, совмещающим, однако, ограниченную областную автономию. Автономия может быть установлена парламентским актом, если население известной области, имеющей исторические, духовные и экономические отличия, по предложению большинства муниципальных советов общин, представляющих 2/3 избирателей области, **на плебисците** большинством 2/3 голосов выскажется за установление автономного статута (ст. 11 и 12). Этим постановлением о плебисците конституция хотела подчеркнуть, что областнические тенденции должны подчиняться демократическому принципу. Федеральных связей автономных областей конституция не допускает ни в каком случае (ст. 13). Установляя все эти ограничения, испанское Учредительное Собрание стремилось «не подрывать единства национального, а также экономической и социальной мощи государства».

Очень знаменательно, что чехословацкая конституция 24 февраля 1920 года — несомненно, одно из лучших произведений юридической мысли — построила свою страну на строго унитарном принципе, хотя, как показывает уже самое название республики, она включает два почти равночисленных народа, имевших в истории свои независимые государства. Кроме того, конституция (§ 7) уничтожила существовавшие областные законодательные палаты (ландтаги) в Богемии, Моравии, Силезии. Эпически просто об'ясняет известный чешский юрист Юрий Гежзель в статье, написанной в 1920 г., причины этого решения: «наше небольшое государство не выдержало бы дальнейшего продолжения законодательной деятельности различных сеймов». Спустя 16 лет, один из творцов конституции, президент Э. Бенеш, в речи о чешско - немецких отношениях, произнесенной летом 1936 г. в Райхенберге, высказавшись за «разумную децентрализацию», связанную с административным и хозяйственным самоуправлением, категорически отверг такие готовые формулы для решения национального вопроса, как автономия и федерация. Исключение в Чехословакии сделано для Прикарпатской Руси — области, как

говорит конституция, «добровольно присоединившейся к Чехословакии». Этой области, в силу Сен-Жерменского мирного договора, предоставлена областная автономия, совместимая с единством Чехословацкой республики» (§ 3). Однако, доныне сейм Прикарпатской Руси еще не собирался.

Для самого восстановления Польши, как независимого государства, идеологическим основанием послужил принцип самоопределения народов. Морально оправдано поэтому требование о применении этого начала и во внутреннем устройстве нового, далекого от национального монолита, государства. По оффициальным польским данным (Статистический Ежемесячник, 1922 года № 5) и через год после опубликования первой конституции (17 марта 1921 г.) в Польше поляков было лишь 69%, а 31% — «иных». Однако, ряд областей к востоку от Сана оказывается так густо и сплошь населен этими «иными» («русинами»), что по той же статистике в Тарнопольском воеводстве их 56%, в Станиславском — 84%, в Полесье — 78%, на Волыни — 85%. Среди шести проэктов, представленных «уставодачному» сейму, был проэкт проф. Бузека, предложившего федеративное устройство Польши. Однако, сейм создал унитарное государство, отвергнув домогательство Галиции об автономии и допустив лишь скромное самоуправление воеводств и поветов (конституция 17 марта 1921 г.). Само собою, что на началах унитаризма и централизма построена новая конституция Польши 23 апреля 1935 года, провозглашающая, что единая и неделимая государственная власть сосредоточивается в лице президента республики, на котором лежит ответственность перед Богом и историей за судьбы государства.

В Югославии, в ее, до 3 октября 1930 г., именовании Королевством сербов, хорватов и словенцев весьма выразительно подчеркивалось значение, и в государственной структуре, основных ее народностей. Тем не менее конституция 28 июня 1921 года, выработанная «Уставнотворною скупщиною» создала новое государство унитарным и централизованным. Составители ее стояли за полный разрыв с историзмом, областничеством и племенными тяготениями. А новая конституция, октроированная 3 сентября 1931 г., с особою силою подчеркивает основное начало ее: единство и государственную целостность.

Основной закон Союза советских социалистических республик 1924 года, как и «Сталинская» конституция 1936 г., в еще большей мере псевдофедеративен, чем были псевдо - конституционны Основные законы 23 апреля 1906 г.

Компетенция Союза, по действующей конституции почти всеоб'емлюща, охватывая всю экономику и финансы. Ведомство союзных республик, независимое от комиссариатов СССР, ограничивается делами внутренними, юстицией и местной культуры. Однако, «республики» лишены того, что имело даже наше губернское земство, — собственного бюджета. Проект 1936 г., ныне ставший законом, еще суживает эту скромную компетенцию, отнеся и юстицию и внутренние дела под начало союзно-республиканских комиссаров и оставив в исключительном управлении союзных республик лишь дела просвещения, местной промышленности, коммунального хозяйства и социального обеспечения, на основах, установленных СССР. Советский государствовед проф. Г. С. Гурвич по поводу конституции 1924 г. отмечал, словами Ленина, что одна из самых значительных черт советской федерации — ее способность быть «переходной формой к полному единству трудящихся разных наций». «Полное же единство» можно понимать, как «единую», централистическую республику. Эта черта в конституции 1936 года получает, как видим, дальнейшее и весьма значительное выражение.

Пресловутое право свободного выхода каждой из республик из Союза (ст. 4 прежней конст. и ст. 17 новой) вводит в заблуждение даже западных ученых. Между тем, сами советские государствоведы (напр. проф. Д. А. Магеровский) признают, что это есть лишь декларация. А проф. Гурвич указывает, что свобода национальностей обеспечивается не федерацией, а «пролетарским существом советского государства, опровергая предрассудок, будто федеративная республика означает непременно больше свободы, чем централизация». Несомненно, что такой важный шаг, как выход из Союза мог быть решен только верховным органом союзной республики — с'ездом советов. Но декреты, постановления и распоряжения с'езда советов союзных республик могли быть отменяемы ЦИК-ом СССР (ст. 20). Следовательно «выход» и прежде мог быть не по свободной воле, а лишь с разрешения ЦИК СССР. Конституция 1936 г. делает и в вопросе о выходе дальнейший шаг по пути укрепления единства. Все союзные республики поименованы (ст. 13), территории их установлены и области, в них входящие точно перечислены (ст. 22-23), определено не только устройство высших органов республик (ст. 79-93), но и местных (ст. 94-101). Наконец, предписывается, что конституция союзной республики должна быть построена в полном соответствии с конституцией СССР (ст. 16). Завершается текст конституции постановлением, что за изменение конституции должно высказаться не менее 2/3голосов каждой из палат Верховного Совета СССР (ст. 146). И так как «свободный» выход каждой из союзных республик в корне меняет всю конституцию СССР, то для такого ее изменения, для «выхода» нужно квалифицированное большинство союзного парламента. Столь привлекающий на Западе «свободный» выход — только декларация, если не блеф.

IV.

Послевоенные конституции создавались под сильнейшим влиянием идеи национального самоопределения народов. Эта идея не нашла, однако, как

мы только что видели, заметного выражения во внутреннем устройстве государств. Международное положение вновь строившихся и перестраивавшихся стран в незамиренном после войны мире и реальное соотношение сил внутри стран были таковы, что обеспечить государству крепость, порядок и благосостояние было возможно или путем отказа от федерализма, или путем сведения его к весьма скромным размерам. Да и самое понятие федерализма, как указывалось уже выше, приобретает совсем иной смысл.

Наступившая вскоре во многих странах эпоха авторитарных режимов и диктатур совершенно уничтожила федерации и автономии. «Фюрер» и «канцлер» Гитлер, также как и канцлер Дольфус, едва пришли к власти, как прикончили в Германіи и Австріи, вместе с демократией, и федерацию. Нельзя здесь не вспомнить характерный факт, что в опубликованных перед походом Муссолини на Рим «пунктах» второй из них гласил: «восстановление итальянской республики; децентрализация правительственной власти; автономия областей». Этот обет дуче, как и мн. другие, оставил без исполнения.

Первое заключение, которое мы должны сделать из всего сказанного — что вопрос о федерации и автономии неразрывно связан с демократией. Ею только он и ставится. И это потому, что положительное решение этой проблемы — проведение в государственном устройстве федерального начала, как говорит П. Н. Милюков, и ведет к осуществлению демократических принципов. Второе заключение — федерация возможна только лишь в великой державе. «Небольшому государству», воспользуюсь словами Гензеля, «не выдержать федерации». Для послевоенной Европы типичны небольшие государства. Но двадцать послевоенных лет с особой убедительностью подтвердили, что не только в военном, но и в экономическом отношении крупные государства имеют весьма значительные преимущества, перед малыми. В этом, быть может, главная причина создания суррогатов вликих держав: Балканское соглашение, Малая Антанта, Римское соглашение (Италия, Венгрия, Автрия) и др.

И те национальности и области России, которые будут претендовать в будущем устройстве Российского государства на политическую децентрализацию, не заносясь патриотизмом собственной колокольни, должны, в заботах об устройстве родных краев, помнить также об общем отечестве — России, об укреплении ее политической, экономической и социальной мощи. Ибо в силе России — и лишь **России демократической** — залог и самого существования и преуспеяния ее будущих федеративных и автономных частей.

А. Лазаренко.

М. Н. АБАЦИЕВ

Идея солидарности народов Кавказа

Национальное государство, как и семья, является естественной формой организации человечества, однако принцип национального государства в истории редко осуществлялся. Вся история человечества — это борьба одних народов за преобладание над другими народами. Последняя война и победа великих демократий под лозунгами свободы, равенства и самоопределения народа ничего не изменили: мир попрежнему разделен на 1) 5-6 властвующих народов и 2) сотни подвластных и зависимых народов. Не успев еще залечить старых ран, мир опять готовится к войне. Германия, Италия и Япония проводят непосильные вооружения, готовясь к новому переделу. Англия, Франция и Россия тратят фантастические суммы для сохранения своих империй. Правда, мы всюду встречаем такие выражения, как «национальное правительство», «национальная армия», «национальные интересы» и т. д., но идея национального государства никогда не была в таком пренебрежении, как сейчас, примером чего может служить хотя бы завоевание Абиссинии Италией или Нюренбергская речь Гитлера с̄ упоминанием об Урале, Сибири и Украине.

Какие же причины препятствуют торжеству национального идеала?

Мы знаем, что помимо национальной идеи мир волнуют проблемы расовые, религиозные, династические, социальные и экономические, однако все это было бы разрешимо и совместимо с идеей национального государства, если бы методы разрешения международных вопросов были бы более совершенны.

Человечество может похвалиться величайшими достижениями во многих областях своей деятельности, за исключением области международных отношений. Здесь, как и во времена пещерного человека, насилие является почти исключительным методом разрешения важнейших проблем.

В международных отношениях нет арбитра, и победитель может взять с побежденного все, что хочет. Он не только вознаграждает себя за прошлые обиды и потери, но старается обеспечить себя и на будущее, взыскивая долги, захватывая чужие земли, вводя унизительный для побежденного контроль и т. д. и тем готовя почву для новых столкновений. В таких случаях национальный вопрос не разрешается, а только переносится с одной стороны границы на другую. Народ, бывший в угнетении и ставший победителем, применяет к побежденному те же методы притеснения, против которых он сам еще недавно протестовал. После разгрома центральных империй в Европе образовался ряд государств

с нарушением принципа национального государства. Для примера можно взять Польшу. Будучи под властью России, поляки жаловались на угнетение, а попав в стан победителей, они захватили земли с чуждым населением и нарушают права меньшинства. На этом примере видно, как легко национализм превращается в империализм. Причина этой метаморфозы отнюдь не в качестве польского народа (все так действуют), а исключительно в стихийности исторического процесса, в отсутствии авторитетного арбитра, в насилии, как методе разрешения международных проблем. Часто войну идеализируют, как облагораживающее явление. Во время войны отдельные личности, исполняя свой долг перед обществом и государством, совершают благородные поступки и подвиги вплоть до самопожертвования, но в отношениях между народами война занимает такое же место, как самосуд в отношениях между личностями.

Международным самосудом нельзя служить ни миру, ни справедливости, и можно с уверенностью сказать, что пока война будет основным способом разрешения международных вопросов, мир не выйдет из заколдованного круга соперничества, противоречий и антагонизма.

Народы Кавказа не делают исключения из общего правила. Несмотря на это, многие кавказские политики выдвигают идею независимого Кавказа, основанную на солидарности его народов.

Желательность солидарности, будь то зависимый или независимый Кавказ, не требует доказательств. То, что этой солидарности не было, не может служить доказательством того, то ее не будет. Однако реальный политик должен беспристрастно изучить прошлое и установить причины, делавшие эту солидарность невозможной. Это сократит размах нашей фантазии и поставит нас на реальную почву.

Под солидарностью народов Кавказа надо понимать известную психологическую связь между ними или точнее: сознание общности интересов, проявленное в действиях. Какие - же интересы об'единяют народы Кавказа? Природа? Обычаи?

Природа действительно общая, но как раз она то мешает сближению между народами Кавказа, отделяя друг от друга непроходимыми горами и перевалами, покрытыми снегом 8 месяцев в году. В то время, как десятки народов на русской равнине (не исчезли, конечно, а) смешались с русскими славянами на протяжении 7-8 столетий, на Кавказе есть народцы в 5-10 тысяч человек, живущие тысячелетиями в природной изоляции и говорящие на своих языках.

Нравы и обычаи? Но разве они препятствовали возникновению войн на Кавказе? У испанцев тоже общие обычаи и природа.

Оглядываясь на прошлое, мы легко обнаружим причины, игравшие руководящую роль в отношениях между народами Кавказа. Это проблемы расовые, религиозные, территориальные, династические, социальные и экономические. Эти проблемы и определяли отношения между народами Кавказа как и всего мира. В истории Кавказа бывали временные союзы между теми или другими народами для достижения определенных целей, но солидарности между всеми народами Кавказа, как длительного явления, никогда не было. При завоевании Кавказа Россия широко пользовалась антагонизмом между народами Кавказа, в особенности вековой враждой между мусульманским Дагестаном и христианской Грузией. Это признается всеми. Но для большей убедительности я сошлюсь на мнение политиков, стоящих за независимый и солидарный Кавказ.

Проф. Михаил Церетелли пишет: «Племенные и религизоные различия кавказских народов препятствовали достаточно проявиться сознанию их солидарности и родства интересов. Вместо взаимной поддержки они часто вступали в братоубийственную борьбу». «Когда растерзанная Грузия в течение четырех веков (XIII - XVIII) боролась с Персией и Турцией, многие кавказские мусульмане были ей не союзниками, а врагами и, наоборот, в борьбе мусульман с Россией грузины были в русском лагере («Кавказ» № 2 февр. 1934).

Еще определеннее высказывается Шалва Карумидзе: «Основным нашим недугом и нашей слабостью был наш разброд и желание использовать чужеземную силу, в данном случае Север (Россию **М. А.**) в наших междусоседских кавказских отношениях. Мы не могли создать не только общекавказского об'единения для борьбы за единый независимый Кавказ, но даже самой идеи этой борьбы» («Кавказ» № 8-32, август 1936).

Но если солидарности между народами Кавказа не было до завоевания его Россией, то, значит, идея этой солидарности могла зародиться только в последующий период. Мы сейчас проследим, почему это стало возможным.

Проникновение России на Кавказ началось с Иоанна Грозного, женатого на кабардинской княжне и поддерживавшего кабардинцев против других горцев.

Затем Грузия была вынуждена искать покровительства и защиты у русских царей против Персии и Турции. Следя за всеми попытками России вмешаться в кавказские дела, мы заметим постепенный рост ее аггрессивности. Сначала интриги (Иоанн Грозный), затем бессильное желание (Федор Иоаннович), затем безрезультатные походы (Петр I, Зубов) и, наконец, долгая, ожесточенная война и утверждение России на Кавказе. Обстановка для проникновения России на Кавказ была давно приготовлена, и многие неудачи ее на этом пути об'ясняются исключительно: 1) отдаленностью Кавказа, 2) недостатком технических средств и 3) внешними и внутренними осложнениями, отвлекавшими внима-

ние России от Кавказа. Покорение Кавказа закончилось в 1856 г. (плен Шамиля) и в 1864 г. (покорение черкесов), но действительное утверждение России на Кавказе началось в 1877 году.

Началась новая эпоха в жизни Кавказа. Это стало возможно по трем причинам: 1) уничтожение соперников — Персии и Турции, сведенных на степень третьестепенных держав, 2) технический прогресс XIX века, главным образом, железные дороги, пароходы и телеграф.

3) Универсализм XIX века, сделавший образование достоянием масс. Это обстоятельство позволило России дать образование широкому кругу кавказцев, которые и были проводниками русской культуры на Кавказе и живой связью между Кавказом и Россией.

Установив твердые границы и мир на Кавказе, Россия выделила его из общего русского управления и подчинила Наместнику Его Величества на Кавказе. Русские государственные деятели, поэты, писатели-, ученые, художники — всегда подчеркивали культурную обособленность Кавказа. Сами кавказцы, побывав в России, убеждались, что они понимают друг друга лучше, чем русских, что в отличие от русских, у них много общего в быту, нравах и обычаях.

Возникает вопрос, почему же быт, нравы и обычаи не об'единили нас, кавказцев, в эпоху нашей независимости.

Потому, что **тогда** наши отношения определялись преблемами международными: расовыми, религиозными, территориальными и т. д.

Теперь эти проблемы были из'яты из наших национальных юрисдикций и переданы в юрисдикцию общегосударственную. Не от нас зависело разрешение этих проблем, и война между нами стала бессмысленной и невозможной.

С другой стороны уничтожение междунациональных границ дало народам Кавказа возможность мирного общения. Появились общегосударственные учреждения, совместная служба в различных ведомствах, общий суд и административная иерархия с центральными учреждениями во главе, пути сообщения, общие деньги, свободная торговля и, наконец, общая школа и общий язык, т. е. Кавказ вошел в обший государственно - культурно - экономический оборот. Я умышленно не упомянул, что все эти учреждения были русскими, чтобы подчеркнуть в данном случае их об'ективную роль. Все они могли быть плохими или хорошими, но действовали они только в одном направлении: вовлекали народы Кавказа в одно государственное русло и тем пробуждали сознание общности наших интересов.

Хотели того русские или нет, нравилось это народам Кавказа или нет — эти учреждения действовали в указанном направлении при всех обстоятельствах, как об'ективный фактор

Конечно Россия не могла дать Кавказу больше того, что она сама имела. Примитивный военно-полицейский режим на Кавказе не вызывает двух мнений. Однако, справедливость требует отметить, что мы критиковали его, главным образом, на почве общего русского освободительного движения, к которому примыкала вся кавказская интеллигенция.

Освободительное движение закончилось революцией и попытками отделения Кавказа (вернее Закавказья) от России. Эволюция отношений между народами Закавказья представляет большой принципиальный интерес и ее можно проследить по книге проф. Авалова: «Независимость Грузии в международной политике».

Эволюция эта совершилась в 4 этапа.

1) «Озаком» — особый закавказский комитет — беспомощное создание Временного Правительства.

2) «Закавказский комиссариат», само название которого говорит, что а) психологическая связь с Россией не изжита, и б) имеется на лицо стремление сохранить общую государственность.

3) «Кавказская федеративная республика» — здесь связь с прежней Россией прерывается, вследствие большевистского переворота, но продолжает оставаться стремление сохранить общую государственность.

4) Независимые Грузия, Армения и Азербейджан — потеря общей государственности.

Через этот короткий период красной нитью проходит постепенное расхождение между народами Закавказья. Когда представители Грузии, Армении и Азербейджана под председательством Ванситтарта собрались в Сан-Ремо, чтобы окончательно сговориться, в этот момент они окончательно разошлись.

Причины этих расхождений очевидны: перед независимыми народами Закавказья вновь стали проблемы расовые, религиозные, экономические, территориальные и социальные, всегда приводившие к антагонизму.

С самого начала Азербейджан потянулся к единоверной Турции. Армения между Азербейджаном и Турцией почувствовала угрозу своему физическому существованию. Грузия по своему географическому положению, численности и напряженности политической жизни была в наилучшем положении и ей, конечно, не выгодно было связываться с обреченной Арменией.

Нельзя не отметить чрезвычайного значения для Закавказья Тифлиса и Батума. Армения имела выход к морю из Эривани через Тифлис и Батум. Азербайджанские жел. дороги и нефтепровод выходили тоже через Тифлис в Батум. Эти могучие экономические факторы ставили (и всегда поставят) Армению и Азербайджан (будь то Закавказская федерация или независимые народы) в неминуемую зависимость от Грузии. Были и другие жгучие проблемы: 1) захват и грузинизация южной Осетии, 2) захват Грузией Абхазии, 3) проблемы Бор-

чалинская, Закатальская и аджарская, а также щекотливая проблема армянского меньшинства и их имуществ в Тифлисе. Не будем пытаться разрешить эти больные и сложные вопросы. В данном случае важно установить, что проблемы эти были и что они никак не были разрешены.

Отсутствие арбитра, хотя бы и плохого, привело к тому, что общая государственность народов Закавказья, унаследованная от России, была принесена в жертву частным национальным интересам, а вновь возникший антагонизм лишний раз способствовал гибели независимости народов Закавказья, на этот раз под ударами красной армии.

Ни один из народов Кавказа не может отделиться от России без других народов. Для достижения этой цели между ними необходима солидарность. А прошлое нас учит, что солидарность народов Кавказа была несовместима с их независимостью. Перед независимым государством Кавказа всякий раз вставали и встанут эти роковые, расовые, религиозные, территориальные и другие проблемы, осложненные влиянием конкурирующих империализмов, и всегда приводившие их к антагонизму.

И в будущем всякая попытка основать независимость Кавказа на солидарности его народов, несмотря на всю привлекательность и кажущуюся простоту этой идеи, должна кончиться неудачей. Не потому, что народы Кавказа не хотят этого или не обладают необходимыми для этого качествами, а исключительно потому, что такова природа отношений между независимыми народами. Последние являются естественными антагонистами. Всякий кавказец, искренно стремящийся к независимому и солидарному Кавказу, должен переживать трагедию несовместимости этих начал.

В этом отношении характерна статья С. Кедия («Кавказ» № 1, Париж янв. 1934 г.), где он признает, что: «нашествия всегда застигали кавказские народы неспаянными чувствами взаимной солидарности, без всякого понимания общности их национальных интересов». Далее С. Кедия косвенно признает организующую роль русской государственности — «распад русской империи произошел раньше времени для народов Кавказа и в результате получился полный разброд ориентации. Одни ориентировались на абстрактные доктрины и на демагогов, другие на соседей с юга, а третьи опять на Россию. Это были три непримиримые воли, три миропонимания, три враждебных силы, которые раздирали между собой и взаимно натравливали друг на друга руководимые ими народы Кавказа».

Еще печальнее высказывается в том же номере «Кавказа» г. Джейхун-бей. Во время независимости народов Закавказья в 1918-1921 г.г. «Кавказские дипломаты» . . . «превратили свои территориальные требования к друг другу в форменные войны между собой». Говоря о кавказских эмигрантах, стремящихся сочетать независимость и солидарность народов Кавказа, г. Джейхун-бей приходит к печальному выводу. Ему «факты доказывают, что бумажных пактов можно заключить сколько угодно, но когда в душах нет подлинной веры, то слова не претворяются в действия, цена им грош. Для того, чтобы кавказские народы были в состоянии завоевать вновь и удержать навсегда свою свободную и независимую жизнь, нужен прежде всего **пакт духовный»**. Этими словами прошлое осуждено и г. Джейхун-бей должен начинать сначала, с азбуки. Но стоит ли? Хотя слова г. Джейхун-бея и подкупают своей искренностью и прямотой, но мы не можем разделить его пессимизма: «Нам незачем мечтать о духовном пакте». Оглядываясь на прошлое, нетрудно вспомнить время, когда мы не «превращали территориальные требования друг к другу в форменные войны», а, наоборот, мы мирно общались, беспрепятственно раз'езжая по Кавказу и далее — по всему необ'ятному государству. У нас была общая государственность. Мы совместно работали, служили, производили, торговали. Мы учились в одной школе, говорили на общем языке, проникались одними идеалами и сознанием общности наших интересов... Да это было время «духовного пакта», но, к сожалению, эта эпоха со временем независимости народов Кавказа не совпадает.

М. Абациев.

А. А. АЛЕКСАНДРОВ

Проблемы социального законодательства

Последний год был временем бурного роста социального законодательства. Всем памятны события во Франции, разыгравшиеся в июне минувшего года. Острый социальный конфликт, потрясший всю страну, получил свое разрешение в так называемом «матиньонском» соглашении, заключенном между представителями Генеральной Конфедерации Труда и Генеральной Конфедерации предпринимателей, которое установило ряд принципиальных положений социального права, впоследствии нашедших свое оформление и разработку в законодательных актах.

Франция не была единственным местом расцвета социального законодательства. Укажу на С. Ш. С., до последнего времени стоявшие особняком в отношении рабочего движения и законодательства. «Нью - Диль» Рузвельта начал новую эпоху в рабочем вопросе, посеял первые семена социального права, давшие обильные всходы на девственной, дотоле подчеркнуто - «индивидуалистической» американской почве. Борьба двух фигур символизирует столкновение двух начал, двух миров: Джон Льюис и Генри Форд — принципы социальный и индивидуалистический, нового порядка, построенного

на социальной солидарности и коллективной организации масс, при активной роли государства, и традиционного «капиталистического» понимания общественных отношений.

Я не задаюсь целью дать исчерпывающую картину социального законодательства последнего времени и затрону в своей статье только спорные стороны некоторых проблем (коллективные договоры, синдикальное право, институт заводских делегатов, примирение и арбитраж).

Ряд вопросов первостепенной важности я сознательно обойду молчанием: это те вопросы, где нет **принципиальной** новизны, а имеется лишь дальнейшее развитие давно принятых начал — такова, напр., проблема 40-часовой рабочей недели. Принцип **ограничения** времени установлен много лет назад. Формы и модальности его осуществления входят в компетенцию экономической науки, которая должна определить степень зрелости и подготовленности народно - хозяйственного организма для применения той или иной **меры** этого ограничения.

Начну с коллективных трудовых договоров, в которых, как в фокусе, пересекаются главнейшие проблемы социального законодательства.

Статья 31 кодекса труда (закон 1919 г.) гласит. «коллективные договоры заключаются профессиональным союзом рабочих или любым об'единением рабочих с отдельным предпринимателем или союзом предпринимателей и задача их регламентировать условия труда в данной отрасли промышленности».

Старый французский закон 1919 г. о коллективном договоре был построен на либеральном принципе добровольного участия сторон, он не носил обязательного характера и действие его было ограничено. Несогласный с коллективным договором член синдиката должен был в 8-ми дневный срок покинуть союз, заключивший коллективное соглашение. Коллективные договоры старого типа были слишком хрупкими, чтобы охватить всю сложную сеть трудовых отношений. Они во Франции не получили заметного распространения.

На иных началах построен недавний закон 20 июня 1936 года, который характеризует общий смысл происходящей эволюции и перестройки социально - экономической структуры. «Министр труда — читаем мы в тексте закона — по требованию рабочего или предпринимательского синдиката — наиболее влиятельного, созывает смешанную комиссию в целях заключения коллективного договора, регулирующего взаимоотношения рабочих и предпринимателей данной отрасли промышленности или торговли в определенной области или во всей стране». Далее читаем — «постановления этого договора могут быть об'явлены министром труда обязательными для всех служащих и предпринимателей данной профессии».

Таким образом, коллективный договор фактически становится обязательным для всех лиц — и рабочих и предпринимателей — связанных с определенным производством, хотя бы они не входили в синдикаты, которые заключили соглашение, и стояли в стороне от переговоров.

Тенденция нового закона ясна—от «либеральной» свободы взаимоотношений к принудительному регламентированию при признании преобладающей роли государства, выступающего посредником между организованными силами труда и капитала.

Закон предусматривает вопросы, которые **обязательно** должны фигурировать в коллективном договоре. Эти пункты представляют собой главнейшие моменты социального вопроса.

Это прежде всего **признание синдикального права,** затем, установление института заводских делегатов, определение минимума заработной платы и процедура арбитража для рассмотрения затруднений, могущих возникнуть при применении договора.

Синдикальное право заключается в признании за рабочими полной свободы мнений и права входить или не входить в любые организации. Принадлежность к тому или другому синдикату не может служить причиной к отказу в работе или увольнения рабочего. Еще недавно в С. Ш. С. А. существовало такое положение вещей, при котором предпринимател мог потребовать от рабочего **подписки о невхождении** в рабочую организацию.

С другой стороны, некоторые синдикальные круги склонны толковать синдикальное право в смысле присвоения за синдикатами монопольного права устраивать на работу только синдицированных рабочих.

Такое понимание «синдикального права» формулировал недавно секретарь французского синдиката строительных рабочих — «теперь ни один рабочий не может получить работу, если он не в добрых отношениях с СЖТ. Для нас, продолжал он, синдикальное право это только возможность для наших членов находить работу».

Едва ли требуется долго доказывать, что такое понимание синдикального права есть по существу его отрицание. Оно сводится к принудительному включению в профессиональные организации и противоречит основным принципам демократического правопорядка. Неслучайно обязательное вхождение в синдикаты, связанное с правом получения работы, является органической чертой всех тоталитарных режимов.

Если во Франции синдикальное право, в смысле синдикальной свободы, является старым и прочным завоеванием рабочего класса (со времени закона 1884 года о профессиональных союзах) и лишь подтвержденным последними законодательными актами, то небезынтересно отметить, что в С. Ш. С. А. лишь совсем недавно это элементарное право было признано за рабочими. Я имею в виду последнее решение Верховного Суда, которое

признало конституционным закон Вагнера, воспроизводящий статью 7 а НРА Рузвельта (National Industrial Recontruction Act 16 июня 1933 г.).

Текст этого закона гласит: «об'является, что С. Ш. заинтересованы в том, чтобы за рабочими было закреплено право заключать коллективные договоры. Конфликты должны будут исчезнуть, если рабочие приобретут право и полную свободу организовываться и назначать по своему выбору представителей, которые от их имени будут обсуждать с предпринимателями условия труда и размеры заработной платы».

При этом рабочими синдикатами почитаются только организации, имеющие официального секретаря и взимающие с своих членов обязательные членские взносы.

Недостаток места не позволяет набросать путь, пройденный С. Америкой в этом вопросе. Отмечу лишь, что до последнего времени синдикальное движение наталкивалось на непреодолимое юридическое препятствие в своей деятельности. Это знаменитый закон Шермана, направленный против трестов. «Всякая комбинация, в форме ли треста или всякой другой, имеющая целью создать препятствие в торговле между штатами, является запрещенной». По своеобразному толкованию этого закона Верховным Судом, всякое стремление добиться повышения заработной платы, об'явление синдикатом под бойкотом тех или иных предприятий или какие нибудь иные «меры, направленные к сокращению и затруднению циркуляции товаров», оказывались явным нарушением закона Шермана и давали право предпринимателям взыскивать с рабочих союзов фантастические суммы в возмещение убытков (в 1908 г. дело Danbury 232.240 долларов, дело компании Коронадо — 200.000 долларов и т. д.)

Закон Вагнера, как и вообще социальное законодательство Рузвельта, свидетельствует о глубокой трансформации социально-экономических отношений в С. Ш., о ломке старых представлений и о рождении психологии нового социального человека.

Далее, французский закон о коллективном договоре устанавливает **институт заводских делегатов**. Во всех предприятиях, занимающих более 10 рабочих, выбираются делегаты. Каковы задачи этого рабочего представительства? Они состоят в пред'явлении заводоуправлению требований, касающихся применения тарифов заработной платы, кодекса труда, законов и регламентов, гарантирующих безопасность и гигиенические условия труда.

Вопрос о заводских делегатах и заводских советах представляет немалый практический и принципиальный интерес. На нем стоит подробнее остановиться.

Впервые заводские комитеты были созданы в в Германии (так наз. Betriebsrat) после революции 1918 г., под несомненным влиянием русских событий. По примеру Германии, они были введены в Австрии, Норвегии и Люксембурге.

Задача их заключалась в том, чтобы приблизить рабочих к управлению, создать на предприятии «конституционный режим» на смену неограниченной власти заводоуправления. В предприятиях, имевших свыше 300 рабочих или 50 служащих, заводский совет имел даже право требовать представления торговых книг, балансов.

Возможны два метода в организации местного рабочего представительства: путем установления связи с общим синдикальным движением или совершенно независимо от него, на строго автономном принципе.

Веймарская конституция организовала выборы в заводские комитеты вне участия и влияния синдикальных организаций, о которых в ней нет упоминания.

На ином начале — признании связи и контакта между делегатами и синдикатом построен французский закон. Правда, нужно заметить, что эта связь выражена более определенно в матиньонском соглашении, § 5 которого гласит, что на предприятиях «будут учреждены два или несколько рабочих делегатов — после соглашения между синдикальными организациями или, за их отсутствием, между заинтересованными лицами». Окончательный закон более скромно указывает, что делегаты могут являться, по своему желанию, в сопровождении представителя синдиката своей профессии».

Вопрос о связи между синдикатами и делегатами является предметом спора и трактуется в зависимости от общего подхода к задачам рабочего представительства на местах в настоящем и от оценки перспектив в будущем.

Леон Жуо в своей речи 17 июня 1936 года, комментируя Матиньонское соглашение, подчеркивал всю громадную важность связи между делегатами и синдикатом. Больше того, он указал, что выборы делегатов враждебного СЖТ направления будут рассматриваться, как недействительные. «Для нас ничего не существует вне синдиката в области борьбы за условия труда».

Большая статья, помещенная в **умеренном** органе синдикализма («Синдикаты» от 22-4-1937 года) приоткрывает завесу над тем, как вожди синдикализма понимают заводскую «демократию» и какие надежды они на нее возлагают.

Делегаты, выдвигаемые синдикальной секцией, должны, в первую очередь, отчитываться перед ней. Лучшая гарантия «синдикальной дисциплины» это письмо об отставке, подписанное делегатом без проставления даты и хранимое в синдикальной ячейке, — в случае нарушения дисциплины делегат автоматически ликвидируется. А как же быть с ответственностью **перед избирателями?** Об этой элементарной азбуке демократизма просто позабыли.

Как нужно производить выборы делегатов — по отдельным ателье или всей совокупностью ра-

бочих предприятия? Вопрос кажется узко-техническим, деталью избирательной механики. На самом деле, он может приобрести большое принципиальное значение, как это имело место в остром социальном конфликте в текстильной промышленности на севере Франции. Промышленники категорически возражали против избрания делегатов всей рабочей массой, опасаясь создания эмбрионов «советской системы». Многие синдикалисты, однако же, стремятся к созданию постоянного бюро делегатов, с выбранным секретариатом, для борьбы за **общие интересы персонала,** повидимому, эвентуально возлагая на такую организацию надежды более серьезного характера, чем заботы о гигиенических условиях. Укажу в заключение этого беглого обзора одной из важных проблем, что профессор Пик считает большой ошибкой с точки зрения социального мира легализацию вмешательства синдикатов в местные отношения рабочих и предпринимателей и, наконец, приведу маленькую историческую справку. Деятельность заводских комитетов в Италии, выливщаяся местами в установление «рабочего контроля» и «социализацию» производства, явилась непосредственным толчком к приходу к власти фашизма.

В коллективных договорах должна быть также указана процедура рассмотрения затруднений, могущих возникнуть при применении договора, и порядок пересмотра. Я писал выше, что коллективный договор, как призма, преломляет в себе главнейшие проблемы рабочего права. Эта процедура содержит в себе идею примирения и арбитража. Кратким обзором этого вопроса я и закончу свою статью.

Итак, коллективный договор обязательно должен предусмотреть порядок устранения затруднений, которые всегда могут возникнуть при толковании отдельных статей договора и при применении их на практике.

Но коллективный договор может установить правила разбора всяких возможных конфликтов, хотя бы они выходили за рамки вопросов, трактуемых в договоре. Тем самым признавалась желательность полюбовного соглашения и арбитража, к которому заинтересованные стороны **могли** добровольно прибегать.

Законодатель, кроме того, приходил на помощь в случае желания сторон обратиться к арбитражу. Законом 1892 г. предлагалась организация—тип. Она создавалась для каждого отдельного случая и не носила постоянного характера. Преобладающую роль в ней играл мировой судья. Но такого приглашения к мирному разрешению конфликтов оказалось недостаточно. Пришлось выбрать более решительный путь, и действительно на другом принципе зиждется недавний закон 31 декабря 1936 года о примирении и арбитраже и декрет от 16 января 1937 г., изданный в его развитие. Тот же переход от принципа добровольности к началу обязательности, который мы отметили в законе о коллективном договоре, характеризует и этот последний законодательный акт. Вот в нескольких словах существо закона. Он устанавливает принцип, что в промышленности и в торговле все коллективные конфликты должны до об'явления забастовки и локаута поступать на рассмотрение примирительных камер и арбитражных комиссий. В случае, если коллективный договор не предусмотрел правил процедуры примирения и арбитража, вступает в силу порядок, разработанный в декрете. Закон этот принят **на один год,** как бы в виде опыта. В нем перечисляются те принципы, которые должны быть положены в основу арбитражных решений; это — право собственности, синдикальное право, личная свобода, свобода труда и синдикальная свобода. Решения арбитров должны быть мотивированы, и они безаппеляционны. Характерно, что в законе совершенно нет упоминания о СЖТ в то время, как в правительственном проекте за СЖТ признавалось монопольное право представительства рабочих. Под давлением Сената в законе глухо говорится о «сторонах», без дальнейшего уточнения, а декрет вводит уже известное нам понятие конфедерации наиболее «репрезантативной». Не вдаваясь в подробности, перейдем к самой процедуре. Декрет устанавливает три инстанции примирительных камер, построенных на паритетных началах, под председательством представителя государства. В случае неудачи примирительных попыток последняя инстанция — национальная междупрофессиональная примирительная комиссия, в которой председательствует заинтересованный министр, составляет протокол, фиксирующий пункты расхождения, и приглашает стороны указать общего арбитра или каждую — своего арбитра.

Конфликт переходит из первой стадии — обязательной попытки примирения — во вторую стадию — обязательного арбитража. Списки арбитров и сверхарбитров заранее составляются конфедерациями и регистрируются Высшим Экономическим Советом.

В случае краха арбитража председатель совета министров назначает сверхарбитра из числа высших чиновников.

Перейдем к наиболее интересующей нас сейчас **принципиальной** стороне обязательного арбитража.

Идея обязательности встречает критику и слева и справа. Критика эта одинаково исходит из признания особой юридической природы закона об арбитраже и самых арбитражных решений.

Особенность и закона, и решений состоит в том что они **лишены санкций.** Не предусмотрено никаких наказаний в случае нарушения арбитражных постановлений (иначе обстоит дело в странах диктатуры, в которых вообще социальная проблема ставится в иной плоскости и заслуживает особого изучения).

Вторая особенность арбитража — его **произвольность.** В противоположность судье, задача ко-

торого применять общие заранее установленные и связывающие его нормы к отдельному частному случаю, арбитр — полный суверен, который должен считаться только с общими принципами. Он не руководится соображениями соответствия какому-либо кодексу, ибо имеет дело с текучей «фактической материей», не поддающейся предварительной нормировке. Как установить, с какого уровня заработная плата становится угрожающей для интересов производства и т. д. и т. д?

Здесь почти невозможно исходить из об'ективных критериев, все зависит от личного усмотрения арбитра — «l'arbitrage c'est l'arbitraire», таков афоризм одного критика, повторяющего Ж. Сореля.

Этот левый синдикальный автор (Р. Лузон) считает арбитраж институтом фашистским по своей природе. Ведь фашизм, по самому определению, есть произвол во всех областях, где воля вождя заменяет авторитет закона. И критик недоумевает — как могло случиться, что под различными и противоположными этикетками все партии и режимы идут сегодня в одном направлении — в сторону произвола и диктатуры.

Справа раздаются голоса осуждения арбитража, считающие его недейственным, т. к. он лишен санкций и опасным, потому что возбуждает социальные аппетиты. Опыт, де, показал, что арбитр склонен выносить компромиссные решения. Поэтому стороны пред'являют требования **с запросом**, и тем самым, вместо полюбовного примирения, число конфликтов множится.

До самого последнего времени синдикальное движение относилось отрицательно к идее обязательного арбитража. Еще в 1929 г. СЖТ требовало только установления обязательного **примирения.**

Нужно отметить, что послевоенная экономика создала более благоприятный «климат» для обязательного арбитража. При господстве либеральной экономики, построенной на законе спроса и предложения, рабочий класс не хотел отказываться от оружия, гармонировавшего с тогдашней экономической обстановкой, — от забастовки.

Сейчас создаются иные условия. Обязательный арбитраж есть логическое добавление к коллективным договорам, получившим широкое распространение, и он лучше подходит к принципам управляемого хозяйства, контуры которого все яснее вырисовываются.

И на последнем заседании национального комитета СЖТ Жуо отстаивал идею обязательного арбитража, призывая рабочий класс к лояльному выполнению арбитражных решений и к отказу от поспешных, необдуманных забастовок, особенно против вынесенных арбитром решений.

Конечно, в социальной области необычайно трудно осуществить три требования одного французского журналиста — судей, кодекса и жандармов.

Но несомненно в эту сторону — миролюбивого разрешения конфликтов с соблюдением общих интересов коллектива — должны быть направлены сознательные усилия общества.

Александр Александров.

П. Ф. ГАВРИЛОВ - БУЯР

Жилищная политика в Советской России

Советская власть, задавшись целью провести индустриализацию и техническую реконструкцию всего народного хозяйства, приступила к сооружению новых гигантов, фабрик, заводов, шахт, рудников и путей, и тем самым поставила вопрос о создании тысяч новых производственных центров, вызвав этим бурный рост старых и строительство новых городов и рабочих поселков.

В настоящее время насчитывается по всему Союзу 770 городов и более 2000 рабочих поселков городского типа. Общее городское население по сравнению с 1914 годом увеличилось почти вдвое и теперь возросло до 48 миллионов жителей, что составляет уже около 30% населения страны.

Стремительный прилив населения в городские центры вызвал необычайное скопление населения городов, создавая невероятную скученность в квартирах со всеми последствиями, с нею связанными.

Нужно сказать, что по остроте жилищного кризиса довоенная Россия стояла на уровне самых отсталых стран. Одной из главных причин этого кризиса являлся недостаток свободных капиталов, значительно замедлявший строительство жилищ, вследствие чего количество строющихся домов отставало от потребности в них.

За время гражданской войны из строя выбыло около 14% жилой площади и весь жилой фонд к концу войны составлял около 130 миллионов кв. метров.

К началу первой пятилетки (1928-29 г.г.) восстановленный и нововыстроенный жилой фонд имеет общую площадь до 160 миллионов кв. метров.

По исчислению Госплана, чтобы обеспечить городское население минимальной нормой жилища, необходимо было выстроить в течение первой пятилетки около 100 миллионов кв. метров. Мы знаем, что затрата на это строительство не превзошла и 5 миллиардов рублей, была выстроена лишь одна треть этой необходимой жилой площади и размеры ее на одного человека к концу первой пятилетки не повысились, а понизились.

В настоящее время в промышленных центрах наблюдается невероятная скученность населения, доходящая в некоторых городах до 4 кв. метров на душу, и в квартирах, населенных беднотой, до 4 че-

ловек на комнату, в то время, как минимальная норма, отвечающая санитарно - гигиеническим требованиям, равна 8 кв. метрам.

Во второй пятилетке предполагалось увеличить об'ем строительства по крайней мере в три раза. Однако, сейчас жилая площадь достигла приблизительно 260 миллионов кв. метров. План второй пятилетки по коммунальному жилищному строительству выполнен только на 52,1%. Жилищный кризис нисколько не смягчен.

Рост жилой площади с трудом поспевает за ростом городского населения и жилищная нужда не уменьшается — размер жилой площади не превышает в среднем около 5,4 кв. метра на человека.

Чтобы добиться нормальных жилищных условий, считая в дальнейшем прирост городского населения только на 4%, принимая во внимание выбытие зданий, вследствие изношенности, равной 0,5%, а также учитывая убыль строений от пожаров, потребовалось бы в течение будущих пяти лет возвести более 250 мил. кв. метров жилой площади, стоимость коей нужно считать не менее 25 миллиардов. Такое огромное капиталовложение на одно только жилищное строительство явно немыслимо при создавшихся условиях и этот вопрос не может быть разрешен в ближайшем будущем.

Жилищное строительство в советской России осуществляется главным образом за счет государственных средств и находится в прямой зависимости от индустриального развития страны, причем роль государства, как собственника и хозяина, требует активного вмешательства в хозяйственную жизнь страны, единого организованного государственного руководства и планового начала.

В отличие от капиталистических стран, в советской России проведена национализация и муниципализация земельного и жилищного фондов. Город в установленной черте является полным хозяином земли, необходимой для застроек, благодаря чему устраняется земельная спекуляция, обычно давящая тяжелым бременем на жилищное хозяйство.

Обобществленный сектор, который является по своему удельному весу решающим, ибо он сосредотачивает наиболее крупные и ценные дома, представляет собой единую социалистическую собственность, включающую в себя, как государственную, так и кооперативную собственность на жилые строения.

Большая часть жилищного фонда муниципализирована и находится под контролем или в непосредственной эксплоатации коммунального отдела, за исключением той национализированной части, которая состоит в распоряжении государственных учреждений, железных дорог и промышленных предприятий.

Жилищное строительство в настоящее время осуществляется прежде всего за счет государственной промышленности. Из 13,4 миллиардов рублей, намеченных по плану второй пятилетки, около 60% капиталовложений принадлежит промышленности. Кооперативная собственность составляет до 20% общих размеров жилой площади.

Заметный рост кооперативного жилищного строительства об'ясняется тем, что промышленные предприятия передают свои средства кооперативам с целью удовлетворения жилой площадью кооперированных рабочих, и во второй пятилетке намеченный об'ем строительства жилкооперации выражается площадью в 45 миллионов кв. мтеров.

Советское правительство в целях мобилизации средств населения в новое жилищное строительство способствует развитию жилищно - строительных рабочих кооперативов (ЖСРКТ).

При накоплении ЖСРКТ паевых взносов в размере не менее 10% стоимости запроектированного строительства ему предоставляется долгосрочная ссуда до 60 лет со взиманием не более 2% годовых.

Земельные участки для жилищно - кооперативного строительства так же, как и для государственных организаций, предоставляются на праве бессрочного пользования. Для строительства кооперативам предоставляются на льготных условиях в потребном количестве лесные участки и карьеры для добычи камня, песка и глины.

Жилищностроительная кооперация представляет собой организацию, действующую по заданиям и, главным образом, на средства государственных учреждений.

Зависимость кооперации от субсидий и кредитов государства, возложившего на нее исполнение своих заданий, лишает ее характера свободной самостоятельной кооперации, проникнутой общестным духом и построенной на самодеятельности и активности масс населения.

Кооперативное строительство должно было бы выгодно отличаться от других способов строительства, ибо здесь об'единяются потребитель и производитель жилища. Но тем не менее недостатки, свойственные всему советскому государственному строительству, в равной мере присущи и жилищной строительной кооперации; та же безхозяйственность, бюрократизм, бессметность, отсутствие знаний, нецелесообразное использование строительных материалов и рабочей силы, низкая производительность труда, дороговизна, плохое качество и невыполнение в срок.

Для подтверждения этого достаточно просмотреть печатный орган «Жилищная кооперация».

Из постановлений июньского пленума (1936 г.) Совета Центрожилсоюза мы видим, что «поступающие с мест отдельные сведения внушают большую тревогу. Исключительная неповоротливость, отсутствие правильной организации работ, плохое качество, бюрократическая косность — вот основные причины позорного провала и невыполнения плана».

В первое время советская власть пыталась управлять всеми муниципализированными домами через коммунальные отделы советов. Централизованное управление домами велось без установленных твердых организационных, хозяйственных и финансовых норм. Громадные дефициты и наступившее разрушение жилищного фонда, эксплоатируемого коммунальными отделами заставили правительство организовать жилищно-арендные кооперативные товарищества (ЖАКТ), которые были признаны лучшей формой в деле эксплоатации муниципализированных владений. В ведении городских советов обыкновенно остаются так называемые «Дома Советов». Это особые государственные хозрасчетные организации, которые управляются непосредственно коммунальными отделами. Этот маневренный жилищный фонд образуется советами в целях удовлетворения особо острой нужды в жилищах.

Перед ЖАКТ-ами была поставлена задача перейти на самоокупаемость строений с учетом затраченного на них капитала и расходов на их содержание. Жилищно-арендной кооперации предоставляются дома по договору с советами в аренду сроком от 9 до 12 лет с возложением на них ремонта и строгой ответственности за сохранность домовладений. Паевые взносы членов ЖАКТ-а составляют его оборотные средства. Регулирование бюджетов ЖАКТ-ов производилось раньше местными советами, которые связывали их инициативу и приводили их к полному обезличиванию. Во второй пятилетке был устранен огромный недостаток ЖАКТ-ов, заключавшийся в их чрезмерном укрупнении, в трестировании домов, и в настоящее время образованы в каждом доме отдельные ЖАКТ-ы с переходом их на хозрасчет. В распоряжении их оставлен весь валовой сбор квартирной платы.

В уставе сказано, что управление делами каждого ЖАКТ-а, представляющего собой об'единение жильцов для использования предоставленных им в наем коммунальным отделом муниципализированных домов, производится общим собранием его членов и правлением, но устав осуществляется на практике лишь по форме, а не по существу. В том же журнале «Жилищная кооперация» мы находим указания на то, что «массовая работа в ЖАКТ-ах развита слабо», что «живым конкретным людям уделяется мало внимания», что «как правило, процент явки на собрания очень низкий»...

Ведь нормально кооперация возникает, как свободная ассоциация, ради хозяйственных выгод их участников, на основе строго хозяйственного расчета. Советские кооперативные органы, в силу общих политических условий, являются лишь номинально выборными. Очень слаба связь кооперации с обслуживаемыми ею потребителями. Поэтому понятны заявления советской власти, что «правления ЖАКТ-ов сплошь и рядом относятся совершенно формально и бесхозяйственно к ведению домового хозяйства и культурно - бытовой работе»..., «что «правления ЖАКТ-ов и руководство жилсоюзов очень часто оказываются не на высоте положения»...

Система квартирной платы, установленная законом 1928 года, проводит политику, гарантирующую нормальную эксплоатацию жилищ. Размеры ее должны быть такими, чтобы сохранить жилища от разрушений, оправдать все эксплоатационные расходы и амортизационные нужды. В составе капиталов каждого ЖАКТ-а образуется фонд капитального ремонта путем ежемесячных отчислений от квартирной платы.

Для определения месячной квартирной платы устанавливается квартирная такса, исходящая из учета себестоимости и зависящая от степени благоустройства помещения. При существующей заработной плате, ставки квартирной таксы непосильны для низко оплачиваемых категорий трудящихся, поэтому существуют льготы по оплате жилой площади в виде скидки с квартирной таксы с таким расчетом, чтобы квартирная плата за среднюю занимаемую площадь, составляла в бюджете трудящегося не более 10% заработной платы.

Советское государство проводит чисто классовую жилищную политику, резко ограничивая жилищные права на постоянное проживание и льготы по отношению к нетрудовым элементам.

Кроме установленной по таксе квартирной платы, квартиронаниматель уплачивает дополнительные суммы на покрытие расходов по центральному отоплению, на оплату счетов за коммунальные услуги, на производство дополнительного капитального ремонта в домах ЖАКТ-ов, на образование в них их членами капиталов социального назначения (устройство детских садов, столовых и др.).

В настоящее время советская власть создает наилучшие жилищные условия для ведущих групп работников, стимулируя этим повышение производительности труда. Улучшение жилищных условий обеспечивается в первую очередь квалифицированным кадрам, ударникам и стахановцам, пользующимся правом на дополнительную площадь, Теперь широко практикуется премирование квартирами «героев труда» и «знатных людей».

Что же касается частновладельческого жилищного фонда, то он по своей ценности не превышает 15% общей стоимости жилого фонда, хотя по площади равен около 90 миллионов кв. метров.

С целью смягчения остроты жилищной проблемы советское правительство вынуждено было отступить от основных принципов государственного регулирования жилищной политики и предоставило строительство мелких домов частным лицам на началах индивидуальной собственности. Необобществленный сектор состоит главным образом из одноквартирных деревянных домов со средней площадью в 35 кв. метров. Надо подчеркнуть, что кредиты для индивидуального строительства в первую

очередь даются стахановцам. Выходит, что лучшие строители социализма — собственники!

Право застройки возникает по договору частного лица с коммунальным отделом, который передает ему земельный участок на срок: для возведения деревянных строений до 50 лет, а каменных — до 65 лет.

Домовладелец использует для себя жилую площадь в своем доме в пределах установленной нормы, а излишки заселяются коммунальными органами за плату. Несдающиеся в наем дома освобождаются от налога со строений и от земельной ренты.

Коммунальные отделы ведут надзор за состоянием частновладельческого фонда и непроизводство текущего ремонта их владельцами, неуплата налогов и сборов и т. п. влечет за собой муниципализацию частно владельческих строений. Однако XVI-й Всероссийский с'езд советов предложил местным советам не злоупотреблять этим правом в случае бесхозяйственного содержания строений, а обеспечить своевременный ремонт и принимать меры к снабжению частных домов строительными материалами.

По истечении срока договора частные строения переходят в распоряжение коммунальных органов, которые должны возместить стоимость этих строений.

Громадные задачи, стоящие перед органами советской власти, для успешного выполнения требуют таких форм и методов управления в строительстве и эксплоатации жилищного хозяйства, которые дали бы возможность населению приложить свои силы и энергию.

Общие же политические условия и государственное руководство народным хозяйством в сов. России создали бюрократическую систему, которая представляется нам главным препятствием в деле нормального разрешения жилищной проблемы.

П. Гаврилов-Буяр.

Н. НИКОЛАЕВ

РУССКАЯ ЭМИГРАЦИЯ В С.Ш.А.

(Письмо из Нью-Иорка)

Разброд в рядах фашистов и коммунистов. — Гитлеровский митинг в «Н. И.» — Комитет защиты Троцкого. — Прогрессивный Общественный Комитет: его возникновение, состав и задачи.

Свой первый обзор (№ 7 «НС»), посвященный нашему политическому фронту вообще, а в частности его правому крылу «истинно-русских-сверх-националистов», имеющих претензию выражать настроения всей колонии,я закончил предположением, что созданный ими с такой помпой «Рус. Нац. Комитет», ввиду ряда «кризисов» внутри, а также иронического отношения к нему извне, обречен на скорое исчезновние.

Ныне к сказанному ранее могу добавить, что это мое предположение оказалось предсказанием, осуществившимся даже ранее, чем я думал. Это можно утверждать на основании на днях опубликованных, и пока никем, кроме голословных возражений и протестов заинтересованных лиц, не опровергнутых фактов, изложенных в обстоятельной статье редактора «НРС» М. Е. Вейнбаума. Факты эти говорят сами за себя, никаких комментарий с моей стороны не требуют и заключаются, вкратце, в следующем.

Дело в том, что подобно тому, как несколько лет тому назад, наши монархические круги переживали ряд скандалов и конфузов, в связи с приездом сюда в сопровождении двух титулованных молодых людей, с «важной и секретной» миссией некоего Кольберга, уличенного затем в провокации, — так и ныне, те же круги переживают новые волнения и скандалы, в связи с появленим и деятельностью здесь, на сей раз фальшивого «князя Кочубея» (он же Армстронг - Афанасьев), и непризнаваемого местными казаками, казачьего полковника Карташева, — а также находящегося с ними в связи «главы немецкого национального союза», лидера местных гитлеровцев Фрица Куна.

В результате стараний этой «небольшой но теплой компании», на которой я сейчас не имею ни желания, ни времени более подробно останавливаться, произошла приостановка деятельности «Рус. Нац. Комитета» и прекращение работы «Центрального Правления Рус. Национ. Организаций», а вместо них возник новый «Русский Национальный Союз», возглавляемый одним из руководителей газ. «Россия» г. Мельниковым, стоящим на «гитлеровской платформе» по русскому вопросу. Об этом он открыто засвидетельствовал своим присутствием, на митинге «наци», под свастикой, украсившей даже русский национальный трехцветный флаг, в Ипподроме 12 прошедшего февраля месяца. В этот самый вечер русский народный Нью-Иорк дружно и торжественно чествовал память Пушкина в «Мекка-Темпел», куда не явился ни один из членов так называемого «Первого Пушкинского Комитета», известного под именем «Бразолевского», имевшего свое собрание значительно ранее.

Каковая участь постигнет новый «Рус. Нац. Союз», и куда приклонят свои головы и сердца те наши «националисты», у которых всетаки, несмотря на искушение, хватило совести не пойти на провокацию агентов «Фюрера», мы увидим, вероятно, в ближайшем будущем, пока же, предоставив им искать приличного выхода с сохранением своего лица, из создавшегося трудного положения, обратимся

к противоположным им, нашим левым противникам, коммунистам, и идущей с ними в «едином фронте» части социалистов, — также переживающим в данное время период острой борьбы, развала и исканий новых позиций. Эта мена «вех и позиций», недавно еще казавшихся им столь ясными и незыблемыми, особенно в сравнении с позициями «гнилой, гибнущей демократии», эти не прекращающиеся на их собраниях словесные, а подчас и кулачные побоища, усмиряемые буржуазной полицией, вызывается градом сюрпризов и сенсационных требований, сыплющихся на их головы, то из Кремля от Сталина, и его полпреда Трояновского, то из Мексики, от Троцкого и образовавшегося здесь «Комитета» его имени. И любопытнее всего является, как в речах «Его превосходительства советского амбасодора», так и в бюллетенях вышеназванного «Комитета», их лейтмотив, — забудем прошлое, установим общий лад», настойчиво и все более и более откровенно звучащий в их обращениях к той самой демократии, над истреблением и оплеванием которой они столь долго и талантливо трудились.

Неумолимым ходом событий оба — и Сталин и Троцкий—и их платные, и неплатные агенты и друзья здесь вынуждены менять свои волчьи шкуры на тоги друзей народа, свободы, справедливости и гуманизма и, «уходя от Октября», взывать к Февралю, к вечным, великим принципам, им провозглашенным двадцать лет тому назад в дни Русской Революции. Напрасные старания, — их слушают, но более им не верят, даже бывшие их искренние поклонники, ибо кровь и грязь «Октября» не смыть с себя его слугам никогда, никакими признаниями «ошибок», декларациями и декламациями, как их самих, так и их новых защитников из лагеря бывших противников.

Разобраться в этом запутанном клубке взаимной грызни и лжи «единой» когда то коммунистической партии крайне трудно, да и не стоит труда, ибо она явно разваливается, и наиболее сообразительные и практичные из ее членов, по примеру своих «вождей», начинают менять свой цвет и прежний победный, боевой тон своих выступлений и требований. Свидетелями этого нам пришлось быть недавно, на докладах увлекательного и увлекающегося лектора г. Лебедева и его оппонентов из обоих фракций коммунистического лагеря, содержание которых было оглашено своевременно в печати, ввиду чего я, ограничившись сказанным, перейду ныне к центральной группе нашей общественности, об'единившейся под именем — «Русско - Американского Прогрессивного Общественного Комитета».

Центральным ядром этого об'единения были и остаются и поныне две основных группы: с одной стороны **демократическая,** в лице бывших «Кадет», ныне примыкающих к «РДО» и «Нашему Слову», руководимым П. Н. Милюковым, а с другой стороны **социалистическая,** в лице «с-д», «плехановцев» и «с-р», идейно близких «Новой России», редактируемой А. Ф. Керенским. Впоследствии к ним примкнули и состоят и теперь в тесном сотрудничестве близкие им по духу представители и отдельные лица из беспартийных рабочих кругов и прогрессивной интеллигенции.

Необходимость создания такого единого центра прогрессивной общественности, в противовес различным реакционным об'единениям правых кругов, а, главным образом, для правильной информации американцев о событиях, происходивших в России, и для разоблачения большевистской лжи, давно сознавалась всеми названными выше группами. Об этом не раз говорилось на докладах и митингах, писалось в местной передовой прессе; в частности наша группа четыре года тому назад опубликовала в «НРС» свое воззвание, которое и послужило материалом при обсуждениях основ Об'единения, а затем и при выработке платформы Общественного Комитета. Ввиду этого позволю себе привести здесь в выдержках, из обоих «исторических» документов то, что является в них наиболее существенным.

«Союз защиты демократии».

«Наступают сроки падения антинародной, покоющейся на обмане, насилии и терроре, советской власти. Она будет свергнута самим непрестанно с ней борющимся русским Народом, его внутренними силами: крестьянства, казачества, красной армии, рабочих и интеллигенции. Мы, пребывающие в эмиграции, братья их по духу и крови, дети единой родины, независимо от нашей национальности, вероисповедания и партийности, должны всеми силами помочь им одержать победу и построить на месте интернационального, без'имянного СССР, здание новой, свободной России, достойное ее великого народа, высокой культуры и тысячелетней истории. Шестнадцать лет тому назад, в знаменательные дни Февраля 1917 года, после долгой и упорной борьбы за власть, свободу и право самому решать свою судьбу, Русский Народ, в едином дружном порыве всей нации, сбросил с себя давившие его путы одряхлевшего царского самодержавия. Вновь в Октябре, того же года, обманом еще крепче большевиками скованный, он ныне опять смертельно за то же бьется с самодержавием и диктатурой коммунистической партии. Тот же светлый идеал Народовластия указывает и нам путь, в наших попытках создать ему помощь, здесь в зарубежьи, единый «Союз защиты демократии», от непримиримых ее врагом, — коммунизма слева и фашизма справа. Наш фронт достаточно широк, начинаясь от беспартийных, прогрессивных кругов и оканчиваясь государственно мыслящими социалистами, с республиканцами-демократами в центре. Но в нем нет места ни тем, кто до сих пор не способен понять и принять Февральскую Революцию, ни тем, кто способен доныне колебаться в своем непримиримом отношении к советской власти и искать с ней единых путей

и соглашения. В силу сказанного, не создавая никакой новой партии, и не требуя ни от кого ухода из их, невраждебных идеалам демократии, партий, мы, твердо веруя, что единственно правильным, предначертанным историей и страданиями Росссии, ее будущим путем, может быть только путь указанный февральской революцией, — мы зовем в наш «СОЮЗ», под знамя Февраля 17 г., всех кому оно дорого и кто готов и способен ему честно служить». Апреля 11 дня, 1933 г. Гор. Нью-Иорк.

В плоскости этих идей и мыслей, нашедших отклик и сочувствие в кругах, как левее, так и правее нас стоящих, начались собеседования и встречи лиц, ранее знавших друг друга только по имени, закончившееся, сначала временными, совместными выступлениями по отдельным поводам, как напр., голод в России, террор, судебные процессы и т. п., а затем постоянным об'единением в виде «Рус. Амер. Прогрес. Обществ. Комитета», с утвержденной общим собранием учредителей, платформой и уставом, из коих я приведу три первых основных параграфа.

1) Обществ. Комитет является представительством русских и американских прогрессивных демократических и социалистических организаций Америки.

2) Общ. Комитет ставит своей основной задачей содействовать борьбе за свободную Россию против всякого угнетения и самовластия, в какой бы форме — фашизма или большевизма — они ни проявлялись.

3) Общ. Комитет считает задачей освободительного движения **возвращение всей власти народу на основе идеалов февральской революции.**

Остальные пять пунктов Устава, касаются деталей работы Комитета среди как русских, таки и чисто американских организаций и учреждений для освещения перед ними «истинной сущности советского режима», и для создания (это оказалось невозможным) подобного бывшему здесь когда то, во времена Кенана, — «Общества Друзей Свободной России».

Более двух лет, как существует и работает, в намеченном направлении «Общ. Прогр. Комитет», он имел несколько многолюдных собраний и митингов с участием гр. А. Л. Толстой, г-жи Чернавиной и др. Не далее как вчера им было устроено, ввиде скромного обеда, собрание, посвящнное памяти Русской Февральской Революции, прошедшее с большим под'емом, и глубокой верой в то, что Россия вновь, неизбежным ходом событий приближается к Народовластию, к свободе, к светлым идеалам Февраля 1917 года. Выступали Члены Правления, в лице Предс. д-ра С. Ингермана, Тов. Предс. быв. Чл. Гос. Думы Н. Николаева, Секретаря Ан. Браиловского, Н. Калашникова, С. Бобовича, Е. Полушкина, а также г. г. Л. Калашникова и И. Тартак.

Надеюсь, в следующем письме подробнее коснуться этого собрания и той «критики», которую оно несомненно вызовет, со стороны как правых, так и левых наших злобных противников.

Н. Николаев.

Е. НОВОХАТНЫЙ

АКТИВИЗМ И «АКТИВИСТЫ»

(Письмо из Югославии).

Уже давно некоторая часть эмиграции проявляет желание разделиться по признаку активизма, причем часто это не имеет ничего общего с деятельностью данного лица или организации. Так, нередко можно встретить «активиста» в лице самого мирного и безобидного обывателя, бесконечно далекого вообще от всякой политической работы, — как не трудно указать такие «активистские» организации, чей активизм не выходит из рамок совместных бесед, да и то не частых «о днях минувших безвозвратно».

Но даже отбросив подобные курьезы, нужно признать, что для разделения по признаку активизма, под которым в эмигрантском понимании подразумевается прямая, революционная борьба с советской властью, — нет оснований уже по одному тому, что в настоящее время, если можно уловить какую - либо разницу между «активизмом» и «не-активизмом», то разве только в принципиальном понимании теми и другими абстрактно возможного, допустимого и полезного для России, а никак не в области их практической деятельности, — одинаково в этом смысле неактивной.

Таким образом, делать ударение на своем активизме и не давать при этом нового толкованию этому термину — значит сознательно вводить в заблуждение ту часть эмиграции, которая в данном вопросе недостаточно осведомлена.

К сожалению, редко кто из «активистов» склонен к откровенному признанию существующего положения вещей и, как общее правило, они предпочитают обманывать других (а может быт и себя самих) миражем эмигрантского активизма.

К числу таких упорствующих относится и НСНП (Национальный союз нового поколения), как известно, родившийся под знаком активизма и в нем одном видящий и цель и смысл своего существования.

Поставив ставку на зеленую молодежь, более других склонную к романтике и менее других способную к анализу действительности, — эта организация, конечно, не случайно имела наибольший успех в наиболее глухих местах эмигрантского рассеяния, в частности в Югославии, где она встретила самый теплый прием в обществе и печати, и где «отцы» и «деды», «тетушки» и «бабушки» валом валили в «комитеты содействия».

Успех часто кружит голову. Это всегда вредно, но ссобенно — когда он не достаточно оправдан. Такой опасной формой «головокружения» заболели и «вундеркинды» из НСНП, чей невероятный апломб и всезаглушающий барабанный бой так поражали первое время слушателя и читателя со стороны.

Активизм этой организации был вне каких-либо подозрений. Это был беспорный чемпион в лагере «активистов». И вокруг деятельности НСНП усиленно мусировались слухи и создавались легенды, в которых Рокамболь прихотливо переплетался с Солоневичем.

Что, собственно, во всей этой шумихе было от действительности, а что от буйной фантазии, разобрать нелегко; да это и не так важно, если исходить из конечных результатов. Во всяком случае, вспоминая, сколько было победного шума по поводу убийства Кирова (портрет Николаева был даже торжественно вывешен в помещении организации), не приходится сомневаться, что здесь не обошлось без большой дозы несерьезной хлестаковщины.

«Головокружение» продолжалось довольно долго, — вплоть до громкого дела о провокации Линицкого и К-о, после которого наступило заметное оздоровление, а вместе с тем начался и новый период в жизни организации, на сей раз уже твердо ставшей на путь активизма в ковычках. Слухи и глухие намеки — как рукой сняло, литавры замолкли, героика уступила место будничной прозе, и словоохотливые «вожди» с увлечением отдались обсуждению различных теоретических вопросов государственной политики, в которых они в настоящее время и плавают с заметной пока что неуклюжестью.

Тем не менее, это нисколько не мешает НСНП упорно настаивать на своем активизме. Это в конце концов понятно, если принять во внимание, что откровенное признание существующего положения вещей явилось бы для него не только полным политическим банкротством, но и безусловной потерей симпатий тех поддерживающих НСНП элементов, которые в вопросе активизма требуют хотя бы иллюзий.

НСНП эти иллюзии им дает — и тем охотнее, что благодаря своей идейной беспомощности, врядли может рассчитывать на какую либо иную политическую роль.

Другой вопрос — как расценивать при этом роль самого Союза. Но и в данном случае нельзя быть особенно строгим, принимая во внимание, что нетребовательный поклонник - обыватель вполне удовлетворен его идейным багажем; охотно, подобно ему, говорит и думает лозунгами и, не морщась, приемлет даже такой загадочный термин как «национально-трудовой солидаризм» — эту гордость и главный козырь Союза.

Таким образом, как будто все обстоит благополучно: местный обыватель доволен НСНП, последний — сам собой, а оба вместе — «активизмом».

На этой трогательной «идиллии» и можно было бы покончить, если бы, на несчастье, не существовала такая категория эмигрантов, которая неспособна понять условной лжи некоторых терминов. Это — эмигрантские дети.

Недавно, несколько таких детей, в возрасте 12-15 лет, наслушавшись горячих речей и начитавшись соответствующей литературы, отправились «спасать Россию».

Судьба, их постигшая, была, конечно, печальной: после нелегального перехода границы одного из соседних государств, они немедленно же очутились в тюрьме, а затем, по возвращении обратно, были исключены из учебного заведения. А, ведь, по совести говоря, вся их вина в том, что они не поняли активизма в ковычках и свято приняли на веру все, что им внушалось в школе и вне ее.

К счастью, эта категория эмигрантов в значительной степени стеснена в своих действиях. Что же касается вообще «активистов», вроде засевших в «комитетах содействия» (и других «активистских» организациях), то, являясь таковыми, — так сказать, «в принципе» и «за чужой счет», — они излишней наивностью не отличаются. А потому, в смысле активизма без ковычек все обстоит вполне «благополучно».

Однако, указанный случай не может не заставить призадуматься над вопросом: не пора ли, наконец, изгнать политику из школы и, хотя бы в стенах ее, из'ять детей из под влияния разных политических кликуш, для которых, ведь, и без того существует довольно широкое поле деятельности вне стен школы. А попутно задаться и другим вопросом, касающимся эмиграции в целом: не наступило ли время отказаться от некоторых вредных иллюзий и начать строить свою политическую жизнь на основе реальности, а не «воздушных замков».

Конечно, при этом неизбежно исчезновение некоторых политических групп и организаций, живущих за счет своих, а главным образом, чужих иллюзий. Но за то это будет способствовать консолидации в эмиграции политически более отчетливых мировоззрений, что в свою очередь создаст более здоровую почву для политического воспитания подрастающих поколений.

Е. Новохатный.

А. Н. Лазаренко

(Некролог)

29 марта, в Белграде, после тяжкой болезни, скончался Александр Николаевич Лазаренко.

В лице покойного ушел крупный общественный деятель, блестящий юрист и прекрасный человек, пользовавшийся уважением и любовью всего эмигрантского Белграда.

Главная часть жизненного пути была пройдена А. Н. в России. Перед войной он занимал должность товарища обер - прокурора сената.

При временном правительстве был членом комиссий по пересмотру судебных уставов, уголовного уложения и по выработке проекта основных законов.

Литературную деятельность А. Н. начал в октябре 1901 года. Его интересные статьи, всегда тщательно продуманные и документированные, появлялись на страницах многочисленных юридических журналов.

В эмиграции А. Н. пришлось заново строить свою жизнь. Большие знания и организаторские способности выдвигают покойного на видное место в министерстве путей сообщения в Югославии. А. Н. создает отдел железнодорожной статистики, которым и руководит до самой кончины.

В то же время А. Н. играет активную роль в местной русской общественно - политической жизни. Он — деятельный член Союза русских писателей и журналистов, создатель и вдохновитель политического кружка «Беседа».

Будучи по своим убеждениям республиканцем-демократом, А. Н. возглавлял местную демократическую группу и находился в деятельной связи с парижским РДО. Он волновался и жил нашими общими политическими интересами. Его содержательные письма давали полную картину местной политической жизни и были незаменимым источником нашей информации. Он активно сотрудничал в «Нашем Слове» — органе РДО, и помещенные им статьи блещут большой эрудицией и проникнуты глубокой верой и цельной верностью республиканско-демократическому идеалу. Помещаемая в настоящем номере последняя им написанная статья, ставшая «посмертной», является частью задуманной А. Н. работы о проблеме федерации.

В тяжелых местных политических условиях А. Н. всегда стойко и мужественно защищал и отстаивал республиканско - демократические идеи. «Дело демократии не только не проиграно, но ей принадлежит будущее» — эта фраза из одного его письма может служить эпиграфом ко всей публицистической деятельности А. Н.

Его уход — тяжелая, невознаградимая потеря и для русского культурного Белграда, и для всего республиканско - демократического движения в эмиграции.

А. Александров.

Памяти А. С. Михельсона-Александрова

За последние месяцы РДО понесло еще одну утрату. 20 апреля в Париже после непродолжительной, но тяжкой (рак кишечника) болезни скончался С.-Петербургский прис. пов. А. С. Михельсон-Александров.

Покойный принимал деятельное участие в жизни РДО, читал у нас доклады, выступал на наших собраниях, сотрудничал в нашем журнале, постоянно посещал наши вторничные и субботние товарищеские беседы в библиотеке - читальне. Формально не принадлежа к составу РДО, А. С. фактически был одним из наиболее близких ему людей, пользовался среди р-д-ков всеобщим уважением и любовью.

Вся его жизнь, нелегкая в эмигрантских условиях, была отмечена горячим искренним патриотизмом и поистине жертвенным служением родине. Все его помыслы были направлены в сторону России; он жил только ее жизнью, только ее интересами. За годы пребывания в эмиграции, А. С. собрал огромный материал по истории коммунистической партии за последние двадцать лет, часть которого была им опубликована в чрезвычайно ценной книге «Кто правит Россией». Тщательно изучая происходящие в России процессы, А. С. ясно видел обреченность режима и быстрое приближение конца коммунизма. Покойный глубоко верил в светлое будущее России и в последние часы своей жизни сожалел лишь о том, что ему не доведется пережить Сталина и советскую власть и быть свидетелем нового возрождения России.

Смерть А. С. искренне опечалила всех членов РДО. В его лице Россия потеряла одного из верных и преданных ей сынов, а РДО — одного из наиболее близких и любимых им друзей. **В. Попов.**

РДО В ПАРИЖЕ.

Доклады и собрания.

27 января 1937 года — Доклад **П. Н. Милюкова** — «Европа и Россия».

2 марта — Доклад **П. Ф. Гаврилова-Буяра** — «Коммунальное хозяйство в сов. России».

9 марта — Собеседование о политическом положении в СССР с вступ. словом **Б. Л. Дудкина.**

30 марта — Доклад **М. Н. Абациева** — «Идея солидарности народов Кавказа».

6 апреля — Доклад **Я. Л. Литвина** — Германия и Россия (от Бисмарка до Гитлера).

11 мая — Доклад **А. А. Александрова**—«Современное социальное законодательство».

25 мая — Доклад **А. П. Маркова** — Промышленность и сельское хозяйство в 1937 г.»

8 июня — Доклад **В. Н. Сперанского** — «Герцен, как политический мыслитель».

Le Gérant: V. Kosmentzoff

Impr. d'Art, 77, r. Mouton-Duvernet, Suf. 28-74

СОДЕРЖАНИЕ ПРЕДЫДУЩИХ №№ «НАШЕГО СЛОВА» :

БИБЛИОТЕКА - ЧИТАЛЬНЯ РДО
открыта по субб. и вторн. от 8.30 ч. до 11 ч. в.
78, rue Lourmel Métro Beaugrenelle

Заказную корреспонденцию по делам РДО и журнала «Наше Слово» просим адресовать Секретарю РДО А. А. Александрову
253, rue Lecourbe, Paris (15)

Денежную корреспонденцию и членские взносы Казначею РДО В. В. Попову
35, rue Jacob, Paris (6)

Цена 4 фр. № 9 Prix 4 frs

НАШЕ СЛОВО

Орган Республиканско-Демократического Об'единения

СОДЕРЖАНИЕ № 9

ПАРИЖ

Орган Республиканско-Демократического Об'единения

НАШЕ СЛОВО

« NOTRE PAROLE »

Revue trimestrielle. Organe de l'Union Républicaine-Démocratique Russe

Редакция: 78, rue de Lourmel, Paris (15e)

№ 9 Март 1938 г.

П. МИЛЮКОВ

Человек из народа

(Памяти Т. Г. Масарика)

Вознесенный на высоту перворазрядного исторического деятеля в один из важнейших моментов истории своего народа, первый «президент-освободитель» Чехословакии Т. Г. Масарик перейдет в мировую историю в ореоле творца и созидателя, одного из героев великой эпохи. Скромное начало этого большого итога жизни, естественно, остается в тени. Масарика изучали и будут изучать, как учителя своего поколения, как славянина, давшего национальному вопросу новое направление. Обо всем этом уже и теперь имеется целая литература. Но через весь этот богатейший материал проходит, по необходимости, одна основная черта: Масарик — сын своего народа. Это — та органическая почва, на которой выросла историческая личность. Как бы высоко ни поднимался над народной массой этот национальный герой, корни его уходят глубоко в народное прошлое и настоящее. Можно даже сказать, что именно стоя на этой основе он и мог подняться так высоко. В этой — и только в этой, связи Масарик — цельный человек, со всем богатым разнообразием человеческой натуры. История и современность выделили из этого сложного человеческого комплекса то, что им было нужно для текущей минуты. Но к нему необходимо вернуться, чтобы дать этой личности объяснение, которого не могут дать торжественные речи и оффициальные документы. Первой отличительной чертой при таком объяснении является удивительная классическая простота и естественность, сохраненные Масариком до конца жизни — до его могилы на убогом сельском кладбище. И эту черту нельзя объяснить, забывши, что Масарик был и остался сыном своего народа. Этой необходимой темой мы и займемся.

Общеизвестно, что Масарик родился в мелкой крестьянской семье, в словацкой глуши. «Я люблю деревню больше города», говорил Масарик Чапеку, лучшему из своих биографов. Понятно — это предпочтение в будущем полигисторе. Крестьянский мальчик — не то, что городской. Он поставлен к природе лицом; его первые реакции на жизнь суть **действия,** проявления воли к управлению окружающей природой.

Он обязан знать все, что его окружает: луг и поле, домашние и дикие растения и животных, должен помогать в хозяйстве, быть отцовским секретарем и бухгалтером. Отец — простой конюх в императорской латифундии; приехав впоследствии в Прагу к сыну-профессору, он больше всего интересуется тем, какова упряжка в городских экипажах и какие колеса. Его грамотность очень сомнительна. Верховодит всем в семействе мать, женщина умная и бывалая. По профессии она кухарка, но служила в мелкой дворянской семье и шутила по этому поводу, что вращается «в хорошем обществе». Она и троих своих детей хотела поднять над своим кругом — и для этого решила отдать одиннадцатилетнего Томаса в сельскую школу. Подготовки у него не было никакой. От отца Масарик мог научиться народным песням, а от матери перенять народные суеверия. Она серьезно верила, что какая-нибудь из двух ведьм, полуденная или сумеречная, может похитить мальчика, — и его этим пугала. Религиозные по традиции, родители, однако, в церкви почти никогда не бывали. В школе учитель — католический священник — мог научить ребенка лишь обрядовой вере и, конечно, преклонению перед католицизмом.

Таким образом, только благодаря собственным усилиям, кругозор мальчика мог расширяться — с трудом и понемногу. Потихоньку от всех он как то забрел в протестантскую церковь — и был поражен тем, что Бог его не убил, как ему грозили, он слышал похвалы кальвинистам. Узнал, что существует какая-то «православная» вера — и удивился: а разве «наша» (католическая) вера — не православная? Во всяком случае, он пришел к выводу, что «церковь» — это одно, а «вера» — это совсем другое. Позднее он признал, что и церковная **догма** есть нечто отличное от религиозного личного опыта.

Едва-ли не больше вопросов веры задел его за живое с детства социальный вопрос. В сторожку отца приезжали из Вены благородные охотники, в дорогих мехах, в хороших венгерских костюмах. Отец подавал им вкусный обед, а объедки выбрасывались крестьянам. В императорских поместьях даже и после революции 1849 г. сохранялись крепостные отношения. Масарику тяжело было видеть

отца в униженной роли слуги знатных господ, и хотелось изорвать дорогое платье. Так, он уже отсюда вынес чувство ненависти к проявлениям социального неравенства. И по национальному вопросу детские впечатления отлагали в душе у мальчика определенный осадок. Он шутя говорил потом, что понял, что такое национальные споры, благодаря дракам мальчишек соседних деревень из-за того, кто будет в праздник звонить в колокола: словаки или «ганаки». В частности, по еврейскому вопросу будущий защитник Гильзнера разделял уверенность матери, что евреи в самом деле употребляют христианскую кровь.

В начальной школе Масарик шел впереди сверстников; но по возрасту он не мог поступить в учительскую семинарию, и его на время отдали в науку к кузнецу. Так, он из крестьянина превратился в рабочего — и очень гордился впоследствии тем, что из куска раскаленного железа мог в один прием сковать хороший гвоздь. Сам Толстой, по его воспоминаниям, заметил ему: «у вас — рабочие руки». В кузнице работа шла двадцать часов в день, с трех часов утра до одиннадцати вечера. Ковка лошадей и починка плугов составляли главное занятие. Это не были упражнения для занятия досуга.

Из такого положения выручил Масарика старый учитель фортепиано, увидавший случайно, как его бывший ученик, весь вымазанный сажей таскал тяжелые ведра из реки в кузницу. Он перетащил юношу из кузницы репетитором в учительскую семинарию... Дальше уже дело воспитания и самовоспитания — пошло легче. «Лев остается львом и в клетке; его нельзя превратить в осла», говаривал потом Масарик — конечно, не относя этого к себе самому. Выход из школы к свету дала ему книга. «С детства (8—10 лет) и до сих пор (на склоне лет), вспоминает Масарик «я был ненасытным читателем». Чтобы расширить возможности чтения, он мало по малу научился языкам: немецкому, французскому, русскому. Английский и итальянский он узнал позже. В этом знании языков Масарик видел путь к познанию «души» других народов — и особенно ценил в этом отношении «поэтов-мыслителей». «Гете интересовал меня не менее Канта — и даже больше. . . Поэты не меньше философов думают о задачах жизни, но мысль их более конкретна . . . Если мы хотим узнать дух иностранных наций, то вернейший путь к этому познанию — искусство». Отсюда — практический вывод: «если я не знаю языка чужой страны, я не чувствую себя в ней дома. Вот почему я намеренно путешествовал только в тех странах, где мог говорить с народом на его собственном языке». Он «говорил с народом» и в России.

«Говорить с народом» . . Это объясняет почему, ставши, в результате чтения, европейцем и западником, Масарик не утрачивал, а укреплял связи с народом, делал их только более сознательными. Эти связи открылись ему в истории и в религиозной традиции народа, которою «напрасно пренебрегают интеллигенты». Надо связаться с «душой народа», а в ней «религия играет главную роль». Вот почему, уже сделавшись доктором философии в Лейпциге (1876), Масарик обращается к изучению чешской истории и богословия. В народной религии он ищет культурных элементов, имеющих европейское и мировое значение. Характерным образом, это расширение кругозора совпало у него с отказом от определенной положительной религии. «Главным событием в те годы (1876—1878, в Венском университете) была для меня потеря веры в католическую церковь». Мне вспоминается по этому поводу двустишие Шиллера:

> Какой вы религии? Ответ: никакой.
> Почему? Ответ: ради религии.

Религиозный перелом совпал у Масарика с женитьбой на американке Шарлотте Гарриг, отец которой был потомком гугенотов, а мать происходила от пуританских пионеров Западной Америки. Тогда-же Масарик погрузился в изучение истории протестантизма с его вариантами в разных странах. Он связал, таким образом, уважение к протестантскому принципу свободы человеческой личности с своим всегдашним уважением к универсализму и организаторской силе католичества.

Дальнейшим шагом в том же направлении было то, исключительно важное для Масарика обстоятельство, что в самой чешской национально-религиозной традиции он нашел элементы гуманизма и всемирности. Он начал с другого конца: с борьбы против узкого национализма старых чехов, горячо напавши на подлинность древних преданий о чешской истории, воспроизведенных искусственно в так наз. Краледворской рукописи. Втянутый полуневольно в ученый спор о фальсификации древности, он перечитал массу исторического материала. Вот результат этого чтения: «через спор о рукописях мне пришлось узнать историю нашего движения к национальному возрождению». Эта находка имела огромное значение при окончательной установке миросозерцания Масарика. Он сам признает это. «Точкой отправления и моей философии и моей политики», вспоминает он, «являлась чешская реформация, потому что, по моему, она была прежде всего моральным и религиозным движением, а не богословским». Развертывая эту ариаднину нить, Масарик отбросил попутно и протестантскую «догму». «То, чего я не могу принять разумом, я не могу принять также и верой». Отбросив одну опору, он зато приобрел другую. «Основав свою философию на чешской реформации, я поставил родную чешскую культуру на место древней славянской культуры, выдуманной националистами». Так исток национальной «миссии» освобождался от узкого национализма.

Отсюда, наконец, открылся естественный переход от философии, которую Масарик всегда пони-

мал, как «конкретную» и « практическую», — к политике. «Моим политическим учителем был Палацкий; моя гуманитарная программа основана на его учении. В произведениях Палацкого я нашел разумно-философское оправдание его политической программы, вместе с его пониманием чешского вопроса и оценкой чешских реформаторов и гуманитарного идеала». Национальные и интернациональные элементы здесь переплетаются окончательно, — и связь эта выводится из истории чешского народного духа.

С этой точки зрения Масарику важно подчеркнуть, что в лице Гуса «чешская» нация **первая** осуществила религиозную реформацию». В Гусе он видит, с другой стороны, своего предшественника, который уже поставил мораль выше догмы. Гус был первым епископом чешских братьев, он стремился к единению церквей, гармонически сливая элементы национальный и международный. Гус, а за ним Штитный, открывают целый ряд героев чешской культуры, который тянется до нашего времени. Хельчицкий, Амос Коменский, потом Добровский, Коллар, Палацкий, Гавличек — вот звенья этого ряда. Последнему в ряду, Гавличку, Масарик посвятил целую книгу: он был поражен, найдя, что Гавличек «уже написал почти все, что я (Масарик) хотел сказать в области политики.» И для Гавличка «прошлое не было только историей; современность должна была являться развитием той славной эпохи. То, что он считал великим в прошлом, должно быть было руководящим и в настоящем». Это было «евангельское христианство».

Чешские историки-специалисты возражали против этой черезчур стройной схемы. Они утверждали, что непрерывной хронологической связи тут не было, что новое чешское Возрождение резко отделено от старого; что Гус был не один, он окружен был целой сетью влияний, не только религиозных. Гуситская традиция была прервана лютеранской, гораздо более узкой: «тут трехсотлетний перерыв», признавал и сам Масарик. После Белогородского поражения (1620) наступил полный упадок. Но Масарик возражал историкам: «я не против истории, а против историзма». Прошлое не есть решающий аргумент: в нем есть и хорошее и дурное. . . Всегда **что-то** меняется и развивается: пусть историки скажут, что-же такое это **что-то.** Для Масарика, это было единство внутреннего опыта, заменявшее внешнюю хронологическую связь. Исторические зигзаги для него были не важны.

Но что лежало в основе этих неутомимых поисков в прошлом? Я уже сказал: это была потребность, поднимаясь до интеллектуальной элиты, разрывая связь с формализмом церкви, отделяя веру от церкви и догмы, все же сохранить связь с народом, с народной душой. Отсюда— подозрительность Масарика к чистому интеллектуализму. Уже относительно своих предшественников, чешских интеллигентов сороковых и шестидесятых годов, Масарик делает оговорку. Они — демократы, но «демократия» есть понятие **политическое,** могущее охватывать и высшие классы. Это понятие **теснее** понятия «народа» (lid, lidstvo), — понятия **социального,** охватывающего вместе с верхами также и народные низы. Именно к этим «низам» Масарик чувствовал себя ближе. В Вене «чехами» сознавали себя преимущественно рабочие, чехи-чиновники разных министерств уже составляли «привилегированный круг», куда Масарик не был вхож, по своему происхождению. До перехода в Прагу он знал Чехию лишь по книгам, по «литературе и истории»; здесь только с помощью жены, научившейся по-чешски, он воспринял полностью идею, что «наш народ имеет мировую миссию». Таким образом, свою прямую связь с народом — не только в идейном, но и в прямом этнографическом и социальном смысле — он пронес через годы подготовки к своей главной миссии, политической и культурной. Единство верхов и низов, идейной элиты и народной культуры, он и хотел восстановить путем поисков в традиции прошлого. «Мы — молодая нация, постоянно обновляемая снизу», говорил он. «Большинство нашего образованного класса только двумя поколениями отделено от простого народа — фермеров, крестьян и ремесленников». Но это поколение уже рвет с великой традицией. «Наш средний интеллигент не интересуется прошлым, в котором религия играла такую большую роль», он ищет общения в кружке друзей, в кафе, ресторане, клубе. Однако же, «в демократии нет нужды с детства мечтать сделаться джентльменом» — а в сущности, мелкой сошкой в канцелярии. Фермер, ремесленник, рабочий часто бывают лучше интеллигента: пусть только каждый будет человеком, каждый на своем месте, каждый — развитой личностью».

Вот способ Масарика — и на своей высоте остаться с народом. На склоне дней он сказал Чапеку, что «хранит свои детские впечатления». И народ это чувствовал. Он чувствовал и то, что в национальном деле освобождения, вместе с своим вождем, он участвовал в роли **активного** элемента. В очень трогательной и наивной форме это выразилось в обмене приветствий в тот момент, когда крестьянский мальчик из Ходонина вошел хозяином в императорские палаты в Праге. Крестьянин из Рожнова так приветствовал в чешском «Граде» своего земляка, президента Масарика. «Татичек наш любимый, наш пан президент. Пришли мы, крестьяне, из бедной горной окраины, из твоего избирательного округа, чтобы тебя приветствовать. Когда то, говорят, пастухи в эти дни (21—22 декабря 1918 г.) пришли к Божьему сыну приветствовать своего освободителя. Так и мы сегодня, в канун Рождества, пришли к тебе, другому отцу народа после Палацкого — он тоже родился в нашем крае — чтобы приветствовать тебя, нашего освободителя. Не осуди, прими от нас хлеб-соль в нашей златой Праге, по старому нашему обычаю, тебе и нам — на счастье!»

И Масарик им ответил: «Будьте уверены, что

жить буду там, на Горе, а сердцем и мыслью останусь здесь, внизу. Никогда я не забуду, что вышел из народа. Государство наше должно быть демократичным; **это будет власть народа, для народа и посредством народа.»** Масарик повторил тут формулу президента Авраама Линкольна, которую с волнением прочел на памятнике побед в гражданской войне, в Америке.

Это была гармоническая жизнь, и она закончилась гармоническим аккордом, на глазах у народа, для которого жил Масарик. Он мог бы повторить про себя то, что в 1668 г. писал в своем последнем сочинении «Единое на потребу» его прообраз Амос Коменский. «Искусство, высшее из всех, это — хорошо умереть. Только мудрый человек может уйти с честью из этой жизни, ибо он знал, как провести свою жизнь так, чтобы приготовить себя к славному и благословенному переходу в потустороннее. Ибо что может иметь более высокую ценность, нежели то, что человек сможет оставить по себе хорошую славу. Это то, что в нашей жизни — единственно необходимо.»

Как достиг этой цели Масарик? Не тем, что он ее сознательно преследовал. Гармония сложилась сама собой — из задатков его сложной натуры, развернувшихся и сполна использованных благодаря обстоятельствам исторического момента, исключительно богатого переменами. Сам он только в конце заметил, как стройно сложился окончательный итог жизни. «Я иногда думал, говорил он Чапеку,что в занятиях столь разнообразными интересами я только теряю время. И лишь во время войны я понял, что все — или почти все, что я делал, в то или другое время, шло так или иначе на пользу. Хорошо, что я родился полусловаком, жил и работал с ними, мог говорить с ними и в их пользу, как один из них самих. Хорошо, что я учился в Вене; наблюдал, как депутат, двор, аристократию, высшую бюрократию. Это знание пригодилось во время войны, чтобы доказать нравственное разложение и неизбежность падения Австрии. Мои столкновения и споры — о рукописях, конституционных правах, о смысле нашей истории — привели меня к изучению наших национальных вопросов; без них я не мог бы пойти в политику. Во время борьбы я узнал все, касающееся нашего народа, а также научился дипломатии; все это я мог использовать во время войны». Эта замечательная автохарактеристика продолжается дальше в подробностях: знание славянского вопроса, России, Польши, югославян, англо-саксонского мира; знание языков и иностранные встречи.. все это послужило на пользу «нашему делу».

И вот — последний итог, при котором мне довелось присутствовать: похороны Масарика. Это не были обычные похороны главы государства. Наполнившие амфитеатр по правую сторону гроба делегаты государств в расцвеченных мундирах, лентах, погонах, треуголках и цилиндрах, вероятно, чувствовали себя не совсем на месте. Среди них терялись, правда, несколько представителей той европейской интеллигенции, которые помогали Масарику и Бенешу заложить идейные и моральные основы освобождения Чехословакии. Но эти основы чувствовались. Масарика хоронили без церковной церемонии: эта глубоко-религиозная натура не укладывалась ни в какие конфессиональные рамки. За то в процессии мыслитель и философ был окружен аттрибутами действительного главы государства. Процессии — по обстоятельствам времени — был придан специфически военный характер. Гроб на лафете, знамена полков, легионеры, участники освобождения, напоминали о человеке **действия,** о создателе легионов, о борце со злом в национальном и международном масштабе. Похороны пацифиста, как бы принимающего военный смотр, свидетельствовали об исключительных условиях момента, переживаемого Чехословакией. Но все же, главная черта, отличавшая эти проводы, была не тут: не в тех, что **шли** с процессией, а тех, кто плотной массой, наседая друг на друга ,**стояли** по сторонам — и плакали. Никто не созывал их; напротив, газеты предупреждали, что всем не найдется места в Праге. Сколько их пришло, всетаки? Полмиллиона, миллион? Никто не считал их; не было и никакой внешней дисциплины; полиция терялась среди толпы. Напрасно накануне похорон боялись давки, вспоминали Ходынку. Царил полный порядок и тишина. Люди пришли заранее, простояли целую ночь на-пролет, под проливным дождем, чтобы только пройти мимо гроба «Татички» через залу «Замка». В день похорон они заполнили все свободные места, пригорки, набережную, площади, улицы. И ушли так же тихо, как пришли. . . Это было самое важное. Если другие черты похорон импонировали, то эта черта умиляла. Тут хоронили человека из народа, излюбленного народом, ставшего настоящим национальным вождем. Смысл всей жизни Масарика был подчеркнут этим небывалым, изумительным зрелищем. И еще характерной чертой было то, что печаль была светла. Это пришел народ, узнавший себя в «опыте» Масарика и себе поверивший. Не одни дипломаты чувствовали, что тут прошла историческая грань и начинается тревожное будущее. Но в это будущее — прикрытые покрывалом останки народного главы вносили залог: прочное наследие возвращенной и укрепленной свободы. В борьбе за нее народ показал себя достойным вождя: теперь ему предстояло показать себя способным сохранить приобретенное. Над процессией царил дух глубокой, серьезной, сосредоточенной и сознательной думы. Это был последний дар усопшего — своему народу.

П. Милюков.

П. МИЛЮКОВ

Международное положение в начале 1938 года

Начиная с 1934 года мне постоянно приходилось возвращаться на страницах «Нашего Слова» к характеристике перемен, происходивших с тех пор в международном положении. Начало этих перемен может быть как раз отнесено к 1933 году, первому из отчетных. Это — год водворения Гитлера в Германии — роковой год, с которого начинается особенно быстрое и систематическое разрушение в Европе и во всем мире равновесия, кое как установившегося по окончании мировой войны. Общий итог перемен, совершившихся за это пятилетие 1933—1937 гг. — тот, что мы теперь стоим перед возможностью возникновения новой мировой войны, более грозной, чем даже война 1914—1918 гг. А другая сторона этого итога — та, что все государства, угрожаемые этим исходом, во-первых, усиленно увеличивают свои вооружения и, во вторых, путем ускоренных переговоров стараются предотвратить вооруженный конфликт, хотя бы на время, хотя бы ценою серьезных уступок державам-агрессорам. Не нужно прибавлять, что в ряду последних, кроме Германии, находится Япония и Италия, а за ними стоят те, выигравшие от победы союзников малые державы, которые не могут рассчитывать на активную поддержку великих держав, охраняющих мир, — в случае, если той или другой из этих малых держав будет грозить непосредственная опасность.

Как могло сложиться подобное угрожающее положение? Конечно, оно сложилось не сразу. В 1933 г. Гитлер был еще занят захватом власти и ее укреплением в самой Германии. Ни о какой «оси» тоталитарных держав не было и речи. Япония переваривала Манджуко и хранила про себя свои дальнейшие планы экспансии. Италия еще не забыла, кому обязана приобретениями в итоге своего участия в мировой войне. И хотя Европа уже насторожилась, хотя уже тогда пророчили войну на 1935-ый год, но в отчете за этот «страшный» 1935 г. я еще мог сказать, что самая сложность современной войны и общая неподготовленность к ней, вместе с принятыми Европой мерами предосторожности, делает вероятным отсрочку вооруженного конфликта. В результате, я мог говорить о грозящей опасности в тоне «условного оптимизма». Правда, уже началась война в Абиссинии, «события стали страшнее, чем прежде, но страх меньше», именно, в виду начавшихся приспособлений на случай всяких возможностей.

Однако, вторая половина 1935 г. и первая половина 1936 г. показали, что приспособления эти встречают больше трудностей, чем можно было ожидать. Потребность сохранения мира пересиливала чувство опасности у демократических государств, и их меры предосторожности далеко не соответствовали размерам быстро надвигавшейся грозы. Англия и Франция все еще надеялись сохранить равновесие в Европе путем создания режима «коллективной безопасности» со включением в него и тоталитарных держав. К Лиге Наций еще обращались, как к хранительнице мира и верили в действенную силу ее решений. Германию рассчитывали еще вернуть в лоно Лиги и обеспечить — против ее же поползновений — восточные границы Европы, так же как по Локарнскому договору были обеспечены западные. Обеспечить мир казалось возможным путем общего сговора.

7 марта 1936 г. покончило с этими радужными надеждами. Гитлер уже 31 мая 1935 г. предупредил, что заботы западных держав о мире в восточной Европе заставят его обеспечить себя на самом западе. 7 марта 1936 г. он исполнил свою угрозу, вводя германские войска в демилитаризованную прирейнскую зону — и тем открыто нарушив Локарнский договор. Тогда это был шаг, для него рискованный: его генералы отговаривали его, боясь французского военного вмешательства. Но «проба силы» удалась Иден «выиграл время», дав пройти моменту первого возмущения; Франция не решалась действовать одна — и ограничилась бумажным протестом, демонстративно поддержанным Лигой Наций. Но все сознавали, что это был момент решающий и что он прошел безповоротно. Италия, уже раздраженная английскими настояниями на экономических «санкциях», отодвинулась от Франции, и «ось» двух диктаторов была создана. Бельгия поспешила вернуться от Локарнского союза к дореволюционному положению полного нейтралитета — и обнажила, таким образом, французскую границу. Малая Антанта потеряла уверенность в поддержке, и внутри ее начались процессы перестраховки. Югославия и Румыния заметно передвинулись в берлинский фарватер. Польша сделала это еще раньше. Наконец, Гитлер протянул свою «ось» от Берлина-Рима до Токио и приблизил к себе Австрию соглашением 11 июля 1936 г., обещав ей сохранение независимости под условием признания себя «германским государством». Кроме того он впервые поставил на очередь возвращение Германии ее колоний.

Все это не могло не произвести среди демократических держав большого переполоха. Этот переполох должен был еще увеличиться, когда от дипломатических переговоров участники «оси» Рим-Берлин-Токио перешли к военным действиям, — правда, в прикровенном виде. В средине июля 1936 г. началась гражданская война в Испании между националистами, пользовавшимися все более откровенно содействием Италии и Германии, и республиканским правительством, рассчитывавшим на поддержку демократических государств. Почти ровно через год, в двадцатых числах июля 1937 г., началась необъявленная формально война Японии против северных

провинций Китая. Задержка произошла тут, очевидно, прежде всего вследствие внутренней борьбы японского парламента с военной партией,борьбы,закончившейся победой последней, а также и вследствие желания выждать благоприятный момент, долженствовавший наступить вследствие международных осложнений в Европе. В результате этих двух войн на противоположных точках германской «оти» кризис в международных отношениях, до сих пор ограничивавшийся Европой, принял мировой характер. Ближайшим образом была задета им Англия в самых жизненных своих интересах на торговых путях в Средиземном море и на Индийском и Тихом океанах. Ее морских и воздушных вооружений явно не хватало, чтобы открыто сопротивляться на обоих столь отдаленных друг от друга театрах. Отсюда явилась необходимость, с одной стороны, в спешном увеличении вооружений, а с другой – в более тесном сближении с Францией и — в то же время — в политике выжидания и затяжек по отношению к невралгическим пунктам Европы. В этой линии политики, несомненно, было внутреннее противоречие: но оно скрадывалось тем, что Франция, рискуя остаться в одиночестве, не могла противопоставить Англии никакой собственной политики; с другой же стороны и внутреннее положение, осложненное социальной борьбой, и пацифистское настроение общественного мнения, и сознание собственной неподготовленности к немедленному выступлению в военные действия, — все это побуждало и Францию следовать, по возможности, той же политике выжидания. Такое состояние нерешимости и колебаний было, конечно, учтено противоположной стороной и развязало руки тоталитарным государствам для усиления их активности. Насколько демократии имели основание медлить, настолько же диктатуры были заинтересованы в ускорении темпа конфликтов. Особенно свободными и безответственными они чувствовали себя в испытанной уже с успехом области блеффа. Их внутреннее положение также требовало ускорения развязки; особенно положение Муссолини становилось затруднительным, в виду тяжелого экономического и финансового положения Италии. Националистические жесты должны были прикрывать неудачи обоих диктаторов во внутренней политике.

Все это объясняет, почему к началу 1938 года положение из шаткого и опасного стало прямо грозным. О возможности войны говорили теперь все: и публицисты, и дипломаты, и военные. Скачка вооружений приняла небывалые размеры. Темпы вооружений пришлось всячески усилить, не считаясь с расходами. Но оставался трагический вопрос: будет ли противник ждать и не вызовет ли его собственный расчет, в связи с психологией диктаторов и с непрочностью их внутреннего положения — какой нибудь «жест отчаяния». Вопрос этот, конечно, и до сих пор остается нерешенным. Но, в ожидании, естественно,что угрожаемые демократические государства стремятся возможно скорее выяснить,как степень серьезности угрозы,так и пределы допустимых для них уступок. Англия, по указанной уже причине, пошла первая по этому пути, увлекая за собой и Францию. Этим объясняются все попытки переговоров, предпринятые в конце прошлого и в начале настоящего года. В момент, когда пишутся эти строки, мы и находимся под знаком этих переговоров. С этой целью Англия еще в ноябре 1937 года отрядила лорда Галифакса, известного сторонника мирной политики, к Гитлеру.

Гитлер сделал предложения, которых и надо было ожидать: гарантии мира на Западе — но без Лиги Наций, без Локарно и без пакта с СССР —, и полная свобода рук в центральной и в восточной Европе. В то же время в своих февральских заявлениях 1938 года он выдвинул и угрожающую альтернативу. Подчинение армии и дипломатии «вождю» должно было послужить предпосылкой для нового этапа политики (4 февраля). Прямые угрозы и ультиматумы Австрии и Чехословакии определенно указывали на задачи ближайшей наступательной политики Гитлера. Слабость реакции демократических государств на это поведение Гитлера и мужественные выступления Шушнига (22 февраля) и Годжи (4 марта) ярко осветили сложившееся положение. А затем последовали переговоры с Италией, вызвавшие отставку Идена и замену его Галифаксом. В то же время Англия сделала попытку нового контакта с Германией через своего посла Гендерсона. Визит Риббентропа, заменившего Нейрата, в Лондон послужил поводом к дальнейшим беседам. Если, как можно ожидать, все попытки переговоров не поведут к сближению обоюдных требований и уступок, то может получиться положение, еще более острое, нежели то, которое существовало до их начала.

В этом обзоре мне не пришлось говорить о роли советской России. Это умолчание не случайно. В два последние года, когда в Европе и в Азии происходили решающие события, СССР перестал приниматься в расчет в области международных сношений. Как раз перед тем он приобрел некоторый вес. Франко-советский пакт 2 мая 1935 года был в этом отношении высшей точкой его достижений. Тогда шла речь о «неделимом» мире во всей Европе. Теперь советский пакт учитывается не как поддержка, а как лишняя обуза на пути к миру. К этой веремене привела политика Сталина. Никто не может верить стране, где все сплошь руководители внешней и внутренней политики, по их собственному признанию, оказываются изменниками собственной родине. Если же отвергнуть искренность этих признаний, только что повторенных на московском процессе 21-го обвиняемого, то каково же то правительство, которое вымогает подобные признания силой, прикрываясь мнимой ответственностью невинных людей от справедливой народной ненависти, вследствие неудачи своей безумной политики? Если, наконец, признать правильной ту

часть признаний, которая говорит о заговоре против правительства, разорившего Россию и заведшего ее в тупик, то кто же больше заслуживает сочувствия: заговорщики ли, жертвовавшие своей жизнью, или властители, пытающиеся обеспечить себе безнаказанность? Все это, конечно, более или менее вероятные предположения; но для иностранцев — в том числе и для друзей России — ясно одно: сталинские расстрелы обезглавили армию, лишив ее компетентного высшего командования; они погубили корпус дипломатов, приобретших кое какой навык и умевших поддерживать значение России заграницей. Они, несомненно, понизили уровень знаний и опытности в аппарате управления. Они лишили власть всякого уважения и доверия — и сделали это как раз в то время, когда тоталитарные государства объявили борьбу с коммунизмом главным лозунгом своей борьбы с демократией. Сталин оказался лучшим союзником Гитлера, и чтобы запечатлеть этот союз, объявил на весь свет, что его лозунгом остается, по-прежнему, вооруженная борьба международного пролетариата против всех правительств мира. Если выбирать между изменниками и предателями России, то Сталину принадлежит среди них первое место. **П. Милюков.**

P. S. Эта статья была уже набрана, когда осуществилас одна из очередных угроз европейскому миру со стороны Гитлера. Она осуществилась притом без одного выстрела и с соблюдением внешних форм законности. Мир ахнул от изумления, когда было уже поздно, хотя к случившемуся «сюрпризу» готовились уже несколько лет. Австрия перестала существовать. Ее власти передали страну Гитлеру, ее наци торжественно приветствовали фюрера в Вене, ее плебисцит, заменивший насильственно отмененный опрос страны, только что перед тем объявленный Шушнигом, разделит судьбу всех плебисцитов при диктатурах. Когда первое впечатление прошло, Франция, только что вышедшая из очередного министерского кризиса, повторила свое обязательство защищать следующую возможную жертву, Чехословакию, оружием, как и полагается по договору. И гитлеровские дипломаты поспешили объявить Чехословакии свое благоволение. В Берлине умеют использовать благоприятный момент, умеют и выждать его. К сожалению, политика выжидания европейских демократий, описанная выше, исходит из начал, несовместимых с существованием остатков варварства в Европе. И основной вопрос, открытый насильственным захватом Австрии, сводится к тому, изжиты ли уже иллюзии, причислявшие германский режим к числу режимов, признающих хотя бы элементарные основы международного права цивилизованного человеческого общежития. **П. М.**

В. ПОПОВ

СТАЛИНСКИЕ ВЫБОРЫ И ВНУТРЕННЯЯ ПОЛИТИКА СССР

Уже за две недели до 12 декабря — дня, назначенного для выборов членов первого Верховного совета СССР — состав последнего вполне определился и всякий интерес к выборам пропал. Произошло это потому, что на этих выборах отсутствовала, прежде всего, самая возможность какого либо выбора. В каждом из избирательных округов был выставлен лишь о д и н кандидат и только за него советский избиратель мог подать свой голос в положительном или отрицательном смысле. Сталинские выборы, по существу, были не выборами, а плебисцитом фашистского типа.

Избирательная кампания велась по трафарету. Начиналась она с выдвижения той или иной кандидатуры на общем собрании рабочих или служащих какого нибудь предприятия, учреждения или колхоза. Лицом, выдвигавшим кандидатуру, обычно был простой пожилой **беспартийный** рабочий или крестьянин с еще довоенным или дореволюционным производственным стажем. Начав свое выступление с рассказа о том, как тяжело и плохо жилось раньше и как весело и отрадно жить сейчас под мудрым руководством любимой компартии и ее гениального вождя, оратор затем горячо рекомендовал собранию выдвинуть своим депутатом от местного округа такого-то (имя рек), который, помимо всех своих заслуг, известен своей преданностью партии и тов. Сталину. Выдвинутая кандидатура, как правило, восторженно принималась собранием и оффициально регистрировалась избирательной комиссией. Следующим этапом избирательной кампании была речь к избирателям самого кандидата. В этой речи, после клятвенных заверений в преданности партии и особенно Сталину и в готовности и впредь во всем следовать их мудрым указаниям, кандидат в депутаты давал собранию торжественное обещание поднять до максимума свою производительность. Если таким кандидатом был стахановец промышленности или полей, то речь шла о превышении существующих уже рекордов добычи угля, металла, свеклы и т. п., а если кандидатом был чекист (а таковых кандидатов было не мало), то такие же обещания давались в отношении дальнейшего беспощадного вылавливания и уничтожения троцкистско-бухаринско-рыковских гадов и всякой подобной нечисти.

Однотипность избирательной кампании во всех округах и, особенно, трафаретные, почти тожественные, речи беспартийных старцев, выдвигавших кандидатов, наводили на мысль, что дело тут обходилось не без режиссерской палочки советских руководителей. Наши предположения нашли себе полное подтверждение в опубликованном 20 января постановлении январьского пленума ЦК ВКП, где рассказывается, что «курский обком ВКП исключил из

партии и добился ареста председателя заводского комитета Дмитро-Таранского сахарного завода Иванченковой за сознательную **подготовку** контрреволюционного выступления на предвыборном собрании в Верховный совет СССР **беспартийного** рабочего Кулиниченко. По проверке же было установлено, что вся «вина» Иванченковой заключалась в том, что на предвыборном собрании беспартийный рабочий Кулиниченко. после того, как рассказал о своей жизни, сбился с выступления и забыл назвать фамилию кандидата в депутаты Верховного совета».

Спрашивается — для чего нужна была вся эта комедия? — Специально для того, чтобы кандидатов, выставленных фактически сталино-ежовским правительством, именовать оффициально кандидатами «блока коммунистов с беспартийными».

Советская пресса не сообщает ничего о каких либо отводах или возражениях против той или иной кандидатуры. Это может быть об'яснено двояко — либо таких отводов и возражений и не было, либо они были, но сов. газеты предпочли о них умолчать. Принимая во внимание, что во всех без исключениях краях, областях и республиках в числе кандидатов неизменно фигурировали представители **местной** администрации и **местного** ГПУ, удивляться тому, что «народ безмолвствовал», не приходится.

Одним из заключительных аккордов избирательной кампании была речь к избирателям самого Сталина. Эта речь содержала в себе совершенно недвусмысленную угрозу будущим депутатам потерей их депутатских мандатов, если эти депутаты «начнут финтить и сворачивать с правильной (понимай, сталинской! В. П.) дороги».

Мы не станем ни указывать числа голосов, по данным на выборах за кандидатов «блока коммунистов с беспартийными», ни строить на основании этих цифр каких либо выводов. Доверять этим цифрам нет никакой возможности. Достаточно сказать, что по этим данным число поданных голосов за самого Сталина, вопреки законам арифметики и здравого смысла, превысило все 100 0/0.

Результаты этих выборов для нас ценны и показательны совершенно по иным причинам. Самый важный вывод, который мы можем сделать из них — это то, что в «счастливом царстве Сталина» совсем не так благополучно, как нас изо дня в день усиленно стараются уверить советские газеты. Если бы действительно Сталин и его политика находили бы хоть сколько нибудь положительную оценку и одобрение у страны, несомненно, был бы допущен хотя бы какой нибудь намек на свободное народное волеизъявление, была бы хоть слабая попытка узнать подлинную народную волю. Если этого не было, если сталинские выборы были превращены в гнусную комедию, ясно, что причиной тому было лишь то, что подлинные народные чувства диаметрально противоположны тем, которые им приписывает сов. власть. Выборы были проведены так потому, что иначе их провести было нельзя. Сталинское правительство знало, что иначе была бы обнаружена его непопулярность.

У сталинского правительства не нашлось даже 1143 человека (общее число депутатов Верховного совета),абсолютно надежных и верных. Даже среди этих 1143 человек оказались враги, и их в срочном порядке пришлось заменять новыми кандидатами. В самый последний момент из кандидатских списков таинственно исчезли 37 чел. (15 кандидатов по Совету Союза и 22 кандидата по Совету национальностей). И что особенно примечательно, эти 37 отнюдь не были случайными людьми, деятелями местного масштаба. Нет, среди них были лица, не только хорошо известные Сталину и его правительству, но и широкой публике. Достаточно назвать имена председателя Госплана и заместителя председателя СНК СССР Межлаука, председателя Совнаркома Татарской республики Давлетянова, председателя ЦИК Киргизской республики Шамурзина, начальника автотанко-броневого управления РККА Бокиса, начальника всех военно-воздушных сил РККА Алксниса, командующего Забайкальским военным округом Великанова.

Выборы в Верховный совет СССР — лучшее **свидетельство о политическом банкротстве сталинского режима.** Заграницей так их и оценили. Эти выборы à sens unique, как их метко назвал один французский коммунист-рабочий, коллега по работе одного из наших товарищей, открыли глаза многим, искренне верившим до того и в сталинскую демократию, и в сталинскую счастливую жизнь. Впечатление, произведенное этими выборами на общественное мнение Западной Европы, можно расценить лишь, как крупнейшее моральное поражение советской власти за все 20 лет ее существования.

Еще большее недоумение, а в среде сторонников сов. власти и смущение вызвала первая сессия Верховного совета.

Законодателям оказалось нечего делать. После утверждения ими принятых в междупарламентский период изменений конституции и законов и избрания президиума Верховного совета и главы правительства, их поспешили распустить по домам. Дальнейшее присутствие депутатов было признано излишним, несмотря на то, что они усердно аплодировали (причем неизменно каждый раз «бурные их аплодисменты переходили в овацию») при каждом упоминании имени Сталина и единогласно без прений принимали любое предложение его правительства. Впрочем, может быть, именно поэтому они и были так скоро распущены. На самом деле, какой смысл возиться с 1143 человеками, если они все всегда и во всем согласны со Сталиным. Гораздо проще делать все, что он прикажет, не пуская в ход громоздкой и дорогой машины Верховного совета.

Выступления отдельных депутатов и, в частности, едкая критика Ждановым, Багировым и Косиором наркомюста Крыленко и др. министров совет-

ского правительства ясно показывали, что все эти выступления проводятся с благословения и по директивам самого Сталина. За все время сессии единственной, заранее неподготовленной, была речь какого то депутата Совета национальностей, заявившего протест против вечерних заседаний из-за невозможности потому пойти в театр или синема.

Большим сюрпризом сессии оказалось выдвижение на пост председателя президиума Верховного совета Калинина и скромная роль рядового члена президиума Сталина. Должность председателя президиума Верховного совета, по советской конституции равнозначная посту главы государства и явно предназначавшаяся для самого Сталина, однако, им занята не была. Ожидавшегося юридического оформления фактической роли Сталина не произошло, и двусмысленность положения Сталина осталась прежней. Более того, ныне, при наличии новой конституции, эта двусмысленность даже стала еще большей.

И сталинские выборы, и итоги первой сессии Верховного совета СССР ясно показывают нам, что за три года, прошедшие между моментом об'явления о реформе конституции (6 февр. 1935 г.) и временем претворения ее в жизнь, в настроениях Сталина и его окружения произошла большая перемена. Еще два года тому назад в беседе с Рой-Говардом, Сталин считал оживленную избирательную борьбу не только неизбежной, но и крайне нужной. «Всеобщие, равные, прямые и тайные выборы — говорил тогда он — будут хлыстом в руках населения против плохо работающих органов власти».

Чем же об'яснить перемену настроений теперь? Отчего Сталин не допустил никакой избирательной борьбы, и грубо навязал стране собственных кандидатов? Об'яснение, по нашему мнению, лежит в том, что опыт перевыборов на новых началах партийных и профессиональных органов показал Сталину резко отрицательное отношение масс к существующей власти и Сталин боялся, что удар хлыста грозит уже не только его министрам, но и ему самому. Отсюда и перемена отношения Сталина к новой конституции, и расправа с большинством членов конституционной комиссии, и каррикатура на выборы, и кратковременность первой сессии Верховного совета. Проведение конституции в жизнь в полном об'еме явно оттягивается, выборы в Верховные советы союзных республик состоятся не раньше лета; что же касается выборов областных и районных советов, то о них даже и не заикаются.

Но сталинское правительство отнюдь не склонно делать логического вывода из выяснившегося отрицательного отношения к нему населения. Верящий в свою мудрость и сверх-гениальность, Сталин пытается террором подавить всякую оппозиционность и все острие внутренней политики советов сейчас направлено на борьбу со сталинскими врагами. Отсюда и непрекращающиеся казни и опалы, отсюда и министерская чехарда, отсюда и истерические вопли о необходимости бдительности и даже сверх-бдительности, призывы к распознаванию, к выявлению, выкорчевыванию и беспощадному уничтожению сталинских врагов. Развившееся на этой почве и всячески поощряемое доносительство за последние месяцы приняло такие размеры, что самой советской власти стало страшно. Дело дошло до того, что власть уже не в силах разобраться в этом море доносов, не может установить, что в этих доносах правда и что ложь, от кого исходят доносы — от ее друзей или от врагов, прикидывающихся друзьями для того, чтобы вернее погубить истинных друзей Сталина.

Вести о кошмарных условиях советской жизни и о крайнем развитии террора доходили и раньше до заграницы, но только сейчас мы имеем тому документальное подтверждение.

Мы находим его в опубликованном в советских газетах от 20 января постановлении пленума ЦК ВКП, озаглавленном «об ошибках парторганизаций при исключении коммунистов из партии, о формально-бюрократическом отношении к апелляциям исключенных из ВКП и о мерах к устранению этих недостатков», равно как и последовавших после этого пленума разоблачениях советских газет. Все эти данные дают нам яркую картину «веселой и счастливой сталинской жизни».

Хотя постановление ВКП говорит только об ошибках парторганизаций в отношении партийцев, но, как видно из опубликованных данных, не лучше обстоит дело и с беспартийными. Передовая «Известий» от 25 января прямо признает, что по отношению к беспартийным работникам было также допущено «огульное зачисление честных тружеников в разряд политически сомнительных людей, система массовых увольнений с работы на основании непроверенных слухов, сплетен и провокационных измышлений действительных врагов, засевших кое где в государственном аппарате и продолжающих тонко вести свою гнусную работу».

Постановление пленума само указывает причины появления в свет этого постановления — «бездушное, говорит оно, отношение к людям создало **недовольство и озлобление** (курсив наш В. П.), которым пользуются троцкистские двурушники, ловко подцепляющие таких озлобленных товарищей и умело тащащие их в болото троцкистского вредительства». Партийные организации — констатирует постановление — при очищении партии от «троцкистско-правых агентов фашизма» допускают «неправильное и преступно-легкомысленное отношение к исключению коммунистов из партии и формально-бездушно-бюрократическое отношение к их судьбе». Немало случаев — удостоверяет пленум ЦК ВКП, когда партийные организации безо всякой проверки и, следовательно, необоснованно, исключали коммунистов из партии, лишали их работы, нередко, даже безо всяких к тому оснований, об'являли врагами народа, чинили беззаконие и произвол».

В постановлении пленума приводятся примеры массового исключения партийцев из партии и наиболее яркие случаи проявленного бездушия и беззакония.

Как мы узнаем сейчас, отдельные партийные работники сознательно провоцировали массовое доносительство. Напр., секретарь киевского обкома партии Кудрявцев на партийных собраниях неизменно обращался к выступавшим коммунистам с вопросом: «А вы написали на кого нибудь заявление?». Немудрено, что такая практика довела доносительство до фантастических пределов.

По словам сотрудника «Правды», Кольцова, появилось даже несколько типов доносителей. Вот как он в своей статье «О лжеразоблачителях и клеветниках» («Правда» от 17 января) описывает три типа таких доносителей.

Первый из них — говорит Кольцов — метатель копий, только бумажных. Он строчит кляузы на сослуживцев, на всех, кого знает и не знает. Строчит не факты, а вымыслы, намеки, предположения, иногда просто клеветническую ложь. Он изобрел специальную скользкую терминологию: «есть данные считать... по имеющимся сведениям... общался... внушает подозрения». Он заинтересован только в том, чтобы намутить, напустить побольше тумана, скомпрометировать максимально большее количество людей. Выясняли, кто эти разоблачители, оказалось — люди темные, опороченные с преступным прошлым и настоящим. Создавая себе облик разоблачителей, они пытаются отвлечь внимание от своих собственных темных делишек.

Второй тип — карьерист, который думает на бдительности нажить капитал. Он усердно раскапывает все дрязги и склоки, хотя бы 12-летней давности, обрушивается на всех и на вся, запугивает, терроризирует окружающих и застопаривает работу.

Третий тип — трус-бюрократ. Ему важно уберечь себя, собственное благополучие. Получив донос он, не задумываясь, снимет с работы любого честного человека, только потому, что тот будто бы общался с якобы врагами, уволит самую безобидную служащую, если она будто бы является двоюродной теткой будто бы разоблаченного вредителя.

Кольцов приводит ряд примеров.

Одного техника, напр., сняли с работы и никуда не принимают только за то, что он где то купил у разоблаченного позже вредителя граммофонные пластинки.

В Новосибирской области исключили из партии и сняли с работы, якобы за сокрытие социального происхождения и родственную связь с вредителем, а на самом деле за борьбу с хищениями, некоего Крутилина. Сняли затем с работы и его жену, исключили из партии и сняли с работы, проживающую в Саратове сестру, а теперь еще требуют исключения из ленинградского вуза и сына.

Вот вам и сталинское раз'яснение «сын за отца не отвечает». Оказывается, на деле, что отвечает и сын за отца, и жена за мужа, и сестра за брата, и начальник за подчиненного, и подчиненный за начальника, и один знакомый за другого, и родственники одного знакомого за родственников другого знакомого.»

В опубликованных данных есть ряд сведений, подтверждающих преследование сов. граждан за переписку с заграницей.

Но, несмотря на то, что система доносительства явно провалилась и ведет на практике к чудовищной провокации и всеобщему озлоблению и недовольству, советская власть тем не менее не собирается вовсе отказываться от нее.

Тот же Кольцов, одновременно с разоблачениями, указывает, что донос, имеющий целью выкорчевывание троцкистско-бухаринских гадов, является долгом и делом чести каждого советского гражданина. Осуждается не сама система, а лишь ее извращения, клеветническое доносительство, головокружение от успехов.

Сама система доносительства, равно, как и система террора, являются альфой и омегой советского строя и сталинская власть существовать без них не может.

Кстати, напоминание о головокружении от успехов вызывает невольно мысль о том, что Сталин одинаково действует, как тогда, так и сейчас. Тогда ведь тоже Сталин сначала поощрял насилия, требовал успехов, а потом за слепое выполнение его предначертаний исполнителей казнил. А сейчас — разве перегибы и бездушно-беззаконное отношение имеет место только в низовых организациях? Кто, как не сам Сталин, уничтожает людей только за то, что те были некогда знакомы с опальными ныне вельможами? Разве не на этом основании разгромлен высший командный состав красной армии, почти все советское дипломатическое ведомство? Кто, как не сам Сталин, пустил в обращение злостную клевету о преступной связи его собственных маршалов, министров и дипломатов с злейшими врагами родины?

Кто поверит в измену России маршала Тухачевского и расстрелянных с ним высших представителей красной армии, в предательство из-за корыстных побуждений чуть ли не поголовно всего состава советского дипломатического корпуса, в столь рекламируемое Сталиным вредительство всемогущего Троцкого?

Вся внутренняя политика Сталина состоит в приписывании себе чужих побед и в перекладывании ответственности за собственные ошибки на другие плечи.... У него всегда все виноваты, кроме него самого. Но теперь ему становится все труднее морочить народ.... Круг друзей Сталина суживается все больше и больше, и сейчас враги обнаруживаются даже в самом ближайшем его окружении.... Недовольство растет, поднимается все выше и выше, доходит уже до самых ступеней сталинского трона. Развязка приближается.

В. Попов.

А. МАРКОВ

Кризис промышленности в СССР.

Некто Вознесенский в «Большевике» (№ 2 — 1938 г.), восхваляя итоги социалистического производства во второй пятилетке, привел два соображения, которые целиком опровергают все его выводы о замечательных успехах.

Он пишет: «Созданная в СССР новая мощная техника позволяет добиться втрое и вчетверо больше производственного успеха, чем это есть в настоящее время. Дело за дальнейшим созданием новых, квалифицированных, большевистских кадров, дело за развитием стахановского движения».

Таково одно утверждение.

В этой статье автор пишет: «Важнейшей особенностью 1938 г. является рост вложений в капитальный ремонт основных фондов СССР. За годы первой и второй пятилеток созданы крупные производительные фонды. Разрушение и недостаточный ремонт уже существующих мощностей производились вредителями во всех участках народного хозяйства, на которые им удавалось пролезть. В 1938 г. средства на капитальный ремонт по ряду отраслей вырастают в два-три раза. В этом проявляется линия ВКП(б.) и советского государства на рост производительности труда и освоение новой техники, на ее полное использование новыми кадрами, на развитие стахановскаго движения,немыслимого без приведения в порядок станков, инструментов, всего оборудования предприятий.»

Дополним эти указания некоторыми цифрами. За годы первой пятилетки капитальные вложения в народное хозяйство составили 52,1 миллиарда рубл., а за 4 года второй пятилетки — 117,1 миллиарда рублей. Продукция новых и полностью реконструированных предприятий составила на 1936 г. 75,4% всей промышленной продукции СССР. В 1937 г. она исчисляется в 80%.

Итак что же утверждает Вознесенский?

Он утверждает, что социалистическая промышленность дает продукции значительно меньше, чем должна бы дать, принимая во внимание ее мощность. Если она может давать втрое и вчетверо больше, чем дает в действительности, это значит, что фактически приведена в движение только третья или четвертая часть существующих предприятий или это значит, что две трети или три четверти их как бы стоят законсервированными.

Когда советская пресса говорит о мировом хозяйственном кризисе, то в качестве аргумента, который должен показать бесспорность и глубину этого кризиса, она ссылается на уменьшение производства, уровень которого не соответствует мощности предприятия. Но в таком случае советская промышленность по иным причинам и в других условиях также переживает величайший кризис, так как основной капитал этой промышленности далеко не используется. Ссылаясь на рассуждения и факты, приводимые Вознесенским, мы склонны утверждать, что промышленный кризис в СССР и в настоящей своей стадии глубже и разрушительнее, чем кризис в капиталистических странах. Это будет ясным, если мы примем во внимание, что, на ряду с пониженным уровнем производства, за последние годы произошло разрушение основного капитала предприятий, чего не происходит на предприятиях капиталистических. Дело идет не об естественной изнашиваемости оборудования, восстанавливаемой ремонтом и обновлением из амортизационных фондов, а именно о разрушениях, изнашиваемости, связанной с отсутствием опытных рабочих, инженеров и техников. Если бы имело место только нормальная изношенность, то не было бы надобности производить чрезвычайные ассигнования в бюджетном порядке, что, как мы видели, решено сделать в этом году и что является, как пишет Вознесенский, «важнейшей особенностью» вложений в промышленность в этом году. Он даже склонен считать, что без такой меры «новые кадры» не могут быть надлежащим образом использованы и стахановское движение не может получить надлежащего развития.

Перед нами, таким образом, совершенно исключительное по своему значению явление. В самом деле, за короткое время умудрились нанести величайший ущерб оборудованию предприятий и в то же время это оборудование не использовали сколько нибудь нормально. О каком оборудовании идет речь? О новейшем, о том, на установку и приобретение которого истрачены десятки миллиардов рублей в самые последние годы.

Ссылка на то, что такие дела устроили вредители, совершенно фантастична. Как могли вредители действовать с такой несокрушимой силой во всех отраслях промышленности? Как можно было раньше не видеть такой мощности вредительства? Ссылка на вредителей в сущности ничего другого не обозначает и так это следует понимать, как признание самой сталинской экономики вредительской. Именно промышленная политика Сталина, проводившая стахановщину, и довела до тех результатов, которые мы имеем теперь. Характерно то, что период стахановщины, получившей наибольшее развитие в 1937 г., совпадает с таким фактом, как невыполнение плана промышленностью. В самом деле, по советским данным рост промышленной продукции за последние годы был таков:

Годы	Рост валовой продукции в % к предыдущему году
1933 к 1932	8,3
1934 к 1933	20,3
1935 к 1934	22,3
1936 к 1935	28,4
1937 к 1936	6,8 (для тяжелой промышленности).

План в 1937 г. тяжелой промышленностью был выполнен только на 88,9%. В 1936 г. промышленность перевыполнила план на 5,4%. В 1935 г. перевыполнение исчислялось в 4,9%.

По мере технического улучшения предприятий, ввода в эксплоатацию все новых и новых заводов и шахт, по мере роста числа более опытных рабочих и опытных техников, выполнение планов и продукция должны были бы расти. Но получилось как раз обратное. Такая дикость, немыслимая в любом капиталистическом хозяйстве, немыслимая по той простой причине, что предприятия, действовавшие так, как они действуют в СССР, просто обанкротились бы, совершенно естественна в социалистическом отечестве и, главное, она может продолжаться до тех пор, пока в хозяйстве будет преобладать политика. Само собой разумеется, что сталинское хозяйство, дающее стране огромные убытки (ибо никак нельзя себе представить, чтобы промышленность, в которой функционирует только третья или четвертая часть предприятий, была бы выгодной) существует только по той причине, что существует сталинский режим и что этот режим дает возможность покрывать убытки промышленности за счет жесточайшего обложения страны и сохранения на низком уровне существования народных масс. И что-бы ни говорили о росте благополучия рабочих и крестьян, мы этому верить не можем, ибо нельзя допустить сосуществования разорительной системы сталинского хозяйства и процветания страны.

Надо думать, в Москве результаты сталинского хозяйства учли и кое-что поняли. Это находит выражение в том, что стахановщина в прежнем виде (стахановщина, сводившаяся к очковтирательским рекордам отдельных рабочих) осуждена. Она стала толковаться теперь, как массовое увеличение производительности труда рабочих. Это совсем другое дело. Это уже не стахановщина, а проблема, над которой в СССР бьются столько лет и не могут разрешить ее, т. к. вместо заботы о рабочих массах занимаются созданием из рабочих сталинских кадров.

Выйдет-ли Сталин из того катастрофического положения, к которому приведена промышленность? Вопрос надо поставить шире: можно-ли вывести промышленность из тупика при сталинском режиме? Думаем, что нет. В катастрофе виновата сталинская система, благодаря которой на ответственные посты выдвигались люди невежественные, но близко стоящие к диктатору. Эта-же система неизбежно убивала творчество, инициативу и энергию всего технического персонала, превращая инженера в бюрократа, боящегося больше всего привлечения к ответственности за всякий самостоятельный шаг.

Спасут ли положение те новые люди, которые теперь в промышленности выдвигаются в большом количестве на руководящие посты? Кто эти «новые люди»? Если они подбираются только по степени верности Сталину, — то толку от них не будет. При таких условиях самая важная проблема — проблема выгодности «социалистической» промышленности для страны — остается нерешенной, и эта промышленность будет причиной разорения населения, что сейчас в особенности опасно при нарастании возможности нападения на СССР.

Сталин зовет новых людей и ликвидирует старых. Но и новые люди ничего не сделают при сохранении старой системы управления страной и хозяйством.

А. Марков.

ЕК. КУСКОВА

Цели и средства социализма

После всего пережитого, после всех крушений, в особенности после того, как дрогнули перед лицом неумолимых фактов самые основы таких «целостных миросозерцаний», как коммунизм, социализм, — нужно совершить большую работу только для того, чтобы придать определенный и более или менее общезначимый смысл прежним наименованиям, — старой терминологии. В предреволюционные и предвоенные времена ораторы с кафедр пропаганды легко и свободно оперировали понятием «социализм»,—«мы социалисты»,—и слушатели не сомневались в том, что они хорошо понимают, о чем именно идет речь. Правда, в те времена экзаменов не производилось, о точном понимании не спрашивали. Довольствовались неизвестно откуда бравшейся солидарностью пропагандиста с массой: слушали, постановили, исполнили... Только в закрытых кружках происходили иногда недоразумения. Видный социал-демократ в закрытом кружке учит табачниц марксизму. После долгих часов обучения экзамен:

— Ну, товарищ, так что же такое прибавочная стоимость?

— Прибавочная стоимость... Прибавочная... — морщит лоб работница... — Прибавочная стоимость это то, от чего страдают рабочие...

Пропагандист рассказывал нам, что он был доволен подобной «чувственной» политической экономией: ведь цель пропаганды достигалась и работницы усваивали, что Марксово учение их защита — надо за марксистами итти. А если такую работницу или рабочего спрашивали, что такое социализм, они уже без запинки отвечали: это — наше будущее, когда не будет капиталистов, не будет частной собственности и когда мы завоюем власть...

По правде сказать, не так далеко от этих простых и понятных формул был и социализм интеллигентов. Конечно, они обставляли эти выводы из длинной цепи исторических предпосылок аргументами «научного» порядка. Однако, по существу, в основе этой аргументации лежала она же «чувственная» идея работницы-табачницы: капитализм, прибавочная стоимость — это то, от чего так страдают рабочие, трудящиеся классы; социализм-исцеление, избавление от этих страданий. Социализм был скорее горячей верой, чем общезначимым понятием в научном смысле. И не Марксом и не марксистами только идеи социализма внедрялись в души и умы людей: печать древности лежит на них. Положение трудящихся классов не могло не волновать гуманистов всех времен и всех веков. Достаточно упомянуть Платона и его «Государство», чтобы обнаружить эти древние корни социализма. В новейшие времена, — в начале XУI века английский гуманист Томас Мор (впоследствии лорд-канцлер Англии) в своей «Утопии» формулировал и основную идею социализма: «Самая существенная причина общественной бедности заключается в неизмеримом количестве «благородных», которые, подобно праздным трутням, питаются работой и потом своих ближних, предоставляя им обрабатывать свои поля и высасывая из арендатора всю его кровь, чтобы увеличить свои доходы; другого способа жизни они не знают. Но если дело коснется того, чтобы доставить себе удовольствие, «тогда они становятся расточительными до безумия». (Томас Мор. «Утопия» рус. пер. А. Генкель, стр. 42). В позднейшие времена — с начала XУIII столетия появились новые «трутни, уже не владельцы земель, а владельцы фабрик и заводов, шахт и рудников. А в качестве эксплоатируемых — наемные рабочие, современный пролетариат.

В понятие социализма входит именно это основное содержание: бедность и богатство, работа и эксплоатация, неравное распределение дохода среди разных классов современного общества. Отсюда и отдаленная цель («конечная цель») социализма: уничтожение неравенства в труде и в распределении благ, народным трудом создаваемых, Поправки, которые делались к этой весьма примитивной, но жизненно-верной концепции, экономистами (дам Смит и др.), реабилитировали «трутней» — землевладельцев и капиталистов, — указаниями, что эти классы совершают полезную работу для всего общества и никоим образом не могут считаться трутнями. С такого рода моральным оправданием все развивающегося капиталистического строя трудящиеся, разумеется, мириться не могли. Конечная цель социализма — уничтожение частной собственности на средства производства, а, следовательно, и самой основы эксплоатации человека человеком, все более и более захватывала массы. Чартистское движение 40-х годов XIX столетия в Англии показало имущим классам, какое взрывчатое вещество — в лице фабричного пролетариата — накопляет внутри общества капитализм и как важна, поэтому, **правильная социальная политика** современных государств по отношению к трудящимся классам.

Англия с ее трэд-юнионами, кооперативами, арбитражами, просветительными обществами стала до известной степени классической страной рабочей социальной политики*).

По мере роста сознательности в рабочем классе стала усиливаться его борьба за свои интересы, — а в переводе на язык политической экономии — за более справедливое распределение народного дохода. В каждой стране борьба шла, в сущности, за чисто конкретные и узкие цели — улучшение (всестороннее) положения рабочего класса и социализм, т. е. конечная станция, на которой произойдет полное преобразование общественного строя, был лишь освещающей путь общей идеей, а не заданием реальной социальной политики класса трудящихся. На известной степени развития этой борьбы за конкретные цели и интересы была, однако, и эта «конечная цель» поставлена, как **осуществимая** задача, для которой лишь следовало собирать силы и найти средства, пути для ее решения. От философских рассуждений о «Государстве» Платона и от «Утопии» Томаса Мора — через целый ряд других социалистических систем (Фурье, Сен-Симон, Морелли, Бабёф, Базар, Пеккер, Бланки и др.) ко второй половине XIX века пришли к социализму Маркса, — к «истине научной, строго обоснованной по материалистическому методу и —

---

*) Средний русский социал-демократ презрительно относился к этим социальным учреждениям рабочего класса, ибо они «обволакивают» рабочего и мешают его революционному активизму. Но когда мы однажды (в конце 90-х г.г.) спросили — в интимной беседе — умного и образованного Г. В. Плеханова, какая страна скорее всего могла бы перейти к социализму, он, не задумываясь, ответил: «Англия, конечно. Там развиваются — несмотря на монархию, все предпосылки демократии социального типа, с деятельностью рабочего класса во всех областях государственной жизни». Тогда еще невозможно было предположить, что имя социализма узурпирует строй, не имеющий никаких предпосылок для разрешения сложных вопросов социальной политики и возникший на гребне революции в самой отсталой европейской стране....

имеющей все предпосылки для своего осуществления», как формулировали «научный социализм» последователи Маркса.

II

Сам Маркс никогда и нигде не формулировал **конкретных форм** будущего строя. Отчасти за него это делал Энгельс и представители германской социал-демократии, наиболее ортодоксальные его последователи. Но и у них — даже в Эрфуртской программе — нет строго очерченных линий этого будущего строя за исключением трех пунктов: отмена института частной собственности, огосударствление всех средств производства и уничтожение классов. Набросок этой задачи был и дан в «Коммунистическом Манифесте» 1848 г., т. е. тогда, когда в Англии было подавлено чартистское движение, а на континенте Европы оно делало лишь свои первые шаги. По этой первой конституции Маркса социализм может быть достигнут лишь революционным путем. Социальная революция представляет собой **резкую грань;** сама же творческая работа социализма начнется лишь на другой день после революции». Впоследствии Маркс и в особенности Энгельс эту точку зрения несколько видоизменили: социализм может быть «введен» и путем демократии, когда пролетариат будет большинством в демократическом парламенте. Однако, все социалистические партии продолжали называть себя «революционными» и строго блюсти идеал «другого дня», — какого то нового строя, окончательно уничтожающего капитализм. На этой революционной основе и был построен первый Интернационал. 28 сентября 1864 г. в Лондоне, в С. Мартинс Галле, была основана «Интернациональная рабочая ассоциация» — первая историческая форма обще-европейского рабочего движения. Его задача: борьба политическая в рамках национальных, но со связью всего пролетариата в рамках интернациональных Первый Интернационал включал в свои ряды не только марксистов, но и бланкистов, бакунистов, просто трэд-юнионистов, и конгрессы его не представляли зрелища солидарности. Напротив, раздоры были настолько резки, что после некоторого расцвета, он окончательно запутался в распрях и — по предложению Маркса — президиум его был перенесен в Нью-Иорк, подальше от европейских пролетарских распрей... Однако, этот первый интернационал отточил «идеологию борьбы» и поставил выступления социалистических партий на такие рельсы, с которых до войны они в сущности и не сходили. Основы этой идеологии были формулированы в 1872 г. на конгрессе в Гааге, год спустя после страшного и кровавого крушения французской коммуны 1871 г. Гаагский конгресс, на котором лично присутствовали Маркс и Энгельс, принял огромным большинством голосов резолюцию Вальяна (французский бланкист): «В своей освободительной борьбе рабочий класс лишь в том случае будет действовать успешно, если он организуется в политическую партию, **отграниченную от всех старых партий, образованных имущими классами и находящуюся во враждебных к ним отношениях.** Организация рабочего класса необходима для торжества социальной революции и конечной ее цели — уничтожения всех классов».

На этом же конгрессе Маркс произнес речь, которая заканчивалась следующими словами: «Резолюция должна быть общей для всех стран. Мы имеем перед собой пример Парижской коммуны, которая пала потому, что во всех других странах — Берлине, Мадриде и прочих — не возникло одновременно с нею революционного движения, которое находилось бы в тесной связи с восстанием парижского пролетариата»*).

Страной, в которой организация политической партии и неразрывно связанная с нею профессиональная организация рабочих, развивалась в этой классической форме первого интернационала, была Германия. Она и явилась законной наследницей первого интернационала, продолжающей его традиции и учредительницей второго интернационала, действующего уже на почве развитых социалистических партий во всех странах земного шара.

III

Социалистические партии всех стран совершили колоссальную работу в деле организации рабочего класса, под'ема его политического, экономического и культурного уровня. В этом отношении их заслуга бесспорна. Совсем другую оценку дает история развитию социалистической идеологии. В то время, как различные формы рабочего движения успешно развивались **на почве капиталистического строя в недрах его,** идеал социализма, его конкретная форма, не только не прояснилась, но все более и более затуманивалась. Застой идейного развития социалистических учений был тем более непонятен, что в недрах самого капиталистического общества назревали предпосылки для каких то изменений его основ. Все более и более терял капитализм в глазах передовых людей всех стран — и свое моральное оправдание. Некоторые ученые заговорили даже о «банкротстве системы частного предпринимательства», а громадные массы безработных явились уже настоящей угрозой благополучию общественного строя. В своей речи на английском церковном с'езде в 1922 г. архиепископ Иоркский высказал суждение **христианина** о существующем строе: «Я говорю об обширной системе верований, поступков, политических теорий и действий в области промыш-

---

*) Этому убеждению Маркса о «всеобщности» социальной революции резко противоречит «социализм в одной стране» Сталина.

ленности, политики и международных отношений, которую мы можем, обобщая, назвать европейской цивилизацией. Она достигла зенита в минувшем столетии. Она была чудесно приспособлена для производства материальных благ и увеличения нашей мощи. Она пробудила огромную инициативу и сумела удовлетворить тысячи новых потребностей в комфорте и материальных удобствах. Она вызвала к жизни обширное промышленное население. Благодаря лежащей в основе ее вере в выживание сильнейшего она способствовала пробуждению патриотизма. Но ее мотивами, мотивами ее руководящих деятелей, классов и государств, были себялюбие, соперничество, борьба враждующих сил. Ныне эти силы вошли в коллизию сами с собой. Они разрушают созданную ими культуру. Это ярко сказалось во вспышке всемирной войны и в грозящих Европе в настоящее время опасностях. **Само здание современной культуры не может быть разрушено, не вызвав всеобщей катастрофы. Но если эта европейская цивилизация должна быть благомъ, а не проклятьемъ для человечества, то лежащие в ее основе мотивы деятельности должны быть изменены».** («Таймс» 11 окт. 1922 г. «Речь на церковном с'езде»).

Опыт полного разрушения здания русской культуры, гораздо более слабой, чем европейская, показал, что такие акты «социальной революции» могут приводить лишь к катастрофе, а не к «другому дню» нового строя, не к социализму. На социалистических партиях все еще лежит проклятие их отчужденности (резолюция Вальяна 1872 г.) от других партий, в том числе от демократических. Лежит и другое: **абсолютное отсутствие ясного представления о том, что же такое социализм, как наследник капитализма.** Простая экспроприация орудий производства — как показал с неумолимой очевидностью русский опыт. Не является еще социализмом и строй, на этой основе утвержденный, ниже осуждаемого европейского строя и по моральным и по культурным своим принципам. С другой стороны, опыт восхождения к власти лидеров европейских социалистических партий (германской и в последнее время так наз. «Опыт Леона Блюма») также показывает, что завоевание политической власти, — цель, к которой стремились революционные марксисты, — недостаточный аргумент и недостаточная предпосылка для «введения», для декретирования социализма, для установления «резкой грани» между вчерашним и сегодняшним днем. Наоборот, этот опыт говорит о понимании социалистами европейского типа, правда, сравнительно элементарной истины: строй не **«вводится»,** и не **«декретируется»;** он **возникает** и **развивается** по законам, которыми еще отнюдь не овладело человечество и неизвестно, когда овладеет..... Один только Сталин знает эти законы и умеет ими оперировать. Но для такихъ операций ему необходимы не люди, а заводные куклы. Европейский социализм отверг подобные манипуляции над живыми и чувствующими людьми, относя их скорее к строю восточных деспотий, чем к каким бы то ни было веяниям социализма. Но отвергнув Сталинский насильственный социализм, европейские социалисты посягнули и на самую основу своих старых принципов: революционное завоевание власти, как орудие борьбы за социализм, и полная отмена частной собственности, **как средство ликвидации капитализма.** Эта старо-марксистская концепция умерла в послевоенной практике социалистических партий и в русском опыте. Остается поставить вопрос: что же реально в концепции социализма и к чему должны быть приложены усилия реформаторов для устранения тех зол капитализма, о которых с такой силой говорил в своей речи архиепископ Иоркский.

IУ

В этом кратком очерке мы старались показать, что ни в одной концепции социализма нет указаний на конкретные черты, характерные для этого строя. Но совершенно явственно проходят линии **реальной** политики социалистов: защита интересов трудящихся масс. Концепция Маркса, сузившая понятие «трудящихся» до класса промышленных рабочих, должна быть решительно откинута. В сложной системе капитализма класс «трудящихся» весьма многолик: служащие, рабочие, крестьяне, мелкие ремесленники являются членами социалистических и радикальных партий и в одинаковой мере заинтересованы в устранении зол современного строя.

Затем, не социальная революция является **гранью,** отделяющей сегодняшний, капиталистический строй от завтрашнего социалистического, а количественное и качественное накопление **преобразований** в пользу трудящихся масс, преобразований, которые происходят и должны происходить в силу реформаторской деятельности самих рабочих масс и правительств, поддерживающих их стремления. Когда то германский ревизионист Эдуард Бернштейн дал формулу: конечная цель социализма — ничто, движение рабочих масс — все. Для новых времен, характеризующихся «кризисом капитализма, как системы», эта формула узка. Теперь уже «задвигались» не только рабочие массы, но даже политики-консерваторы. И им приходится смазывать капиталистическую машину маслом **«национал-социализма»** и **«зимней помощью»,** чтобы показать, что и они «движутся» в направлении рабочих масс и по пути ограничения привилегий и аппетитов имущих классов. Фашисты — надо им отдать справедливость — понимают глубину кризиса капиталистического строя и пытаются на свой образец — найти средства для преобразования общества. Радикальный реформизм Рузвельта, «социальный план» де-Мана и Спаака, бельгийцев, работающих на поч-

ве сильно и всесторонне развитого рабочего движения, — все это явления того же порядка: поиски средств спасения современной цивилизации от распада и преобразования общества на иных экономических, политических и моральных основах. Лежат ли эти поиски в области комплекса идей, именуемых социалистическими? Несомненно. С большой, однако, разницей от концепций манифеста 1848 г.. В этих попытках «планирования», лечения хаоса экономических отношений их координацией, ищут предпосылок для новых построений не в обострении классовых противоречий, а, напротив, в солидарности всех классов в недрах современных государств. Для такой солидарности необходимы не только смягчение революционной энергии рабочего класса, но и решительность буржуазии итти в сторону ограничения своего политического господства и экономических привилегий. Другими словами, этот завтрашний день какого то нового социального строя основной предпосылкой своей должен иметь демократизированную общественность, глубоко вошедшую в нравы и обычаи, во все поры отношений между людьми, а не только в верхние регистры политического парламентаризма. В своей превосходной статье в «Современных Записках» (№ 65) «Путь шведского социализма» Е. Юрьевский рисует грандиозную по сложности своей сеть мероприятий, которыми стоящие у власти социалисты преобразуют государство — безусловно в социалистическом духе, в духе резкого перераспределения народного дохода, — внешне не затрагивая ни института частной собственности, ни частной предприимчивости и личной инициативы. Эти последние драгоценные для всякого производства качества находят новые пути для своего приложения в развивающейся атмосфере общественного солидаризма. Шведы понимают, какой огромный путь должен пройти этот солидаризм прежде, чем люди труда овладеют сложнейшими процессами производства, не нарушая ценных элементов современной цивилизации.

И совершенно правильно замечает Юрьевский, что **«социализм, как психология, мораль, требование, стремление к развернутому обслуживанию права на жизнь, появился раньше, чем для него были созданы более или менее достаточные материальные предпосылки».**

Цель, поставленная в ХУ1 веке «Утопией» Томаса Мора, остается той же самой — уничтожить нищету масс и кооперативную солидарность всех слоев общества положить в основу нового строя. Но как усложнились средства для достижения этой цели и как высоко должна быть поднята культура и сознательность **человека,** в руках которого находится путь к этому неведомому завтрашнему дню.... Критика же капитализма блестяще выполнялась социалистами. Но ими чрезвычайно мало сделано в области положительных программ, реформирующих весь строй в целом, а не только «классовое самосознание» пролетариата. Достаточно указать, что утопическая концепция Маркса о «бессилии политической власти пролетариата» потерпела фиаско и в опыте Блюма, и в многолетнем господстве германских социал-демократов, и тем более в русском опыте. Еще решительнее жизнь отвергла позицию «изоляции» пролетариата от всех других партий, ставящих своею целью реформирование современного строя. Даже коммунисты должны были, осуществляя единый фронт — осквернить свою «чистоту» союзом с буржуазными радикалами. И оглядываясь назад, можно безошибочно утверждать, что именно эта изоляция якобы «передового класса» играла реакционную роль, мешая союзу всех прогрессивных элементов для проведения реформ в интересах трудящихся.

Можно ли рассчитывать, что пребывание — все более и более частое — социалистов у власти создаст предпосылки и для разработки новой социалистической идеологии. Одно только форсирование классовой борьбы и вера в творческие силы социальной революции — слишком бедный арсенал для реформаторов сложнейшего капиталистического механизма. Как будто понимание не классовых только, а **государственных** задач, стоящих перед социалистами и перед всеми трудящимися в целом, начинает то тут, то там доходит до сознания людей, воспитанных на старых марксистских теориях. Скандинавы показывают прекрасную дорогу к этому желанному завтрашнему дню. А японская социал-демократия (Сякай-Тайсюто) на своем последнем с'езде (15-Х1-1937) произвела изменения основных пунктов своей программы. Первый пункт этой программы, в котором говорилось, что «партия борется за благополучие рабочих и крестьян, защищая их право на жизнь, и преследует цель освобождения пролетариата **путем разрушения капитализма,** теперь отброшен. Он заменен новым: «Партия ставит свою целью — развитие — **на основе государственного строя Японии** — японского народа и общественной культуры. Партия стремится к созданию плановой промышленности и стабилизации народной жизни на основах реорганизации капитализма».

На Востоке, оказывается, додумались до основной предпосылки социализма: огосударствление миросозерцания — если так можно выразиться — должно предшествовать огосударствлению средств производства... Безгосударственные люди, с одной только идеей классовой борьбы в голове — плохие строители прочного фундамента, на котором может быть возведено здание будущего — царство труда и свободы.

Ек. Кускова.

А. АЛЕКСАНДРОВ

К вопросу об „едином" и „народном" фронтах

Мы ПЕРЕЖИВАЕМ тревожное время. Демократические идеи, в глазах многих, потеряли динамическую, заразительную силу. Послевоенный период почти повсеместного торжества демократических режимов, приступавших, на обломках рухнувших самовластий, к громадной задаче устройства свободного государства и общества, сменился оборонительным периодом демократической идеи: от наступления она перешла к самообороне. Одним из парадоксов нашего времени является то обстоятельство, что в качестве чемпионов борьбы за торжество демократии выступают представители доктрины, принципиально отрицающей великую ценность этой идеи и противополагающей ей спасительную идею перерождения государства на началах диктатуры избранного класса, нового Мессии-пролетариата. А там, где практически дано осуществлять эту новую систему — на нашей родине, — «освобождение человечества» вылилось в самую беспощадную из когда либо существовавших деспотий, в беспримерное издевательство над человеческой личностью.

Мимикрия под демократию ее левых отрицателей сопровождается открытым нападением на нее правых хулителей-фашистов всевозможных мастей и правых изуверов. В такой «боевой» обстановке возникают разные рецепты защиты демократии и подвергаются иной раз переоценке, казалось бы, прочно установленные ценности. Создаются самые причудливые комбинации партий и лиц. Французские коммунисты, которые несут моральную ответственность за кровавые подвиги своих русских товарищей, поскольку они подчеркивают с ними свою солидарность, протягивают руку наместнику ап. Петра, а умеренный республиканец Поль Рейно готов сидеть рядом с коммунистом Торезом при наличии противоядия в лице правого Марэна.

Поистине, политическая неразбериха достигла апогея. Но кроме мимолетных, на мгновение рождающихся и тут же распадающихся комбинаций некоторые попытки новых политических образований обнаруживают большую устойчивость и постоянство. Я имею в виду кампанию по об'единению коммунистической и социалистической партий — созданию единства рабочего класса для борьбы с фашизмом и тактику так называемых «народных фронтов», более широких об'единений (коалиций), рассчитанных на временную совместную работу, тоже под флагом борьбы за свободу и демократию.

Зададимся вопросом: все эти единые и народные фронты служат ли делу защиты демократии? Мы в нашем журнале должны рассмотреть эти явления не с специальной точки зрения интересов рабочего класса, торжества социализма и т. д., а с общей позиции республиканской демократии.

Практически вопрос этот стоит на очереди во Франции, поэтому мне придется, главным образом, остановиться на истории и отдельных моментах развития этой проблемы во французских условиях. Но за конкретными чертами обстановки, создавшейся во Франции, скрывается общезначимое принципиальное существо вопроса.

Нас меньше должно интересовать так называемое «единство действий», т. е. тактическое соглашение, рассчитанное на известный срок, преследующее определенные цели. Конечно, при четкой принципиальной позиции в отношении коммунистической партии не было бы возможно заключение и таких, с ограниченным значением «пактов». Мы знаем, что французские социалисты подписали с коммунистами «пакт о взаимном ненападении и совместных действиях» 27 июля 1934 г. Этот договор послужил исходной точкой для дальнейших переговоров о полном слиянии коммунистической и социалистической партий в единую партию рабочего класса. Но тактическое соглашение, — вызванное специфическими условиями политической обстановки, может без труда быть прервано, заменено другой тактической комбинацией. Партия сохраняет свою независимость и самостоятельность, ее кадры и аппарат остаются нетронутыми и способными к самостоятельной деятельности. Доктрина партии не подвергается изменениям. Одним словом, риск от даже опасных и неосторожных тактических союзов не слишком велик; они не ставят под удары ни внутреннюю организацию партии, ни ее общественно-политический удельный вес и влияние.

Иной характер приобретает так называемое «органическое слияние», растворение социалистов и коммунистов в единой партии. Общеизвестно, какую необычайную энергию проявили коммунисты в борьбе за «всяческие единства» — синдикальное и политическое. Вопрос о профессиональном единстве получил известное разрешение. О нем не будет речи в нашей статье. Проблема слияния социалистической и коммунистической партий прошла через несколько фаз развития, и на ней нужно подробно остановиться.

Итак, коммунисты, вместо травли социал-предателей (впрочем, как увидим, окончательно не брошенной) стали заигрывать с «братской» партией. Было время — еще недавно, — когда коммунисты повсюду — и во Франции и в Германии — предпочитали отдавать свои голоса самой черной реакции. Сейчас мы наблюдаем полную перемену декораций. В чем причины новой тактики коммунистов?

Первая и главная причина заключается в политике Сталина, связанной с общим международным положением. Ведь лозунг-лейтмотив всей «об'единительной» кампании звучит ненапрасно, как призыв к об'единению «против фашизма и **войны**». В виду нависшей реальной угрозы войны, страшной московскому диктатору, нужно всячески укреплять свои позиции, где только это возможно, используя для этой задачи послушные филиалы партии заграницей.

Параллельно существует и другая причина «об'единительной» лихорадки, которой одержимы сейчас коммунисты. Это — практический расчет путем слияния растворить в себе своего противника, подавить его численным превосходством в недрах своей партии. Новая тактика может оказаться более целесообразной; при помощи ласковых слов и нежной дружбы можно легче справиться со своим конкуррентом — «обнять, чтоб задушить» — по образному выражению одного бельгийского социалиста. Не может быть сомнений в том, что тут лишь тактическая модуляция, а не принципиальный сдвиг; основная задача остается прежней: «невозможно покончить с капитализмом, не покончив с социал-демократизмом в рабочем движении», напоминает в своей нашумевшей статье в «Правде» от 7 ноября, Димитров тем, у кого притупилась память, слова, сказанные Сталиным 10 лет тому назад. **Социал-реформизм — вот враг.** Эту точку зрения, конечно, разделяют и французские коммунисты. Торэз в своей речи на заводе Рено, в которой он официально солидаризировался с вышеупомянутой статьей лидера III интернационала, прямо заявил, что «принятие единого пролетарского фронта означает **революционное единство пролетариата путем ликвидации идеологии и практики социал-демократизма».** Этой постановке вопроса нельзя отказать в исключительной ясности и определенности.

Мы знаем цели и намерения коммунистов в их флирте с социалистами (количество приведенных нами цитат и документов можно было бы безконечно увеличить).

Что же противопоставляют в этой опасной игре социалистические партнеры? Какова тактика и принципиальные «установки» социалистов в переговорах с «братьями», на какой базе они склонны укрыться под одной партийной крышей в бушующую политическую непогоду?

Марсельский с'езд социалистической партии в июле 1937 г. выработал условия «органического единства». Главные из этих условий — во 1-ых, признание внутри-партийной демократии, на всех ступенях партийной организации, 2) суверенитет национальных и международных конгрессов и 3) независимость партии от всякого правительства.

Коммунисты поторопились признать эти условия вполне приемлемыми и в постановлении Ц. К. от 22-23 июля 1937 г., с своей стороны, предложили ряд конкретных мер для ускорения слияния обеих партий: 1) административная комиссия социалистической партии и Ц. К. коммунистов отныне должны собираться дважды в месяц для координации действий; 2) избранники обеих партий в разные представительные учреждения будут впредь сообща обсуждать стоящие на очереди вопросы, 3) совместная организация пропаганды и 4) соглашение между печатными органами обеих партий о сотрудничестве и обмене публицистами.

Вопрос о слиянии ставился на практические рельсы. Сговорчивость и настойчивость коммунистов в этих переговорах станут особенно понятными, если принять во внимание, что будущая об'единенная партия пролетариата насчитывала бы 300 тыс. коммунистов и только 200 тыс. социалистов. Как же, при таком численном соотношении сил, коммунисты могли не выступить в роли блюстителей демократических принципов в партийных рамках? Не может не поразить, что в столь важных и ответственных переговорах **забыли о демократии вообще.** Проблема демократии не в узко-партийном смысле, а в плане общественном и государственном просто не была поставлена на обсуждение и никаких гарантий от недавних ее отрицателей — коммунистов потребовано не было.

Лидеры социалистов явно затягивали вопрос о слиянии, повидимому, понимая смертельную опасность коммунистических об'ятий и для своей партии и для «Народного фронта», хотя позиция их становилась все более затруднительной: непонятной казалась, особенно, для неискушенной партийной массы задержка, раз все трудности и препятствия были преодолены. Но тут на помощь социалистам подоспела красочная, яркая статья Димитрова, помещенная в «Правде» 7 ноября по случаю октябрьских торжеств XX-летия большевизма и перепечатанная, с полным, конечно, одобрением в «Юманитэ».

Статья Димитрова, действительно, весьма интересна и на ней необходимо остановиться. Она построена на трех тезисах:

1) апология сталинского «социализма» в одной стране, в достижениях которого могут сомневаться только «безнадежные кретины, нередко называющие себя социалистами, и политические шарлатаны, извращающие марксизм».

2) резкий выпад против политики «социал-демократизма, реформизма» (выше я привел необычайно колоритную цитату) и

3) признание «важнейшей ударной задачи» — загородить во чтобы то ни стало дорогу фашизму в буржуазно-демократических странах, свергнуть фашизм там, где он находится у власти» — путем установления единого фронта между коммунистами и социалистами и антифашистского народного фронта». Это облегчается тем, что «в социал-демо-

кратическом лагере начался процесс отхода от позиций реформизма» и т. д.

И, наконец, заключение статьи, написанное с напыщенным под'емом: «в настоящей международной обстановке нет и не может быть другого, **более верного критерия,** чем **отношение** к СССР для определения того, кто является **другом** и кто **врагом** дела рабочего класса и социализма, кто является **сторонником** и кто **противником** демократии и мира» и т. д. и т. д.

Итак, чтобы получить «свидетельство о политической благонадежности», необходимо безоговорочное признание уродливой сталинской диктатуры.

Статье лидера Коминтерна нельзя отказать в ясности и недвусмысленной договоренности: точки над і отчетливо поставлены.

Социалисты сделали вид, что только сейчас, после опубликования статьи Димитрова в органе французских коммунистов они прозрели и догадались о подлинных целях «об'единительных» стараний своих «братьев».

Административная комиссия вынесла резолюцию о временном приостановлении переговоров об «органическом единстве», хотя она подтверждает свою верность «единству действий», т. к. оно является «условием действенного сопротивления фашизму и крепости народного фронта, а также потому, что в плане международном нет более срочной задачи, как разоблачение подлинных мотивов антикоммунистического блока, который под видом борьбы против коммунизма возбуждает кампании, имеющие целью «разбить рабочее движение, уничтожить демократию и создать угрозу миру».

В решении социалистов подчеркнута необходимость «свободного изучения фактов экономических, политических и социальных, каковы бы они ни были, и, особенно, совершаемых во имя социализма». «Социалистическая партия отказывается отчудить свою независимость в пользу какого бы то ни было правительства».

«Единство не может быть поглощением одной партии другой, а именно так представляет себе предстоящее слияние Димитров. Оценка этим последним социал-демократии и формулированные им цели об'единения являются непреодолимыми препятствиями на пути слияния», — читаем мы в резолюции, хотя «конечной целью остается органическое единство, как условие завоевания рабочим классом власти».

Наконец то, прозвучали, хотя и приглушенно, ноты принципиального характера. Однако же, вопрос о понимании социализма и методах его осуществления, в частности, центральная проблема отношения социализма к демократическому государству и тут не были поставлены с полной отчетливостью.

Здесь мы подходим к другой теме: **могла ли** французская социалистическая партия в своих переговорах с коммунистами, стать прочно и безоговорочно на демократическую базу и поставить во главу угла безусловное признание ценности демократии, как предпосылки всякой борьбы за социализм.

Несомненно, в этом кардинальном вопросе **внутри самого социализма** не все благополучно. В нем самом не окончательно изжиты иллюзии **«скачка** из царства необходимости в царство свободы», когда можно и пренебречь демократическими принципами. Диктатура пролетариата «Коммунистического манифеста» для некоторых социалистов более соблазнительна и маняща, чем медленное продвижение ко все удаляющейся цели «эмансипации «трудящихся» на путях «Декларации прав человека и гражданина». В самое последнее время мы получили ряд свидетельств о напряженной внутренней борьбе этих тенденций. При остром столкновении демократической концепции социализма с точкой зрения предпочтения революционного удара («последний, решительный!») и «прямого действия» не всегда торжествует позиция демократического эволюционного социал-реформизма. Недавно мы узнали, что во влиятельной сенской федерации социалистической партии одержало верх течение так наз. «лево-революционное», возглавляемое Марсо-Пивером.

Какова же принципиальная платформа этой тенденции?

«Народный фронт умер, да здравствует Революционный фронт», — вот новый лозунг. Нужно бросить сотрудничество классов и создать революционный фронт классовой борьбы, который массы должны навязать; и они это сделают, если социалистическая партия будем ими управлять. В качестве ближайших мер этот новый «фронт» должен «оголить» фронт — в прямом смысле — фронт национальной обороны, путем отказа в военных кредитах и сокращения срока военной службы.

Эти цитаты из речи лидера левого течения следует дополнить выдержками из его статьи под выразительным заглавием: «В наступление! немедленно!».

При создавшейся во Франции политической обстановке автор усматривает возможность «молниеносной победы».Необходимо энергичное наступление на капиталистические силы «старого мира, который умирает». Здесь чувствуется прямо мистическая эсхатология «конца мира».

«Народные массы знают, что **только их автономное классовое действие и прямое действие** являются единственными гарантиями их свобод (подчеркнуто в подлиннике. **А. А.).** Судьба народных масс должна быть доверена их большим организациям (советы?). Дальше автор заговорил... о «демократии, которая пребывает в «hommes du rang»: пусть они ее осуществляют, командуя по настоящему, вместо того, чтобы следовать покорно

по течению». И в заключение, после такой своеобразной интерпретации «демократии» Марсо-Пивер выдвигает ряд требований: **рабочий контроль через заводские комитеты, правительство организованных антикапиталистических сил, экономика страны должна направляться трудящимися, решившими идти к социализму.**

Приведенные мною длинные выдержки дают яркую, аутентичную характеристику анти-демократического течения в социализме, предельно игнорирующего реальную картину социально-экономической эволюции. При существовании такой антидемократической тенденции в социалистической партии, очевидно, трудно было вести переговоры на принципиальных позициях признания демократии, как необходимой предпосылки и «единства действий» и полного слияния в одну партию.

(Заметим в скобках, что платформа, выдвинутая Марсо-Пивером, скорее рисковала **отпугнуть коммунистов левизной практических мер** антимилитаристского характера, которые не без основания можно заподозрить в ненавистном «троцкизме»!).

Но наряду с этой опасной струей в социализме, все больше и больше крепнет и развивается течение реалистическое, учитывающее новейшие факты социально-экономической эволюции, которая нарушает намеченную Марксом классическую схему.

Во всей полноте я в своей статье не смогу рассмотреть этого вопроса (ему посвящена интересная статья Е. Д. Кусковой).

Но коснусь только некоторых попыток по-новому идеологически обосновать социализм и стоящие перед ним задачи. Тогда станет ясным, что проблема слияния с коммунистами тут **вообще отпадает,** т. к. демаркационная линия, разделяющая демократический социализм и антидемократический коммунизм, проводится все с большей четкостью.

Вот в Бельгии недавно начал выходить боевой политический орган «молодых» «Cahiers politiques». В первом номере помещена программная статья видного бельгийского социалиста Спаака, министра иностранных дел, который с редкой смелостью и с большим блеском ставит на очередь вопрос **пересмотра политических доктрин** и перегруппировки политических сил. «Мое убеждение, пишет он, что сейчас имеются три больших течения, не противоречивых, а дополняющих одно другое и выражающих пожелания громадного большинства. Они сосредоточены вокруг трех идей: 1) социального прогресса, 2) политического порядка и 3) достоинства человеческой личности. Автор статьи подробно развивает каждую из этих «идей-сил». «В нашей стране только ничтожное меньшинство противостоит социальному прогрессу. Громадное большинство принимает идею защиты трудящихся классов против риска существования. Главная цель — в обеспечении за всеми жизненного минимума, права на труд и благополучие. Могут быть разногласия относительно средств к достижению этой цели, однако, это совсем несущественно, раз существует искренняя воля осуществить общую задачу».

«Но социальный прогресс должен протекать в условиях политического порядка. Государство должно быть сильным. Демократия есть лучшая из политических систем, но и наиболее трудная. Чтобы ее сохранить, ее нужно совершенствовать. «Не будем противопоставлять идею демократии идее авторитарности». Демократия — это режим авторитета, построенный на доверии и контроле. Каждый из этих трех элементов необходим для правильного функционирования режима.

Целью же материального прогресса в обстановке политического порядка является полное развитие человека, расцвет и раскрытие человеческой личности».

Такова, в краткой передаче, политико-социальная доктрина, которую нарисовал **социалист** Спаак. Несомненно здесь отход от традиционного понимания социализма — громаден. Недаром выступление Спаака вызвало сильную реакцию в левом крыле бельгийской рабочей партии, потребовавшем особого разбора «дела».

Так или иначе, яркая статья видного бельгийского социалиста, крайне симптоматична. Под ней мог бы подписаться, мне кажется, любой республиканец-демократ. **Такой** ревизионизм социалистической доктрины несомненно облегчает сговор всех демократических сил страны. Благодаря нему в Бельгии стал возможным блестящий «опыт Ван-Зееланда». При таком подчеркивании демократических мотивов совершенно очевидна невозможность самой постановки вопроса о сотрудничестве, тем более, о «слиянии» с коммунистами.

Аналогичная работа по пересмотру идеологического багажа социализма проделывается и во Франции, где рядом с основной ортодоксальной социалистической партией, входящей во II Интернационал (S.F.I.O.) и о которой выше шла речь, существует малочисленная, но интеллектуально сильная социалистическая партия, под названием «Республиканско-социалистический союз» (U.S.R.) В нее входят, главным образом, бывшие члены социалистической партии, не примирившиеся с царящим в последней духом косности и идейной неподвижности.

Течение, представленное Республиканско-социалистическим союзом, близко подходит к рассмотренному только что направлению бельгийского социализма.

В недавней лекции, в «Коллеже социальных знаний» ген. секретарь союза Марсель Деа формулировал пункты расхождения с ортодоксальным марксизмом, который, по его мнению, подходил к социально-экономической структуре общества 19 века, но безнадежно отстал от условий нашего времени.

Вот основные черты концепции Деа. 1) Из марксизма следует взять его **метод анализа** социальных фактов. 2) Концентрация предприятий и капитала не привела к уничтожению средних классов. 3) Государство не является орудием одного класса, оно выражает движущееся соотношение действующих социальных сил.

В плане практической политики Деа призывал осуществить во Франции опыт «à la Ван-Зееланд».

С этими идеологическими попытками можно сопоставить всю **реальную политику** скандинавского социализма, решительно и принципиально отрицающего всякий «контакт» с коммунизмом.

Напомню об одном ярком эпизоде. В Швеции социалистам не хватало **трех** голосов коммунистов, чтобы образовать чисто-социалистическое правительство. Шведская соц.-демократическая партия отвергла коммунистические голоса и составила коалицию с крестьянской партией.

Такая непримиримая тактика по отношению к коммунизму дала блестящие результаты в смысле укрепления демократии и содействовала полному упадку коммунистического влияния. Недавние муниципальные выборы в Норвегии также обнаружили провал, как фашистов, так и коммунистов и большой успех социалистической партии. Сюда нужно также присоединить английскую рабочую партию и трэд-юнионы, раз навсегда отказавшиеся от всяких заигрываний с коммунистами. Можно завоевать доверие рабочего класса, не прибегая к большевистской демагогии и последовательно защищая демократические пути реалистической политики.

И даже в достаточно приверженной к доктринерству группе русских меньшевиков наблюдается отрадное отрезвление. Я имею в виду пространный фельетон Р. Абрамовича в «Социалистическом Вестнике» (№№ 21 и 22); в нем он резко возражает против «пролетарского единства» и во Франции и в Испании («растворение испанского социализма в коммунизме чекистского толка явится сейчас смертельным ударом для испанской республики»). Р. Абрамович иронизирует над резолюцией нелегального с'езда австрийских революционных социалистов, которые стоят за единство, но независимое от Москвы (!), и приводит полезную историческую справку, как печально закончилось слияние независимых социалистов и спартаковцев в Германии в 20 году.

Статья моя растянулась, поэтому ограничусь несколькими замечаниями о так называемом «народном фронте». Сущность его состоит в коалиции трех элементов: коммунистов, социалистов и демократов, которые заключают тактическое соглашение на определенных условиях, на известный срок. Этот временный «брак» по сугубому расчету не получил широкого распространения.

Итак, отличительная черта этой новой политической формации заключается в участии в ней коммунистов. Как смотрят на свою роль в «нар. фронте» сами коммунистические участники?

В этом отношении особенный интерес представляет позиция «рулевого Коминтерна» Димитрова, который в многочисленных статьях и речах формулировал коммунистическое понимание этого нового рецепта спасения демократии. Речь, ведь, идет, говорит он, о «возможном образовании правительства, **накануне и до победы советской революции.** Коммунисты, оставаясь непримиримыми врагами всякого буржуазного правительства и сторонниками советской власти, тем не менее, перед лицом нарастающей фашистской опасности, будут готовы поддержать такое правительство, поскольку оно предоставит свободу деятельности коммунистической партии и рабочему классу. Нам вовсе не безразлично, какой политический режим существует в данной стране: буржуазная диктатура в форме буржуазной демократии (sic !) или буржуазная диктатура в ее открытой фашистской форме». Разве после этих заявлений, сведенных воедино из разных речей, — столь откровенных и чистосердечных, — можно смотреть на коммунистов, как на добросовестных союзников в борьбе за демократию? Они ведь особенно глубоко не прячут за пазухой припасенный ими камень диктатуры по советскому образцу. Эти теоретические рассуждения получили подтверждение, по моему мнению, и **на опыте** практического применения «народного фронта».

Демократию нужно защищать демократическими руками.

К этому элементарному выводу — необходимости искреннего сотрудничества всех демократических сил, независимо от их конечных идеалов, при наличии признания абсолютной ценности демократических методов и принципов — мы должны придти в итоге всего пережитого опыта.

Меньшевик Югов в «Социалистическом Вестнике» отвергает идею коалиции и считает, что «**только внутри рабочего класса** социал-демократия должна искать силы и связывать свои надежды только с его самодеятельным движением». В будущей России эта доктринерская позиция будет отброшена, как вредный анахронизм, и осуществится союз всех демократических элементов — залог здорового свободного развития нашей родины.

Александр Александров.

Д. МЕЙСНЕР

„Герои“ и „халупники“

(ОБ ЭМИГРАНТСКОМ АКТИВИЗМЕ).

КТО — «герои», понятно! Это, конечно, те, кто «не устает» призывать к «активной борьбе», священной ненависти и непримиримости. Это, словом, наши эмигрантские активисты, которые уж сами то никогда не забывают подчеркивать своей героичности и избранности.

Но кто же жалкие «халупники»? («Халупниками» в великую войну называли солдат, стремившихся в момент опасности отсидеться в какой либо «халупе» Д. М.). По удостоверению «героев» (вспоминается одна пражская речь Н. А. Цурикова), к халупникам нужно отнести так называемых «эволюционистов», засыпателей рвов и в первую очередь эрдеков-милюковцев.

Эти презренные люди «героической борьбе» предпочли «анализы», политическую подготовку и.... писание в «Последних Новостях».

По логике «героев» выходит так, что сотрудничество в «Голосе России» и «Возрождении» уже подвиг, а участие в «Последних Новостях» всего лишь «отсиживание» и уклонение от патриотической борьбы.

К этой демагогии не стоило бы возвращаться, не будь событий последнего времени, всего того комплекса зловещих открытий, который последовал за исчезновением ген. Миллера.

Сейчас нельзя снова не говорить об эмигрантском активизме.

Что же случилось? Будем о серьезных политических явлениях говорить серьезно без полемических осложнений.

Наше первое и основное положение: случившееся в стане наших правых активистов не есть, в своей основе, крах людей или даже организаций; то и другое, при всей своей индивидуальной трагичности, еще было бы вполне поправимым, — стоило только почистить и «подтянуть» РОВС и внимательно «перебрать» состав Н.С.Н.П. (нацмальчиков).

Кризис, однако, куда более глубок — это **крах целой системы политических идей.** Этот потерпевший крах строй идей непосредственно вытекает из прежней «белой» идеологии и выросшего из нея активизма.

Таким образом, не «идея» загрязнена **людьми, а люди** стали на опасный путь, ведущий к бессильной политической аморальности и «нечаевщине», благодаря пережившей себя и утратившей жизнетворящую силу идее, которая раньше вела к реальной борьбе и подвигу, а теперь приводит к мрачному эмигрантскому подполью, самонадеянной исключительности и ненавистничеству, не говоря уже о разлагающем душу и здоровое отношение к родине **пораженчестве.** Верно, что и у «нацмальчиков» и в РОВС'е, точнее в его «Внутренней линии» не мало чистых и преданных людей, но верно и другое: дорога в ад вымощена самыми добрыми намерениями и специфический активистский пафос завел этих людей в такой тупик, из которого, чтобы выбраться, нужно иметь не только время, но мужество пересмотреть некоторые основы усвоенного политического мировоззрения.

Сейчас как раз кризис эмигрантского активизма выступил наружу совершенно отчетливо.

В лагере этом идет жестокая междоусобная брань. Одни обрушиваются на ставший знаменитым параграф. 15 в уставе «нацмальчиков», другие клеймят «Внутреннюю линию», третьи нападают на Солоневича, доведшего активизм до уродливого абсурда («бить всех по черепам»). Группы, сдающие сразу две разных колоды политических карт, — в этой неразберихе стремятся и капитал приобрести и невинность соблюсти. Они, верные своей тактике, не отказываются принципиально от активизма, но возражают против активизма... «сомнительного», желая, видимо, отгородить себя от скомпрометированных собратьев по общему оружию политического действия.

Но что такое активизм? На наш слух — это убеждение будто антибольшевистская работа должна преемственно переключиться из фронтовой борьбы в борьбу чисто революционную и даже террористически-революционную, где первое и основное место занимают механические «прямые удары».

Вот это то понимание задач политической эмиграции и оказалось не только явно бесплодным, но и прямо вредным.

Бесплодность «прямых ударов» из эмиграции, и несмотря на все произведенные опыты и попытки, прежде всего **очевидный факт. Ничего не вышло.** Но почему ничего не вышло? Ответ нам кажется ясным: никакая «революция» из-за-границы сама по себе **невозможна.** Без связи органической и постоянной с тамошними активистами, активисты эмигрантские ничего положительного сделать не могли и не смогут. **Связи же этой нет.**

Почему нет этой связи? Возможны два ответа: 1) в сегодняшней России нет соответствующей революционной или хотя бы **предреволюционной** ситуации. Нет внутреннего активизма вообще. 2) внутренний активизм имеется. Борьба революционного типа идет, но здешний активизм фатально не может попасть в ногу с активизмом тамошним.

Который ответ правилен? Решение вопроса о

том, имеется ли в Росси революционная ситуация и на поверхности ее активистские вспышки — **достаточно сложно.** Бесспорно одно: на верхах «нового отбора» идет схватка горячая, диктатор уничтожает весь «первый призыв» революционного отбора и значительную часть «второго призыва». Происходящий процесс не укладывается в революционную или активистскую терминологию, но имеет с ней точки совпадения.

Легче ответить, и ответить положительно на второй вопрос дилеммы. Здешний активизм может быть только чуждым и враждебным активизму тамошнему и **мешать ему.** Связи между двумя активизмами, одним бесспорным, здесь нами наблюдаемым, другим тамошним — предполагаемым, нет и не может быть, т. к. здешний правый активизм безнадежно устарел. Он опоздал на целых 18 лет. Почему он устарел и опоздал?

Потому, что непосредственно связан с идеологией эпохи гражданской войны. То, что было живым и актуальным **тогда,** мертво, и, в подлинном смысле, контр-революционно **теперь.** Связанность со старой идеологией сама по себе не может не стать препятствием для связи с новой Россией, в частности и в первую очередь для связи с тамошним активизмом. Тамошний активизм слагается на почве революции, на ней основан и ею от начала до конца пропитан. Активизм здешний живет обрывками прошлого, искажая к тому же это прошлое и безнадежно его компрометируя. Жалко и смешно видеть, как доблестные и заслуженные военначальники тщетно стремятся претвориться в революционных вождей, подавая свой «сигнал».

Уважеие к прошлому, кстати, **общему** почти всей эмиграции, подсказывает один разумный выход: на прошлых методах антибольшевистской борьбы должна быть поставлена точка.

От вопроса о бессилии правого эмигрантского активизма перейдем к другому: об его вредности. Вреден он в первую очередь тем, что ставит явно порочные и неосуществимые задания. Испанские замки «прямого революционного действия» подменяют то единственное здание, которое может и обязана принять на себя неприемлющая советского строя политическая эмиграция: задание вполне реальное, — это общественное и политическое самообразование (а сколько среди здешних русских подлинно дремучего невежества), это изучение и проникновение в сущность новой России, это, наконец, политическая организованность на программе возможного при нашей оторванности приближения не к старой дореволюционной России, а к России пореволюционной, по новому, совершенно по новому сложившейся.

Испанские замки, как всегда, при первом соприкосновении с действительностью рушатся и под их обломками оказываются погребенными горячие чувства и разбитые надежды. А долгое кипение политических страстей, при постоянной невозможности дать страсти обещанный естественный выход, приводит наших активистов к тому психологическому состоянию, в котором и культивируется отравленная атмосфера, вскрытая делом Миллера-Скоблина.

Вот он старый спор «халупников» и «героев». Время дало на него слишком ясный и недвусмысленный ответ. Помню одно бурное многолюдное пражское эмигрантское собрание, когда П. Н. Милюков, отвечая яростно нападавшим оппонентам, сказал: «не знаю **когда** и **как** вы вернетесь домой, но я знаю, как вы **не вернетесь»...** Далее следовало изложение традиционных представлений правой эмиграции. Сейчас уже мало кто сохранил прежнюю детскую веру в весенние походы. Но психология осталась и эмигрантский активизм лишь вариант старых установок.

«Герои» не свергли и не свергнут большевиков. Большевики цитируют их пораженческую лирику, чтобы лишний раз восстановить против эмиграции своих колеблющихся и «сомневающихся», а несчастных (числом, правда, очень и очень немногих), посылаемых на «действие» **туда,** неукоснительно отправляют на плаху. Почему так получается, в свете теперешних разоблачений и эпизода с Скоблиным, распространяться не приходится.

Молодежь же 3-ьяго поколения, пошедшая за активистскими призывами, приведена... к § 15 и, вероятно, переживает тяжелую драму.

Ну а «халупники»? В чем их актив? Они сразу же поставили себе ограниченную задачу и в ее пределах ведут свою работу. Не стремясь к поискам, «взлетам» они не знают и тяжелых политических «падений». Их служение родине исходит прежде всего из их веры в эту родину и ставки на нее. Свою роль они расценивали и расценивают, как подсобную и подчиненную (хорошая формулировка в недавнем докладе уважаемого ген. А. И. Деникина: не командовать, а служить).

События в России с совершенной очевидностью показывают приближение конца большевистского периода русской революции, не будем забегать вперед и утверждать, что конец этот уже наступил. Каждое очередное полугодие может принести решительные перемены. Та часть эмиграции, которая не уснула в долгом ожидании и которая вместе с тем, не предалась активистским иллюзиям, будет считать свой долг выполненным, если сумеет воссоединиться с родиной так, чтобы быть этой родине с в о е й, быть политически ей полезной. Работа «халупников» и направлена — к этой цели. Работа эта большая; 18 лет разрыва надо преодолеть знанием, пониманием, любовью и товарищеской политической организованностью.

Д. Мейснер.

Б. СПЕРАНСКИЙ.

Герцен, как политический мыслитель

Сто двадцать пять лет, истекших со дня рождения А. И. Герцена, вызвали живые и обильные отклики везде, где звучит русское слово, как свободное, так и приглушенное. Однако о великом нашем трибуне можно и должно вспоминать и без всяких юбилейных поводов и без всяких календарных указаний. Богатейшее идейное наследие Герцена связано бесчисленными и неразрывными нитями с передовым демократическим правосознанием наших дней. Курьезно, что на бессмертных творениях Герцена порою пытаются найти себе опору и оправдание самые лютые враги демократии и справа и слева. Эта лукавая диалектика обречена на неминуемую логическую неудачу. Противникам полноценной личной свободы и сторонникам безответственной политической опеки нигде и ни в чем нет с Герценом общего пути. Сталинский социализм в такой же мере похож на социализм герценовский, как уголь на алмаз, или созвездие Пса на лающее животное. С другой стороны никакими хитросплетенными софизмами нельзя доказать идейное сродство Герцена с теми запоздалыми романтиками правоверного единовластия, которые еще не отказались от мысли устроить подновленное самодержавие земное по образцу и подобию самодержавия небесного. Непримиримый и стойкий радикал в отношении политическом, непокладливый и мужественный скептик в отношении религиозно-философском Герцен еще в молодости резко и четко отмежевал себя и от самых либеральных наших славянофилов. Можно смело сказать, что знаменитый публицист отрекся бы и теперь от таких самозванных идейных внуков, становящихся сегодня и под белое и под красное знамя. Более того его, могучий дальновидный ум предвосхитил и осудил сатирически все возможные переодевания и извращения дорогих ему идей народоправства.

Как известно бурная кипучая жизнь Герцена вполне соответствует его идейным исканиям. Миросозерцание его не ледяная статика догматической неподвижности, а огненная динамика неустанного полета—живой трепетный процесс. Исполинское литературное зодчество Герцена до сих пор волнует и подкупает читателя своим задушевным и страстным драматизмом. Лучшее творение Герцена — его жизнь. Эту жизнь не праздного дилетанта, а проникновенного и памятливого мыслителя, он сумел рассказать так искренно, так художественно и так беспристрастно, как никто. На пламенных лирических страницах его автобиографии, порою беспощадно-покаянных, целиком раскрывается его политическая философия. Будучи одним из самых образованных людей своего времени, Герцен критически воспринял в свое самостоятельное миросозерцание самые прогрессивные течения, провозглашенные молодым еще тогда XIX веком. От предреволюционной французской философии он унаследовал веру в непререкаемую верховную ценность человека, человека живого, мыслящего и страдающего. Человек для него стал продолжением природы, отличающимся сознанием и разумом. Это именно и делает человека в глазах Герцена средоточием всего мирового процесса и это же предопределяет его в созерцательно-исторической части вселенского целого к самозаконному поведению и свободной творческой деятельности. История делается волею и напряжением личности, а не сама собой и не по непреложным законам — божественной ли силы или слепой стихийной силы природной, так как только с сознания, только с личной нравственной свободы начинается история. В человеке мир познает себя и, чтобы познать мир, нужно познать человека. Еще в молодости Герцен бесповоротно отрешился от идеи личного человекообразного бога, осуществляющего в мире единый предначертанный план. Мир не был создан раз навсегда. Мир непрестанно творится и, вместе с ним творятся его законы. Таковы краеугольные основы герценовской философской космологии, тесно связанной всегда с его общественным миросозерцанием.

Под явным влиянием Гегеля, характернейшую «Феноменологию» которого Герцен с большим увлечением изучил еще в молодости, произошел у будущего знаменитого писателя, разрыв навсегда с традиционным истолкованием связи духа и материи. Поскольку дух всегда и везде проникает материю, и все в более чистых утонченных формах воплощается на восходящих видах материи, то нет ничего страшного в отрицании вековых богословских самообольщений — существования личного Бога, бессмертия личной души, предопределения праведников к райскому блаженству, а грешников к адским мукам. Германская идеалистическая философия воспитала критическую мысль Герцена и оградила его на всю жизнь от соблазнов как филаретова катехизиса, так и псевдонаучного вольнодумства. Позитивный элемент учения Канта целиком воспринимается Герценом: для нас ничего кроме явлений не существует, но все, что мы находим в явлениях, вкладывается в них организующей силой нашего разума по присущим ему собственным законам. Мысль и предмет — не два разных предмета, а два момента чего то единого и нераздельного. Материализм — самая наивная и самая произвольная из возможных метафизик. Материализм, подобно всем тиранам, окружен трупами — он мертвенен в

*) Извлечение из доклада, прочитанного в РДО.

своем убогом логическом существе и не может быть поэтому движущим началом подлинного политического обновления. Однако и материализм бывал относительно прав, когда грубо и бесцеремонно напоминал высокомерным аристократам духа и кабинетным мечтателям о тех голодных и оборванных людях, которым некогда подумать о высочайших идеях, потому что попросту есть нечего. Мысль, по убеждениям Герцена, должна принять плоть, сойти на торжище жизни, раскрыться со всею роскошью и красотою временного бытия, без которого нет животрепещущего, страстного, увлекательного деяния. Философия должна спуститься с неба на землю и стать в прозаической и трагикомической сутолоке жизни действенной и деловой мудростью. Оттого, что наука «выше жизни», оттого ее область отвлеченна, ее полнота не полна, ее освобождающая власть не всегда победоносна. Вся духовная культура человечества должна и может иметь насущную практическую цель — снять с человека все давние путы всяческого рабства, сделать человека вполне человеком. Отрицая последовательно дуализм духа и материи, Герцен неуклонно проповедывал необходимость неразрывного единства и творческого гармонического единодействия для духовного и материального элементов исторического процесса. Только при этом условии достигается очеловечение природы и очеловечение истории. Так на грани между природой и историей человек очеловечивает самое природу (так как вообще человеческое есть апофеоз естественного), очеловечивает **завершая** природу собою. Так достигает оправдания история по существу человеческая, ибо то, что не очеловечилось, не может вступить в историю — будучи тем не менее ее началом, сознательным, разумным и самобытным. История и вся действительность социальной жизни делаются разумными через нравственно-разумное и свободное деяние **личности**.

Мы подошли к святая святых общественной философии Герцена, к ее огненному центру — к его глубокомысленному учению о личности. Сен-симонизм, оказавший на Герцена, как политического мыслителя, могучее и неизгладимое влияние, красноречиво отстаивал права индивидуальности, как пароль и лозунг всякого прогрессивного общественного делания. Восприняв в свое морально-политическое жизнепонимание не только основные предпосылки, но и некоторые характерные термины сен-симонизма, Герцен оказался, как всегда, совершенно чужд какого-либо ученического подобострастия и пошел гораздо далее своих французских вдохновителей. Человек, в его глазах, создан, чтобы мыслить и любить. Человек должен дорасти, доразвиться до мира ценностей верховных и всеобщих. Человек призван не только в мир бесстрастных и отвлеченных силлогизмов — он призван в мир социально-исторический, нравственно свободный и положительно-деятельный. Люди эгоисты, потому, что они лица, и нельзя быть самим собой без ясного и целостного сознания своей личности. Мы — эгоисты и потому жаждем любви, потому добиваемся признания наших прав . . . Может быть эгоизм высокий и может быть любовь низменная. Любовь ограниченного дикаря — эгоизм близорукий и неразборчивый. В свою очередь эгоизм мыслящего и развитого человека, достойного своего имени, есть эгоизм просветленный и облагороженный, эгоизм чуткий и дальновидный, совпадающий с любовью. Вырвать у человека из груди его эгоизм, значит вырвать живое начало, его закваску, соль его личности. К счастью это и невозможно. Как эгоизм так и общественность (братство, любовь) не суть ни добродетели, ни пороки. Это — основные стихии жизни человеческой, без которых не было бы ни истории, ни развития. Таким образом не эгоизм определяет собою нравственное достоинство человека, а наоборот нравственное достоинство человека определяет ценность его эгоизма. С человеком, который честь ставит выше жизни, который добровольно идет на смерть, ничего поделать нельзя: он неисправимо человек.

Если так, то существует ли формальное четкое мерило для разграничения хорошего и дурного эгоизма? Можно ли найти такое целебное спасительное средство, которое обезвредило бы в социальном отношении себялюбие своекорыстное и центробежное и установило бы прочное принудительное равновесие бесчисленных своевольных людских тяготений? История философии права свидетельствует, что мудрецы разных эпох и разных народов всего охотнее выдвигали в качестве такого средства и такого мерила **справедливость**, особенно справедливость общедоступную и общеобязательную. В наши дни ученые сторонники такой чудотворной in spe справедливости настаивают даже на «ориентировке этики в юриспруденции», т. е. на выведении основных заповедей нравственного долженствования из простейших правоотношений. Герцен — решительный и страстный противник подобной философии права. Бог справедливости для него бог холодный и бесчеловечный, бог равновесия, тишины, покоя, бог браминов, ищущих потерять все личное и раствориться, опочить в мире ничтожества. Справедливость есть свойство безличное, бесцветное и безразличное. Справедливый человек ничего особенно не любит и не ненавидит. Личность свободная и самозаконная не может любить безличное, безымянное и хотеть безличного. Справедливость способна быть судьей только пока не соприкоснется с живым страдающим человеком, хотя бы заблудшим и виновным — тогда она становится бессильной и ненужной, отталкивающей и отпугивающей своим черствым формализмом. В справедливости, неумолимо взвешивающей и подсчитывающей, Герцен не признает живительной и надежной благодати. Любовь и дружба для него неизмеримо ценнее справедливости. Право и правосознание потому и являются худ-

шей нравственностью, ее условной и хрупкой заменой, ее порой подделкой, что они строятся на бездушном и казенном формализме. Право естественное, «интуитивное» выше и мудрее права противоестественного, но зато «положительного» и официально-законного.

Не правом и не справедливостью творятся в человеческой общественности истинно-светлые и достойные бессмертия дела. Свобода личности — величайшее и святейшее благо. На ней и только на ней может вырасти и прочно окрепнуть действительная воля народа. Быть человеком в человеческом обществе предписывает не религиозный закон, переменчивый и часто превратный, не начальственный указ и не зов «справедливости», отвлеченной и беспощадной, а голос непринужденного сердца, говорящего внятно и понятно. Быть человеком в истинно-человеческом обществе не тяжелая обязанность, не докучная повинность, а развитие внутренней потребности, здоровой и неодолимой. Не ради грядущего рая небесного или даже грядущего рая земного, а только ради уважения к своему вольному человеческому достоинству мы можем и должны быть неизъемлемой сквозной нитью в громадной узорчатой ткани общественного делания. Мы должны быть активными и героическими гражданами не для будущих поколений, а теперь и сейчас для самих себя. Начинать дело общественного раскрепощения и оздоровления нужно с отдельной личности. «Прежде чем освобождать других не начать-ли нам с того, чтобы освободить себя» — эти вещие слова Герцена особенно любил и часто повторял Толстой, всегда его высоко почитавший.

Без нелицемерного уважения к человеческой личности, без полной и для всех равной гражданской свободы, по убеждению Герцена, нет подлинной демократии, а только через такую честную и серьезную демократию лежит путь к социализму. Всякое подчинение личности обществу, народу, человечеству, идее, есть, в его глазах, продолжение человеческих жертвоприношений, заклание агнца для умилостивления Бога, распятия невинного за виновных. В себе самом человек должен благоговейно чтить свою свободу и чтить ее не менее, чем в ближних, не менее, чем в целом народе. Осуществление своего высокого республиканского идеала Герцену не посчастливилось увидеть в современной ему действительности. Даже Швейцария, давшая ему, как изгнаннику, формальный приписной приют, не представлялась ему достойной подражания демократией. Само собой разумеется, что Герцен громил и пригвождал к позорному столбу не идею демократии, всегда для него дорогую и священную, а ее недостойное осуществление. Он убийственно высмеял то покоелюбивое и трусливое мещанство, которое при всех политических переодеваниях и переименованиях сохраняет свою рабскую алчную душу, несовместимую ни с какой добросовестной демократией. Он даже саркастически изобразил то идолопоклонство перед правыми и левыми демагогами, которое три четверти века спустя приняло такие больные и уродливые формы в державах Сталина, Гитлера и Муссолини и которое он считал самым злокачественным рецидивом добровольного рабства.

Совершенно напрасно наши реакционеры пытаются искусным подбором отдельных герценовских фраз превратить его в разочарованного и ожесточенного врага демократии. Знаменитый русский трибун был писателем настолько же прямодушным и недвусмысленным, насколько стойким и честным. В силу этих счастливых особенностей Герцена подобные кривотолки и подтасовки не могут исказить или затемнить его идейного облика. С другой стороны не менее напрасно современные властители России воздают Герцену печатную и медную хвалу, называют его именем улицы и «коммунистические» заведения. Никто с такой пророческой меткостью, с таким сверхчеловеческим ясновидением не предугадал аракчеевского социализма на нашей родине, как именно Герцен. Социализм, который хотел бы обойтись без политической свободы, без равноправия, быстро выродился бы в самодержавный коммунизм. Социальное развитие возможно только при полной республиканской свободе, при полном демократическом равенстве . . . Подражанием Петру I социальный переворот далее каторжного равенства и коммунистической барщины не пойдет.

Так говорил Герцен. По изречению библейскому Соломона, слова мудрых вбиваются, как алмазные гвозди. Аминь.

В. Сперанский.

Речь б. члена Гос. Думы Н. Н. Николаева по радіо

Наш сотрудник и единомышленник Н. Н. Николаев в конце октября 1937 г. выступил в Нью-Иорке с речью по радио, в ко'рой он, после сжатаго очерка событий в России, приведших к кровавому самодержавию Сталина, предостерегал американцев от повторения «русского опыта» и призывал всех демократов к энергичной борьбе с реакционными разрушительными силами фашизма и коммунизма.

А. А. ДМИТРИЕВ

Из беженцев — в эмигранты

(Письмо из Монбелиара)

Эмигрантом обычно называется человек, покинувший свою страну из-за побуждений идеологического или материального характера. История Великой Французской революции дала пример массовой политической эмиграции, а история США — пример эмиграции, образовавшейся в силу стремления создать лучшие материальные условия существования. Мы видели, как в результате гражданской войны многие русские покинули свою страну, но нельзя всех их назвать эмигрантами в полном значении этого слова. Более подходящим для них является слово «беженцы» (как они и сами себя называли в первые годы своего пребывания заграницей). На самом деле выезд беженцев из России был вызван не тем, что их политические взгляды шли в разрез с коммунистическими: никакой своей идеологии беженцы не имели; вместе с тем — никогда эти беженцы не стремились уехать заграницу (подобно хотя бы выходцам из Англии, положившим основание США) для создания лучшей жизни, в материальном отношении: беженцы убежали из России, чтобы спасти свои жизни — вот главный побудитель оставления ими своей родины.

Эта беженская масса вышла из среды российских обывателей. Рядовой обыватель принял пассивно революцию 1917 года; беспокойство зародилось в нем гораздо позже — когда он увидел, что над его благополучием нависла угроза со стороны мероприятий советской власти. В плоскости политической обыватель не мог бороться против большевиков: он был совершенно безоружен политически, он мог бороться только физически. Как мы знаем, результат этой борьбы был для обывателя плачевным.

Очутившись заграницей, обывательская масса разделилась: часть ее пожелала вернуться на родину, примирившись с советской властью. Это примирение для многих произошло без какой либо внутренней борьбы. Русское «авось» пришло на помощь: «авось удастся устроиться при большевиках».

Другая часть обывателей решила ждать скорого возвращения в Россию: ее сознание не могло ни усвоить, ни примириться со своим поражением и изгнанием. Эти беженцы отчасти машинально, отчасти сознательно остались в воинских частях: воинские части должны были, по их представлению, в'ехать в освобожденную Россию раньше штатских беженцев.

Однако годы шли, а ожидаемых интервенций и всенародного восстания в России не было: потеряв веру в наивные пророчества своего начальства, беженцы стали покидать воинские организации. Некоторая часть их, наиболее разочаровавшаяся в своих вождях, обратилась к созданию своего личного благополучия в трудных условиях заграничной жизни. Другая часть беженцев, предоставленная сама себе со своими горестными думами, начала искать об'яснений смысла того исторического процесса, которого она была свидетельницей и в котором приняла посильное участие. Наиболее элементарные об'яснения были и наиболее приемлемыми. Затянувшееся пребывание заграницей, думы и разговоры о все тех же наболевших вопросах и, главное, жизненный опыт (не чужой, а свой собственный, «благоприобретенный») помогли беженцу стать на путь, который обещал привести его к скорейшему исходу. Он стал искать организации, сулившие активную борьбу. Но активизм беженских организаций вызвал у ген. Деникина горькую оценку: «при более конкретном понимании, активизм имеет два лика: те, которые делают, молчат; те, которые ничего не делают — кричат; и чем больше кричат, тем они большие активисты» (речь в Праге в 1934 году). Наибольшим успехом у беженцев пользовались организации, громко кричавшие об активной борьбе и взывавшие к чувству ненависти к советской власти. Недавно довелось мне слышать доклад об идейных основах «активистской» организации, в котором лектор усиленно убеждал аудиторию о воспитании в себе чувства ненависти и даже святой ненависти, как основы борьбы за новую Россию. Характерно, что лектор ни разу не упомянул о воспитании в себе любви к России.

Большевики воспользовались этой смертной охотой беженца к активной борьбе и его большой ненавистью, легко поддающейся на приманку громких фраз: всем памятен скандал, когда обнаружилось, что во главе одной анти-большевистской организации оказались ГПУ, не случайно и большевистская провокация свила себе гнездо около псевдоактивного РОВС;а, как это выяснилось в связи с трагическим похищением ген. Е. К. Миллера.

Мало по малу беженец сознал, что бороться с большевиками надо и в области идеологической. Соответственно с появлением этого сознания — проявился и интерес к темам, к которым беженец до того времени относился пренебрежительно и знакомство с каковыми необходимо для всякого, стремящегося понимать ход государственной жизни страны, выявился интерес к жизни России. В результате этого изучения, беженец стал вырабатывать свой взгляд на необходимость некоего государственного устройства. Мы видим ныне, как прежний обыватель, гордившийся своей аполитичностью, своим равнодушием к политическим вопросам, перерождается и вместе с тем приобретает право на замену слова «беженец» словом «эмигрант».

А. Дмитриев.

«НАША МАЛЕНЬКАЯ ЖИЗНЬ»

(Письмо из Бельфора)

События, глубоко волнующие русских парижан, у нас — в провинции — не вызывают того же интереса и того же подхода к ним, как в Париже. Примером тому—события последних месяцев: похищение ген. Миллера, разоблачения о «Внутренней линии» и о пресловутой 15-ой главе курса обще-технической подготовки НТСНП.

Ни для кого в Бельфоре не было секретом ни внутренняя и давняя борьба в РОВС-е, ни стремление некоторых членов РОВС;а завладеть местным отделом НТСНП. Все это относили за счет самолюбий некоторых лиц. Раскрытие «внутренней линии» дало другое истинное объяснение. Борьба внутри РОВС;а кончилась уходом части членов (решивших образовать что то вроде РОВС-а в исправленном издании). Кажется, во всех отделах РОВС-а во Франции идут подобные разделения и выделения.

Опубликование 15-ой главы не смутило местных «нацмальчиков». При всей своей чудовищности глава 15-ая не удивила местного рядового обывателя по двум причинам: во-первых, — никто всерьез не принимал этого движения (откуда и пренебрежительно-добродушное прозвище — «нацмальчики»), а во вторых, — глава 15-ая не открыла много нового в деятельности НТСНП. Только всем известным фактам, как напр. распусканию ложных слухов и т. п. пришлось дать другое объяснение: до ее опубликования — все это относили к низкой степени умственного и морального развития того или другого «нацмальчика».

Недавно «нацмальчики» устроили в Сошо открытое собрание, на котором после доклада присутствующим предлагалось ставить вопросы (возражения на докладах НТНСП не допускаются; разрешается лишь ставить вопросы, на которые не всегда можно дождаться ответа). Все задававшиеся вопросы сводились к одному: какова позиция НТСНП в случае объявления Японией войны России? где выступит НТСНП? Докладчик всячески уклонялся от прямого ответа, и спрашивавшие всячески стремились получить определенный ответ. Победителем остался докладчик: он не сказал ни да, ни нет. Один из спрашивавших заявил, что некоторые члены НТСНП не скрывают своих пораженческих настроений, — но только в частных беседах. (Кстати шанхайские «нацмальчики» открыто — на собраниях — говорят о своем пораженчестве). Странным является поведение парижского докладчика, не пожелавшего публично присоединиться к своим шанхайским и бельфорским единомышленникам по вопросу об изъявлении любви к Японии. В отношении РОВС;а докладчик любезно расшаркнулся, отозвавшись о РОВС;е, как о «нашем старшем брате». Интересно сопоставить это заявление с приказами по РОВС;у и заключениями Особой комиссии ген. Эрдели («решительно осуждая белградский центр НТСНП... чинам 1-го отдела РОВС;а запрещается состоять в НТСНП и в комитете содействия этому союзу... и т. д.) Видимо, «старший брат» не питает особо родственных чувств к «младшему брату».

В своей совокупности похищение ген. Миллера, «Внутренняя линия» и 15-ая глава нанесли новый удар как РОВС-у, так и НТСНП, дискредитировав окончательно наших ура-активистов».

Бельфорец.

Доклады и собрания

24 июня 1937 года. — Доклад **Н. П. Вакара** на совместном заседании р.-д. группы партии Народной Свободы и РДО — «Крайняя левая во Франции».

26 июня — Годичное общее собрание членов РДО.

6 июля — Доклад **Д. И. Мейснера** — «Сов. действительность и эмиграция».

9 июля — Торжественное заседание памяти **П. П. Гронского.**

17 июля — Доклад **Д. И. Мейснера** в Бельфоре.

20 июля — Разбор № 8 «Нашего Слова».

22 октября — Доклад **А. П. Маркова** — «Современное положение в СССР».

26 октября — Торжественное собрание памяти Т. Г. Масарика.

2 ноября — Доклад **Т. М. Якушева** — «Русская школа при советской власти».

9 ноября — Окончание доклада **Т. М. Якушева.**

20 ноября — Собеседование на тему «Демократия в борьбе с диктатурами» — вступительное слово **В. В. Попова.**

7 декабря — Продолжение собеседования — вступительное слово **А. А. Александрова.**

10 января — Доклад **А. М.** и **Е. М. Кулишер** — «Из истории гражданской войны».

13 января — Окончание доклада **А. М. и Е. М. Кулишер.**

8 февраля — Собеседование о внутреннем положении в СССР — вступительное слово **В. В. Попова**.

8 марта — Доклад **Г. С. Куртилина** — «Проблема мирового хозяйства и доклад ван-Зееланда».

12 марта — Доклад **А. А. Дмитриева** в Бельфоре — «Дальневосточный вопрос».

Le Gérant : V. Kosmentzoff Impr. d'Art, 77, rue Mouton-Duvernet, Paris XIV.

СОДЕРЖАНИЕ ПРЕДЫДУЩИХ №№ «НАШЕГО СЛОВА»:

БИБЛИОТЕКА - ЧИТАЛЬНЯ РДО
открыта по субб. и вторн. от 8.30 ч. до 11 ч. в.
78, rue Lourmel — Métro Beaugrenelle

Заказную корреспонденцию по делам РДО и журнала «Наше Слово» просим адресовать Секретарю РДО **А. А. Александрову**
253, rue Lecourbe, Paris (15)

Денежную корреспонденцию и членские взносы Казначею РДО **В. В. Попову**
35, rue Jacob, Paris (6)